

A person's hands are shown holding a highly ornate, dark-colored crown with intricate gold and blue patterns. The crown is held above a dark, shadowed head, suggesting a person about to be crowned. The background is black.

Артем Тарасов

Миллионер

A close-up portrait of a middle-aged man with short, graying hair, looking directly at the camera with a neutral expression. He is wearing a dark jacket.

Исповедь
первого капиталиста новой России

Артем Тарасов **Миллионер**

**Артем
Тарасов**

Миллионер

Москва
ВАГРИУС
2004

УДК 882-92

ББК 84Р7

Т 19

Охраняется законом РФ об авторском праве

ISBN 5-475-00077-8

© А. Тарасов, автор, 2004

© К. Гуреев, оформление, 2004

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках необычную по жанру книгу. Это не автобиография и не мемуары, не авантюрный роман и не утопическое сочинение о благополучной и благословенной стране Русляндии, хотя характерные черты по определению несовместимых жанров вполне органично сочетаются в этом удивительном произведении.

Однако оставим размышления о жанре озадаченным литературоведам...

Прежде всего исповедь первого легального советского миллионера — замечательный ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ документ. Судьбе было угодно, чтобы ее автор и герой прожил, по его собственному ощущению, целых шесть жизней. «Первая, самая длинная, — пишет Артем Тарасов, — но отнюдь не самая насыщенная, продолжалась с моего рождения до 1987 года. Она называлась “Винтик в коммунистическом аппарате своего Отечества”. Вторая — с мая 1987 года по февраль 1991-го, самая бурная и драматическая, начало свободной рыночной экономики в СССР — “Глоток несбыточных надежд”. Третья — эмиграция, с марта 1991 года по декабрь 1993-го, — “Ностальгический синдром”. Четвертая жизнь в новой России — с января 1994 по ноябрь 1996-го — “Возвращение на чужую Родину”. Пятая — с ноября 1996 по май 2000-го опять из России в Лондон под названием “Из мнимого капитализма в настоящий”. И, наконец, шестая — еще одна попытка вернуться домой — “В поисках точки опоры”».

В этих жизнях было все: высокие взлеты и опасные падения; популярность и благосостояние, как в калейдоскопе, сменялись преследованиями и угрозами неминуемой смерти. Артему Тарасову было суждено познать бескорыстную дружбу и бесстыдное предательство.

Но, несмотря на все превратности судьбы, этот человек никогда не сдавался и в конце концов выстоял. О том, что с ним происходило, Артем Тарасов повествует со спокойным мужеством и чувством собственного достоинства, которые он сохранял в самых критических ситуациях.

Мы предвидим, что нелюбезные оценки отдельных личностей и почти фантастические теории, содержащиеся в данном произведении, вызовут горячие споры.

А что в этом плохого?

Даже среди сотрудников издательства у этой книги есть сторонники и противники.

Но мы убеждены в том, что свободный человек в свободной стране имеет право высказать свое мнение свободно, вовсе не ожидая всеобщего одобрения.

ПРОЛОГ

В Троицком соборе Свято-Данилова монастыря заканчивались приготовления к освящению. Напротив алтаря установили специальный постамент, накрытый кружевной белой скатертью. Справа и слева на кафедрах укрепили прожектора по требованию телевизионщиков. Им разрешили снимать прямо в процессе церемонии, что в Троицком соборе случается нечасто. Внутрь пока не пускали. Перед дверями собора росла толпа приглашенных и просто любопытствующих.

Когда начнется церемония, корону вынесут из алтаря. Следом выйдет наместник Свято-Данилова монастыря отец Алексей в нарядной белой рясе, расшитой золотом и камнями.

Реликвию на голубой бархатной подушке положат на постамент, и иеромонахи встанут по обе стороны. Церковный хор запоет здравицу, а наместник прочтет молитву и окропит корону святой водой. Потом трижды обойдет вокруг нее с кадилом в руке, и запах ладана распространится повсюду.

— Освящается корона дома Романовых...

Какие-то телеканалы захотели взять у меня интервью прямо здесь, в соборе, сразу после церемонии. Не знаю, позволительно ли подобное было делать в святом месте. Я заговорил шепотом:

— Это замечательное событие. В Россию возвратилась малая корона дома Романовых, которая более ста лет находилась в Англии. С благословения его Святейшества Патриарха всея Руси Алексия II здесь произошло ее освящение. Это надо было сделать, чтобы вернуть короне чистоту и вернуть ее в православие. Нужно было освободить ее от всякой скверны и злобы, накопившейся за сто лет. Нужно было очистить ее информационное пространство.

— Скажите, а что вы собираетесь делать дальше?

— Каких-то конкретных планов у меня нет. Мне вообще кажется, что не я, а сама корона планирует мое дальнейшее поведение. Не удивляйтесь моим словам. В ней заключена огромная сила. Такое у меня ощущение...

— Но все же хотя бы в общем плане вы можете рассказать о будущих действиях?

— Ну, для начала ее надо оценить. Надеюсь, что Гохран России мне в этом не откажет. Буду молиться, чтобы оценка была как можно ниже. А что тут удивительного? Я в Лондоне получил согласие маркизы на то, что она продаст реликвию за цену, установленную российскими экспертами. Чем ниже будет цена, тем более вероятно собрать деньги для ее покупки.

— Как вы думаете, сколько она стоит?

— Я думаю, что для России корона бесценна. Она часть самой России. А в Англии как за ювелирное украшение ее стоимость определили в семь с половиной миллионов долларов.

— И вы реально надеетесь собрать такие деньги?

Этот вопрос многократно задавали уже несколько дней подряд. Он ставил меня в тупик. Я понятия не имел, как смогу набрать нужную сумму денег в течение двух месяцев, именно на такой срок мне было позволено по контракту везти корону в Россию. Куда и к кому обращаться? К обычным людям, у которых и без того масса финансовых проблем? К олигархам? Но они никогда не взаимодействуют. Найдется ли хоть один из них, кто выложит столько миллионов за корону? Очень сомнительно, тем более после того, как власть стала их трясти... Да и вообще настоящая благотворительность как потребность человека исчезла в России после революции.

— Вы собираетесь обращаться к олигархам или к правительству России?

— Конечно, самым правильным было бы выкупить корону на деньги Российского государства и сдать ее в Алмазный фонд Кремля. Но пока таких предложений я не получал.

Сначала мы думали всю сумму разбить на лоты и скинуться всем вместе, например, собрать по десять тысяч долларов с восьми сотен предприятий и банков. Мы разослали более двух тысяч писем по предприятиям, но никто не ответил! Ни один банк или нефтяная компания! Это Россия. Здесь никому нет дела до собственной истории, если надо платить.

А обращаться к разным олигархам — бесполезно. Если только кто-то из них сам меня не найдет...

Речь идет не просто о Малой короне дома Романовых. Ее огромная историческая ценность для России заключается в том, что именно эта корона стала символом примирения двух великих фамилий — Романовых и Пушкиных. Влюбившись во внуку А.С. Пушкина — Софью, великий князь Михаил Михайлович Романов специально заказал ее для своей возлюбленной к свадьбе.

Он женился на Софье вопреки воле императора Александра III и был изгнан из России за этот поступок.

— Я никогда не вернусь в Россию, — сказала Софья в сердцах, узнав, что их брак объявлен Александром III действительным. — Я не вернусь, но эта корона возвратится!

Они поехали в Англию, где были приняты королевой Викторией, бывшей в родстве с великим князем Михаилом Михайловичем Романовым. Осуждая поступок императора Александра III, королева даровала титул графини де Торби жене Михаила Михайловича Софье. И действительно, ни Михаил Михайлович, ни Софья так и не вернулись в Россию...

— Давайте продолжим беседу в другом месте. Мне неловко разговаривать в церкви, — сказал я журналистам.

— Что вы будете делать, если не соберете достаточного количества денег для оплаты короны?

— Тогда корона возвратится в Англию, и уже навсегда. Маркиза Милфорд Хэвен, ее владелица, позволит разобрать ее на части и продать с аукциона. Ведь эта корона так и сделана — разборной. Она единственное в мире подобное украшение — работа знаменитого придворного ювелира Карла Болина. Корона разбирается на восемь частей: серьги, бро-

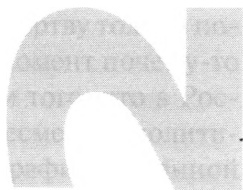
ши, заколки, браслет, кольцо и прочее. Все части будут проданы отдельно. Вам не жалко?

Тележурналисты отчего-то засмеялись. А мне действительно было бы очень жаль, если бы с аукциона по частям продали целую страницу истории России. Это прибавит зла в мире.

— Ну и самый последний вопрос: зачем вы привезли корону в Россию?

— По велению своей души...

НЕ УБИВАЙ

Глава 1

В МОЕЙ СМЕРТИ ПРОШУ ВИНИТЬ МОЮ ЖИЗНЬ

...В тот день вместе с Пичугой приехали еще несколько воров в законе — скорее всего, грузин. У них была четкая задача: вытрясти из меня миллионы, обещанные Асланом Дидиговым, или по крайней мере взять меня в рабство.

С обеих сторон собралась целая армия — человек по тридцать—сорок. Клуб Володи Семаго на Таганке был оккупирован совершенно отъявленными головорезами, в открытую обвешанными оружием, один вид которых нормальному человеку внушал ужас...

Воры в законе со своей приближенной свитой усадились за столом в банкетном зале напротив Малика и Шамада, а меня с моим телохранителем посадили в соседней комнате и велели ждать.

И вдруг буквально через секунду я услышал дикий крик за стенкой, взорвавший тишину переговоров.

— Зачем вы пришли? Что вы связываетесь с этим бараклом! — орала наша на воров со стороны Дидигова. — Он уже себя запятнал, он уже не вайнах, он просто сволочь! И вообще, кто вы такие?

— Мы воры в законе! — кричали те. — А вы кто такие?

— А мы бандиты! — орал Шамад. — Мы авторитетов не признаем!

Поскольку все были вооружены, до начала стрельбы, очевидно, оставались какие-то минуты. Меня вызвали в зал. Все выглядело, как в гангстерском фильме, и казалось нереальным. Говорят, что акулы бросаются на свою жертву только после того, как почувствуют ее испуг. Я в этот момент почему-то не испугался. Я еще не понимал серьезности того, что в России уже два года регулярно стреляют в бизнесменов, политиков и воров. Я совсем недавно вернулся из рафинированной

Англии домой и был необычайно далек от новой действительности, сложившейся в стране. Почему-то и до сих пор в моем сознании каждое очередное убийство моих друзей, выполненное киллером, кажется нелепостью и случайностью...

— — —

К сожалению, опыт общения с криминалом у меня весьма богатый. Сразу после скандальной истории с уплатой партвзносов с зарплаты в три миллиона рублей в моем кооперативе «Техника», после которой я стал знаменит, мной заинтересовалось множество мелких бандитов. Забавно, но они заявили, что готовы меня защищать любым видом оружия. Так мне и передали от общака.

Тогда меня пригласил в гости покойный ныне Отари Квантришвили, ему захотелось пообщаться с кооператором, который так смело ведет себя в телевизионном эфире.

Отарик сам не был вором в законе, как его старший брат Амиран. Однако с молодости вращался в криминальной среде, выколачивал дань с фарцовщиков и тем завоевал уважение и авторитет у воров. Он быстро сориентировался в кооперации и вскоре подмял под себя десятки успешно функционировавших предприятий и кооперативов, став для них «крышей». Отарик обладал в Москве правами разводящего конфликты, формировал свои бригады из выходивших на волю уголовников, давая им заработок и жилье. Я вспоминаю 1990 год — последний перед падением советского режима и началом криминального капитализма в России.

Конечно же, Отарик сразу меня очаровал: он был поразительно коммуникабельным человеком и великолепным рассказчиком. Слушать его замечательные истории можно было часами, и он не переставая их рассказывал, увлекая собеседника. И я бы наверняка незаметно попал под его влияние, если бы не моя эмиграция, случившаяся меньше чем через год.

В 1993 году вернувшись обратно в Москву, я встретился с Квантришвили на финале номинации призов «Овация» в государственном концертном зале «Россия», где он вместе с Иосифом Кобзоном вручал премии за успехи на эстраде, в

кино и в театральном искусстве. Он приветствовал меня громко, прямо со сцены: «Сегодня среди нас присутствует сам Артем Тарасов, который вернулся обратно на Родину. Это первый такой поступок. Он правильно сделал, и мы протянем ему руку поддержки! Давайте ему поаплодируем все вместе!» Зал послушно реагировал. Со сцены мне тоже хлопали: и Кобзон, и замечательный чеченский танцор Махмуд Эсамбаев, стоявший гордо в своей черной папахе над орлиным лицом.

А меньше чем через два месяца Отарика расстрелял наемный киллер прямо у выхода из Краснопресненских бань. Снайпер стрелял с чердака и сделал два выстрела в тело и один контрольный в голову. Стандарт.

Пожалуй, других крупных авторитетов я тогда еще не знал...

Впрочем, ошибаюсь. Незадолго до этого «благодаря» моему приятелю Леве Гукасяну я познакомился с вором в законе по имени Наум. Через несколько лет он тоже был убит прямо у ворот Петровки, 38. Расстрелян из автомата на глазах у милиционеров, высунувшихся из окон Главного управления внутренних дел Москвы на выстрелы.

Как-то мне в Англию позвонил Гукасян и говорит: «Знаешь, Артем, а ведь твое уголовное дело все еще ведется в России. Но можно помочь».

Речь шла о старом уголовном деле, еще времен моего кооператива «Техника». Дело о хищении мазута совместным предприятием «Микрограф-Москва», как раз и заваренное самим Гукасяном. Мы тогда договорились с кременчугским заводом об отгрузке сливов нефтепродуктов — из них можно было отделить воду и получить мазут. А сами эти сливы никому в России были не нужны: их просто сливали в отстойные ямы, загрязняя окружающую среду.

Мы нашли зарубежного покупателя, и первый танкер благополучно ушел. За тридцать тысяч тонн нам выплатили почти миллион долларов, на которые тут же были закуплены поддержанные «Мерседесы» для службы аренды автомашин в аэропорту Шереметьево, которой руководил сам Лева Гукасян.

Но второй танкер задержали в порту. Независимый эксперт таможенного управления вдруг определил, что он загружен

настоящим мазутом, причем очень высокого экспортного качества.

Прокуратура завела уголовное дело о контрабанде нефтепродуктов, меня стали вызывать на допросы, почему-то в Лефортово. Возможно, потому, что я тогда уже был народным депутатом Верховного Совета РСФСР, да еще из команды Ельцина — так не любимого президентом Горбачевым и председателем КГБ Крючковым. Нам самим было непонятно, откуда взялся мазут в танкере вместо сливов. Поэтому независимо от официального расследования мы провели свое и неожиданно раскопали достаточно опасную для нашей жизни новость: до России не доходит поток валютных средств, который оседает на зарубежных счетах для финансирования КГБ!

Схема была проста, как все гениальное: по указанию компетентных органов в мазут низкого качества при погрузке на корабль прямо в нефтеналивном порту добавляли дизельное топливо — и получался высококачественный нефтепродукт, который стоил гораздо дороже, чем отходы и сливы.

Разница составляла примерно пятьдесят—семьдесят долларов за тонну, и ее выплачивали уже за границей, проведя в иностранном порту дополнительный анализ качества груза. Причем, поскольку нашим внешнеторговым посредником была фирма, работавшая на КГБ, все средства попадали на их валютные счета. Деньги эти были совершенно неучтенными, они нигде не фигурировали и никакому контролю не подлежали.

И вот когда меня во второй раз вызвали в Лефортово на допрос, я обо всем этом рассказал следователю. Дело сразу же прекратили. Меня спасли депутатская неприкосновенность и популярность, созданная прессой.

Лукасян очень испугался и сбежал в Америку. Но в 93-м году решил вернуться в Россию. Привез десять лимузинов, выгодно их продал, закрутил свой бизнес...

И вдруг звонит мне в Лондон, чтобы сообщить о том, что дело о контрабанде вновь открыто: через три года после закрытия с формулировкой о недостаточности доказательств!

— У меня есть влиятельные друзья, — сказал Гукасян. — Если хочешь, я тебя с ними познакомлю. Они готовы помочь!

Я согласился, и вскоре он привез в Англию этих «друзей». Одного я знал и раньше, а второй, как потом выяснилось, был вором в законе, тем самым Наумом.

Он сказал:

— Артем Михалыч, я как официальный представитель МВД(!) предлагаю вам выкупить ваше уголовное дело — всего за шесть миллионов долларов!

— За сколько?

— А что вы удивляетесь — там одних только ваших телефонных разговоров из Англии аж четыре тома, а всего тридцать два! Не зря же люди работали...

— Ну хорошо, допустим, я заплачу эти шесть миллионов — и что?

— Мы отдадим вам дело. А что вам еще нужно?

— Мне нужно, чтобы министр внутренних дел России господин Дунаев и председатель КГБ Баранников выступили бы публично по первому каналу телевидения и сказали, что они ко мне никаких претензий не имеют, а я сам не имею отношения ни к какому криминалу!..

— Нет проблем! — легко согласился Наум. — Хоть завтра! Мы вам доверяем, если вы согласны, мы все сделаем вперед, а потом уже оплата. Соглашайтесь!

— Я должен подумать, — сказал я.

В то время шесть миллионов долларов — это как раз все, что у меня было на банковских счетах.

Они уехали, а я стал выяснять и думать, откуда ветер дует. За оказанную медвежью услугу я остался «благодарен» Гукасяну на всю жизнь. И вот неожиданно все разъяснилось само собой.

За полгода до этого разговора ко мне приезжал один парень из России, сделавший такую же, как в свое время Герман Стерлигов, молниеносную карьеру капиталиста. Только Герман уже исчез с горизонта известности, а этот парень был на пике славы.

Звали его Виктор. И компания у него была «Виктор», и банк с тем же названием. А еще он был спонсором и факти-

ческим владельцем московской футбольной команды «Локомотив», тогда не слишком популярной. Он полностью выплачивал заработную плату футболистам и тренерам, а также содержал стадион и все спортивные сооружения клуба за свой счет. Еще у Виктора были корабли и двенадцать больших приватизированных самолетов. Подумать только! Это все уже было в 1993 году!

Мы с ним провернули очень красивую финансовую операцию. Я помог Виктору взять под залог этих самых самолетов западный кредит в инвестиционном банке. Он уехал очень довольный: ни до нас, ни после нас такое никому не удавалось. Под залог российских самолетов западные банки денег никому больше не давали.

И тут он снова прилетел и сообщил, что у него все отняли и он разорен...

Оказывается, к нему сначала приехали бандиты и потребовали, чтобы он передал все имущество с баланса на баланс: и офис, и банк, и самолеты с кораблями!

Охрана Виктора выставила их за дверь. Но бандиты обещали вернуться послезавтра. Не завтра, уточнили они, а именно послезавтра!

С утра на следующий день появился отряд вооруженного ОМОНа, прозванный народом «маски шоу». Под дулами автоматического оружия всех уложили лицом на пол — и женщин, и бывших на переговорах иностранцев. Потом крушили мебель, повалили несколько шкафов, разбили журнальные столики, несколько мониторов от компьютеров, забрали с собой жесткие диски и все документы. Уходя, ударили пару раз по спинам лежавших прикладами автоматов...

А на следующий день опять явились бандиты. Виктор понял, что дело совсем плохо. Он все передал им на баланс какой-то подставной фирмы и уехал. Отдал и стадион «Локомотив», и свою любимую команду.

Вскоре после разговора со мной в Лондоне Виктор уехал и вообще исчез. Говорили, что его убили где-то в Болгарии, куда он смог перегнать два из своих кораблей. Но его достали и там.

И вот я неожиданно узнаю, что фирма, где работал Гукасян, и от которой ко мне приезжали «гости», совсем недавно приобрела как раз двенадцать самолетов. И название ее совпадает с той бандитской, которую называл мне Виктор.

Мне стало известно, что за этой фирмой стоял не только ОМОН, а гораздо более серьезные криминальные силы. Независимое расследование привело нас прямо в правительство Ельцина. Мне сильно помогла тогда, уже не страшно, увы, это написать, моя убиенная подруга Галина Старовойтова. Связи этой мафии тянулись строго вверх до самого вице-президента России господина генерала Руцкого. А тут вдобавок мне позвонил один из моих приятелей-депутатов и говорит: «Тобой генерал Руцкой сильно интересуется». Он тогда прямо в печати заявил, что Тарасов в Англии контролирует вывезенные российские капиталы на сумму полтора миллиарда долларов США. И что я должен быть немедленно депортирован из Великобритании и выдан российским властям по инициативному им запросу Интерпола.

Я не знал, что делать, и в отчаянии позвонил в Кремль Коржакову, старому моему приятелю еще со времен первого депутатства в российском Верховном Совете. Тогда, в период наших первых встреч, он был простым охранником у Ельцина, ни в политику, ни в экономику не лез. Я не мог и предположить, что теперь, меньше чем за два года, Коржаков превратился едва ли не в самого влиятельного человека в России, которому кланялись и Смоленский, и Березовский, и все остальные — от министров до военных начальников.

Удивительно, но меня с ним соединили.

— Привет, Саша! — сказал я. — Что же ты меня совсем забыл?

Это был непростительный тон в обращении к всесильному вассалу.

— Хм! — сказал Коржаков. — А чего ты там, в Англии, сидишь, почему не приезжаешь? У тебя же здесь все чисто, я-то знаю.

— Но, понимаешь, заместитель прокурора Макаров выступил и со слов Руцкого обозвал меня преступником. По-моему, от них на меня идет прямой накат даже здесь, в Лондоне!

— Ах ты об этих! Ну что о них говорить! В октябре с ними будет покончено — некому будет тебя доставать.

Наш разговор произошел в августе 1993 года, значит, рискну предположить, что уже тогда Коржаков разрабатывал план октябрьского расстрела Белого дома и захвата парламента. Октябрь был сроком, установленным заранее.

Вскоре после того, как Руцкой вместе с Хасбулатовым попали в тюрьму, мне снова позвонил Наум, на этот раз из Австрии.

Я говорил с ним достаточно жестко и прямым текстом дал понять, что вообще-то в курсе: кое-кто остался без покровителя.

— Ну и что? — ответил Наум. — Среднее-то звено всегда останется на своем месте. Как ты не понимаешь, что другого выхода у тебя нет. Будешь платить. Мы все равно тебя доставим и привезем по этапу из твоей вонючей Англии. Вот увидишь!

У меня оставалось два выхода: скрыться где-нибудь в Аргентине или самому поехать в Москву, а там будь что будет...

Я выбрал второй вариант. К этому времени были объявлены новые выборы в первую Государственную думу, и я решил воспользоваться иммунитетом кандидата в депутаты, чтобы понять на месте, что же это теперь за новая страна под названием «криминальная Россия». Я опять совершал очень смелый поступок, не отдавая себе ясного отчета в степени возможной опасности и риска для жизни.

— — —

Конечно, милицейская мафия очень тщательно подготовилась к моему приезду. Они изучили устав избирательной кампании, где было написано следующее: привлечение кандидата в депутаты для допроса может состояться только с санкции Верховного суда России.

Был специально найден член Верховного суда, который подписал абсолютно беспрецедентное по своему кощунству письмо: «Я, член Верховного суда Мещеряков, постановляю: в случае неявки Тарасова в милицию для дачи показаний прибегнуть к его аресту». Это было начало произвола, с которым мне пришлось столкнуться в России.

Мне предъявили письмо Мещерякова ровно за один день до голосования на выборах — и пригласили в воскресный день выборов в одиннадцать часов утра явиться в управление по борьбе с экономической преступностью, чтобы вместе со следователями, а скорее всего, в камере предварительного заключения встретить результаты выборов.

Мне пришлось расписаться в повестке о том, что в воскресенье в одиннадцать утра я добровольно явлюсь в Управление по борьбе с организованной преступностью. В том, что выборы я проигрую, у меня сомнений не было, как, впрочем, и у следователей.

Из дома я сразу позвонил адвокату Генри Резнику, с которым у меня на завтра была назначена встреча.

Я познакомился с ним еще до своей первой эмиграции. Резник уже тогда был одним из лучших и получал огромные по тем временам гонорары.

Изучив документы, Резник придумал один тактический ход.

— Давай покажем на процессе, что не было никакой организации «Исток» вообще! — предложил он. — Да, она имела счета, но по какому закону она была создана? Поскольку не было закона, значит, вообще ничего не было. За это много лет тебе не дадут.

Я не соглашался, но от услуг Резника отказываться было бы большой глупостью, хотя имелись доказательства, что уголовное дело сфабриковано и содержит чистый вымысел, это был рэкет со стороны государственной власти. У меня каким-то чудом еще сохранялась вера в справедливость.

Наивность выветрилась, когда я позвонил Резнику и сообщил о повестке. И тут Резник говорит:

— Беги! Уезжай! Если ты туда придешь, то уже назад не выйдешь!

Он, как и все, был уверен, что я проигрую выборы.

Но куда уезжать? Как?

Начались совещания с моими близкими друзьями из команды, помогавшей мне на выборах. В субботу вечером я поехал на телевидение и выступил в прямом эфире в передаче с Игорем Фесуненко по 6-му каналу. Я показал повестку прямо в камеру и заявил:

— На самом деле это не повестка. Она только выглядит как повестка вызова на допрос. Для меня это медицинское заключение о болезни всего российского общества. Я вернулся в страну, которая не похожа ни на одну страну мира. Она требует немедленного лечения, но прежде всего полного искоренения паразитов, засевших в структурах власти.

Когда после передачи мы вышли из телецентра, я увидел, что меня опять «ведут». На этот раз в слежке было задействовано машин шесть, не меньше. Все они по виду похожи друг на друга, простенькие модели «Жигулей», и что удивительно — чехлы в машинах абсолютно одинаковые и в каждой сидят по двое в штатском на передних сиденьях. Мы уходили на «Мерседесе» во дворы, отрываясь от погони, а потом нас останавливал постовой, долго держал, изучая документы. И отпускал, когда появлялись наши преследователи. Наверняка в моей машине были установлены «жучки»...

Наконец мы добрались до дома, где я жил в квартире друзей, но я поднялся в соседнюю квартиру к Малику Сайдуллаеву. Было ясно, что уходить надо этой же ночью. Мы решили сначала добраться до Ленинграда, там жили чьи-то родственники, которые должны были меня встретить, а потом уже на месте думать, что делать дальше.

Мы послали двух ребят за билетами на Ленинградский вокзал. Поскольку железнодорожные билеты теперь продавались только по паспортам, для меня нашли паспорт на имя какого-то Попова.

Ребята возвратились на такси, которое оставили ждать с задней стороны дома, во дворе. Машина слежки стояла с заведенным мотором прямо перед подъездом, и нам надо было как-то их запутать, чтобы уйти. Тогда мы надели на телохранителя мое пальто и меховую шапку, дали ему в руки мой портфель. По комплекции он был значительно больше, но с поднятым воротником, да еще в темноте вполне мог сойти за меня.

Телохранитель вышел из подъезда в сопровождении нескольких ребят, которые громко с ним попрощались, называя Артемом. Моя квартира находилась в этом же доме,

но в другом подъезде. Телохранитель поднялся на седьмой этаж, вошел в квартиру, где и должен был остаться, изображая меня. Ночью дважды ему звонили, он поднимал трубку и молчал. На другом конце провода тоже молчали.

А мы с Маликом вылезли на крышу семнадцатизэтажного дома. Был декабрь — скользко, заснежено. Дул зверский, колючий ветер... Я едва пролез в вентиляционную трубу, по которой мы спустились вниз в другой подъезд, где вход был с другой стороны дома, как раз со двора. Сели в «Волгу» и поехали на вокзал. Теперь нас никто не вел, потому что все следили за моей квартирой, думая, что я у себя. Утром меня можно будет брать в наручниках прямо тепленького. Наверняка с этой целью был уже вызван отряд ОМОНа.

До нашего поезда мы добрались без всяких приключений. Вагон был абсолютно пустой. И мы спокойно легли спать.

Ночью поезд делал остановку в Бологом. Когда мы проснулись, по меньшей мере еще три купе были заполнены людьми в штатском. Двое из них стояли в коридоре и сосредоточенно смотрели в окно. Еще один находился в тамбуре.

Нас, скорее всего, вычислили по паспортам сопровождавших меня ребят. Они-то при покупке билетов предъявили собственные документы! А имена людей из моей группы были известны.

Стало ясно, что меня будут брать прямо на вокзале в Ленинграде. В поезде формально арестовать меня было нельзя: до явки на допрос добровольно к одиннадцати часам оставалось еще три часа. Я все же был официально зарегистрированным кандидатом в народные депутаты от Центрального округа города Москвы!

И тогда я решил прорваться.

— Я пойду вперед по ходу поезда, — сказал я своим друзьям. — А вам нужно будет оттеснить парня, который стоит на моем пути в коридоре у окна.

— Вот, Артем Михайлович, запишите номер телефона в Ленинграде, по которому нужно позвонить, — сказал один из друзей и продиктовал мне номер, перепутав от волнения местами последние четыре цифры.

Дальше все получилось очень удачно. Ребята прикрыли меня в коридоре, а я, нацепив черный парик и темные очки, пробежал вперед несколько вагонов и, пока поезд еще не остановился, слава богу, открыл двери вагона-ресторана, спрыгнул в самом начале перрона и быстро затерялся в толпе.

На привокзальной площади поймал такси. «Везите, — говорю, — меня на черный рынок — хочу одежду купить...»

Приобрел с рук куртку, переоделся, оставаясь в парике. Потом звоню по телефону, который мне дали. Трубку взяла какая-то девушка и отвечает:

— Дело в том, что это не тот номер, который вам нужен! Но я сейчас вам продиктую правильный. Перезвоните туда, там очень ждут вашего звонка. И напомните там о наших условиях.

Она продиктовала мне номер с правильной последовательностью цифр.

Я, конечно, очень удивился и не понял, что произошло. Потом оказалось, что мои сопровождающие вспомнили, что дали мне неправильный номер. Позвонили, попали на незнакомую девушку и говорят:

— Вы сейчас сидите дома и ждете звонка.

Она отвечает:

— Это что, розыгрыш? Мне на работу надо, не буду я дома сидеть.

— Сколько вы получаете? — спросили ее.

Она назвала сумму.

Ребята говорят:

— Мы вам заплатим деньги за год вперед. Только сидите дома и ждите звонка. Как только вам позвонят — передадите этот номер телефона.

Так я получил правильный номер телефона. Когда дозвонился, мне сказали, что немедленно высылают машину. И точно: скоро подъехал водитель абсолютно грозного вида. Я сел в машину, а он остается неподвижным.

— Ну и дальше чего? — спрашивает водитель. — Куда поедем?

Я был очень удивлен таким приемом. Он не трогался с места.

— Не знаю, куда мы поедем! Я Тарасов, вы же приехали за мной?

Не поворачивая головы, он изучал меня в зеркало заднего вида.

— Если ты Тарасов, где белый плащ?

Господи, я же в новой куртке и в парике, дошло до меня! Только после того, как я предъявил ему из портфеля белый плащ, он повез меня к ленинградским родственникам.

Время моего ареста наступило.

Мы стали обсуждать, что делать дальше.

Я сказал, что мне надо уходить через границу, и они сначала предложили перебраться в Финляндию. Это была рискованная идея, потому что финская граница охранялась очень серьезно. Проверки производились несколько раз по дороге и начинались задолго до пропускного пункта. Визы у меня не было, но был паспорт Доминиканской Республики, по которому я проживал эти годы в Англии. И, конечно, российский паспорт тоже. Но в доминиканском паспорте отсутствовала въездная виза в СССР, и, кроме того, план моего перехвата был уже задействован повсюду, на всех пропускных пунктах Ленинградской области.

Вскоре подъехал еще один парень, который вызвался перевезти меня в Эстонию, в город Нарву. У него там был знакомый предприниматель — владелец пансионата. Он часто ездил туда в баню и обратно, безо всяких виз. Граница только-только установилась. Он позвонил этому человеку и сказал нам, что все в порядке. Перевозчик возьмет по двадцать пять долларов с каждого! Устраивает?

И меня повезли к эстонской границе в славный Иван-город на реке Нарва.

Пройти наших пограничников оказалось очень просто. Водитель приехавшего за нами микроавтобуса отдал им две коробки кроссовок — и нас тут же пропустили, не спрашивая никаких паспортов.

Я уже подумал, что все закончилось. Но, увы, самое серьезное испытание ждало нас на другой стороне пограничного моста.

Когда мы подъехали к эстонской границе, к нам подошли два молчаливых восемнадцатилетних подростка в форме пограничников.

Рядом проверяли несколько машин, и когда наш водитель увидел, насколько серьезна эта проверка, он внезапно всех объехал и газанул вперед на эстонскую территорию.

Поскольку парни с автоматами бросились за машиной, метров через двадцать он остановился. Чудом обошлось без стрельбы.

Наши паспорта были у водителя. Я увидел, как настигшие нас пограничники тянули паспорта из его руки через опущенное стекло, а он их не выпускал. В конце концов водитель вышел из машины и двинулся следом за разъяренными юнцами, так и не отдав им паспорта.

Слава богу, он был эстонцем, и они разговаривали на своем языке, бурно при этом жестикулируя.

Виз ни у кого из нас не было. Мы все нарушили государственную границу независимой страны Эстонии, и, наверное, нам за это полагалась тюрьма. Как и за пересечение границы России без права это сделать!

Его не было десять минут, двадцать, полчаса... Я уверовал в то, что меня поймали. «Может быть, имеет смысл бежать, — лихорадочно думал я, — ведь кордон уже пройден!» Впереди маячил густой темный лес.

Я переглянулся со своими спутниками. Они, казалось, думали о том же. И видит бог, что еще через несколько минут мы непременно предприняли бы попытку к бегству в чужую страну.

В этот момент, на наше счастье, появился водитель. Он был мрачнее тучи. Сел за руль, но поехал вперед. И все молча. Без единого слова.

Мы тоже молчали. Наконец, он буркнул себе под нос извиняющимся тоном:

— Ребята, ну вы уж извините меня! Никак не мог договориться за двадцать пять долларов с человека, пришлось согласиться и заплатить по тридцать! Не моя смена, понимаете! С вас еще пятнадцать долларов...

Ох, как же приятно, когда тяжкий груз снимается с сердца! Выяснилось, что он полчаса торговался с пограничниками, отстаивая принятую таксу!

Водитель привез нас в пансионат. Утром хозяин сказал, что его заместитель доставит меня в Таллин и поможет улететь. Да, кстати, заместитель директора пансионата оказался бывшим таллинским прокурором, который теперь работал в частном отеле.

Мы доехали до Таллина. В аэропорту я предъявил паспорт Доминиканской Республики, и мне тут же продали билет на «Бритиш Эйруэйз» до Лондона...

А накануне в Москве английская съемочная группа ITV, которая снимала фильм о выборах под названием «Moscow Central», все продолжала ждать меня в следственном изоляторе, куда я должен был быть доставлен. Там улыбающийся следователь говорил им прямо в камеру: «Ну вот, уже одиннадцать часов. Скоро получим сообщение об аресте господина Тарасова, а через два-три часика его сюда доставят. Куда он денется от нас!».

Но, увы, так и не доставили!

Я прилетел в Лондон в первой половине дня в понедельник, а тем временем продолжался подсчет голосов на моем Центральном избирательном участке. Уже глубокой ночью выяснилось, что не хватает трех протоколов. Председатель избирательной комиссии, явно нервничая, предложил: «Давайте сейчас разойдемся по домам, а завтра утром найдем эти протоколы и досчитаем. Все равно тут разница небольшая»...

Я опережал своих конкурентов примерно на тысячу голосов. Это, возможно, была как раз та самая тысяча избирателей из тюрьмы «Матросская Тишина», которая в полном составе проголосовала за меня... А в исчезнувших протоколах оставалось около полутора тысяч избирателей. Все еще можно было сосчитать, и как раз хватило бы, чтобы сменить мое лидерство.

Слава богу, в офисе избирательной комиссии оказались мои представители, которые уперлись и твердо сказали: «Нет, так не пойдет! Ищите пропавшие протоколы сейчас!»

С постели подняли префекта Центрального московского округа господина Музыкантского. Он приехал под утро и спросонья спросил:

— Ну что, кто победил? Как это нет трех протоколов? Это же ЧП, это уголовное дело!

Подтянулись телевизионная съемочная группа Беллы Курковой и группа иностранного телевидения. Тут протоколы и нашлись в ящике стола председателя избирательной комиссии.

— Вы меня не так поняли, господа, — сказал председатель комиссии, — протоколы не потерялись. Просто они оформлены с нарушением правил, видите, здесь, например, написано карандашом, а надо авторучкой...

— Так все же, кто победил в Центральном московском округе? — спросила перед камерой Белла Куркова.

Пришлось назвать мою фамилию. Прямо в камеру. Прямо в присутствии иностранных журналистов.

— Да, что же сделаешь, победил Артем Тарасов, — констатировал свершившийся факт префект Музыкантский.

Это были самые последние свободные выборы в России, и я рад, что в них участвовал. Все последующие были уже ангажированы властью и деньгами.

Я это заявляю прямо и готов отвечать за свои слова.

Я стал депутатом Государственной думы первого созыва после революции. Да еще по Центральному округу Москвы, куда входили Моссовет, Кремль, Белый дом и еще девятнадцать иностранных посольств.

Но мне предстояло решать новую проблему — как вернуться в Москву из Англии, если я официально оттуда никуда не уезжал?

И я пошел в белорусское посольство в Лондоне. Меня там узнали и очень обрадовались.

— Вы, — говорят, — у нас второй, кто попросил белорусскую визу в Англии.

С этой визой в доминиканском паспорте я долетел сначала до Варшавы, там пересел на поезд Варшава — Минск. На следующий день меня встречали в Минске дру-

зья на машине, к вечеру мы уже были в Москве. И никаких проблем.

Буквально сразу же мне опять позвонил Наум: надо поговорить! Я сказал, что согласен в любое время, и мы назначили стрелку в ресторане «Пиросмани», недалеко от Новодевичьего кладбища.

Малик был очень недоволен.

— Так дела теперь в России не решаются, — выговаривал он мне. — Нужна серьезная подготовка. Там обязательно будет стрельба.

В последнее я поверить не мог. Мы же не в Техасе, в самом деле! Я уже не знал той России, где находился... Куда ему до нас — мирному Техасу..

Малик Сайдуллаев, который тогда меня поддержал, спешно бросил клич ко всем лицам чеченской национальности, живущим в Москве. И вечером к ресторану «Пиросмани» стали подъезжать на джипах вооруженные до зубов люди. Заодно у нас был повод: отпраздновать мою победу на выборах в Госдуму.

Всего на моей стороне собралось не меньше сорока человек, причем многие друг друга вообще не знали, но на зов откликнулись сразу. Тогда, в 1993-м, за год до первой чеченской войны, организованность в рядах чеченцев была, несомненно, одним из главных факторов, с помощью которого они вскоре захватили контроль над московским бизнесом и криминальным миром. Воровские и бандитские группировки в Москве предпочитали с «чехами» не связываться и никаких дел с ними не иметь. Во-первых, у них не было принято держать данное слово. Как у арабских шейхов — сегодня сказал, а завтра передумал! А во-вторых, «чехи» стреляли сразу, в отличие от разборок, устраиваемых российскими бандитами.

Когда банда Наума увидела, какое количество джипов собралось у ресторана, они сразу все поняли, развернулись и уехали. Это было откровенное признание своего поражения. Я победил не только на выборах, но и «по понятиям». Больше со стороны Наума наездов не было никогда. Он чтит воровской закон.

- - -

Через несколько лет я чудом еще раз избежал ареста, уже после того, как мне отказали в регистрации на президентских выборах в 1996 году.

Тогда меня вместе с Галиной Старовойтовой выкинули из списка кандидатов в президенты. Ельцину усилиями Березовского и Чубайса создавалась платформа для безоговорочной победы на выборах. Мы могли бы со Старовойтовой отобрать у него существенное количество голосов. В этом случае появлялся реальный риск победы на выборах коммунистов под предводительством Геннадия Зюганова. Я все это понимал, но было очень обидно, что нас выбросили за борт с судна, которое еще стояло в порту.

После отклонения наших кассационных жалоб в Верховном суде России Старовойтова смирилась, а я пошел дальше. Собрал больше ста пятидесяти подписей депутатов Госдумы нового созыва о неконституционности решения Верховного суда России, не допустившего меня к участию в выборах, и подал иск в Конституционный суд об отмене результатов выборов Ельцина.

Эта жалоба в Конституционный суд, конечно, канула в вечность, хотя судьи просто обязаны были принять дело к рассмотрению. Я понял, что бороться цивилизованными способами в России стало невозможно, а от способов нецивилизованных меня удерживала совесть, да и просто не было достаточного количества денег.

Вскоре после обращения в Конституционный суд я узнал, что возобновлено мое уголовное дело. То самое, о контрабанде мазута, вновь закрытое в 1993 году и снова возобновленное уже в 1996-м! Причем узнал я об этом очень странным образом. Пришла ко мне милая журналистка Настя Ниточкина. Я с удовольствием отвечал на ее вопросы, а она меня вдруг спрашивает:

- Вы знаете, что вас вот-вот арестуют?
- Как арестуют? За что?

— А вот так! Ведь ваше дело снова возобновили. Я брала интервью у следователя Семенова. Он сказал по секрету, что скоро за вами придут!..

Ах спасибо тебе, Настя Ниточкина! Спасла ты меня в очередной раз от тюрьмы! Выбора опять не было: надо срочно бежать из России. Уже в третий раз!

Я в тот момент не был депутатом Госдумы и никакого иммунитета против ареста не имел. Видимость демократии, усиленно насаждавшаяся псевдodemократическими партиями и лидерами, создала у меня ложное ощущение, что в России можно добиться справедливости легальными способами, отстояв ее в суде. Я повелся на эти призывы и лозунги о честных выборах, о свободе слова и предпринимательства, о честности и неподкупности власти. Утешает в какой-то степени только то, что я не один такой обманутый, а в компании многих уважаемых людей, попавшихся на ту же удочку, с которой мне удалось опять сорваться.

Вторая эмиграция была очень тяжелой не только морально, но и физически. В 1993 году я действительно вернулся в Россию, думая, что навсегда. Привез целый контейнер, сорок восемь коробок личных вещей, в том числе и все книги, и мое большое электрическое пианино, и коллекции металлических рыбок и галстуков.

Теперь же снова приходилось все бросать и уматывать на «малую родину», в Лондон. Часть вещей впоследствии мне переправили друзья. До сих пор у меня хранятся так и не распакованные с 1993 года коробки с костюмами и рубашками, из которых я давно вырос по объему того места, где бывает талия.

Я предвидел, что на границе может произойти конфликт. Мне приходилось улетать по российскому паспорту, с визой в Англию, которую я, к счастью, заблаговременно поставил. Мой дипломатический паспорт был сдан после поражения на выборах в новую Госдуму.

Представляя себе возможные неприятности, я, конечно, использовал весь свой накопленный опыт ухода от преследования. Во-первых, очень тщательно выбрал дату отлета — 6 декабря. Это было воскресенье, как раз после праздника Дня Конституции, когда весь мужской состав пограничной службы должен был находиться на «отдыхе» после вчерашней попойки.

Во-вторых, я приехал в Шереметьево за два часа до отлета, купив там же билет на рейс компании «Бритиш Эйруэйз» до Лондона.

В-третьих, снимать мой срочный отъезд мы пригласили телевидение: операторы из НТВ согласились это сделать бесплатно. Владимир Гусинский меня ненавидел и с удовольствием санкционировал съемку моего ареста в аэропорту. Все ждали грандиозного скандала, пахло жареным...

Как и предполагалось, в смене пограничников и служащих таможни не было ни одного мужчины — только женщины.

Я прошел таможню без приключений, зарегистрировался на рейс и подошел к пограничному пропускному пункту.

И тут мой паспорт конфисковали. Мне говорят: выйдите из очереди! А до вылета осталось минут тридцать пять, не больше. Паспорт унесли в подсобку, у которой дверь осталась приоткрытой. Я стоял рядом и слышал, как бедная женщина-пограничник кому-то яростно названивает, а никого нет на месте, все с перепоя, «с бодуна», еще не проспались, как видно!

Она кричит в трубку: «Я не могу принять решение сама, это же иностранный рейс, как мы его можем задержать?»

Наконец возвращается и отдает мой паспорт. Я выбегаю последним и успеваю на посадку, промчавшись по тоннелю к закрывающимся дверям самолета...

Простите, господа из телевидения! Не удался ваш сюжет для передачи «Криминальная хроника». Ну уж ладно, в следующий раз как-нибудь...

Новый год мы с женой Леной встретили уже на Карибских островах. Милицейская мафия опять меня не заполучила!

Ох и отплатит она когда-нибудь мне за эти свои проколы! Я готов ко всему. Но все же есть надежда: может, состарюсь и выйду в тираж до этого момента или, может быть, забудутся старые обиды у бывших «стражей порядка», ушедших на свободные хлеба в частные компании?

Если бы не я начинал тогда кооперативный бизнес в России, может быть, и не было бы этих частных компаний вообще? Станет ли это аргументом в мою защиту от их посягательств? Я же действительно помог всем материально, по-

сколько самым непосредственным образом был причастен к созданию рынка в России. Теперь вон сколько вы получаете, с зарплатой прежней не сравнить!

— — —

О том, как меня преследовал криминальный мир, можно написать целую книгу. Но одна история, уверен, закончится очень плохо. И если когда-нибудь я буду похищен или убит, то могу уже сейчас назвать моего преследователя, помешавшего на мысли отнять у меня деньги. Он в этом отношении абсолютно невменяем. Это стало у него каким-то пунктиком, навязчивой идеей. А он, безусловно, бандит да еще и наркоман.

Все начиналось в далеком 1990 году. Мой заместитель по объединению «Исток» Владимир Павличенко привел своего приятеля-ингуша Аслана Дидигова и сказал, что он достанет очень хорошие ковры, которые мы сможем выгодно продать.

— И вообще, он вращается в разных кругах, ходит на сходки в ресторан «Узбекистан», и если, не дай бог, что случится, к нему можно будет обратиться.

Я не придавал тогда этим словам никакого значения.

«Что может с нами случиться?» — наивно думал я.

Следом за Дидиговым к нам пришел второй ингуш, Аслан Мусатов. Он оказался настоящим бизнесменом, очень предприимчивым и умным парнем.

Оба они стали у нас работать. В то время еще не было рэкетиров и не было «крыш». Ингуши получали у нас какие-то деньги, мы привозили по импорту товары и размещали их на хранение на территории спортивного комплекса, который помогли им открыть и отремонтировать. А вскоре этот комплекс присоединился к нашему «Истоку» вместе с другими службами и отделениями.

Со временем Дидигов и Мусатов фактически вошли в число тех пяти-шести человек, которые составляли верхушку моего объединения «Исток». Мы вместе проводили время, отдыхали и ездили в командировки. Аслан Мусатов вник во все тонкости дела и действительно работал на наш общий успех.

Однажды мы все же обратились к Дидигову за помощью. Мне позвонил Лева Гукасян, который руководил тогда одним из направлений «Истока», и очень испуганным голосом сообщил:

— Артем, срочно приезжай, на меня наехала мафия!

Я говорю:

— Гукасян, ты шутишь, что ли? Какая мафия? Мы не в Америке, а в России! У нас мафии нет и быть не может...

— Нет, всерьез наехали и хотят с тобой встретиться.

Потом оказалось, что это были люди того самого вора в законе по кличке Наум. Видимо, он подбирался ко мне с тех давних пор.

Я рассказал об этом звонке Павличенко, он передал информацию Дидигову, и тот пошел на изучение ситуации в ресторан «Узбекистан», где обычно собирались по таким поводам.

Поговорил там и выяснил, что это действительно Наум, вор уважаемый, и зря затевать наезд он не будет.

Я негодовал! Как они посмели! Я сам пойду на встречу. Как меня ни отговаривали, все же я поехал в офис Гукасяна на встречу с представителем Наума. Мне, правда, дали в сопровождение Торпеду, квадратного молодого человека почти безо лба и не произносившего ни единого слова. Но после одного взгляда на его кулаки все становилось понятно без слов. А через несколько минут пришел на встречу довольно интеллигентного вида молодой человек и сообщил:

— Мы получили информацию о том, что в Шереметьево на ваше имя пришел груз — несколько тысяч компьютеров, и мы хотели бы получить с них процент. А за это мы вас будем охранять и защищать, что послужит дальнейшему процветанию вашего бизнеса.

Это была явная дезинформация. Никаких компьютеров мы не получали.

Я ответил:

— Вы передайте вашему шефу: если он предоставит доказательства, что это наши компьютеры в Шереметьеве, можете немедленно забирать их себе! Зачем какие-то проценты — я вам все их отдаю! Только охранять меня не надо. Не требуется. И не появляйтесь без нужды больше в этом месте никогда!

Больше этот человек не появился...

Такова была единственная история подобного рода, которая хоть как-то связывала меня с Дидиговым. Но, как оказалось, это была очень большая первая ошибка, допущенная мной в отношениях с Асланом.

Я искренне считал его своим приятелем. Когда у него родился очередной ребенок, а я был уже за границей, то немедленно перевел ему пятьдесят тысяч долларов, хотя у меня в тот момент было не очень хорошо с деньгами. Это была вторая ошибка.

Однажды Дидигов заехал ко мне в гости в Лондон. Он уже купил себе греческий паспорт и путешествовал по миру, «наварив» очень большой капитал на афере с чеченскими авизо, которые были инструкциями Центробанка на выдачу наличных денег, только поддельными.

Я тогда впервые услышал о чеченских авизо, и Дидигов мне объяснял:

— Артем, это же так просто! Мы пишем бумажку, она идет в банк. Получаем два грузовика наличных и везем их прямо домой, в Грозный.

Аслан процветал — купил виллу под Цюрихом, роскошный «Роллс-Ройс». Он уже постоянно общался с бандитами: играл с ними в казино, у кого-то занимал деньги, с кем-то крутил дела...

В 1992 году произошел налет на бывший офис «Истока», который мы отдали Аслану. Там в упор людьми в масках и в камуфляжной форме были расстреляны несколько ингушей. В прессе появилась своеобразная версия: мол, кто-то решил, что Тарасов вернулся в Москву. Убивали якобы меня, а пострадали посторонние люди. Потом мне и это тоже припомнили. Это была третья ошибка, но уж совсем вроде не моя.

И вот в 1993 году, победив на выборах в Госдуму, я вернулся в Москву и стал работать депутатом. Дидигов позвонил мне однажды и попросил заказать пропуск в Думу. Я обрадовался: все же старинный приятель хочет ко мне зайти, что ж тут плохого?

Пришли двое. Прямо с порога Аслан заявил мне:

— Ну что, когда ты будешь с нами расплачиваться?

Я очень удивился:

— За что, Аслан?

Он отвечает:

— Все подсчитано, ты должен мне заплатить шесть миллионов долларов! За то, что я был твоей «крышей» в «Источе», ты должен мне половину всех своих денег! Не заплатишь, будем разбираться по-другому.

Что я ощутил тогда? Теперь уже трудно вспомнить. Россия так переменялась за два года моей вынужденной эмиграции... Эта была уже совсем другая страна: криминализованная, незаконная, мафиозная и беспечная. Жизнь человека стала разменной монетой. Ею рассчитывались за долги или за то, чтобы не платить по долгам, она была платой за карьеру, за место руководителя, которое должен был занять нужный человек. Начали убивать людей за свободу слова, за то, что много знал или много заработал. За то, что не так поделился или чтобы присвоить все себе, а свалить грехи на умершего. Подобные случаи происходили каждый месяц, потом каждую неделю и несколько раз в неделю. Они распространялись по российским городам, как вирусная инфекция, как эпидемия убийств. Я понял, что сотворили с Россией за эти два года — страна вошла в политическое и экономическое пике, из которого, казалось, не было сил и возможности вырваться обратно...

— — —

Пока существовала плановая советская система, Россия не могла стать бандитской страной. Экономические преступления совершались в сравнительно небольших размерах — в теневой экономике, в торговле и мелком производстве. Люди же, которые контролировали действительно большой капитал, то есть казну государства, сами в воровстве не нуждались. Они жили на всем готовом, практически при коммунизме.

Все деньги страны были фактически приватизированы. Их могли расходовать так, как вздумается, как в голову взбредет! И никто этих людей не контролировал. Они были вне преследований и вне подозрений. Они работали в Политбюро ЦК КПСС, в КГБ, в Совете Министров СССР, в Госплане и Гос-

снабе, в министерствах и ведомствах, в органах партийной власти на местах.

Когда рухнула система планового распределения и централизованного управления страной, деньги стали распределяться по всей ее территории, и начался неуправляемый из центра процесс. Неуправляем он был и на местах. Представьте себе какой-нибудь город в Сибири, где директор нефтеперерабатывающего завода, которому разрешили напрямую, без внешне-торговой организации экспортировать продукцию и продавать ее куда хочешь, вдруг в одночасье становился богатым человеком. У него появилась иностранная машина, он построил себе роскошную виллу в пригороде...

Конечно, очень скоро к нему приходил местный криминальный авторитет, у которого была армия бандитов. И директор, не желая портить отношения и рисковать, начинал отчислять ему сначала рубли, а потом валюту. Тот же предлагал отныне защищать директора и интересы его предприятия.

Через какое-то время директор обращается к авторитету за помощью, поскольку у него возникла проблема. Чтобы отгрузить дополнительный объем нефти, нужна подпись бюрократа из местного представительства государственной структуры, которую тот не дает.

Авторитет начинает решать проблему. Он обычно обо всем договаривается. А если нет, этого человека стараются запугать, доводя до такого состояния, что он все равно подпишет нужные бумаги. Либо его просто убивают. Тогда на его место приходит другой, свой и понятливый, с которым можно всегда договориться.

Дальше — больше. Нужно что-то решить, а чиновник в Москве этому препятствует. Местные авторитеты выходят на московских авторитетов, и работа идет по той же схеме...

Из российской глубинки в Москву, к центральным группировкам бандитов устремились потоки различных дел, а значит, и «лаве» — больших денег! Часто и здесь разборки заканчивались трупами.

Следствие и поиск виновных влекли за собой подкуп милиции и прокуратуры. Очень скоро стражи порядка, сидевшие на

мизерной зарплате, начинали сотрудничать с криминальными группировками и часто сами переходили в эти структуры, где платили во много раз больше.

Придя туда, они сохраняли и поддерживали связи в органах со своими бывшими коллегами, подкармливали их, разлагая эту службу изнутри.

Таким образом, огромные деньги, которые были заработаны на банкротстве Внешэкономбанка и чеченских авизо, а позднее на приватизации государственной собственности и торговле природными ресурсами, оседали в криминальных структурах, что позволило им очень быстро развиваться. У них появились талантливые менеджеры-финансисты, интеллигентные референты и визажисты.

Очень многие бандиты занялись недвижимостью, в том числе и за рубежом, которая стоила по российским меркам копейки. Поэтому первая волна приватизации процентов на шестьдесят оказалась криминальной. А оставшиеся сорок процентов выкупили западные фирмы через подставных представителей.

В итоге сформировавшиеся российские криминальные структуры сильно отличаются от всех известных в мире, например, тем, что существуют в бизнесе совершенно открыто. Когда английские банкиры говорят со мной о вывезенных российских нелегальных капиталах, я возражаю: таких вообще нет!

— Как это нет? — удивляются они.

— А вот так! По вашим меркам нелегальные деньги — это наркобизнес, подпольная торговля оружием и проституция. У нас все это процветает, но вовсе не является главной статьей дохода криминального мира. Наш основной криминалитет — в банках, финансах, недвижимости, экспортной торговле... А это легальный бизнес!

Конечно, на Западе это до сих пор вызывает шок — и еще какой! Но такова реальность...

— — —

...В 1993 году у Дидигова было уже множество контактов с крупными вооруженными группировками, имевшими на сво-

ем счету целый ряд убийств. Я узнал об этом у самого господина Рушайло, когда он еще был на посту начальника ОМОНа и согласился со мной встретиться. На Дидигова там имелись целые папки информации, были описаны все его связи, хранились снятые оперативные видеопленки. Почему же его не брали? А зачем? Во-первых, не было на это заказа и никто за это не заплатил, а во-вторых, если не взять «с поличным», тогда нужно вести гнусное и долгое следствие, которое могло бы закончиться ничем. Нет, особого смысла брать его в ОМОНе не видели.

— Вот когда он вас обстреляет или похитит, тогда мы его и возьмем, — сказали мне с улыбкой в милиции.

Всем бандитам, с которыми встречался Дидигов, он рассказывал вымышленную историю о том, что был «крышей» у Артема Тарасова и что я должен ему шесть миллионов долларов. Потом он обещал им половину, а может быть, и больше. Бандиты воодушевлялись и готовили бесконечные наезды на меня, которые начались в 1994 году и длятся до последних дней беспрестанно. Впрочем, с небольшими перерывами: после того как мне удастся отбиться от очередных покушений, а Дидигов пребывает в поиске очередных рэкетиров.

— Ребята, вы почитайте газеты, — убеждал Дидигов. — Там пишут, что за границей у «Истока» осталось двадцать шесть миллионов долларов. Из них тринадцать мои! Тарасов здесь, давайте получим с него! А потом и Павличенко достанем, прямо в Монако...

Вскоре Дидигов в сопровождении пяти вооруженных бандитов приехал в компанию «Милан». Они зашли в кабинет, где сидели мы с Маликом Сайдуллаевым. Один из них достал пистолет, передернул затвор, положил в карман — так это все начиналось...

Я спрашиваю Дидигова:

— Почему ты считаешь, что я тебе должен? Ты принимал участие в каких-то работах «Истока»?

— Нет, — отвечает он.

— Ты вообще знаешь, какие контракты у нас были, куда и кому грузилась нефть? Какие товары мы завозили из-за рубежа и куда их продавали? Как мы заработали деньги?

— Нет, не знаю! Но я знаю, что ты мне обещал половину своих средств и я был твоей «крышей»...

Я тогда не чувствовал испуга, наверное, потому, что не отдавал себе отчета в серьезности ситуации. Я даже предложил Дидигову: давай поедем куда-нибудь в ресторан вместе, выпьем, посидим, нормально поговорим. Ну, разберемся в конце концов между собой сами.

А Малик понимал, насколько все серьезно. Зря затвором в России не щелкают. Моя жизнь висела на волоске.

— Ты виноват, что тогда в офисе «Истока» расстреляли моего родственника, — вдруг сказал вооруженный бандит. — Теперь ты мне ответишь за его смерть. Это тебя хотели расстрелять, а расстреляли по ошибке его. Ты мой кровник теперь. Я тебя все равно достану!

Обсуждать что-либо после этого было бессмысленно. Надо было просто выдержать наезд. За дверями офиса ребята тоже вооружились. Откуда-то появились пистолеты и даже один ручной пулемет. Поскольку наехавшие говорили по-чеченски, то у оставшихся на улице при джипах с нашей охраной завязалась беседа.

— Он друг Малика, и мы его не отдадим, — заявили наши чеченцы.

— Вы против вайнахов не пойдете ради какого-то русского, — возражали другие из свиты ингушей.

Так в первый раз решался вопрос: жить мне дальше или умереть.

— — —

О Малике Сайдуллаеве, конечно, нужно рассказывать отдельно. Впервые я увидел его, когда он приезжал ко мне в Лондон с Германом Стерлиговым. В то время Малик был ему абсолютно предан и был готов умереть за него, казалось, по первому слову.

А потом они разошлись. Малик появился в Лондоне уже один и сказал: «Мы разделили “Алису”, Герман меня обокрал, и я теперь с ним не работаю. Со мной остались люди, и мы просто не представляем, как зарабатывать деньги. Не мог бы ты нас этому обучить?»

Просьба была странной, но искренней. Я плохо представлял себе, чем можно заняться в России, но свел Малика с крупным дельцом, который занимался внедрением телевизионных лотерей. Суть лотерей заключалась в том, что в них азарт не покидает игрока с начала до самого конца телевизионного шоу. Люди садятся у экранов телевизора, розыгрыш происходит у всех на глазах, и каждая зачеркнутая цифра дает надежду на близкий выигрыш...

Ну просто казино на дому...

Именно поэтому, из-за нездоровых страстей, подобные лотереи запрещены в Англии, но внедрены в Швеции, Испании и Гибралтаре.

Самым ценным в лотерее считалось программное обеспечение. Англичане утверждали, что оно стоило два с половиной миллиона долларов. Они хотели выйти на российский рынок и предложили нам внедрить лотерею в России.

Мы уже подписали протокол о намерениях. Но однажды владелец лотереи сказал Малику:

— Забудь ты про этого Тарасова. Что он может тут, в Англии? Денег на внедрение от него мне не надо. У нас их самих хватает. В Россию он не поедет, так как там его арестуют. Давай работать вдвоем — будешь зарабатывать миллионы долларов в год! Будем делить прибыль пополам!

Малик очень оскорбился:

— Ты предлагаешь мне продать друга за какие-то миллионы долларов?! Я друзей не продаю!

Все контракты с англичанином были моментально разорваны.

А я опять почти поверил в существование благородства и чести.

Очень скоро Малик нашел группу программистов из вычислительного центра Генштаба РСФСР и дал им задание придумать программное обеспечение к игре. Так появилось знаменитое «Русское лото».

Программисты настолько увлеклись этой идеей, что тут же уволились и всем отделом перешли работать в специально созданную компанию под названием «Милан».

- - -

Малик еще раз прекрасно проявил себя, когда мы со Стасом Намином хотели заполучить спорткомплекс «Олимпийский», чтобы привезти знаменитую группу «Айронмейден» с концертом в Москву.

В «Олимпийском» шли дискотеки господина Лисовского, с которых он имел десятки тысяч долларов ежедневно — вход стоил пятнадцать долларов, а запускал он по тысяче человек и даже больше, и так каждый день!

Остановить дискотеку на несколько дней означало для Лисовского «попасть» на эти деньги. Если бы он был один, но за ним стояли Иосиф Кобзон и Отари Квантришвили...

В то время в России уже шли первые крупные разборки. И Малику пришлось завоевывать авторитет практически с нуля.

Он не был знаком с Отари Квантришвили, но поехал на встречу с ним, взяв с собой только одного друга. В кабинете гостиницы «Интурист» на Тверской было полно вооруженных людей, и сам Отарик начал вести себя с посетителями, как со своими подчиненными. Но Малик вдруг оборвал его на полуслове и сказал:

— Мы приехали не просить, а поставить условия!

Это прозвучало так неожиданно и резко, что Отарик чуть со стула не слетел.

— Так вот, — продолжил Малик, — я не намерен разговаривать в присутствии этих головорезов. Пусть все бандиты выйдут, и тогда я познакомлю тебя с нашими условиями: если ты их примешь — то примешь, если нет — скажешь «нет». И все переговоры.

А условие у Малика было такое: или Квантришвили закрывает на десять дней дискотеку Лисовского и получает за это пятьдесят тысяч долларов, или не получает этой суммы, но дискотека все равно будет остановлена без его участия, потому что концерт группы «Айронмейден» состоится в «Олимпийском» в любом случае.

— Так что ты выбираешь? — спросил Малик.

Отарик не знал, какие люди стоят за Маликом, но понял: лучше с ними не ссориться. Таким тоном с ним никто не разговаривал последние пять лет....

Договор был подписан тут же — Лисовский отдал зал за пятьдесят тысяч долларов под концерт группы из Лондона.

— — —

Охранная структура, созданная Маликом, была однажды испытана самым серьезным образом. В настоящем бою. В конце 98-го года у Малика в Чечне украли сестру. Вначале родственники думали, что это традиционное воровство невесты перед замужеством, и особо не беспокоились. И вдруг через четыре дня выясняется: ее украли с целью выкупа!

Что сделал Малик? Он собрал команду друзей и вылетел в Грозный спасать сестру. Там он заявил примерно следующее по местному телевидению:

— Я не дам ни копейки выкупа за свою сестру! Но заплачу двести тысяч долларов за сведения о тех, кто ее украл. Сейчас наша мама лежит в московской больнице и пока еще ничего не знает, что произошло с моей сестрой. Если она узнает, то, скорее всего, этого не переживет. А если она умрет, то я с десятью братьями и родственниками стану всем вам кровником! Мы создадим свою армию и будем убивать всех вооруженных чеченцев подряд. Даю вам на размышление несколько дней. Думайте, пока наша мама не узнала о случившемся...

Уже вечером захватили какую-то банду. Бандитов пытали, и они указали на другую банду, которая похитила сестру Малика.

Их взяли в плен тоже очень быстро в селе под Грозном. В середине села вырыли яму, посадили в нее бандитов — и все чеченцы, проходя, плевали в них... Вот так сестра Малика была спасена.

Можно себе представить: ребята, отъевшиеся на московских харчах, не воевавшие в Чечне, приехали туда и взяли две вооруженные банды за четыре дня!

Этот случай очень серьезно поднял авторитет Малика в Чечне. К нему потянулись люди, родственники которых годами находились в заложниках, как к человеку, который ре-

ально может помочь. У Масхадова, к сожалению, реальной власти никогда не было...

Малик рассказывал мне, как однажды на собрании, где сидели Радуев, Басаев и им подобные, Масхадов говорил о новых мерах борьбы с похищениями людей.

Выслушав его, Радуев предложил:

— Пусть несколько человек, фамилии которых я сейчас назову, покинут зал!

Названные им люди тут же встали и вышли.

— Вот посмотри, уважаемый господин президент, — сказал тогда Радуев, — все, кто остался в этом зале, воруют людей. Так что ты там хотел с нами сделать?

И Масхадов, проглотив это оскорбление, ушел...

— — —

В 95-м году я был в Чечне — тогда уже начали вести первые переговоры о перемирии. Я видел разрушенный город, множество свежих могил.

Поскольку я был гостем Малика, то чувствовал себя в полной безопасности и гулял там совершенно один. Помню, как мы с Маликом однажды отправились на рыбалку. Чеченец, который шел впереди нас, спрашивает меня:

— Можем пойти в обход, а можем наперерез, но там минные поля. Ты как предпочитаешь?

Мы пошли по минному полю. Это, конечно, был кураж. Но судьба была к нам благосклонной. Я не могу передать вам ощущения прогулки по минному полю. Малик, впрочем, шел впереди, но я, поверьте, практически не отставал и не старался поставить ногу ему во след.

В озере, где мы ловили рыбу, торчал какой-то железный цилиндр. И меня попросили в его сторону леску с грузом со спиннинга не кидать.

Спрашиваю:

— А в чем дело?

— Мало ли что, — отвечают мне, — это же ракета упала и, не взорвавшись, воткнулась в дно озера. Вдруг от удара грузила она все же взорвется?

Конечно, общаясь в силу обстоятельств с криминальными подонками, я допускал грубые ошибки. Помню такой случай. В «Милан» часто приходили несколько дагестанцев — знакомые наших чеченцев. И один из них как-то сказал мне:

— Артем Михалыч, мы хотим получить большой кредит в банке и прокрутить его. Нужно, чтобы за нас кто-то ходатайствовал. Помогите нам, пожалуйста!

Я говорю:

— Хорошо, я дам вам проект текста официальной гарантии, как это делается во всем мире. Если ее подпишет ваш банк и она будет принята другим банком — ну, например, «Столичным», они проверят, что там реальные фонды, и тогда под них выдадут деньги. Я могу посодействовать — поговорить об этом с хозяином «Столичного». Он мой приятель. Только давайте мне проверенную гарантию от первоклассного банка.

— Вот и замечательно! — говорит дагестанец. — Напиши, пожалуйста, такое письмо!

И я написал, что при наличии солидной гарантии готов организовать под нее получение кредитных денег.

А примерно через неделю в «Милане» появилась дама средних лет и сообщила:

— Знаете, Артем Михайлович, после вашей бумаги мы очень сильно поистратились. Это стоило нам миллион шестьсот тысяч долларов, которые мы потратили на переговоры с нашим банком! Вы должны их теперь покрыть.

Это была какая-то чушь, но дама представляла криминальную структуру, которая осуществляла обычный в России наезд. Она трясла моей бумагой и кричала, что я за это в ответ!

Потом намекнула, что за ней стоят бывшие деятели КГБ из «убойного» отдела и что мой случай очень похож на случай с Иваном Кивелиди: мол, если вы не заплатите, то скоро умрете, как он, отравленный солями тяжелых металлов, подложенных в телефонную трубку. Я дружил с детства с Иваном Кивелиди, и его смерть тогда потрясла даже выдавших все на свете представителей московской элиты. Но такой наезд на пустом, казалось бы, месте... Какая же беспредельная наглость!

Конечно, Малик опять был вынужден вмешаться. Чеченцы возмутились моим поведением:

— Зачем ты влез в это дело?

Я говорю:

— Но это же люди, которые у вас здесь постоянно толкались в офисе! Ваши друзья! Откуда я мог знать! И в бумаге написано, что они предоставят банковскую гарантию на проверку...

Страна продолжала меня удивлять и напрягать. Иммуниитета от возможности погибнуть при странных обстоятельствах или от пули в спину, увы, пока не появлялось.

— — —

У любого предпринимателя было всего три варианта, как выжить и спасти свой бизнес в России в 1994—1999 годах.

Первый — пойти под «крышу» воров, что делало бизнес не самостоятельным. Но у воров были свои критерии и порядок. Они не брали очень много денег. Процентом десять—двенадцать — это по-божески, что вполне позволяло бизнесу выжить и развиваться. Кроме того, воры предоставляли реальную защиту.

А талантливые бизнесмены, такие, как Илья Медков, еще и постоянно обманывали «своих» воров, используя свой гораздо более высокий интеллектуальный уровень.

Второй вариант — выйти на ФСБ или МВД через структуры, в которых работают их бывшие сотрудники.

Эти бандиты похуже. У них не было никакой совести и никаких внутренних ограничителей или понятий. Сегодня они тебя защищали, а завтра вышло постановление тебя убить: они и убьют! Причем за «крышу» они драли уже процентов по тридцать—сорок...

Так работал Саша Смоленский, сделав ставку на структуры, приближенные к Коржакову. В итоге он остался ни с чем после российского дефолта 1998 года. Каким-то образом тоже избежал тюрьмы, но работать больше в России ему так и не дали.

Я встречался с Сашей, когда Коржакова уволили. Он был в ужасном состоянии. Сказал мне в отчаянии:

— Боже, какой я идиот! Единственно, что меня хоть как-то поддерживает в этой жизни: один из замов Коржакова остался на месте. Если бы не это...

На Гусинского работали Бобков, бывший заместитель председателя КГБ Крючкова, и Савастьянов, начальник московского КГБ, который слетел с должности после того, как поддержал «Мост» во время наезда команды Коржакова на Гусинского.

Был и третий вариант, который осуществил, к примеру, Малик, — это собственная служба безопасности, сильная настолько, что все остальные ее боялись и не желали с ней связываться.

В то время я уже знал наиболее сильные московские группировки — Малик, защищая свой бизнес, вынужден был изучать обстановку и при необходимости общаться со всеми авторитетами. Мы внедрили игру «Русское лото» на телевидении, и лотерея начала приносить все больше и больше денег. Сначала это были тысячи долларов, потом миллионы.

К Малику относились уважительно и со страхом. Вообще к тому времени чеченцы стали реальной силой в Москве, которая жила по своим законам. У них был совершенно отвязанный лидер Дудаев, огромные деньги по фальшивым авизо, ушедшие в Чечню, где строились роскошные особняки, процветала торговля и отлаживался внутренний рынок.

У компании «Милан» был офис в центре Москвы, на территории, которую контролировала очень сильная солнцевская группировка. Но к Малику даже никто не пришел. Солнцевские дали молчаливое «добро» на его существование безо всякой дани.

Конечно, третий вариант — самый сложный. Он требовал огромной силы воли и ежедневной готовности умереть за свое дело. И еще определенной национальности. Вот чеченцы могли создать тогда свою организацию, которая не признавала ни власти, ни авторитетов. Другим это не удавалось.

Конечно, по большому счету все варианты одинаково плохи. Нашим бизнесменам было трудно поверить, но факт остается фактом: ни в одной цивилизованной стране давно уже не

существовало ничего подобного! Даже в Колумбии или на Сицилии. Мафиозные структуры в России, как ядовитые грибы, которые выросли на месте других паразитирующих в свое время организаций: обкомов, парткомов, профсоюзов...

Своя охрана была необходимостью, но очень дорогой. Я пишу не о службе безопасности, а именно об охране. Мы содержали в «Милане» семьдесят—восемьдесят человек, которые целыми днями ничего не делали, а просто существовали на случай отбивания наезда и помощи в сборе и транспортировке наличных лотерейных денег. Каждому из них все равно нужно было заплатить тысячу долларов в месяц. Значит, восемьдесят тысяч уходило только на это.

— — —

Во времена «Истока» (не говоря уже о моем кооперативе «Техника»), созданном в 89-м году, никаких подобных служб у нас не было. Тогда рэкетеры занимались ресторанами, рынками и маленькими палатками. К внешней торговле они и близко не подходили. И, конечно, у меня не было никакого постоянного телохранителя.

Зато в 95-м году со мной иногда ходила третья часть охранной команды «Милана» — до двадцати вооруженных бойцов.

Кроме того, у меня был личный телохранитель по имени Руслан. В два раза больше меня по комплекции, абсолютно не испытывавший чувства страха, он мог прошибить стену кулаком. Блестяще владел боевыми искусствами, но до последнего не ввязывался в драку, несмотря на то что мог одним ударом убить хоть человека, хоть быка на выбор.

Руслан вырос в глухом горном селе, поэтому с русским языком у него были проблемы. Тем не менее он имел привычку беседовать с неодушевленными предметами. Однажды Руслан гладил свою рубашку и, как обычно, разговаривал с ней — вот, мол, я тебя глажу, сейчас ты будешь такая красивая... И вдруг загладилась складка.

Руслан сказал: «Слушай, я тебя предупреждаю! Еще раз такое сделаешь, я с тобой разберусь!» Стал гладить дальше —

и появилась еще одна складка. Тогда Руслан взял рубашку и выкинул ее в окно с третьего этажа!

Она повисла на дереве, и с тех пор каждый раз, проходя мимо, Руслан говорил ей: «Ну что, хорошо тебе там висеть? Теперь ты поймешь, что такое жизнь! Раньше ты на мне бесплатно каталась себе на здоровье, а теперь сама виновата! Виси и подыхай там под дождем!»

Был еще забавный случай, когда в Латвии мы с Русланом поселились в гостинице. Нам дали соседние номера. Руслан появился буквально через пять минут и говорит: «У меня неприятности. Понимаешь, туалет испорчен, а мне туда надо...»

Я удивился: как испорчен, не может быть!

Прихожу, а на крышке унитаза бумажная лента: проведена дезинфекция. Надо было просто сорвать ее...

В общем, с Русланом скучать не приходилось. Но главное — я был полностью в нем уверен. Скажу больше: в случае покушения на мою жизнь первым погиб бы именно он.

Я оформил его помощником в Думе. Все знали Руслана и очень хорошо к нему относились. А он с удовольствием высказывал свое мнение о текущих политических событиях и честно, от всего сердца переживал за неудачи России в экономике и политике.

Кроме Руслана, у меня был вооруженный водитель из органов, который раньше возил бывшего спикера Верховного Совета России — Хасбулатова. Потом Малик его уволил, и появился новый.

В самых ответственных случаях Малик давал мне в качестве сопровождающего одного из своих братьев. Это была очень надежная защита, ведь если с братом что-нибудь случится, все закончится кровной мстью. Это знали все, включая Дидигова.

Вообще любой чеченец охраняет объект, который ему поручен, вовсе не за деньги. Он расценивает это как святой долг. Его нельзя переманить на другую сторону, пока он сам не решил, что ты ему враг, что, впрочем, происходит достаточно часто и неожиданно. Конечно, тогда охраняли и мою семью, хотя я знал, что ничего с ними случиться не должно. Когда

начались разборки с Дидиговым, к его родственникам в Ингушетии приехали наши люди и объяснили: если с родными Тарасова что-нибудь произойдет, так просто это никто не оставит. Глаз за глаз, если хотите.

— — —

Во время самой первой разборки с Дидиговым нам помогло то, что его сопровождали ингуши и чеченцы. Увидев Малика, они были поражены. Кто-то даже сказал Дидигову:

— Слушай, мы бы не поехали, если бы знали! Мы думали, что тут русские, а это же свои, братья! Как ты можешь выступать против них?

Встреча закончилась ничем — нужен был судья. У русских обычно приглашают воров в законе, а в чеченских разборках это может быть чеченец или ингуш, которого уважают обе стороны.

И такой человек вскоре нашелся — генерал в отставке, чеченец, живущий в Москве. Он занимался крупным бизнесом и вообще был культурным человеком. К нему обратилась наша сторона, и Дидигов со своими бандитами признал его авторитет.

Мы назначили новую встречу, на которой я опять должен был доказывать Дидигову, что ничего ему не должен.

— Во-первых, я не имею никакого отношения к этим двадцати пяти миллионам! А во-вторых, когда я уходил из «Источка», то все вам оставил: контракты, производство, дома, машины, валютную аптеку, кучу лицензий на вывоз сырья... Это же огромное хозяйство! Вы меня не трогали столько лет, а теперь вдруг появляетесь, когда все это давно растеряли!

Даже по воровским законам считалось, что здесь явно что-то не так. Опять мы разошлись, ничего не решив.

После этого Дидигов предложил нашему чеченскому судье войти с ними в долю: похитить меня прямо в аэропорту, взять выкуп, а деньги поделить. Разумеется, судья, как человек выбранный и призванный судить, с гордостью отказался.

Тогда Дидигов обратился к известному чеченскому бандиту Хозе, который только что вышел из тюрьмы, был зол, голоден и без средств.

Вдруг, непонятно почему, на офис «Милана» нагрянул подольский ОМОН. Устроили обыск, перевернули все вверх дном, но ничего не нашли. Они искали оружие, как стало ясно через полчаса.

После их отъезда в кабинете Малика появился сам Хоза в сопровождении бригады вооруженных до зубов чеченцев. На улице расположились десятки машин с головорезами, прямо на Ленинском проспекте, на глазах у прохожих, которые, видимо, ожидая перестрелки и взрывов гранат, старались быстро перебраться на другую сторону улицы.

Мы предполагали, что наезд случится, но вообразить, что в этом будет замешан подмосковный ОМОН, конечно, не могли. Малик тоже готовился к встрече заранее: он пригласил в Москву друзей из Тольятти и Питера.

В большом зале офиса собрались человек тридцать. Остальные ждали на улице. Меня тут же вызвали. Я вошел в зал, пожал руку Хозе, познакомился с другими бандитами. Но когда мне протянул руку Дидигов, я отказался от рукопожатия...

С их точки зрения, это было абсолютно неправильным поведением — оскорблением всех присутствующих. Хоза взорвался и стал кричать по-чеченски. Я не понимал ни слова, но без труда осознал, что опять допустил непоправимую ошибку. Однако пожать руку Дидигову меня никто бы не заставил, даже под пыткой.

Чеченцы с моей стороны выдержали этот взрыв очень спокойно и стали говорить по существу. Я ничего не понимал. Да меня фактически и не спрашивали. Меня просто, как вещь, делили две эти группировки, а я должен был сидеть и ждать своей участи, о которой, возможно, мне будет объявлено.

Что мне оставалось?

Я сидел и ждал.

Депутат Государственной думы от Центрального округа Москвы, член Комитета по безопасности, кандидат технических наук,

свободный и обеспеченный человек, в своей родной стране, я должен был тупо наблюдать, как за меня решали мою судьбу и жизнь.

Один из наших ребят из Тольятти по имени Шамад еще недавно работал следователем. Поэтому он прекрасно знал и воровской жаргон, и аргументы, которые надо приводить на сходках и разборках.

— Допустим, Аслан имеет право на этого коммерсанта, — говорил он нарочито по-русски... — Но смотри, Хоза, что произошло. Коммерсант написал заявление, ушел с работы, забрал свою долю, и никаких претензий к нему не было. Какого черта претензии возникли через четыре года, когда коммерсант уже принадлежит другим хозяевам?

Это все говорилось обо мне. Я был вещью, которой пользовались! Которая кому-то, оказывается, принадлежала!

Но дело все равно оборачивалось не в нашу пользу. Хоза нуждался в деньгах и продолжал настаивать, чтобы чеченцы отдали чужого.

Вдруг кто-то сказал:

— Мы уже один раз разбирались, у нас был посредник, давайте его вызовем.

Вызвали. Приехал чеченский судья и тут же заявил:

— Я этим людям руки тоже не подам — они мне предлагали войти в долю и украсть Артема.

Дидигов с компанией были морально уничтожены. Они серьезно подставили Хозу — ведь он приехал честно разбираться, по чеченским понятиям, а получилось все по-бандитски несправедливо.

Разборка закончилась миром. Хоза сказал:

— Все, больше мы Тарасова не трогаем!

Я тогда уступил и пожал руку Аслану Дидигову, и мы даже договорились вести совместный бизнес...

Малик был очень доволен, поскольку считал, что продолжения больше не будет. А я чувствовал: все только начинается. И не ошибся! Дидигов проиграл в казино огромную сумму, и у него снова возродилась идея-фикс: отнять деньги у меня, чтобы расплатиться со своими долгами...

Во время этих разборок в Москву ко мне должна была приехать делегация английских парламентариев. По моей инициативе в Лондоне было создано специальное общество дружбы между парламентами России и Англии, и мы периодически обменивались визитами и делегациями.

Я понимал, что на меня запросто могут напасть и во время визита англичан. Пришлось обратиться за помощью к Лужкову. Я написал, что за мной охотится мафия и поскольку я боюсь международного скандала, то прошу на время приезда англичан выделить мне охрану.

Лужков дал указание руководителю московского ОМОНа, лично генералу Рушайло. Генерал прекрасно знал, чего я опасуюсь.

— Мы ничего сделать с ним не можем, — сказал Рушайло. — Но охрану тебе дадим, поскольку мэр поручил.

Ко мне прикрепили омоновцев. Это были огромные ребята, прекрасно экипированные, все с маленькими пистолетами-автоматами и в полной амуниции.

Англичане были поражены, когда их встретил такой эскорт. А в гостинице случился небольшой казус: у одного из омоновцев упал на пол автомат и сам начал стрелять, вращаясь во все стороны. Депутаты, конечно, страшно перепугались...

Хозу вскоре убили в какой-то разборке. Я увидел об этом сообщение в программе новостей по НТВ, где показали его окровавленный труп. Дидигов в том году больше не появлялся, но через год возник снова, еще более сильный и наглый.

— — —

К тому времени Дидигов уже нашел моего бывшего партнера Павличенко в Монако, приезжал туда и мучил его, но сделать ничего не смог. Ведь это было в Монако, где все улицы находятся под наблюдением. Это единственный город в мире, где женщины даже ночью разгуливают в огромных бриллиантах.

Там вообще нет никакой преступности — везде стоят скрытые видеокamеры, все пишется на пленку. Ведь это город-казино, где крутятся очень большие деньги, и банки не спрашивают, откуда наличность у клиентов.

Поэтому в Монако многие скрываются от преследований уголовного мира, в том числе и Павличенко в те годы.

Понятно, что сам Павличенко все сваливал на меня. Когда к нему приезжали, он говорил:

— Артем забрал все деньги и уехал! Что вы хотите, я нищий! Это все в кредит — и дом, и лимузин...

У него оставалась пачка пустых бланков с моей подписью и печатью, которые он активно использовал. Сочинил, например, замечательный документ о том, что я уйду из «Истока», но всю ответственность за дальнейшую работу оставляю за собой.

Кроме того, были состряпаны мои обращения в банк с просьбами о перечислении десяти, пятнадцати, двадцати миллионов на какие-то вымышленные счета... Эти фальшивки должны были подтвердить всем, что он, Павличенко, остался без денег, поскольку все деньги якобы забрал я.

Много таких бумаг Павличенко отдал Дидигову. Конечно, они подстегнули бандита снова искать пути, как меня достать.

Вот тогда я и узнал, что Дидигов теперь обратился к российским ворам. Мне сообщил об этом Глузман, мой приятель еще с кооперативных времен, владелец «Первого Европейского банка». Он был каким-то образом связан с этими ворами в Республике Коми, из которой, впрочем, вскорости бежал в Израиль, где загремел в тюрьму за похищение человека.

— Артем, тобой интересуются воры в законе! — сказал Глузман, позвонив мне по телефону. — У меня есть один знакомый, давай проконсультируйся у него, во что это может вылиться.

И назвал мне телефон.

Я опять сделал непростительную ошибку и глупость, позвонив по этому телефону. Сначала ко мне пришел референт вора в законе. Очень симпатичный мальчик — блестяще воспитанный, создающий необходимое впечатление, с портфельчиком и при галстук.

Он сказал:

— Конечно, мы вам организуем встречу, это очень важно!

С вором в законе я решил встречаться сам и Малику пока

ничего не говорить. Это была очередная глупость. Но Глузману я почему-то доверял, хотя и не надо было этого делать.

И вот явился этот человек — весь в цепях, крестах и наколках.

— Знаешь, кто я такой? — сказал он с порога.

— Ну, могу догадаться, — ответил я.

— Я — тот самый вор в законе, к которому обратились за помощью ингуши, чтобы выбить у тебя деньги. Давай поговорим обо всем и назначим разборку. И я тебе помогу. Слушай, а зачем ты связался с чеченцами? Что, мы бы сами тебя не поддержали?

— Это мои друзья...

— Нашел бы своих, русских! Разве им можно доверять!

Его фамилия была Пичугин, а кличка Пичуга. Как все воры в законе, он якобы был во всероссийском розыске и скрывался от преследования, но приехал, естественно, на БМВ, в окружении охраны и совершенно открыто.

Мы договорились встретиться, и только тогда я обо всем рассказал Малику.

Встречу назначили в клубе у Володи Семаго и сняли там специальный банкетный зал. Малик вызвал из Тольятти бригаду Шамада, подтянулись и ленинградцы, собрали своих чеченцев по Москве — и поехали на эту встречу.

— — —

Почти вся моя сознательная жизнь была чередой стрессов, и в конце концов психологическая реакция на них притупилась. Может, поэтому я выжил, когда у меня украли пять миллионов долларов, и когда объявили преступником мирового масштаба с розыском через Интерпол, и когда наезжала мафия и меня делили восемьдесят вооруженных людей...

Я помню ту разборку прекрасно. До начала стрельбы оставались какие-то минуты

— Мы воры в законе! — кричали они. — А вы кто такие?

— А мы бандиты! — орал Шамад. — Мы авторитетов не признаем.

И вдруг пригласили меня. Как это случилось, до сих пор не понимаю. Как только я вошел, мои чеченцы на меня набросились с вопросом:

— Это ты пригласил их для разбора или они сами наехали на тебя?

Говорю:

— Да, я встречался с этим человеком, он обещал помочь разобраться. А других я не приглашал, так как их не знаю и вижу в первый раз.

Сказав это, я не представлял себе реакцию: могло произойти все, что угодно. Но взрыва, к счастью, не произошло. Очевидно, я сказал правильно. Мне дали высказаться по существу. Все же это была российская воровская разборка. В результате постановили следующее: еще раз посетить Павличенко в Монако. И если выяснится, что Дидигов не был нашей «крышей», а вводит в заблуждение воров, он понесет за это заслуженную кару. А если «крыша» была и ей была обещана половина всех средств «Истока», наказаны будем мы.

Пичуга был арестован буквально через пару месяцев: сдал его, по-моему, сам Глузман, который после этого и скрывался в Израиле.

Референт Пичуги пару раз мне звонил и просил помощи: мол, как же так, такой хороший вор в законе, который вам так помог, сидит теперь в тюрьме за какие-то дела в Дагестане. А вы, дескать, депутат Госдумы — вмешайтесь, пожалуйста.

Дидигову чеченцы сказали в последний раз: все претензии к Артему мы берем на себя. Если они есть или появятся вновь, приходи к нам — будем разбираться тогда уже до конца...

На какое-то время Дидигов исчез. Но когда у него родился пятый ребенок, он позвонил и сообщил, что снова за меня берется... А вскоре Дидигов нашел еще одного бандита: лихого чеченца по имени Лом-Али, только что вышедшего из тюрьмы, и продал ему мой не существующий «долг». И вот этот Лом-Али позвонил мне в Лондон и говорит:

— Так, быстро присылай мне сто тысяч долларов на дорогу! Я сейчас приеду в Лондон с тобой разбираться! Ты не думай, что ты Дидигову должен — теперь ты мне должен! Я тебя точно достану.

Я ему говорю:

— Хочешь приехать, пожалуйста, но никаких ста тысяч на дорогу не получишь!

И перестал с ним соединяться. Периодически Лом-Али звонил то из России, то из Греции, а потом на какое-то время исчез, видимо, опять сел в тюрьму.

Дидигов, кажется, тоже наконец сел, но потом они оба вышли на свободу. После этого они взяли в привычку передавать меня разным авторитетам, которые периодически звонят и требуют миллионы.

Совсем недавно его люди приходили к Малику, и тот сказал:

— Мы уже вместе не работаем.

Малик готовился к участию в выборах президента Чечни. Теперь он общался с самим советником президента Путина господином Ястржембским. До меня ли теперь или до бандитов? Такова жизнь.

Боюсь ли я? Нет, не боюсь, действительно сильный иммунитет наконец-то выработался. Я нашел себе новую защиту и надеюсь, что она сработает в самый критический момент. Кроме того, я предпочитаю о плохом не задумываться. И так жизнь очень коротка.

Глава 2

О БЕДНОМ БОГАТОМ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

...Однажды Илья Медков заявляет мне:

— Знаете, Артем Михайлович, а я купил ИТАР-ТАСС! Они все у меня на зарплате. Я могу теперь сообщать всему миру любую информацию, и она будет официальной, как бы государственной... Давайте на этом заработаем!

— Как?! — удивился я.

— Ну, например, если передать что-нибудь ночью, у американцев ведь будет раннее утро. Никто в России за ночь не опровергнет переданное сообщение как неверное. Значит, в Америке целый день все будут на ушах стоять, прежде чем выяснят правду. Разве на этом нельзя заработать?

Сидя у меня в гостях в лондонской квартире, он спокойно попивал чай и закусывал сухариком.

— Давайте, например, передадим, что Ельцин умер и власть в России снова перешла в руки коммунистов. Что в Америке после этого произойдет? Артем Михайлович, вы могли бы это просчитать? Что будет с ценами на американской бирже в этот день? Или можно что-нибудь более изысканное сделать: сообщить, что кубинские ядерные боеголовки на советских ракетах, о которых столько лет молчали секретные службы СССР, остались без технического обслуживания. А Фидель Кастро обратился за помощью к российскому правительству — он боится, что система наведения сработает автоматически и приведет к их непроизвольному запуску в сторону Америки. Как вы думаете, насколько упадут акции компаний по недвижимости во Флориде? Можно ведь их скупить, а потом продать? Зато акции американских военных корпораций, наверное, вырастут в цене, а когда все выяснится, сразу упадут обратно!

Я говорю:

— Илья, по-моему, это чудовищно! И уж точно незаконно...

— Незаконно где: в России или в Америке? У нас чего только не пишут сейчас. В России свобода слова, Артем Михайлович, и никто ничего при этом не нарушает. А вы что, предлагаете мне законы Америки соблюдать? Вот еще! Пусть американцы об этом беспокоятся!

Шел 1992 год. Илья Медков говорил очень убедительно для своих неполных двадцати шести лет. До сих пор я уверен, что российская земля породила только двух предпринимателей такого масштаба: одного реального — Илью Медкова, а другого литературного — Остапа Бендера...

Вскоре я побывал в Нью-Йорке, где встретился со знакомыми брокерами. Решил ради интереса поведать им идею Медкова. Меня выслушали с округлившимися от страха глазами и говорят:

— Да за это двадцать лет тюрьмы дают — и нам, брокерам, в том числе! Давайте считать, что нашего разговора не было...

А Илюша — я почти уверен, что это был именно он, — вскоре провел совершенно потрясающую комбинацию. ИТАР-ТАСС вдруг сообщил, что в Ленинградской области на атомной электростанции произошла утечка ядерного топлива. Разумеется, это сообщение тут же повторили все информационные агентства. Мир, напуганный Чернобылем, буквально закипел — такой информационной волны в прессе давно не видели. Несмотря на опровержения, скандал продолжался в течение почти двух недель. Нанятые Илюшей брокеры скупали акции ведущих скандинавских компаний, которые чудовищно упали в цене...

Я сам, кстати, в тот момент не сообразил, что это мог быть сюрприз от Медкова. Но когда ко мне обратился один из лондонских предпринимателей, у которого в Швеции был очень крупный бизнес, я моментально связался со своим приятелем в Ленинграде, очень известным человеком. Тот поехал на электростанцию и встретился с неспавшим несколько ночей директором.

— Да у нас все нормально! — кричал директор. — Поверьте, ничего не было! Мы тоже слышали сообщение ТАСС, но это полная чушь, ничего не произошло! Кто это делает? Зачем? Меня буквально завалили запросами, телефоны не снимаются! Минатом в панике, едут сразу несколько проверок, в том числе и международных!

За эту консультацию я получил тридцать тысяч долларов. Сколько заработал Илюша? Не в этом дело. В России наступил дикий капитализм со всеми его криминальными последствиями.

Илью Медкова, которого я любил, как сына, и перед талантом которого преклонялся, убили в 1993 году. Киллер стрелял из вентиляционного окошка с пятого этажа дома, расположенного напротив входа в офис Медкова, под углом в тридцать градусов. Три выстрела были произведены за десять секунд: две пули попали в печень и живот, одна — в голову. Звуков выстрелов никто не слышал, поскольку стреляли с глушителем. Киллер бросил винтовку на лестничной площадке, спокойно вышел из подъезда и уехал.

А сопровождавшим показалось, что Илюша просто споткнулся на ступеньке офиса и упал перед открытой дверью своего бронированного «Мерседеса»...

— — —

Помню, как начиналось наше с ним знакомство. В Австрии я встретился с одним российским предпринимателем, его сопровождал неизвестный мне человек. Это было в самом начале 1992 года: мое имя тогда гремело, меня узнавали на улицах, а я, честно сказать, очень избегал встреч с соотечественниками.

И вот этот незнакомец говорит:

— Мой сын крупный бизнесмен, хотя ему всего двадцать пять лет, и он очень хочет с вами встретиться. Вы, конечно, его забыли — он работал у Володи Яковлева в «Факте», когда тот был частью вашего кооператива «Техника», еще до того, как вы с Володей Яковлевым открыли газету «Коммерсантъ» ...

Я говорю:

— Пожалуйста, пусть приезжает в Лондон, я в Россию не могу вернуться пока...

А сам думаю: что мне от этого пацана? Тоже мне, бизнесмен нашелся в двадцать пять лет!

И вот появился Илюша Медков. Выглядел он безумно смешно: пиджак на нем сидел, словно был на два размера больше или застегнут не на ту пуговицу, длинные волосы, как копна слежавшегося сена, почти прикрывали узкое бледное лицо. Речь у Илюши была тихая и местами даже невнятная... Но я сразу почувствовал, что это неординарный человек, и влюбился в него с первой же минуты разговора.

— Знаете, Артем Михайлович, у меня работают сорок бывших членов ЦК КПСС! — сообщил Медков. А было это в 1992 году, после разгона КПСС Ельциным и исчезновения СССР.

— Ну да! Кто же они?

— Полозков, Гидаспов, Купцов, — стал перечислять Илья, — все это мои работники, я им плачу зарплату!

— Да что ты! Зачем?

— Ну, как же! — объясняет он. — Это же простая психология! Например, мне нужен металл с Магнитогорского метал-

лургического комбината, а у меня в штате как раз есть бывший первый секретарь обкома Магнитогорской области. Я ему говорю: мне необходимо познакомиться с директором металлургического завода. Тот звонит директору: так, чтобы завтра к десяти утра со всеми бумагами был у меня в Москве по такому-то адресу! Есть человек, который хочет с тобой поговорить. Вопросы есть? Нет? Давай мигом... И на следующий день директор завода вместе со всей своей свитой сидит у меня в кабинете и подписывает все нужные документы, искоса поглядывая на своего бывшего шефа... Генная память срабатывает! Понимаете?

Илюша умел потрясающе построить бизнес на грани фола. Вскоре он начал ворочать миллионами, у него появился сначала «Прага-банк», потом «Диам-банк», название которого расшифровывалось как «Дело Ильи Алексеевича Медкова». А потом — торговые дома, нефтяные и другие экспортные компании, агентства масс-медиа, гигантские промышленные предприятия...

Не забывайте, все это было у него уже в 1992 году, когда о приватизации еще только думали Чубайс и остальные! Когда я помог Илюше открыть его первый счет в Англии, он тут же не глядя положил туда восемнадцать миллионов долларов. Задом он переманил к себе на работу представителя России в Европейском банке реконструкции и развития, предложив ему трехкратный по сравнению с прошлым оклад.

Было сразу ясно, что этот мальчик не моего масштаба. Я к тому времени второй год был в эмиграции — и тут окончательно понял, что в России происходят какие-то невероятные изменения. Кооперативы, например, канули в вечность, зато появилась бурно растущая и расцветающая будущая олигархия...

— — —

Деньги Илюша зарабатывал на всем. Он стал торговать редкоземельными металлами, получая невероятную прибыль. У него были фактически приватизированные заводы в городе Лермонтове на Кавказе и в Казахстане, где производились редкоземельные металлы. И он первым придумал этот фантастический бизнес.

Сама процедура вывоза и торговли была необыкновенно проста. Илюша брал чемодан с редкоземельным металлом, сел в свой самолет и вылетел во Франкфурт. Российская таможня на такую мелочь, как чемодан с небольшим количеством металлического порошка, практически не реагировала. Все оформлялось, как образцы для анализа.

Там он шел в таможню и говорил:

— У меня в чемодане несколько килограммов редкоземельных металлов, дайте мне декларацию, я хочу ее заполнить...

И таможня все подписывала — никто не интересовался, по какому контракту он везет иридий, галлий, осмий, цезий, откуда он все это взял. Он же честно все декларировал, никакой контрабанды не было.

Средняя сделка заключалась на пятнадцать—двадцать миллионов долларов, и рентабельность была огромной. Я тоже опосредованно участвовал в этом бизнесе, находя для Ильи клиентов, и мы очень успешно продавали редкозем.

Правда, потом рынок очень быстро насытился — ведь счет здесь шел на граммы. Редкоземельные металлы повезли все кому не лень. Ходили слухи, что даже Бурбулис, стоявший тогда у руля власти, занимался торговлей «красной ртутью», хотя никто толком и не знал, что это за химическое соединение...

Помню, как в ходе переговоров потенциальные покупатели говорили мне: ну хорошо, мы у вас возьмем стронций дешевле, чем обычно, и откажемся от поставщика, который нам двадцать лет продает этот металл. На следующий год мы вас не увидим: вас либо посадят, либо застрелят. А наш бывший поставщик будет потерян!

Это было основной сложностью, поскольку гарантировать поставку через год мы действительно не могли — никто не знал, что будет в России даже на следующий день. А потом редкоземельные металлы уже перестали быть редкостью: российские поставки буквально завалили весь мир...

— — —

Как-то Илюша приезжает ко мне и спрашивает:

— Артем Михайлович, вы можете класть наличную валюту в банк? Только мне нужно очень много, например сто милли-

онов долларов в день наличными! Буду их на самолете привозить, я тут недавно самолет специальный прикупил...

— Илюша, — отвечаю ему, — такой объем наличности можно сдавать, ну, может быть, в Монако, и то не каждый день! В нормальной западной стране тебя немедленно арестуют. Но откуда у тебя столько денег?

— Понимаете, Артем Михайлович, сейчас происходит очень большая афера... Но вы не подумайте плохого, я в ней лично не замешан! Просто государство фактически ограбило половину населения вместе со всеми иностранцами в России. А мне на этом предложили делать свой маленький бизнес. За то, что я перевезу сто миллионов и положу их в иностранный банк, мне платят процент. Ну и почему мне за это не взяться, когда груз официальный, отправляемый Госбанком России? Я уже много перевез в Прибалтику, Польшу, Венгрию. Но люди хотят понадежнее, в западные страны...

Я не верил своим ушам, хотя поводов сомневаться в его словах у меня никогда не было.

— Вы наверняка слышали, что несколько месяцев назад Внешэкономбанк объявил себя банкротом, — продолжал Илюша. — А на самом деле там на счету оставалось восемь миллиардов долларов. Так вот, клиентам банка предлагается — неофициально, разумеется! — заплатить, чтобы вытащить оттуда часть своих денег, иначе они исчезнут совсем. Вы бы заплатили небольшой процент, чтобы спасти свой вклад?

— Заплатил бы, — согласился я.

— Ну вот видите! Сначала это стоило десять процентов, потом двадцать, а сейчас уже доходит и до тридцати. Деятели из Внешэкономбанка наняли множество курьеров, таких, как я, с самолетами. Вот мы и возим наличность за границу, кладем ее в банк и получаем свои проценты.

Илюша задумался...

— Я понимаю, что делаю что-то неправильное, — сказал он после паузы. — Но ведь закон, если он есть, должен прежде всего соблюдаться самим государством! Если оно само просит меня делать то, чем я занимаюсь, значит, это государственное поручение! Я ведь понимаю, что эта деятельность согласована

с Верховным Советом и наверняка с председателем Центробанка, а может быть, вообще с Клинтоном? Если я откажусь возить деньги, на этом просто заработает кто-то вместо меня. А я что же, дурак? Это же их не остановит! И вообще никто их не остановит, так как они и есть наше государство...

За несколько месяцев этой грандиозной аферы наличность из Внешэкономбанка была вывезена полностью. Мой приятель, представитель иностранной фирмы в Москве, возвратил свой небольшой вклад — расписался в получении миллиона долларов, а получил восемьсот тысяч. И очень был рад, что успел всего за двадцать процентов его разморозить...

В январе 1993 года, когда денег во Внешэкономбанке «банкроте» действительно не осталось, а на заграничных счетах аферистов осело около двух с половиной миллиардов долларов, была проведена новая комбинация. Вдруг ни с того ни с сего доллар стал бешено падать в цене по отношению к рублю! Сначала за него давали 200 рублей, потом 150, потом 100, 90, 80... Люди бросились в обменные пункты и банки сдавать наличность, стояли ночами в очередях, чтобы спасти свои сбережения и обменять доллары на рубли.

А Центробанк продолжал играть на понижение — ведь никакой валютной торговли еще не было, и он просто устанавливал государственный обменный курс. Эти доллары пополняли кассу несуществующего Внешэкономбанка — единственного, кто имел тогда право на операции с валютой. После чего курьеры грузили мешки в свои самолеты и увозили доллары за границу...

Тогда противостояние Ельцина с Хасбулатовым и Руцким входило в решающую фазу. Центробанк вместе с Внешэкономбанком находился в подчинении Верховного Совета. Поэтому, скорее всего, эти деньги так и уплывали мимо Ельцина и его окружения — вплоть до осеннего расстрела Верховного Совета и ареста Хасбулатова с Руцким. Возможно, все это было не так уж просто и я ошибаюсь в отдельных деталях. Но это мое личное видение того процесса, а в своих мемуарах господа непосредственные участники вряд ли когда-нибудь напишут правду.

Конечно, Илюша был знаковой фигурой — уже только по его деятельности я мог представить направленность и размах того, что происходило в России.

Илюша был прав: с точки зрения нашего законодательства очень многое он делал вполне легально. Уже в конце 1991 года, после победы над несостоявшимся путчем, теневое лобби пробило несколько очень важных постановлений правительства. Например, тем, кто брал в аренду государственный завод, обеспечивал поставку сырья и зарплату рабочим, разрешили забирать продукцию и делать с ней все, что угодно. Продавать, в том числе и на Запад, как свою собственность.

Тысячи заводов были тут же расхвачаны криминальными авторитетами, теневиками и прочими предприимчивыми людьми. На них поставляли купленное за бесценок сырье, дешево производили продукцию (алюминий, медь, нефтепродукты и т.д.) и продавали ее за рубеж по мировым ценам, действуя при этом строго по закону.

Например, купив нефть в Тюмени и обеспечив ее доставку на нефтеперерабатывающий завод, а также заработную плату рабочим, стоимость переработки нефти и электроэнергию, можно было спокойно экспортировать нефтепродукты на Запад. При этом затраты были в десять раз меньше стоимости продаваемой продукции!

И Илюша тоже платил на своих заводах за сырье, за материалы, за электричество и рабочим. Конечно, и директорам подкидывал, и бывшим секретарям местных обкомов перепадало за консультации. И все было легально!

Благодаря этому, мягко говоря, странному закону началось дикое по масштабам расхищение государственной собственности. Правда, такое благоденствие длилось недолго. Через пару лет местная администрация — в основном бывшие коммунистические руководители — вместе с местными ворами в законе стала активно выживать чужаков и пришельцев, прибирая все к своим рукам. Приватизируя в первую очередь доходы предприятий, которые при этом оставались государственными.

Когда Илюша приезжал в Лондон, сначала он просто останавливался у меня — пятизвездочные люксы были уже потом. Мне было с ним интересно, и я открывал ему капиталистический мир, в котором сам уже успел немного адаптироваться. Он впитывал информацию, как песок воду, тут же перерабатывал ее и выдавал такие грандиозные проекты, уже привязанные к российской действительности, что у меня дух захватывало от масштабов и полета его фантазии!

Многие вещи были для него в новинку. Помню, повел я его как-то в казино, первый раз в его жизни. И Илюша спрашивает:

— А что тут нужно делать, Артем Михайлович?

— Берешь фишки и ставишь на цифры! — объясняю я. — Если ты угадал, тебе дадут в тридцать пять раз больше.

— Все понял! — сказал Медков. Взял огромный такой столбик фишек, штук тридцать по двадцать пять фунтов стерлингов каждая, и поставил на цифру 36...

Шарик полетел по кругу рулетки. Я только успел воскликнуть:

— Илюша, что же ты сделал?

И тут выпадает 36! Выплата составила двадцать шесть тысяч фунтов за один бросок!

— Как вы мне сказали, Артем Михайлович, так я и поступил, — обрадовался Медков...

Илюша очень любил девочек, но безумно их стеснялся. Внешне он был непривлекателен: худенький, волосатый, с большим носом... Как-то в Женеве я вытащил его в ночной бар «Максим», и к нам подсели проститутки, такие разбитные девахи с Украины. Илюша по-всякому пытался произвести на них впечатление. Все это выглядело очень наивно... Я говорю:

— Илья, ты хочешь кого-нибудь забрать в номер?

Он искренне поразился:

— Как это «забрать», увезти в гостиницу? Разве можно, они ведь такие красивые!

Но скоро, конечно, Илья изменился: оперился, стал ездить к Лисовскому как один из главных клиентов на его дискотеку в Олимпийский комплекс в Москве. Начал дарить женщинам машины, квартиры, бриллианты... Если девушка ему очень

нравилась, он дарил ей за одну ночь машину и квартиру. Наверное, это была реакция на то, что он вдруг из некрасивого гадкого утенка превратился в человека, в которого все почему-то влюблялись с первого взгляда... Ведь продажная любовь часто воспринимается так же, как настоящая. Ее действительно бывает трудно отличить — особенно, если этого делать не хочется...

Одну из своих подруг, девятнадцатилетнюю красавицу Кристину, он поселил в Лондоне. Илюша увел эту девочку у Германа Стерлигова, она работала в «Алисе». Потом Кристину зарезали. Уже после смерти Медкова. У меня остались где-то ее фотографии, какая же она была красавица!

— — —

Если бы Илюша остался жив, он наверняка построил бы самую большую пирамиду в России — гораздо больше, чем Мавроди. Ведь строительство пирамид тоже было не запрещено в России, а Илюша чтит Уголовный кодекс не меньше, чем его литературный собрат. Он приезжал и говорил:

— Артем Михайлович, мне неинтересно уже быть миллионером! Я хочу стать первым легальным российским миллиардером! Придумайте, чем мне заняться, чтобы быстро заработать миллиард.

Я говорю:

— Еще не хватало мне для тебя придумывать!

— Ну, конечно, у меня тоже есть кое-какие мысли, скоро увидите...

Он не только блестяще генерировал идеи, но умел их уверенно и быстро осуществлять. Это был природный талант, ведь у Ильи не было высшего образования, в институте он так и не доучился на журналиста...

Медков собирался идти в политику и уже начал финансировать какие-то новые партии. Конечно, он стал бы крупным акционером на телевидении, купил бы несколько центральных газет. Но в то время в России все это было еще невозможно сделать. Ему не хватило нескольких лет... По уму он, мне кажется, абсолютно не уступал тому же Березовскому, но был

при этом человеком другого плана — внутренне чистым. Может быть, из-за возраста. А может, сейчас мне так кажется, потому, что его уже давно нет... Но я не знаю ни одного человека, кого Медков обманул бы или подставил. Деньги он зарабатывал так, как позволяло ему законодательство или его отсутствие в России. Он не был по своей сути криминальным человеком.

Состояние Илюши исчислялось сотнями миллионов долларов. Он приобрел семикомнатную квартиру на Елисейских Полях в Париже и красный «Феррари», на котором обожал разезжать по Булонскому лесу. У него была роскошная яхта на Средиземном море. Он покупал костюмы от Армани и Бриони, которые, впрочем, сидели на нем все так же нескладно...

Илюша стал одним из первых начинающих олигархов, и его ожидало громкое будущее — это был человек новой формации. Он действительно создал себя сам в отличие от многих нынешних олигархов, которых создала близость к продажной власти.

Я понимал, что Илюша — это моя защита и надежда в будущем. Мне так хотелось возвратиться обратно в Россию, но никто, кроме него, не готов был мне помочь.

— — —

Почему его убили и, как говорят в России, кто его заказал?

Илюша купил особняк на проспекте Мира и построил под землей огромный бункер, создав в Москве первую частную инкассаторскую службу. Ведь банки должны были куда-то сдавать наличные деньги, но при этом им очень часто не хотелось светить их перед Центробанком. И вот он соорудил такое подземное хранилище. Когда банкам нужна была наличность, они звонили Медкову, и тут же от него приезжали фургоны с деньгами...

А тут начались чеченские авизо, придуманные, по моему глубокому убеждению, в тех же самых государственных финансовых структурах. Я не знаю авторов этого проекта, но если среди них и был чеченец, то только один — тот, что

достиг тогда высшей власти в России среди людей этой национальности...

Банк Ильи, как и десятки других, на вполне законных основаниях включился в оборот чеченских авизо.

— Какая мне разница, как они называются в народе, — говорил Медков, — чеченские или мордовские? Для меня они просто авизовки, согласованные с Центральным банком, то есть государственный документ, под который я как банкир обязан выдавать деньги! Я их сам не печатаю, мне их предъявляют официальные клиенты банка!

И он выдавал деньги. И прокручивал миллиарды наличных рублей, строго соблюдая формуляры и постановления Центробанка России.

Совсем незадолго до убийства Ильи завершился уникальный судебный процесс. Иск частного «Диам-банка» Медкова к Центробанку России был удовлетворен! Главному банку страны предписывалось немедленно вернуть Медкову незаконно конфискованные три миллиарда рублей — они были изъяты для покрытия дыр, образовавшихся в Центробанке из-за чеченских авизо...

Илюша позвонил мне за несколько дней до своей смерти. Его голос звучал восторженно:

— Артем Михайлович, вы в свое время выиграли процесс «Кооператив “Техника” против Минфина», — а я выиграл этот! Суд подтвердил, что в чеченских авизо виноват прежде всего сам Центробанк. Теперь Геращенко всем ограбленным частным банкам возвратит конфискованный капитал! Вы представляете, свершилось чудо, мы становимся цивилизацией! Я зарядил яхту в Италии, присоединяйтесь обязательно, мы так отдохнем!

Эх, Илюша! Был тобой создан опаснейший прецедент, неугодный государству, и им могли воспользоваться другие коммерческие банки. А это самое опасное в России, за это не прощают — по себе знаю! Много лет я сам был прецедентом, неугодным государственной машине, и поплатился за это — пока не жизнью, но своей судьбой...

И еще. Нельзя пытаться оставаться честным среди негодяев и преступников, да еще в среде, которую они

контролируют. Белую ворону рано или поздно обязательно заключают...

Но Илюша ничего не боялся, так как считал себя правым. Он не знал, что это ощущение уже само по себе опасно, поскольку притупляет бдительность. Только незадолго до убийства он стал носить бронежилет — и то по настоящему совету службы безопасности. Но в тот день почему-то его не надел. Видимо, кому-то это стало известно, и немедленно оповестили киллера...

— — —

Еще один очень талантливый молодой человек в моей жизни — Герман Стерлигов, с которым я познакомился гораздо раньше, в 1990 году, при весьма неординарных обстоятельствах. Я еще жил в России и прогремел своим выступлением в телевизионной программе «Взгляд» о партвзносах в сумме девяносто тысяч рублей. Все называли меня первым легальным миллионером. Я был народным депутатом РСФСР, вице-президентом Союза кооператоров СССР — и вообще казался, наверное, для начинающих предпринимателей какой-то очень высокопоставленной и недоступной фигурой...

И вот однажды в моем офисе раздается звонок: некий Стерлигов, владелец частного сыскного агентства, сообщает, что случайно вышел на след людей, которые самым серьезным образом копают под мою компанию «Исток».

— Если вы найдете время со мной встретиться, я представлю документы, которые попали ко мне от этих людей, — сказал он.

Вот такой был загадочный звонок. Я договорился о встрече у метро «Новокузнецкая». Мы подъехали туда на машине. Я вышел, смотрю: стоит худенький мальчик, в очках, весь такой сублинный — Герману тогда было двадцать два года. И еще, кажется, трясется от страха...

И вдруг он мне протягивает выписки с банковских счетов «Истока»!

Я спрашиваю:

— Ты знаешь, кто под нас копает?

— Твердо пока ничего не знаю, — отвечает Герман, — хотя определенные догадки есть. И если вы наймете мое агентство, мы все для вас выясним.

— Хорошо, сколько вы хотите получать?

— Пять тысяч рублей... за всю работу!

— Нет проблем!

Я тогда ему сразу поверил. А как не поверить, если тебе показывают твои же банковские документы?!

Уже потом, через несколько лет в Лондоне, Герман признался мне, что все это был чистый блеф — он сам добыл эти документы специально, чтобы добиться встречи со мной. Причем сделал это самым простым способом. Герман просто приехал в Мосжилстройбанк и сказал: «Здравствуйте, я представитель «Истока». Дайте мне последние выписки со счетов». И ему отдали...

— — —

Но тогда я был в полном неведении. Ребята Германа сразу же развили «бурную» деятельность. Проверяли мой кабинет какой-то аппаратурой, откопали под столом «жучки». (Разумеется, они сами их и подбросили!)

Я дал Герману несколько поручений, которые он очень хорошо выполнил. Мне тогда досаждал один журналист, и я хотел узнать о нем поподробнее. Вообще Герман приносил досье на любого человека, информацию о котором я заказывал.

Я был очень доволен, несмотря на то что мифические следователи так и не обнаружили. И вдруг у Германа что-то случилось — компания прогорела, денег не стало. Он пришел ко мне и говорит:

— Артем Михайлович, я уезжаю за границу, вы не могли бы одолжить мне две с половиной тысячи долларов? Я приеду через месяц и деньги верну непременно!

Дал я ему деньги.

Герман исчез и вернулся только через полгода. Он рассказал совершенно невероятную историю, которая на этот раз оказалась правдой. Купив билет, он полетел в Доминиканскую Республику изучать возможности для бизнеса и в казино в первый

же вечер проиграл все занятые у меня деньги. Тогда он решил добраться до Кубы на лодке, чтобы там обратиться в российское посольство и вернуться в Россию. Почему-то в Доминиканской Республике посольство России не действовало. Лодка оказалась недостаточно прочной, так как он позаимствовал ее за последние гроши у местного рыбака. Плывая по Карибскому морю, Герман попал в жуткий шторм, тонул и, чудом уцелев, попал на необитаемый остров.

Уже не помню, сколько времени он прожил на этом острове, потом какие-то случайные туристы забрали его, полуживого, и снова отвезли в Доминиканскую Республику. Там нашлась женщина, которая поверила ему на слово, одолжив денег на обратный билет. Герман, кстати, об этом не забыл: став миллионером, он еще раз слетал в Доминиканскую Республику и отблагодарил свою спасительницу сотней тысяч долларов.

Появившись в моем офисе после этих приключений, Герман заявил:

— Артем Михайлович, я пропадаю, я полный ноль, я с трудом добрался до России... У меня к вам просьб нету. Я появлюсь только тогда, когда смогу вернуть вам долг!

Мне это понравилось.

— Ладно, Герман, забудь, — говорю ему, — давай я тебе дам денег, создадим какую-нибудь структуру, начнешь работать...

— Нет-нет, мне ничего от вас не нужно, я вернусь, только чтобы отдать долг!

— — —

И вот через три месяца, перед самой моей эмиграцией, он появляется и кладет деньги на стол. Я говорю:

— Хорошо, спасибо. Что дальше?

— А дальше, Артем Михайлович, я хочу учредить биржу!

— Ты хоть понимаешь, что это такое?

— Нет, совершенно не понимаю, но у меня интуиция! Если мы сейчас начнем биржу, то будем процветать!

Герман решил открыть биржу стройматериалов. Не знаю, насколько глубоким было его изучение рынка (если было вообще!), но он попал в десятку.

— У меня уже есть помещение, я договорился с транспортным агентством, мне дадут там несколько комнат, — сказал он. — И теперь дело уперлось в деньги. Помогите мне, Артем Михайлович!

— Герман, что значит «помогите»?

— Мне нужно два миллиона рублей!

— Почему именно два, а не три или не полтора?

— У меня все подсчитано. Я за месяц отдам!

Не то чтобы у меня не было двух миллионов, но мне хватало своих проблем, и никакая биржа меня не интересовала. Да и такие деньги считались очень солидной суммой.

Я говорю:

— Знаешь, Герман, я тебе денег не дам, но походатайствую за тебя перед каким-нибудь банком, который выдаст деньги под мою гарантию. Если ты их не вернешь, то подставишь меня перед банком.

Я позвонил Смоленскому в банк «Столичный». И, как ни странно, Саша очень обрадовался:

— У тебя есть человек, который хочет открыть биржу? Так это моя мечта! Я только и думаю о том, чтобы кто-то открыл биржу. Давай мне его немедленно сюда! Сколько ему нужно? Всего два миллиона?

Герман получил два миллиона и тут же полностью истратил их на телевизионную рекламу. Как ни странно, он оказался первопроходцем: до него никто не соображал, что все можно разрекламировать по телевидению, да так, что товар станет для граждан России просто необходимым. Эта была, пожалуй, одна из первых, если не первая, рекламная кампания на еще советском телевидении. За два миллиона рублей все каналы с упоением показывали зевающую собаку Германа по кличке Алиса. И биржа «Алиса» стала безумно популярной, хотя еще толком не открылась.

Герман начал продавать брокерские места. Сначала место стоило сорок тысяч. За первые две недели у него было уже сорок клиентов, и он вернул миллион шестьсот. Потом, к концу месяца, увидев, что поток огромный, он довел стоимость брокерского места до шестисот тысяч рублей, и все равно клиен-

ты покупали, велись на зевающую собаку Алису и толпами прибывали на биржу...

— — —

Когда биржа заработала, Герман время от времени появлялся и говорил:

— Артем Михайлович, такой успех, вы даже не представляете! У меня уже полтора миллиона брокерское место стоит — и все равно пять-шесть претендентов в день. Это просто фантастика!

— А что тебе приходится делать?

— Да я на бирже ничего вообще не делаю! Пришел продавец, который купил у меня брокерское место, пришел покупатель. Они могли встретиться где угодно: в каком-нибудь баре, в ресторане, в туалете. Но они встретились у меня, и настолько счастливы, что продали или купили кирпич или цемент, что тут же пишут благодарности...

76

Как было принято в то время, Герман завел книгу отзывов. И очень гордился количеством благодарностей. «Алиса» появилась в тот момент, когда уже рухнула система Госснаба и Госплана, а ничего другого еще не было. Конечно, очень скоро биржа стала работать на все виды товаров и услуг, у нее появилось множество филиалов, но это уже было после моей эмиграции из России.

Успех «Алисы» вызвал появление десятков, а следом и сотен новых бирж. Но как эта волна поднялась, так и рухнула. Ведь после двух-трех сделок необходимость в посреднике отпадала сама по себе: люди начинали торговать напрямую...

У Германа появился роскошный офис на Wall Street в Нью-Йорке. Я помню, как мы там встречались с выходцем из России, вице-президентом банка «Морган Стэнли». Он предложил купить «Алису» за астрономическую сумму — за пятнадцать миллионов долларов. У его банка был заказчик, который хотел купить по-настоящему раскрученную российскую компанию. И, кроме «Алисы», они ничего «на российском рынке» не нашли. Однако переговоры кончились очень быстро.

— Продать «Алису»? — удивился Герман. — Но ведь это имя моей собаки! Я никогда не продам имя моей собаки! Ни за какие деньги!

А через полгода «Алиса» рухнула, и Герман был разорен. Биржи в России стали убыточными и потеряли всякий спрос.

Кстати, тот представитель банка, ставший после этой встречи моим приятелем, постоянно мне твердил: господа, сколько же в России можно сделать денег! Надо ехать! Надо срочно ехать!

— Ну езжай, что тебя удерживает? — говорил я.

— Да понимаешь, Артем, я тебе по секрету скажу: у меня зарплата 750 тысяч долларов в год. Машина, страховки, моргедж в банке не оплачен, семья... Как я уеду? Я никак риск рассчитать не могу. Если бы я хоть ваш риск рассчитал...

— Еще чего! Этого в России никто и никогда сделать не сможет!

Тем не менее уже через год он был в России. Продал дом в Коннектикуте, переселился в Москву, занялся ГКО... Денег заработал огромное количество и до сих пор назад не собирается. Он высочайшего класса специалист по ценным бумагам, выпускник того знаменитого финансового американского университета в Пенсильвании — Warthon School, аспирантуру которого позднее окончил и я.

— — —

А Герман чувствовал себя королем. Императором! Показательна одна история. Однажды новогодне-рождественский оргкомитет по проведению президентской елки пригласил братьев Стерлиговых в числе других самых преуспевающих бизнесменов принять участие в празднике в качестве спонсора. Входной билет для спонсора стоил пять тысяч долларов, или пятьсот тысяч рублей. В приглашении указывалось, что присутствие президента Ельцина и первых лиц государства обеспечат спонсору хорошую рекламу, которая стоит этих денег.

Стерлигов откликнулся немедленно. «В ответ на ваше предложение принять участие в рождественской президентской

елке и перечислить 500 тысяч рублей, чтобы появляться на экранах в обществе господина Ельцина, брата Стерлиговы доводят до сведения оргкомитета, что принимают приглашение при соблюдении двух условий. Первое: в ходе трансляции по ТВ Ельцин обязуется находиться в их обществе не более одной минуты. Второе: за участие в вечере и повышение тем самым рейтинга российского президента брата Стерлиговы ожидают получить по пятьсот миллионов рублей каждый».

Вскоре Герман стал выпускать свою газету, зарегистрировал гимн компании «Алиса» и всерьез думал выпустить ордена и медали для награждения отличившихся сотрудников. Он стал называть «Алису» страной, а ее работников — жителями.

Пока Герман раскручивал свою биржу, я занимался созданием «Трансаэро» — первой в России независимой авиакомпании. Однажды ко мне пришли двое молодых ребят: Саша Плешаков, а другой Гриша Гуртовой.

Ребята оказались достаточно подкованными в своей области — окончили МАИ, работали в авиации, знали это хозяйство изнутри... И вот они говорят:

— Артем Михайлович, есть великолепный бизнес! Давайте создадим частную авиационную компанию, чтобы у «Аэрофлота» появился конкурент!

Как оказалось, Саша был сыном знаменитой женщины — генерала авиации Анодиной. Она тогда руководила закрытым авиационным институтом и, будучи в бальзаковском возрасте, была просто красавицей и очень обаятельной женщиной.

Когда я рассказал об этой идее премьер-министру России Ивану Силаеву, тот очень обрадовался. Авиация была его детищем, неразделенной вечной любовью. И кроме того, оказалось, что он дружил с Анодиной, возможно, пытался за ней ухаживать. Поэтому новому министру транспорта России Ефимову было дано немедленное поручение: поддержать депутата Артема Тарасова в создании первой независимой в России авиакомпании.

Ребят для начала нужно было где-то разместить. Я позволил Герману, и он сразу согласился выделить для «Трансаэро»

кусочек офиса «Алисы». Правда, они там задержались ненадолго.

Привыкнуть к обстановке, в которой работали сотрудники «Алисы», и в самом деле было непросто: Герман буквально за считанные месяцы превратился в жестокого диктатора. Одним из его любимых развлечений стало ходить по офису в бронежилете и стрелять в потолок из пистолета. Весь потолок и даже двери его кабинета были изрешечены пулями.

Уже намного позже, в Лондоне, я свел Германа с Илюшей Медковым, и они, как ни странно, сошлись характерами, хотя были абсолютно разными людьми.

Герман, конечно, был потенциальным аферистом и все больше заболел деньгами и властью. Думаю, он, как и многие российские бизнесмены, мог бы спокойно заказать киллеру своего конкурента. Медков такого не смог бы сделать никогда!

Тем не менее они вместе проводили время и развлекались: например, устраивали для своих охранников бои без правил, а сами делали ставки. В зависимости от того, кто победил, мне звонил то Илюша, то Герман и гордо сообщал о результате боев.

Брокеры в «Алисе» также не отличались примерным поведением. Во время их очередной разборки — сначала с мордобоем, а потом со стрельбой — Плешаков вместе с пожитками компании «Трансаэро» просто сбежал оттуда. И мне пришлось снова их пристраивать, теперь уже в особняке Союза кооператоров СССР, где я работал вице-президентом.

Первый бизнес для компании «Трансаэро» я организовал через свои связи в Нью-Йорке. Мне удалось встретиться там в Центре Еврейской общины с ее Главой. Мы договорились начать первые прямые полеты по маршруту Москва — Тель-Авив для новой компании «Трансаэро». Для этого все нашлось: и первый «боинг», и деньги. Нью-Йоркский центр стал платить по четыреста долларов компании «Трансаэро» за каждого еврейского эмигранта, вылетевшего в Израиль на нашем самолете. Это было по тем временам потрясающе выгодным бизнесом. «Аэрофлот» не летал в Израиль по политическим соображениям, в связи с поддержкой СССР араб-

ских стран. Переселенцам из СССР приходилось лететь через Будапешт венгерскими авиалиниями, что было намного дольше и тяжелее.

Кстати, в то время ко мне часто приходили поговорить о бизнесе двое молодых ребят, которые тоже были народными депутатами: Боря Немцов и Кирсан Илюмжинов. Чтобы поддержать Немцова материально, я пристроил его в «Трансаэро», но работать там он так и не стал. А с Кирсаном моя жизнь тесно переплелась в будущем, но об этом надо рассказывать отдельно...

Когда я уехал из России, у меня оставалось 75 процентов акций «Трансаэро». Чтобы избавиться от меня как от опасного акционера, компанию «Трансаэро» просто перерегистрировали под тем же названием, но уже без меня. А в 1995 году, когда я вернулся обратно в Россию, меня даже не пригласили на пятилетие «Трансаэро». Счастливого полета вам, ребята...

— — —

Уже год я жил в Лондоне. За 1992 год мою английскую фирму «Кенмор сервис» посетили 142 визитера из России. То есть каждый второй-третий день приезжал новый человек, чтобы что-то обсудить: продажу леса, нефти, открытие счета в иностранном банке, поиск партнера...

Денег за консультации я ни у кого не брал, фирма работала как богадельня. Это была, конечно, глупость, но тогда я был искренне убежден, что просто должен всем помогать. Меня не покидало чувство причастности к тем переменам, которые происходили в России...

Очень быстро распространился слух, что я жив и здоров, процветаю, консультирую, помогаю и не беру за это денег. Вот ко мне все и повалили!

Так в моем лондонском офисе появился Хамид Садеков, просто потрясающий парень, болгарин по национальности — есть такие волжские племена, близкие к татарам. Очень практичные, между прочим, люди. Уже потом, когда я вернулся в Россию и работал в Думе, я как-то побывал у Хамида в гостях, в его родном болгарском селе Рябушкино Нижегородской

области. Село процветало, поскольку предприимчивые жители организовали у себя бойню: скупали в соседних деревнях весь живой скот, резали его, продавали мясо и получали с этого огромные деньги. Вот и породило это зажиточное село великого предпринимателя Хамида Садекова.

Мы познакомились давно, еще в 1988 году, когда Хамид приехал в мой кооператив «Техника» с очень нестандартной идеей. Он с друзьями изобрел, видите ли, новую швейную машинку! Я не стал вдаваться в подробности, но, внимательно посмотрев на ясное, улыбающееся лицо Хамида, выдал ему двадцать тысяч рублей. Через два месяца он привез готовую работающую швейную машинку совершенно новой технологии — она, по-моему, остается уникальной до сих пор.

Вообще швейная машинка — очень серьезный агрегат, там около ста пятидесяти мелких деталей, масса сложных механизмов. А в модели Хамида их было в два раза меньше, зато по возможностям машинка на порядок опережала все существующие в мире!

Демонстрируя свое изобретение, Хамид сидел и вышивал прямо в кабинете. Потом мы сделали еще шесть опытных образцов машинок и решили послать его в Китай — для поиска партнеров и налаживания выпуска продукции. Хамид поехал, нашел там завод швейных машинок, показывал свою модель восхищенным китайцам, не говоря при этом ни по-китайски, ни по-английски! Соответствующий договор был составлен и подписан. Сначала о простой сборке китайских машинок на Подольском заводе, а потом об обратном — о сборке машинки Хамида в Китае. Как ему это удалось, до сих пор не понимаю.

С русским языком у него тоже было очень неважно. Тем не менее однажды Хамид блестяще выступил в Кремле, когда я взял его с собой на президиум Совета Министров СССР. Он рассказывал о своей машинке очень эмоционально, постоянно жестикулируя, улыбаясь, сбиваясь и начиная снова...

А потом сам Величко, министр тяжелого машиностроения СССР, отвел Хамида и говорит:

— Чего ты там рассказывал, я ничего не понял! А ну-ка покажи чертежи. — И когда посмотрел чертежи, то пришел

в полный восторг и говорит: — Будем производить! Вот это да! Это же то, что мы ищем для своих заводов, переводя их с оборонки на производство товаров народного потребления!

Хамид стал близким другом Величко. А кончилось все тем, что позже, через пять лет, Хамид открыл свой банк и поставил безработного бывшего министра тяжелого машиностроения СССР председателем совета директоров!

Вообще Хамид был потрясающе коммуникабельным человеком. Выглядел он очень выразительно: огромные белые зубы, пышные усы и самое главное — обворожительная улыбка, которая никогда не сходила с его лица.

Ему удавалось расположить к себе незнакомых людей с невероятной быстротой. К примеру, я познакомил его с Немцовым, когда Боря уже был губернатором Нижегородской области, и ровно через неделю Хамид уже стал его близким другом...

Говоря по-русски с ошибками и ужасным акцентом и часто невнятно излагая элементарные мысли, Хамид постоянно где-то выступал, читал лекции и писал кандидатскую диссертацию по машиностроению, которую в итоге так и не защитил.

— — —

И вот мы встретились снова — в Лондоне. Хамид уже заработал огромные деньги, стал заместителем директора и акционером общества «Роснефтегаз», продавал на экспорт нефть, перерабатывал нефтепродукты, получая десятки миллионов долларов в месяц.

Вокруг этого бизнеса тогда был страшный бум. Еще бы! В России тонна нефти стоила 20 долларов, а на внешнем рынке — 110—120!

Мы открыли номерной счет для его фирмы в «Шродерс банке», одном из пяти крупнейших инвестиционных банков мира. Эта процедура заняла буквально пять минут: поскольку банк инвестиционный, а счет номерной, не требовалось никакого разрешения, сработала только моя рекомендация.

Кстати, такие же счета я открывал и другим своим партнерам по бизнесу. Я стал их представителем, но единственное,

что потребовали в «Шродерсе», чтобы рядом с подписью хозяина счета везде стояла и моя. В дальнейшем это обстоятельство спасло моим партнерам очень большие деньги...

Разумеется, Хамид подружился с президентом банка за пять минут, и вскоре мы развернули бурную торговлю: продавали 200-300 тысяч тонн нефти в месяц по мировым ценам. Это были огромные деньги, и мы договорились, что я получаю от сделок по пять процентов комиссионных...

— — —

Лицензии на экспорт нефти выдавались в России легко, но уже, естественно, за взятки. Величина мздоимства быстро возрастала, и вскоре взятки достигли ужасающих размеров. Хамид выезжал в порты или на перерабатывающие заводы подписывать документы на очередную отгрузку с двумя чемоданами: один маленький — с вещами, а другой массивный — с наличной валютой.

Брали все: начиная от мелких чиновников и кончая крупным начальством. Выстраивалась нормальная российская пирамида, которая существовала в теневом бизнесе и в мое время, а сейчас бесстыдно вылезла на поверхность и легализовалась.

Бюрократы всех уровней вошли во вкус и с бешеной скоростью стали изобретать ограничения, которые бы делали их позицию в нефтяном и экспортном бизнесе очень «нужной», а значит, и денежной.

Подходит, например, в порт на погрузку танкер, и диспетчер решает, пропустить его вперед или поставить в хвост очереди. Значит, нужно дать взятку диспетчеру, иначе можно загорать дней пять-шесть и при этом платить за простой тысячи долларов штрафов в день.

А на танкере это никого не волнует — все убытки покрывает или покупатель, или продавец. Сама команда терпеливо ждет, когда судну разрешат причалить: капитан отдыхает, матросы ловят рыбу или дружно отправляются в кабаки...

Да что там порт! Ведь труба, качающая нефть, проходит по семи-восьми регионам России. Местные руководители очень

быстро поняли: кусок трубы, оказавшийся на их территории, просто обязан приносить деньги им в карман. Поэтому, не согласовав прокачку нефти со всеми заинтересованными лицами в регионах, получить ее в порту было просто невозможно.

А на железной дороге есть такая потрясающая вещь, как узловая станция. И если вы не заплатили там кому следует, ваш товарный поезд загоняется в тупик: о нем просто забывают, а вы даже не знаете, на какой именно станции это произошло. Поэтому свою цистерну, вагон или весь состав всегда сопровождали люди с портфелями денег.

И вот наконец вы добирались до таможни. Там тоже свои правила: ведь таможенную декларацию можно оформить за двадцать минут, можно за день, а можно и за десять дней не оформить. При этом всегда легко к чему-нибудь придраться: ах, у вас на справке печать неясная...

Пока везут из Тюмени справку с более ясной печатью, улетучится не одна пачка денег...

Со взятками никто не боролся. К примеру, за пятьдесят тысяч долларов можно было устроить встречу с Черномырдыным, мне самому тогда это предлагали посредники. С любым человеком можно было встретиться, любой вопрос решить за взятку под столом или прямо на столе.

Кстати, мы с Галиной Старовойтовой в тот момент серьезно думали о создании в России официальной лоббистской фирмы. А почему бы нет? Я предложил ей в качестве примера английскую компанию, которая приглашала на работу бывших политиков со всего мира официальными консультантами. Например, в той компании работали Маргарет Тэтчер, многие члены английского парламента, которых не переизбрали, бывшие члены Европарламента и экс-президент Франции Миттеран.

Фирма вполне легально предлагала решить любые вопросы в европейских парламентах, а также организовать встречи со всеми лидерами ведущих стран. Конечно, они платили налоги, а с дополнительных доходов стимулировали своих работников, создавая избирательные фонды для финансирования их собственных будущих избирательных кампаний.

При такой системе сама собой отпадала необходимость во взятках. Фирма была очень заинтересована в открытии своего отделения в России, а мы с Галиной Старовойтовой очень подходили для этой работы, как бывшие депутаты...

— — —

Бизнес с Хамидом был успешен, поскольку его деятельность в качестве посредника была такой же необходимой, как в свое время работа биржи «Алиса». И точно так же скоро эта необходимость сошла на нет. Когда директора предприятий и иностранные покупатели поняли, что гораздо выгоднее договариваться напрямую, в Лондон хлынули тучи нефтяников и промысловиков из далеких российских провинций.

Эти люди впервые оказывались за границей, а их еще усиленно обрабатывали фирмачи и наши бывшие экспортеры, приватизировавшие государственные внешторги и оставшиеся за границей.

Роскошные яхты, рестораны, проститутки, ценные подарки... Планируя расходные части бюджетов, фирмы выделяли отдельной строкой суммы на обработку российских клиентов.

Нефтяники дико напивались во всех ресторанах, куда их водили. Они требовали еще, и еще, и еще. А ну-ка вискаря давай! Ой, говно какое! А давай все, что у них тут крепкого есть, — ром и джин вместе! Вот теперь хорошо!

Хотя наблюдать все это было ужасно, но требования приходилось выполнять, иначе нефтяники не продали бы нефть Хамиду, он не отгрузил бы ее на Запад и мы ничего бы не получили.

А потом нефтяники выходили из ресторана и благополучно мочились — прямо на улице Пикадилли, на уголок дома, принадлежащего герцогу Вестминстерскому. Подумаешь, Лондон, «Грин Парк», чем тебе не тайга?

Тем временем в России полным ходом шла гайдаровская реформа, и вместе со всеми товарами дорожала и сама нефть, и ее транспортировка. Цены рванули со страшной скоростью: сегодня тонна нефти в стране стоит 20 долларов — завтра уже 25, потом 45, потом 65... И все равно этот бизнес оставался выгодным в 1993 году.

- - -

Хамид так любил свою родную деревню Рябушкино в Нижегородской области, что, разбогатевав, решил сделать землякам подарок: провести частный газопровод. Вызвал специалистов из Швеции, и они за 17 миллионов долларов построили отличный газопровод! Врубились в магистраль и протащили трубопровод аж на десять километров в сторону деревни. Мало того, Хамид провел ответвления ко всем домам, да еще каждой семье подарил по газовой печке иностранного производства!

После чего он отправился «дружить» в «Газпром» и попутно договариваться о поставках газа в село. Но там, наверное, первый раз в его жизни случился облом. Хамиду вежливо, но твердо объяснили, что газ приватизировать нельзя.

— Но я же построил газопровод! — возмутился Хамид.

— Сами построили — сами и ликвидируйте, — посоветовали Хамиду.

Видя, что с покупкой газа ничего не получится, Хамид предложил свой газопровод просто подарить «Газпрому». Но и это было решительно отвергнуто.

— Вы с ума сошли! — возмутились чиновники. — С чего это мы должны его брать в подарок, а потом обслуживать? У нас по плану газификация села Рябушкино на 2010 год!

Хамид был очень расстроен. Потом он все-таки что-то придумал, заплатив местным газовщикам, и газ немножко просачивался на первые два дома, а все остальные ждали... Интересно, что сейчас происходит в Рябушкине: дали газ или так и стоит построенный Хамидом газопровод, как памятник бездушию монополиста «Газпрома»? Не знаю...

Зато я знаю о другом памятнике: его построили в память Хамида Садекова, расстрелянного наемными убийцами в 1996 году.

Известие об убийстве друга потрясает бесконечно. Всегда невозможно в это поверить, злоба от бессилия надолго сжимает сердце. Как после такого надеяться, что Россия вырвется из петли, в которую ее загнали нерадивые люди, захватившие власть и ее огромные богатства? Это неправда, когда все беды

сваливают на время, на строй, на еще что-то абстрактное. В том, что стало с Россией, виноваты конкретные люди, многих из которых я знаю лично. Они по какому-то недоразумению попали во власть, не обладая ни умом, ни знаниями, ни опытом. Но главное, у них напрочь отсутствовали милосердие и сочувствие к своему многострадальному народу. Какое-то зловещее везение и жажда наживы полностью определяют их сущность.

Хамид был расстрелян в упор из автомата на Николиной Горе, в сорока метрах от дачи Ельцина. Он сам сидел за рулем и никогда не ездил с охраной. Его машину остановили, перегородив шоссе другой иномаркой, и выпустили обойму, тридцать патронов из автомата АКМ. Все было профессионально: другие сидевшие в машине даже не пострадали.

Я был во второй эмиграции и не мог приехать на его похороны. Но почему-то так получилось, что только я один, не считая родственников Хамида, дал немного денег на строительство мечети. Куда же делись его партнеры по бизнесу? Турецкие строители соорудили в Рябушкине миниатюрный Софийский собор в честь убиенного Хамида. И все жители оплакивали его, ведь он был национальным героем маленького нижегородского села: олигарх, миллионер, который очень много делал людям добра и со всеми дружил.

— — —

Насколько я понимаю, Хамид за всю свою жизнь прочитал только одну книгу — про Остапа Бендера. Возможно, он и ее не читал, а просто посмотрел кинофильм, после чего решил слетать в Рио-де-Жанейро и пройтись там в белых парусиновых штанах. Однажды он мне говорит:

— Артем Михайлович, помогите купить иностранный паспорт, желательно бразильский!

— Зачем он тебе, Хамид?

— Хочу кое-куда съездить...

Я нашел одну фирму, которая продала ему гондурасское гражданство. И гондурасец из села Рябушкино Хамид отправился в Рио-де-Жанейро!

Обычно он путешествовал без всякого багажа, вез с собой огромные пачки денег — все карманы были набиты купюрами — и еще кучу золотых кредитных карточек! Хамид покупал все необходимое прямо на месте и назад уже возвращался с огромными тюками, наполненными самой роскошной одеждой, обувью... Несколько раз он покупал на месте дорогую машину, а поездив на ней, просто кому-то ее дарил.

И вот безо всякого багажа, упакованный деньгами, Хамид прилетел из Лондона в Рио-де-Жанейро. А там ему на таможене говорят:

— Ваш паспорт для Бразилии не годится. Летите за визой к себе в Гондурас или в Буэнос-Айрес — туда вас пропустят. Поставите визу в Бразилию и тогда возвращайтесь. Понимаете?

Хамид на все это просто улыбался и воспринимал эти пожелания как приветствия встречающих. Но в конце концов ему ситуацию как-то объяснили. Вы помните, Хамид, кроме своего болгарского наречия и косноязычного русского, не говорил ни на одном языке мира. Хорошо, бразильские таможенники его не обыскали, а то бы повторилась история, описанная в «Золотом теленке».

Хамид решил лететь в Аргентину за визой в Бразилию, купил тут же билет до Буэнос-Айреса и полетел. Через некоторое время самолет совершил посадку в Сан-Пауло, в экономической столице Бразилии. А Хамид вообразил, что он уже в Буэнос-Айресе. Он вышел из самолета, каким-то чудом прошел таможеню и стал искать в самом большом городе Бразилии Сан-Пауло с населением больше двадцати пяти миллионов человек гондурасское консульство в Аргентине!

Он проездил по улицам города, к великой радости местного таксиста, несколько часов и невероятно, но что-то связанное с Гондурасом все же отыскал. Зашел в офис и говорит:

— Вы тут у себя в Буэнос-Айресе можете мне поставить визу обратно в Бразилию?

Все бразильские работники были в полном шоке, когда до них дошло, что просит Хамид.

Но, разумеется, благодаря своей обворожительной улыбке Хамид в итоге подружился с главным бразильским бюрокра-

том в офисе, его вновь отвезли в аэропорт, снова посадили на самолет до Буэнос-Айреса. По прилете в Аргентину он нашел российскую переводчицу, которая помогла ему купить вещи, получить визу и вернуться обратно в Рио-де-Жанейро!

Но главные приключения ждали его впереди.

— — —

Прилетев в Рио-де-Жанейро, Хамид снял в самой шикарной гостинице «Меридиан» люкс с видом на океан и побежал купаться. При этом костюм, где лежали пачки денег, кредитные карточки и паспорт, остался на песке самого криминального в мире пляжа Копакабана. И вдруг он видит, что его одежду хватает какой-то мальчишка и несется с ней со всех ног.

Хамид выбрался из воды и помчался в черных семейных трусах за мальчиком по знаменитому пляжу. По дороге он споткнулся о камень и очень неудачно упал, поломав себе ребро, но тем не менее мальчика все равно догнал. И тут выскочили трое здоровых черных парней с ножами в руках...

Что сделал Хамид? Он мгновенно отнял ножи у двух нападавших, которые растерялись от неожиданной атаки. Третий буквально обезумел от такой наглости: какой-то иностранец, мокрый, в одних трусах, нахально отнимает ножи у его друзей! Когда они обычно нападали на иностранцев, те в панике оставляли и деньги и одежду, а сами уносили ноги. А тут какой-то обнаглевший тип. Сам напал на них.

Они спрашивают Хамида по-португальски:

— Ты кто?

— Я Россия, Раша, — отвечает Хамид.

— А-а, рашен мафия! А мы — бразилиан мафия! — обрадовались эти парни. В общем, через минуту Хамид уже с ними подружился.

Они отдали ему всю одежду, деньги и повели в ресторан выпить за знакомство. И он так понравился парням из бразильской мафии, что продолжалось это три дня подряд.

Но Хамид был настоящим бизнесменом. На третий день он приобрел с помощью мафиози за три тысячи долларов чис-

тый, очень хорошего качества изумруд. В Лондоне немедленно продал его антиквару за двенадцать тысяч фунтов и при этом оправдал свою поездку: все покупки, консультации у врачей частного госпиталя по поводу сломанного ребра и даже остался в большой прибыли, а главное — повидал Рио-де-Жанейро!

— — —

А потом к Хамиду прилетела переводчица из Буэнос-Айреса, влюбившаяся в него, когда он ставил визу в гондурасском консульстве. Хамид очень удивлялся: я же ей ничего не обещал, и ничего особенного у меня с ней не было, куда я ее теперь дену...

Конечно, он поселил переводчицу в «Метрополе», возил ее по Москве и оплатил дорогу в оба конца.

У Хамида была жена, дети. И возлюбленная, которой он очень гордился. Потому что для простого парня из села Рябушкино иметь в любовницах телезвезду — это просто фантастика!

Хамид ее очень любил и все время что-то покупал, дарил безумные подарки. В Лондоне, заходя в магазин, он обычно внимательно смотрел по сторонам, а потом хватал за руку какую-нибудь женщину и говорил:

— Переведи, пожалуйста, Артем! Пусть она со мной ходит по этажам! Я вижу, это тот размер, что у моей любимой! Пусть она все на себя примеряет, я заплачу!

Я переводил. Женщина, конечно, начинала отказываться. Хамид доставал сто, двести, триста фунтов стерлингов, улыбался... Англичанки были потрясены, но потом послушно ходили за Хамидом и примеряли одежду.

Один раз в жизни я видел их вместе, на семидесятилетии Вахтанговского театра, и телезвезда ужасно стеснялась. Сидела отдельно. Не знаю, почему; может быть, и она была замужем. А Хамид подошел ко мне и говорит: «Знаешь, Артем, я счастлив, что у меня есть такая женщина». Я не называю ее имени, потому что оно известно телезрителям России...

У Хамида Садекова на счету было 78 миллионов долларов — это точная цифра. В годы перед смертью он начал возвращать капитал в Россию. Наверное, одним из первых. Хамид строил на миллионы долларов бензоколонки и супермаркеты в Нижегородской области.

Думаю, причина его убийства была, как ни странно, политической. Но это моя личная версия. Я не могу ее доказать и поэтому не называю имен возможных заказчиков.

Желая угодить Немцову, Хамид тогда выкупил акции Нижегородского телевидения. Его расстреляли в пятницу, а в субботу было назначено собрание акционеров, на котором он официально должен был предъявить свой контрольный пакет.

Для Бориса это было большим шоком. Я тогда поговорил с ним по телефону.

— Это предупреждение для меня! — с горечью сказал он. — Что же у нас происходит?

— То, что сделали, то и имеете, — ответил я достаточно грубо.

Борис тогда уже был вице-премьером у Ельцина. И я имел право так ему сказать.

Илья, Герман, Хамид — они знали друг друга. Их объединяла неутолимая страсть к жизни и, возможно, подсознательный страх не успеть. Они ходили в самые лучшие магазины и рестораны. Им нужны были только супервещи за суперденьги... Самый дорогой «Ролекс». Бриллиантовый «Паша» от Картье — несколько штук. Безумные драгоценности...

Илюша мог застегиваться не на те пуговицы, но он приходил в «Армани», и весь персонал выстраивался в ряд, потому что Илюша покупал сразу семь-восемь костюмов. Так же вел себя и Хамид: заверните, пожалуйста, все расцветки, и десять рубашек, и двадцать галстуков до следующего приезда.

Они так спешили все получить, будто кто-то незримый их толкал и нашептывал: скоро ничего уже не будет.

Не судите их строго. Эти люди жили в переломный момент истории России. Они обладали от природы предпринимательским талантом. Одним из самых главных качеств человека, да-

ющим возможность развиваться обществу и двигаться мировому прогрессу. Талант в России редко в почете, тем более талант предпринимателя. Он может приносить как пользу, так и вред. Все зависит от той среды, в которой он живет и действует. Только от этого.

Ни Илюшу, ни Хамида я не могу представить мертвыми. Они для меня живы так же, как всегда будут живыми в памяти и другие мои друзья: Иван Кивелиди, Влад Листьев, Галя Старовойтова, Анатолий Собчак, Сергей Юшенков...

Однажды я подсчитал, скольких моих друзей и близких знакомых убили в России за период с 1993 по 2003 год. Получилось — двадцать семь человек...

**ИЗБЕРИ СЕБЕ ЖИЗНЬ,
ЧТОБЫ ЖИТЬ**

Глава 3 СТРАНА ПЛОХИХ СОВЕТОВ

Почему люди пишут книги? Ответов на этот вопрос множество, практически столько же, сколько было написано разных книг. Мой же случай имеет имя собственное: Михаил Болотовский.

Не помню, как и откуда он появился в первый раз! Журналист по специальности, авантюрист и предприниматель по натуре, Болотовский выпускал прекрасный журнал в Санкт-Петербурге под названием «Интербизнес». Он был главным редактором, и все начинали читать журнал именно с его авторской колонки, в которой Миша исподтишка рекламировал содержание номера и ловко завлекал читателя обязательно прочесть весь его целиком, от обложки до обложки. Журнал состоял на 80 процентов из интервью с разными людьми. Причем интервью специфических, во время которых собеседника выводили из себя каверзными и провокационными вопросами, что придавало особый, скандальный характер статьям журнала, но в то же время раскрывало личность «героев» и делало написанное занимательным и интересным.

Болотовский предложил мне написать книгу о моей жизни, и я категорически отказался. А потом подумал: деревья уже сажал, сына на свет родил, может, и стоит для комплекта что-то написать?

Известные люди в современном мире «пишут книги» руками и мозгами других — и я подумал, что в моем случае надо использовать талант Болотовского и эту проверенную методику. Тогда самому не придется тратить время на это занятие — довольно нудное, да и мне несвойственное.

Ах, моя доверчивость! Именно так и разрисовал коварный Болотовский ту адскую работу, в которую он меня втянул.

Вся каверзность Болотовского заключалась в том, что, записав с моих слов восемнадцать магнитофонных кассет и рас-

шифровав текст, он придумал, каким образом заставить меня работать над своей книгой, «не щадя живота своего» и времени. Он скромно предложил страницы своего замечательного журнала для публикаций отдельных глав книги по мере их появления. Не подозревая подвоха, я согласился! А что тут такого? Пусть по мере написания сам и публикует, подумал я.

И вот по Интернету для согласования в Лондон из Санкт-Петербурга мне была прислана первая «готовая» глава для публикации в журнале!

Господи! Вы бы видели, каким идиотом выглядел я в этой главе! Все факты были перевернуты вверх тормашками, косноязычность моей речи была запредельной, я будто специально извращал факты из своей жизни, а неточностям в описании событий не было конца.

— Неужели он написал это с моих слов? — изумлялся я.

Нельзя было допустить, чтобы ТАКОЕ было напечатано под моим именем. Никогда!!!

Что мне было делать в данной ситуации? Конечно, все бросать и садиться за переделку текста.

И так продолжалось около года. Каждая новая глава, записанная «с моих слов», забирала у меня несколько суток жизни на ее новое написание. Когда я наконец заканчивал над ней работу, то, проходя мимо зеркала, видел свои налитые кровью глаза и опухшее лицо. И всякий раз говорил себе совсем не то, что великий поэт: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» Я говорил:

— Ну и попал же ты! Писатель хренов!

И эта фраза показывала всю пропасть между мной и великим поэтом...

Но справедливости ради я все же себе признавался, что описание моей судьбы может заполнить страницы объемного тома. Столько всего было за прожитые годы!

Получилось, что вместе с Россией, преодолевшей за это время эпоху, я прожил несколько жизней! Первая, самая длинная, но отнюдь не самая насыщенная, продолжалась с моего рождения до 1987 года. Она называлась «Винтик в коммунист-

тическом аппарате своего Отечества». Вторая — с мая 1987 года по февраль 1991-го, самая бурная и драматическая, начало свободной рыночной экономики в СССР — «Глоток несбыточных надежд». Третья — эмиграция, с марта 1991 года по декабрь 1993-го, — «Ностальгический синдром». Четвертая жизнь в новой России — с января 1994 по ноябрь 1996-го — «Возвращение на чужую Родину». Пятая — с ноября 1996 по май 2000-го, опять из России в Лондон, под названием «Из мнимого капитализма в настоящий». И, наконец, шестая — еще одна попытка вернуться домой — «В поисках точки опоры».

Мои жизни обладали всем необходимым набором для соответствия этому определению: детством с естественным познанием нового мира, наивными ошибками и синяками; молодостью с присущими ей увлечениями и переоценкой ценностей; зрелостью с прозрением, славой и преодолением себя самого; мудрой старостью и даже смертью.

Я завидую всем, кто живет один раз: это более естественно для природы человека. Но уж кому как повезет...

В отличие от тех, кто публикует свои автобиографии, я сразу решил этого не делать, так как никогда в жизни дневников не вел. Все, на что я способен, это написать литературно-математическое эссе о жизни вообще и о себе в частности. И пусть так и будет...

— — —

В 1985 году, когда пришел к власти Горбачев и была назначена «сверху» новая эра в жизни советского общества «Перестройка и Ускорение», никто в мире не думал, что это серьезно.

Тогда шутили, что после каждого заседания Политбюро Горбачев приходил домой с большим синяком на щеке. Каждый из старых членов подходил к нему, поздравлял с назначением и щипал дружески за щеку со словами: «Ууу! Какой ты молоденький!»

Мне вспоминается разговор, услышанный в одном коридоре, напротив приемной министра. Разговаривали два чиновника, один из которых нервно курил, был красный, как спелый помидор, и только что вышел из кабинета самого шефа.

— Будто с цепи министр сорвался! — говорил он. — Так меня поливал матом, стучал кулаком по столу, орал как сумасшедший: «Ты, твою мать, понимаешь, в какое новое время живем? Ты почему до сих пор не перестроился?» А как на такой вопрос ответишь?

— Да ладно, не расстраивайся! — утешал другой. — Времени у тебя хватит, ускорение только начинается. Еще успеешь!

Это было в Министерстве химической промышленности, что совершенно не важно! Таких министерств тогда в СССР было 120 или даже больше. Если, допустим, этот случай произошел бы в Министерстве плодоовощной и ягодной промышленности, боюсь, что бедный чиновник так и не успел бы перестроиться — министерство ликвидировали уже через полгода.

Административно-командное управление было единственным стилем взаимоотношений. Люди разделялись на две категории: номенклатуру и подчиненных, или зверей-начальников и исполнителей-рабов.

Если по своей природе начальник не был зверем, то либо он слетал со своего кресла, либо с ним рядом находились его заместители, которые выполняли обязанности зверя. А сам начальник выступал в роли раба для вышестоящего начальника, и так до самой вершины пирамиды.

Мой хороший приятель, директор одного крупного предприятия, так описывал мне процедуру вызова на ковер к первому секретарю московской коммунистической партийной организации Гришину.

Тот сидел в самом конце огромного кабинета, напротив входной двери, от которой к его столу тянулась ковровая дорожка. Ножкой от буквы «Т» был приставлен еще один маленький стол. За ним с двух сторон восседали два специальных работника, молодые, красноречивые и по-звериному агрессивные. В кабинете находились только эти три сидячих места — гришинское кресло и два стула для спецов.

Вызванному на ковер сесть не предлагали — да и негде было. Поэтому он, робко войдя и сделав несколько шагов по направлению к столам, останавливался в нерешительности напротив.

Спеццы, не отрываясь от бумаг, зачитывали вопрос, по которому надлежало разобраться с жертвой, полную характеристику работы предприятия и детали из жизни с такими подробностями, которые вызванному и не снились, — вплоть до его личных отношений с очередной любовницей.

А дальше начиналась проработка. Отточенными фразами молодые звери превращали человека в дерьмо. Обвинения в том, что он саботажник, преступник, подлец и ему место не в партии, а только на скамье подсудимых, чередовались со множеством риторических вопросов, на которые просто нельзя было ответить, и изложением фактов личной жизни, видимо прослушанных и подсмотренных.

Скорость перекрестного уничтожения была такой, что на ответ времени не давали, поскольку сразу же задавался другой вопрос, третий и так далее.

Если же обложенный дрянью начинал оправдываться, спеццы входили в раж и не оставляли от него даже мокрого места.

Гришин всегда сидел молча. Внизу под окнами дежурила машина реанимации, так как у вызванных часто случались сердечные приступы, в том числе и со смертельным исходом.

Если подопытный выдерживал экзекуцию до конца, Гришин останавливал спеццов, поднимал невинный взор и зачитывал уже приготовленное решение по этому вопросу: выгнать из партии, снять с работы, объявить выговор, строго указать... А в приемной ожидали своей очереди другие приглашенные.

Мы думали, что все в нашей стране — и власть, и люди, и собственность — принадлежит организации — Коммунистической партии Советского Союза, что было не совсем правильно. На самом же деле страна находилась в полном распоряжении конкретных людей — членов Политбюро Центрального Комитета (ЦК) компартии. Для особо непослушных, если воздействие партии казалось недостаточным, использовались эффективные карательные аппараты КГБ и милиции. Экономика управлялась соответствующими отделами ЦК КПСС Советом Министров СССР — организацией, которая выполняла все их распоряжения и указания.

Ниже располагались министерства и государственные комитеты: планирования, снабжения, статистики, цен и множество других...

Система работала непрерывно по замкнутому кругу. Вещественным продуктом ее производства являлись миллионы тонн исписанной бумаги. Позже были опубликованы факты, что только четыре процента от всей бумаги, выпущенной и завезенной в СССР, использовалось для печатания книг, журналов и газет, а остальные 96 процентов — для обмена письмами и документами между министерствами и ведомствами, издания преискурантов, инструкций и бланков статистической отчетности.

Когда говорили, что «СССР самая читающая страна в мире», я всегда понимал это буквально. Вполне можно было бы добавить: и самая пишущая в мире.

Год начинался с составления бумаг, которые должны были определить жизнь всей страны начиная со следующего года.

Огромные аппараты управления на предприятиях и в учреждениях, составлявшие от 25 до 80 процентов от общей численности работавших, писали и заполняли тысячи присланных сверху форм, в которых пытались определить все, что может понадобиться для будущей деятельности: от количества канцелярских скрепок и гвоздей до строительства новых домов и заводов. Этот процесс назывался «заявочной кампанией».

Заполненные формы направлялись выше — в главки и управления, где эти формы сводились в общие таблицы, обрабатывались по тысячам научно обоснованных методик и инструкций и отправлялись в министерства.

Работники министерств сводили формы, полученные из главков и управлений, в общие таблицы, выводили общие показатели, после чего направляли в Государственный комитет материально-технического снабжения — Госснаб СССР.

Госснаб СССР составлял отдельные формы по республикам, регионам, отраслям промышленности и сферам социальной жизни, представлявшие заявленную потребность страны на будущий год.

Интереснее всего было то, что от низа до самого верха каждый, заполнявший эти формы, указывал несуществующие на

самом деле потребности, стараясь как можно больше их увеличить, поскольку знал, что ждет эти бумажки впереди.

Если требовалось 100 килограммов какого-то продукта — писали 350. Если нужно было 20 миллионов рублей на реконструкцию цеха — в бумагах указывалось 40 миллионов...

Выполнив историческую миссию по составлению сводной таблицы несуществующих потребностей страны, Госснаб СССР отчитывался перед Советом Министров, а тот, в свою очередь, перед ЦК. После этого полученные данные передавались в Государственный комитет по планированию — Госплан СССР, который проводил не менее историческую по значимости работу.

В Госплан СССР снизу поступали бумаги, обработанные по строго научным методикам бюрократами предприятий и учреждений, главков и управлений, министерств и ведомств, а на последней стадии и Государственным комитетом по статистической отчетности — ЦСУ СССР. (Позднее его переименовали в Госкомстат СССР.)

В этих формах указывались миллионы показателей, отражающих, как работала вся страна в предыдущем году: сколько было произведено мыла и гвоздей, построено предприятий, закуплено и выпущено оборудования, истрачено валюты, создано новых рабочих мест, заявки на все материальные ценности на следующий год.

Каждый, кто заполнял эти формы отчетности, тоже указывал неверные цифры. Ведь надо было обязательно показать, что все запланированное в прошлом году было выполнено — и даже чуть-чуть перевыполнено. Иначе не дадут требуемого количества на следующий год.

Тогда был популярен такой анекдот.

«Идут международные соревнования по выдавливанию сока из стограммового лимона. Выступает японский спортсмен, сжимает лимон в кулаке — и в стакан вытекает 50 граммов лимонного сока. На его майке надпись: «КАРАТЕ». Выступает американский спортсмен. Лимон в кулаке, одно усилие — и вытекло 80 граммов сока. Надпись на его майке: «ЦРУ». Выступает первый советский спортсмен. Лимон в кулаке, сжатие — вытекло 100 граммов сока.

Надпись на майке: “КГБ СССР”. А последним выступает второй советский спортсмен. Из стограммового лимона выдавлено сто пятьдесят граммов сока! Надпись на майке: “ЦСУ СССР”».

Итак, понимая, что вся поступившая информация абсолютно недостоверна, чиновники в Госплане начинали состыковывать данные между собой. И хотя десятки тысяч сотрудников, которые трудились в поте лица, прекрасно понимали бесполезность своей работы, на самом деле она была очень полезна и нужна. Основанная на полном обмане, эта работа все же давала стране возможность существовать, а плановой экономике хоть как-то работать.

В Госплане ненавидели Госснаб, смеялись и издевались над ним — и поэтому без всякого зазрения совести сокращали представленные потребности сначала вполовину, а затем еще и еще, сколько понадобится. Сколько на ум придет!

Впрочем, были святые потребности, которые не сокращались никогда. Явно завышенные, временами нелепые и просто сумасшедшие, они удовлетворялись в первую очередь. Это были потребности ЦК компартии и военно-промышленного комплекса.

Такие бумаги выделялись из общей массы специальными разноцветными полосами вдоль документа из верхнего угла в нижний.

Все же остальные, порядочно изуродованные, основательно перекроенные, снова возвращались в Госснаб.

Существовал анекдот, явно сочиненный кем-то из Госснаба:

«На военном параде перед правительством по Красной площади проходят вооруженные части, демонстрируя свою мощь. Сначала идут танковые части и бронемашины с артиллерией, потом везут тактические ракеты с ядерными боеголовками, наконец — стратегические межконтинентальные ракеты со множеством ядерных головок. И вдруг, как бы завершая парад, по площади в окружении сотрудников КГБ идет один человек с портфелем в руке. Иностранные наблюдатели спрашивают министра обороны: “В чем дело? Кто этот человек и как он связан с ядерным вооружением?”

“Это представитель Госплана СССР, — отвечает министр. — А Госплан обладает наиболее мощной разрушительной силой в мире!”»

Что мог поделаться Госснаб, если Госплан уже рапортовал в Совет Министров и в ЦК КПСС о выполненной работе? Получив бумаги назад, Госснаб приступал к распределению фондов.

Фонды — это было что-то, не существующее в реальности, типа привидений. Однако это «что-то» давало право предприятию рассчитывать на получение определенного количества благ — от кнопок до денег, — на существование в следующем году...

Все министерства и ведомства ненавидели Госснаб и Госплан. Все главки и управления ненавидели свои министерства. А все предприятия ненавидели главки и управления, которые выделяли на эти предприятия фонды, полученные из Госснаба, и навязывали невыполнимые планы производства, навязанные Госпланом.

За годы одиннадцати пятилеток и семилеток в СССР по всем основным показателям планы не были выполнены ни разу. Но система продолжала работать.

Были еще два класса чиновников, выполнявших важнейшую работу. Для облегчения жизни на всех предприятиях, в ведомствах, главках и министерствах содержались специальные люди — снабженцы и плановики.

Снабженцы: армии этих предприимчивых людей осаждали отделы и управления Госснаба и Госплана круглый год, выбивая наиболее приемлемые условия для работы своих предприятий. Многим удавалось в течение года производить корректировки планов и выделенных средств. Эта деятельность так и называлась: выбивание фондов.

Цель у снабженцев была простая — получить как можно больше фондов на все, что требуется и не требуется. Самым главным в их лексиконе было слово «достать».

Плановики: старались уменьшить производственный план, а заодно доказать, что прошлогодний план был выполнен и перевыполнен, поэтому обязательно нужно всех поощрить и премировать. Эта работа называлась: «пробить».

Порой эти люди совершали настоящие чудеса, проявляя поистине выдающиеся организаторские и предпринимательские способности...

Кроме безропотно подчиненного Совета Министров у ЦК было еще несколько органов, позволявших управлять всем и каждым в СССР. Главными были сами отделения коммунистической партии на местах — комитеты КПСС.

На каждом советском предприятии, в каждой общественной организации, в любом городе, районе и в деревне были официальные представительства Коммунистической партии СССР.

Они бесплатно размещались в самых лучших офисах, состояли из миллионов высокооплачиваемых работников, целью которых было осуществление контроля за работающими людьми и наказание их.

Наместники ЦК в регионах беспрекословно исполняли любые поручения вышестоящих органов коммунистической партии — это называлось «провести идеи партии в жизнь».

И поскольку даже в Конституции СССР была указана ведущая и определяющая роль коммунистической партии во всех сферах жизни людей, то представителям этой партии позволялось делать все, что угодно. Они могли снять с работы большого начальника и назначить нового. Они могли нарушать законодательство. Они могли лишить человека будущего или облагодетельствовать его за счет государства.

Конечно, для себя эти работники получали блага в первую очередь, и чем выше пост занимал чиновник от компартии, тем больше благ он получал. Сами же члены ЦК КПСС, а особенно члены Политбюро ЦК, жили при коммунизме: они не пользовались деньгами. Все им доставалось бесплатно.

Стать членом коммунистической партии было очень трудно. В партию принимали по разнарядкам, выделяемым для предприятий, и в основном брали рабочих, солдат и колхозников.

Для интеллигенции, куда автоматически зачислялись все граждане, окончившие высшие учебные заведения, устанавливалась отдельная квота.

Мне вспоминается одна история, которая произошла с моим товарищем, захотевшим вступить в партию. После окончания Горного института он специально устроился на работу в Метрострой.

Поскольку там было много рабочих, Метрострою давалась большая квота на прием в партию. Существовало соотношение: на пятерых рабочих, принятых в партию, можно было принять одного инженера-интеллигента.

Через три года работы, когда подошла очередь моего приятеля, ему нужно было сначала дождаться вступления в партию пяти рабочих. А им членство в партии ничего не давало — кроме обязанности каждый месяц платить партийные взносы.

Мой товарищ ждал полгода, пока наконец четверо рабочих были приняты в компартию. А пятого никак найти не могли.

Тогда приятель решил ускорить процесс и в качестве претендента сам выбрал Героя Социалистического Труда, беспробудного пьяницу Ивана Ивановича. Мой товарищ регулярно стал проводить с ним беседы, уговаривая вступить в партию. Он обещал Ивану Ивановичу платить всю жизнь вместо него партийные взносы, водил его в кабаки, покупал водку...

Когда Иван Иванович напивался, все было хорошо: он сразу давал обещание вступить в партию. Но стоило ему выйти из запоя, как он тут же отказывался это сделать.

И вот наступил решающий день, когда надо было идти в райком. Иван Иванович пришел трезвым, постоял там у дверей и, слегка смущаясь, решительно отказался вступать в КПСС. Мой товарищ предвидел такой поворот событий, поскольку за прошедшее время изучил Ивана Ивановича как родного.

— Ну и не надо, Иваныч, бог с ней, с этой партией, — задумчиво сказал он. — Давай выпьем за окончательное разрешение этого вопроса и забудем!

Они выпили под лестницей райкома бутылку водки, закусили соленым огурцом. Поскольку Иван Иванович находился на очень поздней стадии алкоголизма, то после такого количества водки он практически перестал что-либо соображать.

У моего приятеля хватило сил дотащить кандидата до дверей партийного комитета и открыть их.

А дальше произошло непредвиденное: сделав шаг вперед, Иван Иванович упал на пол лицом вниз.

К счастью, ничего серьезного не случилось. Члены комиссии подняли героя труда с пола, утерли его окровавленный нос, усадили на стул — и тут же приняли в члены КПСС.

— Ну, с кем не бывает на нервной почве! Ну выпил человек для храбрости, — говорили они, обсуждая его кандидатуру. — Ведь это самое важное событие в жизни человека — вступление в партию! Надо Ивана Ивановича понять — он у нас прославленный рабочий... Просто человек перебрал для храбрости!

И вслед за Иваном Ивановичем в члены партии приняли моего приятеля...

Вполне понятно, почему в компартию старались брать рабочих и малограмотных колхозников — они не стремились занять руководящие посты, значит, не были конкурентами для уже сидящих в креслах руководителей.

Итак, советское общество представляло собой довольно своеобразную систему: снизу наверх шли бесконечные потоки бумажной лжи, а сверху вниз — потоки указаний и наказаний. Нельзя сказать, что эта система не совершенствовалась, ведь она объединяла живых людей, которые сами по себе склонны к развитию.

И кроме того, техническая революция поставляла все больше и больше новых средств на службу системе — от компьютеров до спутниковой связи.

Но развитие общества, направляемое в определенное русло, опутанное колючей проволокой, неизбежно принимало уродливые, неестественные формы, хотя и выглядело иногда красиво.

Если рассмотреть стремления людей с нормальными потребностями, то, пожалуй, в качестве примера можно остановиться на все том же моем приятеле, который таким экзотическим способом вступил в члены коммунистической партии.

Его главной целью было занять место в номенклатуре, чтобы получить как можно больше благ и пользоваться блатом.

Существуют ли переводы слова «блат» на другие языки народов мира? Мне кажется, они должны быть. Однако в СССР блат представлял собой нечто уникальное и недоступное интеллекту иностранца: он был едва ли не самым могущественным и серьезным двигателем прогресса в обществе.

Некоторым блат, словно талант, давался от рождения. Надо было только родиться в семье начальника, и родители обеспечивали ребенку светлое будущее вне зависимости от внешних обстоятельств и его способностей.

Блат можно было приобрести, и для этого существовали стандартные методы: поступить в услужение к блатному, жениться на блатной невесте, дорасти до собственного блата, заняв соответствующую должность, или, в конце концов, просто эту должность купить.

Была такая шутка:

«Вопрос: может ли сын генерала стать маршалом? Ответ: нет, не может, потому что у маршала тоже есть дети».

Так получилось, что судьба свела меня однажды с дочерью Гришина, Ольгой Гришиной-Александровой. Мы познакомились в то время, когда ее папа был одним из самых могущественных людей в СССР, еще до смерти Брежнева. Эта встреча помогла мне очень многое понять.

Ольга со своим новым мужем Александровым отдыхала в Пицунде, на правительственной даче в специальной резервации, охраняемой сотрудниками 9-го Главного управления КГБ СССР. Естественно, простые люди попасть туда никак не могли.

И ей на этой даче было очень скучно. Ни катание на яхте, ни теннисные корты, ни роскошное питание — ничто не могло ее развлечь, и даже солнечная погода от скуки казалась менее солнечной.

А рядом, в Доме творчества писателей, отдыхала племянница бывшего кандидата в члены Политбюро Пономарева с мужем. Хотя это был намного более низкий уровень, чем у советской княгини Гришиной, так получилось, что они были знакомы.

Поскольку муж Пономаревой, пока не занявший очень блатного места, был знаком со мной, то мне и было сделано

следующее предложение: организовать интересный отдых для Гришиной и Пономаревой с мужьями.

Поскольку я сам уроженец этих мест, то мог бы стать прекрасным гидом, но в данном случае этого было недостаточно. Требовалось нечто сверхъестественное, соответствующее высоким персонам, на что у меня, конечно, не хватало ни денег, ни блага. Но сработала предприимчивость, которая и стала в будущем моей специальностью, и я не упустил свой шанс!

Я немедленно отправился в партийный комитет района и с наглостью молодого гусара прорвался в кабинет к секретарю коммунистической партии.

— Дело в том, что я из Москвы, — многозначительно сказал я секретарю райкома. — Сопровождаю на отдыхе дочь Гришина и племянницу Пономарева. Надо бы организовать их отдых. Вы, надеюсь, ничего не имеете против?

Секретарь среагировал мгновенно и профессионально.

— Давайте составим программу, — сказал он и взял лист бумаги. — Посещение форелевого хозяйства с обедом. Посещение дачи Сталина на озере Рица. Концерт органной музыки. Экскурсия в Новоафонскую пещеру — естественно, без посторонних, в сопровождении директора... Да, еще не забыть бы посещение дома колхозника...

— А это зачем? — спросил я по наивности.

— Мы всех больших гостей туда водим, не волнуйтесь.

Я встретился с мужем Пономаревой и предложил эту программу. Реакция Ольги Гришиной была скептической, но скука победила этикет, и она соблаговолила согласиться.

На следующий день огромная правительственная «Чайка» привезла нас любоваться форелевым хозяйством. Вокруг не было ни одной живой души, только рыбы.

Все могло бы провалиться с самого начала. Мы въехали на территорию хозяйства и оказались совершенно одни. Администрация района задержалась в пути. Еще несколько минут, и Гришина могла бы вспылить. Положение спасли мои познания из жизни рыб. Я стал рассказывать о форели, форелевых рыбах мира, о нагульных прудах и о том, что в отличие от чер-

ной икры, для добычи которой рыбу убивают, красную икру можно получать доением рыбы, как коровы.

Через пятнадцать минут в ворота въехали две черные «Волги». Появились мой знакомый партийный секретарь, начальник районного КГБ, заведующий отделом райкома и директор хозяйства. Началась новая экскурсия, которую проводил директор. Потом все закончилось свежей жареной рыбой, которую нам тут же приготовили, и мы обедали в беседке, нависшей над горной рекой.

Дальше — больше. Эти поездки казались мне тогда чем-то фантастическим, а точнее, по-настоящему коммунистическим, так как они были абсолютно бесплатными и соответствовали любым, самым серьезным человеческим потребностям и капризам Гришиной.

Ей же иногда вдруг все надоедало. Тогда приходилось сворачивать программу из-за неожиданной головной боли княгини, не доедать обеды и срочно возвращаться домой. Разумеется, со мной расставались перед воротами дачи, куда я так ни разу и не попал.

Особым событием, как было обещано, явилось посещение показательного дома колхозника. Окруженный виноградным садом и мандариновыми деревьями, дом был, мягко говоря, не совсем обычный для колхозника: огромный, красивый...

Колхозная семья дня два готовилась к приему гостей: были зарезаны всевозможные домашние животные и птицы — от теленка и поросенка до индейки, кур и перепелок. Накрытый стол ломился от яств и вина.

За стол сели Гришина и Пономарева с мужьями, а также я, партийный секретарь и начальник КГБ района. Самих хозяев дома в комнату, где был накрыт стол, разумеется, не пустили. Только женщины в национальных одеждах периодически входили туда, чтобы поменять тарелки и внести новые блюда.

Они появлялись довольно часто, и попробовать все мы были просто не в состоянии. Я думаю, что после нашего отъезда деревня питалась остатками этого обеда еще неделю.

Запомнилось мне особенно одно блюдо. Это был зарезанный за час до подачи на стол молодой козленок, сваренный

в бульоне с травами, сервированный изысканными кавказскими овощами и приправами, с домашним красным вином.

Поднимались тосты, один из которых, особенно забавный, был произнесен в мою честь начальником КГБ района. Конечно, он навел обо мне справки — но, видно, не получив из своих центральных органов никакой убедительной информации, так и не понял, как же я сопровождаю таких гостей и в каком я звании. Тогда он пришел к выводу, что я совершенно засекречен, и зауважал меня персонально.

Он шепотом спросил у моего приятеля: — Кем работает Артем Михайлович? — и потом произнес тост: — Хочу выпить за уважаемого Артема Михайловича, благодаря которому мы можем принимать таких гостей! Мы надеемся и в будущем на то, что к нам будут приезжать вместе с Артемом Михайловичем разные уважаемые люди! Мы всегда рады гостям! Я хочу выпить за здоровье Артема Михайловича, который такой молодой, но уже не просто инженер, а *ведущий инженер!*

Из уст начальника КГБ последние слова прозвучали так, будто он присвоил мне звание не меньше полковника КГБ, в чем он сам, конечно, не сомневался.

Разговоры с Гришиной во время этих встреч ставили меня в неловкое положение и заставляли о многом задуматься.

— Мы наконец получили новый холодильник, — сказала мне как-то Гришина. — И пришлось ждать его целую неделю.

— Наверное, финский, «Розенлев», — вставил я, желая блеснуть осведомленностью о самых модных тогда покупках.

— Нет, холодильник марки «Филипс», спецзаказ, прямо с фирмы, — сказала Ольга. — Мы собираем всю кухню только этой марки: мебель, кухонный телевизор, видеоманитофон, печки всякие... Иногда это обходится так дорого. К примеру, за холодильник мы заплатили три тысячи!

— Рублей? — поинтересовался я с ужасом.

— Долларов, конечно, — ответила Гришина.

Что такое доллары, я вообще не знал. Слышал, что так называлась враждебная нам капиталистическая валюта, за которую сажали в тюрьму.

В другой раз я, набравшись наглости, попросил Гришину помочь мне купить в их специальном, как мне казалось, закрытом для общей публики магазине такой же костюм, который был на ее муже.

Ответ оказался неожиданным и очень поучительным.

— Знаете, Артем, — сказала Гришина, — я уже лет двадцать не была ни в одном магазине в Союзе. У нас есть специальная трехсотая секция на Кутузовском проспекте. Там нам дают разные западные каталоги. Я их листаю и, если что-нибудь понравится, просто подчеркиваю. А через несколько дней мне все это приносят...

Я понял, что мы с Гришиной живем на разных планетах и больше мне не стоит задавать таких вопросов.

Самым главным результатом встречи в Пицунде было то, что я приобрел блат. Конечно, не в виде знакомства с самой Гришиной — она с тех пор не общалась со мной ни разу даже по телефону, и больше я никогда ее не видел.

Блат мне достался в лице партийного секретаря Пицунды. С тех пор я много лет пользовался возможностью просто позвонить ему и пристроить множество своих друзей с семьями на отдых в летние месяцы, когда путевки нельзя было купить ни за какие деньги. Мой блат действовал безотказно, поскольку я был в его глазах молодым, но уже *ведущим* инженером.

История карьеры самой Гришиной была также показательной. Она в двадцать восемь лет защитила докторскую диссертацию, ее работа получила сразу же премию Ленинского комсомола, а сама Гришина — должность заведующей кафедрой английского языка филологического факультета МГУ.

По ходу дела Ольга несколько раз выходила замуж, разводилась и родила троих детей — все это в небольших перерывах между научной деятельностью. Ее третий муж, Александров, будучи до брака мелким сотрудником Министерства иностранных дел, тут же стал начальником отдела МИДа и был направлен в Англию вторым секретарем посольства.

Гришиной пришлось на время освободить место завкафедрой. Чтобы она смогла вновь его занять по возвращении из Англии, на должность была возвращена пожилая профессор-

ша, занимавшая это место раньше. Так сохранялось бластное место...

Да, а муж Пономаревой по возвращении в Москву сделал единственный звонок директору одного химического предприятия — и я был тут же назначен на должность заведующего отделом!

— — —

Должность заведующего отделом позволила мне в тридцать лет сделать карьеру. Я через два года успешно защитил кандидатскую диссертацию и начал получать очень приличную по тем временам заработную плату.

Я продолжал дружить с мужем Пономаревой, который сам делал карьеру и вскоре стал работать начальником управления Госплана СССР.

Моему дальнейшему продвижению сильно мешал тот факт, что я не был членом коммунистической партии. Работая в научном химическом институте, я стоял в очереди на прием в коммунистическую партию, но был в этой очереди за № 92. А за год по разнарядке принимали не больше пяти человек!

Однако в 1985 году мне удалось достичь в советской системе довольно высокой номенклатурной должности, выше которой, наверное, вообще нельзя было подняться нечлену КПСС. Меня друзья по благу рекомендовали на должность главного инженера Управления капитального строительства Моссовета. Должность позволяла получать обкомовские продуктовые пайки, покупать товары в магазинах, еще не открытых для публики, прямо в день их сдачи госкомиссии, и иметь реальный шанс получить бесплатно шикарную квартиру в центре Москвы.

Правда, за эти блага мне пришлось отвечать за техническое снабжение более тысячи объектов, одновременно строящихся в Москве, — от новых дорог до дач членов Политбюро и иностранных представительств.

Строители никогда не выполняли планов или сдавали объекты с ужасающими недоделками. Всю вину при этом они сваливали, конечно, на несвоевременность снабжения и недоста-

ток фондов. Крайними всегда оказывалось наше управление — и лично я.

Чтобы не сесть в тюрьму, надо было постоянно выкручиваться. Я это делал постоянно и очень благодарен той работе, потому что приобрел опыт предпринимательства на грани фола.

В самых трудных ситуациях меня поддерживала дружеская фраза, произнесенная одним из моих учителей — это был человек, который занимал очень высокий пост.

Однажды он сказал мне:

— В России можно решить любые вопросы, надо только захотеть. Можно даже пробить разрешение на строительство жилого дома на Красной площади в Москве! Если очень захотеть!

Это действительно было так.

Надо сказать, что коррумпированность чиновников тогда была на очень низком уровне. Взятки предлагались в лучшем случае в виде подарков. Чаще всего общение с чиновниками происходило по формуле «вы мне — я вам». Все тот же блат, которым можно будет воспользоваться в дальнейшем, когда понадобится.

Моя должность предполагала широкое использование блата. Я мог по-разному отнестись к строящимся объектам: выделить из фондов необходимые материалы и продукцию или, наоборот, вернуть ее на другой объект.

Кроме того, у меня была красная книжка с гербом, магическим словом «Моссовет» и лаконичной записью «Главный инженер» внутри. Это оказывало блестящее действие, особенно на периферии, так как многие считали меня самым главным из всех инженеров в Москве и окружали всяческими почестями. К трапу самолета подгонялись черные «Волги», меня встречали и размещали в номерах люкс лучших закрытых гостиниц для коммунистической элиты, а стоило такое проживание и питание в них сущие копейки из-за специальных дотаций.

Все владельцы красных книжек очень любили такие командировки, и я не был исключением.

Существовала продуманная система встреч и ведения переговоров с периферийными начальниками, дававшая в большинстве случаев нужные результаты.

Вначале из Москвы отправлялась телеграмма со специальным грифом — «Правительственная». В ней сообщалось, что едет главный инженер из Моссовета для решения государственных проблем. Бланки для таких телеграмм всегда лежали в моем столе.

По приезде я всегда вспоминал историю с Гришиной. Меня встречали представители местной администрации, я тут же общал, что необходима встреча с первым или вторым секретарем горкома партии, а он уже вызывал в кабинет директора предприятия, продукцию которого мне надо было получить для снабжения московских строек.

Дальше разговор состоял из заученных, абсолютно стереотипных фраз, действовавших на местных чиновников просто магически.

— Вам не надо объяснять, что Москва — столица нашей Родины и только одна в СССР? — начинал я разговор. — По постановлению Политбюро и личному приказу товарища Гришина нужно построить такой-то объект. Фондов у нас нет, поскольку задание срочное, сверхплановое, с красной полосой, но мы вместе с вами не имеем права его не выполнить! Оно находится под личным контролем...

— Ничем не можем помочь, — пытался возразить директор. — Мы и плановых заданий выполнить не можем, не хватает материалов, заказчики днем и ночью сидят на заводе, требуют по законным фондам...

— Минуточку, — перебивал я директора. — Как ваша фамилия? Вы давно в партии? Я думаю, вы не совсем поняли, зачем я приехал! Кто у вас там первый на очереди для отгрузки продукции — Казахстан или Минск? Вы захватили с собой документы?

Местный партийный секретарь хранил коммунистическое молчание, и директор тшкетно ждал от него поддержки.

— А вы получили телеграмму? — спрашивал я секретаря, будто и не понимая, что иначе бы не сидел в этом кабинете.

— Да, конечно, надо бы помочь Москве, — наконец выдавливал из себя секретарь...

Дело было сделано. Уже загруженные вагоны разгружались или просто переадресовывались в Москву. Я уезжал после роскошного обеда с секретарем и директором, происходившего обычно в закрытом зале лучшего ресторана, куда входят с черного хода. В итоге все были довольны, кроме, разумеется, директора завода из Казахстана или Минска, у которого из-за меня срывался план и конфисковывалась законно принадлежавшая ему продукция.

Я никогда не был по природе зверем, но мне приходилось играть по правилам, которые диктовала система.

Некоторые истории тех лет остались в памяти на все мои последующие жизни. Когда была сдача Старого Арбата — первой пешеходной улицы в Москве, одного из моих объектов, — нужно было повесить большое количество шаров-фонарей. Высшее руководство решило, что фонари должны быть сделаны под старинное русское стекло золотистого цвета.

Мне нашли на Царицынском стекольном заводе стеклодува Витю, который сказал, что знает секрет этого стекла от отца и деда. Витя согласился изготовить требуемые пятьсот фонарей, но поставил очень конкретные условия.

— Работать я буду только по субботам, воскресеньям и праздникам, — заявил он. — В выходные дни двойная оплата труда, по праздникам — тройная. И еще чтоб после каждой смены лично от начальства я получал бутылку водки...

Все его условия пришлось принять безоговорочно: Витя сроду не был партийным, а разговоры о Москве — столице нашей Родины, его волновали гораздо меньше, чем регулярная выпивка.

Витя тут же приступил к работе: он изготавливал тридцать шаров за смену, после чего вдрызг напивался. Я молил Бога, чтобы Витя не сломал ногу, не стал дебоширить и не попал в вырезвитель...

Шары вывозились со стекольного завода грузовиками, по десять—двенадцать штук за рейс. И вот за день до сдачи меня вызвал начальник объединения. Он нервно ходил из угла в угол, чего раньше за ним не замечалось, — и я сразу понял, что произошло ЧП.

— Завтра в девять утра товарищ Гришин будет лично разрезать ленточку, открывая пешеходный Арбат, — мрачно сказал шеф. — Я не знаю, умышленно или случайно вы сорвали выполнение задания, этим займутся в КГБ. Однако вашу дальнейшую судьбу предсказать нетрудно прямо сейчас, поскольку именно вы отвечали за снабжение Арбата, а не я.

Оказалось, именно в том месте, где Гришин должен был разрезать ленточку, у ресторана «Прага», не хватает двенадцати шаров...

Было шесть часов вечера, я звоню на Царицынский завод: все ушли, Витя в запое. И тут мне повезло: случайно я поймал девушку-учетчицу, которая уже собиралась домой.

Выслушав мою беду, она предложила продиктовать по документам, кто и когда забирал шары. У меня появилась какая-то надежда — ведь заказ был на 500 шаров, а требовалось только 460. Не могли же строители разбить столько шаров!

Эта девочка оказалась очень аккуратной: она записывала в своих тетрадках не только номера автомашин, вывозивших шары, но даже фамилии водителей.

Учетчица стала мне их диктовать — и вдруг обнаруживается несколько чужих машин, которые вывезли пятьдесят шаров неизвестно куда!

Я срочно связался с начальником объединения, он поставил на ноги московское ГАИ. В восемь вечера была вычислена организация, похитившая шары, — «Мосгорсвет»!

Все стало ясно: они отвечали за работу светильников и, видимо, решили, что шарики будут бить камнями или пойдут трещины от погоды, рано или поздно их придется менять — вот и надо под шумок умыкнуть некую заначку про запас.

Назавтра была суббота, начальника «Мосгорсвета» дома не оказалось. Он уехал на именины к тете в Тульскую область.

Через полчаса мой сотрудник уже мчался в автомашине с правительственным сигналом-кукушкой в деревню к тете начальника... Поздней ночью они возвратились с ним в Москву.

В шесть утра недостающие шары со склада «Мосгорсвета» под моим личным наблюдением были погружены на грузовик.

В семь часов утра строители приступили к их установке. В восемь тридцать благополучно закончили.

А в девять Гришин разрезал ленточку и открыл реконструированный Старый Арбат!

Другая история тоже могла окончиться для меня весьма печально. По долгу службы каждое утро я должен был подписывать до пятидесяти писем, подготовленных сотрудниками отделов. Письма были стандартными, и я никогда в них не вчитывался, доверяя в целом сотрудникам управления, проработавшим там десятки лет.

И вот как раз перед Новым годом, 29 декабря, меня срочно вызвали к начальнику объединения, в кабинете которого находился сам начальник главка и два полковника КГБ.

Все сидели очень довольные, улыбались, шеф показал мне какую-то бумажку и спрашивает:

- Артем Михайлович, это ваша подпись?
- Наверное, моя, — говорю. — А в чем дело?

Начальник объединения, видимо, ждал, что я буду отказываться, и, поскольку этого не произошло, он обрадовался еще больше.

— Ну вот мы и нашли, кто виноват! — сказал один из полковников. — Вы прочтите письмо, товарищ Тарасов, и поедем на Лубянку...

Письмо было подготовлено кем-то из сотрудников отдела и содержало просьбу подписать акт о приемке объекта «Наука» условно, без аккумулятора, который будет поставлен позднее. Под таким названием обычно шли стройки, затеянные КГБ.

— Как вы понимаете, аккумулятор не поставлен и сдача объекта государственной комиссии сорвана по вашей вине.

— Мне надо прежде разобраться, — сказал я горбачевскую фразу, входившую в моду. — Четвертый квартал не закончился! До конца года есть еще два дня.

— Не уверен, что этого будет достаточно! — включился другой полковник.

- Посмотрим! — сказал я и выбежал из кабинета.

Дело оказалось еще сложнее, чем я предполагал. Требовал-

ся не простой аккумулятор, а танковый, выпускаемый на строго засекреченном военном заводе. Под такие аккумуляторы выдавались специальные фонды с грифом «Секретно». Проходили эти фонды через первые отделы предприятий, которые были в каждом учреждении и представляли низовую структуру КГБ на местах.

В нашем первом отделе работал чекист, с которым мне довелось несколько раз выпивать. Он относился ко мне с симпатией и, поскольку имел родственников в верхнем эшелоне КГБ, согласился узнать координаты директора завода, производящего танковые аккумуляторы. Фондов на их поставку, конечно, не было, и в конце года их просто негде было достать.

Я позвонил директору в Ульяновск. Через два дня начинались новогодние праздники, и на военном заводе все же несколько часов пили.

— Ничем не могу помочь, — сказал директор. — Вы же сами прекрасно знаете, что без фондов я отгрузить ничего не имею права! Под трибунал попаду!

— Ну что же мне делать — прилететь к вам ночью?

— Да что толку? Вас все равно не пустят в зону, а мне встретиться вне предприятия не положено...

Но, видимо, по моему упавшему голосу директор понял, что этот вопрос был для меня вопросом жизни и смерти. И говорит:

— Ладно, вы не отчаивайтесь. Тут у нас есть старый снабженец Рабинович, он что-нибудь придумает! Я сейчас с ним переговорю и вам перезвоню.

Я понимал, что шансов очень мало. Ведь любые советские предприятия не могли просто так продать даже никому не нужную продукцию. Были специальные организации, подчиненные Госснабу. Туда нужно было заранее сообщить, что у вас имеются излишки продукции и вы просите их помощи, чтобы куда-нибудь их сбыть. Как правило, на такие просьбы никто не реагировал: сотрудники и так получили зарплату, и лишняя работа была им абсолютно ни к чему. А на предприятиях образовывались залежи невывезенной продукции и неиспользованных материальных ценностей, которые назывались неликвидами.

Я знал, к примеру, что на складе нашего управления несколько лет хранился чуть ли не вагон с хрустальными стаканами, которые были заказаны кем-то, видимо, для так и не построенного дома отдыха или огромного ресторана.

Впрочем, стаканы — это так, мелочи. В свое время меня потрясла история о том, как по контракту с ФРГ было закуплено оборудование для строительства нового завода.

Пять лет заводы в ФРГ изготавливали заказ, и в конце концов из-за границы пришли железнодорожные составы с конвейерными линиями, станками и медеплавильным оборудованием на 90 миллионов долларов США. О контракте просто забыли. Оказалось, что строить завод передумали, сотрудник, который подписал контракт, ушел на пенсию три года назад, а деньги были перечислены вперед. Тогда наш начальник отдал приказ: все, что можно, разрезать на металлолом, остальное закопать...

Директор военного завода не обманул и позвонил через полчаса.

— Рабинович, кажется, нашел выход, как вас выручить! — сообщил он.

Я не поверил своим ушам.

— Есть одна госнабовская инструкция, которая позволяет меняться предприятиям друг с другом однотипной продукцией. Так вот: если вышлите мне аккумулятор для «Волги», я вам взамен хоть вагон танковых отгружу!

— Спасибо! — закричал я. — Только мне нужен всего один аккумулятор, и только самолетом. Даю честное слово, что завтра же отошлю тоже самолетом волговский!

Я тут же рванул в наше автохозяйство и за бутылку водки приобрел аккумулятор. Потом поехал на объект, встретил какого-то полупьяного рабочего. Говорю ему:

— Выйдете завтра в смену — я вам всем мосссоветовские пайки к Новому году сделаю!

Утром 30 декабря встречаю транспортный военный самолет с огромным танковым аккумулятором.

К вечеру аккумулятор опускают в шахту. Утром 31 декабря подсоединяют провода, проводят бетонирование шахты, в восемь вечера вытаскиваю полупьяных кагэбэшных полковников, и они подписывают окончательный акт о сдаче объекта «Наука» за четыре часа до Нового года!

Зачем мне это было надо? Не лучше ли все бросить и снова уйти в научно-исследовательский институт? Я был кандидатом технических наук и мог засесть за докторскую диссертацию, руководить небольшой лабораторией.

Но только в Моссовете у меня был шанс вступить в члены КПСС, и уже с такого трамплина я мог рассчитывать на серьезную карьеру. Может быть, даже пошлют на работу за границу завхозом какого-нибудь посольства. А это был доступ к чекам магазинов «Березка», в которых избранные члены советского общества могли беспрепятственно купить любой заграничный дефицит.

Но, кроме перспективы, в моей нынешней работе были и другие преимущества. Я мог телефонным звонком решить любые проблемы: устроить друзей в гостиницу, получить билеты в театр, взять продукты из специального магазина, оформить путевки в закрытые для простой публики дома отдыха Госплана и Госснаба...

«А если меня посадят в тюрьму? — иногда думал я. Или выгонят с «волчьим билетом»? Сорвем строительство какого-нибудь важного объекта — отвечать придется мне... И сама работа словно сумасшедший дом! Но ведь скоро достроят прекрасные жилые дома в самом центре Москвы, и если я останусь на этой должности, то смогу получить бесплатную шикарную квартиру...»

Я терзался сомнениями о своей будущей жизни, взвешивал все «за» и «против», но не находил однозначного ответа.

Тем временем Горбачев заговорил о новой эре. Страна вступала в ускорение и в эпоху перестройки. Я принял решение и вскоре подал заявление об уходе с работы из Моссовета по собственному желанию...

В определенном смысле в поведении Горбачева не было абсолютно ничего нового. Каждый партийный лидер, приходя к власти, первым делом критиковал предыдущего и объявлял об изменениях, которые ждут страну.

Хрушев, развенчавший политику Сталина, провозгласил соревнование с Америкой. В то время всюду висели лозунги типа: «Догоним и перегоним Америку по мясу и молоку». И действительно, по мясу догнали и перегнали, но при этом лишились поголовья скота, который сплошь порезали!

Доить стало некого и поэтому молоко пришлось забыть.

Хрушев обещал коммунизм через двадцать лет. Время прошло — увы, ничего похожего не построили. При коммунизме жили только высшие партийные чины.

Брежнев, осудивший волюнтаризм Хрущева, объявил о строительстве развитого социализма. Боролся с проявлениями капитализма в Чехословакии, ввел войска в Афганистан, чем и запомнился.

Андропов объявил, что все недостатки у нас из-за падения трудовой дисциплины, допущенного прежним руководством. Воодушевленные своим бывшим начальником, сотрудники КГБ организовывали облавы в банях и магазинах. Забирали всех, кто находился в рабочее время не на месте, а потом с каждым разбирались, увольняли с работы...

Черненко выявил, что вся беда в непомерно раздутых штатах научных сотрудников. Пошла кампания по закрытию отраслевых научно-исследовательских институтов, по сокращению научных кадров и ассигнований.

Горбачев начал с критики застойного периода и борьбы с пьянством. Вырубили виноградники, нанесли огромный урон экономике... Эти два слова — ускорение и перестройка — на самом деле не имели никакого смысла, но обсуждались на каждом углу.

Тогда был очень популярен такой анекдот:

«Крупный начальник, передавая дела своему преемнику, вместе с другими бумагами вручает три запечатанных письма. И говорит: когда станет очень трудно, распечатайте их по очереди — это вам поможет. Новый начальник начал работать.

Дела шли исключительно плохо, он вспомнил про письма и распечатал первое. Там было написано: *“Начните кампанию по критике предыдущего руководства за совершенные ошибки!”*

Со следующего дня работа пошла прекрасно. Все критиковали за старые ошибки бывшее руководство, вскрывали недостатки, ругали прошлое. И так целый год...

Однако кампания по критике как-то сама по себе угасла. Предприятие работало все хуже и хуже — и начальник вспомнил о втором письме. Там было сказано: *“Начните кампанию по коренной реорганизации предприятия”*.

Со следующего дня работа опять пошла прекрасно. Все занимались составлением планов по реконструкции и реорганизации. Увольняли и принимали новых работников, сливали вместе и разделяли отделы и управления... Год прошел, как один день, — все были заняты делом и очень довольны.

Но когда все было реорганизовано и перестроено, выяснилось, что предприятие заработало еще хуже, чем раньше. Начальник снова попал под критику, его стали вызывать на ковер. И пришлось открывать последнее, третье письмо.

Все еще надеясь на лучшее, начальник распечатал конверт, достал сложенный вдвое листок бумаги, развернул и прочитал: *“Пишите три письма!”*»

Вспоминая то время, я пытаюсь понять удивительный феномен: как при всем этом страна умудрялась развиваться, никто не голодал и не тревожился за свое будущее. Более того: расцветали искусство и наука, мы были великой державой, контролировали половину мира, богатства страны были неисчислимы...

Понятно, что не следует верить советской статистике. Но возьмем один американский анализ, подготовленный, очевидно, при непосредственном участии ЦРУ.

Прирост национального продукта в СССР за 1985 год составлял 2,5 процента. Соответствующий показатель в США за тот же год — 2,7 процента, а в европейских странах — всего два процента! Согласитесь, не самые плохие для СССР цифры...

Объяснение в том, что система работала. Какой бы плохой она ни была, как бы ни нуждалась в усовершенствовании, но она

все же действовала. Все механизмы в ней были настолько переплетены, что могли существовать только в едином целом.

Этого, как выяснилось, не понимал Горбачев. Обладая завидным здоровьем и молодостью, воодушевленный всенародной, а потом и всемирной поддержкой, опьяненный властью и своим успехом, он стал ломать систему изнутри.

Нельзя перестроить дом, не имея чертежей и не понимая, как он будет выглядеть.

Горбачев начал ломать дом под названием «экономика СССР», даже не выселив из него жильцов. Его больше всего интересовали внешние эффекты, производимые начатым строительством. И поскольку аппараты власти, которыми он управлял, привыкли беспрекословно подчиняться и выполнять любые указания сверху, все это «строительство с крыши» очень быстро превратилось в кампанию под девизом: «Круши что попало, дальше разберемся!»

Первый серьезный удар по системе был сделан, когда сотни министерств и ведомств были сокращены и обескровлены. Даже Сталин не позволял себе таких экспериментов: то, что строилось десятилетиями, перестало существовать в один день.

Это привело к нарушению деятельности всего народного хозяйства. Простой пример: какому-нибудь директору предприятия понадобились фонды на болты. Раньше он обращался в Госснаб, где сидел конкретный человек, чиновник Петр Петрович, который занимался болтами. Он знал о болтах абсолютно все: где, кто и сколько их производит, кому и сколько их выделено, как их доставляют и в какой упаковке, знал цены, виды, размеры...

И вдруг выясняется, что Петр Петрович больше не работает. Он уволен, так как его отдел слили еще с двумя подобными.

— Кто же теперь занимается болтами? — спрашивает директор.

— А никто! — отвечают ему чиновники в Госснабе.

— И что же делать?

— Мы сами не знаем! Говорят, в следующем месяце нас тоже сольют с другим управлением, и мы ищем работу. Поэтому ваши проблемы нас совершенно не интересуют...

Обрубив только одну вертикаль в системе, разрушали множество других. Перебои со снабжением — от туалетной бумаги и сигарет до продуктов питания и одежды — стали первым признаком нарушения работы системы.

ЦК КПСС и правительство, столкнувшись с недовольством людей, проводивших большую часть времени в очередях, пытались объяснить случившееся чем угодно, только не реальными причинами. Не потому, что их скрывали, — скорее всего, они просто не понимали, что делают.

Объяснения были, например, такими: нам досталось сталинско-брежневское наследие, мы много помогаем социалистическим странам, у нас огромный бюрократический аппарат, мы тратим очень большие деньги на оборону и на поддержку убыточных предприятий... А у населения очень много наличных денег, и спрос вдруг отчего-то стал очень быстро опережать производство...

Все это было правдой, но вовсе не причиной появившихся сбоев системы. Дело в другом: стало рушиться само здание.

Огромной ошибкой Горбачева оказалась, как ни странно, не ко времени объявленная гласность. Разрешили говорить вслух то, что раньше никто не говорил даже под пыткой! И выпущенный из бутылки джинн гласности начал превращать в хаос все вокруг.

Сначала подхватили идею развенчания сталинского и брежневского периодов. Она была удобной для руководства — дескать, не мы же виноваты, все это нам досталось... Но очень скоро под сомнение была поставлена сама идея построения социализма.

Обсуждение слишком большой помощи странам соцлагеря привело к его уничтожению. Критика бюрократического аппарата ускорила развал экономики...

— — —

...Я «умер» и вновь родился в 1987 году, через полтора года после начала перестройки. «Смерть» моя была безболезненной и тихой и случилась в научно-исследовательском институте,

куда я временно ушел работать, уволившись в 1986 году из Моссовета.

Мы изучали множество абстрактных научных проблем, даже не задумываясь о последствиях осуществляемой горе-реформы. Жить все еще было относительно легко...

История не сохранила имя человека, который посоветовал Рыжкову разрешить создание производственных кооперативов. Вряд ли он дошел до этого самостоятельно. Однако в 1986—1987 годах вышли постановления правительства, разрешавшие заниматься четырьмя видами кооперативной деятельности: переработкой вторичного сырья, организацией общественного питания, производством товаров народного потребления и бытовым обслуживанием населения.

Никто не мог и предположить, что кооперативы станут прообразом будущих частных предприятий и очень быстро выйдут из-под контроля системы. А потом начнут уничтожать систему и, борясь за собственное выживание, породят на свет организованную преступность, коррупцию, ускорят развал промышленности, создадут фундамент приватизации страны...

Постановления Рыжкова многие не восприняли серьезно. Люди привыкли работать за твердую заработную плату, которая никак не зависела от количества и качества их труда.

Никто не понимал значения таких слов, как «прибыль», «рынок» или «частная собственность». А такие слова, как «предпринимательство», «коммерческое посредничество» и «валюта» ассоциировались в основном с Уголовным кодексом.

За коммерческое посредничество давали три года лишения свободы с конфискацией имущества, за предпринимательство — пять лет с конфискацией. А если в кармане находили больше двадцати долларов, можно было получить двенадцать лет тюрьмы...

Поскольку бизнес в СССР тоже ассоциировался с незаконными доходами и спекуляцией, он считался преступлением, а любая деятельность вне государственного предприятия называлась «теневой экономикой». Новые постановления о коо-

перации в первую очередь взволновали людей из этой самой теневой экономики.

Это были настоящие предприниматели, которых советское общество сделало преступниками. Они умудрялись, рискуя свободой, создавать буквально на пустом месте подпольные предприятия, налаживать выпуск продукции и ее сбыт, получать прибыль и снова вкладывать наличные деньги в производство...

Их преследовали, арестовывали, конфисковывали все нажитое имущество и сажали в тюрьмы. А когда они выходили из тюрем, то снова принимались за свое дело...

При Сталине истребили интеллигенцию и крестьянство. Хрущев, Брежнев и Андропов истребляли предпринимателей. Горбачев сначала разрешил свободную рыночную экономику, но тут же, испугавшись, захотел поставить ее на колени и сделать управляемой. Это привело к краху наших надежд и огромной эмиграции самых талантливых, честных и предприимчивых людей, последствия которой невосполнимой утратой легли на плечи экономики России.

Поскольку я не принадлежал к числу теневых предпринимателей, вышедшие постановления о кооперативах меня также абсолютно не волновали. Я продолжал работать в научно-исследовательском институте, думая о будущей докторской диссертации, и жил как все, от зарплаты до зарплаты.

Однако среди моих знакомых были люди, занимавшиеся мелким бизнесом и постоянно находившиеся в конфликте с законом. И вот однажды ко мне пришел Малжабов, предложил заняться бизнесом, и мы открыли брачный кооператив «Прогресс», с которого и началась моя вторая жизнь...

Глава 4

ДЕНЕЖНЫЕ МЕШКИ ПОД ГЛАЗАМИ

После моей «смерти» в 1987 году закончилась моя праведная жизнь кандидата технических наук и законопослушного гражданина — строителя социализма. Судьба вытолкнула ме-

ня за грань советской действительности в пучину авантюризма и полной непредсказуемости.

Мне помогли «умереть» люди, занимавшиеся мелким нелегальным бизнесом и постоянно находившиеся в конфликте с законом. Один из них, некий Малжабов, официально не работавший и живший за счет вольных заработков от фарцовки до мелкого мошенничества, неожиданно приехал ко мне домой и с выражением зачитал только что вышедшее постановление о кооперативах.

— Ну и что все это означает? — без особого интереса спросил я.

— Сам до конца не понимаю, — ответил он. — Получается, теперь можно открыть собственное предприятие со счетом в банке, печатью, и никто за это не арестует. По крайней мере сначала...

— А зачем тебе счет в банке и печать?

Малжабов разволновался еще больше:

— О чем ты говоришь! Ведь тогда можно делать деньги легальным путем...

Я действительно этого не понимал. Как их делать? Моя зарплата заканчивалась так же, как и у многих, — заниманием десятки у друзей до следующей полочки.

— А давай попробуем вместе! — предложил Малжабов.

— По-моему, это просто потеря времени, — сказал я. — Ну давай, разве что от скуки...

И уже на следующий день мы начали готовить устав будущего кооператива «Прогресс». Мы не очень хорошо представляли, чем он будет заниматься, хотя отдельные направления отбросили сразу: мы не умели готовить еду и решили с этим не связываться. Нам хотелось выпускать какую-нибудь продукцию, но для этого не было ни денег, ни станков, ни сырья... В итоге мы решили заняться бытовым обслуживанием населения. Тем более что за коммерческое посредничество, в котором нас могли обвинить потом, давали всего три года тюрьмы, меньше, чем за предпринимательство (пять лет с конфискацией имущества), что означало для нас наименьший риск...

В постановлении указывалось, что любой кооператив обязан подсоединиться к госпредприятию, которое занимается аналогичной деятельностью, и оно будет его контролировать. Мы выбрали объединение с лирическим названием «Мосгор-ремэлектробытприбор», занимавшееся починкой электрических бытовых приборов — от утюгов до холодильников. Там мы взяли в аренду помещение прогорающей мастерской по ремонту стиральных машин.

На первом общем собрании членов кооператива мы приписали в его состав двух несуществующих лиц: чтобы зарегистрироваться, нужно было иметь не менее трех членов кооператива, у нас получилось даже четыре.

Председателем временно выбрали Малжабова.

— Пока не найдем на это место человека, готового в будущем сидеть в тюрьме, — сказал он со знанием дела.

Человек требовался специфический, желательно со справкой из психдиспансера, чтобы легче было оправдываться. То, что придется за все отвечать, Малжабову было ясно с самого начала. Это я не понимал, куда влез. Я не думал, что эта игра затянется для меня на всю мою новую жизнь. Тогда я согласился быть официальным заместителем председателя кооператива «Прогресс».

Был апрель 1987 года. Наш кооператив стал десятым в городе Москве и, наверное, двадцатым во всем СССР.

— — —

При уборке помещения арендованной мастерской мы случайно обнаружили старую рижскую газетку — кажется, она называлась «Ригас Балтс» — с объявлениями желающих найти спутника жизни. В Москве ничего подобного тогда не было, и мы решили открыть кооперативное брачное бюро знакомств.

Тем более что у меня был приятель, врач-психотерапевт, который на дому нелегально занимался лечением психозов, в том числе и на почве неустроенности личной жизни. Его не сажали за предпринимательство только потому, что он был женат на дочери московского прокурора, что также очень прилежало в нашей новой организации.

Врач пришел к нам в кооператив, имея собственную теорию, как женить людей эффективно и качественно. Эта теория до сих пор кажется мне весьма успешной и нигде в мире не реализованной.

По его мнению, беда всех известных доселе способов знакомства заключалась в том, что каждый человек обладает воображением, а оно уводит его далеко от реальности.

Например, мужчина читает объявление, где описана внешность девушки, черты ее характера и тому подобное. Потом они начинают переписываться, и созданный воображением образ той самой единственной утверждается в его сознании окончательно.

А при встрече возникает конфликт воображения и реальности. Пусть даже девушка окажется лучше, чем в описаниях. Но ведь она будет совершенно другой! Не той, какую он успел придумать и жаждал встретить. Вот вам и крах всех надежд!

Не годятся для предварительного просмотра фотографии и видеосъемка, так как и при этом тоже создается образ, не соответствующий действительности. Претендент видит именно то, что создает его воображение.

Способ, предложенный моим приятелем, был очень прост и потому гениален.

В заполняемых анкетах категорически запрещалось писать характеристики той или того, кого жаждал встретить клиент. Только ответы на вопросы о самом себе. На основе этих данных вручную или с помощью компьютера подбирались группы из десяти—двенадцати женщин и мужчин, которые в принципе по своим показателям могли заинтересовать друг друга. Они должны были подходить друг другу по возрасту, образованию, по увлечениям, физическим характеристикам, происхождению своих семей и т.д.

Далее группа собиралась в квартире у психотерапевта, но никто не был приглашен ради какого-то конкретного человека. Встреча называлась условно «марафон» и продолжалась 24 часа! С группой работал сам психотерапевт, попеременно чередуясь с двумя своими коллегами. Люди во время «марафона» шутили, пели песни и танцевали, готовили еду, разговари-

вали все вместе и отдельно по парам, ближе к утру откровенничали и рассказывали истории своей жизни. Только ведущие знали некоторые данные обо всех и работали так, чтобы выделить наилучшие качества каждого из собравшихся. После такого мероприятия домой многие уходили парами и у большинства складывались длительные отношения, а затем заключались и браки.

Вскоре в «Московской правде» была опубликована статья о начале деятельности нашего кооператива и два объявления. В первом мы рекомендовали воспользоваться услугами самого уникального в мире брачного бюро «Прогресс», работающего с большими гарантиями по строго научному методу. А в другом приглашались на работу специалисты, желающие приложить свои знания и умения на новом поприще...

— — —

И вот наступил день открытия нашего бюро в преобразованной мастерской по ремонту стиральных машин «Мосгорремэлектробытприбора», которую вымыли, слегка побелили и украсили вывеской «Кооператив “Прогресс”». В восемь утра все были на местах. Нам казалось, что число желающих вряд ли превысит человек двадцать, а их оказалось в первый же день около восьмисот!

Среди первых посетителей были самые разные люди: от старых дев до подростков, от профессоров философии до сексуальных маньяков с ярко выраженными наклонностями. Мы срочно созвонились со всеми друзьями, кто был способен примчаться в мастерскую и нам помогать. Однако к концу рабочего дня мы смогли принять только человек триста, остальные ушли разочарованные. Регистрация в бюро стоила двадцать пять рублей с человека.

Когда Малжабов подсчитал дневную выручку, мы были поражены: больше семи тысяч рублей за день! Таких денег никто из нас, кроме председателя, никогда в жизни не видел.

Поскольку терять клиентов нам показалось неразумным, ночью мы придумали «брачный конвейер». Со следующего дня посетителей встречали у входа и сразу провожа-

ли к кассе, рассказывая по дороге, что после уплаты аванса ими займутся профессионалы и успех будет практически гарантирован.

Потом им давали анкеты и объясняли, что заполнять их надо дома, не спеша. А когда мы получим присланную по почте анкету, то сразу вышлем клиенту приглашение для личной встречи и беседы со специалистами.

Чтобы не терять времени, мы просто ставили штамп «оплачено» на бланке квитанции с копиркой. И выстроившаяся в контору очередь двигалась, как при посещении Мавзолея, практически без задержки!

Судя по потоку наших клиентов, все проблемы общества словно сосредоточились только в неустроенности личной жизни. Народ прибывал и прибывал, и на второй день нам реально удалось обслужить больше тысячи посетителей.

Как люди отдавали двадцать пять рублей за бумажку со штампом «оплачено», остается для меня загадкой до сих пор. Ведь для многих это была сумма, составлявшая больше 20 процентов от их месячного заработка! Но это были наши, советские люди, будущие клиенты финансовых пирамид.

Малжабов тут же взял на должности личных секретарей председателя кооператива «Прогресс» двух очень симпатичных девушек, установив им умопомрачительные оклады — по тысяче рублей в месяц. Также был взят телохранитель, который стал носить следом за Малжабовым его толстый портфель с деньгами и бумагами.

На четвертый день работы наша выручка составляла около пятидесяти тысяч рублей — и председатель назначил собрание кооператива. Перед самым собранием я заглянул к нему в кабинет, наскоро переделанный из бывшего склада готовой продукции, где Малжабов все еще принимал какого-то претендента на работу. Он холодно ответил, что занят и просит немедленно закрыть дверь с другой стороны.

Как только посетитель удалился, секретарша пригласила меня войти. Я не узнал Малжабова — казалось, он стал выше своих метра пятидесяти с кепкой как минимум в полтора раза. Лицо его было красным, маленькие злые глаза горели...

— Какое право ты имеешь прерывать мою беседу и заходить без вызова в кабинет? — набросился он на меня. — Ты понимаешь, что этим подрываешь мой авторитет в глазах незнакомых людей и простых сотрудников кооператива?

— Ты что, обалдел? Мы же друзья, мы вместе делаем одно дело...

— Здесь я начальник! Я создал этот кооператив и пригласил тебя в нем работать. Если что-то не устраивает, можешь уходить, нужды большой нет. А все вопросы задашь после собрания. Иди и скажи, что я выйду к людям через пять минут!

Тут уж обалдел я. Такого преобразования личности я в своей жизни не видел никогда. Примерно в том же духе Малжабов повел себя на собрании. Он говорил о дисциплине на работе, об особых маршрутах движения по двум комнатам, о недопустимости посторонних разговоров, в том числе по служебному телефону, о должном уважении к председателю, которого, увы, не хватает в нашем коллективе.

— — —

Диагноз моего приятеля-врача был однозначен: мания величия! Обсуждая с ним ночью сложившуюся ситуацию, мы решили, что бросать начатое дело жаль, а значит, председателя придется терпеть. Вспомнили упоминание о психе на эту должность, и врач решил такого кандидата срочно подобрать, чтобы заменить Малжабова. Но теперь былая идея казалась нереальной. Может, потом удастся легально переизбрать его на общем собрании кооператива? Врач предсказывал всеобщее восстание против Малжабова в самое ближайшее время. Он проконсультировал меня, как нужно вести себя с пациентами, страдающими такой болезнью, и мы разошлись.

Слух о кооперативе «Прогресс» продолжал распространяться по Москве и даже достиг провинции: у нас появились визитеры, специально приехавшие за сотни километров.

Среди посетителей были очень интересные люди. Мне запомнился молодой мужчина, похожий на Клинта Иствуда, только красивей. Он объяснил, что работает в Канаде, нахо-

дьясь в заграникомандировке, и посещает Советский Союз крайне редко. Ему не хватает времени подыскать невесту. А жениться нужно как можно быстрее, иначе его могут отозвать из заграничной командировки. Ведь по негласным советским законам в заграникомандировках могли работать только женатые мужчины и незамужние женщины.

Он предложил заплатить валютой, но я тогда даже не представлял, зачем она вообще может нам понадобиться, и вместо долларов попросил обычную плату — двадцать пять рублей.

Вскоре появилась очень колоритная дама с двадцатилетней красавицей дочерью, которая ужасно стеснялась. Зато мама вела себя прямолинейно. Судя по количеству золотых колец на толстых, сосисочнообразных пальцах рук, она работала директором крупного областного продмага.

— Какие двадцать пять рублей! — сразу возмутилась эта дама. — Вы же понимаете, моей дочери нужно остаться в Москве после института. Сколько бы это ни стоило... Нам требуется муж с квартирой, которую он нам оставит сразу после развода. Так что, пожалуйста, обслужите по первому классу!

— А в Канаде квартира не нужна? — поинтересовался я.

Дама не поняла, что я спрашивал вполне серьезно, и восприняла это как прямой намек. Она расстегнула сумочку и выложила на стол толстый пакет с деньгами.

Мне стало еще более неудобно, чем ее дочери. В смущении я толкал пакет в ее сторону, а она настойчиво пихала его обратно...

Наконец я сказал:

— Хорошо, внесите деньги в кассу, мы их используем в кооперативе. Раз вы хотите платить больше, это не возбраняется!

— А, — сказала мамаша, — общий котел! Знакомая система.

Так я заработал для кооператива сразу пятьсот рублей, одним ударом.

При этом, разумеется, мысль уволиться с основной работы в НИИ у меня даже не возникала. Будучи советским человеком, я не мог предположить, как можно обходиться без твердой зарплаты. Тем более что на службе я мог бывать очень редко, выписывая себе библиотечные дни и разные местные командировки...

На шестой день работы выручка достигла более семидесяти тысяч рублей. Автомобиль «Волга», предел мечтаний советского человека, стоил тогда около восьми тысяч! Если измерять по «Волгам», мы достигли уровня среднего цеховика или товароведа гастронома, и это меньше чем за неделю. Но утром неожиданно раздался звонок из Моссовета: сам начальник управления приказал приостановить деятельность кооператива и срочно приехать к нему на переговоры.

Поскольку Малжабов не представлял, чем все это может кончиться, он грубо отшил начальника по телефону и заявил, что приедет, когда работы станет поменьше.

А посетителей стало еще больше: это была суббота.

К вечеру Малжабов уволил своего телохранителя, который что-то ему не так сказал. Уходя, телохранитель стукнул Малжабова кулаком по голове. Все очень развеселились, и я понял, что предсказанный врачом бунт назревает быстрее, чем предполагалось.

В воскресенье мы подсчитали наличность, и всем стало страшно. О такой сумме мы слышали только в фильмах про грабителей банков: у нас было больше ста тысяч рублей! И если я получал в институте триста рублей в месяц, как кандидат наук, нетрудно подсчитать, что это была моя зарплата почти за двадцать восемь лет...

— Как будем решать вопрос с Моссоветом? — спросил я у Малжабова.

— А что нам Моссовет, мы фирма независимая, — отмахнулся он. — Пусть только попробуют с нами что-нибудь сделать! У нас своя печать есть...

Я понимал, как Малжабов сильно ошибается с Моссоветом, сам ведь недавно там работал исполняющим обязанности главного инженера управления! Но врач пояснил мне, что указывать на ошибки человеку с манией величия все равно что плевать против очень сильного ветра. Поэтому я промолчал...

В понедельник к открытию кооператива пришли сотрудники районной милиции, и двери «Прогресса» были опечатаны. Пришлось оставить двух человек дежурить у дверей, чтобы от-

правлять клиентов домой, а мы с Малжабовым поехали в Моссовет, на переговоры с чиновником, назовем его Громин, который скоро сыграл большую роль в моей новой жизни...

Не успели мы отрекомендоваться, как Громин, посмотрев на нас исподлобья, заявил:

— Я вообще не собираюсь с вами разговаривать. Вас вызывали в пятницу, а сегодня понедельник, так что можете идти. Ваш вопрос будет рассмотрен на заседании комиссии по кооперативной деятельности Моссовета, и заверяю вас — решен отрицательно. Кто там, следующий...

— Я вас засужу. Вы не имеете права! — заорал Малжабов. — Вы с кем так разговариваете? Со мной?

Это был наш конец.

Я бы мог спокойно поговорить с Громиным на самом изысканном бюрократическом моссоветовском языке и решить любые проблемы. Но, увы, в присутствии председателя разговаривать посторонним запрещалось...

— — —

На следующий день решением комиссии Моссовета кооператив «Прогресс» был признан нарушителем принципов социалистической кооперативной деятельности, аморальным по содержанию и опасным для общества по форме. Нас также обвинили в попытке сводничества и создания системы заключения фиктивных браков ради прописки в Москве.

Поэтому комиссия предложила передать дело о кооперативе «Прогресс» в следственные органы для возбуждения уголовного дела по фактам мошенничества и поборов у населения в особо крупных размерах. Нам всем грозило лишение свободы или по крайней мере условный срок и штраф.

В постановлении комиссии было также сказано, что «Прогресс» должен вернуть обратно все деньги, полученные от граждан.

Тут же в газете «Московская правда», которая семь дней назад восхваляла наше блестящее начинание в кооперативной деятельности, появилась статья, объявившая нас преступниками, которым нельзя позволить уйти от ответа...

Мы с приятелем-психотерапевтом решили воспользоваться его родственными связями, чтобы остаться на свободе. Родственник-прокурор сказал, что дело заведено не будет, если все полученные деньги мы действительно возвратим.

Пришлось заняться этой малоприятной работой. Малжабов струсил и деньги отдал. Мы сидели, часами разбирая адреса наших посетителей на заполненных корявым почерком квитанциях. А потом запечатывали конверты с двадцатипятирублевками и отправляли их по почте. Все новые и новые клиенты продолжали стучаться в закрытые двери мастерской, теряя, быть может, последнюю в жизни надежду найти суженого...

На Малжабова в кооперативе уже никто внимания не обращал. Он говорил о каких-то протестах, о желании нанять адвокатов и идти в суд. Но все понимали: этого просто не может быть! В то время в СССР нельзя было подать в суд на официальные инстанции, тем более на Моссовет, который, скорее всего, сам назначал и снимал с работы народных судей и прокуроров в Москве.

Я больше никогда не встречал Малжабова. Слышал, что потом, через два-три года, он все же попал в тюрьму за то, что организовал похищение какого-то австралийского бизнесмена в аэропорту Шереметьево с целью вымогательства денег. Мне рассказывал об этом покойный московский авторитет Отарик Квантришвили, с которым Малжабов тесно работал, примкнув к его группе «XXI век».

Сам Отарик был личностью незаурядной и обладал фантастической способностью втягивать людей в интриги, сталкивать лбами, оставаясь при этом в стороне, чтобы потом помогать в их же разборках с выгодой для себя.

Понимая, что Малжабов обезумел от неудовлетворенной страсти руководить, он свел его с одним вором, только что освободившимся из заключения, который просто не выносил, когда им помыкали. В результате вор кричал: я его убью! Малжабов умолял: спаси меня от него! И Отарик возился с ними, пока они оба не сели в тюрьму. Сам же он, конечно, остался совершенно ни при чем и на свободе.

В тот момент я еще мог выйти живым из «реанимации» и снова остаться простым работником научно-исследовательского института, откуда я все еще не уволился. Но неожиданно меня пригласил зайти начальник объединения «Мосгорремэлектробытприбор», тот самый, что пригрел наш почивший в вечности кооператив «Прогресс». Я был уверен, что с моей кооперативной деятельностью покончено навсегда, но все же согласился на эту встречу.

«Кто знает, может, у меня когда-нибудь возникнут проблемы с ремонтом холодильника или утюга, — подумал я. — И тогда я смогу обратиться прямо к начальнику! Надо бы пойти».

Сергей Захарович, начальник бытового ремонта в Москве, оказалось, давно думал о том, как уменьшить воровство в своей организации. Традиционные методы не годились, и он замыслил воспользоваться постановлением о кооперативном движении, чтобы проделать это самым нетрадиционным путем: раздать собственность персоналу, чтобы воровать им пришлось у самих же себя. Таким образом, он, пожалуй, первым в СССР придумал российскую приватизацию.

Он решил, что я гожусь для того, чтобы организовать новый кооператив, без ненавистного Малжабова, с целью испытать идею преобразования бытового хозяйства Москвы на новый лад.

— Вот берите себе в аренду склад прямо с запчастями, — предложил он. — Разработайте прейскурант цен и займитесь ремонтом какой-нибудь бытовой техники. А если вас посадят, — продолжал он, — то я учту ваши ошибки и скорректирую эксперимент.

Затем он назвал мне очень впечатляющие цифры, из которых следовало, что на одном среднем заказе на ремонт бытовой техники обычно воруются два рубля. Если учесть, что советская бытовая техника была очень ненадежной и за день по Москве выполняли до тридцати тысяч заказов, то в год сумма украденного достигала почти двадцати двух миллионов рублей — огромные деньги! А если считать стоимость похищенных запчастей, можно смело умножить эту цифру на два...

И в это опасное хозяйство пригласил меня влезть сам главный начальник, чтобы посмотреть, что из этого получится!

Мне еще снились влет заработанные «Волги», да и просто было любопытно нормально организовать дело, а не так, как Малжабов в «Прогрессе». Кроме того, легкость, с которой мы заработали сто тысяч рублей, покорила мое воображение, и мне казалось, что повторить успех будет так же просто.

Уже на следующий день, написав устав, я появился в Моссовете, чтобы зарегистрировать новый кооператив под названием «Техника». Но меня ждала большая неприятность. Тот самый главный чиновник Громин за считанные недели проявил удивительную прыть и пробил постановление, согласно которому теперь для регистрации любого кооператива нужно было получить его личную подпись и согласовать с ним текст устава. А поскольку типовых уставов еще не существовало, он практически мог делать все, что угодно. Претенденты на открытие кооперативов, которых с каждым днем становилось все больше и больше, попадали в полную зависимость от настроения Громина и в его безраздельное пользование.

Теперь у его кабинета люди простаивали часами и днями, тщетно дожидаясь приема. Мне пришлось особенно трудно: узнав меня, Громин приказал мне больше никогда не появляться, так как ни за что, ни при каких обстоятельствах, устав он мне не подпишет и прошлых пререканий с собой не простит.

— — —

Хотите верьте, хотите нет, я провел у дверей его кабинета три месяца, ежедневно по пять-шесть часов в день! Для этого мне пришлось бросить работу, и обратной дороги у меня уже не было. Постепенно Громин стал со мной здороваться и привыкать к моему постоянному присутствию, как к мебели. Он иногда со мной даже разговаривал, и я чувствовал, что становлюсь к нему все ближе. Однажды я подвез его домой на своем стареньком жигуленке. Потом еще раз домой и утром из дома на работу в Моссовет.

Скоро у него вошло в привычку, что я за ним заезжаю и отвожу на работу и с работы. А мое терпение было безгранич-

ным — это у меня с детства, благодаря рыбной ловле, которая навсегда осталась главным моим увлечением. «Клев» Громина уже ощущался, только бы не пропустить подсечку...

Привозя Громина на работу, я интересовался, когда же он посмотрит мой устав, и он говорил, что обязательно посмотрит. Но, держа меня за личного шофера, вовсе не спешил это делать.

Вскоре мы стали большими «приятелями»: я в роли добропорядочного слуги при бессовестном господине. Громин нагружал меня разработкой инструкций и форм. Действительно, чего просиживать целый день без дела? Я покорно их писал, сидя в его кабинете, а потом и в огромном зале, потому что кабинета для такого количества посетителей уже не хватало.

Теперь он откладывал рассмотрение моего устава по дружбе: дескать, ну что ты торопишься, мы же друзья, конечно, я сразу же посмотрю, как освобожусь!

Громин стал приглашать меня с собой после работы на проверку уже действующих кооперативов. Он очень любил проверять кафе и всевозможные закусовые. Как правило, мы приезжали без звонка, кооператор выбегал к нам с таким же волнением, как и к ОБХСС (Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности).

Громин интересовался, не продается ли спиртное из-под полы, и кто разрешил варить кофе, и где вы берете сахар, и вообще, надо бы поставить вопрос о вашем закрытии...

Кооператор дрожал как осенний лист, проклиная момент, когда родился на свет.

Впрочем, обычно все заканчивалось мирно: нас кормили, на дорогу снабжали продуктами. Я завозил своего друга-кровопийцу домой и засыпал с надеждой, что завтра все будет по-другому...

И наконец чудо произошло. По истечении третьего месяца Громин подписал мне устав! Он подмахнул одну фразу, которая сыграла огромную роль в моей будущей судьбе. Она звучала в моем уставе так: «Разрешается любая деятельность, не противоречащая советскому законодательству». Это был пик! Триумф! Это была запредельная формулировка в СССР.

Такие формулировки я видел в жизни всего два раза. Другая была выдана депутату Верховного Совета СССР Михаилу Бочарову лично Горбачевым: «Разрешаю частную собственность на средства производства в кооперативе “Бутек”». Это прямо противоречило главному принципу социализма по Карлу Марксу, где разрешалась исключительно общественная собственность на средства производства. Но чего там церемониться с Марксом! Начиналась «перестройка» из застоя в хаос.

Однако это случилось через год. А тогда я перестал на время появляться у Громина, и он тут же пересел на другую машину и стал эксплуатировать нового добровольного кандидата в кооператоры. Схема взятия в рабство желающих была прекрасно на мне отработана.

- - -

Однажды в детстве отец рассказал мне историю, которая в какой-то степени определила мой характер.

«Где-то на Востоке у богатого хозяина было два работника, занимавшихся одинаковым делом, но одному из них хозяин платил в два раза меньше. И однажды тот не выдержал и спросил хозяина:

— Почему же я получаю в два раза меньше?

— Попробую объяснить тебе на примере, — отвечал хозяин. — Вон, видишь, в пустыне идет караван? Узнай, куда он направляется!

И работник побежал. Узнав, куда идет караван, он вернулся и говорит:

— Этот караван идет в Дербент.

— А что везет этот караван? — спрашивает его хозяин.

— Сейчас узнаю, — сказал работник и опять побежал. Вскоре возвращается: — Этот караван нагружен хлопком и тканями.

— А кто главный караванщик, как его зовут и откуда он родом?

И работник побежал в третий раз. Когда он вернулся, хозяин вызвал второго работника и попросил его узнать, куда идет караван. Работник очень скоро вернулся и говорит:

— Этот караван идет в Дербент, нагружен он тканями, караванного сопровождающего зовут Ахмед, его жену зовут Зульфия, он заключил еще много сделок и в следующем месяце караван пойдет по той же дороге...»

Эта притча серьезно повлияла на мою жизнь: я как-то сам по себе превратился в работника второго типа. Только мне никто не платил вдвое, хотя занятие кооперацией занимало у меня ровно 20 часов в сутки...

И вот в том же помещении, где находился неудачливый кооператив «Прогресс», открылась мастерская по ремонту импортной бытовой аппаратуры (магнитофонов, телевизоров и даже видеоманитофонов) под названием «Кооператив “Техника”».

Тогда эта деятельность была полной монополией государства. Во всей Москве работала только одна мастерская по ремонту, куда привозили огромное количество сломанной импортной аппаратуры. Ее забирали чуть ли не на полгода, заказывали за рубежом запчасти, каким-то образом через Внешторг получали их прямо из Японии, продавали с огромными рублевыми наценками, а часто вообще отказывались брать технику в ремонт... Очереди туда стояли огромные, была предварительная запись, и люди ждали месяцами.

Я быстро нашел крупных специалистов в этой сфере среди научных работников институтов электронной промышленности, и они стали ремонтировать японскую технику вообще без запчастей! В этом было наше «ноу-хау». Ребята умудрялись на советских транзисторах собирать схемы, которые заменяли японские детали. Советские транзисторы и микросхемы превышали все допустимые размеры и не влезали в японские телевизоры и магнитофоны. Но мои умельцы умудрялись протискивать их в пластмассовые корпуса аппаратуры вместе с кучей проводов... Самое интересное, что после этого техника работала!

Все это продолжалось чуть больше месяца, пока некоторые, впрочем всегда довольные ремонтом, клиенты случайно не обнаружили, что в их дорогих японских аппаратах намешано и напаяно что-то такое совершенно жуткое. Хотя качество работы при этом мы гарантировали. Вы можете представить, что клиентура у нас была соответствующая: дипломаты, работни-

ки зарубежных представительств, спекулянты и владельцы недоступных нам «чеков Внешпосылторга», отовариваемых в специальных, закрытых для простого народа магазинах фирмы «Березка».

Клиенты начали жаловаться: мол, наши детали были похищены и заменены кучей российских, а мы на это разрешения не давали! Вскоре дело было передано в Московскую прокуратуру...

— — —

Наша «Техника» могла бесславно развалиться, как и предыдущий «Прогресс», если бы мы не развивали параллельно еще одно дело, которое в этот момент вдруг и «выстрелило».

Ко мне прибыла делегация из Армении, с завода по производству систем вычислительной техники и программного обеспечения Госкомитета по вычислительной технике СССР. И они говорят:

— Артем, мы слышали, что программисты из вычислительного центра Академии наук уже делают к персональным компьютерам русскоязычные программы. Есть там такой Евгений Веселов, который придумал «Лексикон»... Если он передаст нам права на программу, мы могли бы ее записать на гибких дисках и продавать предприятиям по безналичному расчету. А расплатимся с ним через твой кооператив. Ты же можешь его зачислить на работу?

Я за эту идею очень схватился. Поехал, нашел Веселова, познакомился с очень серьезными программистами, которые делали прекрасные программы в Академии наук и получали по 120-130 рублей в месяц как младшие научные сотрудники.

— Хотите подработать? — спросил я их.

— Да!!! — хором ответили программисты.

Первая же продажа «Лексикона» привела к тому, что армянское предприятие перечислило около двухсот тысяч рублей прямо на счет нашего кооператива в банк!

Веселову я тогда выдал заработную плату — тридцать пять тысяч рублей наличными. Он не видел таких сумм никогда в жизни. Я приехал к нему домой. Он жил с женой и ребенком

в крохотной, по-моему, однокомнатной квартирке где-то в районе новостройки Строгино или еще дальше. Когда я выложил перед ним перевязанные пачки денег, Веселов «провалился» в затяжной шок. Я помню, как он стал нервно прохаживаться по комнате и пытался куда-то пристроить эти пачки: открыл холодильник, потом передумал, залез на антресоли, но и там место показалось ненадежным. Долго шуршал в ванной комнате, совмещенной с туалетом, но опять вышел с деньгами в руках.

Сейчас Женя Веселов — один из самых известных программистов мира, заместитель руководителя компьютерной фирмы с оборотом в сотни миллионов долларов и выполняет заказы американских компаний «Майкрософт» и Ай-би-эм. Уверен, что тогдашнее потрясение он вряд ли когда-нибудь забудет.

Такие же зарплаты я стал выдавать другим программистам. Мы поставили дело на поток, и это принесло нам первый миллион рублей чистой прибыли.

Были у меня два знаменательных знакомства в то время, с двумя моими будущими компаньонами по кооперативу. Их звали Анатолий Писаренко и Владимир Яковлев.

Толик тоже занимался научной работой, и не где-нибудь, а в Институте криминалистики Минюста СССР! Но он, в отличие от меня, всю жизнь умудрялся зарабатывать на стороне, как это тогда называлось: «делать левые деньги». Толя от рождения имел такую жилку — левачить и поэтому зарабатывал буквально на всем, начиная от производства противоугонных устройств, которые он мастерил на дому и продавал автомобилистам, и кончая ремонтом утюгов и кранов соседям по подъезду.

Писаренко пришел ко мне с идеями, как извлечь деньги непосредственно из Минюста СССР. Мне это очень понравилось. Он предложил оснащать суды Москвы электроникой и компьютерной техникой. А поскольку безналичные деньги тратились госучреждениями безо всякого счета, можно было зарабатывать столько, сколько подпишут. Да и к Министерству юстиции мы становились ближе, что в будущем могло пригодиться.

Мы решили начать с того, чтобы установить в каждом суде информационную систему для клиентов. Суды были переполнены, и клиенты жутко досаждали судьям множеством вопросов. Наша система была призвана судьей разгрузить. Пройдясь по комиссионным магазинам, мы скупили игровые компьютеры фирмы «Атари», подсоединили к обычным телевизорам, сделали свои программки и выставили во всех судах. Теперь каждый посетитель мог простым нажатием кнопки получить информацию: в каком кабинете рассматривается его случай, кто судья, когда и какое решение было принято и т.д. и т.п. Московские суды оплатили нам и покупку компьютеров, и разработку программ, и позволили легально получить значительную прибыль на этой операции.

Потом у нас появилось еще несколько идей. К примеру, установить в соседних с залом суда помещениях телекамеры и показывать спиной свидетелей, если они не хотели, чтобы криминальные элементы видели их в лицо. Мы сделали и это. Затем внедрили еще одну интересную новинку. По закону, когда судья удаляется с заседателями в отдельную комнату для принятия решения, там должны быть отключены телефоны и вообще все средства коммуникации с внешним миром.

Конечно, на практике все было иначе: существовало «телефонное право», и судьи подчинялись прямым звонкам из горкомов и обкомов. Тогда мы предложили систему, при которой, как только судья заходил в комнату и поворачивал ключ, автоматически отключалась любая связь внешнего мира с помещением. Теперь для судей наступала полная демократия, так как дозвониться до них было невозможно. Правда, потом они очень просили дубликаты ключей...

— — —

В начале деятельности в августе 1987 года членов кооператива «Техника» было всего трое... Первые серьезные деньги пришли в сентябре. А через год в «Технике» уже работало больше тысячи человек! Народ просто валил к нам со своими идеями и предложениями, а мы вкладывали деньги, открывали

офисы и мастерские. От изложения идеи до ее внедрения у нас уходило от нескольких часов до нескольких дней.

Мы открывали все новые и новые направления. К примеру, мой приятель Игорь Малышков придумал очень простой бизнес. В то время в международном аэропорту Шереметьево складывалась тяжелейшая проблема с носильщиками: они не знали ни слова по-английски, грубили, им перестали платить зарплату, и назревала забастовка. Наличие носильщики вообще не сдавали, а тележки все время ломались и куда-то исчезали.

Мы договорились с аэропортом Шереметьево, что организуем альтернативную частную кооперативную службу носильщиков. Так появились знаменитые тележки фирмы «Ариса» кооператива «Техника». Ребята брали за перевозку багажа один рубль, или один доллар, или один франк — неважно, что именно. То, что платил клиент. Водить тележки стали кандидаты наук и люди с консерваторским образованием. Как только служба стала частной, воровать прежним государственным грузчикам стало невозможно, и, не выдержав конкуренции, они уволились.

Я помню удивленные глаза пассажиров, которые заранее были готовы к ругани и наглости персонала, — и вдруг интеллигентная речь и лица совсем не после попойки! Грузчики «Арисы» разговаривали на нескольких языках и походя спрашивали прибывающих о выборах в Англии или о здоровье Миттерана. Всю валюту мы абсолютно честно сдавали во Внешторгбанк, единственную организацию, которой разрешалось принимать валюту. К нашей большой радости, в обмен мы получали рубли в перерасчете 0,62 копейки за один доллар. Как это было мило!

Когда Малышков стал зарабатывать большие деньги, он открыл бюро по прокату автомобилей в аэропорту Шереметьево. И уже через два года у нас в прокате было семьдесят «Мерседесов»! В какой-то газете тогда написали, что кооператив «Техника» имел больше «Мерседесов», чем посольство и торгпредство Германии в Москве, вместе взятые! Это была огромная служба, включавшая стоянки, автопарк, машинопрокат и специальные автобусы в аэропорту для летчиков и стюардесс. Иногда у команды «боинга», составляв-

шей двадцать пять человек, оставалось пять-шесть часов до вылета. Мы возили их в гостиницу принять душ, потом делали краткую экскурсию по городу и доставляли обратно прямо к трапу самолета.

— — —

Еще один приятель, компьютерщик Рубен Лачинов, тоже организовал очень интересное дело. Нашим партнером стала Московская городская телефонная станция. Директор службы «09» разрешила нам тогда использовать территорию техникума, вместе с самими телефонистками, которых готовил техникум, в свободное от учебы время. Для службы Рубена под названием «Каисса» там установили несколько серийных номеров телефонов, по которым девушки могли отвечать одновременно на десятки звонков по одной линии.

И мы объявили в газетах: пользуйтесь услугами службы помощи по городу Москве 24 часа в сутки! Это был самый настоящий прообраз будущих служб спасения, только с гораздо более широкой сферой деятельности. Если с кем-то что-либо произошло, если что-то срочно понадобилось, надо было просто позвонить по телефону помощи, и мы ее оказывали!

Вначале были простые звонки типа: «Куда мне пойти покушать, порекомендуйте хороший ресторан». Потом пошли более интересные предложения: например, забрать ребенка из детского садика. Пришлось заключить договоры с таксомоторными парками Москвы. Мы раздали нашим таксистам специальные фирменные кепки, и таксист ехал по указанному адресу, брал ребенка и привозил из садика домой. Кроме того, он ездил на рынок за продуктами, или стоял в очереди, чтобы отправить посылку на почте, или получить из прачечной белье...

Бывали и курьезы. Как-то звонит в четыре утра человек: срочно нужна пачка сигарет — готов заплатить пятьдесят долларов! Служба тут же связалась с водителем дежурной машины, в которой был установлен телефон, и пачка сигарет была доставлена в течение двенадцати минут.

В конце концов эта служба тоже вышла на валюту. Рубен отобрал девушек-телефонисток, которые отвечали по-английски, взял на дежурство переводчиков с французского, испанского, итальянского языков. И мы стали продавать на международных линиях «Аэрофлота» и в Шереметьеве так называемые «Карточки страхования и помощи в Москве» для иностранцев.

Клиент, который покупал карточку, имел право круглосуточно позвонить в нашу службу с гарантией, что ему ответят на родном языке и помогут. Один звонок стоил доллар, а за карточку платили пятнадцать долларов вперед.

Очень часто были такие звонки от иностранцев: я заблудился, не знаю, как найти свою гостиницу, не помню, как называется улица, потерялся в Москве.

И мы высылали машину, брали этого иностранца, доставляли его по адресу.

Был забавный случай, когда иностранец уехал с русской проституткой к ней домой. И как только он разделся, в квартиру вошли три амбала. Они его не тронули, но он сам, спешно одеваясь, оставил бумажник, где были паспорт, деньги, а главное, адрес гостиницы.

Чудом наша карточка «Каисса» оказалась в кармане его брюк. Бедный иностранец еле-еле добрался до автомата, позвонил нам и говорит: я совсем один, не знаю, где нахожусь, меня привезли на такси, могу только очень примерно описать дом. Но он так похож на все ваши остальные дома! Боже мой! Он описанию не поддается!

Он читал дрожащим голосом по слогам русские буквы вывесок, а наши девочки пытались догадаться, где же он находится. Потом мы стали вычислять эту проститутку по описанию клиента и нашли ее, на счастье, очень быстро, так как она к тому времени вернулась на рабочее место, то есть стояла там, где он ее снял, у гостиницы «Националь». Это был целый детектив: мы с ней встретились, она нам вернула все документы и кредитные карточки. А дрожавшего иностранца мы вытащили из телефонной будки через сорок восемь минут после звонка в службу. В результате он заплатил двести долларов и был абсолютно счастлив.

- - -

Потом к нам пришел очень опытный строитель. И вскоре строительная бригада кооператива «Техника» под названием «Кузнец» начала строить чуть ли не особняки для членов правительства и директоров гастрономов. Например, мы полностью отремонтировали здание болгарского посольства в Москве. Посольство специально заказало эту работу кооперативу, не желая иметь дело с госструктурами. Они больше доверяли нам, частникам, и справедливо были уверены, что мы не поставим «жучки».

К нам несли самые разные проекты. Как-то пришел человек, который изобрел оригинальный метод тренировки памяти. Он действительно продемонстрировал этот метод. Десятилетняя девочка, потренировавшись у него полгода, могла просто пролистать огромный каталог с товарами и по памяти в деталях воспроизвести любую его страницу!

Он учил людей вспоминать и вытягивать из подсознательной памяти моменты прожитой жизни буквально по дням! Представьте себе, что его ученики вспоминали по часам любой день из своей жизни, скажем, десять лет назад! Это казалось невероятным, но было реальностью. Мы тут же открыли для него специальное отделение.

Тогда же вместе с первыми коллегами появился и Володя Яковлев. Он заявил, что не желает связываться с организацией собственного кооператива и готов встать под нашу эгиду. Молодой парень производил совершенно незаурядное впечатление. Обладая утонченной внешностью, прекрасным воспитанием и университетским образованием, он к тому же был сыном самого Егора Яковлева, главного редактора газеты «Московские новости», которой покровительствовал лично Горбачев. Володя с порога сделал нам совершенно непостижимое в то время предложение.

— Я буду торговать информацией, — сказал он. — Это товар будущего!

Так при кооперативе «Техника» образовалась служба «Факт», которую возглавил Володя Яковлев. Потом из нее вырос «Интерфакт», а уже потом появились газета «Коммер-

сантъ», издательский дом и множество периодических изданий, без которых само развитие свободного рынка и предпринимательства в России, как, впрочем, и свободы слова, было бы не столь быстротечным.

Мы брались тогда за все, пытаясь объять необъятное: начиная от переработки торфа и кончая кирпичом размером три метра на два, из которого потом был построен экспериментальный дом в Ленинграде, со стенами, превосходящими по прочности обычную кирпичную кладку в сто раз.

Состояние кооператива «Техника» бурно росло. Мы не заботились о личном благополучии и практически все деньги запускали в новые производства и проекты. Было безумно интересно жить, каждый день приносил новые и новые увлечения. Мы жалели только об одном: почему в сутках было так мало времени и что приходится иногда спать.

Рассказать на страницах книги обо всех двадцати трех направлениях деятельности кооператива «Техника» было бы сейчас очень трудно и для меня, и для читателя. Но об одном, главном из них по величине принесенного дохода, умолчать не могу.

Мы, конечно, продолжали очень активно заниматься компьютерами. Я уже говорил, что судьба свела меня с блестящими программистами, которые сейчас входят в списки лучших в мире. Кроме Веселова, я познакомился с Антоном Чижовым — настоящим компьютерным гением. Тогда Антон был еще совсем молодым парнем, работал в Главном вычислительном центре Академии наук и получал зарплату сто двадцать рублей.

Но то, что он умудрялся делать уже тогда, было просто фантастичным.

Антон взламывал любые сверхзащищенные компьютерные программы — да что там программы! Он взломал ДОС — дисковую операционную систему компьютера, которая принесла ее создателю, Биллу Гейтсу — владельцу «Майкрософта», миллиарды долларов. И когда Антон залез в нее, он тут же ее русифицировал, то есть все английские слова и команды переписал на русский язык. Пусть знают наших, мы не только блоху подковать умеем, но и Билла Гейтса в придачу!

По ходу дела обнаружилось, что во всех персональных компьютерах, прошедших через руки Антона в России, при их включении стала появляться странная надпись прямо из дисковой памяти машины: «С приветом, Антон». Компьютеры фирмы Ай-би-эм стали понимать русский и кириллицу не хуже родного английского языка, заложенного в них еще при сборке на уровне микропроцессорной памяти.

Когда об этом узнали в Ай-би-эм, они, разумеется, страшно заволновались. Антона долго вычисляли, были задействованы ресурсы американской разведки ЦРУ. Производители настаивали на том, что расшифровать закодированную в микрокоды систему могут только секретные и не известные никому советские институты, которые должны были иметь самые современные технические возможности и техническую базу, подпадающую под глухое эмбарго на завоз в СССР. То, что это был целенаправленный промышленный шпионаж с огромными затратами, под эгидой КГБ, фирмы не сомневались. А все сотворил один человек, в домашних условиях, с паяльником в руках!

Наконец наш кооператив запеленговали американские спецслужбы. Неожиданно к нам приехала делегация из нескольких человек с явно военной выправкой, но одетых в штатское. Они представились специалистами из фирмы Ай-би-эм на уровне вице-президентов и предложили сотрудничество. Мы обрадовались необычайно и спросили, могли бы они нам поставлять компьютерную технику на рубли.

— Мы можем для вас все. Даже бесплатно, — сказали агенты. — Только взамен покажите нам ваши секретные лаборатории, в которых осуществляется перекодирование памяти персональных компьютеров фирмы Ай-би-эм. Хоть одним глазком бы взглянуть!

И мы показали все, что имели: Антона Чижова собственной персоной с паяльником в руке.

Антон говорит: «Господа! Да у меня никаких секретов нет, я с удовольствием все вам объясню и расскажу...»

Лекция Чижова продолжалась час, и американцы слушали ее буквально с открытыми ртами. Потом они подошли к Антону и говорят:

— Мы просто не знаем, как вас отблагодарить, возьмите, пожалуйста, чек на двадцать тысяч долларов.

Антон тогда очень испугался:

— Да вы что, какие доллары, у нас же за это статья!

Кто не помнит, тогда, в 1988 году, за найденные в кармане двенадцать долларов могли дать до десяти лет тюрьмы.

Превозмогая страх, он все же произнес:

— Долларов мне не надо! Вы не могли бы выполнить мою мечту?

— ???

— Вы не могли бы подписать меня на журнал «Байт» на целый год?

Я думаю, что американцы во все это просто не поверили. Решили, что их разыгрывают или что это очень хитрая дезинформация.

Только потом, спустя годы, когда Антон Чижов стал консультировать и Ай-би-эм, и «Майкрософт», а созданный им вместе с другими моими ребятами из компании «Параграф» проект был продан фирме в Силиконовой Долине США за пятьдесят миллионов долларов, они поняли, с кем имели дело. Чижов никогда не уезжал из России и живет в ней до сих пор. Он привязан к своему гнезду, как аист, который всю жизнь туда возвращается.

А тогда щедрые американцы оформили ему подписку на журнал «Байт»! Вот такая у меня подобралась профессиональная команда в кооперативе «Техника»!

Направление деятельности «Техники», в результате которой наши доходы стали расти в какой-то фантастической прогрессии, мы придумали вместе с Анатолием Писаренко, сидя у него на кухне и попивая чай. Мало создавать прекрасные компьютерные программы, надо было организовать их сбыт. Конечно, миллион рублей на нашем счете, полученный от армянских партнеров, сильно впечатлял, но казался совершенно недостаточным для всех наших проектов. Тогда впервые мы поняли, что рынок сбыта продукции можно искусственно создать своими руками.

К нам в то время обратилась известная французская фирма «Бюль», производящая компьютеры. Французы очень активно

пытались выйти на вьетнамский рынок, а там нужна была аммиачная селитра и фосфатные удобрения для сельского хозяйства. «Бюль» предложила нам купить удобрения за рубли, отгрузить во Вьетнам, а за это расплатиться с нами компьютерами по бартеру. Это и натолкнуло нас на идею.

Мы поняли, что если завезти в СССР огромное количество персональных компьютеров, сбыту наших русскоязычных отечественных программ не будет конца. А схема получения компьютеров по бартеру без валютных затрат сама собой образовалась на сделке с французами.

Мы немедленно вышли на Руставский завод в Грузии по производству аммиачной селитры и на Воскресенский комбинат по производству кормовых фосфатов. Ни тот, ни другой свою продукцию никуда не экспортировали по вполне понятным причинам. К примеру, так называемые кормовые фосфаты содержали обыкновенный мышьяк. И если бы какая-нибудь корова их нечаянно съела, то немедленно бы отравилась. Кому они предназначались в корм, никто не понимал: ни производители, ни потребители.

До сих пор удивляюсь: куда эти заводы сбывали свои удобрения? Скорее всего, их зарывали в землю где-то неподалеку... А завод продолжал работу, так как увольнять людей строго запрещалось, заработную плату выдавали централизованно, вне зависимости от качества продукции и прибыли.

Аммиачная селитра обошлась нам в пятьдесят тысяч рублей. «Бюль» заплатила триста пятьдесят тысяч долларов компьютерами, оценив каждый в пятьсот долларов. Мы получили от «Бюля» семьсот компьютеров. Если эту цифру умножить на пятьдесят тысяч рублей, которые стоил один компьютер в СССР, выходило три с половиной миллиона с одной сделки! Да за такие деньги мы практически бесплатно стали оснащать привезенные компьютеры и «Лексиконом», и «Лотосом», который только что «научил» русскому языку Чижов, и еще кучей программ для работы с бухгалтерией, кадрами, финансами и т.д.

К концу года мы поняли, что такой двухходовой бизнес — это золотое дно, и начали по всей территории России искать, что еще можно продать с такой фантастической прибылью.

Вели поиск и зарубежных потребителей. Вскоре нашли новых покупателей на фосфаты в Австралии, куда продукцию стали вывозить через порт Находка. У покупателя вроде бы имелась технология извлечения из советских удобрений чистого металлического мышьяка. После проведения тестов и испытаний мы получили от них заказ на сто пятьдесят тысяч тонн, и у нас уже было достаточно рублей, чтобы это количество элементарно выкупить у завода.

Потом отличился наш минский филиал — группа технологов по металлу. Они придумали, как извлекать металлы из сливов гальванических производств заводов тяжелого машиностроения в Белоруссии. Установили системы электролиза на сливах заводских труб, прямо перед отстойниками, и стали получать чистую медь, свинец, цинк...

Кроме того, минчане занялись порошковой металлургией. Несмотря на все постановления партии и правительства, она в СССР так и не прижилась. Но производство самих порошков для нереализованной порошковой металлургии уже запустили по решению Госплана СССР на полную мощность и производили тысячами тонн.

И мы нашли на Урале буквально завалы порошка из титана, меди и других ценных металлов. Все это числилось в неликвидах и никому не было нужно. Оказалось, что это вполне экспортный товар: например, порошком из нашего алюминия на Западе напыляли внутренние поверхности компьютеров, а из порошка меди делали какую-то уникальную краску. Сплавлять обратно порошки металлов в слитки было невыгодно: терялось много металла, но за рубежом, конечно, могли и это делать. В общем, неликвидный в СССР товар имел большой спрос на Западе.

Мы покупали порошок на заводах Урала очень дешево, как неликвидную продукцию, а продавали по цене реального металла. Покупатели на Западе были счастливы, потому что делать порошок из металла было так же дорого и невыгодно, как и обратный процесс. Прибыль от этого бизнеса была просто уникальной.

Помню, мы ввезли целый машиностроительный завод по производству газовых горелок, чтобы самим наплавлять поверхности порошком. И тот завод обошелся нам всего в пятьсот долларов!

Не верите? Считайте сами. Схема была чрезвычайно проста. Вы берете пятьсот долларов, покупаете компьютер, привозите его в Россию и продаете за пятьдесят тысяч рублей. Так? На эти деньги приобретаете пятьдесят тонн алюминия в порошке, который продаете по тысяче двести долларов за тонну, получая шестьдесят тысяч долларов прибыли. На них покупаете компьютеры, привозите их в Москву и после продажи получаете миллион пятьсот тысяч рублей. На него вы покупаете шесть тысяч тонн алюминия... Дальше рассказывать?

Эти операции в два-три хода занимали несколько недель, причем работали параллельно десятки групп: одни грузили селитру, другие — фосфор, отходы кабельной промышленности, макулатуру, металлолом, третьи — порошок... Деньги на любой машиностроительный завод можно было набрать за несколько месяцев, начав с вложения пятисот долларов США!

На нас обрушился поток валюты, которую мы превращали в товары, и он рос совершенно невероятно, как снежный ком.

— — —

Конечно, нам было довольно просто работать. Ошибочные действия, которые предпринимало нерадивое правительство Горбачева, привели к тому, что предприятия потеряли связи с поставщиками и с потребителями.

Поэтому, когда мы приходили на завод что-либо купить, на нас смотрели как на избавителей. Никаких взяток никто не просил. Наоборот, директора были готовы в ножки кланяться, чтобы мы увезли скопившиеся в огромных количествах товары и продукты, которые мы потом легко превращали в валюту, ее — прямо в компьютеры, которые привозили в СССР, не нарушая валютных статей Уголовного кодекса и не открывая валютных счетов за границей.

Помню несколько историй. Директор Кременчугского нефтеперерабатывающего завода жаловался, что ему приходится

сливать мазут прямо в ямы. Эти ямы заводчане выкапывали в соседнем лесу. Была теплая зима, и от мазута отказались его обычные потребители. Не держать же ненужный продукт в емкостях, предназначенных под бензин! За полгода он успел вылить около миллиона тонн, что составляло, как мы сразу подсчитали, около девяноста миллионов долларов! И все потому, что сам завод не имел права продать мазут за рубеж. Такая была система. А для Внешторга этот продукт был внеплановым. Кто же будет его продавать за границу и заниматься работой вне плана? За это дополнительной зарплаты не платили.

А вот другой пример страшной бесхозяйственности тех лет. Мы нашли под Москвой завод, который делал специальные подшипники для Белорусского тракторного завода. А в Белоруссии остановили производство этих тракторов и перешли на новые модели уже несколько лет назад.

Подшипники стали никому не нужны. Но завод упорно продолжал их делать, там работало несколько тысяч человек, которых нельзя было уволить. Подшипники упаковывали в ящики, складывали в вагоны, отправляли в Белоруссию. Поезд заворачивали с тракторного завода на металлургический, и все ящики там разгружали. Потом подшипники шли под пресс и снова переплавлялись в сталь. А сталь снова поступала на завод под Москвой — на новые подшипники...

У нас были специальные гонцы, которых мы отправили по всей России. Как только они находили товар, который можно экспортировать, то моментально открывали там отделение кооператива «Техника» и начинали работать — как ни странно, в том числе и на благо этого завода...

Уникальность ситуации была в том, что зарабатывать можно было на чем угодно. Около 1200 процентов годовых давала нам одна сделка. А в работе одновременно находилось до семидесяти контрактов!

Конечно, это был настоящий золотой век, Клондайк, золотая лихорадка! Тогда в СССР никто и не думал оставлять доллары за границей. Да зачем они были нужны, эти доллары? Хождения они в Москве не имели, а обменять их на рубли в таком количестве кооперативу никто бы и не позволил. Если

бы мы начали оставлять доллары за границей, то к январю 1989 года на счете кооператива «Техника» могло скопиться как минимум сто пятьдесят миллионов долларов!

Но зарубежных счетов у нас не было, и поэтому миллионы рублей накапливались в Мосжилсоцбанке, что в Столешниковом переулке в Москве. Деньги превратились для нас в промежуточные бумажки, способствовавшие ввозу компьютеров в СССР. Дошло до того, что мы стали отдавать компьютеры в кредит, чтобы все расширять и расширять рынок потребителей своих программ.

Многие работники «Техники» в короткий срок стали очень богатыми людьми, получая в среднем по пятнадцать—семнадцать тысяч рублей в месяц, то есть раз в тридцать больше любого министра! Причем их зарплата росла в соответствии с ростом прибыли.

Истратить больше денег в то время было практически нереально: «Мерседес» на черном рынке стоил двенадцать тысяч рублей, а прекрасный дом с садом под Москвой — двадцать пять тысяч...

Я же сам, как, впрочем, и мои заместители, вообще не получал зарплату! Бухгалтер выписывала нам какие-то деньги, мы платили все налоги, а потом оставляли заработок в кооперативе на непредвиденные расходы как наличку в сейфе.

Кстати, так называемые бартерные сделки были чрезвычайно выгодны и западным партнерам. На них они тоже зарабатывали бешеные деньги.

Допустим, мы вывозили металл. Конечно, его брал посредник, продавал и получал компьютеры на консигнацию, то есть без оплаты. Фактически, продав наш металл, допустим, за миллион долларов, он держал этот миллион на своем счете, наворачивая проценты, играя с ним на биржах до ста двадцати дней, в течение которых он должен был расплатиться за компьютеры.

То есть когда посредник называл нам цену металла в компьютерах, он фактически платил за них около 70—80 процентов от названной цены! Остальное компенсировал за счет игры с деньгами за наш проданный металл. И поэтому заработки наших покупателей тоже были огромными.

И вдруг все это кончилось. Наша империя рухнула в январе 1989-го, абсолютно неожиданно. Произошла история, которая чудом не подвела меня под высшую меру наказания. По статье 93 часть 3 УК СССР за хищение государственной собственности в особо крупных размерах тогда давали расстрел...

Глава 5

ДЕВЯНОСТО ТЫСЯЧ ПАРТИЙНЫХ ВЗНОСОВ

Знаменитый пародист Александр Иванов посвятил мне как-то эпиграмму:

Мы — дети призрачной эпохи,
И жизнь берет нас в оборот.
С миллионером шутки плохи?
У них... У нас наоборот!

Был конец января 1989 года. Мы все еще продолжали обслуживать Минюст СССР, и это приносило двойную выгоду: во-первых, мы регулярно получали хорошие деньги за работу, а во-вторых, заранее знали, что там творится, какие документы готовятся. Но однажды ко мне подходит Толик Писаренко, совершенно бледный, и говорит:

— Артем, я читал проект нового постановления о кооперации, которое выйдет в феврале. Там такое... — И протягивает мне текст будущего постановления.

Во-первых, планировали ввести строгий лимит по заработной плате, определяемый в процентном исчислении от прибыли кооператива. Во-вторых, кооперативам решили запретить работать с наличными деньгами, установив очень смешной лимит: до ста рублей в день на писчебумажные изделия и скрепки. Остальные средства должны были храниться исключительно на счете в государственном банке и ни под каким предлогом кооператорам на руки не выдаваться.

А весь наш многомиллионный бизнес строился только на живых деньгах — по безналу никто с кооперацией иметь дела

не хотел. Мы за все платили наличными: за железнодорожный транспорт, грузчикам в порту, охранникам грузов, упаковщикам и экспедиторам, коммивояжерам и агентам по поиску товаров, за билеты и проживание в гостиницах и т.д. и т.п. Имея на счетах кооператива «Техника» больше ста миллионов рублей, мы прекрасно понимали: только для того, чтобы удержаться на том же уровне, фирма должна тратить в год не менее десяти миллионов рублей наличными. А ведь мы планировали увеличить оборот за 1989 год в три раза! И вот такой облом, о котором мы узнаем только в январе...

Мы с Толиком и моим бухгалтером начали думать, что делать. Первая мысль была такой: взять пятьсот человек (а тогда в кооперативе было уже больше тысячи сотрудников), каждому выписать по двадцать тысяч зарплату. А потом собрать эти десять миллионов, положить в сейф и закрыть нашу потребность в наличности на весь год! Добровольная сдача денег членами кооператива на нужды производства могла быть даже оформлена решением общего собрания.

Но наши юристы сразу сказали:

— Вы сами не понимаете, что предлагаете, Артем Михайлович! Если из пятисот человек трое напишут заявления в ОБХСС, что им выдали по двадцать тысяч, а оставили по тысяче, и предположат, что оставшиеся средства поделили между собой хозяева, — это конец. Это тюрьма, и лет так на десять вам светит!

Я говорю:

— Ну хорошо, скажите тогда, как нам извлечь наличные деньги из собственной прибыли?

Они сказали:

— Выписывайте себе любую зарплату в соответствии с законом о кооперации. Ведь в законе нет никакого лимита по зарплате!

Отойдя от первого шока, вызванного таким предложением, я выписал себе за январь зарплату — три миллиона рублей, три миллиона рублей Толику Писаренко, миллион моему второму заму и, чтобы бухгалтер не сопротивлялась и на нас потом ничего не сваливала, целых семьсот пятьдесят тысяч рублей глав-

ному бухгалтеру. При этом по выражению ее лица было понятно, что она в тот момент была готова повеситься от ужаса на первом подходящем крючке.

Мы рассчитали, что выписанных денег хватит на поддержание и раскрутку наших договоров минимум на полгода. С учетом всех налогов и отчислений, которые составляли почти два с половиной миллиона, нам оставалось больше пяти. «Пройдет эксперимент, а там посмотрим!» — решили мы.

Теперь надо было как-то документально подтвердить, что это действительно зарплата и она действительно выдается за январь 1989 года, до выхода новых постановлений. Ведь раз уж наличность решили так резко ограничить, в феврале могли быть изменения и по зарплатам.

И мы додумались получить соответствующее подтверждение прямо от КПСС! Наш пламенный коммунист Толя Писаренко, единственный член партии в администрации кооператива, был послан сдавать партийные взносы прямо в его родной НИИ криминалистики Минюста СССР, где он все еще продолжал числиться научным сотрудником. Посчитав, что с трех миллионов взносы составят девяносто тысяч рублей, мы опустошили кассу в сейфе головного офиса и еще скинулись, добавив свои.

Писаренко пришел к секретарю парторганизации с деньгами, завернутыми в газету «Правда», и говорит:

— Зарплату нам еще не выдали, но уже выписали. И я спешу как честный коммунист сдать взносы!

Когда Толик развернул газетку и выложил пачки денег на стол, секретаря чуть столбняк не хватил. Но тут же сработал партийный рефлекс: обеими руками он сгреб пачки под себя, придавив всем телом, а затем, не меняя позы, одним движением переместил их в ящик стола. Он оставался в этом не самом удобном положении, расписываясь в партбилете Писаренко о получении девяноста тысяч рублей...

Так у нас появилось документальное подтверждение, что Толик сдал партвзносы от январской зарплаты: запись в партийном билете с указанием суммы взноса и даты ее получения. Это было неопровержимым доказательством того, что налич-

ные деньги мы получили в январе — до введения ограничений, а не в феврале, когда планировалось внести изменения в Закон о кооперации.

— — —

После того как Писаренко ушел, секретарь парткома сразу позвонил наверх. Первым секретарем московского горкома тогда был Зайков, и, когда ему доложили о чудовищных взносах, он немедленно связался с ЦК КПСС. Там тоже не знали, что с этим делать, но информацию не скрыли, а передали лично Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

А Горбачев в это время был на Украине и высказываться в наш адрес пока не спешил. Может быть, в его свите просто не оказалось нужных советников, которые могли бы ему все объяснить...

Тем не менее московский горком, конечно, должен был как-то реагировать, и немедленно. Поэтому на следующий день к нам заявила комиссия в составе представителей КРУ (Контрольно-ревизионное управление) Минфина СССР, а также ревизоров горкома, райкома, сотрудников местных правоохранительных органов и КГБ — все со срочной внеплановой финансовой проверкой.

В то время аббревиатура КРУ расшифровывалась в народе как «конец руководителя учреждения». С командой проверяющих у нас появился некий господин Протасов, который считался одним из зубров КРУ и главным ее палачом.

Тут надо сделать небольшое лирическое отступление. Во время расцвета «Техники» у нас было одно чувство, которое не покидало ни днем ни ночью: так много зарабатывать люди не имеют права, значит, мы ворует деньги, мы преступники, нас вот-вот расстреляют... С этими малоприятными мыслями люди ложились спать, с ними вставали и тут же бросались читать Закон о кооперации, в котором значилось черным по белому: зарплата кооператора не лимитируется, ее размер определяет общее собрание, а деньги после уплаты налогов принадлежат тем, кто их заработал. При этом никаких финансовых проверок от государственных органов в кооперативах не

должно было проводиться. Нас могли проверять только органы предприятия, которое учредило кооператив «Техника».

Постоянное ощущение себя криминальной личностью не покидало никого и никогда. Я тоже жил с ним, при этом чувствуя еще и свою ответственность за судьбы сотен моих товарищей. Это был страшный моральный гнет... Однако мы понимали, что все делаем легально, по закону и у нас прекрасный бухгалтер. Даже взятки, которые мы платили при организации торговли, всегда оформляли как работу по совместительству и консультации.

По действующему закону всем кооперативам был разрешен облегченный вариант ведения бухгалтерии. Всего две тетради: в одной — доходы, в другой — расходы. Наш бухгалтер на эту «провокацию со стороны государства» не попала с самого начала. Она вела бухгалтерию «Техники» как огромного международного предприятия. Были заведены личные учетные карточки каждого работника, учитывались приходы, доходы, дебет, кредит, показатели рентабельности, уровень доходности, плановые показатели прибыли и т.д. и т.п., что совсем по инструкциям не требовалось, но что тут же затребовали члены комиссии.

Постепенно наша бухгалтерия обросла огромной документацией: у нас работало то ли десять, то ли двенадцать бухгалтеров и шестнадцать юристов, которые занимались анализом контрактов.

Как я понимаю теперь нашего бухгалтера, она делала это вовсе не потому, что была так профессионально обучена и гордилась своей квалификацией. Просто бухгалтер, как и я, не могла спать по ночам, думая, что мы ворует деньги, и пыталась подручными средствами определить, хотя бы для себя, в чем же это воровство заключается.

Чтобы себя обезопасить, она делала двойные, тройные, какие-то совершенно сумасшедшие финансовые самопроверки, аудит чуть ли не каждые полмесяца... Все было в идеальном порядке. Мы предъявили комиссии два огромных чемодана бумаг, которые были выложены на столе пачками, по двести листов.

Члены комиссии были потрясены. Они ожидали увидеть привычные две тетрадки, и тогда бы нам был конец сразу, в первую же минуту! Скорее всего, наручники для меня и заместителей находились у сопровождавших комиссию «людей в штатском» прямо в дипломатах.

Увидев документы, они так зловеще говорят:

— Будем снимать кассу!

А бухгалтер отвечает:

— Пожалуйста, у нас касса в десяти районах Москвы, и в ней находится девятьсот пятьдесят девять тысяч восемьсот тридцать семь рублей и шестнадцать копеек наличными!

Наезд на все наши отделения был практически одновременным. В нем участвовали элитные подразделения УВД Москвы. Все наши сейфы были моментально опечатаны и одновременно вскрыты, деньги сложены — и сумма сошла в копейку! Члены комиссии говорят: «Ну мы это в протокол вносить не будем, потому что этого просто не может быть! Никто нам не поверит!»

Проверка продолжалась уже несколько дней. Реакции Горбачева на эти события все не было, и поэтому горьком никаких конкретных указаний не давал. Комиссия начала нервничать, не понимая, что в конечном итоге от нее ждут.

На четвертый или на пятый день Протасов распорядился печатать положительный акт, тем более что по закону КРУ вообще не имело права проверять кооператив, как негосударственную структуру. Помните «Мосгорремэлетробытприбор», с которого все началось? Это его обязанностью было следить за нами и проверять. Правда, на тот момент мы превосходили все московское бытовое обслуживание по обороту раза в два, а может, еще и больше...

Наконец Михаил Сергеевич, встречаясь в Киеве с трудящимися, высказался. Его выступление показали в программе «Время» по Центральному телевидению:

— Тут один кооператор продал какие-то фосфаты, привез компьютеры и загнал их по сумасшедшей цене, — заявил Горбачев. — Есть в нашей стране умники, которые пользуются

моментом... Но это дело мы так не оставим! Капитализм у нас развели! Не получится!

На следующий день приходит Протасов, лицо у него абсолютно каменное, и здоровается он со мной едва заметным кивком... А до этого мы уже были как бы друзья, вместе пили чай, и он восхищался работой нашего бухгалтера, и огромным количеством финансовых документов, и нашими оборотами...

Комиссия успела напечатать четыре листа положительного акта, пятый, недопечатанный, так и оставался в пишущей машинке. И вот Протасов молча вытаскивает его, потом берет остальные, аккуратно складывает, рвет на мелкие кусочки, кидает в урну и говорит:

— Мы начинаем проверять «Технику» с нуля!

Первым делом нам заморозили счет в Мосжилсоцбанке. Его председатель, не основываясь ни на каких законах, просто взял и распорядился. Сработало обычное советское «телефонное право»...

Естественно, мы уже не могли получать наличные деньги — ни для зарплаты, ни для чего-либо другого. У нас сорвалось больше пятидесяти крупных внешнеторговых сделок, и последствия были катастрофическими. За считанные недели мы превратились из миллионеров в банкротов.

Представьте: где-то на станции под Ростовом остановили состав с аммиачной селитрой из Рустави, посланный на отгрузку в Новороссийский порт. На другой станции под Хабаровском остановлены фосфаты, которые не доехали до Находки. А там уже все завалено мешками с нашими фосфатами: мы отгрузили сто тысяч тонн, это был огромный контракт. И у нас нет денег, чтобы платить докерам, а они почему-то отказываются работать без денег...

Разумеется, нам тут же стали выставлять штрафы, которые потоком шли в арбитраж. Самыми страшными были международные. Например, у нас две недели простоял в Новороссийском порту корабль, который должен был увезти в Испанию металлические порошки. В результате он ушел с одной десятой груза на борту, то есть практически пустой. С нас взяли деньги за недогруженный корабль и еще специальный

штраф — пятьдесят тысяч долларов в день за эти две недели простоя.

Мы сразу же понесли колоссальные убытки. А валюты у нас не было вообще, и расплачиваться по международным счетам было просто нечем...

— — —

И тогда я как-то интуитивно почувствовал: если эту историю не вынести на публику, мы наверняка будем уничтожены! Я обратился к журналисту «Московских новостей» Геннадию Жаворонкову. Это был очень известный человек, соратник Сахарова, диссидент, заместитель Егора Яковлева в газете «Московские новости», которая выходила на русском и английском языках.

Жаворонков взял у меня интервью, которое начиналось так: «В редакцию пришел человек и заявил открыто: смотрите на меня, я первый легальный советский миллионер...»

И когда интервью было напечатано, оно неожиданно вызвало огромный резонанс во всей стране и даже в мире. Прежде всего были потрясены директора крупных заводов. Они стали задумываться над очень простыми истинами: благодаря своему труду и самоотдаче они вместе с рабочими заводов принесли государству огромную прибыль. Почему же, в таком случае, их заработная плата составляет такую мизерную величину?

Централизованная государственная система, обирая людей и не давая им возможности зарабатывать деньги, сама распоряжалась этими средствами по бесконтрольному усмотрению своих административных аппаратов ЦК КПСС, министерств и ведомств — от финансирования строительства БАМа до проекта поворота сибирских рек, чудом избежавшего реализации.

Если Тарасов смог заработать, чем мы хуже? Эта мысль проникла во многие головы россиян.

После публикации статьи меня впервые пригласили на телевидение выступить в программе «Взгляд». Позвонил ведущий Политковский и говорит:

— Мы хотим взять интервью, пожалуйста, приходите с человеком, который заплатил партийные взносы в девяносто тысяч рублей.

Когда Толя Писаренко узнал, что завтра нам надо быть на телевидении, он пришел в ужас:

— Ты что, с ума сошел — у меня дети в школе учатся! Как я могу появиться на экране телевизора с такими делами? Нет, ни в коем случае! Застрелюсь, но не пойду!

Я говорю:

— Толик, а что мне делать? Я уже дал согласие и чувствую, что нам необходимо срочно вылезти на экран.

Это действительно была чистая интуиция: в то время в СССР еще не существовало такого понятия, как общественное мнение. Оно формировалось в ЦК КПСС, обкомах, горкомах, райкомах и прочих комах и просто спускалось сверху вниз. А я решил поднять общественность, тогда это была совершенно революционная идея!

Уговорить Писаренко так и не удалось. В конце концов он кинул мне свой партбилет и в сердцах проговорил:

— Делай с ним что хочешь, я никуда не пойду! Можешь его показывать, только мою фотографию пальцем прижми!

Я взял партбилет Писаренко и пошел во «Взгляд». Они мне говорят:

— Давайте мы вас посадим спиной к зрителям.

— Зачем? — спрашиваю.

— Ну, это такой оригинальный ход, вам не обязательно показывать свое лицо телезрителям...

Началась передача... Политковский демонстрирует партбилет и говорит:

— Вот, смотрите, девяносто тысяч рублей принято! Этих кооператоров, которые получили по три миллиона, на самом деле двое. Но человек, который заплатил взносы, не пришел на передачу, он испугался и просто передал свой партбилет. А передо мной, спиной к вам, сидит другой кооператор. Вот пусть и расскажет, как он, спекулянт такого масштаба, сумел наворовать столько денег! У нас доктор наук получает триста рублей, мы, ведущие передачи, получаем по сто восемьдесят

в месяц, а у вас три миллиона зарплата! И вообще, могу я вас называть по имени или этого делать нельзя? Давайте я лучше не буду...

Вот такую игру затеял Политковский. И тут я вдруг разворачиваю стул к камере и заявляю:

— Да не скрываю я свое лицо, и зовут меня Артем Тарасов!

Это произвело сильное впечатление, потому что все поняли: сценарием такое явно не было предусмотрено. И я «выиграл» это интервью. Я рассказал, к примеру, про наш минский филиал, который очищает стоки вод, получая металл. К тому времени мы уже производили новую продукцию из этого металла — пенометалл стоимостью сотни тысяч долларов, и я продемонстрировал принесенный с собой образец...

Я рассказал, как мы продаем кормовые фосфаты, которые никто не берет из-за наличия в них мышьяка, и привозим на эти деньги компьютеры. Я объяснил, что мы не спекулируем ими, а продаем программно-аппаратные комплексы, сделанные руками наших уникальных программистов, и аналогов этому продукту нет нигде в мире. И потребителями этих комплексов являются советские предприятия — от медицинских центров по лечению рака и болезней сердца до Института космических исследований....

А закончил я передачу шоковым заявлением, которое сделал неожиданно даже для самого себя:

— Сейчас наш кооператив подвергается проверке КРУ Минфина по поручению министра товарища Гостева, — сказал я. — Нас сегодня подводят под то, что мы преступники, и во время этой передачи вы тоже обращались ко мне, как к спекулянту. Так вот: я хочу, чтобы состоялся публичный, открытый судебный процесс, на котором должны доказать, что я преступник! Если докажут — мне положено либо пятнадцать лет тюрьмы, либо расстрел! Но если на процессе выяснится, что мы заработали все деньги честно, тогда министр Гостев должен быть уволен с работы с формулировкой «за несоответствие занимаемой должности»...

Публично сказать такое о министре СССР до сих пор не отважился никто. Когда я ночью уезжал с передачи, Полит-

ковский был в панике. Он считал, что передачу «Взгляд» закроют немедленно, на следующий же день!

— — —

В три часа ночи Политковского разбудили и, сославшись на указание премьер-министра Николая Рыжкова, потребовали немедленно ехать на студию, чтобы переписать мое выступление на кассеты и передать в правительство СССР и в ЦК КПСС. Никто из руководства страны, естественно, программу не смотрел, поскольку «Взгляд» выходил в эфир очень поздно. Но кого-то из них явно разбудили и доложили прямо ночью...

Интересно, что последние, самые резкие мои заявления в эфире на видеомагнитофон почему-то не записались. Может, пленка кончилась или режиссеры от волнения не успели ничего сделать. Но вполне вероятно, что взглядовцы специально затерли последний кусок про министра Гостева. Так что в Кремль попало далеко не все...

Уже на следующий день от меня отвернулось множество людей. Со мной перестали общаться в Моссовете: Громину я звонил по десять раз, но он не подходил к телефону. О том, что кто-нибудь поддержит в Моссовете, и думать было смешно. В одно мгновение я стал каким-то политическим прокаженным...

А дальше посыпались письма. По-моему, за несколько недель их было получено несколько десятков тысяч. Пришлось создать во «Взгляде» специальную команду, которая сортировала письма на «за» и «против».

В итоге оказалось, что сомневающихся просто нет! Было два огромных мешка, по весу практически одинаковых. В письмах из первого мешка требовали немедленно расстрелять товарища Тарасова без суда и следствия, чуть ли не на Лобном месте, прямо на Красной площади! Авторы писем из второго мешка утверждали, что товарища Тарасова нужно было немедленно поставить вместо Николая Рыжкова — председателем Совета Министров...

Передачу обсуждали везде: в трамваях, в поездах, на кухнях, в рабочих коллективах. Общественное мнение разделилось

ровно пополам, и это тоже случилось впервые в истории СССР!

Нас тут же стали осаждать толпы иностранных корреспондентов. Появилось Ассошиэйтед Пресс, агентство «Асахи», какие-то английские, американские издательства, японские газеты — в общем, тихий ужас! Французский канал «Антенн-2» немедленно стал снимать обо мне фильм...

Журналисты караулили меня везде, с утра до вечера. Проверяющие, видя такой поток иностранных средств массовой информации, пробегали мимо камер и фотоаппаратов в наш офис, прикрывая лица воротниками и газетами, и запирались там на ключ. А я завелся и стал давать интервью, тем более что делать особенно было нечего. Кооператив уже давно не работал, мы практически самораспустились...

— — —

Неожиданно со мной захотели встретиться некоторые очень высокопоставленные лица. Даже в Кремль пригласили, к члену ЦК, курировавшему внешнюю торговлю. Он занимал такой же кабинет, как и сам Горбачев, только этажом пониже.

К этой встрече я подготовил огромное количество бумаг, где показывал всю выгодность для страны игры на разнице цен. Более того, я привел уникальную информацию, добытую нами в разных регионах СССР. Там были адреса заводов, наименования продуктов и ценнейших отходов производств, никому здесь не нужных, но их можно было вывезти за границу, а в обмен получить товары, по нашим приблизительным расчетам, на три миллиарда долларов! Причем товары эти никто в России не производил, и все они назывались популярным тогда словом «дефицит».

Когда я вошел в кабинет, этот человек поднял на меня пустые, бесцветные глаза и сказал:

— Так это ты тот самый Тарасов, из-за которого нам придется запрещать внешнеторговую деятельность всем коопертивам? Ну и наворотил же ты дел!

Я понял, что говорить нам не о чем и просто выслушал в течение пяти минут его нотацию. Все это делалось для галочки,

на всякий случай. Если бы Горбачев спросил о Тарасове, этот деятель сразу бы отрапортовал: а я его вызывал и пропесочил!

И действительно, через несколько дней вышло постановление, запрещающее кооперативам внешнеэкономическую деятельность. Кроме того, там был огромный список всяких других запрещений: лимит на зарплату, на содержание денег в кассе, резкое ужесточение отчетности, введение лицензий и ограничений на множество видов деятельности...

Это был страшной силы откат от курса развития кооперативного движения и свободного предпринимательства. Кроме того, эти запреты полностью противоречили Закону о кооперации. Печально, но факт: все они возникли на примере нашего кооператива «Техника».

И меня возненавидели свои же кооператоры!

— Зачем он высунулся! — говорили они. — Воровал бы себе и дальше по-тихому, как мы!

— Так научили бы воровать сначала! — отвечал я им. — Я этого делать просто не умею...

— — —

Другой вызов на ковер был еще более примечательным. Прямо из офиса через несколько дней после программы «Взгляд» меня доставили на Петровку, 38, к начальнику УВД Москвы генералу Богданову.

«Ну вот и все! — подумал я, проходя через ворота Петровки. — Отсюда мне уже не выйти...»

Но Богданов только мельком на меня взглянул и приказал:

— Срочно выезжаем! В машине все объясню!

Оказалось, едем мы на Октябрьскую площадь, в МВД СССР. А по дороге Богданов говорит:

— Понимаешь, какая история вышла... Горбачев спросил о тебе, а наш министр возьми и ляпни: а что, я Тарасова вызывал, общался... Теперь вот надо срочно исправлять положение. Так что едем прямо к Бакатину — знакомиться!

Через несколько минут я был уже в кабинете министра внутренних дел СССР. Бакатин нажал селекторную кнопку:

— Два чая с печеньем и никого со мной не соединять!

Мы проговорили с ним часа полтора, не меньше. Он оказался вполне разумным и нормальным человеком. Даже посетовал мне на свою нынешнюю должность...

— Пришлось уступить просьбе Горбачева и занять этот пост... А я и ведь никогда в милиции не работал, потому все эти люди в погонах меня ненавидят! И денег в министерстве нет вообще — ни на экипировку, ни на новую технику... Ты можешь посоветовать, где их добыть?

— А в чем проблема! — отвечаю. — У вас же лагеря, лесоповал — отдайте древесину! Даже не надо бревна: только стружку и опилки! И я вам взамен поставлю завод по изготовлению бронжилетов облегченной конструкции. Или что вам нужно? Французский завод, выпускающий подслушивающие устройства и мини-телекамеры, подойдет?

— Вот это идея! — заволновался Бакатин. — Как только у тебя все закончится, обязательно приходи, я тебе весь лес отдам!

— А у меня закончится? Может, я бригадиром туда поеду?

— Не волнуйся! У тебя в Политбюро большая поддержка образовалась: Александр Яковлев, Чебриков, даже Лигачев на твоей стороне... Вот только Рыжков злобствует. А Михаил Сергеевич просто не знает, что с тобой делать...

— Пусть берет к себе в советники!

Бакатин рассмеялся.

— Ну хорошо, а чем я могу тебе помочь?

— Направьте мне проверку ОБХСС! Чтобы параллельно с Минфином меня проверили, — попросил я.

— Запросто!

Бакатин тут же вызвал генерала — начальника отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности.

— Это Тарасов — слышали историю про партвзносы? — говорит Бакатин. — Так вот: завтра начнете проверку его кооператива «Техника» — и чтобы было подробное заключение. На все вам отводится два дня. Ясно?

Генерал взял под козырек, и через два дня у нас был протокол проверки кооператива «Техника» от ОБХСС СССР. В нем говорилось, что никаких нарушений законности не обнаруже-

но и воровства тоже. Этот протокол в дальнейшем сыграл свою положительную роль в спасении моей жизни....

— — —

А комиссия КРУ Минфина продолжала работать. Наконец после шести с половиной месяцев проверки появился акт примерно на тридцати страницах. Там было написано, что кооператив занимался неуставной деятельностью, нарушил правила внешней торговли, инвестировал деньги в сомнительные проекты... И хотя нас не уличили в прямом воровстве, но за обнаруженные нарушения «Техника» подлежала немедленному закрытию, а дело кооператива — передаче в Прокуратуру СССР.

Когда нам разморозили счет, выяснилось, что вместо семидесяти пяти миллионов рублей, которые были к началу проверки, на нас висит долг в двадцать пять миллионов. Все деньги были конфискованы судами на выплату кредиторам и за не поставленные компьютеры. И еще оставалась добрая сотня арбитражных исков...

Комиссия КРУ только что не написала в акте прямым текстом, что меня нужно брать и расстреливать. Протасов прекрасно понимал: после первого же проигранного арбитража, где будет установлено, что я не выполнил обязательств и израсходовал государственные деньги заказчиков, меня немедленно арестуют. И светит мне «вышка» за хищение госсобственности в особо крупных размерах... Это была простая и надежная схема моей ликвидации. Так, очевидно, Протасова и сориентировали в Министерстве финансов — возможно, даже лично министр Гостев...

К тому времени я уже остался фактически один: Писаренко ушел два месяца назад, последней из «Техники» уволилась бухгалтер... Мне ничего не оставалось делать, как обжаловать этот документ и подать арбитражный иск к Минфину СССР. Я потребовал компенсации за незаконно замороженные счета и нанесение убытков из-за остановки работы кооператива. В успех дела верилось, мягко говоря, с трудом, но я смотрел на этот иск в основном как на возможность потянуть время перед моим арестом...

Но случился невероятный прецедент. Впервые в советской истории какой-то «лавочник, колбасник, кооператор» осмелился подать в суд на Министерство финансов СССР!

Поскольку главный арбитр СССР от греха подальше сбежал в отпуск в Сочи или Ялту, рассмотрение дела было поручено его заместителю Валерию Гребенникову — человеку молодому и очень активному. Он сразу пригласил на допрос и меня, и самого Протасова из КРУ Минфина.

Едва войдя в кабинет, Протасов, красный от негодования, начал возмущаться:

— Разве вам не даны четкие указания закончить к черту эту бодягу? На каком основании вы отрываете меня от работы? Я — главный ревизор КРУ Минфина СССР! А кто этот ваш Тарасов? Какой еще допрос вы мне собираетесь учинять?

И тут Гребенников совершенно спокойно говорит:

— Вы находитесь в кабинете заместителя главного арбитра Советского Союза, и вопросы здесь имеет право задавать только один человек — я сам! Еще раз повысите голос — я вызову охрану! Вам ясно? Садитесь!

Он продержал нас с усмирленным Протасовым два с половиной часа, досконально выясняя, что, как и на каком основании проверяла его комиссия. Требовал предъявить письменные доказательства и поручения, которых у Протасова просто не было. До меня дело так и не дошло: я сидел, совершенно обалдевший, и слушал этот допрос...

В результате через неделю Гребенников вынес такое решение: деятельность кооператива «Техника» остановлена незаконно, и Минфин СССР должен вернуть кооперативу сто миллионов рублей нанесенного убытка! Получив этот фантастический документ на руки, я разом перестал бояться ареста и грядущего расстрела.

Даже то, что вскоре дело направили в арбитраж на пересмотр, не убавило моего оптимизма. Уже впоследствии я видел у Гребенникова жалобу, которую Протасов с Гостевым адресовали лично Рыжкову. Там стояла резолюция первого зама председателя Совета Министров Воронина: «Решение арбитражного суда — пересмотреть! Разобраться в деле детальной!»

Но надо же такому случиться: в день, когда снова должно было разбираться мое дело, главный арбитр опять слегка приболел от греха подальше, и оно опять попало Гребенникову. И тот оставил решение арбитража в силе!

Теперь я мог с чистой совестью перевести все предъявленные иски кооперативу «Техника» прямо на Минфин СССР. Это он нанес убытки, а не мой кооператив! С него и получайте ваши двадцать пять миллионов! И под расстрел его, если надо, за нанесение убытков государству в особо крупных размерах! Ох, это было настоящее торжество!

— — —

После разрушения «Техники» мое финансовое положение стало сложным. У меня оставалось около тридцати тысяч подотчетных денег, списанных решением арбитража. Конечно, это была приличная сумма, учитывая, что средняя зарплата граждан по-прежнему составляла около ста рублей в месяц.

Эти деньги лежали у меня дома в чемодане, я их переносил с места на место, от одного товарища к другому, потому что боялся обыска. Мне казалось, что если бы эти тысячи нашли и написали, что у меня обнаружена такая астрономическая сумма дома, мне был бы конец...

Когда меня неожиданно выбрали вице-президентом Союза кооператоров СССР, я стал выдавать этими деньгами зарплату своим сотрудникам. И к сентябрю 89-го года весь мой капитал составлял около десяти тысяч рублей. Доллар тогда стоил на рынке пять рублей — получается, что у меня было всего две тысячи долларов. И тем не менее я уже через несколько месяцев снова стал миллионером и был принят в члены УРО — элитарного Всемирного клуба молодых миллионеров!

Мы создали внешнеэкономическую ассоциацию «Исток», вновь отгрузили неликвиды за границу и завезли товары народного потребления. Я рассчитался с большинством кредиторов, мы ввезли десятки компьютеров по старой схеме и заработали несколько миллионов рублей. Банк «Столичный» нам дал кредит, который мы превратили в валюту, выкупив по государственной цене доллары у внешнеторговой органи-

зации, которой не хватало рублей, чтобы выплатить заработную плату своим сотрудникам. Ассоциация «Исток» формально давала возможность получения лицензий на экспорт отдельных товаров. Этим мы пользовались и вновь стали подниматься.

А история с членством в клубе миллионеров мира началась с того, что Горбачев вдруг решил пообщаться в Колонном зале с деловыми кругами страны. Президент Союза кооператоров академик Тихонов подал на меня заявку — для выступления на этой встрече с докладом.

— Ты им вмажь там по первое число! — напутствовал меня Тихонов.

Я не возражал и за несколько дней подготовил большой доклад по советской кооперации: как обстоят дела в республиках, как нас давят чиновники, как трудно пробивает себе дорогу рынок, как удушают кооперацию постановления правительства, нарушающие законы СССР...

Вдруг за день до выступления в Союз кооператоров звонят организаторы мероприятия и заявляют: Тарасова в зал пускать не разрешено! Настроение, конечно, у меня испортилось, но, поскольку все дела были уже отменены, я решил поехать в МГУ на встречу с иностранными бизнесменами. Внимательно рассмотрев список приглашенных, я просто не поверил своим глазам: президент концерна «Крайслер», президент банка «Американ Экспресс», президент «Мэрил Линч»...

Зал был битком набит студентами, а на сцене какой-то неизвестный тип вещал о кооперации. Ровно через пять минут мне стало понятно, что он, будучи человеком с погонами под штатским пиджаком, абсолютно не понимает, о чем говорит. А вопросы из зала окончательно поставили лжекооператора в тупик.

— Скажите, пожалуйста, какую прибыль вы получили за этот год? — спросили его.

Чему он очень удивился:

— Прибыль? Как это — прибыль?

Тогда я встал и спросил:

— Уважаемый, а кто вы такой, собственно, и какое отношение имеете к кооперации?

Этот человек невнятно ответил, что состоит в каком-то закрытом кооперативе при военной академии...

Тогда я попросил слова. Организаторы, узнав, что я вице-президент Союза кооператоров СССР, согласились, и я прочитал доклад, который готовил для Колонного зала, вспоминая тихоновское напутствие: «Ты им вмажь...»

А для концовки я уже на ходу придумал одну метафору — специально для иностранцев.

— Знаете, чем ваш бизнес отличается от нашего? — спросил я. — Объясняю! Ваш — это когда бизнесмен едет в лимузине по хорошей дороге, где вокруг расставлены знаки. Он знает, что если знак указывает поворот налево или направо, надо так сделать, и все будет в порядке. Если бизнесмен проголодался, он может остановиться, перекусить и отдохнуть в придорожной гостинице. А наш кооперативный советский бизнес — это когда человек бежит по минному полю, и поскольку никаких знаков нет, то рискует в любой момент подорваться на mine... Вот и вся разница! Почти то же самое, не так ли, господа?

Короче, мое выступление произвело впечатление. И когда я закончил, ко мне подсел познакомиться американец по имени Джим. Он сказал:

— Слушай, давай уедем куда-нибудь отсюда, я тут уже все понял! Давай я сейчас возьму моего друга, и ты нас куда-нибудь отвезешь на ланч!

— Нет проблем, — говорю, — я вам сейчас кооперативное кафе покажу!

Я поймал такси и повез их в закусочную «Аист». Когда-то мы помогли ее организовать, и директором там работал Коля, мой приятель. Он лично взялся накрывать на стол...

Американцы уже провели несколько дней в России, они видели, что у нас творится. Был 1990-й, голодный год. Пустые полки в магазинах, огромные очереди за жуткими сосисками в целлофане и деревянными пельменями в картонных коробках... А тут на столе мгновенно возникли жареный поросенок, жареная форель, свежие овощи, икра черная, икра красная, осетрина... Американцы были просто шокированы таким изобилием!

Пока мы все это ели, я рассказывал им про кооператив «Техника», про мои взлеты и падения. Упомянул, между прочим, что являюсь первым советским легальным миллионером...

И вдруг Джим говорит:

— А ты бы не мог показать выписки со счетов? Ну, хотя бы за прошлый год или за нынешний...

Ну, думаю, у парня крыша поехала от водки и поросенка с икрой! Какие выписки! Из ЦРУ он, что ли, родимый?

Джим продолжал настаивать, и, несмотря на явную странность его просьбы, я позвонил в офис, который находился совсем рядом. Вскоре мне привезли выписку прошлого года со счетов кооператива «Техника» и со счета нашего нового внешнеэкономического объединения «Исток».

Американец достал из кармана калькулятор, умножил миллионы рублей «Техники» на 0,62 копейки по официальному курсу — и получилось, что у нас на счету было больше ста миллионов долларов!

Тут он меня радостно хватает за рукав и кричит:

— Ты же наш! Билли, ты представляешь — он наш!

Я говорю:

— Секундочку, господа, не понял! Как это ваш? Я не ваш, а советский гражданин!

— А о YPO ты ничего не слышал? Это Young Presidents Organization — Клуб молодых миллионеров! — объясняет Джим. — Я его президент и буду тебя лично рекомендовать на следующем конгрессе. Ты нам по всем параметрам подходишь! Подумать только, члена YPO найти в СССР, да все наши с ума сойдут! Ты будешь первым и у себя, и у нас!

В моей жизни было очень много заманчивых предложений, которые ничем не заканчивались, и я был уверен, что это одно из них.

— Ну ладно, — говорю, — принимай меня куда хочешь! Я согласен, только давай еще выпьем, поедим, а потом сразу можно принимать.

Короче, отнесся я к этому абсолютно несерьезно.

Джим взял мои координаты и уехал. Прошел месяц, другой, и я уже забыл о его существовании. И вдруг в Союз кооператоров СССР приносят пакет: меня приглашают в конце февраля 1990 года прибыть в Сидней на конгресс УРО! Поскольку дело было в январе, я закинул приглашение подальше, в кипу бумаг на столе, и благополучно перестал о нем думать.

Тем более что времена были не из легких: надвигались выборы в Верховный Совет РСФСР, и я решил принять в них участие. Целыми днями я выступал в коллективах, агитировал, колесил по Москве, очень устал. В итоге все мои друзья стали мне советовать куда-нибудь вырваться, хотя бы на несколько дней.

Я наткнулся на приглашение Джима, когда до вылета на конгресс оставалось дней семь, и решил заехать в австралийское посольство за визой. Наивный человек! Я почему-то был уверен, что визу можно получить сразу, в один день. Правда, до этого я за границей, кроме Китая, никогда не был.

У посольства Австралии стояла огромная очередь жаждущих уехать в иммиграцию людей. При виде этого зрелища мне расхотелось даже выходить из машины, и я решил просто ехать дальше. Но мой водитель неожиданно проявил настойчивость: взял у меня приглашение и пошел поговорить с милиционером у посольской будки. Тот куда-то позвонил — и вдруг из ворот посольства выбежали три человека, растерянно озираясь по сторонам. Как выяснилось позже, это были второй секретарь посольства и сам консул Австралии в СССР вместе с переводчиком!

Меня тут же провели вовнутрь. Консул, улыбаясь во весь рот, поинтересовался, есть ли у меня с собой фотографии, потом забрал мой паспорт и ушел куда-то. Через минут пять вернулся и протянул мне паспорт — уже вместе с визой.

— Вы что, так сразу ее поставили? — удивился я. — А как же анкеты? Надо что-то заполнять...

— Ничего не надо! Все в порядке. Если хотите, мы вам поможем с билетом в Австралию, а то на конгресс не успеете!

Я был очень удивлен, но так и не понял еще, куда меня приглашали. Покупая билет, совсем забыл, что по пути в Австралию время прибавляется, и в итоге прибыл в Сидней на день позже намеченной даты. Выхожу в аэропорт — никого нет, а я даже не знаю, в какую гостиницу ехать!

Увидев у стены знакомую табличку «УРО-1990», я встал рядом и несколько раз пытался заговорить на своем ломаном английском с проходившими мимо служащими аэропорта. Наконец на меня обратил внимание мужчина в форме австралийской авиакомпании Qantas. Я показываю ему на табличку, потом на себя и говорю:

— Я приехал сюда! Понял?

Он внимательно посмотрел на меня, на мои потрепанные джинсы и ответил:

— Да брось ты, не морочь мне голову! Тебя сюда никто пригласить не мог! Знал бы ты, парень, что здесь делалось вчера во время прилета делегатов! Все было оцеплено полицией, армейские части в полной боевой готовности — полный дурдом. Ведь столько миллионеров сразу и в одном месте собралось...

Наконец после долгих убеждений он привел какую-то женщину, которая тоже очень подозрительно на меня посмотрела, но согласилась куда-то позвонить. И сразу после звонка отношение ко мне вдруг резко изменилось как по волшебству! Вежливо расшаркиваясь, меня пригласили в зал VIP.

— Ждите, сейчас за вами приедут, — сладко улыбаясь, сказала женщина, которую еще минуту назад представить улыбающейся было просто невозможно.

— Кофе, шампанского, бутерброды не желаете?

«Вот это сервис! — подумал я. — Все же Австралия!»

— — —

Кое-что стало проясняться в моей голове, когда за мной приехал шикарный, блестящий старинный «Роллс-Ройс» бордового цвета. Водитель в ливрее с золотыми манжетами распахнул двери, и меня отвезли в роскошную пятизвездочную гостиницу «Плаза», располагавшуюся прямо напротив залива.

Глядя из окна номера на знаменитое здание Австралийского оперного театра и мост «Харбор Бридж», я почему-то вспомнил известный фильм про агента 007...

Вскоре появился Джим.

— Артем, как же так, ведь тебя должны были вчера представлять на открытии! Ну ничего, сделаем это позже. А сегодня нужно через три часа быть на званом обеде. У тебя есть с собой «блэк тай»? Он поглажен?

По простоте душевной я перевел «блэк тай» с английского как «черный галстук».

— Нет, но я его куплю.

— Где?

— Ну, внизу. В киоске...

— В каком киоске? Ты что!

Джим моментально вызвал лимузин, и я отправился брать костюм напрокат. «Блэк тай» оказался смокингом с блестящими лацканами и кучей дополнительных аксессуаров. К нему полагались специальные лакированные туфли, золотые запонки, бабочка, вставные пуговицы в прорези на рубашке и шелковый пояс с застежкой сзади...

Перед обедом состоялась короткая встреча в роскошном зале, после которой был небольшой оперный концерт. Открывая встречу, Джим обратился к собравшимся:

— Ваше высочество, ваше превосходительство, уважаемые дамы и господа!

Оказалось, что в зале присутствовало несколько особ из королевских семей, включая английскую принцессу, а также послы, министры и прочие очень важные гости...

— Сегодня у нас знаменательное событие, — объявил Джим. — Мы принимаем в члены УРО первого представителя Советского Союза, моего друга Артема Тарасова. Он — первый советский миллионер. Прошу на сцену!

На негнущихся ногах я поднялся на сцену, и меня тут же усадили перед журнальным столиком, напротив которого стояло свободное кресло.

— Инаугурация Артема Тарасова состоится в день закрытия конгресса. А сейчас я приглашаю на сцену для беседы об

СССР нашего гостя, господина Белоногова, посла СССР в ООН!

Полноватый человек в очках уселся напротив меня за столиком на сцене. Нам поставили микрофоны. Белоногов поприветствовал присутствующих, а потом заявил:

— Для меня все это выглядит очень странно. Не понимаю, как этот господин Тарасов вообще здесь оказался. В нашем социалистическом обществе кооперативы — не крупный бизнес, а просто мелкие лавочки, мастерские и кафе. В СССР плановое хозяйство, и роль кооперативов в обществе абсолютно незначительна...

После таких слов я немедленно пришел в себя — меня это задело за живое. Забыв о зале и даже о том, что нахожусь в Сиднее, а не в Москве, я ляпнул в ответ Белоногову то, что просто не укладывалось ни в какие международные нормы.

— Уважаемые господа! — сказал я на ломаном английском. — Это неправда, и господин Белоногов только что вас обманул. Он высказал вам официальное мнение нашего правительства о кооперативах. Но его можно простить — ведь он посол, а посол не может иметь собственного мнения, которое бы отличалось от официального, государственного...

В зале повисла гробовая тишина. Белоногов вспотел, и на его лице выступили розоватые пятна. А через несколько секунд оцепенения шквал аплодисментов буквально взорвал воздух!

Посол вскочил со своего места и закричал:

— Вот вам пример нашей перестройки! Если бы Тарасов сказал такое несколько лет назад, то никогда бы обратно в СССР не вернулся!

Эта встреча сразу сблизила меня с окружающими. Ко мне подходили, знакомились, хлопали по плечу, поздравляли с членством в УРО... Я впервые увидел этих людей, многие из которых потом стали моими друзьями, людей, на которых держится мир. Воротилы бизнеса, удачливые люди и просто отличные парни!

В Клубе молодых миллионеров состоит больше семи тысяч членов из 71 страны мира. Жаль, конечно, но о УРО многое писать просто нельзя: это очень закрытая организация, которая не любит публичности. Попасть туда могут только бизнесмены до сорока лет, являющиеся президентами собственных компаний с оборотом не менее ста миллионов долларов в год. Кроме того, нужна еще персональная рекомендация...

В июле 1990 года мне как раз должно было исполниться сорок лет, у «Техники» еще совсем недавно было больше ста миллионов рублей. А за существовавший тогда официальный курс обмена валюты в СССР спасибо родному Минфину. Тут они мне очень помогли.

В день закрытия конгресса мне вручили заветный диплом — специальную доску из слоновой кости, на которой золотом было написано мое имя и дата вступления в УРО.

Потом я не раз бывал на таких встречах. Сначала некоторые миллионеры относились ко мне с опаской, но после каких-то ситуаций настроенность улетучивалась как дым.

К примеру, в поездке по Атлантическому океану, когда УРО снял корабль Queen Elizabeth II, мне удалось поймать рыбу прямо с кормы лайнера, что вызвало много обсуждений и комментариев.

Рыбу зажарили на камбузе, и мы тут же съели ее с господином Мосбакером, министром торговли США. А Джордж Буш-младший есть мою рыбу решительно отказался и наблюдал за трапезой издали...

Кстати, в том, что нынешний американский президент вначале отнесся к России не очень дружелюбно, косвенно есть доля и моей вины.

Когда в начале 91-го года я был вынужден бежать из родной страны, Джордж Буш, будучи еще простым техасским бизнесменом, вдруг заявился в Москву. Как мне потом рассказывали, в той поездке он пережил много разочарований.

Во-первых, багаж Буша пропал в аэропорту Шереметьево. Во-вторых, его «кинул» какой-то российский партнер: мало

того, что не встретил, но еще и украл большие деньги, вложенные Бушем, что выяснилось тут же.

В гостинице, куда поселили будущего президента, ночью жужжали комары. Поэтому Буш пытался спать не гася свет и периодически вскакивал с постели, чтобы погонять насекомых полотенцем по комнатам...

На следующее утро несчастный и невыспавшийся Буш первым делом нашел мою визитку и позвонил по телефону в Союз кооператоров СССР, чтобы воспользоваться моей помощью. Но я был уже в Ницце, а трубку поднял академик Тихонов...

Об их разговоре я узнал позже, позвонив Тихонову из Ниццы, и немало повеселился. Надо сказать, что президент Союза кооператоров академик Тихонов прошел сложную жизненную школу, даже сидел в тюрьме, если не ошибаюсь, и поэтому любил иногда использовать ненормативную лексику. Дословно то, что сказал Тихонов, я привести не могу, но примерный текст был такой.

— Знаешь, Артем, после твоего отъезда над тобой так издеваются — дальше некуда! — с обидой заявил он. — Вот буквально вчера: звонит какой-то хрен и на ломаном английском языке спрашивает тебя к телефону. Я говорю: нет его! А вы кто? И представляешь, он мне отвечает: Джордж Буш! Ах ты, Буш, говорю, твою мать! Ну и уе...ай в свою Америку!

Так нынешний президент США в первый раз съездил в СССР.

— — —

Помню забавный случай, происшедший на острове Бали в Индонезии. В тот раз обстановка была напряженная — уж очень элитарная публика собралась! Среди гостей были два бывших президента США Джеральд Форд и Джимми Картер, даже далай-лама приехал из Тибета.

Ждали и Горбачева, тогда уже два года как свергнутого со своего поста. Он запросил за визит астрономическую сумму — сто тысяч долларов США. Это при том, что остальные гости прибыли за свой счет! Члены УРО просто не могли по-

нять, с какой стати Горбачеву нужно платить, и отказались от его визита.

Вообще Клуб молодых миллионеров пользуется уважением государственных деятелей всего мира по многим причинам. Одна из основных — реальный капитал, который суммарно контролируют члены УРО. Более 2,6 триллиона долларов США — третье место в мире после валового национального продукта США и Японии! И примерно в шесть с половиной раз больше всероссийского валового продукта!

Так вот: остров Бали, роскошный отель, только погода не очень — стояла ужасная жара... Все дамы, разумеется, в шикарных вечерних туалетах, мужчины в белых смокингах. Обед накрыт прямо в парке перед отелем, вокруг бассейна со светящейся голубой водой...

Проходясь вдоль бассейна, я остановился около одной незнакомой мне пары. Как оказалось впоследствии, это были Джон и Мари Ротшильды — да-да, из тех самых Ротшильдов...

— Какая духота! — говорит Мари мужу.

— Да! Вот бы сейчас искупаться! — почти машинально отвечаю я, вмешиваясь в разговор.

И тут эта блестящая дама поворачивает в мою сторону голову, увешанную бриллиантами, как новогодняя елка блеском и гирляндами, и говорит:

— Отказать мужчине в его желании — не в моих правилах! Такого еще никогда не было!

Хватает меня под руку и тащит прямо к пластмассовой горке в углу бассейна! Мы поднимаемся наверх, она задирает платье — и съезжает вниз, в бассейн! И я следом — как был, в лакированных туфлях и смокинге, — с шумом и брызгами падаю в воду!

Что самое невероятное, процедура нам обоим понравилась. Мы снова забрались на горку и под восторженные крики и аплодисменты съехали вниз на животиках головой вперед.

После этой процедуры напряженность, возникшая после демонстративного отказа Горбачеву, исчезла. Я опять стал своим, и очередная гора визитных карточек заполнила мой портфель.

Хотя эти карточки особо и не нужны. Всем членам УРО каждый год присылают по почте специальный каталог с фотографиями и реквизитами молодых миллионеров. Можно кому угодно позвонить прямо домой и обратиться с любой просьбой. Ведь мы одной крови, жители капиталистических джунглей — «хищники», то есть те, кто сам добился успеха и богатства, и «травоядные», которым богатство и связи достались по наследству.

Когда мне пришлось эмигрировать, то, посещая десятки стран, мы с женой практически не останавливались в отелях, а гостили у моих друзей. Мы жили на уникальных виллах с тропическими садами, в апартаментах по тридцать комнат, в особняках на пляжах, где океанские волны плескались прямо у порога...

Многие члены УРО живо интересовались Россией, и я очень ответственно относился к консультациям, всячески предостерегая их от участия в сомнительных проектах. И сейчас я могу гордиться тем, что среди тысяч иностранцев, потерявших в России свои вложения, нет ни одного человека, которого бы эта участь постигла с моей помощью.

— — —

Вернувшись из Сиднея, я уже знал, что меня выбрали депутатом РСФСР от Тимирязевского округа. Среди прочих мне удалось победить одного важного деятеля из Моссовета, господина Жарова, активно выступавшего за то, чтобы пересажать всех кооператоров за решетку...

Первый съезд народных депутатов России, проходивший в Кремле, являл собой абсолютно неуправляемую массу разношерстного народа. Депутаты стремились любой ценой попасть на трибуну, при этом выступающих вообще не слушали: все кричали, махали руками и выкрикивали прямо из зала какие-то лозунги и призывы.

На съезд приехал Горбачев. Они с Лукьяновым сидели в ложе Кремлевского дворца, созерцая сверху все происходящее. В перерыве Горбачев побеседовал с депутатами и даже рассказал анекдот про самого себя, который действительно оказался смешным:

«У американского президента есть сто телохранителей, один из них террорист, но он не знает кто. У французского президента есть сто любовниц, одна больна СПИДом, но он не знает какая. А у Горбачева есть сто экономических советников, один из них умный, но он не знает, кто именно...»

Половина депутатов была избрана по спискам: от партийных организаций КПСС, профсоюзов, от Академии наук и т.д. Это была абсолютно послушная Кремлю масса, которая голосовала всегда за то, что требовалось власти.

Другая половина (или чуть меньше) состояла из нас, людей случайных и довольно независимых. Тогда в депутаты выбрали и ведущих программы «Взгляд», и многих известных деятелей культуры...

Из независимых почти все были за Ельцина: он резко выступал в пику Кремлю, и этого нам казалось достаточно. Был такой забавный момент.

Подходит ко мне познакомиться Александр Коржаков и говорит:

— Артем, у нас к тебе большая просьба! Ельцин везде ходит без охраны, а его надо охранять. Но у меня нет ни оружия, ни людей! Мне срочно нужен пистолет или, еще лучше, автомат...

А мне тогда нелегально привезли из Италии газовый пистолет, заряженный пулями с каким-то неизвестным паралитическим газом. Я отдал это «грозное» оружие Коржакову, он очень меня благодарил и в последствии возвратил мне пистолет.

Вскоре от нашего кооператива «Исток» к Ельцину были приставлены для охраны несколько молодых парней. Ночью они дежурили у подъезда его дома, спали в машине, а с утра ездили повсюду хвостом за его «Москвичом». Так с моей легкой руки начиналась история скандально знаменитой службы безопасности президента России.

Во время съезда мы очень старались, чтобы Ельцина избрали председателем Верховного Совета, и обрабатывали буквально каждого депутата. Тогда им еще не предоставлялось никакого жилья, только номера в гостинице «Россия». Мы, москвичи, были хозяевами положения: водили их по ресторанам, музеям, помогали в свободное время чем-то заняться

и заодно агитировали, чтобы они голосовали за Ельцина, даже против установок своей партии и организаций.

Кстати, к разочарованию многих, в буфете Кремлевского дворца цэковских пайков не обнаружилось: видимо, администрация Горбачева решила оградить российских депутатов от излишеств, ограничив их рацион стандартными сосисками. Это обстоятельство тоже было нами использовано. В день голосования я закупил в «Березке» семь ящиков баночного пива и привез их на своем «Мерседесе» прямо до кремлевского подъезда. Потрясенные милиционеры не задали ни одного вопроса, поскольку никогда не видели такой роскошной машины в Кремле.

Мы поставили ящики при входе в буфет и спрашивали: за кого голосуешь? Если за Ельцина — тогда банка пива бесплатно!

Об этом написали все газеты...

Ельцина избрали с минимальным преимуществом, как и Хасбулатова, который тоже просил нашей помощи, покуривая свою трубку в коридоре съезда. В итоге он вообще прошел тремя голосами — моим и ведущих телепередачи «Взгляд» — Мукусева и Политковского!

Как-то подошел ко мне депутат Тихомиров, известный всей стране тележурналист, и говорит:

— Слушай, у тебя нет кандидатуры на пост главного арбитражного судьи? Нам срочно человек нужен!

— Конечно, есть! — отвечаю.

Мы с Тихомировым тут же помчались к Гребенникову, который, увидев меня, удивился:

— Что, Артем Михайлович, опять наехали?

— Нет, на этот раз я по своей инициативе... Не хотите стать главным арбитром России?

— Вы это серьезно?

— Тогда завтра готовьтесь к выступлению на съезде! — подключился Тихомиров. — Мы всячески вас поддержим, поскольку Тарасову полностью доверяем...

На выборах премьер-министра я голосовал за Михаила Бочарова, известного, в частности, тем, что его полугосударст-

венное предприятие «Бутек» получило поддержку даже Горбачева. Я уже упоминал о письме Горбачева, разрешившего в концерне «Бутек» частную собственность на средства производства.

Бочаров на съезде предложил программу «500 дней». В ней предусматривалась полная приватизация всей собственности России, отпуск цен, расформирование монополий, введение легальных валютных операций и многие другие преобразования из серии «шоковой терапии». Эта программа была зачитана им с трибуны и получила большую поддержку всех демократов, настроенных ломать все и сразу...

Но назавтра Ельцин поддержал на пост премьер-министра своего партнера по теннисному корту, Ивана Силаева! Такого финта от председателя Верховного Совета никто не ожидал. Все гадали, что такое могло произойти за один день — ведь Бочаров вместе с Николаем Травкиным были самыми приближенными к Ельцину людьми, фактически протолкнувшими его во власть...

Причина выяснилась гораздо позже. Незвестный научный сотрудник по имени Григорий Явлинский, услышав по телевидению о программе «500 дней», распознал в ней собственную научную работу, называвшуюся «400 дней». Бочаров просто слегка ее видоизменил, накинув сотню дней для большей солидности...

Явлинский каким-то образом срочно вышел на Ельцина, представив доказательства своего авторства. Очевидно, после этого Ельцин спросил у Бочарова, действительно ли это его программа, и получил утвердительный ответ... Так Бочаров потерял свое место под солнцем, а в премьеры неожиданно проскочил Иван Силаев.

— — —

Назначение Силаева я воспринял в штыки. Ведь он был председателем Комитета по тяжелому машиностроению ЦК КПСС, членом Президиума Совета Министров и имел еще кучу ненавистных мне титулов советской власти. Старый управленец, чего от него можно ждать?

Разумеется, я сразу стал очень резко выступать против него.

— Это издевательство, — говорил я на встрече промышленников у Аркадия Вольского. — Нам снова навязали человека, который будет работать абсолютно по-советски! Никому не дадут самостоятельности, опять распределяют планы и заказы, потом отнимут деньги...

И вот звонок: «Силаев просит вас зайти!» Было ясно, что он разгневан и собирается меня пропесочить. Но уж бояться его я совсем не собирался!

Все оказалось совершенно по-другому. Силаев сразу сказал:

— Артем Михайлович, мне шестьдесят лет, и я уверен, что они прошли впустую! Я абсолютно поддерживаю свободное предпринимательство, кооперативы и вообще систему, которая позволит раскрепостить наше закабаленное народное хозяйство! Мне осталось лет пять активной жизни, и я хочу прожить их совсем по-другому, поменяв старые взгляды и принципы!

Я слушал откровения премьера и не верил своим ушам.

— Вы мне очень нужны, — продолжал Силаев. — Ведь Горбачев и его команда делают все, чтобы Ельцин провалился. И чем больше тот выступает, тем меньше денег мы будем иметь от советского правительства. Мы уже попали в страшные финансовые условия...

Я честно признался, что такого разговора не ожидал. Силаев был очень убедителен и говорил с неподдельной искренностью.

— А знаете, Иван Степанович, я тут несколько дней назад выступил против вас. Это скоро покажут по телевидению...

Силаев только рукой махнул: да знаю, выступил — ну и бог с ним, не важно!

— А я еще дал интервью нашей газете «Коммерсантъ» — тоже против вас...

— Дал — и ладно! — говорит Силаев. — Я бы тоже так реагировал, если бы такой человек вдруг стал премьер-министром новой демократической России... Артем Михайлович, я бы хотел, чтобы вы у нас в правительстве чем-нибудь занялись. Давайте создадим инновационный совет при Совете

Министров. Есть у нас один депутат, который будет его директором, а вы возьмите это дело под свою опеку. Я вам раздобуду миллиард рублей: соберите изобретения, которые не внедрены, и финансируйте их. Ведь потеряем мы умы российские! Убегут все за границу — и никогда России их не вернуть!

В принципе я прекрасно понимал, что инновации — самое ценное, что есть в стране. Но мне даже в голову не приходило смотреть на это с позиции бизнесмена: о, мы сейчас сделаем на инновациях бешеные деньги! А в то время масса иностранных эмиссаров была уже заслана в Россию на охоту за отечественными технологиями и изобретениями...

- - -

Первое российское правительство формировалось довольно оригинально. Сначала у Силаева появились его старые знакомые из аппаратных структур, которые образовали некий узкий совет вокруг премьера.

Основными делами ведала одна очень красивая молодая дама, которая была рядом с Иваном Степановичем едва ли не с самого ее детства. Ей позволялось в любое время входить в кабинет премьера без стука, и она тут же получила должность руководителя канцелярии.

Любой из претендентов на министерский пост должен был пройти личные собеседования со всеми членами этого неформального совета при премьерe. И разумеется, все начиналось именно с начальника канцелярии. Если дама оказывалась неудовлетворенной беседой, дальнейших шансов у претендента практически не было.

У меня с ней установились приятельские отношения. И однажды она предложила где-нибудь вместе отобедать. Я понимал, что это было признаком чего-то важного — любовным приключением тут и не пахло.

Мы отправились в только что построенный клуб бизнесменов Владимира Семаго на Таганке, где был югославский ресторан. Я старался быть галантным, шутил, иногда удачно, и угощал красавицу самыми дорогими винами. Изредка она задавала вопросы о моей жизни в легкой, ненавязчивой

манере... В итоге мы расстались, вполне довольные друг другом.

А на следующий день она звонит мне в офис: «Артем, срочно приходи! У Ивана Степановича к тебе конфиденциальный разговор!»

Это была третья или четвертая наша встреча. Премьер был в кабинете один.

— Артем Михайлович, я вызвал вас по очень важному делу. Хочу назначить вас министром внешнеэкономических связей России.

— Ни за что на свете! — немедленно ответил я.

Силаев очень изумился:

— Впервые вижу человека, который отказывается от поста министра... Вы что?!

— Не хочу и не пойду! — отвечаю я. — Вы только представьте: три года я работал самостоятельно, ни перед кем не отчитывался. Я сам себе хозяин: хочу — иду на работу, хочу — сплю... Зарботки у меня раз в десять больше, чем у любого министра. Да я уже просто не в состоянии после такой жизни вдруг стать министром! Другое дело — рекомендовать кого-нибудь могу...

— Вот это да! Ну ладно, рекомендуюте! — говорит Силаев.

Так я сделал доброе дело своему знакомому Хвостову, бывшему советскому резиденту в Англии, который потом стал директором Центра международной торговли на Красной Пресне и поддерживал наш кооператив «Техника».

Хвостов не прошел на место министра по внешнеэкономическим связям, поскольку туда направил своего человека сам Ельцин. Но, так как собеседование с советом было пройдено успешно, Хвостова назначили министром торговли России...

А мне самому действительно не нужны были никакие портфели. Я и так пользовался в стране огромной популярностью. В какую бы республику я ни приезжал, везде меня принимали с одинаковой роскошью и всевозможными почестями.

Помню, как в Республике Коми меня познакомили с Вадимом Тумановым и его бывшими соратниками из артели «Печора», отсидевшими годы в тюрьме за предпринимательство.

Они остались там после отсидки и построили в тайге настоящие города и автомобильные трассы. Такая была прекрасная поездка — с сауной, великолепной охотой, рыбалкой на запovedных таежных реках...

Или вояж в Белоруссию: там тоже дали сопровождающего егеря, устроили отличную рыбалку, ведь все знали, что я заядлый рыбак.

Я чувствовал, что нахожусь у власти, и этого было вполне достаточно для удовлетворения моего честолюбия. А что касается денег — тогда, в эпоху становления первого правительства России, никто не смотрел на пост министра как на уникальную кормушку, способную создать финансовое благополучие на всю оставшуюся жизнь. Наоборот, работа министра казалась отчаянно трудным и ответственным делом, требующим полной отдачи. Сейчас, я понимаю, это звучит просто забавно...

Глава 6

НЕСЧАСТЬЕ НЕ В ДЕНЬГАХ, А В ИХ КОЛИЧЕСТВЕ

Неплохой выдался денек: сначала я ввязался в авантюру государственного масштаба, а потом на меня наехала мафия! Впрочем, похожих дней в моей жизни потом было немало...

Меня нашли на какой-то международной выставке. Я мог быть где угодно, поэтому очень удивился, когда увидел своего помощника.

— Артем Михайлович! Что-то случилось... Вас срочно вызывают к премьер-министру! На час дня. Мы с ног сбились, чтобы вас найти!

Была половина первого. До Белого дома мы домчались за десять минут...

Кроме премьера России Ивана Силаева в кабинете находились его первый заместитель Юрий Скоков, министр сельского хозяйства Анатолий Кулик и еще несколько чиновников. Сам Силаев выглядел ужасно. Его лицо было абсолютно белым, под цвет пышной копны седых волос.

Он ходил по кабинету, время от времени хватаясь руками за голову.

— Артем Михайлович! Слушай, беда: Кремль решил свалить наше правительство! Первое правительство суверенной России. Нас просто подставили, как дураков!

Так я впервые услышал о программе «Урожай-90». Тогда, в середине 90-го года, в стране были только государственные продуктовые магазины с нарушенной системой поставок продуктов. Даже в Москве любые продовольственные товары доставались людям, простоявшим огромные очереди. Не говоря уже о периферии, где продовольственные товары из сети государственных магазинов просто исчезли. Качественные продукты продавались только на колхозных рынках или «из-под полы», с черного хода в магазины за переплату или по благу. А импорта продовольствия в Россию практически не было.

Я не помню точно, кто был автором программы «Чеки «Урожай-90»», по-моему, сам министр сельского хозяйства России Кулик. Но суть программы заключалась в том, чтобы найти способ предотвратить уход на колхозные рынки произведенного в России продовольствия. Как и чем стимулировать сельских производителей продавать продукты государству по низким закупочным ценам? Надо было как-то заинтересовать производителей пополнять закрома государства, а не гнаться за прибылью на рынке. Другого способа кормить городское население и поставлять продукты в магазины не было. Все магазины оставались собственностью государства и зависели только от централизованных поставок продовольствия.

Вот и придумали способ поощрения за проданное стране продовольствие: тем, кто продавал сельхозпродукцию за государственную цену, стали выдавать специальные чеки «Урожай-90». Владельцу таких чеков предоставлялось право отовариться в специальных магазинах самыми дефицитными товарами народного потребления: одеждой, обувью, телевизорами, швейными машинами, видеомагнитофонами и т.д. Заметьте — предоставлялось только право, но не сами деньги на эти покупки. Это обстоятельство важно запомнить для дальнейшего понимания ситуации.

Поскольку таких промышленных товаров в стране тоже не было, их надо было срочно привезти из-за границы. И Горбачев лично пообещал Силаеву, только что назначенному премьером, выделить миллиард долларов для закупки дефицита за рубежом централизованно для поощрения российских сельских работников.

На основании этих решений были изготовлены сотни тысяч, а может и миллионы, чеков «Урожай-90», которые стали раздавать в сельскохозяйственных районах России во всех закупочных пунктах продовольствия.

И вот сегодня, почти через девять месяцев с начала реализации программы, вдруг пришло известие из Кремля: Горбачев передумал и никаких денег Россия на эти цели не получит!

Но этим неприятности не ограничивались. Поскольку сами чеки были отпечатаны плохо и практически не защищены от подделок, где-то в Ростове их начали подделывать и штамповать в огромных количествах. Милиция задержала колонну грузовиков, доверху груженных поддельными чеками «Урожай-90», и это была только капля из моря напечатанных подделок! Фактически чеки, как настоящие, так и фальшивые, уже были на руках миллионов возмущенных граждан, а обещанных им товаров в специальных (закрытых) отделах магазинов так и не появилось. Назревал бунт, который, возможно (здесь я склонен был верить премьер-министру Силаеву) по задумке Кремля, должен был быть направлен против Ельцина и его нового правительства России.

— Мы решили обратиться к вам, российским кооператорам. Это единственный выход! Валюты у России нет. Но вы умеете ввозить товары без прямых закупок. Сформулируйте, что вам нужно от правительства, чтобы срочно привезти из-за границы товаров на миллиард долларов? — спросил меня Силаев.

— Нам многое понадобится! Лицензии на экспорт сырья и фонды на это сырье, чтобы превратить это в валюту и организовать бартер. Разрешение советской таможни на вывоз и ввоз... Нужны еще деньги — я имею в виду рубли, на которые мы сначала выкупим сырье у государства в долг, а потом воз-

вратим. Нужен транспорт, который обеспечил бы перевозку экспорта и импорта. Да много еще чего понадобится! Я не могу сразу ответить.

— Готовьте постановление правительства, Артем Михайлович, я вам тут же все подпишу!

Потом состоялось расширенное совещание, на котором присутствовали известные тогда в России неправительственные организации и кооперативы: «Ант», фонд «Возрождение», Инкомбанк, «Менатеп» и многие другие, представленные банкиром Виноградовым, молодым начинающим бизнесменом Михаилом Ходорковским и знаменитым уже после дела о попытке экспорта советских танков Ряшенцевым из «Анта».

Я подготовил постановление правительства об участии кооперативов и негосударственных структур в программе «Урожай-90». Оно действительно было подписано в течение недели. И я искренне думал, что если там будет сказано выдать, разрешить, обеспечить, то это все будет выполнено. Какая наивность! Постановления России на службы, подчиненные СССР, в то время не действовали! Суверенитет России был тогда даже не провозглашен. Поэтому советская таможня, советская система транспорта и советские банки в открытую насмеялись над формулировками, которые я включил в постановление. И, конечно, ничего из написанного нам не дали!

Я и не подозревал, что влезаю в программу, которая в последующие годы позволит представителям российской власти публично красть из своего же бюджета десятки миллиардов долларов США, а меня лично подведет под уголовное преследование, растянувшееся на долгих десять лет...

— — —

Я был в то время генеральным директором негосударственной внешнеэкономической ассоциации «Исток». Нашу новую структуру мы организовали вместе с Владимиром Павличенко в середине 1989 года, когда дело кооператива «Техника» еще ждало своего рассмотрения в арбитражном суде.

Павличенко был человеком абсолютно не из моего круга, и наши биографии разительно отличались друг от друга, как,

впрочем, и все остальное — от понятий и моральных принципов до внешнего вида. Я мало о нем знал. Но выбирать партнеров после того, как из кооператива «Техника» все сотрудники практически сбежали и сам он распущен, было просто не из кого.

По непроверенной информации, которую я получил позже, до знакомства со мной Павличенко спекулировал антиквариатом, а также перепродавал автомашины, занимался валютой, фарцовкой и даже «ломкой» купюр у магазинов «Березка». К тому же, как мне рассказали потом, он был стукачом по кличке Песик, работавшим на Петровку, 38.

Тех, кого сдавал органам Павличенко, арестовывали, а ему самому всегда удавалось уходить от преследования милиции. К моменту нашей встречи он ни от кого не скрывался, имел прекрасную машину «Фольксваген-Пассат», что для Москвы считалось очень престижным.

Павличенко обладал по-настоящему собачьим чутьем. Только этим можно объяснить, что в самое тяжелое для меня время, когда крах казался неотвратимым, он забросил свой собственный доходный промысел и прибил к мне. Когда мы зарегистрировали «Исток», я стал генеральным директором, а Павличенко — моим заместителем.

А «Исток» рос как на дрожжах. Вскоре мы уже крутили большие дела с заграницей. Надо сказать, что тогда еще вся внешняя торговля, а значит, и почти вся валюта оставалась в ведении двух советских организаций: Министерства внешней торговли СССР и загадочного ведомства ГКС. У этих организаций были сотни объединений, которые сами себе выдавали лицензии на экспорт сырья и импорт продукции. По многим контрактам они договаривались об отсрочках платежей. Эти долговые обязательства и составили в будущем огромные международные долги Советского Союза и России перед западными кредиторами.

Когда возникли перебои с зарплатой, обычные министерства потихоньку стали интересоваться внешней торговлей. До этого, например, Министерство по производству минеральных удобрений, производя на своих заводах продукции на

полтора миллиарда долларов в год, этих валютных средств и в глаза не видело. Кто покупал удобрения на Западе? Почему покупал? — этого знать не знал даже сам министр по производству удобрений.

А валюты в стране не хватало все больше. И не надо было быть министром, чтобы понимать, насколько бездарно она тратилась. Только на поддержку братского кубинского режима Фиделя Кастро, например, ежегодно из бюджета СССР выделялось 365 миллионов долларов — по миллиону долларов в день!

Конечно, министр, как умный человек, все это прекрасно понимал. Поэтому он сам нашел меня, пригласил и говорит:

— Артем Михайлович, помогай! Давай будем продавать минеральные удобрения через вашу внешнеэкономическую ассоциацию «Исток»!

— Хорошо, — отвечаю, — но для этого, во-первых, надо иметь начальную валюту, которой у нас нет. И во-вторых, вы должны открыть свое представительство за рубежом, чтобы иметь прямые заказы. Ведь никто и никогда нам координаты покупателей из государственных внешторгов не раскроет. Их придется искать самим.

Министр обрадовался:

— Вот-вот, это то, что нужно! А валюты у меня много, может, вы у меня ее купите?

Я удивился:

— Как это?

— Очень просто, — говорит. — Мое министерство имеет право на распоряжение небольшой частью валютной выручки. У нас официальный курс — рубль двадцать пять копеек за доллар. Вы мне дадите по три рубля, и я вам продам, ну, допустим, миллиона три долларов.

В самом деле, если можно продать кооперативу удобрения, почему нельзя продать валюту? И мы купили у Министерства по производству минеральных удобрений три миллиона долларов за девять миллионов рублей.

Внешнеэкономическая ассоциация «Исток» была новой, поистине уникальной формой кооперативной деятельности.

Как ни странно, ее придумал автор «Семнадцати мгновений весны», писатель Юлиан Семенов. Он пробил такую ассоциацию вначале для себя. Мы пошли по его стопам вместе с российским отделением издательства журнала «Бурда-моден».

Идея Семенова была проста и гениальна: внешнеэкономической ассоциации в отличие от обычного кооператива позволялась внешнеторговая деятельность! Главное, чтобы в ее состав входили предприятия, продукцию которых вы собирались экспортировать.

Получалось, что нам предоставили права, о которых не могли даже мечтать ни министерства, ни сами предприятия-производители! Это было гениальным проявлением лоббизма, организованного Юлианом Семеновым. Разумеется, мы моментально приняли в ассоциацию «Исток» десятки самых разных предприятий — от нефтеперерабатывающих заводов до объединений по производству алюминия и минеральных удобрений. И на всю их продукцию нам полагались разрешения и лицензии на экспорт! Заметьте, настоящие, действующие лицензии Советского Союза, а не России. По законодательному праву Советского Союза!

Так издательство «Бурда-моден» одно время вообще было в числе главных экспортеров меди и металлургической продукции из СССР. Еще бы — журнал выписывала сама Раиса Максимовна Горбачева и лично ему покровительствовала. Это был настоящий рай вседозволенности, который закончился только через год.

Пока же, купив у Минудобрений три миллиона долларов, Павличенко был послан в Ниццу и в Монте-Карло, где он открыл счета в банке «Париба Монако» и офис для ассоциации «Исток» как представителя Министерства по производству минеральных удобрений. Поскольку российским фирмам не разрешалось иметь западный счет, мы пошли самым простым путем: купили французскую компанию, которую тут же переименовали в «Исток», и поставили директорами двух французов.

Теперь мы могли получать деньги во Франции, вертеть ими как угодно, и никаких разрешений ни от кого нам больше не

требовалось! Ведь деньги шли на французскую фирму с названием «Исток».

Вскоре мы завезли в Россию огромное количество ширпотреба: магнитофонные кассеты, компьютерные диски, дисководы... Тогда все это было жутким дефицитом и давало огромную прибыль. Мы покупали кассеты по двадцать центов за штуку, а продавали по тридцать рублей — это вместо шестидесяти копеек, которые они нам стоили по курсу покупки валюты у Минудобрений. А в государственных магазинах или у фарцовщиков цены были и того выше — по пятьдесят рублей за кассету.

Мы снова стали торговать компьютерами, впервые в Россию привезли цветные копировальные машины, которые только-только появились на западном рынке. За эти чудеса техники нам переводили по безналу сумасшедшие деньги — по нескольку сотен тысяч рублей и больше. А на Западе мы платили за них оптом от тысячи долларов. Конечно, это были потрясающе прибыльные операции!

Очень скоро мы открыли еще одну внешнеэкономическую ассоциацию — «Виту». Это была первая в Москве частная валютная аптека, где на рубли продавались валютные лекарства. Раньше больные, у которых не было нужных лекарств, могли либо пытаться попасть в кремлевскую аптеку, что для обычного человека являлось делом почти невозможным, либо просто умирать. Теперь они могли пойти в «Виту» и дорого, но купить любое импортное лекарство. В том числе и по специальному заказу прямо из Франции.

Аптека обошлась нам в пятьсот тысяч долларов. Об этом нашем новом детище написали тогда все центральные газеты, а символическую ленточку во время открытия аптеки перерезал новый мэр Москвы Гавриил Попов...

— — —

Попав первый раз за границу, Павличенко тут же вошел в контакт с владельцем банка «Париба Монако», и банкир через несколько недель выдал ему пластиковую кредитную карточку Master Card.

В одном надо отдать должное моему заму: он устраивался в жизни очень быстро и с большим размахом, чего я в силу своего характера никогда не умел делать. Для меня деньги были побочным результатом выполненной работы, для него — смыслом существования. Это был абсолютно типичный представитель нарождающегося класса новых русских, о которых потом сложили столько анекдотов.

Не забывайте: шел только 1990 год! Никому и в страшном сне не мог тогда присниться скорый распад СССР и конец эры «строителей коммунизма». Богатые люди, теневики, опасаясь арестов и конфискации, всячески скрывали свои миллионы, действуя по примеру незабвенного Александра Ивановича Кореико из «Золотого теленка».

А Павличенко был совсем другим. Признаки нового русского так и выпирали из него на каждом шагу. Помню, мы зашли с ним в какой-то ювелирный магазин в Монако, и он вдруг решил купить себе часы за сто восемьдесят тысяч долларов. Я говорю:

— Ну зачем они тебе? На эти деньги в Союзе можно содержать огромный офис!

— Нужно! — отвечает. — Я так хочу, что просто умираю! Они же такие дорогие!

Он купил «Блан Пэйн», знаменитые швейцарские часы, причем выбрал модель, выпускавшуюся в количестве десяти штук в год, ручной сборки! В паспорте было написано, что часы вечные, непромокаемые и антиударные. Разумеется, первое, что дальше сделал Павличенко, — пошел в них купаться. И когда он несколько раз нырнул в часах за сто восемьдесят тысяч долларов, стекло изнутри чуть запотело.

Павличенко тут же понес часы назад.

— Как это так! — возмутился он. — Что вы мне туфту подсунули, в натуре?!!

Часы немедленно забрали, а через полгода в Москву приехал представитель фирмы с новыми часами и целым кейсом дорогого французского шампанского для Павличенко.

В дополнение к часам Павличенко купил в Ницце роскошный БМВ, объяснив мне, что это лицо нашей фирмы и что он

мечтал о такой машине всю сознательную жизнь. Вскоре появилась и частная вила, записанная на «Исток», в которой поселилась его семья...

А я был от всего этого очень далек. Какая разница, что за часы на руке? Тем более что мои электронные идут вполне нормально и меня устраивают! Павличенко как-то буквально силой заташил меня в магазин и заставил купить «Ролекс» с золотым браслетом за двадцать семь тысяч долларов. И до сих пор эта вещь у меня одна из самых дорогостоящих.

Поскольку деньги лежали во французском «Источе» и были абсолютно неподотчетны, мы могли делать с ними все, что угодно: покупать виллы, машины, яхты. И когда на нашем счете появилось много миллионов долларов, Павличенко свой шанс не упустил...

— — —

Конечно, некоторые атрибуты западной красивой жизни не могли не произвести на меня должного впечатления. Незабываемой оказалась моя первая поездка в Англию — я отправился туда для встречи с фирмой «Марк Рич», которая хотела закупить у нас мазут. Ее хозяин, миллиардер Жан Марк Рич, жил в Швейцарии, скрываясь от американского суда за неплату налогов. Лично я никогда его не видел, хотя потом и у нас, и за рубежом часто писали, что мы с Ричем чуть ли не закадычные друзья.

Люди Рича, которые занимались покупкой нефти и нефтепродуктов, сразу сообразили: наконец-то появилась замечательная лазейка, с помощью которой можно торговать в обход государства, а значит, вне всяких лимитов и отчетности! Поэтому они решили меня хорошенько обработать, чтобы клиент номер один не ушел на сторону...

Меня поселили в люксе престижной гостиницы «Меридиан» на Пикадилли. Арендовали яхту с оркестром и роскошным угощением, которая плавала по Темзе. Сняли несколько ночных клубов, где мне предлагали взять любую танцовщицу в номер: все уже было оплачено за счет фирмы...

Конечно, это очень подействовало на мою неокрепшую советскую психику, и вскоре я безоговорочно считал «Марк Рич» самой лучшей зарубежной фирмой всех стран и народов. Несколько дней я очень вкусно ел, пил, путешествовал, рыбачил на корабле, слушал оркестр, игравший в мою честь, и в итоге, конечно, контракт подписал.

Кроме того, вернувшись в Москву, я познакомил представителей Рича с товарищем Челинским, тогдашним министром хлебной промышленности России, и вскоре фирма «Марк Рич» уже меняла по бартеру российские нефтепродукты на аргентинское зерно, получая на этих операциях миллиардные прибыли.

«Исток» тоже процветал: у нас работало триста человек, оборот компании приближался к пятнадцати миллионам долларов, и это еще без огромного мазутного контракта, который тянул миллионы на тридцать—тридцать пять и был подписан с «Марк Рич».

Я по-прежнему не чувствовал себя миллионером и относился к этому абсолютно спокойно. И так же спокойно перестал ждать компенсации от Министерства финансов СССР в сто миллионов рублей, выигранных в арбитраже кооперативом «Техника». Вскоре мой старый кооператив просто прекратил свое существование, отдав все долги и медленно почив на своих увядших лаврах.

— — —

Очень солидным моральным капиталом были мои приятельские отношения со многими высокопоставленными персонами из демократов, которые пришли к власти. Я подружился с Гавриилом Поповым и покойным ныне Анатолием Собчаком. Отношения с премьером Силаевым, особенно после того, как я отказался стать министром внешнеэкономических связей России, тоже переросли в бескорыстную дружбу.

Бурбулис пригласил меня и Явлинского экспертами в неформальный совет при президенте Ельцине: мы встречались в его кабинете по воскресеньям и за рюмкой армянского коньяка свободно обсуждали многие важные вопросы...

При этом у меня даже не возникало мысли использовать свои связи для получения какой-то личной выгоды. Тогда мы все были просто единомышленниками и у нас был общий враг — советская система. Мы мечтали изменить ее, чтобы люди стали жить лучше. Вот именно так это и было, хотите — верьте, хотите — нет.

Помню поездку в Ленинград, где в Мариинском дворце меня встретил озабоченный Анатолий Собчак.

— Переезжай к нам! — с запалом сказал он. — Я тебя приглашаю стать председателем Ленгорисполкома и моим первым замом! Ты ведь потомственный петербуржец! Выделим квартиру сразу. Ну что, согласен?

Мне, конечно, польстило это предложение. Интересно, как это Собчак запомнил, что корни моих предков из Питера? Я очень давно и мимоходом об этом ему рассказал, когда мы куда-то летели в самолете...

Тем не менее я отказался и от этого предложения, потому что просто не мог больше представить себя на любой государственной службе. Нужна ли свободной птице клетка, пусть даже золотая?

Было в ту пору еще одно очень заманчивое предложение, которое я тоже отклонил. И последствия этого шага для Москвы даже трудно переоценить!

Гавриил Попов, только что назначенный Ельциным мэром столицы, вдруг попросил срочно приехать к нему домой. Он жил тогда в правом крыле здания Университета имени Ломоносова на Воробьевых горах. Представьте себе старомодную московскую коммуналку с интеллигентными жильцами: очень узкий коридор, три комнаты подряд, в воздухе специфический запах от давно не протираемых переплетов книг. А в комнате мэра обшарпанный диван, на котором мы едва разместились, древний стол, заваленный бумагами, и чай, поданный в разноцветных чашках без блюдец.

Попов торжественно заявил, что принимает дела в Моссовете и хочет, чтобы я стал его правой рукой, первым заместителем и председателем Мосгорисполкома...

Я понимал, почему предложения сыплются ко мне со всех сторон. Во-первых, все города, и в том числе Москва, остались практически без валюты, а меня считали одним из немногих, кто умеет ее зарабатывать в России. Что, в общем, соответствовало истине.

Во-вторых, я был народным депутатом, единственным из нарождавшегося класса предпринимателей. Ну и, конечно, срабатывала запись в моей анкете о работе главным инженером управления Моссовета с дипломом кандидата наук на руках.

Тогда я в очередной раз отказался от поста. Попов удивился и попросил кого-нибудь ему порекомендовать в заместители.

В моей голове сразу мелькнули две фамилии: Николай Гончар, бывший председатель исполкома Бауманского района Москвы, приютивший когда-то Союз кооператоров СССР, и Юрий Михайлович Лужков, еще работавший в то время в Моссовете.

— А кто они такие, эти люди? — спросил меня Попов.

— Ну, опытные управленцы, хорошие хозяйственники! Я их лично знаю, и много лет.

— А кто из них лучше? Можно ли мне с ними познакомиться?

Я не мог сразу ответить, кто из них лучше. А про себя решил так: кто из них меня более радушно встретит, того и порекомендую!

Лужков, который долго был в опале у бывшего председателя Моссовета Сайкина, управлял тогда Мосплодовошпромом, что являлось делом абсолютно неблагодарным. Как плодов, так и овощей в Москве хронически не хватало, поэтому Лужкову от Сайкина все время доставалось. А он, как говорится, спускал всех собак на подчиненных. Даже от работы с кооперативами в Москве Лужкова в то время отстранили и передали эту деятельность ненавистному всем человеку по фамилии Жаров, который поставил целью прикрыть как можно больше кооперативов, разрешенных в свое время Лужковым. Я даже выдвинулся на выборы в народные депутаты России по тому же округу, что и Жаров. И когда выступал перед избирателями, честно заявлял: пусть меня и не выберут депутатом, но я сде-

лаю все, чтобы отнять голоса у Жарова! А в итоге так случилось, что я победил.

В те дни после увольнения Сайкина Юрий Михайлович Лужков просто дорабатывал, озабоченный необходимостью искать новое место службы... Судить о его настроении можно было уже по поведению секретарши, которая очень нервничала.

Узнав, что я не записан на прием, она с раздражением произнесла:

— Раз не назначено, он вас не примет, и не надейтесь! Я даже докладывать ему не буду! Он это запрещает делать и сильно ругается. И кроме того, у Юрия Михайловича сейчас начнется совещание с «Пепси-Колой», так что у вас вообще нет никаких шансов с ним поговорить!

Я потоптался в приемной и уже решил ехать к Гончару. Вдруг отворилась дверь кабинета и появился Лужков. Увидев меня, он пришел в неопишуемый восторг:

— Дорогой Артем! Как я рад тебя видеть! Да я тобой просто горжусь! Заходи, пожалуйста!

Конечно, после такой встречи я тут же выложил Лужкову, что приехал не просто повидаться, а по очень важному делу.

— Куда вы пойдете работать, Юрий Михайлович? — спросил я.

— Да не решил еще. Знаешь, мне звонили тут из «КБ Химавтоматика», просят вернуться туда генеральным директором. Я, наверное, соглашусь...

— А председателем Мосгорисполкома и заместителем мэра поработать не хотите? — спрашиваю.

После небольшой паузы Лужков нажал кнопку селектора.

— Со мной никого не соединять! Совещание отменяется! — провозгласил он секретарше...

Мы прошли в подсобную комнату и расположились там для приватной беседы. Попивая чай, я подробно рассказал ему историю о встрече с Поповым — причем Лужков все больше возбуждался, представляя открывающуюся перспективу:

— Я справлюсь, Артем! Честно говорю: я справлюсь с этой должностью!

— Да я и не сомневаюсь, Юрий Михайлович! — говорю я. — Кто-то ведь должен Москву поднимать!

Вот так и произошло это поистине историческое для Москвы событие. Я позвонил Попову, и он назначил встречу для знакомства с Юрием Михайловичем. Лужков Попову понравился, и тот согласовал его кандидатуру у Ельцина.

Став председателем Мосгорисполкома, Лужков предложил мне должность председателя Совета по внешнеэкономической деятельности Москвы, куда вошли все тогдашние управители города: Ресин — начальник строительства, Малышков — начальник питания и торговли, Орджоникидзе — заместитель Лужкова по международным связям и даже сам Митичкин — руководитель всей столичной недвижимости...

Я согласился там работать исключительно на общественных началах — никаких дивидендов мне эта должность не приносила. И никаких финансов тоже. Или скажем честнее: не успела принести. Это чуть позже бизнесмены стали покупать благосклонность городских властей за бешеные деньги. Я же начинал на голом энтузиазме.

— — —

Новый, 1991 год я встречал вместе с Лужковым на даче у Павличенко. По тогдашним российским стандартам дача моего зама казалась чем-то уникальным: это был роскошный и величественный трехэтажный особняк! В главном зале отсутствовала такая важная деталь, как потолок, и, соответственно, высота зала была с трехэтажный дом. Просто как в церкви! Кругами шли галереи, каждая из которых имела выходы в свои комнаты, там было семь или восемь спален. Внизу, в подвале, находились устрашающих размеров бассейн и сауна. И конечно, везде мрамор, гранит, карельская береза...

Павличенко купил особняк всего за двадцать пять тысяч долларов у только что выехавших из России эмигрантов, уплатив им за рубежом со счетов французского «Истока». А располагалось все это великолепие на большом участке земли, всего в десяти километрах от Московской кольцевой автодороги.

Поначалу я, как и все простые советские люди привыкший к малометражному укладу жизни, очень удивлялся:

— Володя, куда тебе столько площади? Это же просто сумасшествие! Что у тебя будет в этих комнатах и спальнях?

— Это же лицо фирмы! — невозмутимо отвечал Павличенко. — Вон, смотри: твой дом тоже строится через дорогу!

Действительно, рядом возводилась такая же роскошная вилла той же командой турецких строителей: они запросили уже сорок тысяч долларов, но и эта сумма была для нас сушим пустяком.

— Как ты не поймешь, это просто необходимо! — сокрушался Павличенко. — Разве можно жить без дачи?

Осмотрев особняк, Лужков пришел в полный восторг. Он прибыл вместе с молодой женой Леной Батуриной, которую я прекрасно знал. Мы дружили еще с начала эпохи кооперации, и я даже ухаживал за ее подругой.

Кроме того, с Лужковым приехал его близкий друг — знаменитый полярник, Герой Советского Союза Артур Чилингаров.

А со мной был годовалый сын Филипп, который ползал по полу между безумно дорогими вазами и уникальным антиквариатом...

Мы прекрасно отметили Новый год в узком дружеском кругу: со стрельбой в воздух из павличенковских коллекционных ружей, с посиделками вокруг роскошного камина, с непременным «Голубым огоньком» и грандиозными планами обустройства Москвы...

Павличенко подарил Лужкову незарегистрированную винтовку, привезенную из Франции: то ли от избытка чувств, то ли просто боялся, что ее могут конфисковать. Лужков был очень доволен — он, как заядлый охотник, винтовку сразу оценил...

— — —

Говорят: как встретишь Новый год, так его и проведешь. Но ко мне это, очевидно, не относится. Уже зима оказалась для меня такой жаркой, что дальше некуда.

Конфронтация между Горбачевым и Ельциным достигала апогея. Ельцин начал публично заявлять о том, что Горбачеву

пора в отставку. И в этот момент окончательно стало ясно, что советское правительство категорически против не только развития кооперации, но и самостоятельности России. Из ближайшего окружения Горбачева на кооперацию двинулась мощная машина государственного подавления. После истории с кооперативом «Ант», попытавшимся продать за рубеж разукомплектованные танки, в одном только Краснодарском крае по личному указанию первого секретаря крайкома партии Полозкова закрывали по триста кооперативов в день!

Приезжали омоновцы в камуфляже, людей укладывали на землю, вывозили сейфы, замораживали счета — в общем, творился полный произвол и беспредел!

Я все резче и резче стал выступать с критикой советского режима, понимая, что Горбачев с его новым премьер-министром Павловым уже начали делать деньги. Предчувствуя окончательный кризис своей власти, они стали перебрасывать валюту и золото из запаса страны на секретные счета КПСС за рубежом.

Например, Примаков признался тогда одному из наших общих знакомых: у каждого в администрации Горбачева, в ЦК и у меня лично есть пистолет с одним патроном. Так, на всякий случай...

И действительно, когда через год советская власть рухнула, случилась целая серия загадочных самоубийств: исчезли люди, которые знали доподлинно, чем занимались Горбачев и Павлов в начале девяностых годов.

Например, только за 90-й год из СССР было вывезено и спрятано за границей 234 тонны золота — это точная цифра! А назвал ее публично сам премьер-министр Павлов!

Было это так. Однажды, выступая на телевидении, я сказал:

— Ходят слухи, что советское правительство продает золото за границу. И уже вывезено 200 тонн! Как же так? Это ведь не собственность ЦК КПСС или правительства, а достояние всех советских республик и их жителей! Кто дал правительству такое право и почему молчат официальные лица?

Можно представить, как нервничали тогда руководители СССР, ведь прямо на следующий день было показано

интервью Павлова, в котором он персонально отвечал мне!

— Тут депутат Тарасов заявил, что мы вывезли 200 тонн золота! — вещал Павлов, глядя на меня с экрана телевизора. — Так вот, товарищ Тарасов: не 200 тонн, а 234 тонны мы продали за границу! А на вырученные деньги приобрели зерно, продукции машиностроения, пестицидов, необходимых сельскому хозяйству, столько-то и столько-то тонн...

Я уже не помню точные цифры, названные Павловым, но когда я подсчитал стоимость потраченных денег, у меня получилось что-то около 1,5 миллиарда долларов. А стоимость 234 тонн золота на рынке — 2,8 миллиарда. То есть 1,3 миллиарда долларов не хватало!

Я тут же помчался на программу «Взгляд», которую вел мой приятель Влад Листьев, и в прямом эфире поставил вопрос ребром:

— За вывезенное золото товарищ Павлов отчитался перед народом только на 1,5 миллиарда долларов. А куда вы дели еще 1,3 миллиарда, товарищ Павлов?

Как же они меня ненавидели в ЦК КПСС! Теперь я могу себе это представить, а тогда я об этом как-то не задумывался и никакого страха за свою жизнь не испытывал...

Другое мое шокирующее выступление вызвало ненависть не только союзного руководства, но и высших чинов КГБ во главе с Крючковым. В интервью «Коммерсанту» я заявил:

— Скажите, а зачем в КГБ так много сотрудников? Чем они там занимаются? Шпионов теперь в СССР больше не ловят. Вся информация можно получить и так: сами понимаете, у нас гласность... Диссидентов тоже нет, говори что хочешь... Мне кажется, что сотрудники КГБ просто маются от безделья! А ведь среди них есть образованные люди, молодые, знающие иностранные языки и зарубежную жизнь. Если их обучить на курсах менеджеров — это же будут управленцы новой формации, которые так нужны России! Союз кооператоров готов взять над КГБ шефство и спонсировать необходимое обучение...

Вскоре появилась ответная статья председателя КГБ Москвы. Он высказался в том смысле, что разные воры и толстосу-

мы, ограбившие государство, такие как Тарасов, имеют еще наглость выступать и давать советы! А в это время доблестные сотрудники КГБ несут свою неусыпную вахту по охране советского общества от иностранных и внутренних врагов...

Еще через несколько дней я получил из КГБ конфиденциальное письмо, под которым стояла масса подписей: лейтенанты, майоры и даже полковники.

«Уважаемый Артем Михайлович, после вашего выступления мы провели общее собрание и все как один признали ее совершенно правильной, — писали мне чекисты. — Нам действительно нечем заниматься, мы получаем зарплату зря. Пожалуйста, пробивайте вашу программу, мы готовы ехать учиться на менеджеров!»

Интересно, сколько же тогда появилось людей, которые хотели моей быстрой смерти и готовы были сами меня уничтожить? Теперь об этом можно только гадать.

Хотя объективно понять их чувства тоже было можно. Советская система трещала по швам, рушилась на глазах. Большие начальники, прошедшие славный путь от инструкторов райкомов комсомола до верхушки ЦК, были вынуждены выслушивать оскорбительные выступления какого-то выскочки, кооператора и наглеца! И где — в их собственной стране, где еще вчера у них были неограниченная власть и беспредельные возможности!

— — —

Михаила Горбачева я окончательно достал выступлением о Курильских островах. В январе 91-го года президент СССР встретился в Москве с лидером японской правящей партии, и на апрель был запланирован его ответный визит в Японию. И тут мне пришло в голову, что в условиях острого дефицита валюты Горбачев может пойти на то, чтобы сдать японцам Курильские острова.

На эту мысль меня навело общение с советником японского посольства в Москве, которого звали Агава-сан. Это был крайне забавный японец, который регулярно приезжал ко мне в Союз кооператоров и приглашал в японский ресторан. Во время обеда Агава-сан задавал десятки самых разных во-

просов, а два его помощника, сидевшие рядом, ничего не ели и только строчили авторучками, тщательно фиксируя каждое мое слово. Почему они не пользовались диктофонами, абсолютно непонятно.

Сам Агава-сан высказывался крайне редко и на все мои вопросы говорил одно и то же:

— Я простой экономический советник. Никаких деловых контактов не устанавливаю. Меня не интересует никакой конкретный бизнес. Просто нужно ваше мнение узнать...

Мне это казалось очень странным. Зачем японцам мое мнение? Тоже, нашли эксперта! И я гнул свою линию, стараясь затянуть его в какие-то совместные проекты или хотя бы получить помощь в контактах с японскими фирмами. Но все мои попытки окончились полным крахом.

Впоследствии Агаву-сан повысили в должности, назначив послом Японии, по-моему, в Южной Корее. Перед отъездом он пригласил всех, чье мнение регулярно выслушивал, в первый кооперативный ресторан Андрея Федорова. Кого же там только не было — от официальных лиц из ЦК КПСС до заслуженных артистов и журналистов...

— Спасибо вам всем! — прочувствованно сказал Агава-сан. — Именно благодаря вашему мнению Япония лучше узнала Россию!

На этом его блестящее выступление было окончено...

Так вот, перед ответным вояжем Горбачева я вдруг вспомнил, как Агава-сан однажды сказал мне:

— В Японии есть такая поговорка: нельзя дружить с соседом, если его солдаты ходят у тебя в саду. Это про Курильские острова. Никакие совместные проекты в нашем саду неуместны! Вот если бы вы вернули нам острова, тогда японские бизнесмены немедленно бы вложили в Приморский край двести миллиардов долларов инвестиций!

«Уж не за этими ли миллиардами собрался Горбачев в Японию?» — подумал я. Это меня не устраивало уже потому, что часть денег до России просто бы не дошла, а другую наверняка бы направили на борьбу с кооперацией и укрепление сектора в экономике.

Кроме того, в некоторых японских газетах вполне откровенно писали: мол, в середине следующего века ни один японец работать вообще не будет — за него это будут делать другие! То ли машины и роботы, то ли русские в Приморском крае — понимай, как хочешь! Такая откровенно фашистская идеология мне тоже очень не нравилась.

И я решился на очень резкое интервью сразу многим газетам, и японским в том числе. Выступил в Моссовете, где это стало настоящей сенсацией, ведь я был руководителем Совета по внешнеэкономической деятельности!

Чуть позже мне дали слово в Верховном Совете России, и я с трибуны в прямом эфире повторил свое предположение о том, что Горбачев намерен вернуть японцам острова за обещанные инвестиции и валюту.

Тут уж разразился грандиозный скандал!

Горбачев пришел в неопишемую ярость: то ли я действительно угадал его секретные планы, то ли это просто переполнило чашу его терпения. Ведь на Курилах немедленно начались демонстрации под лозунгом «Не отдадим родную землю!».

А я, кроме прочего, еще сказал, что этот вопрос не может решаться закулисно, потому что Курильские острова — это российская территория, а вовсе не территория ЦК КПСС. И если кому решать — так это Ельцину и российскому парламенту! То есть было подброшено большое сухое полено в огонь конфронтации между Горбачевым и Ельциным...

Михаил Сергеевич где-то очень резко высказался обо мне — скорее всего, на Политбюро, и министр внутренних дел СССР генерал Пуго вместе с главой КГБ Крючковым восприняли слова Горбачева как прямое указание незамедлительно предпринять меры против меня.

— — —

Сначала произошел налет ОМОНа на нашу службу «Ариса» в аэропорту Шереметьево. Двенадцать вооруженных автоматическим оружием громил в масках ворвались в офис, положили на пол всех — женщин и посетителей, опечатали сейфы, конфисковали валюту и все наши бума-

ги. Правда, никого особенно не били, поскольку офис находился за тоненькой перегородкой прямо в зале отлета аэропорта, все действие происходило на глазах испуганных пассажиров и провожающих.

Для такого налета нужен был повод, хотя бы формальный. Им послужила совершенно не касающаяся меня лично история. Несколько месяцев назад в Литве была схвачена банда рэкетиров, которая выбивала деньги из какого-то бизнесмена. У одного из членов банды нашли тогда удостоверение службы «Ариса» объединения «Исток».

Вымогатели были арестованы и сидели в тюрьме. И вот по ордеру литовской прокуратуры был произведен обыск, как говорится, по горячим следам, всего-то через два с половиной месяца после ареста всех подозреваемых! Воистину оперативная работа...

Кто-то сумел позвонить в центральный офис и предупредил нас о налете. Наученный прошлым опытом, я отреагировал практически молниеносно: тут же был отпечатан приказ об уходе всего персонала головного офиса в отпуск. Все спешно разошлись по домам, я закрыл офис и повесил копию приказа прямо на входной двери, которая по надежности ничуть не уступала самым выдающимся зарубежным образцам.

Как мне сообщил оставленный рядом с офисом наблюдатель, машины с вооруженными омоновцами подъехали через десять минут после моего ухода. Я сидел в доме напротив, на втором этаже у своих знакомых, пил чай и мог через окно наблюдать происходящее. Сначала они довольно долго вертели в руках приказ об отпуске сотрудников, потом была сделана неудачная попытка штурма. Стальная дверь свою репутацию оправдала полностью.

Больше в тот день офис не штурмовали, но установили круглосуточное дежурство напротив его дверей. Была ранняя весна, и ночами, чтобы не замерзнуть, сидящие в машинах оставляли моторы заведенными — к общей «радости» жильцов окрестных домов, которым приходилось спать под непрекращающийся шум моторов...

Я был совершенно спокоен и первым делом отправил письмо Ельцину. Уже на следующий день меня вызвали на заседание Верховного Совета.

— Артем Михайлович, не волнуйтесь, мы вас в обиду не дадим! — заявил Ельцин с трибуны. — Я беру это дело под свой личный контроль!

Тем не менее было ясно: идти в офис ни в коем случае нельзя. Конечно, милиция могла выломать даже нашу уникальную дверь, но устраивать обыск в отсутствие всех сотрудников — это было уже слишком!

Вскоре кто-то из осаждавших сообразил позвонить в Союз кооператоров. По случайности трубку взял мой помощник, который ничего не знал о происшедшем и непосредственного отношения к «Истоку» не имел. Поэтому сделанное ему предложение срочно встретиться у офиса «Истока» не вызвало у него никаких подозрений...

Когда мой помощник подъехал, ему тут же надели на руки наручники, взломали дверь ломami и автогеном, завели в офис — и начался обыск. Я узнал о происходящем, будучи в Верховном Совете, и попросил троих своих приятелей-депутатов поехать со мной, чтобы воочию увидеть это беззаконие. (Кстати, одним из этих приятелей был Евгений Наздратенко, будущий губернатор Приморского края.)

Согласно закону о депутатской неприкосновенности милиция не имела права обыскивать рабочее место народного депутата. Все знали, что именно в «Истоке» был мой офис, и даже табличка соответствующая висела.

Я вместе с депутатами вошел в самый разгар обыска. Понятно, что никакие слова о том, что это незаконно, никого не остановили. Мне предъявили постановление на обыск все той же литовской прокуратуры и, кроме того, выписку из решения Краснопресненского исполкома, где мне предоставлялось другое помещение для кабинета, которым я никогда не воспользовался...

Милиционеры увезли наши опечатанные сейфы, массу документов, выдернули из компьютеров все жесткие диски. А сама опись конфискованного была просто потрясающей: «Вывозится восемьсот тридцать исписанных листов» — значи-

лось в описи... Кем исписанных, зачем, на какую тему — да какая разница!

В тот же день милиция ворвалась на наш торговый склад, где было огромное количество кассет и других товаров. Тут же пригласили телевидение и начали все это снимать. Причем следователь положил среди кассет свой пистолет и красиво расставил две иконы, которые взяли неизвестно откуда.

Я потом видел эти кадры: сначала показали общую панораму, а затем крупно горы кассет и пистолет. И лаконичный комментарий за кадром: «Вы видите хранилище ценностей кооператива «Исток». Откуда у них столько товаров, которых нет в продаже в наших магазинах?»

Я поехал на телевидение, чтобы выступить в популярной вечерней программе в прямом эфире, — уже не помню, как она называлась. Телевизионщики говорят: «Хорошо, но чтобы нам уложиться во времени, давайте сделаем это в записи, а в эфир пустим без монтажа!»

Пришлось согласиться. А через полчаса после интервью выходит ко мне Татьяна Миткова, которая со мной и беседовала и, смущаясь, просит:

— Вы не могли бы поговорить с нашим главным редактором? Тут кое-какие трудности возникают...

Конечно, разговор с телевизионным начальством ничего не дал, пленка в эфир так и не пошла. И я понял, что происходит нечто совсем нештучное...

Нервное напряжение росло с каждым днем. К тому же у меня начались проблемы в семье с мамой моего ребенка. Я приходил домой — и абсолютно не мог там расслабиться. Эта женщина постоянно создавала дополнительное напряжение. В какой-то момент я сорвался, ушел из дома и обосновался на даче у Павличенко, который сразу после взлома нашего офиса сам переехал и перевез семью на подпольную квартиру.

Все-таки у меня был иммунитет народного депутата РСФСР, а Павличенко вообще могли забрать в любой момент! Тем более что милицейское начальство наверняка торопило следователей с расправой.

Тем временем арестовали даже моего телохранителя. Это был совсем еще мальчишка, воин-афганец, который служил там инструктором и сам был майором МВД. Его поместили в общую камеру с зэками, которые надругались над ним и потом избивали каждый день и каждую ночь.

— — —

Мы собрались на подпольной квартире и стали думать, что предпринять. У Павличенко стояла виза во Францию. В итоге решили срочно вывезти его за границу.

Очевидно, ордера на арест Павличенко все еще не было, да никто и не предполагал, что он может скрыться во Франции. Поэтому отъезд прошел безо всяких проблем: мы быстро купили ему билет через нашу службу, знакомый таможенник отштамповал паспорт, наша шереметьевская бригада грузчиков легко протащила его сквозь все кордоны без очередей, и Павличенко улетел.

Поскольку жить на его даче было опасно, я перебрался сначала к одним друзьям, потом к другим. И тем не менее продолжал появляться в публичных местах, рассудив, что на людях со мной ничего не сделают. То есть я присутствовал на съезде московских кооператоров, работал в парламенте, а вечера просиживал на конспиративных квартирах.

У меня имелись свои очень ценные источники информации. Одним из них был сотрудник «Истока» Григорий Петрович Катаев, который в определенные моменты моей жизни не раз играл существенную роль.

Катаев появился у нас в середине 90-го года. Помню, как он пришел ко мне в кабинет и с порога заявил:

— Артем Михайлович, я генерал КГБ, вот мое удостоверение!

— Очень хорошо, — говорю. — И что дальше?

— Я руководил самым дрянным подразделением в КГБ, какое только может быть: мы ловили антисоветчиков, — невозмутимо сказал Катаев. — Мы следили за людьми, делали страшные вещи. Я морально ущербный человек, очень многим людям сломал жизнь... А сейчас уволился. Прочитав вашу

статью, решил обратиться к вам: меня не устраивает пенсия в четыреста рублей, я хочу зарабатывать деньги! Мне только пятьдесят два года. Возьмите меня на работу!

Узнав об этом визите, Павличенко жутко испугался:

— Мы пропали, это конец!

— Если бы это был конец, он не пришел бы в открытую, а что-нибудь наврал! — ответил я.

И взял генерала на работу, несмотря на все протесты Павличенко.

Сначала Григорий Петрович подвергся со стороны большинства сотрудников «Истока» страшному издевательствам. Когда он входил, все закрывали бумаги руками или прятали их в стол. С ним общались очень вежливо, но только односложными фразами. А он все это выдерживал с абсолютным хладнокровием.

Вскоре я послал его в Одессу договориться об отгрузке мазута. Катаев при увольнении умудрился какое-то время не сдавать свое удостоверение. Поэтому в командировках он мог решать любые вопросы. Например, запросто зайти в кабинет к начальнику Одесского порта.

— Надо отгрузить мазут? Будет сделано! — вставал начальник по стойке «смирно». — Надо зафрахтовать танкер? Нет проблем! Загружать без очереди? Пожалуйста, мы же все понимаем! Будет сделано, товарищ генерал!

Так что Григорий Петрович оказался очень полезным человеком. Помимо прочего, он еще и дружил с Бобковым — тоже генералом КГБ, заместителем Крючкова, впоследствии начальником службы безопасности Гусинского.

Бобков щедро снабжал друга информацией, которая касалась нашего кооператива. Как-то в конце января Григорий Петрович неожиданно явился ко мне и говорит:

— Удирай! Я тебе не могу больше ничего сказать, но знаю: ни тебе, ни «Истоку» работать больше не дадут. Все деньги, которые поступят на счет, конфискуют, а ты окажешься в тюрьме! Или еще хуже...

Это был для меня первый серьезный сигнал. Второй последовал почти сразу. Поскольку я все еще был председателем Со-

вета по внешнеэкономической деятельности, то как-то позвонил Гавриилу Попову:

— Не может ли Москва мне чем-то помочь?

Попов ушел в кусты. Он панически боялся любых конфликтов.

Тогда я поехал напрямую к генералу Богданову, начальнику Петровки, 38, который когда-то возил меня к Бакатину. К сожалению, самого министра МВД СССР Бакатина тогда уже сняли с работы и его место занимал Пуго.

— Я к вам обращаюсь как депутат Верховного Совета РСФСР, как председатель Совета по внешнеэкономической деятельности Москвы! — сказал я Богданову. — Может меня Петровка хоть как-то защитить от произвола?

Богданов оглянулся, хотя в кабинете, кроме нас, никого не было, и тихо произнес:

— Ты же знаешь, Артем Михайлович, я лично к тебе очень хорошо отношусь. Но ничего не могу поделать — есть очень четкие указания.

— Откуда?

— С самого верху! — Богданов так закатил глаза, что стали видны белки.

И было третье предупреждение, самое конкретное и страшное. После очередного съезда кооператоров ко мне в вестибюле гостиницы «Измайловская» подошел парень, который учился со мной в Горном институте на курс младше. Мы с ним не были друзьями, может, пару раз играли в преферанс, не более того.

— Вы меня помните? Меня зовут Андрей Гальперин, я теперь оперуполномоченный с Петровки, 38. И сейчас очень рисковую, разговаривая с вами. Я специально приехал, чтобы предупредить: вас решили устранить... как бы это сказать... физически.

— Как это устранить? — изумился я.

— За ваше убийство заплачено двенадцать тысяч рублей Исаеву. Это авторитет, подольский вор в законе. Он сейчас в Москве, остановился вот по этому адресу. Я вам советую немедленно скрыться!

И протягивает мне бумажку с адресом Исаева в Москве...

Тогда эта история показалась мне абсолютным бредом.

«Как это убить? За что? — думал я. — Не может такого быть в России!»

Я действительно не представлял себе, что мог стать первым бизнесменом и политиком, которого заказали менты. Первым — в том длинном, очень длинном списке убиенных в последующие годы...

Как сказал Андрей, посредником между Исаевым и ментами выступил следователь — тот самый, что положил свой пистолет во время обыска и съемок в «Истоке».

— Я заслан в банду под прикрытием, — продолжал Гальперин, — поэтому знаю обо всем изнутри. И поскольку я вас очень уважаю, еще с института, а моя жена в вас просто влюблена по телевизору... Я должен был вас предупредить!

Андрей повернулся и быстро ушел. Больше я его никогда не видел. В правдивости его слов я убедился, как ни странно, только через два с половиной года.

Я уже был в эмиграции, в Лондоне, и ко мне наведалься мой старый депутатский товарищ Аркаша Мурашов, ставший первым штатским начальником Петровки, 38.

Мы сидели с ним в маленьком итальянском ресторанчике и беседовали о Москве, в которой я так долго не был. И вот я говорю Мурашову:

— Слушай, а ведь у тебя там на Петровке работает прекрасный парень! Мы с ним вместе учились в Горном институте. Ты бы не мог его продвинуть по служебной лестнице? Он бы стал тебе настоящим помощником.

— А как его зовут?

— Гальперин, Андрей.

Возникла долгая пауза.

— Мы помогаем его семье. Его же убили почти год назад...

И Аркадий рассказал ужасную историю, как Гальперин, внедренный в подольскую банду, вдруг исчез и на связь больше не выходил.

— Мы уже записали его в предатели. Думали, он переметнулся к бандитам. А потом взяли часть банды. Исаев при за-

держании взорвал гранату, погибли двое наших, но и он тоже подорвался. Тогда и выяснилось, что Андрея кто-то сдал. И, конечно, его тут же убили. Сначала сам Исаев душил его солдатским ремнем, а потом Андрея, еще живого, повезли закапывать в лес. А что, он с тобой был дружен?

— Нет. Он просто однажды спас мне жизнь. — Мы молча выпили за упокой души Андрея.

— Я знаю, кто его сдал: тот следователь! — воскликнул я.

Но все это происходило уже в безопасной Англии. А в те дни в Москве мы сразу проверили указанный Андреем адрес. Там действительно жил уголовник Исаев и, по-видимому, планировал мое убийство. Все совпало. Причем соседи утверждали, что в квартире часто появляется милиция и вообще она считается ментовской...

А еще через день после разговора с Гальпериным была взломана моя бывшая квартира, где жила Лена с моим полуторагодовалым сыном Филиппом. Слава богу, их самих в это время не было дома. Когда приехали следователи с Петровки, они были очень удивлены: грабители украли дорогую шубу, однако на телевизоре спокойно лежала пачка денег, около трех тысяч рублей, которую они в упор не заметили. Были перевернуты чемоданы, унесены бумаги, фотографии, а драгоценности почему-то остались на месте.

— Это больше похоже на обыск, чем на ограбление, — признали следователи.

На самом деле на ограбление это было совсем не похоже.

— — —

Я понимал, что круг преследования сужается и деваться мне в России больше некуда. Поскольку у меня тоже стояла французская виза, я решил ехать к Павличенко в Ниццу. Взял с собой портфель, позвонил на телевидение и в сопровождении съемочной группы «Взгляда» отправился в Шереметьево.

Я был абсолютно уверен, что покидаю Россию на две-три недели, не больше. Мне и в голову не приходило, что уезжаю я на целых четыре года и уже никогда больше не увижу многих дорогих мне людей, а также оставленных личных вещей.

Пропали мои прекрасные альбомы с почтовыми марками, на которых были изображены рыбы, — я собирал их еще с институтской скамьи. Исчезли рукописи так и не напечатанных рассказов, романов и киносценариев, даже сейчас я часто вспоминаю о них. Ведь для чего-то было мне дано вдохновение столько написать?

Наконец, исчезли альбомы с сотнями фотографий моих родителей и меня самого в детстве. Мой отец был фотографом, и этих альбомов в семье хранилось великое множество. Вместе со всеми вещами они остались в гараже на даче Павличенко, а потом, скорее всего, были просто выброшены на свалку...

Хорошо еще, что мои основные документы: военный билет, паспорт, диплом кандидата наук чудом оказались у моей секретарши дома. Впрочем, не таким уж чудом — ведь она через несколько лет стала моей женой в Англии...

Но главная потеря: я оставил в России свой бизнес и саму Россию, которые были для меня подлинным смыслом всей жизни.

Напоследок мне удалось выступить на встрече Союза промышленников и предпринимателей, организованной Аркадием Вольским в Кремле. Горбачев тоже туда пожаловал и, разумеется, сел на сцене в президиум. Я записался на выступление заранее и не дать мне слова Вольский не мог. Но зато в его власти было как следует потянуть время. И он тянул.

Выступавшие директора фабрик и заводов из глубинки все время обращались к президенту СССР, жалуясь на отсутствие денег, отток лучших специалистов в кооперативы и проблемы со сбытом продукции.

Горбачеву все это очень не нравилось. Выглядел он просто ужасно: нервничал, сердился, дергался. Наконец президент встал и, не попрощавшись, ушел.

Неудивительно, что тут же дали слово мне. А у меня возникло удивительное ощущение, которое можно назвать моментом истины.

— Я внимательно слушал выступления директоров. Все спрашивают: как дальше жить? Могу ответить! Все ваши не-

приятности — только частности. А проблема в том, что самостоятельность предприятий липовая, нет ее на самом деле! Поэтому, как бы вы ни старались, вам не дадут сделать дело по-настоящему хорошо. Возьмите, например, мою историю: недавно разрушена уже третья компания, созданная моими руками и головой, моей энергией. Допустим, я начну создавать новое предприятие: оно непременно будет совместным. А знаете, кого я приглашу в партнеры? ЦК КПСС! Это единственный выход, чтобы добиться успеха в СССР! И пусть кто-нибудь со мной поспорит!

В зале воцарилась абсолютная тишина.

— А если я прав, чего же вы хотите? Наша страна идет к бюрократическому и партийному капитализму. И рано или поздно вы все будете батрачить на власть! Но, наверное, уже без меня...

Я ушел со сцены под гробовое молчание зала. До сих пор мне жаль, что меня не услышал Горбачев и что мои слова, увы, оказались пророческими.

— — —

Все, кто надо, уже знали о моем отъезде. Было очень смешно, когда в аэропорту ко мне подошел местный милиционер и говорит:

— Артем Михайлович, вы во Францию? Очень хорошо!

Мои враги мечтали от меня избавиться, но из-за депутатского иммунитета и игры Горбачева в демократию просто так арестовать не могли. Поэтому из двух способов разобраться со мной: физически устранить или выдворить из страны, наверное, сошлись на втором. Благо, у КГБ был накоплен огромный опыт по выдавливанию неугодных и последующей слежке за ними за рубежом.

А в это время произошло еще одно знаменательное событие. Обиженный Горбачев подал на меня в суд «за оскорбление чести и достоинства президента». Генеральному прокурору СССР Трубникову было поручено выступить в российском Верховном Совете и потребовать снятия с меня депутатской неприкосновенности, чтобы привлечь к суду.

Трубников был исполнительным товарищем и таких выступлений сделал аж целых три. Но каждый раз голосование было в мою пользу! Я тут же узнавал об этом, поскольку в Лондоне ловил и слушал радиостанцию «Свобода» перед сном.

Конечно, российские депутаты заботились прежде всего о себе. Все прекрасно понимали, что подобная история может произойти практически с каждым. Поэтому создавать прецедент со снятием депутатского иммунитета очень не хотелось...

За границей у меня началась совершенно иная жизнь. Я чувствовал себя ребенком, который внезапно попал во взрослый мир, минуя детство. И до сих пор я бесконечно теряюсь в кругу английских друзей, когда они начинают петь свои песни, такие же известные и любимые здесь, как «Подмосковные вечера» в России. Или когда они начинают говорить о творчестве Теккерея и читать вслух его стихи. Только и остается вспоминать Пушкина, который, как оказалось, в Англии вовсе не считается великим поэтом, и поговорить о нем практически не с кем.

Увы, у меня отсутствовал целый пласт культуры — и я уже никогда не смог его восполнить, поскольку даже не представляю, с чего начать: с рождественских детских песенок, этикетных тонкостей или, может, с детальной истории английского королевского двора...

**БЕРЕГИТЕСЬ
ЛЖЕПРОРОКОВ,
ПРИХОДЯЩИХ
В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ**

Глава 7

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ. НО МОЖНО УБЕЖАТЬ

До конца августа 1991 года с момента моего отъезда в январе за мной неустанно следили специальные агенты СССР за границей. Слежка была открытой и наглой, без тени стеснения или намерения укрыться. Мне давали понять, что никаких вариантов исчезнуть из их поля зрения быть не может. Задействовали не только агентурные сети КГБ, но, как я узнал позже, и представителей военной разведки ГРУ СССР.

Я улетел в Ниццу, где меня встретил Павличенко. У него еще не было виллы, он жил на снятой квартире, и к нему вот-вот должна была приехать жена с двумя детьми.

Я остановился у него. Хотя квартира, машина и все остальное числилось за «Истоком», Павличенко, оценив ситуацию, моментально взял все бразды правления на себя. Прежде всего он овладел финансами: держал у себя пластиковую карточку «Истока» на свое имя, а мне такую сделать отказывался, говоря:

— Ну зачем тебе карта? У нас есть одна на двоих! Скажи, что тебе надо, и мы сразу все купим...

Он ездил на БМВ, а у меня с собой не было ни прав, ни своей машины.

Директорами французского «Истока» были его французские друзья, которых он назначил и которым платил зарплату.

Словом, моя жизнь во Франции оказалась под полным контролем.

Мне пришлось с первых дней включиться в активную работу. В компании «Марк Рич», естественно, узнали, что мы в бегах, и поэтому немедленно остановили все платежи по контракту. А я пытался выбить у них наши деньги. Моя деятельность была достаточно успешной, и деньги с огромным трудом, но все-таки попадали на французский счет «Истока».

Хотя потребовалось посылать телеграммы с жалобой на действия английского офиса в Швейцарию, на имя самого Марка Рича. И только его личное вмешательство обеспечивало финансирование контракта по отгрузке.

Мы отгрузили двести тысяч тонн мазута и получили двадцать три с лишним миллиона долларов. Из них девять миллионов были недосыгаемы, а еще три пришлось вернуть министру минеральных удобрений, к которому нагрянула проверка, и надо было его просто спасти от последствий той сделки по продаже долларов на рубли.

Он пришел ко мне незадолго до моего отлета из России и сказал:

— Артем, за мной следит КГБ, я попал в страшную историю, я в жутком состоянии. Мне нужно вернуть те три миллиона, проданные тебе. Они нужны мне обратно, и они нужны мне сегодня...

Я позвонил Павличенко в Монако и дал указание перевести три миллиона и спасти министра.

Но в итоге у нас с Павличенко в банке «Париба Монако» оставалось довольно много денег. И контракты с Марком Ричем продолжали действовать. Из России регулярно уходили танкеры, груженные нефтепродуктами.

Когда мы уехали, преследовать «Исток» стало незачем. Ему вернули изъятые бумаги и вещи, хотя, конечно, многие документы бесследно исчезли, например, наше «Положение об «Истоке»», по которому мы работали. Кроме того, из компьютеров были выломаны жесткие диски, со множеством писем и контрактов. Они вернулись полностью очищенные от информации.

«Исток» снова стал работать, и руководить им в Москве остался Ефим Поздняк, один из моих заместителей.

Да, еще важный момент в этой истории. Перед отъездом меня неожиданно вызвал генерал КГБ Стерлигов (который был, наверное, дальним родственником предпринимателя Германа Стерлигова, занимал в правительстве Силаева пост начальника хозяйственного управления и визировал российские лицензии на экспорт) и сказал:

— Артем Михалыч, я знаю, что с тобой творится, ты, конечно, вылезешь, мы тебя в обиду не дадим... Но верни мне все лицензии по программе «Урожай-90», на которых стоит моя виза.

Я все ему принес. Стерлигов порвал их на моих глазах. Но, видимо, у Поздняка остались какие-то копии этих лицензий, в том числе на нефтепродукты.

Уже в марте перед «Истоком» встала дилемма, о которой мы узнали в Ницце: продолжать ли «Истоку» участвовать в программе «Урожай» или нет?

Я знал, что генеральный прокурор СССР обратился с просьбой о снятии с меня иммунитета. Я видел, что в Ницце за Павличенко и за мной постоянно следят. И я понимал, что все это наверняка добром не кончится.

А Поздняк настаивал, чтобы мы продолжали программу — ему удалось перерегистрировать какие-то советские лицензии на российские или наоборот. Кроме того, министр сельского хозяйства Кулик, видя, что его положение становится все хуже и хуже, начал предлагать Поздняку реальные фонды — мазут, дизельное топливо, нефть...

— Вы получили деньги, срочно покупайте на них товары народного потребления и высылайте их в Россию! — требовал Поздняк.

Павличенко совсем этого не хотел: даже кратковременная задержка миллионов долларов на счетах давала большой процент прибыли. Эти проценты тогда вообще никого, кроме нас, не интересовали, а со ста миллионов долларов можно было получить десять процентов годовых непосредственно от банка.

Я был уставшим, замученным, психологически подавленным, да еще в полной финансовой зависимости от Павличенко...

И поэтому предложил ему:

— Давай сделаем расчет по мазутному контракту. Определим чистую прибыль, которую поделим пополам. И я ухожу, оставляя тебе «Исток», «Виту», всю деятельность в России, все имущество! Я хочу вообще уехать из Франции и жить в другой стране...

Павличенко быстро все прикинул, глазки у него забегали, и он сказал: «О'кей!» Когда мы все подсчитали, оказалось, что мне причитается пять миллионов. Забрать их как прибыль я не

мог. Но, продолжая оставаться генеральным директором «Истока», я оформил эти пять миллионов долларов как инвестиции, и это решение я имел право принять самостоятельно, как генеральный директор.

Я написал протокол о том, что инвестирую пять миллионов в офшорную компанию, и ушел. На солидные проценты из этих денег я смог очень прилично жить, уехать из Франции и перебраться в Швейцарию...

А Павличенко стал выполнять программу «Урожай». Он купил какую-то некачественную обувь и послал ее в Россию. Потом меня многие годы обвиняли и в этом, хотя я вообще ничего не знал об этой торговой сделке...

При расставании Павличенко поставил мне единственное условие.

— Уходишь — уходи, мы с тобой не имеем друг к другу претензий, — сказал он. — Но давай не будем сообщать в России, что ты ушел, — это сразу остановит всю работу. Я скажу, что ты просто перестал выходить на контакт.

— Да делай, что хочешь — ответил я.

Когда Поздняк в мае понял, что я уже ни в чем не участвую, а Павличенко взял бразды правления в свои руки, он прекратил отправлять деньги во французский «Исток», открыл свой собственный счет в Швеции и стал дальше проводить операции через него.

Поздняк умудрился завезти товаров в Россию на семьдесят два миллиона долларов, он не выполнил стомиллионное обязательство «Истока» в программе «Урожай-90» только потому, что в ноябре 91-го года после путча все выданные ранее российские лицензии были остановлены. Если бы Поздняку дали доработать до декабря, он выполнил бы нашу часть программы «Урожай-90», положенную «Истоку».

Но когда Гайдар пришел к власти и стал новым премьер-министром России, ему срочно понадобились громкие скандалы. Надо было искать крайних, чтобы на них свалить вину за тяжелейшее экономическое положение России.

Конечно, он вцепился в историю с «Истоком» и создал комиссию по расследованию выполнения программы «Уро-

жай-90», тем более что меня лично он боялся, а мои рецепты реформирования экономики абсолютно не воспринимал. Эта комиссия написала отчет — он существует в уголовном деле, где было сказано: «Из 38 организаций, участвовавших в выполнении программы “Урожай-90”, только “Исток” выполнил свои обязательства».

Таким образом, создать криминальную историю не получилось. И только потом, став депутатом Госдумы, я понял, почему эта история стала преподноситься как одно из самых громких преступлений в России.

Когда ко мне в руки попал проект бюджета России на 1994 год, я с удивлением обнаружил там строку о выделении пятисот миллионов рублей на погашение долгов по чекам «Урожай-90».

О каких долгах могла идти речь, когда чеки «Урожай-90» раздавали бесплатно? Они не были приравнены к деньгам, а давали лишь право отовариваться дефицитом, но за свои же собственные деньги! То есть никаких реальных убытков населению чеки «Урожай-90» не принесли!!! А тут на погашение убытков по программе выделялась такая сумма!

Я заинтересовался этим фактом откровенного воровства денег из бюджета России на оплату несуществующих долгов. Посмотрел бюджет 1993 года — там тоже было выделено пятьсот миллионов на погашение долгов, а в бюджете 1992 года — около миллиарда!

Вот так из года в год отдельной строкой шло выделение крупных сумм из бюджета, что, по сути, было очевидным отмыванием денег, которые благополучно уходили в чьи-то карманы.

Я выступил в Думе, и в бюджете 1995 года эту строчку исключили. Но после того, как меня не избрали в Госдуму в 1996 году, продолжилось выделение миллиардных сумм на погашение по долгам программы «Урожай-90» и, конечно, параллельно продолжилось расследование по уголовному делу «Истока»...

Куда шли эти деньги? На предвыборные кампании, на какие-то левые расходы? Это было прямое воровство средств из государственного бюджета. И для того, чтобы безнаказанно красть, им нужно было только одно — бесконечное уголовное

дело. Чтобы объявить: «Идет уголовное дело по чекам “Урожай”, и, чтобы компенсировать потери колхозников, мы выделяем деньги...»

Сумма, которая была выплачена за все эти годы, начиная с Гайдара и кончая Черномырдиным, — пять-шесть миллиардов рублей, то есть порядка одного миллиарда долларов.

Эти деньги продолжали списывать и дальше. Если посмотреть бюджеты 1998 и 1999 годов, я уверен, вы найдете и там выделенные средства на погашение несуществующих убытков от программы «Урожай-90»...

На самом деле, о крупных аферах, которые произошли в период с 1991 года, можно рассказывать очень долго — я знаю многих участников и конкретные суммы. Эти аферы периода накопления начального капитала происходили во всех странах, но по масштабам Россия, конечно, была вне конкуренции...

Распроставшись с Павличенко, я нелегально переехал в Швейцарию. Визы у меня не было, но я положил пять миллионов в швейцарский банк, менеджер которого жила в маленьком французском пригороде, а работала в Женеве. Так, кстати, там делают очень многие: во Франции недвижимость в два раза дешевле. Банкирша каждый день ездила туда и обратно, и, конечно, ее машину не проверяли. Она съездила за мной во Францию, посадила в машину, и я нелегально въехал в Швейцарию, имея российский паспорт с французской визой.

Она привезла меня в Женеву, и буквально через несколько дней я обнаружил, что за мной следят и здесь.

Помню, в резиденции Монблан, в которой я поселился, спускаюсь как-то на лифте, а в холле стоят двое русских и разговаривают: «Слушай, сегодня в Женеве хорошая погода, а вчера был дождь...» Ну что, думаю, бывает, хотя в то время русских за границей было мало. Возвращаюсь через некоторое время, на том же месте стоят двое других русских, и один говорит другому: «Ты знаешь, сегодня солнце, а вчера ведь шел дождь...»

Было одновременно очень страшно и забавно. Я выглянул из окна: смотрю, стоит машина с заведенным мотором, два че-

ловека сидят впереди. Потом она уехала, зато появилась другая, встала аккуратно на то же место, и опять два человека спереди сидят и мотор не глушат.

Я взял спиннинг, спустился, а тут мини-автобус подъехал, вышло еще несколько русских. Агентурная сеть! Я пошел с этой удочкой мимо них в магазин, купил себе парик, вышел на набережную. По городу за мной не следили. Тогда я поехал на вокзал, сел в поезд и уехал в город Фрибург в предгорьях Швейцарских Альп!

Поселился там в пятизвездочной гостинице, стал ходить на рыбалку — я же большой любитель этого занятия. Где-то на третий день захожу в лифт. Следом за мной — какой-то человек. И вдруг он обращается ко мне на «ты» и спрашивает по-русски: «Ну что, рыбу сегодня поймал?»

Девушка, которая работала в баре гостиницы, вызвала ночью такси, и я в чем был прыгнул в машину и уехал в другой город — Монтро, оставив ей сумму рассчитаться с гостиницей. Как в детективе или в фильме про Джеймса Бонда.

Таких историй со мной в Швейцарии было великое множество. Агенты КГБ мне всячески давали понять: нигде тебе от нас не укрыться. Когда поступит приказ, мы тебя сразу же арестуем.

Сделать это в Швейцарии было крайне просто: подкинуть мне в гостиничный номер пистолет или наркотики, а затем заявить анонимно в полицию. Меня тут же бы взяли, а потом появилась бы нужная шумиха: народный депутат России, сбежав из страны, пойман с поличным за хранение наркотиков и незаконного оружия. Да и из подброшенного оружия могли кого-то накануне убить... Русского эмигранта, например.

Но мне надо было что-то делать с документами. Нелегально оставаться в Швейцарии было весьма опасно. Один швейцарский адвокат состыковал меня с английской фирмой-посредником, которая продавала гражданство в странах, где существовали программы натурализации для привлечения инвесторов. Желаящим получить гражданство надо было просто внести определенную сумму денег на государственный счет такой страны, и претенденту выдавали паспорт.

Я выбрал Доминиканскую Республику: размер инвестиций там был двадцать пять тысяч долларов. Приехал специальный представитель и привез паспорта мне и заодно Елене, моей секретарше, которую я решил вывезти из России..

Когда я уехал, Лена ушла с работы и жила на те деньги, которые я ей оставил. Друзья помогли ей получить визу в Швейцарию, чтобы она могла приехать ко мне...

А я думал, что делать дальше. В конечном итоге все мысли сводились к одной: я устал, я не хочу ничего делать, потому что абсолютно уверен, что Ельцину и российскому парламенту осталось доживать какие-то считанные дни...

Мне хотелось одного — забыть обо всем, уйти на пенсию и заняться хозяйством где-нибудь в Аргентине или Парагвае.

При этом я нисколько не сомневался, что не сегодня-завтра иммунитет будет с меня снят, меня арестуют здесь на следующий день, а потом посадят в «опечатанный» вагон и депортируют из страны.

Я ждал очень серьезных провокаций.

Но все же Бог миловал, и мне ничего не подбросили и даже не сообщили швейцарским властям, что я нелегально нахожусь в их стране. Теперь я понимаю, что так и было задумано. Все, что им было нужно, — знать, где я нахожусь, чтобы не упустить случая.

Они ждали момента, который был совершенно четко определен: 19 августа 1991 года. Они были уверены в успехе переворота. И тогда я был бы немедленно арестован. Мне потом говорили люди — защитники Белого дома во время путча, которые видели списки для немедленного ареста.

Моя фамилия стояла то ли восьмой, то ли девятой — после Ельцина, Силаева, Лужкова, Бочарова и еще нескольких человек...

Я был им нужен как знаковая фигура, чтобы судить в моем лице кооперацию в России как явление. Меня забрали бы как международного спекулянта, привезли в Москву и судили в закрытом процессе. Приписали бы, наверное, не только криминал в Швейцарии, но и участие в рэкрете, а может, и шпионаж в пользу американского империализма.

И был бы желанный для Горбачева процесс «Об оскорблении чести и достоинства президента СССР», который бы я тоже проиграл.

Я абсолютно до сих пор уверен в том, что если бы государственный переворот в августе 1991 года удался, Горбачев через неделю вернулся бы из Фороса. Конечно, он был в курсе событий и в последний момент просто «кинул» своих подельников, отрекшись от них. Сам же переворот был сделан этими людьми так же глупо и бездарно, как они прежде руководили страной.

Когда я смотрел по телевизору на дрожащие руки Янаева, якобы организатора переворота, то понимал, что он был всего лишь пешкой, которой Горбачев по недоразумению поручил заняться переворотом...

Но пока еще шел июнь 1991 года, и я мотался по городам Швейцарии, уходя на какое-то мгновение от слезки, которая сразу же возобновлялась. Швейцария сама по себе полицейское государство, уступающее в этом разве что Франции. Это не то место в мире, где можно от кого-либо укрыться. Только с деньгами Марка Рича это было бы возможно. Но моих скромных капиталов для этого явно не хватало.

Я ни с кем не выходил на контакт, и моя жизнь превратилась в постоянное слушание радио «Свобода» — психологически я не мог оторваться от России.

Даже когда в российских газетах появились сообщения о том, что я ранен в голову в Швейцарии, явно спровоцированные КГБ, я никак на это не отреагировал. Я действительно просто для всех исчез. Я не звонил ни Тихонову, ни Лене, потому что знал: их всех прослушивали.

- - -

Наконец Лена приехала. Ее встречал мой швейцарский адвокат. Первым делом пришлось выкинуть оба ее чемодана: там могли быть поставлены «жучки». Горными дорогами ее провезли во Фрибург, где я вновь находился, причем Лена даже не знала, кто и куда ее везет...

Так мое одиночество закончилось. Я был свободен, у меня были деньги — чуть меньше шести миллионов долларов. Я знал, что

могу доказать в любом суде, что это деньги мои, они — прибыль частной французской компании «Исток», законно инвестированная в акции. И главное — я был наконец с Леной вместе, нормальная парочка из двух граждан Доминиканской Республики, которым разрешалось жить в Швейцарии безо всяких виз.

Лена до этого никогда не выезжала за границу. Тем не менее она оказалась гораздо более подготовленной к эмиграции, чем я. Она долгие годы читала заграничные модные журналы, хорошо знала английский язык и всегда была настроена к СССР по-диссидентски. Она всегда мечтала выйти замуж за кого-нибудь, кто работает за границей, а лучше за иностранца и уехать из Советского Союза. И для нее это была просто сказка, которая, как и положено, закончилась венским балом. Мы поехали в Вену, на очередной конгресс молодых миллионеров. И там во дворце нас принимал сам канцлер Отто Шульц!

А потом мы полетели в Лондон погостить у моего друга по Клубу молодых миллионеров, лорда Дэвида Беркера. Он рассказал мне, что, когда в газетах появилась информация, что меня преследуют, многие члены УРО договорились и стали каждый день звонить по телефону не только Лене, но и в разные правительственные организации, включая КГБ и МВД, — чтобы создалось впечатление, будто вся заграница интересуется Тарасовым. И если бы меня арестовали, на Западе, безусловно, профинансировали большую кампанию по моему освобождению. Мне, конечно, это было очень приятно слышать...

Однако нужно было решать, что делать дальше. Я позвонил еще одному своему другу, очень крупному фермеру из Аргентины, и он сказал, что мы можем приехать к нему на постоянное местожительство в Аргентину и что он будет нам очень рад.

Мы уже купили билеты, но жена Дэвида, которая подружилась с Леной, начала нас отговаривать. Она была недавно в Буэнос-Айресе и расписывала все в черных красках: мол, это страшное место, там у женщин сумочки вырывают прямо на улице...

В результате Лена заявила, что хочет не в Аргентину, а в любую цивилизованную страну. И мы стали думать, где взять такую цивилизованную страну, в которой бы меня не трогали.

К примеру, Франция была исключена: там оставался Павличенко, его «вели». И вообще официально я из Франции не уезжал, поэтому мог быть арестован за нарушение границы.

Тогда мы решили начать со Штатов. Поехали в посольство США в Лондоне, и, когда я сказал, что являюсь членом УРО, нам с Леной немедленно поставили многократные визы на десять лет вперед.

Это было замечательное путешествие! В Сан-Диего нас ждал мой друг Даг Манчестер. Мы поехали в Сан-Франциско, потом посетили Колорадо, Канзас, Флориду...

Вся Америка была перед нами, потому что в каждом штате, в каждом городе я мог набрать домашний телефон из своего каталога и позвонить еще одному члену Клуба молодых миллионеров. Все были к нашим услугам и счастливы с нами повидаться.

Наша поездка продолжалась до 19 августа — дня, когда случилась попытка переворота в России. Во мне неожиданно проснулись настолько сильные патриотические чувства, что я сказал Лене:

— Нам надо срочно все бросать и ехать в Европу! Купим большой дом — комнат на тридцать—сорок, чтобы принять беженцев, моих друзей с семьями...

Мы тут же рванули на юг Испании, сняли там самую большую виллу. И я договорился об аренде огромного трехэтажного дома неподалеку.

Испания в то время готовилась стать европейской Калифорнией и была застроена огромным количеством домов. Все они пустовали, ожидая будущих туристов. Поэтому их можно было снять очень дешево. Например, наша вилла — пять комнат с бассейном на самом берегу моря — стоила всего тысячу восемьсот долларов в месяц!

В те дни я круглосуточно смотрел телевизор и слушал радио, даже засыпал с наушниками. Уже потом я понял, что Горбачев сыграл огромную роль в этом перевороте, но сам остался чистым и в стороне.

И когда показали исторические кадры, как бедный, бледный, несчастный, закутанный в одеяло президент вернулся

в Москву и заявил, что мы теперь будем делать новый Союз, я понял, что это конец и мне нельзя возвращаться в Москву ни в коем случае.

Я решил каким-то образом заявить свою позицию и отправил Ельцину письмо. Во-первых, я передавал ему замороженные девять миллионов долларов, оставшиеся в России на счетах «Истока». Просил разморозить их во Внешэкономбанке и использовать на строительство новой, независимой России.

Во-вторых, я попросил вывести меня из состава депутатского корпуса, поскольку искренне считал, что не имею морального права занимать место, на котором должен быть человек, защищавший Белый дом.

Я призвал последовать моему примеру всех депутатов, которых в этот момент в Белом доме не оказалось. Кроме того, я послал свой депутатский билет и значок. И в заключение написал: для меня возвращение в Россию невозможно, пока Горбачев является президентом Советского Союза. Он испортил мою судьбу и судьбы многих моих друзей...

Когда Ельцину доложили об этом письме, он сказал:

— Давайте не будем выносить сор из избы. Передайте Артему Михайловичу, что до конца года ничего рассматриваться не будет...

А потом вдруг выступил мой заместитель по «Истоку» с сенсационным заявлением: письмо написано не рукой Тарасова! И вообще есть сведения, что Тарасов убит спецслужбами в Швейцарии.

Кто пустил этот слух, не знаю. Филатов и Старовойтова сделали официальный запрос французскому и швейцарскому правительствам. Французы ответили, что Тарасов скрывается на территории их страны и официально никуда не выезжал.

Швейцарское правительство дало такой ответ: в принципе у нас один Тарасов зарегистрировался, но он доминиканец, а о русском Тарасове мы ничего не знаем.

А я в это время загорал в Испании...

Казалось бы, все прекрасно — мы решили просто отдохнуть на вилле, наслаждаясь природой и спокойствием. Море, солнце, рыбалка... Первую неделю мы были очень довольны.

Но скоро я понял, как трудно человеку без работы. Мы проспались часов в девять утра, а в одиннадцать солнце уже палило страшным образом, начиналась сиеста. Все кругом вымирало! Люди расходились по домам, закрывались магазины, лавочки, ларьки... Лежать на солнце было невозможно, сидеть в тени на пляже жутко утомительно. И что делать?

Лена вышивала гобелены, а я брал удочку и шел ловить рыбу куда-нибудь под мост, в глубокую тень. И так каждый день!

Вечером мы отправлялись за покупками. Восторг перед западными магазинами быстро исчез, а вместе с ним и желание что-либо покупать. Но мы жили в маленьком курортном городке Марбела, и пойти там было просто некуда. Возвращались домой и смотрели телевизор, не понимая ни одного слова по-испански... Так мы прожили месяц. Устали до тошноты. Потом отправились в Италию, а затем обратно в Гибралтар. И в итоге опять приехали в Англию к Дэвиду Беркеру. И там остались жить.

— — —

Вообще мое положение в Лондоне было достаточно уникальным. Это сегодня русская община в Англии перевалила за двести тысяч. А тогда нас насчитывалось всего несколько тысяч человек, включая официальных представителей посольства и торгпредства, которые всегда жили очень обособленно — сидели на работе от звонка до звонка, а потом, постоянно опасаясь чего-то, возвращались домой.

Поэтому, когда я брал такси и кэбмен узнавал, что я русский, у него был настоящий шок: ведь он никогда в жизни не видел живого русского!

Бывали случаи, когда таксисты не брали с меня денег только потому, что мы поговорили о России. Первый же вопрос был о Горбачеве: а где он, а что с ним случилось, мы его так любим...

Впрочем, мной интересовались не только кэбмены, но и финансовые магнаты. Меня пригласили на работу в фирму «Дюпон», я познакомился с Эдмондом Ротшильдом и стал консультантом «Ротшильд банка» — мне платили за консуль-

тации от трехсот фунтов стерлингов до нескольких тысяч. И я увеличил свое состояние за очень короткое время.

Ко мне обратились представители «Соломон бразерс» и «Ферст Бостон банк»: они решили создать рынок российских ценных бумаг и хотели узнать мое мнение, с каких компаний начинать.

Я им посоветовал выбрать ЛУКОЙЛ, который имел огромные инвестиции в мексиканскую недвижимость и счета по всему свету.

Самому ЛУКОЙЛу это было очень выгодно: он получал реальные доллары из воздуха и мог рассчитаться с клиентами, которым задолжал, не поставив обещанную нефть.

Первый размер эмиссии акций ЛУКОЙЛа составил около трехсот миллионов долларов, а число покупателей выросло за два месяца с двух до шестидесяти. И среди них были не только банки, но и частные лица.

Так на моих глазах начал создаваться рынок российских ценных бумаг за рубежом.

Он сразу оказался кормушкой для многих крупных чиновников в России. Как только они выходили в отставку, к ним бросались инвестиционные банки и предлагали создать фонд, который потом получал зеленую улицу на покупку всевозможных акций и появившихся позже различных государственных обязательств. Эти люди были в то время нарасхват. «Варбург» — огромный банк — создал свой фонд с гендиректором Российской инвестиционной компании Петровым, доверенным лицом Ельцина; «Морган Гренфильд» и «Миис Пирсон» — с Нечаевым, бывшим министром финансов. Мне тоже предлагали создать инвестиционный фонд, но я напрочь не верил в эти ценные бумаги. Я чувствовал, что эта торговля как появилась, так может и рухнуть, люди за рубежом в конце концов поймут, что акции в России ничем не обеспечены.

И, как ни странно, это был мой просчет. Потому что к середине 93-го года фонды, ориентированные на российский рынок, стали расти динамичнее всех остальных в мире. И тот, кто вовремя сориентировался, заработал очень много денег...

Конечно, общением с иностранцами я не ограничивался. Очень многие бизнесмены и политики приезжали ко мне из России. Я начал восстанавливать свои старые связи. Позвонил Лужкову, и тот сказал: «Артем, как хорошо, что ты объявился, мы у тебя в Англии будем на Рождество!»

И действительно, вскоре появился Лужков в сопровождении двух незнакомых мне людей — Владимира Гусинского и Александра Хаита. Они в то время еще только притирались к московскому правительству. Гусинский недавно открыл «Мост-банк» и приехал в Лондон, чтобы установить корреспондентские связи с банком «Барклайз» и положить пять миллионов долларов — это были все его накопления...

Гусинский мне не понравился с самого начала. Первым делом он сообщил, что был в комиссии, которая проверяла «Исток».

— И как? — спрашиваю.

— О, мы много всего накопили! Достаточно для уголовного дела, — радостно заявил он.

В то время Лужков его ни во что не ставил и даже этого не скрывал. Он говорил:

— Артем, ты мне нужен в Москве, собирайся и поехали! Я абсолютно с тобой согласен, что самый главный подлец в этой истории — Горбачев. Но сейчас мы получили полную свободу, я тебя, если хочешь, назначу одним из министров в московском правительстве. А то видишь, с какой сволочью мне приходится сейчас иметь дело, — и показал рукой на Гусинского...

Гусинский эту пилюлю съел. Но не забыл об оскорблении никогда.

Я принял Лужкова очень тепло — и, как ни странно, это мне сильно повредило в наших будущих отношениях. У Гусинского вся программа визита мэра Москвы была расписана. Он привез Лужкова за свои деньги и хотел использовать его присутствие самым выгодным для себя образом.

А я предложил Лужкову контрпрограмму — с походами в театры, клубы, на собачьи бега... Конечно, Лужкову это понравилось гораздо больше.

Поэтому он приезжал на какую-то назначенную Гусинским встречу, например в юридическую фирму «Berwin Leiton»,

делал пятиминутный доклад, после чего говорил: вот Гусинский и Хаит остаются, а мы, извините, опаздываем в театр!

И мы вместе с Лужковым, его женой Леной Батуриной, с Ресиным и его женой Мартой отправлялись на очередное культурное мероприятие.

Конечно, Гусинский был очень всем этим обозлен и недоволен, хотя никак свои эмоции внешне не проявлял. Более того, он начал меня уговаривать стать представителем «Моста» в Англии. Спрашивал совета: стоит ли купить недвижимость в центре Лондона? Я говорю: «Конечно, это здорово!»

В результате он купил в районе Челси большой дом — и не прогадал. Квартиры стоили тогда около двухсот тысяч фунтов, а уже через год их можно было продать за четыреста тысяч...

Гусинский тоже приехал в Англию вместе со своей женой Леной, которая была беременна. Он ее оставил в Лондоне, и мы с моей Леной всячески ухаживали за женой Гусинского, чтобы как-то ее поддержать и чтобы ее роды прошли нормально...

А вскоре ко мне в гости приехал Аркадий Мурашов — начальник московской милиции. Мы с ним пошли в ресторан, выпили. Он рассказал, что Петровка, 38, все еще ведет дело по «Истоку» и что он ничем здесь помочь не может...

— Я все понимаю, Аркаша, конечно, — соглашался я.

— Ты не представляешь, как мне сложно! — сокрушался Мурашов. — Взрослые мужики, генералы стоят по стойке «смирно», отдают честь... Мне уже предлагали чин генерала, я отказался — решил остаться абсолютно штатским.

Меня удивило, что Мурашов как-то очень настойчиво расспрашивал меня о Лужкове: с кем он был, что говорил. Мне и в голову не приходило, что между ними уже пробежала черная кошка и что вскоре наши отношения с Лужковым тоже будут прерваны.

Глава 8 СУЕТА С У.Е.

Я с самого начала советовал своему приятелю М. не лезть в это дело. Но я был в Лондоне, а переговоры велись в Моск-

ве. Что я мог доказать по телефону? Тем более что контракт, предложенный знаменитым швейцарским банком UBS, выглядел очень заманчиво. Еще бы: ведь он гарантировал получение двухсот процентов годовых, если вклад будет не меньше десяти миллионов долларов.

Приятель послал мне проект контракта по факсу, и после внимательного изучения я так и не нашел, к чему придраться. Текст был составлен опытными юристами, все гарантии и штрафы четко прописаны. Да и вообще — как можно усомниться в авторитете банка UBS! И только интуиция подсказывала мне, что дело нечистое. Нет таких годовых процентов в капиталистическом мире. Это же не Россия!

Однако М. не стал прислушиваться к моим интуитивным сомнениям и вылетел в Цюрих. В аэропорту их встретил сам вице-президент банка на шикарном и редком для Швейцарии «Роллс-Ройсе». Их отвезли в феешенбельный Dolder Grand Hotel, где за счет банка были сняты два пятикомнатных президентских люкса.

На следующий день наших бизнесменов доставили в банк, где у служебного подъезда их уже ждали несколько высокопоставленных служащих. В совещании в огромном овальном зале UBS на третьем этаже приняли участие еще несколько человек: юристы и топ-менеджеры банка. Вскоре контракт был ратифицирован сторонами и готов к подписанию. Нужно было внести в текст только небольшие коррективы. После бутылочки коллекционного шампанского гостям предложили немного прогуляться по городу, разумеется, в сопровождении русскоязычного переводчика, который со вчерашнего дня неотступно следовал за ними.

Но поскольку мой приятель М. довольно прилично говорил по-английски, то отпустил переводчика пообедать. С ним договорились встретиться у банка через тридцать минут. А сам М. заглянул в «Картье», чтобы купить очередные часы с бриллиантами, да на счастье вспомнил, что забыл на стуле в овальном зале свою папку с кредитными карточками и документами.

Поскольку банк располагался неподалеку, логично было возвратиться. На этот раз бизнесмены собрались зайти в банк через его центральный вход...

— Мы тут недавно были, на третьем этаже, — сказал М. охраннику, протягивая визитку члена правления UBS. — И я забыл папку в зале для переговоров.

— Одну минуту! — бодро ответил тот. — На третьем этаже у нас вычислительный центр. Вы не перепутали этаж? Туда посторонних не пускают! Подождите.

Через считанные секунды появился начальник отдела безопасности банка с двумя вооруженными охранниками. Он повертел в руках визитные карточки членов правления UBS и сказал:

— У нас в банке господа с такими фамилиями не работают!

— Но мы туда поднимались на третий этаж! — настаивал возмущенный М. — Через ваш служебный вход! С улицы, там, за углом!

— В нашем банке только один вход, — терпеливо объяснял начальник охраны. — А за углом — это уже не наше здание...

— Но как же моя папка? — удивился М. — И контракт у нас готов. Уже и счет для перевода денег в UBS мне дали! Я даже инструкцию о переводе денег подготовил...

Из всех аргументов реальным оказался только один — по поводу счета в банке UBS, куда завтра должны были поступить десять миллионов долларов. Счет был открыт на оффшорную компанию, владельца которой так и не нашли. Эта компания арендовала помещение в соседнем доме, примыкающем к банку UBS. В соседнем подъезде арестовали только двоих, а остальные члены фиктивного банка скрылись. М. и его товарища тоже забрали в изолятор и после долгих допросов и суток, проведенных под арестом, возвратили папку с документами, которая спасла им жизнь.

А от масштабов размаха оффшорной компании просто дух захватывало: ведь за полгода с небольшим эти аферисты успели нагреть десяток новых русских напополам со старыми арабами. Сделка с М. планировалась чуть ли не последней, перед тем как закрыть лавочку и смыться с более чем солидным капиталом «обманутых вкладчиков».

Вскоре по этому делу арестовали еще несколько человек, но основная команда, кем-то предупрежденная, благополучно смылась...

— Что тебе сказать? Не пользуйся в будущем служебными входами! — посоветовал я М. по телефону.

— — —

О международных аферистах я мог бы написать не одну книгу, ведь опыт общения с ними у меня просто огромный, еще с советских времен. Как только у нас разрешили предпринимательскую деятельность, в страну хлынул поток сомнительных личностей из-за рубежа. В основном это были полунцие искатели приключений — что-то вроде пионеров Клондайка. Но любой иностранец, у которого было в кармане больше ста долларов, мог спокойно представляться английским миллионером, и ему верили, и вели переговоры на самом высоком уровне, и подписывали контракты...

К примеру, один такой герой умудрился за месяц пребывания в России подписать восемьдесят протоколов о создании совместных предприятий. Причем его партнерами стали завод «Энергия», московский ЗИЛ и даже хозяйственное управление Кремля!

Распорядиться этими бумагами можно было по-разному. Например, утверждать за границей: смотрите, кто я, сколько людей я представляю в Советском Союзе, — и под это собирать деньги.

Или другой вариант: все данные просто передавались в ЦРУ. Ведь во время знакомства с предприятиями их директора запросто открывали иностранцам самые секретные технологии...

Заграничные гости обычно обращались прямо в городской муниципалитет или в горком КПСС, откуда получали направления на предприятия и в преуспевающие кооперативы. Естественно, мой друг Громин, отвечавший в Моссовете за кооперацию, рекомендовал иностранцам посетить мой кооператив «Техника». Особую положительную роль играло и то, что мы сняли офис в Международном выставочном комплексе на Красной Пресне в Москве.

Таким образом я и познакомился с миллионером из Австрии по имени Франц Шварц. Он предложил поставить нам

в СССР очень интересную вычислительную технику, компьютерные тренажеры, которые могли обучить человека всему — от вождения самолета до управления макроэкономикой.

Мы закупили эти машины, и они понравились всем: качество прекрасное, австрийская сборка, по словам Франца, произведенная на его собственных заводах. А вскоре Франц пришел в наш офис и говорит:

— Слушайте, я нашел прекрасный бизнес! Купите мне партию «КамАЗов» — и я даю гарантию, что каждый такой грузовик обменяю на десять персональных компьютеров!

Мы быстро прикинули: один компьютер стоил пятьдесят тысяч рублей, а «КамАЗ» по специальной розничной цене для кооперативов — семьдесят тысяч. То есть за семьдесят тысяч рублей можно было купить десять компьютеров и, продав их, получить пятьсот тысяч! Это же четыреста тридцать тысяч рублей чистой прибыли!

Бизнес казался настолько привлекательным, что я бросил все и поехал в Набережные Челны — покупать штук семьдесят «КамАЗов». Задача оказалась непростой, хотя бы потому, что ни денег на покупку грузовиков, ни фондов на эти машины у нас просто не было...

Франц вел себя очень интересно. Он уверял нас в том, что настоящие бизнесмены не подписывают контрактов! Это какая-то чушь, бумажка! Рукопожатие бизнесмена — вот сто-процентная гарантия... И мы ему верили — у него был частный самолет, респектабельная внешность и русская красавица жена. Что еще нужно для полного доверия между партнерами?

Вскоре Франц привез нам в качестве образцов пять компьютеров. Мы поставили их в офисе, снабдили компьютерными программами наших умельцев, Чижова и Веселова, — и эти компьютеры сразу стали пользоваться колоссальным успехом.

У нас появилось множество клиентов, и еще каких! Институт космических исследований, Институт биохимии, Институт онкологии, крупные военные «почтовые ящики» — всем требовались компьютеры. Валюты у наших клиентов, конечно, не было, зато рублей сколько нужно и даже больше.

И тогда мы пошли на совершенно дикий способ, который мог привести нас в тюрьму и к расстрелу, — мы стали брать авансом деньги под будущие поставки компьютеров. Причем если мы и старались брать поменьше — тысяч десять—двадцать, предприятия страшно этому противились, желая перечислить деньги все и сразу.

Во-первых, это давало им уверенность в получении желанных компьютеров. А во-вторых, они получили бы на следующий год дополнительные деньги от Госплана, истратив средства бюджета этого года. Был тогда такой парадокс: чем больше предприятие истратит денег, тем больше можно было заказать на следующий год из бюджета. Это и называлось плановой централизованной системой управления государством. Я знал директоров заводов, которые в конце года, чтобы выполнить план расходования средств, закупали все, что только попадалось им под горячую руку. Так, Щелковский химический завод в Тульской области за чем-то приобрел доильные аппараты.

Но недостижимой вершиной этой деятельности для меня остается приобретение заводом «Серп и Молот» в качестве подсобного хозяйства целого острова в африканской республике Острова Зеленого Мыса. Все хорошо, но одну мелочь в спешке приобретения не учли — на острове не оказалось пресной воды. Тем не менее долгие годы он числился на балансе «Серпа и Молота» — как заграничная база отдыха для рабочих.

— — —

Собрав деньги, я вновь полетел в Набережные Челны и очень скоро стал на заводе по производству грузовых автомобилей «КамАЗ» своим. Мне выписали пропуск, и я расхаживал по цехам, здороваясь за руку с инженерами и начальниками цехов.

В цехе ширпотреба мое внимание привлекли алюминиевые кастрюли для приготовления индеек и гусей. Их выпускали тысячами в день, но, поскольку такого количества гусей и индеек в Набережных Челнах отроду не водилось, сбыта у этой продукции не было вообще. Одна гусятница весила три кило-

грамма и состояла из чистого алюминия. При этом в рознице она стоила всего три рубля.

«Если купить тысячу гусятниц за три тысячи рублей, получится три тонны чистого алюминия, — прикидывал я. — Переплавлять их обратно в металл не надо, можно просто экспортировать как изделия. А за границей три тонны алюминия стоят четыре тысячи восьмьсот долларов — или целых шесть компьютеров. Продав в России шесть компьютеров, можно купить уже сто тысяч гусятниц и получить тридцать миллионов рублей чистой прибыли!»

От бизнеса с гусятницами меня отвлекла только встреча с генеральным директором КамАЗа. Мне удалось произвести на него хорошее впечатление, и вскоре семьдесят два грузовика, купленные на кредитные деньги предприятий, были отправлены в черноморский порт Ильичевск. Весь порт был забит новенькими грузовиками марки «КамАЗ»! О, это было незабываемое зрелище, смотри хоть с земли, хоть с вертолета!

Довольный, я примчался к Францу с фотографиями этой грандиозной картины. А он мне вдруг заявляет:

— Все в порядке: компьютеры для вас уже собираются на австрийском заводе. Одна проблема: у этих грузовиков маленькие борта, которые мешают использовать их для перевозки зерна. А мы отправим их не в Австрию, а в Марокко и в Египет возить зерно!

Я снова поехал к генеральному директору КамАЗа и закупил дополнительные борта, которые наращивались на каждый грузовик. Увидев это, Франц сказал:

— Я узнал, что в Ставрополе выпускаются прицепы к этим грузовикам. Хорошо бы к каждому «КамАЗу» еще купить прицеп! И тогда — все, немедленно начинаем выполнение сделки.

Один прицеп стоил дополнительно еще десять тысяч рублей. Мы помчались в Ставрополь и договорились об их сверхплановом производстве, хотя я уже чувствовал: происходит что-то не то.

«Разве в Египте и в Марокко растет зерно? — сомнения мучили меня по ночам. — Да бог его знает! Я ведь за границей

еще никогда не бывал, тем более в Северной Африке. Однако, судя по карте, там должна находиться пустыня Сахара, неужели там научились выращивать урожай?»

Слава богу, мы не успели оплатить прицепы из Ставрополя. Потому что очень скоро Франц Шварц просто-напросто исчез! Месяц, полтора его телефон молчит, грузовики в порту, ничего не происходит, порт выставляет штрафы и умоляет убрать куда-нибудь грузовики — жуткая ситуация!

— — —

Организации, которые перевели нам деньги, стали требовать компьютеры. К ноябрю 1988 года мы были должны пять миллионов рублей — деньги по тем временам огромные, больше пяти миллионов долларов США! А мы сидели и ждали Франца, не веря, что он может сделать такую подлость.

И тут нам фантастически повезло: французская фирма «Бюль» предложила поменять свои компьютеры на аммиачную селитру и фосфатные удобрения, которые должны были отправиться в славный город Хошимин, где французы вели активный бизнес с вьетнамцами.

Мы начали сделку, заплатив только пятьдесят тысяч рублей, и очень скоро получили семьсот компьютеров, то есть не только отбили долги и покрыли стоимость «КамАЗов», но и заработали почти двадцать пять миллионов рублей чистой прибыли!

Но, главное, благодаря этим операциям мы испытали на практике уникальный бизнес, основанный на разнице внутренних и внешних цен. Эта идея родилась у меня еще в тот момент, когда я увидел камазовские гусятницы. И вскоре кооператив «Техника» уже заработал колоссальные деньги и стал ворочать десятками миллионов рублей и долларов.

Прослышав о таких успехах, Франц Шварц опять возник на нашем горизонте. Он появился как ни в чем не бывало, объяснив, что та сделка сорвалась, потому что покупатели неожиданно взяли другие грузовики, а у «КамАЗов» была проблема с поставкой запасных частей. Ну бывает — испугались арабы обслуживания советских грузовиков и все такое. А свое исчез-

новение Франц объяснил очень романтично: дескать, потерпел крушение на собственном самолете в лесах Амазонии, где очень долго его не могли найти, а потом лежал без сознания в госпитале города Манаус.

Я категорически отказался иметь дело со Шварцем, а мой заместитель Толик не хотел и не мог простить австрийца и собрался Францу отомстить. Он сообщил мне, что разработал оригинальный план мести, который и был вскоре осуществлен.

Первым делом Толик встретился со Шварцем наедине и предложил:

— Слушай, Тарасов так тебе и не поверил! А я верю! Черт с ними, с этими грузовиками, забудем! Тебе случайно лес не нужен? У нас сейчас в Новороссийском порту застряли сотни тысяч кубометров леса, и мы готовы поменять его на компьютеры. Давай провернем это дело без Тарасова. Он так на тебя разозлился...

Никакого леса, конечно, у нас и в помине не было.

Франц подумал и говорит:

— Неужели так много? Экспортный лес? Я хочу немедленно его посмотреть!

Толик согласился, они назначили дату... За несколько дней до нее в славный город Новороссийск срочно вылетел наш человек. У него в порту было очень много знакомых. Он поставил по бутылке водки всем участникам операции: вахтерам, крановщикам, докерам, которые должны были выходить в нужную смену, и всех попросил: когда приедет иностранец и будет спрашивать, чей лес, — отвечайте: лес кооператива «Техника»!

Франц прибыл в Новороссийск вместе со своей русской красавицей женой, которую он захватил в качестве переводчицы. Наш человек встретил их как работник порта. И представление началось! Вахтерша, получившая четкие указания, сказала, широко улыбаясь:

— Ах, это вы — товарищ из кооператива «Техника»? Пожалуйста, проходите, здесь же все ваше!

Потом Франц отводил в сторону докеров, интересуясь, чей это лес, и все дружно отвечали: кооператива «Техника». Потом

они с женой расспрашивали заместителя начальника порта — нашего хорошего приятеля.

Тот сказал:

— Ну когда вы заберете в конце концов ваш лес, сколько можно его держать! Передайте там, в Москве, Тарасову, что порт практически завален вашим лесом!

Короче говоря, блефовали, играли все! И, как ни странно, никто не сорвался, план Толика удался на сто процентов.

Когда Франц увидел количество и качество леса, он тут же схватил самолет, помчался в Европу и стал этот лес продавать. Причем мы его снабдили огромным количеством липовых документов, но оформленных по всем правилам международных контрактов по торговле лесом. Нам помогли профессионалы из внешнеторгового объединения «Техснабэкспорт», выдав необходимую документацию.

Толик мне говорил:

— Только не вмешивайся, пожалуйста, я хочу этого человека разорить! И я его разорю за то, что он с нами сделал.

Франц заказал в счет будущей оплаты леса огромное количество самых дешевых компьютеров в Южной Корее и где-то на юге Китая, взял кредиты в банках на несколько миллионов долларов. Для этого ему пришлось заложить часть своего имущества, а заодно и совместное имущество партнеров по бизнесу в других странах. Кроме того, он продал авансом большую часть леса какой-то фирме, открыл специальные аккредитивы на сумму закупки, зафрахтовал гигантский сухогруз...

Когда он приехал в Москву и сообщил, что компьютеры уже есть и корабль «дал нотис» на погрузку в порту, Толик ему говорит:

— Есть одна загвоздка, Франц! Знаешь, все равно придется ехать к Тарасову, потому что его подпись должна быть под контрактом. Иначе лес не вывезти!

Приехали ко мне домой Толик и Франц с женой-переводчицей. Они привезли огромную бутылку коньяка, и Франц сказал:

— Брось ты, Артем, забудь об этих грузовиках! Это такая чепуха, а вот лесной контракт — это да! Это серьезно! Смотри, сколько я всего провернул за границей для его исполнения!

При этом Толик играл на стороне Франца. В его роль входило «убедить» меня в необходимости сделки с лесом. Он меня уговаривал, а я вел себя как известный лесопромышленник.

— Артем, наконец-то мы нашли покупателя, у нас есть бумага с завода в Корее, который запустил линию по производству компьютеров с русской клавиатурой. Специально для нас! — объяснял он мне. — Ты же знаешь, как в порту с нашим лесом мучаются. Какие штрафы мы платим ежемесячно!

И тогда я выдал одну, заранее заготовленную фразу:

— Хорошо, Франц! Я подпишу вам контракт, но только с единственной припиской: весь лес будет вывозиться на наших «КамАЗах»!

И тут австриец все понял. Франц побелел как полотно, встал и молча ушел. Потом мы узнали, что он числится в розыске Интерпола и ему закрыт въезд не только в Австрию, но и еще в целый ряд стран, где остались его кредиторы.

Это было жестоко, но справедливо! Так мы привыкали к «черной» стороне капиталистического бизнеса...

— — —

К нашему удивлению, Шварц появился еще раз уже в середине 89-го года. Это был для нас ужасный период: работу кооператива «Техника» власти практически остановили, все наши банковские счета заморожены, мы должны разным фирмам и предприятиям массу денег и компьютеров...

Франц объявляет:

— Господа, счет один:один! Больше я обманывать вас не собираюсь! Я навел справки и знаю, как вам сложно. Сколько вам надо компьютеров?

Тогда нас спасало хотя бы штук сорок. И он предложил один компьютер за тонну жидкости против замерзания масла для автомобильных двигателей под названием «тоссол».

Это было очень выгодное предложение: тонна тоссолла стоила всего пятьсот рублей, такие деньги мы вполне могли собрать.

Я спрашиваю:

— Франц, а ты нас не обманываешь?

— Не обманываю! Готов даже вперед привезти компьютеры, а потом уже вы отгрузите тоссол!

И действительно, через неделю Франц привозит все сорок компьютеров.

— Вот, смотрите, как я вам доверяю, — говорит. — Ведь мы столько вместе прошли!..

Мы рванули на Могилевский завод, где производили тоссол, организовали третью смену, оплатили сырье, электричество и продукцию и честно уже через две недели отгрузили Францу необходимые тонны продукта.

Так бы все и закончилось, если бы наш бухгалтер вдруг не захотела выяснить какие-то детали оплаты контракта. Она позвонила в компанию, которая отгружала компьютеры, и говорит:

— Здравствуйте, вас беспокоят из кооператива «Техника», нам нужно уточнить накладные... Ваш представитель Франц Шварц нам дал такие номера...

А ей отвечают:

— Все правильно, только это не наш, а ваш представитель Франц Шварц! И кроме тех накладных, которые вы продиктовали, где еще десять?

Оказалось, что Франц еще в начале знакомства украл у нас чистый бланк удостоверения члена кооператива. Вклеил туда свою фотографию, поставил печать и написал себе должность — заместитель председателя кооператива «Техника»...

С этим документом он поехал на завод, которому нужен был тоссол, и договорился, что за каждую тонну получит по пять компьютеров! Потом приехал в Россию и сказал, что за каждую тонну даст нам всего один компьютер. Все были рады: завод получил тоссол, мы получили компьютеры, а Франц снова обдурил нас на четыре компьютера с каждой тонны! Аж на 160 штук, или на восемь миллионов рублей!

Вполне возможно, компьютеры были те самые, которые он заказал под наш лес...

...А последний раз я услышал о Шварце уже в 1991 году, когда Лужков назначил меня председателем Совета по внешнеэкономической деятельности Москвы.

Среди огромного количества контрактов и предложений, которые поступали в комиссию, мне в руки попал колоссальный проект. Он очень сильно лоббировался тогда одним из заместителей мэра Москвы.

Некая фирма предлагала инвестировать двадцать миллионов долларов в открытие сети кафе быстрого питания. Фирма обещала работать только на рубли, используя их на внутреннем рынке. Никаких гарантий в обмен на двадцать миллионов долларов вообще не требовалось. Все оборудование вместе с ремонтом помещений и обучением персонала фирма поставляла вперед за свой счет!

Это блестящее предложение сопровождалось письмом на имя Лужкова и его резолюцией в правом углу: «Поддержать!» Письмо было отпечатано на роскошном золотом бланке, а внизу красовалась подпись: президент компании Франц Шварц.

Мне стало очень смешно. Я остановил контракт, но уверен, что не лишил при этом Москву сети кафе, а, наверное, спас еще несколько десятков миллионов для столицы и ее авторитет.

— — —

Благодаря другому международному аферисту я буквально чудом избежал гибели и, кроме того, заочно стал заклятым врагом господина Гайдара, в то время премьер-министра России.

Эта история началась в 1991 году, когда миллиардер Мохам Мурджани познакомил меня с ливанцем по имени Адель Нассиф, которого рекомендовал как своего друга.

Адель принес тогда множество оригинальных идей, которые в случае реализации могли принести фантастические доходы. К примеру, он раскопал, что где-то в Анголе есть огромный рудник бокситов, на разработку которого у Советского

Союза имелась многолетняя концессия. Раньше там жили больше тысячи российских рабочих, были даже построены железная дорога до моря и портовый терминал для загрузки кораблей бокситами. В 91-м, когда СССР рухнул, все уехали и рудник просто бросили, а Россия этим даже не заинтересовалась.

В ходе нашей проверки выяснилось, что про рудник действительно забыли — он вообще нигде не числился! Появился иностранный покупатель, который готов был заплатить сто миллионов долларов за право распоряжаться концессией СССР и давал еще десять процентов нам за посредничество.

Увы, поскольку ни в одном российском министерстве или ведомстве об этом руднике ничего не слышали, мы попросту не смогли раздобыть необходимые бумаги. Кто-то выбросил целый рудник, как вышедшую из хождения мелкую денежную купюру. Подумаешь, сто миллионов долларов! Тогда, после распада советской империи, это было в порядке вещей. Огромное количество собственности, принадлежавшей бывшему СССР, осталось за рубежом бесхозным...

Еще одна идея Нассифа впоследствии была неоднократно реализована. Он выяснил, что у России огромное количество разрешений на ловлю рыбы во всех морях и океанах. Но никто тогда рыбу не ловил: российскому флоту катастрофически не хватало валюты для оплаты рейсов, и он простаивал в портах, а частично начинал распродаваться за долги.

Те же голландцы были готовы платить миллионы, чтобы ловить рыбу там, где этого не делала Россия. И всего-то требовалось получить разрешение повесить какому-нибудь голландскому или норвежскому сейнеру российский флаг на время ловли рыбы.

Для осуществления таких проектов нам срочно нужен был выход на новую российскую власть, на правительство Гайдара.

Как выяснилось впоследствии, Адель Нассиф сам был крупным международным аферистом. Он обманул меня на пять миллионов долларов, но эта история настолько серьезно повлияла на мою жизнь, что о ней надо рассказывать отдельно...

А в тот момент Адель просто входил в мое доверие. Мне очень недоставало опыта ведения дел за границей, не хватало образования, и, кроме того, мне по-настоящему нравились его масштабные идеи.

Вскоре мы с Аделем открыли совместные компании и общий офис в центре Лондона. Его опыт ведения бизнеса и гарвардское образование великолепно сочетались с моим уникальным опытом предпринимателя в России. У меня оставались очень серьезные связи в правительстве и в Верховном Совете, ведь я уехал, будучи народным депутатом России, а мои соратники стали приближенными Ельцина. Я мог запросто позвонить Бурбулису, Хасбулатову, Филатову, Шахраю, Скокову, Лужкову и многим министрам... Меня все знали и прекрасно ко мне относились. «Паблсити» играло на меня и только позже превратилось из блага в тяжелейший гнет.

Однажды неутомный Адель предложил нам стать посредниками в одном очень щекотливом международном деле и хорошо заработать на ливийском лидере, на самом Муамаре аль-Каддафи.

Тогда в ООН рассматривался вопрос о выдаче Ливией мировому сообществу двух террористов, которые взорвали пассажирский «боинг» над Шотландией. Американцы и англичане настаивали на суде в Великобритании и ужесточении международных санкций ООН по отношению к Ливии. А Каддафи настаивал на том, что выдаст их только для суда в третьей стране.

От нас требовалось ни много ни мало организовать голосование России в ООН против позиции американцев и англичан! Тогда Ливия в благодарность соглашалась, во-первых, возратить свои долги России в размере 247 миллионов долларов поставками ливийской нефти. Во-вторых, предоставить России самые благоприятные права на торговлю и несколько сот миллионов долларов кредитов. А мы с Аделем могли получить от Каддафи двадцать миллионов долларов наличными за посредничество!

С этим предложением надо было выходить непосредственно на премьер-министра Гайдара. Мне подсказали, что есть один бизнесмен, некий Алексей, который устраивает с ним

встречи, являясь то ли его однокашником по университету, то ли другом детства. Вскоре Алексей позвонил мне по телефону, прилетел в Лондон и, выслушав предложение, тут же отбыл в Москву.

Через несколько дней мы встретились в маленьком городке на границе Франции и Швейцарии. Алексей заявил, что Гайдар очень заинтересовался нашим предложением и стоять это будет совсем не дорого: два миллиона нужно дать министру иностранных дел Козыреву, а шесть миллионов самому Гайдару.

Алексей назвал нам номер счета одного парижского банка, куда надо было перечислить деньги. Как только они придут, Россия моментально выступит в поддержку Ливии в ООН!

Мы с Аделем немедленно выехали в Женеву, чтобы встретиться с полномочным представителем Каддафи. В его офисе нас встретила толпа телохранителей с автоматами наперевес, и я слегка занервничал.

Ливиец был похож на «отца» мировой мафии: грузный, волосатый, с бычьей шеей и мешками под глазами. Его кабинет отличался неправдоподобной роскошью и казался иллюстрацией к сказкам Шахерезады.

— Прежде чем докладывать шефу, я хочу убедиться, что это не обман! — сказал он. — Давайте сделаем так: мы пошлем в Москву нашего официального представителя. И пусть его примет Гайдар! Мне не надо, чтобы он обсуждал с ним сделку — пускай просто примет, этого достаточно, и тогда я доложу Каддафи... А с деньгами проблем нет. Как и договорились — двадцать миллионов передам тут же. Прямо здесь, в этом кабинете!

Звоню Алексею.

— Пожалуйста, пусть прилетает! — говорит он.

И представитель Ливии вместе с Аделем полетели к Гайдару. В аэропорту Шереметьево их провели через VIP-зал и сразу повезли в Белый дом.

В приемной премьера скопилось огромное количество людей, никого не принимали. Но Алексей что-то шепнул секретарше — и через минуту из своего кабинета вышел сияющий и лоснящийся Гайдар, пожал ливийцу руку и повел к себе...

А дальше произошел примерно такой разговор. «Мы с Ливией друзья и прекрасно к вам относимся, — заявил Гайдар арабу. — И ваши долги нас очень интересуют. Если вы нашли способ их отдать — прекрасно! Я поддерживаю все ваши идеи и начинания!»

После этой «исторической» встречи ливиец с Аделем отправились отдыхать в гостиницу «Метрополь». Только я повесил трубку, выслушав восторженный рассказ Аделя, как позвонил Алексей.

— Я по поводу нашего дела. Цены изменились! К. надо заплатить не две единицы, а три. А сам Г. запросил не шесть, а пятнадцать...

Что было делать? Нам предлагали двадцать миллионов, если отдать восемнадцать, нам с Аделем все равно оставалось по миллиону долларов прибыли, что вполне устраивало.

— Тогда срочно переводите деньги! — говорит Алексей. — Мы ждем!

Я перезвонил Аделю в «Метрополь» и сказал, что цена изменилась, но она все еще укладывается в то, что нам обещано...

Тот говорит:

— Ерунда, нам уже премию обещали — еще десять! Мы завтра вылетаем в Ливию, туда же подтянется наш друг из Женевы — хочет все доложить лично Каддафи!

По шесть миллионов со сделки — да это просто чудо! В этот момент я был готов забыть все идиотские реформы Гайдара, с которыми не соглашался с первых же дней. Но это только в этот момент.

Однако голосование в ООН неожиданно перенесли на день раньше. И на следующее утро я включаю телевизор и слышу: «Россия поддержала позицию Европейского сообщества и США и проголосовала против предложения Ливии в ООН».

В это время Адель с ливийцем как раз направлялись в аэропорт — лететь к Каддафи...

Ай да Гайдар! Ай да сукин сын!

Наши жизни спасло только то, что Каддафи не успели сообщить о результатах переговоров в Москве и деньги не были от-

правлены в Париж. Иначе мы были бы немедленно уничтожены. Кто бы тогда поверил, что аферисты не мы, а представители российского правительства, которые решили взять «на лапу», а обещания не выполнить? И кому бы мы это объясняли?

Мог, конечно, аферистом оказаться всего лишь посредник Алексей. И тогда я неоправданно упоминаю Гайдара! Но уж очень показательной была та встреча в Белом доме без всяких протоколов и отсрочек: «Я поддерживаю все ваши идеи и начинания...»

Да и жизнь доказала обратное.

Не будучи лично знаком с Гайдаром, я вдруг стал его личным недругом. Неудивительно, что очень скоро он натравил на меня знаменитое сыскное агентство «Кролл». Оно было нанято правительством России для поисков миллионов долларов ЦК КПСС, вывезенных за рубеж.

— — —

Эпоха преуспевания западных аферистов в России проскользнула достаточно быстро. Уже к началу 93-го никто не принимал всех поголовно иностранцев за миллионеров и не создавал с ними дутых предприятий: все требовали гарантий банков, проверок этих гарантий, обеспечения обязательств и так далее...

Но когда наши люди выезжали на Запад, там по-прежнему их поджидали изысканные способы обмана и тысячи манипуляторов-иностранцев, готовых мать родную продать за несколько десятков долларов.

Попался на такую масштабную аферу и один из моих друзей. Ее раскручивали среди очень богатых мусульман, думаю, что в списке обманутых оказалось немало эмиратских шейхов, султанов и королей...

На моего друга — назовем его Ильяс — вышли некие посредники, которые поделились сенсационной информацией: в Иране найден уникальный клад с сокровищами императора Дария III! Это был правитель Персидской империи, который завоевал почти всю Среднюю Азию, Египет и Ближний Восток, а потом был разбит Александром Македонским. Из лич-

ных вещей Дария III до наших дней практически ничего не дошло. К примеру, в Британском музее хранятся только две тарелки той эпохи да несколько монет...

А тут якобы случайно найдены несметные сокровища! Какие-то иранцы контрабандой вывозят по нескольку статуэток и драгоценностей в Париж и там под покровом глубочайшей секретности продают их по двести—триста тысяч долларов — при настоящей цене в миллионы долларов! Есть уникальная возможность выкупить весь клад! Целиком!

Посредники привезли Ильясу пять статуэток, несколько старинных свитков и десятки золотых монет. К изделиям прилагался металловедческий анализ Кембриджского университета, где было сказано: серебряный сплав, из которого сделаны статуэтки, соответствует тому, что использовался в период Дария III.

Кроме того, прилагались закладные расписки очень уважаемого голландского банка о том, что банк принял на хранение статуэтки и изделия из драгоценных металлов и камней эпохи Дария III, с оценочной стоимостью сто миллионов долларов США...

Думаете, сложно получить такую бумагу? Да проще простого! Снимите ячейку для хранения ценностей в банке, составьте их опись, оцените в любую сумму, какая вам взбредет в голову, — и банк немедленно выдаст вам сохранную расписку с вашей описью и оценкой. Он ведь ничем не рискует: даже если содержимое сейфа каким-то невероятным образом исчезнет, от вас потребуются страховка, а если ее нет, так и ответственности банка тоже нет. Он просто выдал вам опись имущества в сейфе, оцененного вами и с ваших слов.

На моего друга и сами изделия, и предъявленные бумаги произвели очень сильное впечатление. А тут еще появляется американский «коллекционер», который, увидев одну из статуэток, предложил за нее три миллиона долларов наличными! (Разумеется, коллекционер был подставной.)

Но иранцы очень советовали Ильясу не продавать образцы. Вот когда будет вывезена из Ирана большая часть клада, тогда можно будет все это выставить и продать во много раз дороже.

Поэтому американскому покупателю Ильяс, к радости обманщиков, продать статуэтку отказался. Это означало, что крупный клиент клюнул...

Ильяс оплатил миллион двести тысяч долларов за небольшую партию статуэток и положил их в бельгийский банк, оценив в тридцать пять миллионов долларов. Кроме того, он послал своего человека из России в Иран. Там его сначала долго водили по горным тропам, потом везли куда-то с завязанными глазами на лошадях и, наконец, доставили в пещеру, где при свете костра перед ним была разложена куча уникальных изделий и монет из сокровища Дария III, уже готовых к транспортировке в Париж или Брюссель...

Услышав красочный рассказ своего посланца о посещении Ирана, Ильяс пришел в неопишуемый восторг. Надо срочно искать партнеров, которые вложат несколько десятков миллионов долларов, выгнать у иранцев весь клад и открыть в Ницце или Монте-Карло частный музей с экспозицией сокровищ Дария III. В музей, разумеется, хлынут толпы народу. Часть сокровищ можно будет продать через аукционы и напрямую богатым шейхам! И можно жить припеваючи и больше ничем никогда не заниматься!

Я попытался охладить пыл моего приятеля, но его увлеченность, подогретая кавказским темпераментом, брала свое. Он не просто верил в эти планы — он жил уже полгода этой иллюзорной мечтой и во сне и наяву.

Конечно, я не раз советовал отдать изделия для тщательного изучения и сделать хотя бы экспертизу на возраст. Все было тщетно, пока однажды я не предложил просто обратиться в аукцион «Кристис».

Сначала Ильяс отверг эту идею как крайне опасную. Ведь это же национальное достояние государства Иран, которое вывезено контрабандой! Как мы объясним в Лондоне происхождение таких вещей?

— Да очень просто! — убеждал я. — Скажу, что я вывез их из России. А то, что в СССР могли попасть любые ценности, например, после изгнания шаха, это всем ясно и объяснять никому не потребуется.

Наконец Ильяс сдался, мы взяли одну серебряную статуэтку и поехали в «Кристис». Надо признать, выглядела она впечатляюще: изящная женская фигурка очень тонкой работы, сделанная из серебра, покрытого зеленоватой патиной от времени. Серебро ведь практически не окисляется, а тут за столько лет, наверное, окислилось!

Эксперт «Кристис» покрутил статуэтку в руках и говорит:

— Знаете, мы таких вещей никогда не видели! Пожалуйста, сходите в Британский музей к господину Саймону Смиту, который является ведущим специалистом по эпохе Дария. Но учтите: если вещь подлинная, мы ее на аукцион взять все равно не сможем. Это уникальная историческая ценность, и она должна быть в музее!

Ильяс был на седьмом небе от счастья. И мы отправились в Британский музей.

Господин Смит принял нас в библиотеке. Он отлучился со статуэткой буквально на минуту, а вернувшись, заявил:

— Значит, так, объясняю! Увы, это не может быть статуэткой эпохи Дария III! Вот по какому признаку. Мне помогли расшифровать древнюю надпись на языке фарси. Посмотрите, что здесь написано! «Коллекция Дария III»!

— Ну и что? — спросили мы в один голос. — Это же подтверждает подлинность!

— А вы знаете, что за такую надпись в эпоху Дария III сразу голову рубили! Потому что он именовался не иначе, как великий император, владелец земель таких и таких-то, сын такого-то, внук такого-то... Если бы мастер не упомянул хотя бы один титул Дария III, его бы сразу казнили за неуважение к царю, — говорит Смит. — И вообще мне каждый месяц по нескольку аналогичных изделий приносят. Сделаны они, конечно, очень неплохо, тщательно, видно, по старинным описаниям, и металл и драгоценные камни настоящие, но ценность эти статуэтки имеют чисто сувенирную. Вам официальное заключение написать?

На самом деле мой друг еще хорошо отделался — ведь он купил всего лишь образцы! Наверняка у этих иранцев была крупная организация, имевшая подпольные цеха где-нибудь

в Париже или в Марселе. И множество «кладов» осело в частных коллекциях разных шейхов и просто доверчивых миллионеров, которые не догадались обратиться к господину Смиты из Британского музея — ведущему специалисту по эпохе царя Дария...

- - -

Еще с одной аферой мне пришлось столкнуться несколькими годами раньше. Тогда Дудаев только начинал конфликтовать с теми в России, кто привел его к власти. И вот в Лондон приехал из Чечни Усман Имаев — человек очень неординарный, автор чеченской конституции, министр юстиции, а впоследствии в разные годы генеральный прокурор Чечни и председатель Центробанка.

Не знаю, жив ли Усман сейчас, скорее всего, нет. По словам его отца, однажды за Усманом подъехала машина, он сел в нее как был, в рубашке и домашних тапочках, и с тех пор его больше никто не видел...

Имаев прошел военную и, видимо, кагэбэшную школу, работал в Анголе, знал в совершенстве несколько языков. Он был глубоко верующим мусульманином и молился пять раз в день, раскладывая свой коврик иногда в самых неподходящих местах: прерывал переговоры, извинялся и уходил молиться в другую комнату...

И еще: Усман был кристально честным человеком — качество, весьма редкое в наши дни. Ему можно было доверить любую сумму денег. Я бы так не говорил, если бы сам в этом не убедился. К примеру, тогда в Лондоне я помог Усману получить чек на предъявителя в размере восьми миллионов долларов от знаменитой английской фирмы «Томас Де ля Ру». Дело в том, что Чечня заказала им напечатать национальные деньги, отчеканить монеты, медали, выпустить почтовые марки и даже лотерейные билеты и заплатила за все вперед. Но российские дипломаты, узнав об этом заказе, заявили англичанам протест. Фирма стала тянуть время, а потом вообще решила взять половину денег за дизайн, остальное вернуть и от самого заказа отказаться...

Я предложил не паниковать и получить от «Де ля Ру» весь аванс, а не половину! Пришлось обратиться за помощью к прессе. В интервью газете «Санди Таймс», которое я ему организовал, Имаев обвинил фирму в нарушении контракта, что привело к волнениям в Чечне, которые вспыхнули из-за невыплаты пенсий и зарплат. А чем платить, если заказ не выполнен и национальные деньги не напечатаны?

На следующий после выхода газеты день нам принесли чек на полную сумму в восемь миллионов долларов на предъявителя. Усман положил его в карман и повез обратно в Чечню. Дудаев взял чек в руки, покрутил его и отдал обратно Усману. Давай, мол, придумай, как его положить за границей в банк, и вообще я тебе доверяю, делай с ним то, что считаешь нужным для республики!

И вот однажды Усман Имаев звонит мне из Женевы:

— Артем, ты нужен нам как эксперт! Я тебя очень прошу: срочно вылетай сюда! Ты можешь помочь нашей республике. И сам заработаешь огромное состояние!

Даже уважая Усмана, я ради него в Женеву бы не полетел, но так совпало, что мне и самому надо было в Швейцарию.

При встрече Усман показывает мне протокол, который Дудаев подписал с каким-то шейхом из Абу-Даби. Там сказано, что шейх является посредником в выдаче Дудаеву через ЦРУ и банковскую американскую систему «Федерал резерв» трех миллиардов долларов на поддержание Чеченской республики. Тогда еще не было войны с Россией, и Дудаева поддерживало правительство Ельцина. Поэтому ввязываться в это дело я не побоялся. По контракту деньги начнут поступать в Чечню уже через десять дней после его подписания, десятью равными траншами, каждый по триста миллионов долларов. А в погашение этого кредита закладывается якобы будущая чеченская нефть, которая будет продаваться на пять процентов дешевле мировой цены американцам. Шейх Абу-Даби выступает гарантом сделки и ее посредником.

Целью визита Имаева была подготовка и подписание этого контракта. Из Чечни с ним приехали министры и прочие официальные деятели республики. Усман был очень доволен. Он говорил восторженно:

— О Аллах! Какое счастье, Артем, мы наконец-то становимся на ноги! И ты будь с нами, мы всю работу оплатим. Кроме того, я гарантирую тебе личную благодарность от Дудаева и его поддержку. Он передал письмо о назначении тебя представителем Чеченской республики в Англии!

— А как Москва прореагирует на эти планы? — спрашиваю я.

— При чем тут Москва? Да мы ничего этим контрактом не нарушаем! Я же министр юстиции! Мы как республика в составе России имеем право распорядиться прямыми инвестициями и готовы оплатить все налоги в Центр! А на эти деньги Джохар решил построить новую столицу Чечни. Вот твоей фирме и отдадим этот контракт на строительство новой столицы республики Ичкерия!

Сам шейх-посредник тоже прилетел в Женеву. Он принял нас в роскошном пентхаусе гостиницы «Бури Важ». Там же находились представители швейцарской инвестиционной компании «Интерфинанс», которая должна была проводить операции с деньгами через «Ферст Бостон банк»... Короче говоря, выглядело все чрезвычайно респектабельно.

Нас повезли в шикарный замок в предместье Женевы, возвышавшийся над абсолютно отвесной скалой. Открывавшийся из окон вид на долину и Женевское озеро в голубой дымке был поистине изумителен. Захватывало дух, хотелось взлететь над такой красотой и парить в небе...

Однако вместо этого мне пришлось изучать текст договора на тридцати листах, подготовленного целой армией клерков. Первые сомнения возникли, когда я прочел об участии в сделке американской системы «Федерал резерв». Ведь это американская государственная организация, которая гарантирует американским вкладчикам банков федерального значения — а их около трехсот — возврат вкладов до трехсот тысяч долларов в случае банкротства банков. И больше ни во что не влезает и ни в чем не участвует. А здесь они почему-то являются фигурантами договора...

Я переслал договор по факсу моему женевскому адвокату и попросил срочно им заняться. Пока мы пиروвали на террасе замка и любовались Женевским озером, мой адвокат нашел

еще один очень интересный пункт, который гласил: «Деньги по договору начнут перечисляться на указанные получателем счета только после того, как чеченская сторона предоставит международные гарантии выполнения своих обязательств».

Адвокат высказал сомнения в возможности предоставления таких гарантий Чечней. И я зацепился за этот пункт: в каком виде и какие международные гарантии вам нужны?

Тут произошла удивительная вещь. Представители шейха на вопрос не отвечали, пытаясь по-всякому увильнуть: ну, вы, дескать, не волнуйтесь, с Дудаевым обо всем уже договорились, это же простая формальность, вы же видите его подпись!

Я не сдавался, чеченская делегация встала на мою сторону. И вскоре выяснилось, что Дудаев подписал протокол, просто не понимая, что он на самом деле подписывает!

А механизм этой международной аферы был чрезвычайно прост. Мы сидели с Усманом в гостинице после того, как он переговорил с Дудаевым по телефону и выяснил, что ни о каких гарантиях речи при подписании протокола не было. Я спрашиваю Усмана:

— Сколько денег вы уже потратили на этого шейха и на переговоры?

— Пустяки! Какие деньги? — отвечал Усман. — Ну, возможно, тысяч сто пятьдесят—двести ушло. Но ведь тут счет идет на миллиарды!

— А на что конкретно вы истратили эти двести тысяч?

— Ну, они просили оплатить услуги международных юристов и консультантов, их поездки в Чечню, транспорт... Депозиты сделали на непредвиденные расходы... Еще они просили перечислить в «Федерал резерв» тысяч пятьсот, чтобы показать серьезность наших намерений. Но мы вроде еще не перечисляли. А может быть, уже перечислили?

— Вот, Усман, для этого все и было затеяно! — сказал я.

— Не может быть! Как это так?

Потом, когда деятелей из компании «Интерфинанс» благополучно арестовала швейцарская полиция, оказалось, что больше десяти российских регионов и республик секретно подписали с ними аналогичные протоколы и оплатили «мел-

кие» расходы на подготовку договоров. По-моему, там упоминались Бурятия, Башкирия, Татарстан...

Кто-то эти двести—триста тысяч переводил на персональные счета мнимого шейха, оказавшегося впоследствии выходцем из Ливана, кто-то просто давал наличными. В итоге за очень короткое время фирма заработала порядка трех миллионов долларов. Этого было вполне достаточно, чтобы снять апартаменты в роскошной гостинице на липового шейха из Абу-Даби и арендовать замок для приема дорогих гостей. Да еще кое-что и сверху оставалось, как вы понимаете. Бизнес такой!

- - -

А вот еще похожая история о том, как мой убитый в России друг — Хамид Садеков открывал банк на острове Джерси. Однажды он звонит мне, такой радостный: «Артем, представляешь, наша фирма “Роснефтегаз” буквально за копейки открывает международный банк на острове Джерси!»

Я, конечно, очень удивился. Ведь остров Джерси — это элитная международная оффшорная зона, рядом с берегами Англии. Многие англичане летают туда на работу, так как самолетом до острова тридцать минут и никакие визы не нужны.

На Джерси шестьдесят банков, контролирующих капитал в сто пятьдесят миллиардов английских фунтов стерлингов. А чтобы стать местным жителем, нужно иметь личный капитал в десять миллионов долларов, вложенный в один из местных банков, а также обязательно купить дом и обзавестись хозяйством...

— Хамид, а как вам это удалось? — поинтересовался я.

— Ну, в два этапа, — объясняет он. — Сначала перечислили восемьсот тысяч долларов и создали инвестиционную компанию. За год мы должны еще перечислить десять миллионов — там, на Джерси, такие требования! И компания плавно перерастет в банк...

Для меня все это уже прозвучало подозрительно. Я поймал себя на мысли, что стал очень осторожным. Звоню на Джерси

(так, для профилактики!) в одну консалтинговую фирму. И мне там сообщают:

— Последний банк, который появился на нашем острове, американский «Сити-банк», и было это в 1907 году. С тех пор на Джерси ни новых банков, ни филиалов не регистрируют, потому что остров очень маленький. А банков у нас и так достаточно!

Оказалось, на Джерси нашлись два ловких деятеля, которые предложили эту схему открытия банков нескольким крупнейшим российским предприятиям. И практически все тут же согласились: ведь схема очень простая, доступная и понятная!

На полученные деньги эти умельцы открыли маленький офис. (А зачем тратиться на большой?) Назначили себе неплохие оклады — по миллиону долларов в год. И, кроме того, разместили под проценты средства, которые пришли им на счет. После чего им было нужно только делать вид, будто они готовят документы для регистрации будущих банков! Согласитесь, работа не пыльная.

А получив миллионов двадцать—тридцать, можно просто поменять место жительства с острова Джерси, где климат не очень хорош, на какой-нибудь островок в Карибском море... И ищи тогда ветра в поле!..

— — —

Разговор о международных аферистах был бы неполным без упоминания целой страны, прочно завоевавшей себе репутацию вотчины обмана и поборов. Только не волнуйтесь сразу, это совсем не Россия — речь пойдет о Нигерии.

Индустрия обмана приобрела там колоссальные масштабы. Сегодня любая серьезная фирма предпочитает не иметь с нигерийцами никаких дел. И тем не менее каждый день в Нигерии происходят самые разные аферы.

Классическая нигерийская схема такова. Сначала мошенники проводят рутинную работу по поиску клиента. Вы не получали писем от нигерийского королевского дома? Возможно, скоро получите. Ведь по почте и по Интернету такие письма рассылаются сотнями тысяч. В них описываются душещипа-

тельные истории о том, как члены королевской семьи, обеспокоенные размещением своих капиталов, ищут честных партнеров, чтобы использовать их счета для перевода денег за границу.

Разумеется, вашу фирму они выбрали не случайно, а по совету известных международных консультантов, тщательно изучив историю вашего успешного бизнеса.

Все, что от вас требуется, — указать реквизиты вашего банковского счета, получить несколько миллионов долларов и честно оставить себе десять—двадцать процентов за оказанную помощь.

Главная задача таких писем — просто вступить в диалог. И если клиент ответил, тогда наступает вторая фаза работы — действительное изучение клиента и его материальных возможностей. Обладая огромным опытом, нигерийские аферисты делают это чрезвычайно быстро и профессионально.

Если клиент не очень богат, его обычно раскручивают на представительские расходы, подарки, небольшие взятки, и, как правило, до серьезных обманов дело не доходит. Но если попался богатый новый русский, тогда начинается настоящая работа. И третья стадия всегда отличается изысканностью, завидной фантазией и эффективностью.

Например, на вашу фирму приходит официальное приглашение посетить Нигерию — да не от кого-то там, а от самого министра финансов или даже принца нигерийского, не меньше! Приглашение выглядит очень внушительно и может быть доставлено международной курьерской почтой. А может и курьером нигерийского посольства в Москве! Также к нему прилагаются описания нигерийской столицы и подтверждение, что на ваше имя в столице Нигерии заказан номер люкс в самой престижной гостинице. Вы можете туда перезвонить, и вам с радостью подтвердят ваш заказ. В самых престижных вариантах к приглашению также приложены оплаченные авиабилеты — в оба конца и непременно первым классом.

Словом, вы созрели для посещения Нигерии, воспользовавшись приглашением королевской семьи или президентской администрации. В аэропорту Лагоса вас встретят на огромном ли-

музине, прямо у трапа самолета. С первых же минут вы почувствуете, что такое настоящее нигерийское гостеприимство...

Вас сажают в лимузин вместе с самим принцем, и вы выезжаете за ворота аэродрома. Для избранных клиентов может иметь место и сопровождающий кортеж мотоциклистов. Попивая коктейль на заднем сиденье лимузина, покрытом леопардовой шкурой, вы плавно направляетесь по шоссе в сторону города.

Но ваш лимузин остановят через несколько километров, в пустынном месте. Человек в полицейской форме потребует предъявить документы. И, просмотрев ваш паспорт, полицейский обязательно обратит внимание на то, что у вас нет штампа о въезде в Нигерию.

— Как это так! — возмутитесь вы. — Меня же встретили прямо у трапа самолета, и я передал им паспорт...

— Возможно. Но налицо факт: незаконное пересечение границы Нигерии, за которое полагается пять лет тюрьмы!

Дальше происходит самое интересное. Полиция обращается к встретившим вас хозяевам с вопросом: знают ли они, кто вы такой вообще? И получает шокирующий вас ответ: «Конечно, нет! Этот человек просто попросил довезти его до Лагоса, а больше нам о нем ничего не известно!»

Декорации меняются. Вас тут же пересадят в наручниках из лимузина в полицейскую машину и доставят в камеру предварительного заключения. На все требования связаться с консулом или послом вы получите только недвусмысленные улыбки в ответ. Что ты, мол, теперь дергаешься? Неужели не понятно, что ты, дорогой клиент, уже попал!

К вечеру прямо в камеру принесут факс и предложат отослать инструкцию в ваш банк о переводе денег на нигерийский счет. На всю операцию вам выделят не больше трех дней, а запрошенная сумма будет как раз соответствовать имеющимся у вас финансовым ресурсам.

Конечно, вам еще раз разъяснят, что спасти вас от тюрьмы не сможет ни один консул. А будете выступать, могут обвинить еще и в шпионаже, за который в солнечной Нигерии просто дают расстрел...

— — —

Меня тоже пытались «кинуть», и неоднократно. Вспоминается, например, случай, который произошел с моим тезкой, небезызвестным Артемом Атальянцем. Я никогда в жизни с ним не виделся, но зато слышал о нем множество детективных историй, связанных с огромными деньгами, конфликтами с руководителями Краснодарского края и города Сочи, преследованиями, арестами...

Артем где-то достал мой лондонский номер и сам позвонил.

— Ты, конечно, меня знаешь! — без вступлений начал разговор Атальянец. — Я теперь советник по внешнеэкономическим вопросам премьер-министра Армении! А к тебе обращаюсь как к бизнесмену, поскольку знаю тебя по прессе, слежу за твоими успехами... Мне надо срочно перезанять пять миллионов долларов. Если дашь — через две недели верну десять! Ну что, интересно?

Я говорю:

— Ты скажи конкретно, в чем дело?

— Да это нельзя обсуждать по телефону, прилетай срочно в Париж!

— Нет. Не полечу я в Париж, не зная, о чем речь!

— Хорошо, тогда я тебе пошлю своего секретаря прямо в аэропорт Лондона Гатвик. Он тебе кое-что покажет, а потом мы созвонимся. Я уверен, что тебя это заинтересует!

Доехать до аэропорта особого труда не составляло. Пять миллионов долларов за две недели, ничего не делая, — это действительно приятно. Хотя, конечно, такого вне пределов России не бывает. Это я понимал очень хорошо.

И вот секретарь Атальянца, симпатичная женщина средних лет, показала мне копию очень интересного документа. Это была гарантийная расписка, своеобразный вексель, выданный госдепартаментом США диктатору Мануэлю Норьега на сумму пятьдесят пять миллиардов долларов! Причем все было на месте: и печать госдепартамента, и подписи...

Об истории Панамы я имел самое смутное представление, и секретарю Атальянца пришлось восполнять этот пробел.

Оказывается, Норвега узурпировал власть в Панаме и в 1989 году просто объявил войну США. Тогда американцы ввели двадцать шесть тысяч солдат на территорию Панамы, а Норвегу переправили во Флориду, где местный суд приговорил его к сорока годам тюрьмы по статье «отмывание денег».

— Вы понимаете, насколько американцы заинтересованы вернуть эту бумагу и уничтожить? — терпеливо объясняла мне дама. — А у нас есть подлинник, который мы храним в испанском отделении «Дойче банка». Господину Атальянцу американское правительство и «Федерал резерв» (опять!) предложили за него выкуп — два миллиарда долларов. Поскольку эти деньги должны пойти на укрепление экономики Армении, то на эту операцию есть личное поручение премьер-министра. (Разумеется, оно тут же было предъявлено.)

Дама внимательно смотрела на меня, пытаясь уловить степень моей заинтересованности и оценить произведенное впечатление.

— А при чем здесь пять миллионов? — спрашиваю я.

— Понимаете, проблема в том, что дело нужно проверить очень быстро, а юристы требуют большие деньги, и как раз не хватает пяти миллионов на оплату их услуг. Господин Атальянец уже столько вложил в это дело собственных средств, что у нас просто больше нет. А без выплаты аванса юристы не хотят завершить работу.

Уловив в моем взгляде сомнение, дама, как заправский фокусник, одним движением вытащила из портфеля еще один документ, который должен был все прояснить. Это была бумага «Дойче банка», в которой подтверждалось: в банке на ответственном хранении находится сертификат, выданный на имя Мануэля Норвеги, на пятьдесят пять миллиардов долларов США, с печатями такими-то и подписями такими-то... Словом, полное описание предмета хранения...

А в качестве финального аккорда мне торжественно вручили телефон испанского отделения «Дойче банка», куда я мог собственноручно позвонить и убедиться во всем сам.

— Вы с ними непременно свяжитесь и назовите фамилию Атальянца! Они вам письменно подтвердят, что подлинник

этого документа находится на ответственном хранении в их банке.

Дама очаровательно улыбнулась мне на прощание и улетила в Париж.

Не перезвонить Атальянцу было бы не вежливо.

— Прекрасное предложение! — сказал я Атальянцу. — Только действовать мы будем так. Эти пять миллионов ведь нужны адвокатам? Значит, я кладу их в Лондоне на счет любой международной адвокатской фирмы, и она дает твоим адвокатам стопроцентную гарантию, что как только сделка совершится и деньги в размере десяти миллионов придут на мой счет, можно будет сразу забрать эти пять миллионов и оплатить все их расходы. Так твои адвокаты получают полную гарантию, а ты станешь миллиардером! Идет?

Атальянец тут же согласился и, конечно, больше не перезванивал. В моем случае ему не повезло: как получают из банков бумаги с описями сданных на хранение вещей, я уже проходил совсем недавно, на примере сокровищ Дария...

— — —

Вообще-то провести четкую грань между удачной коммерческой операцией и аферой бывает очень трудно. А иногда просто невозможно, особенно если речь идет о всемирно известных бизнесменах...

К примеру, был ли аферистом Арман Хаммер? Ведь он, играя в политику, буквально за бесценок увозил художественные ценности из России на сотни миллионов долларов...

Многие называют аферистом швейцарского миллиардера Марка Рича, но это не так. Рич — очень талантливый коммерсант, который заработал огромные деньги. Но нет ни одного контракта, который бы он заключил и не оплатил, во всяком случае, я о таком не слышал. К нему никогда не было претензий или судебных исков... Но он уходил от налогов, и за это его преследовали власти США.

А тот же Сорос — всегда ли он честно играл? Наверное, нет. Мы с ним не раз встречались в Москве в офисе его фонда и обедали вместе.

Однажды, когда мы сидели с ним в ресторане «Пекин» на площади Маяковского в Москве, Сорос говорит:

— Артем, бросайте ваши дела и становитесь генеральным директором моего фонда!

— Не могу — у меня ведь столько проектов! — не задумываясь, отказался я. — Мы же строим в России свободное рыночное общество, как можно бросить все это? Хотите, я вам директора подберу? Умного человека и с гарантией, что не из КГБ!

Я и не подозревал тогда, что до моего бегства из России оставалось всего несколько недель. Мой институтский друг стал по моей рекомендации работать с Соросом в Москве...

Я персонально знаком с несколькими миллиардерами, которые запросто могут манипулировать рынками — по самым ключевым позициям, где серьезных игроков не так много.

Возьмем, к примеру, ту же нефть, кормушку российскую, — ведь цена, которая называется мировой, формируется на основе поведения пяти-шести ведущих нефтяных корпораций. Если они договорились, то цена выставляется как сегодняшняя мировая. И спекулятивные контракты на биржах торгуются по этим корпоративным решениям, и премии за качество нефти они также определяют.

То же происходит и с платиной, и со многими другими позициями. И хотя за рубежом любое манипулирование рынком, любая монополия подсудны, все великие бизнесмены — это люди, работающие на грани фола. Однако в отличие от аферистов — никогда ее не переступая...

А те, кто за гранью? В Англии этот вопрос решают так: если ущерб от незаконной сделки больше пяти миллионов фунтов — все, это уже крупная афера, и ею занимается так называемый «Офис серьезного обмана», специальная служба, которой даны огромные полномочия. Они арестовывают без санкции прокурора, они имеют право обыскать вашу квартиру, офис, конфисковать документы...

Но если вы потеряли 4 миллиона 999 фунтов — все, пиши пропало! Тогда доказать, что вы стали жертвой не коммерческой сделки, а аферы, удастся с огромным трудом, а деньги даже через суд вы никогда не вернете!

Вот так: надо просто знать, сколько воровать можно, а сколько уже нельзя...

Однако сомневаться в серьезности работы «Офиса» не приходится. К примеру, недавно они привезли в Англию знаменитого грабителя почтового поезда, который пятьдесят лет скрывался в Аргентине. Тогда он взял всего два миллиона фунтов стерлингов наличными, но в пересчете на сегодняшний день сумма получилась достаточной, чтобы им занялся «Офис». Его разыскивали пятьдесят лет! И смогли нелегально вывезти из Аргентины в Англию!

Кстати, есть страны, которые не выдают крупных воров, в том числе Аргентина. Все знают, что мэр города Ниццы, который в 1990 году сбежал с городским бюджетом в десять миллионов долларов, спокойно живет в Буэнос-Айресе. И адрес его известен, и полиция Франции знает, что он там, а сделать ничего не могут — его не выдают. Недавно в России убедились, что такими же странами «невыдачи» являются Испания, Англия и Греция...

- - -

Если уж на то пошло, даже в случае с господином Мавроди и российской пирамидой «МММ» есть некоторые спорные вопросы. Все считают, что Мавроди — классический аферист. Но какие российские законы, действовавшие тогда, он нарушил? Ни разу не слышал, чтобы его в этом уличили. В том-то и дело, что он действовал по закону! И когда в Думе было голосование о снятии с него неприкосновенности, я единственный из четырехсот депутатов за это не проголосовал.

Поскольку Мавроди работал с банком «Столичный», я знал, что в 95-м году он вышел по оборотам на второе место после «Сникерса». Мавроди получал примерно пять миллионов долларов в день, а «Сникерс» — пять с половиной...

Позже один из его ближайших сподвижников рассказал мне забавный случай. Однажды у ворот центрального офиса «МММ» на Варшавке несколько дней простояли грузовики. Им почему-то не разрешали заехать, а может, просто забыли. Шоферам было все равно, потому что им оплачивался простой

и командировочные. Они бросили машины и благополучно пили пиво в баре.

Грузовики были сверху небрежно прикрыты брезентом. Один из сотрудников фирмы, проходя мимо, заглянул в кузов грузовика, а там снизу доверху все забито пачками наличных денег...

Этот же бизнесмен рассказывал мне, что Мавроди хотел поработать еще год-два, собрать как можно больше долларов и рублей и перекинуть эту систему на страны Европейского содружества. У него уже были заготовлены технологии, которые он собирался осуществить в Польше, Восточной Германии, Болгарии... Тогда это была бы масштабная международная организация. А собранные деньги можно было вложить действительно во что-то ценное — выкупить какой-то сектор экономики России. То, что потом за бесценно перешло в частные руки олигархов.

Но в один прекрасный день выступил Черномырдин и сказал: граждане, это липовый фонд, это пирамида. Не вкладывайте туда деньги, покупайте лучше ГКО!

Все тут же бросились забирать свои вклады из «МММ», а такое ни один банк не выдержит! Даже если в Сбербанк за один день придет всего пятнадцать процентов вкладчиков и потребует вернуть деньги назад, он немедленно лопнет: ведь денег как таковых в наличии нет! Поэтому вполне естественно, что пирамида Мавроди рухнула.

И уверяю вас: если бы дело происходило в Англии, Мавроди мог бы предъявить Черномырдину и правительству России иск за нанесение финансового ущерба его фирме. И более того: суд принял бы решение в его пользу и обязал правительство компенсировать все убытки!

А что выиграл от краха «МММ» Черномырдин? Быстренько стал по примеру Мавроди владельцем двадцати с лишним процентов акций государственной компании «Газпром». Потом раскрутили и собственную государственную пирамиду — ГКО, которая рухнула в 1998 году, приведя страну к дефолту — так, что мало никому не показалось...

Когда государство прокручивает бюджетные средства и международную валютную помощь через подставные фирмы типа «Финако» на том же оффшорном острове Джерси — это афера или бизнес? Или когда оно выкупает через подставных лиц свои долги у стран, чтобы не платить всю жизнь по ним проценты? Конечно, это не вполне легально, но такая практика давно существует...

Мой знакомый Игорь С. — один из самых крупных специалистов по проблеме международных долгов. В восьмидесятых годах, будучи сотрудником Внешэкономбанка в Нью-Йорке, он оттуда сбежал и превратился в невозвращенца. Затем успешно окончил Гарвард и стал работать вице-президентом чикагского «Континентал-банка». А это был один из тех банков, которые специализировались на покупке «мусора» — к примеру, долгов Сенегала, которые стоили один пенс за доллар, но в будущем могли подрасти. К этой же категории относились и российские долги.

Игорь переехал в Лондон, где мы и познакомились. Конечно, он профессионал очень высокого класса. Он дал мне подержать в руках долг СССР на сумму сто двадцать миллионов долларов США! Это было письмо, написанное на бланке Министерства тяжелого машиностроения в адрес премьер-министра СССР Косыгина. В нем министр просил разрешить поставку из Германии какого-то оборудования для завода с отсрочкой платежей на сумму сто двадцать миллионов долларов. И в углу стояла резолюция Косыгина, превратившая эту бумажку в официальный долг государства: «Разрешаю!»

Однажды Игорь рассказал мне поучительную историю — как страна Болгария в течение нескольких лет практически ликвидировала свой внешний долг, доставшийся в наследство после периода строительства социализма. Выкупила и уничтожила все расписки!

Началось с того, что в Женеве поселился некий богатый араб со своей семьей: женой-болгаркой и огромным количеством детей. Вскоре стало известно, что он покупает болгарские долги. А параллельно с этим усиленно распространялись слу-

хи, что болгарская экономика близка к полному краху. Это снижало стоимость болгарских долгов на вторичном рынке в десятки раз!

Вскоре этот араб превратился в эксклюзивного покупателя болгарских долгов в мире, причем он очень умело торговался, и люди были вынуждены сами сбавлять цену. И так, манипулируя, безусловно, казной самой Болгарии, он очень быстро и за бесценок выкупил огромную долю долгов страны!

Я предлагал российскому правительству то же самое: обращался к Федорову, когда он был министром финансов России, писал Филатову, чтобы тот доложил Ельцину, и даже лично вложил соответствующее письмо в руки Евгения Примакова, когда он посетил посольство России в Лондоне в качестве премьер-министра!

В самом деле, моя судьба удивительно подходила для такой манипуляции — мне бы, конечно, поверили банки и кредиторы России. Патриот, миллионер, не замешан в работе ни с одним правительством, преследуемый официальными властями страны и живущий в изгнании, скупает долги для будущего инвестирования обратно в свою Родину. Легенда была достаточно убедительной, и, конечно, ее бы приняли за правду. Все, что для этого было надо — дать мне возможность и право за бесценок скупать долги на деньги из бюджета страны! Как вы знаете, на обслуживание долгов и выплату процентов по ним Россия ежегодно тратит до десяти процентов от их размера — миллиарды и миллиарды долларов! А я предлагал за эти десять процентов выкупить долги и уничтожить их навсегда, освободив себя от годовых выплат!

Экономический эффект оказался бы огромным. Ведь в свое время российские долги стоили на вторичном рынке меньше девяти центов за доллар! Вот и спасли бы страну от гнета финансовых обязательств, и не пришлось бы поколениям наших детей и внуков расхлебывать то, что заварили их отцы и деды...

Сегодня цена на российские долги держится на среднем уровне. Но искусственно сбить ее, конечно, очень легко. Лет восемь назад в правительстве России буквально на неделю по-

явился один министр: то ли экономики, то ли финансов. Уже не помню его имени, зато прекрасно помню сам скандал! Министр тогда заявил: «А мы долги платить не будем! Мы страна новая и за старые грехи не отвечаем!»

Через несколько месяцев его тихо убрали, но цены на российские долги в тот момент грандиозно рухнули! Наверняка у министра был заряжен большой капитал, и, значит, в этой жизни ему больше уже ничего не понадобится.

Но беда России в том, что в этот момент не нашлось никого, чтобы окончательно выкупить долги страны, оплачивая покупку из того же самого бюджета на острове Джерси, заложенного в компанию «Финако» Центральным банком России...

А теперь мы платим за сто восемьдесят четыре миллиарда долларов внешних обязательств России по пятнадцать—семнадцать миллиардов долларов каждый год, и конца этим платежам в историческом будущем страны не видно!

Глава 9

КОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В начале 1997 года я однажды подумал: «Все, моя жизнь заканчивается! Из этой истории мне уже не выбраться никогда...»

Положение было отчаянным: мой бизнес разрушен, компания фактически на грани закрытия, у меня нет никакого занятия... Когда я стал считать, сколько потерял за пять лет, то просто ужаснулся: вышло что-то около тринадцати миллионов долларов! Пять украл мой компаньон Адель Нассиф, который оказался первоклассным международным аферистом. Три ушло на адвокатов, восемь — просто на жизнь, на поездки в Москву, на инвестиции, наконец... В том же «Русском лото» долгое время считалось, что у меня 25 процентов — я вложил туда собственные деньги, но в итоге меня оттуда вычеркнули абсолютно без средств...

Нет, я не в обиде, Малик — единственный хозяин «Русского лото», тот самый, что спас мне жизнь, отбил от бандитов. Поэтому будем считать, что это моя плата за его помощь.

И параллельно со всеми неудачами, второй эмиграцией из России оставался страшный напряг с газетой «Вашингтон пост», объявившей меня криминальной личностью и «крестным отцом» российской мафии за рубежом. Естественно, появились подставные свидетели, которых подкупили адвокаты газеты в самой России, и по их заказу было снова возобновлено уголовное дело по контрабанде мазута, якобы по новым открывшимся обстоятельствам.

Дошло до того, что опять в Лондоне за мной установили слежку, у дома и у офиса появились посольские автомашины с постоянно работающими моторами...

Ко всему прочему начались мои ужасные проигрыши в казино...

А Лена не подозревала о глубине кризиса и постигших меня бедах. Она продолжала вести обычную жизнь жены миллионера, покупая всякие юбочки и кофточки по тысячи фунтов. Это было просто страшно: счета приходили по двадцать пять—тридцать тысяч фунтов в месяц от «Хэрродса», «Гуччи», «Лауры Ашли» и тому подобных. При этом капитал стремительно убывал...

Кроме того, Лена присмотрела «небольшой», типичный домик для новых русских в центре Лондона: пять этажей, комнат черт знает сколько, сад с оранжереей, и все это для нас двоих! Но, конечно, с расчетом, что мы будем здесь рожать детей, принимать несколько раз в неделю шумные компании гостей и устраивать коктейли для знаменитостей... Этот особняк стоил два с половиной миллиона фунтов, и я, поддавшись давлению, внес девяносто тысяч фунтов аванса, которые потом так и пропали...

И вот в один момент что-то во мне сломалось. Я написал жене записку о том, что мне необходимо сейчас побыть одному, что я не знаю, когда вернусь — завтра, послезавтра или через несколько лет. Но я позвоню, обязательно, когда-нибудь позвоню...

Взял билет, портфель, удочки — и улетел в никуда...

— — —

Да, перевидал я на своем веку огромное количество разных аферистов и спас друзьям и партнерам немало миллионов дол-

ларов. И тем не менее я сам попал в лапы международного афериста! В 1992 году богатый араб Адель Нассиф стал моим ближайшим компаньоном.

Однажды Нассиф говорит мне:

— Артем, в Пенсильвании продается банк «Доуфин». Вот фотографии трех его отделений, вот прекрасная статистика и отчетность за 1991 год... Владелец этого банка — мой приятель, у него рак, и все, что он хочет получить за банк, это свой капитал, который составляет всего десять миллионов долларов. Давай вложимся по пять миллионов и получим банк в Америке с сорока шестью миллионами оборотных средств и постоянной клиентурой вкладчиков! А потом начнем давать кредиты российским компаниям под внешнюю торговлю и заработаем на этом целое состояние. Поскольку все выглядело очень красиво, я согласился. В швейцарском банке, где я имел (и продолжаю иметь) высокий рейтинг и авторитет, я занял под залог собственных средств и своей репутации пять миллионов долларов и перевел их на имя вице-президента Национального банка Парижа *Banque National de Paris*.

Я передал Аделю Нассифу право управлять совместным со мной счетом, на котором мы должны были собрать необходимую сумму для покупки банка. По пять миллионов с каждой из сторон. В ответ я получил от него следующую, заверенную нотариусом расписку:

«Я, Адель Нассиф, получая право на трастовое управление об- щими деньгами на покупку банка в США, обязуюсь ежемесячно перечислять господину А. Тарасову причитающиеся от его части суммы проценты. В случае несовершения сделки или моей неожиданной смерти настоящая расписка будет являться инструкцией для банка о немедленном возврате на счет, указанный А. Тарасовым, суммы в пять миллионов долларов». И подпись — Адель Нассиф.

Трастовые договоры в Англии — это отработанная веками схема выстраивания деловых взаимоотношений. Такая расписка, как я выяснил у юристов, является безусловным документом для любого суда на возврат вложенных средств. В качестве гарантии под такую расписку попадают все личное имуще-

ство и деньги подписавшего. Казалось, что мне совершенно не о чем волноваться.

Адель Нассиф жил в доме на «Сент Джон Вудз» — в фешенебельном районе Лондона. Этот дом представлял собой особняк с восемнадцатью комнатами, крытым бассейном олимпийского размера, оранжереями и мраморными скульптурами, расставленными по аллеям частного парка, на манер Летнего сада в Петербурге. По ориентировочной оценке, стоимость этого особняка составляла более двадцати пяти миллионов фунтов стерлингов. Кроме того, Адель Нассиф имел контрольные пакеты акций нескольких крупнейших предприятий Ливана, и, несмотря на то что война в этом регионе достаточно сильно повлияла на бизнес, недвижимость оставалась в цене, а богатые районы Бейрута — неразрушенными.

Управлять трастом должен был Адель Нассиф еще и потому, что из нас двоих он был наиболее грамотным, а кроме того, действовать с покупкой банка надо было очень оперативно. Хозяин умирал от рака. Мой же паспорт гражданина Доминиканской Республики находился на регистрации для получения резидентства в министерстве внутренних дел Великобритании, поэтому я был практически невыездным, и тянулось это уже семь месяцев.

Переведя пять миллионов долларов в BNP, я получил выписку со счета с подтверждением того, что со стороны Аделя Нассифа также поступили пять миллионов долларов в общий финансовый котел. На встречу со мной в Лондон прилетела китайка Мэй Нгуэн — вице-президент банка BNP для личного знакомства. Все двигалось как по маслу.

Мы наняли крупную международную аудиторскую фирму для проверки документов и состояния покупаемого банка в Америке, и они незамедлительно приступили к работе.

Наконец мой паспорт вернулся из офиса министерства, мне выдали временное разрешение на жительство в Англии сроком на один год, и я получил полную свободу перемещения по всему миру. Чувствовалась потребность в новых экономических знаниях, и первое, что я сделал, — это поступил в аспирантуру Пенсильванского университета США — ведущей финансовой школы мира Wharton School.

Меня вызвали в Филадельфию на первую сессию, и я отправился за океан. По пути заехал в Вашингтон к своему другу Джиму Джеймсону, тому самому, который рекомендовал меня в Клуб молодых миллионеров и который в это время занял пост министра торговли США. Он очень тепло меня встретил.

— Джим, прекрасная новость! Я покупаю банк «Доуфин» в Америке! Да не просто частный банк, — продолжал я, — а банк, входящий в систему «Федерал резерв» США! Такая удача!

— Одну минутку, — сказал Джим и набрал номер телефона. — Йес, мне нужна полная финансовая справка о состоянии банка «Доуфин». Да, немедленно в кабинет!

— Куда ты звонил, Джим? — спросил я.

— Как куда? Конечно, в ФБР, — ответил мой друг.

Через пять минут ему принесли полный отчет о банке «Доуфин».

Оказалось, что банков с таким названием в США целых два. Один из них — «Доуфин нэйшенл Банк» — огромный банк, оперировавший в двадцати штатах, действительно член Федеральной резервной системы США, обладавший миллиардным капиталом. Это, конечно, не тот. А тот, что мы хотели купить, — маленький банк с тремя отделениями в одном из штатов и на сегодняшний момент — полный банкрот! В информации также говорилось, что банк даже не имеет недвижимости, а для его отделений она арендуется; за один прошлый год падение акций и утечка капитала из банка просто катастрофические. Владелец банка в бегах и скрывается от преследования полиции, имя его жены — такое-то, имя его любовницы такое-то, он имеет собаку с такой-то кличкой... В общем, информация из ФБР была, прямо скажем, более чем подробна!

Джим говорит:

— Ты что, с ума сошел? Ведь все долги этого банка перейдут на тебя...

Это была страшная новость. Я был уверен, что Адель об этом также ничего не знает. Тут же позвонил ему и говорю:

— Адель, надо срочно сворачиваться! «Доуфин банк» разорился!

— Ладно, — отвечает он, — а что ты так волнуешься? Деньги твои целы. Позвони в BNP, тебе вице-президент это подтвердит. Очень хорошо, что ты все это разузнал!

Я срочно связался с банком BNP, и мне подтвердили, что мои пять миллионов лежат на счете и на них капают проценты...

Тогда я не мог предположить, что попал в чудовищную аферу. Разве можно было подумать, что Адель Нассиф прекрасно знает вице-президента банка китайку Мэй Игуэн, дружит со скрывающимся в Европе владельцем банка «Доуфин» и все они сговорились украсть мои деньги и давно уже поделили их между собой!

В полной уверенности, что все в порядке, я отучился месяц в Пенсильвании и с чувством радости, что удалось избежать катастрофы, вернулся в Лондон.

Адель Нассиф, улыбаясь, встретил меня в аэропорту на своем новом «Остин Мартине», на самом престижном автомобиле Великобритании. Отдохнув после перелета, я на следующий день был в нашем совместном офисе и спросил у Нассифа:

— Как насчет моих денег, Адель, они уже вернулись обратно?

— Наверное, — ответил Нассиф без тени смущения. — Проверь сам.

Дальше мы продолжали говорить о новых планах и бизнесе. Он вел себя абсолютно спокойно, как будто вообще ничего не произошло. Когда мне сообщили, что деньги не поступали, Нассиф сделал вид, что выясняет обстановку в BNP и, посмотрев на меня «невинными» глазами, сообщил:

— Представь! Они действительно еще не перевели деньги. Но это формальность: им нужна моя подлинная подпись о закрытии траста. По факсу они инструкцию не приняли. Надо мне туда полететь и лично поставить подпись. Я все сделаю на этой неделе. Не волнуйся!

А чего мне было волноваться? Партнер никуда не убежал. Каждый день он приходит в наш общий офис, наши кабинеты

рядом. У нас одна на двоих секретарша и много совместных планов на будущее. Кроме того, вице-президент банка BNP подтвердила слова Нассифа и то, что деньги по-прежнему на счету.

И потянулись дни, недели и месяцы. Сначала Адель не мог выбраться из Лондона, так как его держали домашние заботы. Потом он сообщил мне, что его отец в Ливане заболел и он должен срочно лететь в Бейрут на целый месяц, чтобы лечить отца. Когда он возвратился обратно, то был вынужден заняться ремонтом квартиры, купленной специально для дочери, и все никак не хватало времени на вылет. Я периодически получал информацию о том, что деньги на месте в BNP, и вроде волноваться было не о чем. Банк, выдавший мне кредит, не торопил меня с возвратом, а проценты, набегавшие на вложенный капитал, перекрывали проценты по долгу. Но, конечно, со временем в моей душе зародилось сомнение, которое с каждым днем становилось все тягостнее.

Так прошло несколько месяцев. Наконец я не выдержал и поставил вопрос прямо о немедленном возврате моих денег. И тут выяснилось, что мгновенно все мои деньги — пять миллионов долларов — исчезли со счета BNP!

Все объяснялось очень просто. Оказывается, когда деньги были положены на общий счет в BNP, Адель Нассиф вылетел на место и под залог всей суммы взял банковскую гарантию. Перейдя дорогу, в другом банке — под залог этой банковской гарантии — он взял примерно такую же сумму денег, а в третьем банке — под залог этой суммы — взял новую банковскую гарантию, которую разместил в четвертом банке... Но тут, как вы понимаете, следы этих денег терялись... Такие операции называются «кросс-гаранти», и проследить цепочку по всем банкам нельзя, потому что банки хранят в секрете информацию о своих вкладчиках и движении капитала. Обязать их открыть информацию по счетам может только Верховный суд страны, в данном случае — Швейцарии.

Пока первая гарантия не захлопнулась, банк BNP все время подтверждал мне, что деньги на месте, а по истечении года они исчезли в одну минуту на покрытие обязательств по гарантии банка.

Адель практически перестал появляться в офисе. Я безрезультатно ловил его у ворот его дома. В офисе, открыв сейф, я обнаружил еще более ужасную вещь, чем потеря моих миллионов...

Дело в том, что за год совместной работы мы с Аделем помогли в осуществлении множества крупных российских контрактов. Всем экспортерам мы открыли оффшорные компании, счета в банках Великобритании и получили на эти компании акции на предъявителя, которые хранились в нашем сейфе. Общая сумма капиталов, содержащихся на счетах этих чужих оффшорных компаний, превышала сто миллионов долларов.

Но когда я открыл сейф, акций компаний, отданных нам на хранение моими друзьями, там не оказалось! Они были украдены Аделем Нассифом, увезены за границу и положены в собственный сейф, очевидно, все в том же банке BNP.

Надо было срочно действовать, чтобы спасти деньги друзей и, понятно, свою жизнь и, возможно, жизнь моего сына в России, которые были единственными гарантиями с моей стороны сохранности чужих капиталов.

Первым делом я бросился в банк, где были открыты все счета оффшорных компаний. Там банкир — мой друг, выслушав историю с Нассифом, казалось, не очень удивился — человек он был опытный в подобных делах с арабами. Он искренне посочувствовал мне и еще раз подтвердил самое худшее: предъявитель акций оффшорных компаний является их фактическим владельцем и может распорядиться капиталом по своему усмотрению. Даже если кто-то потерял такую безымянную акцию на предъявителя на улице, а ее нашел бомж, он становится владельцем оффшорной компании, и никто не сможет доказать, что это не так.

Положение спасало два момента: во-первых, Адель Нассиф еще не обращался в банк со своими претензиями на владение капиталом, а во-вторых, под всеми счетами, которые я помогал открывать моим друзьям, стояла моя подпись как одного из директоров. То есть я мог распоряжаться кредитами как человек, обладавший правом финансовой подписи!

К моей неопишуемой радости, я немедленно воспользовался этим правом и перевел все деньги со всех компаний (более ста миллионов долларов США) на свой личный счет!

И буквально на следующий день адвокаты Аделя Нассифа предъявили банку свои права на владение акциями всех компаний, дали инструкцию о лишении всех других права подписи под этими счетами и указание заморозить счета. Банкир с улыбкой все это выполнил: на счетах более двадцати компаний был абсолютный ноль.

Из России спешно вылетела команда моих друзей, которым я возвратил спасенные от жулика деньги в тот же день приезда.

Сначала мы хотели нанять громил, чтобы избить Аделя Нассифа до полусмерти! Но это ничего, кроме морального удовлетворения, нам бы не дало. У него по-прежнему находились акции компаний, которые участвовали в десятках контрактов с иностранными партнерами, и переписать контракты в одночасье было просто невозможно. По этим контрактам грузили нефть, алюминий, покупали товары народного потребления и производили множество коммерческих операций, которые нельзя было остановить.

Я придумал операцию, облегчившую нашу участь. Сев за компьютер, я написал письмо, адресуя его председателю КГБ генералу Крючкову! Был февраль 1993 года, и, конечно, Крючков уже давно не работал в КГБ, да и самого КГБ больше в России не было, но мой психологический расчет сработал.

В «доносе» я писал: *«Адель Нассиф — мой бывший партнер, родом из Ливана, финансирующий организацию “Аль-Каида” и участвующий в незаконной торговле оружием, украл акции на предъявителя, которые на самом деле принадлежат организациям КГБ»*. Я также просил *«принять срочные оперативные меры и через секретную агентурную сеть КГБ воздействовать на Аделя Нассифа и его семью, чтобы вынудить его вернуть акции»*. Далее указывались все адреса Аделя Нассифа и его семьи, телефоны, номера автомашин.

Написав такую чудовищную галиматью, я попросил секретаршу, якобы по ее собственной инициативе, перевести текст на английский язык и сообщить о нем Аделю. Как будто сек-

ретарша просто заволновалась о своей судьбе, а записка была случайно обнаружена ею в офисе.

И моя «утка» сработала! За рубежом практически все боялись КГБ. Такая боязнь была на генном уровне создана годами «холодной войны», показом фильмов о жестокостях чекистов и историями о шпионах и их деятельности за рубежом.

Прочитав фальшивку, Адель пришел в неопиcуемый ужас! Он побежал к своим адвокатам и сделал письменное заявление. В нем он указал, что акции, принадлежавшие чужим компаниям, он просто увез на хранение в Швейцарию, так как боялся нелояльности своего партнера, то есть меня, который предъявляет к нему необоснованные финансовые претензии! Как бы боялся того, что я сам украду эти акции, и поэтому спас их для России!

Этот поразительный документ был послан нам из адвокатского бюро Berwin Leiton, обслуживающего Аделя.

Теперь нам оставалось только организовать встречу между адвокатскими командами сторон в моем присутствии, а также в присутствии прилетевших из России друзей и, естественно, Аделя Нассифа. На той встрече Адель Нассиф, поняв, что его провели, запросил сто тысяч долларов за возврат акций и их хранение в Швейцарии, чем окончательно продемонстрировал свое истинное лицо моим друзьям и, думаю, отвел их возможные подозрения в моей нечистоплотности. Я же понимал, что из России все это могло выглядеть иначе!

Удержав за рукава моих друзей, которые были готовы отлупить как следует Аделя Нассифа прямо на месте, в адвокатской конторе, мои адвокаты спокойно выслушали требование противоположной стороны и заявили следующее: «Мы предлагаем вам срочно возвратить похищенное имущество, так как располагаем письменным признанием того, что акции не принадлежат вашему клиенту. Если это не будет сделано немедленно, то мы не просто подадим в суд на возвращение украденного, но и заявим в контрольный Офис по проверке действий адвокатов Лондона о покрывательстве вора со стороны адвокатской фирмы Berwin Leiton и соучастии вашей фирмы в преступлении».

Это окончательно добило Аделя, и он отдал акции. Ну, конечно, он уже знал, что на счетах компаний не было никаких средств!

На следующий день Нассиф как ни в чем не бывало появился в нашем офисе. Такого хамства я выдержать уже не смог. До сих пор удивляюсь, что все-таки остановило меня в последний момент от того, чтобы избить наглеца на глазах сотрудников. Но удержаться от слов в его адрес я не сумел! Я сказал ему, что он не человек, а животное, скотина, червяк, которого надо просто давить. Я сказал, что его предательство так ему с рук не сойдет и что он «Dead man». Последнее значит по-английски: «Я тебе убью» или «Ты больше не жилец!». И оказалось, что это выражение на юридическом языке трактуется как прямая угроза убийства!

Меня арестовали через три дня. Двое полицейских заломили мне руки за спину и надели наручники прямо на выходе из офиса. Потом меня посадили в подъехавший полицейский автобус с зарешеченными окнами и отвезли прямо в Скотленд-Ярд.

Там мне дали позвонить, и через полчаса начался допрос. В маленькой комнатке, куда приехал вызванный мой адвокат, мне сообщили, что все мои ответы будут записаны на магнитофон и любое сказанное слово может быть использовано в суде как доказательство моей вины. Мне грозило несколько лет английской тюрьмы.

В комнату для допроса зашел улыбающийся полицейский в чине полковника и вдруг заговорил со мной на чистейшем русском языке. Он представился как специалист по российской мафии и сообщил, что, если я предпочитаю, допрос может проводиться на русском языке. Я согласился, еще не до конца представляя, что со мной происходит.

Английский полковник сообщил мне, что на меня поступило заявление от господина Аделя Нассифа о том, что я публично угрожал ему убийством. К заявлению были приложены магнитофонная пленка с моими угрозами, тайно записанная Аделем в офисе, и еще два заявления от сотрудников из моего офиса, которые дали свидетельские показания, что слышали, как я угрожал господину Нассифу убийством.

Далее начались вопросы об мне, о моей семье, о моей деятельности, о совместном бизнесе с Аделем Нассифом и т.д. Мой адвокат настаивал на том, чтобы я не отвечал, но я его не послушался и, наоборот, возмущенный происходящим, отвечал на все вопросы полковника на русском языке. Он переводил мои ответы на английский, и все мной сказанное фиксировал на бумаге другой полицейский.

Отвечая на не относящиеся к делу вопросы, я лихорадочно готовился к ответу на самый главный вопрос: признаете ли вы то, что угрожали убийством Аделю Нассифу в присутствии сотрудников офиса три дня назад? И когда этот прямой вопрос прозвучал — я был уже готов и быстро ответил:

— Нет! Не признаю и полностью отрицаю!

— Как же так? — удивился полковник. — Вот же запись вашего голоса и свидетельские показания!

Мне прокрутили запись, но, наверное, сработала моя давняя тренировка в находчивости, которую я получил еще в институте, играя в КВН. Я был уже готов выкрутиться из создавшегося положения и особым способом прокомментировать записанное на пленке!

— Я ему не угрожал! — сказал я. — Это попытка Аделя Нассифа меня оговорить, чтобы не отдавать украденные деньги и избежать суда.

Полковник недоуменно на меня уставился.

— Но вы признаете, что записанное на пленке сказали именно Вы?

— Да, признаю! — ответил я. — Но я ведь что сказал: «You are dead man!» Уж не знаю, как это может быть воспринято, но я имел в виду только одно — что Адель Нассиф для меня больше не партнер! «Ты конченный человек!» — дословно перевел я.

Возникла пауза. Полковника слегка передернуло. Он схватил лежащий рядом большой словарь англо-русского языка и прочитал: «Dead — мертвый, смерть, КОНЧИНА!» Получалось, что я мог быть прав: «конченный человек» вполне могло быть переведено на английский язык как «Dead man!» Поэтому никакой угрозы в констатации факта окончания наших отношений в моих словах не подразумевалось.

Мой адвокат был в полнейшем восторге, когда полковник перевел на английский язык все то, о чем только что шла речь! Он моментально воскликнул:

— Если у вас нет больше претензий и других вопросов к моему клиенту, прошу вас больше нас не задерживать!

Мы вышли из Скотленд-Ярда, и мой адвокат, взглянув на меня с большим интересом, сказал:

— А я ведь действительно подумал, что вы угрожали убийством Аделю Нассифу! Вот что значат языковые барьеры!

— Именно, — согласился я. — Разные языки и разные понятия!

Если бы в тот момент мне на глаза попался Адель Нассиф, я бы, наверное, убил его сразу и не задумываясь! Но мой английский адвокат был удовлетворен моей безупречной порядочностью джентльмена!

— — —

Когда у вас кто-нибудь украдет пять миллионов долларов, спокойный сон пропадает. Это я испытал на себе. Прежде чем заснуть, вы начинаете считать, сколько эти пять миллионов составляют, например, в «Мерседесах» или в катерах на Средиземном море. Сколько лет вы могли бы на эти деньги просто жить, ничего не делая, или какую благотворительную помощь вы могли бы оказать людям достойным, если бы не эта сволочь и деньги остались бы в ваших руках! Такие подсчеты могут свести с ума или толкнуть на преступления.

Один из моих близких людей в России, узнав об этой истории, просто спросил:

— Как ты смог после этого выжить?

Мои неприятности, впрочем, продолжались. Через день меня не впустили в собственный офис! Специальный человек представился как «внесудебный исполнитель» и предложил мне в течение получаса покинуть помещение, захватив с собой личные вещи! Оказалось, что договор об аренде офиса был оформлен на нашу общую с Аделем Нассифом компанию и подпись там стояла Аделя. Он расторг договор и переписал его на новую компанию, уже принадлежащую ему одному.

Мне же предложили срочно освободить помещение чужого офиса или в дело вмешается Скотленд-Ярд! Поводов для убийства Аделя накапливалось все больше и больше!

В это же время я получил еще один тяжелейший удар. Ко мне приехал журналист из газеты «Вашингтон пост» — молодой парень, говорящий по-русски. Он сказал, что работает в Москве штатным корреспондентом газеты и получил задание от редакции написать обо мне большую положительную статью, с фотографиями и описанием моей деятельности за границей.

Конечно, мне было приятно такое внимание со стороны столь престижной в мире газеты, и я согласился на интервью.

Я подробно рассказал о моих взглядах на российскую экономику, об ошибках Гайдара, которые могут привести Россию к тяжелым экономическим последствиям. Я говорил о новом классе предпринимателей, которым в России не дают возможности легальной деятельности, и им приходится придумывать всякие способы ухода от уплаты налогов. Мы обсудили примеры того, что для отдельных видов бизнеса налоги в России составляли более ста процентов. И этот дурацкий парадокс действительно душил любую инициативу людей.

Меня даже не насторожил тот факт, что корреспондент не пользовался магнитофоном во время интервью. Он кивал, что-то записывал в книжку, улыбался, периодически вскидывая взор в мою сторону. Потом был вызван штатный фотограф из представительства газеты в Лондоне, и мы пошли в парк, чтобы сделать фотографии. Меня снимали сидящим на скамейке, кормящим голубей и гуляющим по аллеям парка. Все оплачивала редакция газеты «Вашингтон пост».

Вскоре статья вышла в свет и оказалась для меня совершенно убийственной! В начале ее с большой издевкой говорилось, что в самых дорогих кварталах Лондона, где когда-то жил лорд Байрон, в самых роскошных апартаментах ныне обитает новый русский Артем Тарасов, который контролирует невероятные капиталы, вывезенные его сообщниками за рубеж. О том, что я абсолютно криминальная личность, преступник,

сбежавший от уголовного преследования в Лондон и держащий воровской общак.

Потом приводилось множество фактов, никак не связанных со мной: о вывозе капитала, о грабежах, о расстройстве финансовой системы России, об ошибках и воровстве в правительстве России.

А в конце статьи опять возникал я в качестве крестного отца мафии:

«Тарасов купил банк в Монако и складывает туда деньги, вывозимые нечестным путем. В то время как руководство России просит в долг деньги на Западе, оно свои собственные капиталы с помощью таких личностей, как Тарасов, прячет от населения за рубежом!»

Примерно так оканчивалась эта статья в газете.

Ее моментально перепечатали многие газеты, прежде всего «Геральд трибюн» и «Новое русское слово» в Нью-Йорке, а потом и наша «Комсомольская правда»...

У меня случился нервный срыв.

От всего этого можно было сойти с ума! В Королевский суд Великобритании я подал два исковых заявления, не связанных между собой: на Аделя Нассифа, укравшего пять миллионов долларов, и на газету «Вашингтон пост» за клевету.

Выкинутый из офиса, я переехал в маленькую комнатку несколькими этажами ниже, перенес туда свой компьютер и какие-то файлы, но огромное количество документации было для меня потеряно и потом использовалось против меня в суде. Например, подписанные мной, но так и не реализованные договоры с Республикой Коми — как доказательство того, что я похищал государственные деньги.

В эти трагические дни жизнь свела меня с Виталием Козликиным, который в будущем стал моим ближайшим соратником. Он работал в «Санди таймс» и приехал брать у меня интервью.

Что и говорить, я сразу стал интересным человеком — живет в Англии такой крутой бандит, причем абсолютно легально! Кстати, мои документы, предоставлявшие мне право на постоянное жительство в Лондоне, все еще находились в тот

период в министерстве внутренних дел, и меня в любой момент могли выслать хоть в Россию, хоть в Доминиканскую Республику.

Меня стали активно травить и в России. Заместитель генерального прокурора России Макаров во время очередного выступления вдруг назвал меня преступником и заявил, что я должен быть немедленно выдан России и арестован.

Главный редактор «Независимой газеты» Третьяков опубликовал статью, в которой сообщил: украденные на программе «Урожай» тридцать миллионов долларов Тарасов держит в своем банке в Монако на собственном счету. Упоминался при этом и банк «Париба Монако», где никаких счетов у меня не было, и, конечно, этот банк никак не мог быть моей собственностью! Связываться с газетами в России мне не хотелось, и поэтому я послал в «Независимую» опровержение, которое, к чести редактора, было опубликовано. Оно представляло собой инструкцию, адресованную в банк «Париба Монако»: *«Предъявителю настоящего распоряжения господину Третьякову прошу немедленно выдать на руки тридцать миллионов долларов наличными»*. И моя подпись. Я думаю, что шутка была понята правильно и Третьяков все же туда не обращался!

Адвокаты на Западе — это реальная сила, которая привела к разорению бесчисленное количество людей! Увы, я этого не знал. Оплата адвокатов в день стала такой, что каждая отсрочка судебного заседания наносила мне огромные убытки. А Адель Нассиф явно тянул время до начала суда. Это была простая тактика: своим адвокатам он платил моими же украденными деньгами, а я вынужден был расплачиваться остатками своего капитала. Он решил взять меня финансовым измором.

Система судопроизводства в Англии очень отличается от других стран. В Великобритании, например, не существует никакого свода законов и просто нет никакого Уголовного кодекса. Там действует так называемое прецедентное право, когда обе стороны представляют в суд в качестве доказательства своей вины или ее отсутствия ссылки на аналогичные процессы, когда-то уже состоявшиеся до этого случая. Причем эти ссылки приводятся на процессы, которые были в Англии, напри-

мер, в 1750 году или даже раньше, затем позже, в конце XIX и в начале XX века, и так до наших дней. Каждая из сторон приносит в суд огромное количество томов, в которых собраны описания всех этих процессов, и в них делаются закладки в тех местах текста, которые, по мнению каждой из сторон, могут повлиять на мнение судьи и привлечь его на свою сторону.

Наверное, по этой причине в Англии каждым случаем занимаются два совершенно разных типа адвокатов, которым платят независимо друг от друга. Одни адвокаты — «Solisitors» — готовят вашу историю и ведут переписку с адвокатами другой стороны. Другой тип адвоката — «Baristers» — готовит ссылки на аналогичные исторические процессы и выступают в суде. Таким образом, сумма гонорара всегда удваивается, а поскольку среднее время делопроизводства и рассмотрения случая в суде Великобритании достигает нескольких лет, каждый обратившийся в суд рискует не только проиграть процесс, но и потерять все свое состояние в конце рассмотрения дела. В решении английского суда чаще всего указывается, какая из сторон должна покрыть судебные издержки другой стороны, что, впрочем, чаще всего не исполняется вполне легальным способом.

Наконец состоялся первый суд. Сторона Аделя Нассифа не могла отрицать факта присвоения денег и совсем не пыталась оспорить это на суде. Их позиция состояла из двух простых моментов: во-первых, говорили они, Тарасов — обыкновенный международный преступник, находится в розыске, и поэтому деньги эти не его, а нелегально вывезенные за границу. А во-вторых, деньги, перечисленные на покупку банка, были просто истрачены господином Аделем Нассифом как наемным работником на подготовку и осуществление сделки. Теперь их просто нет, так что и возвращать нечего!

Первое обвинение в том, что я преступник, легко доказывалось представлением в суд статьи из газеты «Вашингтон пост», авторитет которой сомнений не вызывал. А второй факт, о трагедии денег, также подтверждался показаниями сотрудников офиса о том, что Аделем Нассифом работал на меня в офисе и это вполне могла быть его зарплата за два года.

На первое обвинение мой барристер нашел несколько случаев, когда один преступник воровал у другого преступника деньги, и тот, кто первым обращался в суд, был признан потерпевшим и деньги суд возвращал. На второе обвинение, конечно, была предъявлена собственноручная записка Аделя Нассифа о хранении денег в трасте, что являлось стопроцентным доказательством принадлежности денег. Нарушение договора траста в Англии грозило лишением свободы до двадцати лет!

Адвокатам Аделя Нассифа предоставлялись две возможности: признать нашу правоту и отдать деньги, в противном случае их клиент мог быть арестован в зале суда за нарушение траста и ему грозило лишение свободы. Поэтому, к моей неописуемой радости, сторона Аделя Нассифа признала себя побежденной, и я выиграл процесс!

Наивный человек! Я думал, что все закончилось. Прямо завтра мне вернут деньги, заплатят за эти годы все проценты по счетам и дадут компенсацию в полтора миллиона долларов, истраченных на адвокатов!

Эти часы радости все же приятно вспоминать! Однако радость закончилась уже через сутки. На следующий день адвокаты Аделя Нассифа подали в суд бумаги о признании своего подзащитного полным банкротом! Не зря все же Адель ездил по странам и готовил свое отступление в банкротство! Никакой собственности у него не оказалось: все было переписано на имя жены, тещи, братьев и других членов семьи. Даже автомобиль, на котором ездил, он взял, оказывается, по доверенности у тестя. Счетов на имя Аделя Нассифа ни в одном из банков также не имелось, он пользовался кредитной карточкой жены, даже счета в магазинах за последние годы при покупке его личных и домашних вещей, которые были предъявлены суду, были оплачены женой и другими родственниками Аделя.

Суд постановил признать Аделя Нассифа банкротом, запретить ему заниматься предпринимательством и иметь собственный бизнес на территории Великобритании сроком на три года, а также ограничить его личные траты в месяц суммой

триста фунтов стерлингов. Присматривать за этим назначили специального судебного наблюдателя, который имел право в любое время дня и ночи побеспокоить Аделя и потребовать у него отчет о тратах. Одну вещь у Аделя Нассифа конфисковали — золотые часы «Ролекс», на которые у него не осталось чека, и они были признаны фактической его собственностью. Так свершилось правосудие!

Единственной возможностью попытаться предпринять хоть какие-то меры против Нассифа в Лондоне была попытка обратиться в «Офис серьезного обмана».

В «Офисе» приняли меня с большим интересом как будущего потенциального подследственного, учитывая мою биографию, опубликованную недавно в «Вашингтон пост». Однако помочь разобраться с Аделем Нассифом — отказались.

— Понимаете, — сказали мне сочувственно, — ведь он украл у вас только пять миллионов долларов, что меньше пяти миллионов фунтов стерлингов по курсу обмена. Значит, мы не имеем права заниматься этим делом, так как оно недотягивает до определения «серьезный обман» тысяч на пятьсот. Наверное, ваш вор знал эту ситуацию и поэтому все правильно рассчитал. Иначе мы бы арестовали его немедленно. Сходите в Скотленд-Ярд — это по их части!

В Скотленд-Ярде дело приняли к производству и тихонько закончили как бесперспективное лет этак через пять...

Адель Нассиф продолжал спокойно жить в Лондоне и заниматься своими делами. Он, правда, нанял множество телохранителей, чуть ли не из ливанской террористической организации ХАМАС. Теперь ходить не оглядываясь стало для него очень трудным занятием. Сообщения из России о заказных убийствах все больше и больше тревожили его ранимую душу. Я уверен, что воображение рисовало Аделю Нассифу множество картин его неестественной смерти. Хоть эту моральную кару он заслужил.

Примерно через год наступил момент, когда Аделя стала тяготить такая жизнь. Однажды он случайно встретил в магазине человека, который работал со мной, немедленно бросился на улицу и стал звать телохранителей, выбежавших из машины.

В апреле 1994 года он сам предложил вернуть часть денег, чтобы досрочно закончить дело о банкротстве и обрести менее нервную жизнь.

Сначала Адель через посредника в лице своего тестя предложил мне триста тысяч фунтов. Я отказался и передал ему, что скоро он выплатит все. Хотя, конечно, оснований у меня для такой уверенности не было. Потом он предложил полтора миллиона... И я этому искренне обрадовался! Хотя бы вернуть гонорары за услуги юристов! Ведь мой второй судебный процесс против газеты «Вашингтон пост» все еще рассматривался и до суда ему было далеко. А следовательно, траты росли каждый день.

Адвокаты Аделя принесли мне на подпись бумагу, в которой я соглашался на компенсацию в полтора миллиона фунтов стерлингов и досрочное прекращение банкротства Аделя Нассифа. Не видя возможности ни для какого подвоха, я подписал бумагу в присутствии нотариуса.

Но вскоре оказалось, что Адель Нассиф должен не только мне, а множеству кредиторов, которые были перечислены в огромном списке! Всего сорок человек! Среди них, разумеется, значились: его брат, тесть, дядя с тетей, племянники и родственники со стороны жены! Со всеми с ними он, оказалось, заключил задним числом договоры о ссудах, займах и материальной помощи, которые якобы брал и обещал вернуть!

В этом списке были и реальные фирмы, которым Адель был должен: к примеру, он надул несколько адвокатских контор, не заплатив им за работу по обслуживанию нашего судебного процесса, ту же всемирно известную адвокатскую фирму Berwin Leiton на сто тысяч долларов!

И хотя я был главным кредитором, из этих полутора миллионов по закону мне полагалась только меньше половины. Остальные деньги распределялись между этой группой, то есть фактически оставались в семье Аделя Нассифа. А бумагу-то я уже подписал! Это был еще один урок подлости в моей жизни.....

В итоге он отдал мне шестьсот тысяч долларов, при этом выплачивая их порциями в течение полугода. Так закончилась история с Аделем Нассифом или история моей глупости, что одно и то же.

— — —

Процесс против газеты «Вашингтон пост» продолжался. Уже прошли годы моей работы в Государственной думе России с 1993 по 1995 год. Я сменил в Англии адвокатов на менее дорогих и более профессиональных в судебных делах о клевете. Мне пришлось также взять известного в России адвоката Б.А. Кузнецова, который имел репутацию совершенно неудержимого человека, побеждавшего во множестве процессов. Мы успели вместе с Кузнецовым проиграть политическое дело в Верховном суде о восстановлении меня в списках кандидатов на выборах президента. Я успел вторично эмигрировать из России в конце 1996 года, когда узнал от журналистки Ниточкиной о готовящемся аресте, а дата суда с газетой «Вашингтон пост» все время откладывалась и не назначалась!

Тем временем адвокат Кузнецов подал в суд на газету «Комсомольская правда», которая перепечатала статью из «Вашингтон пост», и выиграл процесс! Суд признал статью действительно клеветнической, так как доказательств моей вины или участия в каком-либо преступлении не было. Потому все обвинения были голословны и, оказывается, «Комсомолка» не имела права просто перепечатать их без ознакомления с доказательствами! Компенсацию, на которую мы претендовали, размером в один рубль, честно выплатили и опубликовали опровержение.

Перенос дела в Англии происходил потому, что адвокаты «Вашингтон пост» из компании под названием «Инносент», что в переводе означает «Невинность», вылетели в Россию для сбора доказательств по делу. На самом деле они просто скупали за взятки свидетелей, которые могли им помочь выиграть у меня совершенно безнадежное дело. Ведь помните, в статье утверждалось, что я купил банк в Монако, где и держу все украденные в России деньги. Мы просто просили их предоставить название и адрес этого банка. А поскольку такого не существовало в природе, дело было для них проигрышным.

В английском суде нельзя заранее назвать сумму денег, на которую вы претендуете за моральный ущерб. Это прерогатива самого суда. Что, с одной стороны, не так уж плохо, с уче-

том прецедентов по аналогичным делам, в которых проигравшие стороны выплачивали многомиллионные компенсации.

Адвокаты агентства «Инносент» денег на подкуп свидетелей в России не жалели. Они останавливали в коридорах Думы депутатов и предлагали за деньги подписать против меня бумагу, в которой утверждалось, что я преступник. Нарвались с этим на мою подругу — Галину Старовойтову, которая не просто послала их подальше, но и, наоборот, написала показания в суд в мою защиту, сообщив о попытке ее подкупа! Некоторые депутаты, естественно, бумаги подписывали! Но это все было бы еще ничего, а вот то, что адвокатам газеты удалось подкупить несколько официальных лиц: полковников МВД и даже представителя Интерпола в России, — это уже было делом серьезным. Они также заплатили за возобновление моего уголовного дела в России. Помните, все та же история с контрабандой мазута в 1989 году!

Полковники дали одинаковые показания, как под копирку, нарушив тем самым множество российских законов. Во-первых, тайну следствия, во-вторых, уж они-то как раз и не имели права называть меня преступником до решения суда из-за своих должностных обязанностей.

В дальнейшем — по признанию самой адвокатской конторы «Инносент» — для добывания этих показаний было истрачено в России два с половиной миллиона долларов, которые заплатила газета «Вашингтон пост»!

Я очень сильно нервничал! Слежка в Англии, очевидно, организованная после обращения подкупленного представителя Интерпола в Москве, окончательно выбивала меня из колеи. Мои адвокаты абсолютно обнаглели и требовали гонорары по двадцать—тридцать тысяч фунтов стерлингов в неделю! Моя репутация в мире бизнеса была подорвана. Меня перестали приглашать на встречи Клуба молодых миллионеров, были разорваны сделки и контракты. В Лондоне со мной предпочитали не общаться депутаты английского парламента, которые еще совсем недавно пили водку и встречались со мной в клубах. Но, конечно, не все из них.

Все же настоящие друзья отреагировали на статью вполне спокойно. Я помню, как позвонил Джиму Джеймсону, имя ко-

тогого также упоминалось в статье. Там было написано, что журналист созвонился с Джимом Джеймсоном и тот ответил ему на вопросы о знакомстве со мной. Бывший министр торговли США назвал меня своим другом и пионером капитализма в России, таким же первопроходцем, какими были первые поселенцы в Америке. И даже героем России. Все это описывалось в издевательском тоне: смотрите, мол, как недалёковиден американский министр!

Когда я позвонил, Джим еще не читал статью или, по крайней мере, мне об этом не сказал! Я объяснил ему по телефону, что подаю на газету в суд, что там все ложь и я очень прошу нормально на все это отреагировать. Джим выслушал меня и вдруг спросил:

— Ты посмотрел внимательно, твоя фамилия в статье правильно написана?

— Да, а при чем тут это?

— Нет, ты мне скажи, там правильно твоя фамилия указана, они не наврали в буквах или в имени?

— Да нет, Джим! Так и написано — Артем Тарасов!

— Ну, тогда я тебя поздравляю с большой удачей! — сказал Джим. — Попастъ на страницы газеты «Вашингтон пост», да еще на целый разворот, — это огромная удача! Поздравляю! Абсолютно никакой роли не играет, что они о тебе написали! Главное, чтобы правильно была напечатана твоя фамилия! Прими мои поздравления!

Адвокат Кузнецов, получив от меня копии письменных (под копирку) показаний наших российских полковников в суд Великобритании, очень обрадовался!

— Теперь я их сделаю! — сказал он мне по телефону. — Не только твое дело закроют, но и погон своих лишатся, сволочи! Я подаю на них в суд от твоего имени и по твоей доверенности! Будет решение российского суда об их ответственности за клевету, и тогда ничего не стоит выиграть дело и в Лондоне!

Это показалось мне обнадеживающим. Дело в том, что в английском суде показание полковника милиции могло быть расценено как показание, сделанное, например, полковником Скотленд-Ярда! В силу своего служебного положения

врать в суде полковник полиции просто не может! Так же могли бы отнестись и к показаниям милиционеров. Доказать же, что им дали взятки, у меня возможности не было. Да в это просто мог не поверить английский суд: как это можно дать взятку милиционеру, то есть полицейскому? Разве такое в принципе возможно?

Кузнецов подал в суд на полковников МВД за клевету, на следователя, ведущего мое уголовное дело в России, и на представителя Интерпола в Москве!

После этого и началась за мной слежка в Лондоне. Полковники действительно испугались остаться без погон, поэтому просто сам факт моего существования на земле представлял для них реальную угрозу. Если бы со мной, например, произошел несчастный случай в Англии, всем бы стало легче! Я понимал, что такой случай можно и подготовить!

Поэтому однажды я собрал портфель, удочки, написал записку жене и улетел из Англии, никого не поставив об этом в известность.

— — —

Сначала я попал в Амстердам: пошлялся там по кварталу «красных фонарей», посмотрел местный филиал Музея мадам Тюссо, Музей марихуаны, половил рыбу в каналах... Потом меня потянуло в Данию, и я отправился в Копенгаген, в котором никогда раньше не бывал. Пожил там, полюбовался на памятник Русалочке на камне, посетил парк Тиволи, попил пиво на набережной залива. Потом была Швейцария, откуда я почему-то махнул аж в Таиланд.

А через две недели избыточной экзотики в Таиланде я отправился в Канаду. Вначале в Ванкувер, где ловил лососей в озере. На неделю слетал из Ванкувера в форт Святого Джона на границе Канады и Аляски. Там клевали огромные судаки и северные шуки.

Далее я направился в Торонто, где поселился на самой длинной улице в мире Young Street, протянувшейся на 250 километров! Я жил на этой улице по адресу дом 1. Вставал каждое утро и шел по ней пешком. Заходил в магазинчики, ма-

ленькие кафе, кинотеатры. Погода летом в Торонто стояла просто замечательная, и мой маршрут каждый день все удлинялся. Сначала я проходил три километра и возвращался на такси, потом хватало сил идти в обе стороны, потом пять километров, потом семь, десять!

Как-то наткнулся на объявление о пересадке волос, чтобы ликвидировать лысину. Воспользовался их услугами. Засеяв лысину фолликулами волос с задней части головы, поехал ждать новую поросль в маленький и уютный город на озерах в тридцати километрах от Торонто. Оказалось, что там родина моего с детства любимого писателя Стивена Ликока. Каждый день я пил чай в его домике-музее на озере, который он когда-то построил своими руками, сидел на его терраске, читал местные газеты. Мне нравилась моя новая жизнь.

Ночами я играл в огромном индейском казино в местной резервации, а ранним утром брал катер и ловил рыбу в потрясающих озерах. Клевали и ловились огромные басы — большеротые окуни, которые не водятся в России. Попадались и рыбы под названием «гарпия», обладавшие восхитительными вкусовыми качествами. Мне готовили их в местном ресторанчике, подавая вместе с жареной картошкой фри.

Я не звонил ни домой, ни в офис, и никто не знал, где я нахожусь, просто исчез человек — и все! Для жены, конечно, это был большой стресс, который, как ни странно, пошел ей на пользу. Она вскоре начала понимать, что такого размера дом ей просто не нужен, что и пяти комнат на двоих вполне хватит. В магазинах, куда Лена привыкла ежедневно ходить, она вдруг обратила внимание, что цены абсолютно несуразные и не соответствуют реальности жизни!

Она решила заняться чем-то полезным, так как деньги, оставленные мной на общем счете, могли ведь и закончиться, а я мог бы так и пропасть невесть где! Жена окончила курсы мозаики, попыталась реализовать тысячи любительских фотографий, сделанных ею во время наших путешествий по всему миру. Купила себе автомашину «Ауди-4» и сдала экзамены на вождение, получив английские права. В общем, Лена очень стойко перенесла этот период, излечившись от многих своих

пороков. Ну, если быть точным, не излечившись, а отказавшись от них.

Поймав несколько удивительных рыб в знаменитой реке Ниагаре — окуней зеленого цвета с красными глазами, я вернулся в Торонто и вскоре окончил там двухмесячные курсы пользователей Интернета. У меня с собой был портативный компьютер, я впервые вышел в Интернет самостоятельно — и это меня страшно увлекло! У меня завязались какие-то разговоры в чатах, знакомства, и это стало настоящим спасением от одиночества, которое все-таки начинало меня одолевать. Ведь я уже начал разговаривать сам с собой. Жил практически один, знакомых рядом не имел, поскольку постоянно менял адреса, все мое общение ограничивалось время от времени проститутками или дилерами в казино...

Я был человеком без прошлого, и в Торонто даже с трудом снял квартиру. Потому что меня спросили: «Откуда вы? Кто вы? Что вы?» А я просто не знал, что отвечать. Никаких рекомендаций у меня не было, и даже домашнего адреса я назвать не мог.

Идти по самой длинной улице мира можно было всю жизнь. Я продолжал ходить по ней ежедневно, а возвращаясь домой, просиживал в Интернете. Через поиск в Интернете нашел своего старого друга, который переехал в Америку и стал там признанным ученым, специалистом по диагностике рака молочной железы. Я списался с ним по e-mail и даже сделал ему вебсайт, проведя серьезную дизайнерскую работу...

Я уехал в начале июля, а первый раз позвонил в офис в Лондон только в конце сентября. И я узнал от Виталия Козликина, оставшегося в офисе в Лондоне, потрясающую историю: мои адвокаты от меня отказались, поскольку боялись, что им не заплатят! Этим воспользовались адвокаты «Вашингтон пост» и предъявили мне встречный иск о том, что я организовал травлю и давление на свидетелей в Москве!

Причем главным их аргументом стало то, что я подал в суд за клевету на милицейских полковников, купленных «Вашингтон пост». А оказалось, что по правилам английского суда если кто-то из участников процесса оказывает давление на свидетелей, то моментально проигрывает сам процесс!

В своем иске адвокаты «Вашингтон пост» требовали не только признания статьи правдивой, но и компенсации их собственных затрат за последние четыре года в сумме двух с половиной миллионов долларов!

Я позвонил своему бывшему адвокату и поинтересовался: в каком состоянии дело?

— Не знаю, я от вас давно отказался! — ответил он.

Я ему говорю:

— Напишите письмо, что вы снова возвращаетесь в дело!

Он отвечает:

— Хорошо, если переведете деньги вперед! Это будет вам стоить, ну, скажем, тридцать тысяч фунтов стерлингов!

— Ладно. Сегодня же переведу! А что дальше? Не будет ли суда без нашего ведома?

— Если мы вернемся в дело, нам дадут ознакомиться с их претензиями до суда!

Я перевел деньги адвокатам и позвонил Лене.

Был очень спокойный разговор. Она сказала, что не понимала, насколько серьезными были мои проблемы. И в принципе ни в чем меня не обвиняет. Предложила приехать ко мне в Канаду, и я согласился, потому что возвращаться в Англию мне уже не хотелось. Я привык и стал уже таким местным торонтовским парнем. Осталось согласовать дату ее приезда.

Через два дня я опять позвонил адвокату в Лондон.

— Ваши деньги получены, — сказал он. — И мы отправили письмо адвокатам в компанию «Инносент». Теперь они извещены, что мы продолжаем тяжбу.

— А они не смогут без вашего ведома выйти на суд и выиграть дело? — спросил я снова.

— Ну что вы, конечно, нет! — уверил меня адвокат. — По правилам юриспруденции теперь каждый шаг должен быть официально согласован между обеими сторонами!

Но меня почему-то это заявление не успокоило. Я продолжал волноваться. И мое предчувствие меня не обмануло!

Еще через пару дней я снова позвонил адвокатам в Лондон. В Торонто было утро, а в Лондоне — уже около шести часов вечера.

— Знаете, вы оказались правы! Мы только что узнали от наших знакомых клерков в суде, что на завтра на девять часов утра назначено слушание по вашему делу и иску к вам газеты «Вашингтон пост».

— Ну пойдите туда завтра и попытайтесь что-то сделать!

— Мы не можем! — ответил адвокат. — Где мы сейчас найдем барристера, я ведь солиситор — я не имею права выступать в суде. Нужен барристер, а рабочее время уже закончилось! Да и кто согласится выйти в суд, детально не ознакомившись с вашим делом?

У меня мелькнула ужасная мысль: уж не подкуплен ли мой английский адвокат, который специально поставил меня в такое положение? Но я отбросил это соображение. Нужно было действовать.

— Давайте проиграем процесс, — продолжал мой адвокат, — а потом подадим апелляцию в вышестоящую инстанцию!

— Вы с ума сошли! — закричал я, поняв, куда меня желает втянуть адвокат. — Немедленно ищите барристера и предложите ему выступить в суде. Пусть просто скажет, что суд происходит без нашего ведома и мы просим дать нам время. Я вылетаю в Англию завтра!

— Да, я, конечно, поищу, но это будет вам стоить...

— Сколько будет стоить, пусть столько и стоит! — закричал я в трубку, прибавив несколько коротких слов по-русски.

Я понимал, что если газета «Вашингтон пост» завтра выиграет процесс и мне присудят платить ей два с половиной миллиона долларов — мне конец. Меня действительно тогда арестуют в любой стране мира по запросу суда и газеты к Интерполу. Появится статья с подробным разоблачением меня как международного преступника, желавшего ввести в заблуждение английское правосудие! В России основным доказательством моей вины будет предъявлено решение английского суда. Я стану персоной нон грата в Англии, а скорее всего, во всей Европе, не говоря уже об Америке. Какая там апелляция!

Мой адвокат Себастьян вообще был неприятный человек. Оказывается, как только я уехал, он сразу предложил свои услуги моей жене: давайте разыщем его, вы разведетесь и полу-

чите половину его состояния! Но Лена сказала: «Да вроде меня муж не оставил, в письме написано, что он должен побыть один и по мере возможности позвонит и приедет обратно...»

Он назвал по телефону второй раз сумму в тридцать тысяч фунтов стерлингов, и я согласился.

А на завтра дело происходило так. Когда адвокаты «Вашингтон пост» предъявили копию моего иска к полковникам, судья сказал: «Дело абсолютно ясное, это давление на свидетелей!» В этот момент встал молодой барристер, которого успел нанять мой адвокат, и говорит: «Понимаете, меня только вчера наняли, я и сути дела не знаю... Но одно я знаю твердо: адвокаты Тарасова не были поставлены в известность. Этот процесс организован одной стороной, истцом, без ведома ответчика...»

И тут произошло настоящее чудо! Английский судья поднял свои бесцветные английские глаза и сказал:

— Ах, это вы, американцы, приехали сюда, чтобы подрывать нашу английскую систему правосудия? Да вы знаете, где находитесь? В английском суде, которому на тысячу лет больше, чем всей вашей Америке! Это вам не штат Нью-Йорк! Даю месяц на переговоры и на то, чтобы ответчик написал объяснение! И вы только попробуйте сделать еще раз нечто подобное, так полетите отсюда кубарем! Да я вас лицензии лишу прямо здесь же! Да я вас под арест отдам немедленно за попытку обмана суда!

Вот так из победителей в одну минуту адвокаты «Инносент» превратились в побежденных!

Узнав обо всем, что произошло на суде, я срочно рванул в Лондон. Пришел домой...

Жена выглядела очень хорошо и была абсолютно спокойна. Первым делом я попросил ее не спрашивать о том, что случилось, а поговорить обо всем в другой раз. Она с готовностью согласилась, и мы так об этом моем путешествии никогда и не говорили...

Для удовлетворения английского суда пришлось забрать исковое заявление против милицейских полковников в России. Адвокат Кузнецов письменно взял «вину» на себя. Дескать, это он сам, по своей инициативе подал в суд на полков-

ников, без ведома своего клиента, и приносит извинения мне и английскому суду.

Обстановка в России разрядилась. Полковники вздохнули с облегчением, теперь никто не будет докапываться, почему они давали такие показания и сколько за это получили.

А вскоре было заключено мировое соглашение, по которому в «Вашингтон пост» и в «Геральд трибюн» появились опровержения. Конечно, я не получил никакой денежной компенсации, но это была победа! Это была невероятная, колоссальная победа — через четыре года добиться того, чтобы газеты опубликовали опровержение собственной статьи! Я разослал его копии по многим адресам.

Вернувшись в Лондон, вновь активно занялся бизнесом. Моментально поставил в офисе и дома Интернет. В Москве не стало заказчиков на продолжение моего уголовного дела, и его закрыли по истечении давности лет, так и не добившись от меня никакой взятки.

Вскоре я увлекся игрой на бирже по Интернету. В этом, очевидно, положительную роль сыграли моя интуиция и навыки игрока в казино. Я стал проводить одну операцию за другой, и каждая оказывалась успешней предыдущей. Мой капитал рос невероятными темпами. Иногда за один месяц я получал до ста процентов прибыли! К концу первого года игры на бирже мой результат составлял более тысячи процентов годовых! Оставалось только жалеть, почему я начал играть не на все свои деньги сразу, а на выделенную и совсем небольшую сумму. На второй год я перекрыл собственный рекорд, сыграв с прибылью в 1200 процентов, за что был выдвинут Чикагской биржей на премию как лучший иностранный брокер года!

Я долго думал, почему мне так удивительно повезло: я не исчез, не умер, не сошел с ума, не проиграл дела в суде, но вернулся и преодолел весь этот кошмар. Мне приходило в голову единственное, весьма банальное объяснение: это — судьба.

**НЕ СОЗДАВАЙ
СЕБЕ КУМИРОВ
И НЕ СЛУЖИ ИМ**

Глава 10

ЗВЕЗДА ПЛЕНИТЕЛЬНА ОТЧАСТИ

Политики — люди особенные. Они и актеры, и бизнесмены, и короли, и шуты одновременно. Но, как правило, люди умные.

Владимир Вольфович Жириновский — очень яркий представитель этой касты, объединивший в себе все перечисленные свойства политиков. Общаясь с ним в Думе и за ее пределами, я очень скоро понял, что он существует в двух образах. Первый — его реальная личность, в которой он пребывает вне публичного пространства: когда неформально общается с друзьями, проводит переговоры по бизнесу и, очевидно, дома, в кругу семьи, без посторонних лиц и соратников. Второй — это роль вождя, которую Жириновский играет на публике.

Помню, однажды, в первые дни работы Думы, Владимир Вольфович в сопровождении огромного количества репортеров шел по коридору. Было достаточно шумно, а я стоял метрах в пятнадцати от его пути. Рядом с ним в толпе двигался один из его заместителей по партии, бизнесмен и предприниматель, с которым я был знаком еще до выборов. Он обещал представить меня лично Жириновскому, остановился рядом со мной. И окликнул Вольфовича вполголоса, скорее даже просто тихо произнес его имя.

И вдруг Жириновский моментально остановился и, расталкивая ничего не слышавших репортеров, быстро преодолел разделявшее нас расстояние. Хороший актер должен обладать боковым зрением и моментально реагировать на реплики партнера. Это и было нам продемонстрировано.

— Познакомьтесь, Артем Тарасов! — представил меня заместитель Жириновского.

— А, я тебя помню! Встречались в 90-м году, — вождь пожал мне руку. — Ну что! — продолжал он. — Ты за свободный

рынок, и мы за это. Ты против коммунистов, и нам с ними не по пути. Мы с тобой не враги.

Это было сказано так, что у меня с языка чуть было не слетели слова благодарности.

Исполнение роли вождя, которую играл Владимир Вольфович, очень ярко проявилось в конфликтном эпизоде с Марком Горячевым. Тогда Жириновский пришел в столовую Думы вместе с соратниками по партии и кучей телохранителей. Туда же вошли два оператора с телекамерами на плечах и журналисты. Жириновский направился к столику, за которым всегда обедал. А там сидел Марк Горячев, молодой депутат из Ленинградской области и известный бизнесмен, доедавший свою сосиску.

— Так! Этот столик зарезервирован за ЛДПР. Быстро его освободите! Пересаживайтесь немедленно! — приказал Жириновский.

Марк Горячев молча поднял на него глаза, встал и двинул со всей силы кулаком в лицо...

И тут для непосвященных произошло нечто совершенно странное.

Что делает нормальный человек в ситуациях, когда его кто-то ударит? Обычно резко высказывает свое возмущение и пытается дать сдачи, если чувствует себя достаточно смелым. Реакция пугливого человека: схватиться за нос и убежать.

Но если вы находитесь на сцене и играете роль в спектакле, тогда ваше поведение может быть каким угодно, таким, как написано в пьесе. А сам человек — актер — может реагировать абсолютно спокойно, ведь ударили не его, а персонаж, роль которого он исполняет!

Жириновский в этот момент был целиком в своей роли. Он молча, без тени реакции, достал платок, в полной тишине вытер нос и сел за соседний стол. Такое неожиданное поведение вызвало шок у всех наблюдателей и у самого Марка Горячева, ожидавшего всего, чего угодно, но не такого...

У меня как-то состоялся мимолетный, но очень забавный разговор с Жириновским на публике перед телекамерами и журналистами. Он опять шел по коридору в сопро-

вождении толпы. Увидев меня, остановился, пожал руку и спрашивает:

— Ты говоришь по-английски?

— Так уж случилось, — ответил я.

— Когда я приду к власти, будешь послом России в Англии! — громко заявил Владимир Вольфович. — Вот! — Он обернулся к публике: — Назначу Тарасова, а нашего министра иностранных дел, который развалил внешнюю политику России, гнать в три шеи, немедленно!

— Спасибо, — ответил я. — Буду обязательно!

Самое интересное мое общение с Владимиром Вольфовичем состоялось уже в 1999 году, в Англии. Мы как-то привыкли в офисе к работающему весь день телевизору. Обычно мы смотрели финансовые новости по HSBC или Bloomberg, а тут включили BBC1. И на экране появился Владимир Вольфович, который в эфире отвечал на вопросы, находясь в Эдинбурге в Шотландии.

Мой менеджер Виталий Козликин говорит:

— Артем Михайлович, у вас есть прекрасный шанс повстречаться с вашим приятелем! Они же полетят в Москву через Лондон. Давайте, я найду, где остановился Жириновский, и вас с ним соединю.

Я не возражал. Виталий, имевший большой опыт, приобретенный во время работы журналистом «Санди таймс», через свои каналы очень быстро выяснил, в какой гостинице Эдинбурга поселились гости из Москвы, связался по телефону с номером Жириновского. Трубку взял его сын, Лебедев, и я, представившись, спросил о возможности встретиться с Владимиром Вольфовичем в Лондоне на их обратном пути. Через несколько минут сын перезвонил и сказал, что в Москву они летят завтра рейсом «Аэрофлота» и будут меня ждать в десять часов утра в пабе «Шерлок Холмс» рядом с Трафальгарской площадью.

Когда он уже повесил трубку, я сообразил, что встреча не может состояться. Последний рейс «Аэрофлота» улетает в двенадцать часов дня! Чтобы в это время суток добраться до аэропорта Хитроу из центра Лондона, понадобится около ча-

са, а из Эдинбурга они прилетят в аэропорт только около 9.20 утра, и нужен час, чтобы доехать в центр Лондона.

Поэтому на следующее утро я решил в паб не ходить. И тут раздался звонок. Со мной снова связался сын Жириновского и сообщил, что они уже едут в Лондон из аэропорта! Было около десяти часов утра, я жил недалеко от назначенного места, быстро собрался и вскоре был в пабе. Еще через десять—пятнадцать минут зашел Жириновский. Он устал от напряженной роли, которую играл все эти дни, и поэтому был совершенно естественный. Это был нормальный, умный и обаятельный человек, который вот так запросто приехал в Лондон на несколько минут, чтобы повидаться со старым знакомым. Мы заказали по кружке пива, а рядом находился очень взволнованный, как выяснилось позже, третий секретарь посольства России в Лондоне, который по статусу встречал вице-спикера российского парламента Жириновского. Он беспрестанно теребил какую-то сумочку и все время пытался вразумить своего гостя по поводу того, что надо бы срочно ехать обратно, в Хитроу, иначе опоздаем на самолет!

— Действительно, — сказал я. — Владимир Вольфович, у вас практически нет времени. Уже без пятнадцати одиннадцать!

И тут на утомленном лице Жириновского вновь на секунду появилась маска вождя:

— А я уже зарегистрировался! И багаж сдали. Пусть попробуют улететь без меня! У меня виза кончается сегодня! Пусть только попробуют! Я этот «Аэрофлот» тогда...

Мы спокойно допили пиво, и Жириновский захотел непременно сфотографироваться на память. На поиски подходящего места для снимка ушло еще минут десять. Я видел, как холодный пот струился по лицу секретаря посольства, что вызывало невольную улыбку. В конце концов, мы сфотографировались на фоне знаменитого английского льва на Трафальгарской площади. Тепло попрощались, и посольская машина рванула с места с максимально возможным ускорением....

После той драки в буфете Думы Марк Горячев стал очень знаменит среди депутатов, и так получилось, что мы достаточно тесно подружились.

Марк строил свою жизнь, как страницу будущей истории России, создавая собственный образ в качестве самого перспективного предпринимателя и героического труженика страны. Он уже в 1994 году тратил очень большие деньги на свое паблисити. Добился даже встречи с папой римским, умудрился с ним сфотографироваться, и всюду, куда только можно, рассылал эту фотографию как визитную карточку своей популярности в мире.

Как-то Марк меня спросил:

— Слушай, а нельзя ли устроить мне встречу с Маргарет Тэтчер? Она так популярна в России. Мне надо с ней сфотографироваться.

— Хорошо, — сказал я. — Попробую узнать.

Я был знаком с Маргарет Тэтчер. Одно время мой друг из Консервативной партии Англии стал приглашать меня на вечерние ужины в политический клуб Консервативной партии на улице Сент-Джеймс. Эти ужины каждый раз действительно были событием примечательным, и там я постепенно вошел в аристократические круги Лондона. Вечера в клубе всегда посвящались какой-либо теме. Одну из них — «Россия сегодня и завтра» — мне пришлось подготовить и провести самому. Как-то я приволил в клуб министра транспорта Казахстана, и речь тогда шла о Казахстане и СНГ. Там выступал, например, занимавший пост министра обороны Великобритании сэр Робертсон на тему «Политика и военное вмешательство в современном мире» еще задолго до того, как он стал руководителем НАТО. Каждый раз был главный докладчик, освещающий тему встречи. А однажды такой вечер «О женщинах вообще и женщинах в политике» вела Маргарет Тэтчер.

Забавно, что это случилось в скором времени после того, как баронесса Тэтчер добилась, чтобы ее приняли в элитарный мужской клуб Лондона на Пэлл-Мэлл-стрит, где целых

триста пятьдесят лет существования клуба не было ни одной женщины. Я помню карикатуру, появившуюся на эту тему в газете: в мужском туалете у писсуара стоит спиной Маргарет Тэтчер, задрав юбку.

А ведь и правда, в английских клубах на Пэлл-Мэлл нет женских туалетов. Маргарет, став членом клуба, начала ежедневно его посещать: молча входила в здание (кажется, даже швейцары с ней не здоровались), поднималась в библиотеку, прочитывала свежие газеты и уезжала. Особенно негодовал по этому поводу сэр Уинстон Черчилль, внук знаменитого премьер-министра Англии Уинстона Черчилля.

Мне дали телефон Маргарет Тэтчер в клубе, и я связался с ее референтом. Объяснил суть вопроса и сразу же получил прямой и обескураживающий ответ:

— Вы говорите, частное фото? Нет проблем — десять минут беседы и фотография вам обойдутся в десять тысяч фунтов стерлингов, которые вы должны направить в благотворительный фонд Маргарет Тэтчер.

Я сразу вспомнил, что встреча с Черномырдиным стоила пятьдесят тысяч долларов, но вся разница в том, что деньги от встречи с Тэтчер попадали в фонд борьбы с раковыми заболеваниями, а в российском случае отдавались черным налом.

Горячев с радостью принял предложение, и скоро его совместная с Тэтчер фотография была опубликована многими российскими газетами. Позже я видел аналогичную фотографию Тэтчер рядом с Масхадовым.

Своими неумными публичными акциями Марк Горячев вогнал себя в страшные долги. Он был должен несколько миллиардов рублей и около пяти миллионов долларов разным банкам и бизнесменам. Он проживал на эти деньги, занимал еще и еще и тем самым находился буквально на грани выживания: его в любой момент могли убить. Наверное, только публичность Горячева и спасала. Кредиторы терпели его долги, ожидая от Марка большой карьеры в будущем, а значит, дивидендов от власти. Да он и тогда уже многое мог: устроить приватную встречу с тем же Чубайсом, с которым у них был, кажется, совместный бизнес.

Но впоследствии, когда Марк не сумел переизбраться в депутаты Думы в 1996 году, он просто исчез. Очень долго никто не знал, что с ним случилось, но вроде бы через год появилась статья, что его разложившееся тело нашли где-то на болоте в Ленинградской области.

— — —

В конце января 1995 года Марк Горячев пригласил меня поехать с ним в Давос на Всемирный экономический форум. С каждого желающего тогда брали по семнадцать тысяч долларов. И, кроме того, нужно было еще отдельно оплачивать гостиницу, питание и участие во всевозможных тусовках, каждая из которых имела свою специальную цену. Давос так устроен. Политиков на уровне президентов и премьер-министров разных стран приглашают бесплатно. Бесплатно туда ездят и политики поменьше рангом, но умеющие говорить и обладающие определенной мировой известностью. Остальная публика, а это бизнесмены из разных стран, которые хотели бы выпить за одним столом со своим премьер-министром, платит требуемые деньги, что покрывает затраты на приглашенных, оставляя совсем неплохой навар организаторам форума.

Удовольствие это не из дешевых. Неудивительно, что российская делегация была самой многочисленной. Причем многие ездили в Давос постоянно. Например, Гусинский в одном пятизвездочном отеле снимал номер целый год, чтобы иметь гарантированное место на неделю в Давосе.

А нас поселили в очень неважной гостинице — максимум три звезды. При этом почему-то брали четыреста долларов в сутки за номер.

Россию представляли Немцов, Явлинский, Борис Федоров, Виноградов, Смоленский, Ходорковский, Хакамада, Иван Кивелиди и еще множество известных людей. Ни Ельцин, ни Черномырдин не приехали: в тот момент началась война в Чечне. Как раз в это время шли страшные бомбежки Грозного.

Мы слушали передачи радиостанции «Свобода» об агрессии в Чечне, и эта ситуация вызвала очень серьезную напря-

женность по отношению к российской делегации со стороны остальных участников форума.

Тогда под впечатлением передач радиостанции «Свобода» я решил выступить против агрессии России в Чечне. В последний день должен был состояться заключительный гала-концерт, главным дирижером которого был господин Канде-лаки, известный музыкант, в свое время уехавший из России и живший в Австрии.

Я договорился с ним, что в начале концерта выйду на сцену, завяжу зеленую ленту вокруг своей головы, надену красную перчатку на руку и попрошу весь зал встать и минутой молчания почтить память мирных жителей, погибших в Чечне в результате агрессии Ельцина.

На меня набросилась буквально вся наша делегация. «Что ты делаешь, — возмущенно говорили мне, — после твоей выходки нас вообще больше никогда не пригласят! И в Россию не пустят!»

Все были в ужасной панике. Марк Горячев — единственный выразил готовность стать на сцене рядом со мной с такой же повязкой на голове. Он отправился уточнять детали и, вернувшись в отель, отказался меня поддержать!

Причины у него были самые весомые.

Во-первых, основные делегации разъезжаются накануне, и в зале не будет первых лиц государств, во-вторых, что главное, там не будет телевидения, и мир не узнает об этом поступке.

Ну что же. Я решил один не рисковать. Тем более метать бисер перед такими зрителями, как Гусинский, мне и вовсе не хотелось.

Вообще было очень занимательно наблюдать за тем, что делали наши делегаты в Давосе. Они существовали сами по себе, как будто форума и вовсе не было, а все приехали просто тусоваться на заснеженный швейцарский курорт и заодно слегка покататься на лыжах. Жили в одной гостинице, ели в одном ресторане, ходили вместе или группами, вечерами пили в баре гостиницы.

Такая встреча вполне могла происходить в Подмосковье, и незачем было ехать так далеко и так задорого!

Многие члены делегации за все время пребывания не вышли за пределы гостиницы. При этом они платили за все по полной программе, не просыхали от алкоголя и были очень довольны поездкой...

А я посещал семинары, посвященные инвестиционным фондам, встречался со многими бизнесменами и политиками.

Был, например, на незабываемом обеде, который давала китайская делегация во главе с премьером. Тогда китайцы впервые приехали в Давос после сорокалетнего перерыва.

Председатель форума очень долго представлял премьера: «Нам оказана большая честь, такой высокопоставленный человек приехал сюда, мы так рады, что Китай присоединился к нашему форуму, надеемся на сотрудничество в рамках деловых и политических связей и т.д. и т.п.». Словом, получилась очень длинная речь.

Потом слово дали китайцу, который сказал:

— Меня предупредили, что в Давосе, особенно перед обедом, надо говорить очень коротко. Поэтому: приятного аппетита!

И сел на место.

В зале, конечно, поднялся шум: скажите хоть что-нибудь, просим, просим!

Тогда он снова подошел к микрофону и спросил:

— Вы, наверное, хотите знать, сколько у Китая золота?

Голоса из зала: «Да, конечно! Хотим!»

— Много! — ответил премьер-министр и сел на место.

Председатель не унимался и сказал:

— Конечно, Китай — еще закрытая для нас цивилизация. Мы ждали какого-то выступления, рассказа о положении в стране. А вы так скромно. Или скрытно. Даже на визитной карточке премьера нет ни телефона, ни адреса! Просто имя и должность. И про золотой запас вы ничего конкретного не сказали и почему-то выступать отказываетесь...

Премьер встал, медленно пошел к продолжавшему в том же духе председателю, взял из его рук микрофон и сказал:

— Хорошо, я дам вам свои телефоны!

Все развеселились, и обед получился очень раскрепощенный.

Мне запомнилась и пресс-конференция, которую давали Григорий Явлинский и Борис Федоров. Это было зрелище не для слабонервных! Когда эти люди отвечали на вопросы журналистов, я понял, что у многих в России просто слегка поехала «крыша».

Они говорили с таким пафосом, с такой важностью, что казалось, будто единственная вещь, которой не хватало в тот момент, — это два зеркала перед выступавшими, чтобы они могли бы еще и любоваться своими отражениями.

Эти люди говорили примерно так: «Моя страна и мой народ хотят этого или не хотят этого... Мы не позволим нашей стране сделать то-то и то-то. Люди этого не поймут, и поэтому мы не одобряем».

Сути выступлений за этой фразеологией я абсолютно не помню. Создалось ощущение, что эти деятели ложились спать ночью и вставали утром, воображая себя по меньшей мере президентами России! А между собой они постоянно препирались, выясняя, кто сделал больше хорошего для страны и кто важнее для России.

Это был вечер абсурда.

Конечно, иностранные гости недоумевали, и один из западных журналистов, прочитав на моем значке, что я из России, спросил:

— Простите, я опоздал к началу конференции, а кто эти люди в России, какие они занимают посты?

— Они оба президенты России, — ответил я.

И вдруг иностранец засмеялся.

— У нас в Бolivии тоже таких много, — сказал он.

Мне же было очень неудобно...

Еще один некоронованный царь России — Чубайс — приехал на форум с опозданием и вел себя точно так же. Образовалось три президента России, не считая моего друга Марка Горячева, который просто строил себе платформу для будущей победы на президентских выборах. Ну, пусть не на следующих, значит, через раз!

Он привез с собой в Давос целую съемочную группу с телевидения, полностью оплатив им дорогу и проживание. Группа снимала документальный сериал о Марке Горячеве и его политических встречах. Марк гордо прохаживался по заснеженным улицам Давоса, заходил в магазинчики и кафе, и все это фиксировалось на пленке для будущей истории России...

— — —

А что происходило тогда в России? Именно в 95-м году случился тот ошеломляющий скандал — когда госсобственность на огромные суммы была заложена коммерческим банкам. Начинались миллиардные аферы с залоговыми аукционами.

Помню, председатель Госкомимущества Кох выступал в парламенте, и я задал ему прямой вопрос с места:

— С какой целью вы за девять миллиардов закладываете собственность, которая по всем международным стандартам оценивается в пятьдесят миллиардов? Скорее всего, вы ее не выкупите обратно, а значит, собственником «Норильского никеля», ЮКОСа станут частные компании. Ведь это достояние России, которое можно использовать по-другому! В чем дело?

Кох не моргнув глазом ответил:

— Знаете, Артем Михайлович, нам не хватает девяти миллиардов, чтобы закрыть дыру в бюджете текущего года. Это способ, который мы нашли!

Это было ужасно. Шла осень, и год заканчивался. Таким образом нашли деньги, чтобы закрыть дыры, а что потом? В следующем году? Об этом никто не думал, скорее всего, думали о другом — огромная государственная собственность распределялась за бесценок среди будущих олигархов, которые откровенно контролировали власть!

Не сомневаюсь, Кох сам на этом заработал, и немало. Все эти люди, начиная еще с Гайдара, были ориентированы на личное обогащение. И Чубайс — тоже неглупый человек, и тоже не бессребреник... А семья Ельцина, которую подключили к этому процессу властвующие бизнесмены, очень ско-

ро превратилась из получателей процентов в главную силу обогащения за счет государства. Но это случилось уже позже. После второй победы дяди Бори и его трансформации из президента в самодержца российского.

Было время, когда Ельцин запретил строить теннисный корт на своей даче, потому что у соседа такого корта не было. Но вскоре его семья и ближайшее окружение почувствовали вкус к большим деньгам. А для этого надо было переходить от получения денег у бизнесменов в виде благодарности за разного рода содействия к прямому контролю и владению бизнесом целиком. Аппетит приходит во время еды, а стол, который стали накрывать для власти бизнесмены, ломился от яств.

Надо сказать, что в моменты проблеска сознания Ельцин не раз пытался изменить ситуацию. Так, он однажды взял и назначил первым вице-премьером Бориса Немцова — в пик Черномырдину, человеку отнюдь не бескорыстному.

Немцов с самого начала карьеры сделал ставку на полную, кристальную честность. Это было его позицией, хотя и неприятной. Она лишала многих возможных благ в жизни, но в то же время полностью защищала его от обвинения в превышении полномочий или получении взяток. Поэтому, попав в правительство, он с чистой совестью выступил против сложившейся системы поборов, не боясь «отката» волны критики и разоблачений в свою сторону.

В России уже тогда закладывалась система расценок платежей чиновникам под столом за услуги и нужные решения. К примеру, чтобы получить лицензию на вывоз миллиона тонн нефти, требовалось заплатить миллион долларов. Это знали все. Система сбора денег и их последующего распределения определилась очень скоро, и те, кто контролировал эту систему, вошли в самое близкое окружение Кремля.

Но вот появился Немцов, привел нового министра топливно-энергетического хозяйства России — Кириенко, и все на короткое время закончилось! Никто миллион уже не брал! Куда теперь было идти за лицензией?

Немцов разорвал сложившуюся годами технологию. Думаю, ему самому пришлось возвратить множество пакетов

с деньгами. Один, с пятью тысячами долларов, он, кстати, вернул и мне, а ведь тогда мы были близкими друзьями...

Вообще это сама по себе замечательная история! В Нижнем Новгороде в 1993 году объявили тендер, чтобы найти компанию, которая внедрит в городе мобильную связь.

Я тогда еще работал с Аделем Нассифом, и он сразу загорелся этой возможностью: надо было получить выгодный контракт!

Лететь в Россию я не мог, и в Нижний Новгород полетел Адель.

— Наверное, нужно дать взятку Немцову? — спросил он меня перед отъездом.

— Ну что ж, — ответил я, — давай попробуем!

Положили пять тысяч долларов в конверт, и Адель улетел. Будучи очень осторожным человеком и очень большим трусом, Адель сам, конечно, испугался давать губернатору Немцову взятку. Для этой «операции» мы специально пригласили моего старого институтского друга, впоследствии популярного ведущего программы «Русское лото» на телевидении Мишу Борисова. Он окончил Щукинское театральное училище и мог сыграть хоть в жизни, хоть на сцене без фальши любую роль.

— Взятку Немцову дать? Запросто! Я, правда, этого никогда не делал, но абсолютно не боюсь. Надо рассмотреть обстоятельства действия, наметить сценарий поведения и придумать, как это сделать, — сказал Миша.

Немцов принял их очень хорошо. Адель долго расхваливал французскую фирму, которую мы хотели нанять как посредника для внедрения мобильной связи. А сам от страха потел и нервно перебирал пальцами конверт: все ждал момента, когда нужно будет давать взятку...

Наконец Адель сказал, что ему нужно на минуту обязательно отлучиться, и выбежал из кабинета, дав Мише знак, что пора действовать, и подтолкнув к нему конверт.

Он бросился в туалет, где надолго засел, ожидая всего, чего угодно, — вплоть до ареста.

Миша остался в кабинете наедине с Борисом Немцовым в Новгородском кремле и говорит:

— Борис, вот тебе пакет, который просил передать Артем Тарасов...

Немцов посмотрел на пакет и вдруг спрашивает:

— Это что, взятка?

— Да! — искренне ответил Миша и пододвинул пакет к Немцову.

— Знаешь, — говорит Немцов, двигая пакет обратно в сторону Миши, — я очень хорошо отношусь к Артему, и мне очень нужны деньги. Я бы их взял! Но, понимаешь, я поставил себе цель — сделать политическую карьеру. И поэтому обязан оставаться абсолютно чистым. Поэтому возьми пакет обратно и передай Артему, что если вы честно победите в тендере, тогда получите контракт, а по-другому никак не выйдет. Пусть Артем на меня не обижается, ладно?

Миша спокойно положил пакет в карман и вышел искать Аделя в туалете. А в тендере мы так и не участвовали! Адель очень скоро украл у меня пять миллионов долларов, и наше партнерство распалось на куски.

Год спустя Немцов сам приехал в Лондон по приглашению какого-то фонда и, составляя программу визитов, вписал туда и встречу со мной.

Этот пункт где-то вычеркнули — меня уже всюю преследователи официальные органы. Но Немцова это не смутило. Он все равно позвонил мне из паба и говорит:

— Давай подъезжай скорей, надо увидеться...

Я приехал, и мы очень хорошо посидели. Я рассказал ему о своих злоключениях — как мне пытались пришить уголовное дело, как на меня давят... К сожалению, Боря ничем не мог мне тогда помочь.

Зато мне удалось помочь ему. Уже в конце разговора он признался:

— Артем, мне нужны деньги, хоть сувениры какие-то здесь купить! Но взять у тебя я не могу. И в долг — тоже некрасиво... Но я могу тебе кое-что продать!..

— Что же? — удивился я.

— Мне кажется, эта вещь тебе очень нужна...

И достает огромное трехметровое знамя России!

Я приобрел его за пятьсот фунтов и был по-настоящему рад покупке.

Прошли годы. В 97-м году, когда Немцов был назначен вице-премьером, как-то переслал ему письмо, в котором предлагал несколько серьезных реформ для России. Но реальной обстановки в стране после второй победы Ельцина на выборах я, конечно, не представлял. Поэтому я действительно заблуждался и зря тратил время на описание реформ! Кому нужны были реформы и идеи, как вывести Россию из кризиса? Все были заняты — кто обогащением, кто простым выживанием, и все остальное просто выходило за рамки интересов населения страны.

Но когда я узнал из прессы, что Немцов отправился вместе с Ельциным с визитом в Швецию, я решил с ним поговорить о моем письме.

В шведском посольстве в Лондоне, куда я позвонил по телефону, узнали меня, тут же дали телефон гостиницы, где остановился Борис Немцов. Я позвонил ему утром — и попал прямо на Немцова, который был в этот момент в ванной.

Он очень удивился:

— Артем, неужели это ты? Я так рад тебя слышать! Как ты меня нашел?

Я отвечаю:

— Ну, весь мир следит за вашим визитом в Швецию! Скажи честно, Борис, письмо мое прочитал?

— Нет, — сознался Немцов. — Я посмотрел, а оно такое длинное. И вообще я сейчас в ужасном состоянии, не могу прийти в себя. Что было вчера вечером — это просто караул! Я тебе расскажу, и ты сразу поймешь, в какой обстановке мне приходится жить и работать. Какие там письма, на хрен!..

Оказывается, накануне вечером король Швеции Карл XVI Густав пригласил их на обед. За огромным столом сидели сам король, его жена и дочь — наследная принцесса Швеции Виктория. Рядом, по правую сторону, — Ельцин, Немцов, российский посол и остальные члены официальной делегации.

Надо сказать, что шведская принцесса считается одной из самых красивых женщин Европы. Немцов стал на нее смот-

реть. Когда их глаза встречались, принцесса смущенно отводила взгляд в сторону. Что заметил Ельцин.

Он тогда уже боялся выпивать и очень сильно себя ограничивал. Но тут чуть-чуть выпил, и этого оказалось достаточно, чтобы не в меру развеселиться и потерять над собой контроль.

Неожиданно Ельцин закричал:

— Ну что, Боря, баба тебе нравится?

— Конечно, Борис Николаевич.

— Ну-ка, Боря, тогда иди и поцелуй ее!

В этом месте рассказа Немцов поклялся, что если бы у него был в тот момент пистолет, он бы немедленно застрелился...

Но пистолета у Бори не было, и он тихо сказал Ельцину:

— Борис Николаевич, это же принцесса, международный скандал может быть. Вы посмотрите — тут же послы из десятков стран сидят!

На что Ельцин абсолютно спокойным, громким и настойчивым голосом повторил:

— Иди и целуй! Это тебе президент России приказывает!

Немцов — ни в какую. Весь пошел красными пятнами от перевозбуждения и стыда.

— Не поцелуешь — тут же уволю с поста вице-преьера! — продолжил Ельцин.

Немцова спас король. Рядом с ним, чуть сзади от стола, сидел его переводчик. Когда король услышал перевод всего этого безобразия, он ничуть не смутился и, будучи дипломатом, сам решил разрядить обстановку. Он заулыбался и сказал на английском языке, обратившись прямо к Немцову:

— Уважаемый господин Немцов! Если уж вам настолько нравится наша дочь, мы, как ее отец, в нашем присутствии разрешаем ее поцеловать!

Тогда Немцов встал, на негнущихся ногах подошел к принцессе, весь покрытый испариной, и поцеловал ее в щеку!

Меня этот рассказ потряс до глубины души. А каково было Немцову, можно только догадываться.

— Сегодня всю ночь не спал! — пожаловался мне Немцов напоследок. — Желудок расстроился на нервной почве. А сейчас надо ехать, забирать Его из гостиницы и грузить

в самолет. Слава богу, улетает раньше! Вот обстановка, Артем, в которой мне приходится существовать! Теперь ты понимаешь?

Я говорю:

— Все понял, Боря. Мне не нужна твоя помощь. Ты помогай сам себе — двигайся дальше, делай карьеру...

Конечно, Немцов — человек неоднозначный. Это политик до мозга костей, сам себя создавший. А политик в России должен быть прежде всего абсолютно конъюнктурным человеком.

И когда Немцов так жестко стал бороться с олигархами, в этом тоже была конъюнктура, рассчитанная на безусловную поддержку Ельцина. Своеобразное перетягивание каната, которое надо было делать в тот момент в России.

Немцов понимал, что его назначение — это, возможно, последняя попытка Ельцина противостоять криминализации власти и общества. Но когда стало ясно, что ничего сделать нельзя, вернее, можно сделать — только будет еще хуже, Ельцин сломался окончательно и уже не возникал...

— — —

О том, что происходило с российским человеком, впервые в жизни попавшим за границу, можно судить по истории, которую рассказал мой близкий друг.

В свое время мой хороший приятель Веня — назовем его так! — организовал поездку Ельцина в Америку по приглашению Рокфеллеровского фонда.

Ельцин тогда впервые в жизни выехал дальше Московской области — и сразу в США! В 1992 году он был в блестящей физической форме: этакий пышущий здоровьем спортсмен и неумный, безостановочный пьяница.

Веня рассказывал, что как только они сели в самолет, подошла девушка с тележкой, и Ельцин сразу начал пить.

Тут уместно вспомнить один анекдот: «Русский впервые отправляется за границу. Садится в самолет компании “Бритиш Эйруэйз”. Появляется стюардесса с тележкой и говорит: “Виски, джин, коньяк, водка, сэр?” Он поднимает на нее гла-

за и отвечает: “Нет бабок!” Она: “Эскьюз ми, виски, коньяк, шампань?” Он: “Я сказал, нет бабок!” Стюардесса немного говорит по-русски, но не понимает, в чем дело, и бежит в кабину к пилоту: “Я не знаю, чего хочет русский, но зафиксировала выражение “нет бабок”. Пилот связывается с Россией, находит переводчика в российском аэропорту, и тот объясняет, что такое бабки. Пилот переводит стюардессе и говорит, что надо отвечать. Она снова появляется с тележкой, подходит к русскому пассажиру и говорит: “Виски, коньяк, шампань, сэр”. Он опять: “Нет бабок!” И тогда стюардесса ему отвечает: “Так на халяву, сэр!”»

И вот Ельцин на халяву прикончил половину тележки. И это еще только в самолете! Он не сомкнул глаз во время полета и, испытывая потребность общаться с окружением, буквально заколебал всех своими рассуждениями и разговорами!

Когда прилетели в Вашингтон, Ельцин просто лыка не вязал. Его доставили в гостиницу, и он тут же заснул.

Все были просто счастливы.

Ельцин проспал до половины второго ночи, потом проснулся, выпил все, что было в мини-баре его номера, и пошел по коридору, барабани кулаком во все номера, где спали члены делегации.

— Вы что спите! — орал он в коридоре гостиницы. — Мы же в Америке! Разве можно спать в Америке? У кого водка есть?

Ну, естественно, все проснулись и принесли Ельцину все спиртное, которое было. И попойка продолжалась с половины второго до половины восьмого утра.

А утром должен был состояться первый деловой завтрак, на который были приглашены избранные американские бизнесмены с женами — Сорос, один из Рокфеллеров, Чарльз Кох, Уоррен Баффет и др. В общем, очень крутая публика.

И завтрак этот был назначен на восемь тридцать!

Члены нашей делегации, еле живые, приняли душ и кое-как привели себя в порядок. Но Ельцин, который выпил в три раза больше всех, не мог ни стоять, ни говорить, он только мычал и был абсолютно белого цвета.

Его одели, вывели под руки, как больного, осторожно усадили за стол. На еду он боялся даже смотреть, его могло стошнить от одного ее вида...

Но за завтраком нужно было еще и общаться! И когда ему задавали какой-то вопрос, Ельцина поднимали, держали с двух сторон и отвечали за него:

— Господин Ельцин сказал то-то, то-то и то-то... Господин Ельцин считает, что это очень важно для России. Господин Ельцин благодарит вас за оказанное доверие...

А после завтрака неожиданно сообщили, что президент Буш согласился на короткую встречу с Ельциным в Белом доме. Надо было ехать прямо туда. Оставалось всего полчаса...

Ельцина выволокли наружу, положили на сиденье лимузина, посланного от Буша, кто-то из местных сбегал в аптеку и принес ему какие-то стимулирующие таблетки.

Пачку с таблетками бросили в машину, закрылась дверь, и лимузин медленно поехал вперед. Веня и остальные следовали за ним, трясясь от страха что же произойдет дальше!

У Белого дома Бориса Николаевича поджидала огромная толпа журналистов. Они окружили лимузин со всех сторон. И тут произошло чудо. Дверь распахнулась с невероятной силой, и из лимузина выпрыгнул абсолютно свежий и бодрый Ельцин! Он улыбался, кивал, махал рукой и всех приветствовал. Он даже безошибочно определил направление, куда нужно было идти, и быстрым шагом направился к Белому дому. Толпа двинулась за ним, сопровождающие, отсеченные толпой, пытались идти следом. Ельцин вошел в парадную дверь Белого дома, и она тут же за ним закрылась. Больше никого не пустили.

Тридцать минут Ельцин — один, без сопровождающих, не зная ни одного слова по-английски и дыша перегаром, — провел с Бушем в Белом доме. О чем они говорили и что там вообще творилось, никто так и не узнает.

Потом Ельцин появился уже вдвоем с Бушем. Оба улыбались, приветствовали толпу руками, фотографировались. Ельцин сел в лимузин, еще раз помахал оттуда рукой Бушу

и закрыл окно. А когда через десять минут подъехали к гостинице, он спал на заднем сиденье машины мертвым сном. Пришлось нести его на руках в номер, отсекая любопытных журналистов, шелкавших камерами вслед.

Вечером нужно было лететь в Нью-Йорк. В середине дня Ельцин пришел в себя — его отпоили рассолом. Фонд Рокфеллера прислал свой частный самолет, и как только Ельцин в него погрузился, сразу же прикончил мини-бар.

Полет длился не более часа, но успели опуститься сумерки. На небольшом частном аэродроме в Нью-Йорке у трапа самолета Ельцина опять встречала толпа. Были там, конечно, и журналисты с телекамерами и фотоаппаратами...

Мой друг Веня спускался по трапу первым, а Ельцин шел за ним. Вдруг Ельцин положил руку Вене на плечо и сообщил:

— Я очень хочу ссать.

Веня повернул голову и говорит:

— Борис Николаевич, поднимитесь обратно — туалет в самолете!

— Да на хрен мне еще подниматься! — возмутился Ельцин и вдруг одним махом перепрыгнул через трап в сторону. Обошел самолет и стал справлять нужду прямо на колесо...

Веня прыгнул следом, Коржаков прыгнул, еще кто-то. Все встали вокруг Ельцина и попытались прикрыть его грудью от журналистов.

В первый момент никто ничего не понял, и ситуацию спасло то, что было уже достаточно темно. Журналисты пребывали в полной растерянности: только что был Ельцин на трапе, и вдруг его не стало! Исчез прямо на глазах. В темноте они не разглядели, куда он прыгнул...

Но одна молодая журналистка оказалась очень сообразительной. Она забежала за самолет, просунула голову за плечо Вени, увидела писающего Ельцина, сказала «ах!» — и начала безостановочно шелкать затвором фотоаппарата. А потом с огромной скоростью рванула бегом по полю. За ней бросились трое наших парней...

Уже в России, когда отдельные страшные истории про поездку Ельцина в Америку все-таки просочились в прессу, их

тут же объявили провокацией. Веню вызвали на Лубянку. Положили перед ним те самые фотографии Ельцина, на которых было видно, как он в буквальном смысле подмочил свою репутацию, и сказали:

— Так. Расскажите, что это все означает?!

Надо знать Веню, чтобы представить, как он завертелся на стуле, лихорадочно соображая, как выкрутиться из этой ситуации. Веня, кроме того, человек предприимчивый, конъюнктурный и очень находчивый. Он посмотрел на фотографии, повертел их в руках и говорит:

— Ну, что тут говорить! Понятное дело — это же монтаж!

Ему опять:

— Нет, не монтаж! Не морочьте голову! Вот — это же вы на фотографии!

— Похоже, конечно, но тогда это полная фальсификация!

Ему объясняют:

— Веньямин, это подлинники — садитесь и пишите, как все это происходило!

— Я, конечно, могу написать, — отвечает Веня, — вот и ручка есть, и бумага... Но можно сначала рассказать вам маленькую историю?

— Ладно, — говорят, — рассказывайте!

И Веня рассказал следующее:

— Шел как-то человек ночью по лесу. На большой дороге его встречают три бандита. Хватают за грудь и говорят: «Ну-ка быстро признавайся, гад, зима сейчас или лето!» Человек поднял на них невинные глаза и сказал: «Если честно, я там не был!» Так вот, ребята, если честно, я там не был!

И Веню отпустили. А эти исторические снимки, наверное, лежат себе сейчас где-нибудь в архивах ФСБ...

Подобные истории приходилось наблюдать и мне. Кстати, я уже говорил о том, как нефтяные директора из Сибири дико напивались во всех ресторанах Лондона и благополучно мочились прямо на улице Пикадилли, а я в такие минуты жался к стеночке и сразу вспоминал Ельцина и, простите меня, Лайму Вайкуле с ее песней про Пикадилли... Очевидно,

это в духе российского человека. Только не все так открыты в удовлетворении своих потребностей: условности, понимаешь, ну просто достали!

Глава 11 ДЕНЗНАКИ СУДЬБЫ

Чтобы начать работу по организации лотереи «Русское лото», мне необходимо было помириться с Лужковым.

Я все еще не знал, в чем причина его ненависти.

«Может, мне навредил Мурашов после отъезда из Лондона?» — думал я. Он уже разошелся с Лужковым и ушел с Петровки, 38. Как будто ушел без скандала, но я слышал, что перед самым его уходом с поста начальника УВД Москвы следователи Петровки копали под Лужкова и под некоторых министров московского правительства. Да и будучи накануне в Англии, Мурашов сам задавал мне массу вопросов о моих связях с Юрием Михайловичем и его окружении.

— Что тебя интересует? — спросил я его. — Лужков — это подарок для Москвы. Лучшего мэра для такого города вы никогда не найдете.

Разговор состоялся в самом начале 1992 года, и теперь каждый москвич может оценить, насколько я оказался прав.

Сразу после отъезда Мурашова из Лондона я, как обычно, позвонил Лужкову в приемную, из которой меня всегда с ним соединяли. Мы были на «ты» с Юрой, и нас связывали искренние, добрые отношения. Я, конечно, собирался возвращаться в Россию и поэтому очень рассчитывал на укрепление власти Лужкова не только в Москве, но и в России, а впоследствии на нашу совместную работу.

И вот неожиданно к телефону подошел некий господин Ульянов, референт Юрия Михайловича, и говорит:

— Господин Тарасов, я хочу вам передать, чтобы вы впредь никогда по этому телефону не звонили! Мне сказано, больше не соединять с Лужковым, и он предложил вам забыть номер этого телефона. Все понятно?

Выяснять причину такого оборота событий у референта я не стал и, попрощавшись, повесил трубку.

С того момента прошло больше полутора лет. В середине 1993 года я выдвинул свою кандидатуру на выборах в Думу по Центральному округу Москвы, понимая всю утопичность подобной затеи. Без поддержки Лужкова, даже без согласования с ним втянуться в такую авантюру было верхом моего нахальства и казалось абсолютно безнадежным делом.

Однако, обойдя на выборах пятнадцать конкурентов, в числе которых был и известный журналист, которого откровенно поддерживало московское правительство, я стал депутатом Государственной думы от Центрального округа Москвы. Представив себе, что в этот округ входили девятнадцать посольств иностранных государств, Белый дом правительства России и, конечно, сам Кремль с его территорией, можно понять, что произошло! Эмигрант, приехавший в Москву за две недели до дня голосования, с доминиканским паспортом в кармане, преследуемый милицейской мафией и бандитами, вдруг стал полномочным представителем центра Москвы в законодательной власти Российского государства!

Я не знаю, как на все это отреагировал Лужков сразу после оглашения результатов выборов. Кому он выкатил выговор, кого он снял за халатность с работы — не ведаю. Но один факт был и остается фактом: с избранием меня поздравили многие известные люди России, даже Ельцин прислал письмо с собственноручной подписью. От Лужкова я поздравлений не получил.

Тянулись месяцы. Никакой связи с Лужковым не было, а я понимал, что Юрий Михайлович совсем неформально управлял Москвой и решать без него какие-то проблемы в городе, даже в моем округе, было невозможно. А вопросов было много. Как депутат Госдумы от центра Москвы, я должен был организовать общественную приемную. Конечно, логично было ее разместить прямо в здании мэрии, которое также находилось в моем округе. Мне нужна была трибуна для отчета перед избирателями, а московский телевизионный канал, который просто обязан был это предоставить, напрочь отказал мне

в эфире и послал меня заранее согласовывать темы моих выступлений в мэрию.

Наконец, по возвращении на меня обрушилась гора социальных проблем. Мне негде было жить. В моей квартире проживали мама моего сына Филиппа с новым мужем и мой сын. Маленькая квартирка Елены была сдана тещей внаем. Поэтому нам с женой некуда было приткнуться.

Служебную квартиру, которую получали иногородние депутаты, мне выдать не могли, так как формально у меня в паспорте стояла московская прописка, значит, я был вычеркнут из списка на предоставление жилья иногородним.

Даже в номере в гостинице «Москва», где разместили некоторых депутатов, мне вначале тоже было отказано, пока не договорились о доплате из моего кармана. Та же история произошла с транспортом. В Думе машина полагалась только руководителям партийных фракций и комитетов, простые депутаты машин не имели.

— Вам должны выделить машину в вашем округе! — заявили мне в Думе. — Идите к Лужкову!

Ага, разбежались! Так я и пошел к Лужкову выпрашивать себе «Волгу», когда он меня в упор не видит!

Действительно, мы однажды столкнулись с ним — лицом к лицу в Кремле на церемонии оглашения ежегодного послания президента России Ельцина. Я поздоровался с Юрием Михайловичем, а он холодно и подчеркнуто вежливо ответил мне на приветствие и сразу же отошел в сторону, давая понять, что разговора не будет.

Очень долго это не могло продолжаться! Я на самом деле тяготился своим положением и, главное, тем, что чувствовал: я совершенно ни в чем перед Лужковым не виноват. Конечно, я знал всегда, что Юрий Михайлович — человек крутой, резкий, но справедливый. И я решил добиться этой справедливости.

Я пошел на прием к его заместителю Владимиру Ресину, с которым меня связывала в прошлом если не дружба, то нормальные и добрые отношения. Ресин вместе с Лужковым приезжал ко мне в Англию в конце 1991 года, я от всей души принимал гостей, и мы неплохо отпраздновали Рождество.

Теперь Ресин, как правая рука Лужкова, был очень влиятельным в Москве человеком, руководил строительством города и всей городской землей. Он принял меня в кабинете, и войдя к нему, я уже с порога задал прямой вопрос:

— В чем дело, Владимир Иосифович, почему так со мной поступил Лужков?

— Ну, — говорит Ресин, — ты сам виноват!

— ???

— Зачем ты финансировал книгу Краснова «Московские бандиты», направленную против Юрия Михайловича?

— Какую книгу?! Я даже не знаю о существовании такой книги!

Александр Краснов, бывший председатель исполкома Красной Пресни, действительно приезжал в Лондон около двух лет назад. Я с ним встречался, но я не знал, что он пишет такие книги! Мы прогулялись по Лондону, посидели в пабе. Он сказал мне, что увлекается альпинизмом, и попросил отвести его в специализированный магазин. Там я подарил ему в качестве сувенира ледоруб, и на этом мы расстались!

— Кто вам сказал об этом? — спросил я Ресина. — Сам Краснов?

— Нет, мы с этим подонком даже не разговаривали. Мы к такому выводу сами пришли. Сидели как-то, думали, кто бы мог финансировать издание его книги...

И тут я все понял. Не забыл Гусь унижений, которым подвергался со стороны Лужкова в Лондоне. Не забыл он и то, что вместо посещений намеченных им мест Лужков уезжал со мной в театры и на разные мероприятия, оставляя Гусинского с носом! Двигало им чувство зависти, а может, и ревности к дружескому расположению Лужкова ко мне, которое Гусинский перенести не мог! Хорошо, что еще не заказал меня киллерам, но этого надо было теперь серьезно опасаться.

— Ведь это «предположение» высказал Гусинский, не так ли? — спросил я у Ресина.

И Ресин признался: «Да, он...»

— Владимир Иосифович! Мне срочно нужно встретиться с Лужковым. Моей вины нет никакой, и вы должны понять,

как трудно мне жить в таком положении и работать в Москве! Вы можете такую встречу организовать?

— Конечно, смогу. Я уже ему сам говорил не раз, что так поступать нельзя, это не по-товарищески! Ты иди, а я договорюсь, и мы тебе перезвоним.

Вечером мне действительно позвонили и сообщили, что Лужков ждет меня у себя завтра утром в девять часов.

К тому времени я уже знал Лужкова лично пятнадцать лет! Мне было известно, что утром к Юрию Михайловичу лучше не заходить! Он в это время суровый, немногословный и вообще по своему типу ярко выраженная «сова», поэтому любит проводить встречи после двенадцати ночи. Назначенное время можно было расценивать так, что Лужков со мной на мировую не идет. А если это и случится, то добиться восстановления дружеских отношений мне будет крайне трудно.

Где-то после завтрака Лужков обычно приходит в себя, к середине дня постепенно добреет — и вечером с Лужковым можно решать любые вопросы...

А девять утра — это значит сразу после оперативки? Где он всем раздает указания и приказы, кого-то обязательно песочит так, что искры летят. Или это еще до оперативки, когда он только готовится к очередному разному?

Но выбирать время мне не приходилось, и ровно в девять часов утра я сидел в его приемной. Ждать долго не пришлось, и меня пригласили войти.

Лужков читал газету, сидя за своим письменным столом.

Я прошел по кабинету, остановился метрах в пяти перед ним и поздоровался.

В ответ — молчание. Без признаков приветствия или какой-нибудь реакции в мою сторону. Он даже не прервал чтения.

Стало понятно, что надо было срочно что-то предпринять или повернуться и уйти.

Мне удалось растопить ледяное начало нашей встречи. Когда-то я работал у Лужкова в Опытно-конструкторском бюро автоматике, и все сотрудники нашего предприятия зна-

ли: в девять утра генеральный директор Лужков всегда пьет чай с ватрушками и миндальными пирожными.

Чтобы получать их свежими каждый день, по его приказу на территории закрытого предприятия была построена прекрасная пекарня, которая не только поставляла пирожные в буфет своей организации, но и снабжала продукцией соседние булочные района.

Мгновенно вспомнив эту историю, я сказал:

— Юрий Михайлович, я вас знаю пятнадцать лет! И мне прекрасно известно, что если Лужков не выпил чая с миндальными пирожными утром, к нему лучше не заходить!

Это подействовало. Лужков отложил в сторону газету, поднял на меня глаза и сказал:

— Пошли пить чай!

Мы прошли в маленькую комнату за кабинетом, где все было приготовлено к чаепитию: в вазе лежали свежие пирожные, конфеты, печенье и сухарики. На столе стояли стаканы в подстаканниках и маленький электрический самовар.

Я стал рассказывать Лужкову о своей жизни — о том, как меня преследовали, как мне было тяжело... Естественно, спросил:

— В чем причина? Какая черная кошка пробежала между нами?

— Я не хочу об этом вспоминать! — нахмурился Лужков.

Я говорю:

— Это из-за Краснова? Да, он — мой приятель, я этого никогда не скрывал! Но я его победил на выборах, иначе вы имели бы Краснова на моем месте. И потом, не финансировал я книгу Краснова, я даже ее не читал! Вам это сказал Гусинский, давайте вызывайте его, прямо сейчас. Поговорим лицом к лицу.

В тот момент Гусинский имел очень большое влияние на Москву и на мэра. Насколько я теперь понимаю, именно тогда Гусинский захватил многие финансовые рычаги московского правительства. Его «Мост-банк» стал главной банковской структурой, обслуживавшей городское хозяйство и бюджет Москвы. Незаметно к середине 1994 года влияние

Гусинского выросло настолько, что он мог решать любые вопросы в городе, и Лужков просто так уже не мог его вызвать для разбора. Да и нужно ли было это разбирательство Лужкову?! Появились первые по-настоящему большие деньги, которые можно было выгодно инвестировать в столицу. Теперь Гусь уже не был простым еврейским мальчиком для битья. Он учредил и контролировал НТВ, самый популярный в стране телевизионный канал, и финансировал ряд газет.

Даже заместитель Гусинского Хаит входил к Лужкову без доклада. Он просто открывал дверь и говорил: «Здравствуйте, Юрий Михайлович, я пришел!»

— Посиди тут, — отвечал Лужков.

Но не выгонял... Таких привилегий, как у Гусинского и Хаита, не имел в Москве в это время, пожалуй, никто.

Конечно, Лужков, умный и амбициозный человек, вскоре освободился от пут Гусинского. Он даже не помог «Мосту» во время знаменитого наезда команды охранников Ельцина, хотя, с другой стороны, мало что мог тогда сделать. Во всяком случае, после дефолта 1998 года московское правительство спокойно созерцало, как тонул «Мост-банк» в финансовой пучине, подстроенной для негосударственной банковской системы в основном усилиями Центрального банка России.

Лужков не мог или не стал вызывать Гусинского, но он понял, что я говорю правду. Так мне, во всяком случае, показалось...

— Ну хорошо, — сказал он. — Что тебе нужно?

Я говорю:

— Юрий Михайлович, я хотел бы квартиру на два года: не могу я перебиваться с одной квартиры на другую! И мне нужна квартира в приличном доме, с охраной внизу. Вы же сами знаете, я на особом положении. Я готов подписать бумагу, что сдам ее в первый же день после окончания моего депутатского срока.

— Ладно, — говорит Лужков, — что еще?

— Еще я хочу заняться бизнесом. Мы с компаньоном хотим внедрить лотерею «Русское лото», но нам все время отказывают в лицензии.

— Это вообще без проблем! — сказал Лужков.

Он также распорядился о том, чтобы мне открыли общественную приемную в здании Моссовета и прикрепили служебную машину.

А вскоре на моем письме о предоставлении лицензии для запуска лотереи «Русское лото» появилась резолюция Лужкова: «Разрешаю». Действительно, предполагалось, что лотерея будет платить налог в бюджет Москвы.

Я был очень доволен восстановлением отношений с Юрием Михайловичем. Мы стали изредка встречаться по разным поводам, связанным с моим депутатством. Я всегда с большим интересом выслушивал рассказы Лужкова о его проектах, которые воплощались в жизнь: восстановление храма Христа Спасителя, строительство подземного торгового центра на Манежной площади и т.д. Он очень увлекался и искренне делился грандиозными замыслами, зажигая собеседника энтузиазмом и своей неумной внутренней энергией.

Однако я понял, что Лужков может в городе уже далеко не все. Когда я пришел с его визой о выдаче мне служебной квартиры к чиновникам, меня прекрасно приняли, пообещали все очень быстро решить, но так ничего и не сделали. Сначала у меня затребовали огромное количество справок и документов, часть из которых просто не подлежала восстановлению после моей эмиграции. Потом понадобилась справка о количестве метров на одного человека по месту моей прописки в Москве. В итоге процесс затянулся на полгода, и в конце концов я получил вежливый отказ, основанный на том, что у меня уже была прописка в городе и, соответственно, должно было быть жилье!

Поэтому за два года работы в Думе я так и не получил квартиру, и мы снимали жилплощадь, переезжая с одного места на другое.

По своим каналам я выяснил одну очень интересную деталь: ту самую книгу Краснова о бандитской мафии, засевшей в Моссовете, финансировал лично Владимир Гусинский.

Теперь все было готово для внедрения лотереи «Русское лото». Я отнес лицензию в компанию, и там, конечно, все были счастливы. Но тут же встал вопрос: где взять деньги на внедрение? Наскоро написав бизнес-план, я подсчитал, что для внедрения понадобится как минимум два — два с половиной миллиона долларов. Надо было создавать имидж и бренд новой лотереи, арендовать студию, оплатить эфирное время по самым высоким рекламным расценкам, выпустить лотерейные билеты, организовать службу распространения и саму компанию — оператора лотереи и еще многое другое.

Если идти за деньгами в коммерческий банк, потребуется гарантия их возврата, которой, конечно, быть не могло. Мы не были уверены в успехе затеи, а материальных ценностей или собственной недвижимости у концерна «Милан» не было. И я решил воспользоваться своими прошлыми связями и предоставить собственную репутацию в качестве гарантии возврата инвестиций.

Мой старинный приятель Саша Смоленский и его банк «Столичный» процветали. Банк прочно занимал место в первой десятке российских банков, а сам Саша Смоленский был рядом с Кремлем и часто наведывался к Коржакову, который приватизировал доступ к Ельцину и все больше и больше руководил страной из тени.

Смоленский отнесся ко мне с пониманием, моя честность не вызывала сомнений, а кроме того, моя кредитная история в России выглядела безупречно.

Даже рекомендация выдать деньги Стерлигову для открытия биржи «Алиса» сработала, и Герман все заемные средства возвратил сполна и вовремя. В течение недели нам были выданы два с половиной миллиона долларов сроком на один год.

Конечно, как талантливый бизнесмен, Смоленский сразу понял, что лото будет приносить огромные доходы, в том числе и банку, и он на этом хорошо заработает. Ведь многие люди теряют билеты или просто не заходят за мелкими выигрышами, и их большинство. Скапливается значительная сумма

денег, которая лежит на банковских счетах без движения и потом просто списывается в конце года как невостребованная. Да и торговый оборот лотереи был внушительным: ежедневно продавалось билетов более чем на миллион долларов!

Заемные деньги были переведены на счет компании «Милан», реализующей «Русское лото». Параллельно заканчивались работы по созданию дизайна лотерейного билета. Вначале программисты предложили вариант, который использовался для игры в бинго в Лондоне. Я внутренним чутьем угадал, что такой вариант, скорее всего, успешным не будет, и предложил изготовить билет в форме всем известной игровой карточки «Русского лото». Это оказалось стопроцентным попаданием! Практически никому в России не требовалось объяснять правила игры и заполнения игровых карточек. Кроме того, у будущего ведущего появлялась возможность выкрикивать номера на бочонках и смешные названия чисел, так же, как это происходило во время популярной игры. Каждый номер имел свое название: цифра семь — «армянский нос», восемь — «декольте», одиннадцать — «барабанные палочки», девяносто — «дед» и т.д.

Миша Борисов, начав вести лотерею на телеэкране, так и называл числа. Он даже объявил конкурс на новые самые лучшие названия для цифр на бочонках и получал тысячи писем с предложениями от телезрителей. Для того чтобы игровая карточка билета приобрела именно такой вид, пришлось изменить всю компьютерную программу обеспечения игры, но это стало потом одним из самых главных факторов успеха лотереи «Русское лото».

Летом 1994 года мне надо было лететь в Лондон и разобраться в моем офисе накопившиеся за полгода дела.

Оставшись главным распорядителем кредитов, Малик Сайдуллаев сразу же истратил большое количество денег на презентацию лотереи «Русское лото».

Сняли большой зал в гостинице, где был банкет, и выступили все: от Пугачевой с Киркоровым до Анжелики Варум. Звезды играли в лото, и это действие было показано по телевидению. Презентация обошлась почти в четыреста

тысяч долларов. По приезде надо было браться за внедрение лотереи.

Мы договорились с английской печатной фабрикой об изготовлении билетов «Русское лото» и выпустили первую партию. Печатать билеты оказалось делом непростым, в России тогда не было ни одной типографии, которая могла бы с этим справиться. Каждый лотерейный билет был индивидуальным не только по номеру, но и по игровому полю, на котором располагались числа. Требовалось печатать миллионы разных билетов.

Конечно, мы закупили и ввезли в Россию оборудование, которое могло печатать индивидуальные билеты, но в ограниченном количестве и со сравнительно небольшой скоростью.

Мы купили невероятно мощные ксероксы. Они выстреливали листы бумаги со скоростью семьдесят штук в минуту. Каждый лист состоял из шестидесяти билетов, потом их нужно было разрезать на части. С английской фабрики мы получали уже готовые листы с билетами, в которых не были представлены только цифры в игровых полях. И с этим справлялись наши печатные машины.

Компьютерная программа автоматически выдавала наборы цифр. А поскольку комбинаций было великое множество, то можно было напечатать хоть сто миллионов билетов, и ни в одном из них не было бы полных совпадений.

Но дальше мы пошли по неверному пути. Я это понимал, но сделать уже ничего не мог. Вмешиваться в действия Малика мне было не к лицу, хотя бы потому, что в Думе в это время началась кампания за прекращение коммерческой деятельности депутатов. Поэтому процессом организации лото я мог заниматься нелегально, как бы в свободное время, и должностей в компании «Милан» занимать не имел права, формально оставаясь в стороне от управления процессом.

Наша ошибка состояла в том, что мы неправильно начали бизнес. Конечно, начинать надо было с организации сети продажи билетов. К примеру, английская национальная лотерея в первые же дни реализовала билетов на несколько миллионов фунтов. Но там предварительно установили более

двадцати шести тысяч терминалов по продаже билетов, еще до запуска самой лотереи.

У нас этого ничего не было. Мы уже объявили первый тираж, Малик заплатил телевидению за студию. Его везде обманули, поскольку он не ориентировался в ценах: сколько говорили, столько и платил. Огромные деньги сорвали за изготовление и показ рекламных видеороликов на телеканале. Почти все деньги были потрачены, а распространять билеты среди населения было просто некому.

И мы сделали совершенно невообразимый ход. Малик взял все свои оставшиеся деньги, я доложил из своих еще двести тысяч долларов, и мы сами выкупили весь первый тираж лотереи! Всех наших сотрудников послали ко входам в метро и на улицы, чтобы они раздавали билеты всем прохожим, предлагая только одно: включить телевизор и поиграть вместе с ведущим в «Русское лото». Часть билетов наши сотрудники раздавали в крупных магазинах. Мы также организовали чисто благотворительную акцию: отвезли билеты в госпитали и в дома престарелых. Всех предупреждали, что выигрышный фонд составит не менее двухсот тысяч долларов и можно бесплатно выиграть большие деньги!

Так и произошло. С огромной скоростью прокатился слух о невероятных возможностях выиграть в лотерею! К следующему тиражу у нас было куплено уже двадцать семь тысяч билетов. Люди стали искать билеты и покупать по нескольку штук, особенно те, кто выиграл. Опять этих денег оказалось мало, и мне снова пришлось добавлять свои сотни тысяч долларов.

Третий тираж принес уже пятьдесят пять тысяч проданных билетов. И хотя по правилам призовой фонд лотереи составлял половину дохода от продажи — мы все деньги кинули на призовой фонд и опять выкарабкались из положения. Были задействованы кассиры в универсамах: билет стоил доллар, за каждый проданный билет они получали по двадцать центов в карман. И каждый тираж у нас практически удваивалась продажа билетов.

Передача шла по российскому каналу. Сразу началась чехарда с ведущими. Я настоял на том, чтобы пригласили вести

«Русское лото» известного в прошлом конференсье Дитятева. Но он не подошел потому, что неверно сделал концепцию игры. Он стал бегать по рядам, таская за собой мешок с бочонками, и приглашенные в студию тащили бочонки. Это было, мягко говоря, неинтересное шоу и даже немного странное, учитывая возраст Дитятева.

Потом мы взяли еще одного конференсье-профессионала. Он провел, по-моему, два тиража — и тоже неинтересно.

И тогда мы решили предложить вести игру моему другу Мише Борисову, с которым мы учились в институте и который был моим помощником в Думе. Миша, как и я, окончил Московский горный институт и после этого шесть лет чертил крышки для электродвигателей в одном проектно-институте. Потом сказал себе — хватит и поступил на режиссерское отделение Щукинского театрального училища по классу Евгения Рубеновича Симонова. Он учился неистово, стал вахтанговским стипендиатом и окончил училище с отличием. После ему пришлось уехать в Томск, так как в московских театрах вакансий для режиссеров не было.

Сначала он был одним из режиссеров Томского театра, затем стал главным режиссером и поставил там несколько очень интересных спектаклей. В годы его работы в Томске первым секретарем обкома коммунистической партии был Егор Кузьмич Лигачев, который любил посещать театр. Когда Лигачев шел на спектакль, естественно, за ним шли все остальные: секретари обкома и горкома, секретари комитета комсомола, партийные деятели и директора ведущих социалистических предприятий вместе с заместителями и женами. То ли спектакль был хорош, то ли присутствие Лигачева сказывалось, но аншлаг случался нередко!

Взявшись за лотерею, Миша сразу же поставил в центре студии стол, ведь игра «Русское лото» — это застольная семейная забава. И все у Миши получилось буквально с первого раза.

Количество людей, купавших билеты, стало стремительно расти, уже чуть ли не в геометрической прогрессии!

Хотя сеть распространения была еще в зачаточном состоянии, лото стало захватывать рынок. И мы вернули Смоленскому два с половиной миллиона в первый же год.

Чем больше у нас появлялось наличных денег, тем сильнее становилась служба охраны. Тогда уже какое бы заведение вы ни открывали, на следующий день приходили бандиты и говорили: «Мы — мафия и вас защищаем! Такой-то процент вы должны нам отчислять...»

Мы действовали на территории очень сильной солнцевской мафии, но к Малику так никто даже не пришел. То есть в центре города, на Ленинском проспекте, создалась мощная и независимая финансовая структура, которая никому не платила и сама себя защищала!

Конечно, у нас появились недоброжелатели и даже враги. До нас на игровом рынке России процветала только одна лотерея под названием «Лото Миллион».

Фактически она была копией «Спортлото» и организована Российским национальным фондом спорта, который развивался под патронатом господина Тарпищева — личного тренера Ельцина по теннису. А руководил фондом некий Федоров, на которого позднее было совершено несколько покушений, и в конце концов он был убит. Фонд занимался не только и не столько лотереей «Лото Миллион», а, будучи легально освобожденным от ввозных пошлин и налогов, импортировал из-за границы в Россию огромное количество сигарет и спиртного. Там вращались сотни миллионов долларов в месяц, и, наверное, лото было одной из возможностей отмывания этих средств.

Конечно, после нашего появления уровень продаж лотерейных билетов «Лото Миллион» сразу упал, постепенно мы и вовсе сделали его банкротом, «Лото Миллион» пришлось просто закрыть. Федоров и Тарпищев пожелали встретиться с нами и найти компромиссные решения.

Мне назначили первую встречу на Кубке Кремля по теннису, который организовывал Федоров. Там он хотел продемонстрировать мне свои возможности прямо в деле. Мне передали приглашительный билет, и я вошел в зал Олимпийского дворца спорта. Федоров важно вышел ко мне навстречу, но тут же сказал:

— Вы тут подождите в сторонке, я Лужкова встречаю!

Наши отношения с Лужковым были уже налажены, и когда он появился, то, не замечая Федорова, прямо направился ко мне, радушно пожал руку и пригласил сесть рядом на трибуне!

После этого Федорову, видимо, пришлось на ходу отказываться от той манеры разговора, которую он планировал. Пребывая в некотором смущении, он записал мои телефоны и попросил перенести встречу на другой раз, лучше где-нибудь в ресторане, например в ресторане «Оскар» у Лисовского.

Мы пошли на встречу с Маликом вдвоем. Вскоре выяснилось, что Национальный фонд спорта готов купить наше лото. Нам готовы были предложить примерно восемнадцать миллионов долларов и мир или скрытую войну, конкуренцию и нелюбовь приближенных к Ельцину чиновников. Я склонялся к продаже.

Сказал Малику:

— Если не хочешь головной боли, давай продадим компанию! Оценить ее просто: мы за год продали двадцать миллионов билетов. Вот эти двадцать миллионов долларов и являются ее стоимостью...

— Ладно, давай за тридцать миллионов согласимся!

— Или другой вариант, — продолжал я. — Давай купим у них тридцать процентов «Лото Миллион», а они у нас. Тогда мы получим телевизионное время на первом канале, серьезных партнеров и отличный бизнес. А я знаю, как поднять тираж этого «Лото Миллион»...

Малик этой идеей очень загорелся, и мы начали вести переговоры с Федоровым и его командой.

Эти люди вели себя очень доброжелательно, но на самом деле строили планы захвата «Русского лото». И вскоре придумали совершенно невероятную комбинацию...

У нас в «Милане» работала семья Барановских. Василиса была главным бухгалтером и юристом фирмы, а ее муж, очень умный человек, занимался системным подходом к организации бизнеса и был заместителем директора компании. Оба являлись соавторами «Русского лото» и числились в заявке на

защиту интеллектуальной собственности. Ну и, конечно, были в курсе того, как эта игра организована и сделана.

Отношения с Национальным фондом спорта развивались, и для того, чтобы подготовить договор о взаимном слиянии компаний, они попросили нас послать своего юриста в их офис. Поехала туда Василиса Барановская. Она действительно была неплохим юристом.

Тогда уже готовились постановления, запрещающие частные лотереи в России. Они должны были остаться только при Национальном фонде спорта, как монополисте на рынке.

Василиса пообшались с Федоровым, и тот легко ее уговорил перейти вместе с мужем в его компанию, оставив концерн «Милан» и «Русское лото». Он посулил им очень большие оклады, роскошную квартиру, кремлевские льготы...

Малик тоже щедро содержал свой персонал: он подарил, например, Барановскому «Мерседес», платил им по полторы тысячи долларов. Но Федоров предложил гораздо больше.

Цель Федорова прояснялась. Ведя с нами переговоры, они параллельно готовили указ президента о том, чтобы отменить все частные лотереи в России. Поскольку концепция «Русского лото» оказалось такой успешной, его надо было заменить аналогичной игрой, а потом просто уничтожить постановлением Ельцина! Семья Барановских потребовалась Федорову для того, чтобы раскрыть все промышленные секреты организации лото и повторить игру под другим названием. Так позднее появилась на свет российская лотерея под названием «Золотой Ключик».

Барановские решили тихо бежать из компании. Сначала муж, а потом и жена однажды просто не вышли на работу и как бы исчезли! Сначала их упорно искали, и наши службы сообщили, что видели их проходящими на работу в Национальный фонд спорта.

Мы, естественно, порвали все отношения с предателями и ворами, и вся эта компания тут же была зачислена Маликом во враги. Вскоре на Барановских начались наезды, например взрвали их квартиру. Я твердо знал, что это не делали люди

Малика, ведь он автоматически оказывался первым подозреваемым в террористическом акте!

Позже мне показалось, что я нашел истину: скорее всего, это организовал сам Федоров. Потому что вскоре последовали доносы в прокуратуру о том, что Малик преследует своих бывших работников и хочет их убить...

Делалось все, чтобы засадить Малика в тюрьму, а потом уже спокойно расправиться с лотереей. И когда вся компания будет уничтожена, появится Национальный фонд спорта с такой же лотереей и захватит рынок в России. Они взяли бы ту же команду программистов или нашли бы новую. Ничего сложного в этом не было...

Так бы все и закончилось, если бы нас не спасла от такого исхода возникшая новая ситуация. Самого Федорова внезапно арестовали с наркотиками, которые ему, понятное дело, подбросили в личный автомобиль. Так начинались более серьезная война и дележ сверхприбылей от беспошлинного ввоза сигарет и спиртного, проходивших через Национальный фонд спорта. Потом Федорова «хулиганы случайно» ударили на улице ножом, и он уехал лечиться в Швейцарию.

И получилось так, что, с одной стороны, Федоров организовывал кампанию наезда на Малика, а с другой — на него самого накатывалась еще более сильная волна, которая и накрыла его раньше, чем успели осуществиться его коварные замыслы против «Русского лото».

— — —

...Попытки уничтожить лотерею прекратились. «Русское лото» постепенно завоевывало рынок. Примерно через год образовалось целое сообщество любителей играть в телевизионную лотерею, количество постоянных игроков выросло примерно до восьми миллионов человек. Появились рекордные тиражи. Особенно продажа билетов возростала, когда игра объявлялась праздничной и количество призов увеличивалось. Возможно, люди дарили лотерейные билеты на праздники родным и друзьям. Как-то к Новому году было продано больше пятнадцати миллионов билетов на один тираж! Билет

стоил один доллар, и доход игры вырос до ста миллионов долларов в год!

Я работал в Государственной думе, вечерами торчал в офисе компании «Милан» и занимался лотереей. Постепенно вместе с тиражами росла популярность игры. Мишу Борисова узнавали на улице. Он ездил на метро, что становилось все более опасным. Люди останавливали его, просили автографы, просились попасть на передачу в студию, а иногда очень зло высказывали ему претензии за проигрыш в лотерею.

В Москве начался бум открытия игорных заведений. В течение двух лет было открыто около ста пятидесяти казино, потом их число приблизилось к тремстам. Москва по количеству казино уже перегнала Атлантик-Сити и стремительно приближалась к Лас-Вегасу.

За небольшую сумму денег выдавали лицензию на установку игровых столов хоть в вестибюле кафетерия, хоть в подвале рядом с сауной. Примечательно, что все казино города, вместе взятые, давали Москве меньше налогов, чем одна телевизионная лотерея «Русское лото»! И это при том, что налог на казино был установлен чуть ли не 95 процентов от выручки!

Наконец в московском правительстве поняли, что толку от большого количества казино никакого. Кроме развращения населения столицы и обогащения частных заведений, город ничего получать не будет, так как учесть наличные в казино невозможно. Сначала Лужков со свойственным ему размахом принял решение где-нибудь за Московской кольцевой автодорогой построить целый город КАЗИНО. Туда должны были быть выведены все значные заведения города. Но идея стоила так дорого, что была положена под сукно. Вместо нее ввели новые правила регистрации и налогообложения. Теперь казино разрешалось открывать только как специализированное предприятие, в котором должны были разместиться не менее десяти столов. Рядом обязательно должна быть кухня для организации питания посетителей, а также территория для отдыха, свободная от игровых столов. Изменили и порядок получения денег: теперь за каждый стол,

установленный в казино, обязали платить фиксированную сумму в качестве налога! Не важно, задействован он в игре или только установлен.

Начался переполох. В городе закрылись сотни казино, многие ушли в глухое подполье. Но в то же время это дало толчок к строительству и обустройству вполне приличных игорных заведений, в которых действительно можно было не только проиграть деньги, но и провести приятный вечер, посидеть в ресторане, посмотреть шоу и просто встретиться с друзьями за чашкой кофе.

В Москву с целью открыть новое казино приехал знаменитый голливудский актер Чак Норрис вместе с суперпрофессионалом в области мирового игорного бизнеса Эдом Фишманом. Мне позвонили из Калифорнии друзья из Клуба молодых миллионеров и попросили оказать ему помощь, а также встретить их как своих гостей.

Наша первая встреча произошла в гостинице «Паллас» в Москве, куда я поехал, чтобы с ними познакомиться. Меня встретили два бородатых мужика с постоянными улыбками на лицах. Казалось, их радовало все: и сам факт приезда в Москву, и новые впечатления. Они были абсолютно свободны и внутренне, и внешне, что сильно выделяло их из окружающей московской публики. Через минуту мы уже говорили так, как будто знали друг друга много лет.

Чак Норрис привез с собой одну из своих голливудских поклонниц, но сразу понял, что поступил опрометчиво. Девушки в Москве оказались настолько привлекательными, что он тяготился присутствием своей подружки с первых часов прилета.

Партнером Чака Норриса и Эда Фишмана по бизнесу был один поляк, знавший русский язык. Место для казино выделили в бывшем кинотеатре, там уже закончились строительные и отделочные работы. С лицензией тоже проблем не было: мэрия сочла за честь выдать лицензию самому Чаку Норрису. Ожидался вечер открытия, на который должна была прилететь женщина — мэр города Лас-Вегаса. Казино назвали «Беверли Хиллс» в честь фешенебельного района Лос-Анджелеса.

Чак Норрис рассказал мне забавную историю. Оказывается, он уже приезжал в Россию в 1991 году, чтобы специально найти меня! Скандальная история обо мне, как о первом легальном российском миллионере, была достаточно популярна в США, и в Голливуде решили снять фильм. В сценарии первого легального советского миллионера преследует КГБ, который хочет его уничтожить. А он обращается за помощью к США, и оттуда присылают агента, чтобы тот выполнял роль телохранителя миллионера и обучил этому искусству российских охранников. Фильм, конечно, должен был быть боевиком! Агента, натурально, должен был играть Чак Норрис, а миллионера хотели предложить сыграть мне самому! Автор сценария, возможно, был какой-то наш эмигрант, следивший за тем, что происходило в России в это время. Чак сказал, что сценарий ему очень понравился, он собирался не только сыграть в фильме, но и быть его продюсером, и поэтому небольшая группа даже вылетела на место для ознакомления со средой. Однако они вскоре узнали, что я в это время эмигрировал из России и на меня в суд подал сам президент Горбачев. После этого они решили с этим не связываться. Так и не состоялась моя карьера голливудского киноактера!!!

Я рассказал им о лотерее «Русское лото», вызвав огромный интерес Эда Фишмана. Он тут же напросился посетить тираж в телестудии. На следующий день выпадало воскресенье, лотерея шла в прямом эфире, и мы договорились, что в десять часов утра я отвезу его туда.

Игра вызвала у Фишмана неопишуемый восторг! Миша Борисов пригласил Эда к столу, и он, как мальчишка, с огромной радостью тянул бочонки из мешка перед телекамерами!

После игры к нам присоединился мой друг Хамид Садеков, и мы пошли перекусить в ресторан.

— Чем вызван ваш такой большой интерес к лотерее? — спросил я Эда во время еды.

— О, так я все объясню! — ответил Эд. — Я же начинал свою жизнь как ведущий игровой передачи на телевидении в Калифорнии! Это так мне близко!

И Фишман рассказал удивительную историю своей жизни и карьеры мультимиллионера в США.

Молодой человек из бедной еврейской семьи, Эд с раннего детства сам добывал себе деньги на пропитание и жилье. Когда ему исполнилось двадцать лет, он оставил холодный и неприветливый Нью-Йорк и поехал на заработки в Калифорнию.

Он мечтал о славе, деньгах, шикарной жизни, красивых и дорогих женщинах, огромном доме на берегу океана в Малибу или в Санта-Барбаре. Но, как этого добиться, представления не имел!

Эд устроился разнорабочим на телевизионную студию в Лос-Анджелесе. Присматривался ко всему, думал, как пробиться, и придумал — новое игровое шоу на телевидении. Знаменитое «Поле Чудес», которое и поныне ведет на первом канале Якубович! Эд Фишман стал автором телевизионной игры, завоевавшей все страны мира!

Он был так рад, что шоу поставили в эфир и позволили ему стать ведущим, что даже не позаботился о получении патента на программу и защите своих авторских прав! Поэтому, когда игра стала популярной и распространилась по всей Америке и Европе, он ничего не получил за нее в виде законного гонорара и даже не мог требовать этого через суд!

Но, проработав ведущим несколько лет, Фишман все же скопил немного денег и уехал за своим счастьем в Лас-Вегас. Осмотревшись там, он предложил в одном второстепенном казино провести чемпионат по «Блэк-Джеку»! До этого момента ничего подобного в казино не проводилось. Фишман разработал правила участия в чемпионате и успешно сам его провел. Игрокам мероприятие понравилось, и Фишман начал проводить чемпионаты регулярно в разных казино Лас-Вегаса.

Действуя чисто интуитивно, Фишман решил регистрировать всех игроков, которые принимали участие в чемпионатах в казино, уже и по рулетке, и по покеру. Эта регистрация принесла ему славу и первые большие деньги.

Идея проведения чемпионатов настолько увлекла игровую публику, что Эда Фишмана стали приглашать в другие страны

для организации там аналогичных соревнований. И всюду он возил с собой все растущую и растущую картотеку. Вскоре картотека стала огромной ценностью: ведь в чемпионатах принимали участие только истинные игроки в казино. А их у Фишмана оказалось зарегистрировано сначала несколько сотен тысяч, а потом и миллионов человек!

Фишмана стали приглашать все казино мира, так как он сообщал игрокам, где и какой чемпионат намечается, или просто приглашал игроков посетить то или иное казино, что приносило большую прибыль заведениям.

«Почему бы их как-то не объединить?» — однажды подумал Эд.

Он выпустил пластиковую карточку «Международный игрок», которую разослал всем зарегистрированным в своей картотеке, и выдавал всем участникам чемпионатов в казино! Все казино мира незамедлительно предоставили держателям карточек Фишмана большие льготы: на размещение в гостиницах, на питание и на обслуживание транспортом. Им даже оплачивались авиационные билеты на перелет из любой точки мира для посещения казино! Когда количество розданных карточек превысило несколько миллионов, Эд Фишман заключил договор с платежной системой VISA, и ему дали возможность перерегистрировать все карточки на кредитные карточки VISA для игроков. С этого момента за каждую денежную операцию, произведенную с такой карточки, система VISA стала отчислять Фишману проценты. У Эда появились первые миллионы долларов прибыли прямо из воздуха!

Вскоре он открыл в Лас-Вегасе собственное казино. Желая выделиться, Эд купил самую дешевую землю в Неваде, почти за сто километров в стороне от Лас-Вегаса, в голой пустыне, и построил там казино. Казино было полностью накрыто куполом, спасавшим от пятидесятиградусной жары в пустыне. Под крышей раскинулись тропические сады с попугаями и кокосовыми пальмами. Мощные кондиционеры поддерживали восхитительный климат в течение круглого года.

Поскольку в Лас-Вегасе официальная проституция запрещена, а рядом, в штате Невада, разрешена как индивидуаль-

ная трудовая деятельность, в казино Фишмана на работу просились самые шикарные женщины легкого поведения со всей Америки и из Европы! Им предоставлялось официальное право заниматься тем, чем они хотели, и зарабатывать огромные деньги. Популярность казино в пустыне росла так быстро, что вскоре пришлось его сделать закрытым клубом для избранных гостей! Естественно, членство в клубе стало платным, от нескольких десятков до сотен тысяч долларов в год с человека.

А в это время в Лас-Вегасе произошел грандиозный скандал: одна нелегальная проститутка заразила СПИДом сорок семь человек! Она специально выискивала клиентов и заражала их, мстя за свое разрушенное здоровье! Если бы проституция была легализована, такого никогда бы не произошло!

В ста километрах от Лас-Вегаса имелись полные гарантии от подобных случаев! Чтобы доехать туда на лимузине по прямой, как струна, автостраде в пустыне Невада, требовалось не более двадцати пяти минут!

У Эда Фишмана появились и дом в Малибу, и шикарная жизнь, и частные знакомства со знаменитыми голливудскими звездами, и свой самолет! Но на этом он не остановился и продолжил реализовывать свои новые идеи.

Он внимательно изучил законы нескольких штатов Америки, в которых запрещалось открывать казино. Там было написано примерно так: «Запрещается открывать игорные заведения на земле штата Алабама».

«На земле — запрещается, — подумал Фишман. — А не на земле? Например, на воде?»

И он купил первый огромный корабль на реке Миссисипи и открыл там грандиозное казино на воде, рассчитанное на полторы тысячи посетителей одновременно! Каждые три часа на корабле объявлялся небольшой перерыв в игре, он причаливал к берегу: часть посетителей сходила, а другие садились на корабль. Как только корабль отплывал от берега и вставал на якорь, игра возобновлялась!

Вскоре у Фишмана по рекам Америки уже ходили пять огромных казино, которые были также большими плавучими

отелями, и на них не распространялись ограничения, принятые на земле штата!

Это может показаться смешным, но формулировка закона — главное в цивилизованных странах и сами законы всегда прямого действия. Отсюда и такое выражение, как «буква закона». За границей нет так называемого «толковательного права», широко применяемого в России. «Закон — что дышло: куда повернул — туда и вышло!» — говорят только в России, но не в других странах!

Например, во Франции существует закон платы за недвижимость, построенную на земле Франции! Поэтому все берега реки Сены в Париже заняты переделанными под жилье баржами и другими судами. Там живут люди и налогов за жилье не платят!

Странный закон есть на Кипре. Там платят налог за жилье, который звучит так: «Налог на крышу». И поэтому сотни и тысячи частных домов на Кипре с плоскими крышами, из которых вверх торчит арматура! Создается впечатление, что дом крыши не имеет и недостроен еще один этаж. А раз дом не достроен, крыши нет — налог не взимается!

Но вернемся к истории карьеры Эда Фишмана. Следом за казино на реках у Эда появилось целое морское судно — «Принцесса Карибских стран». Доходы Эда Фишмана росли. Он стал финансировать голливудские фильмы, открыл несколько благотворительных фондов, в частности клинику для лечения хронических игроков в казино, которые проиграли свои состояния, чтобы помогать людям встать снова на ноги! А когда в штате Луизиана наконец смогли пролоббировать закон, разрешивший построить казино, Эд взялся за осуществление этого проекта в Новом Орлеане. Стоимость гостиницы вместе с казино превысила полтора миллиарда долларов!

Рассказ Эда был для нас с Хамидом Садековым своеобразным семинаром о том, как предприимчивость и способность создавать новые идеи может сделать карьеру и принести миллиарды в свободном рыночном обществе. О том, как важно быть выше прописных стандартов и мыслить новыми катего-

риями, о неограниченных возможностях человека, создающего славу и благополучие собственным трудом и мозгами!

Поскольку следом за историей Фишмана я рассказал ему свою собственную историю предпринимательства и жизни, мы быстро стали настоящими друзьями и по духу, и по восприятию мира.

Хамид Садеков позвонил мне через два дня и восторженно сообщил, что уже заказал пластиковые карточки, которые он будет раздавать всем клиентам, заправляющимся на его бензоколонках в Нижнем Новгороде!

А я радовался за своего друга и сам начал подумывать о пластиковых карточках игроков в «Русское лото» и выводе акций лотереи на фондовый рынок в США. Но до моей второй эмиграции и бегства из России оставалось тогда меньше одного года, до зверского убийства Хамида Садекова — чуть менее двух лет!

**ДА ВОЗЛЮБИТЕ
ДРУГ ДРУГА
ЯКО Я ВОЗЛЮБИЛ
ВАС**

Глава 12

ЛЮБОВНЫЙ БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Впервые тюрьма реально замаячила передо мной еще в юности.

В восемнадцать лет я женился на внучке любовницы Сталина — Марии Овчинниковой. Она была одной из немногих женщин-генералов, председателем Комитета советских женщин (потом уступила свое место первой женщине-космонавту Валентине Терешковой) и главным редактором журнала «Советская женщина». А до войны, как говорили люди, знавшие ее в то время, входила в одну из троек ГПУ, решавших «расстрельные» дела неблагонадежных. В военное время Овчинникова занимала пост главного редактора боевого листка «Сталинская Гвардия», и с немецких самолетов сбрасывали ее портреты вместе с портретами диктора Левитана, как первых в списке на уничтожение после взятия Москвы.

Овчинникову боялся и не любил весь журналистский мир: эта женщина была известна тем, что писала доносы, по которым потом сажали в тюрьму и даже расстреливали людей.

Когда мой отец рассказал о моем браке Константину Симону, с которым дружил, тот воспринял новость с горечью.

— Это страшная женщина, — сказал он отцу. — У нее руки по локоть в крови. Берегите своего сына. На ее совести не одна раньше времени закончившаяся жизнь!

Было уже поздно. Отец дал «добро» на мой брак.

В принципе родители поступили правильно. Сегодня, когда я сам отец и думаю, что если Филипп объявит мне о желании жениться в восемнадцать лет, я тоже не стану ему мешать. В конце концов, все люди имеют право на ошибки. Я даже слышал где-то, что «дети имеют право даже на свою смерть». Это сильное выражение, но ведь так оно и есть!

Овчинникова дружила с женой Хрущева. В тот же день, когда Никиту Сергеевича сняли, она резко перестала общаться со

своей лучшей подругой, не поднимала трубку телефона, а вскоре заклеила в печати культ личности Хрущева в унисон соратникам по партии. Потом, уже при мне, она звонила Брежневу по кремлевской связи и говорила:

— Ленья, ты почему по Казахстану ходишь в рубашке с коротким рукавом и в галстук? Ты либо галстук сними, либо пиджак надень!

Наверное, много было известно этой женщине, на глазах которой выстраивались карьеры всех членов тогдашнего Политбюро ЦК КПСС еще со времен Сталина и Хрущева, раз она могла в таком тоне разговаривать.

Наш брак с ее внучкой оказался недолгим. Мы прожили чуть более полутора лет, а потом мне пришлось судиться еще два года. Причина распада брака, конечно, заключалась в моей молодости и неопытности. Жена была старше меня на четыре года, и, когда наши сексуальные отношения нарушились окончательно, брак восстановлению уже не подлежал.

После того как мы подали на развод, Овчинникова произнесла, глядя на меня бесцветными маленькими глазками из-под нависших бровей:

— В прежние времена я бы поставила тебя к стенке и сама лично расстреляла!

Когда-то муж дочери Овчинниковой, моей тещи, киноактер Игнатъев, сыгравший знаковую роль в советском кино — героя войны Александра Матросова, вместо получения ордена и звания народного артиста СССР сразу же после развода попал в тюрьму на целых семь лет. Меня, кажется, ждала похожая участь.

Мы с женой успели обзавестись кооперативной квартирой в Москве, да не простой, а в доме для партийных работников. Эту квартиру оплатил мой отец, а разрешение вселиться в такой элитарный дом, конечно, получила для внучки Овчинникова. Еще до развода мои новые родственники мне предложили:

— У твоей бабушки есть однокомнатная квартира. Вот ты туда и съезжай! А если нет, тогда мы просто лишим тебя московской прописки и квартиры, поскольку ты женился, по нашему мнению, по расчету, раз надумал разводиться. А брак аннулируем!

Я, конечно, уперся, так как в разводе считал виноватым себя только наполовину. И тогда семья моей жены подала в суд на признание брака недействительным. Это был, пожалуй, первый стресс в моей жизни.

Сначала жена съехала жить к Овчинниковой. Но и мне вскоре пришлось переехать к своей бабушке, поскольку начались самые настоящие провокации. Жена приходила в нашу квартиру, когда меня не было дома, разбрасывала вещи, разбивала несколько бутылок вина, потом выбегала в «растрепанных чувствах», стучалась к соседям и кричала, что я хотел ее убить. Соседи прибегали на помощь, но всегда оказывалось, что я почему-то успеваю убежать. Однако оставались «улики»! Вызывали участкового, составляли протоколы, под которыми подписывались свидетели. Потом жена убирала квартиру, а я к вечеру приходил домой и не знал, что здесь происходило. И так бы и не узнал, если бы меня вдруг не арестовали ... за угрозу убийства!

За мной приехали ночью, подняли с постели и привезли за решеткой на «воронке» в отделение. Ничего не объясняя, вызвали жену и устроили с ней очную ставку. Моя жена, по правде сказать, обладала хорошим актерским талантом по наследству от актера Игнатьева! И как только она меня увидела, то закричала и забилась в истерику:

— Ой, держите его, он меня сейчас убьет!

Она бросилась к стене под защиту милиционеров.

Мне тут же скрутили руки, хотя я даже не успел встать со своего места. Жена продолжала хорошо играть роль, да и многочисленные свидетельские показания весили достаточно.

Потом мне задавали странные вопросы: «Какое оружие вы храните? Давно ли вы занимаетесь спекуляцией? Почему портрет Ленина в вашей квартире стоял на столе среди разбитых бутылок и разлитого вина? Какую антисоветскую литературу вы читали и среди кого вы ее распространяете?»

На все это я отвечал отрицательно и наивно старался объяснить отношения с женой, а потом мне подсунули какой-то бланк и сказали: «Подпишитесь здесь о том, что вы были предупреждены об ответственности, и можете ехать домой».

Конечно, я обрадовался, что недоразумение разрешилось, подписал бумажку, и меня действительно отпустили. Но потом этот бланк заполнили, и он оказался повесткой привода в милицию «за угрозу убийства»: «Взят на месте преступления, отпущен временно под подписку о невыезде», — гласила эта бумажка. А дальше: «Согласен» и моя подпись.

Ночью, еще не до конца представляя серьезность своего положения, я интуитивно почувствовал, что надо срочно что-то предпринимать.

На следующее утро я уже без приглашения сам приехал в это 101-е отделение милиции. Там удивились и сказали:

— Слушай, парень, шел бы ты отсюда! Тобой теперь занимается УВД Москвы!

Я помчался в приемную Московского управления внутренних дел на Петровку, 38. Выстояв очередь в приемное отделение, я получил возможность очень мило побеседовать с неким майором. Он даже постарался выяснить ситуацию, позвонил куда-то и сообщил, что «дела Тарасова» в управлении нет.

Внутреннее беспокойство не улеглось, почему-то стало еще тревожнее. Я поехал обратно в отделение милиции. И зашел уже в кабинет того самого следователя, который подsunул бумажку мне на подпись.

— Ну ты и наглец, еще сам сюда приперся! — заорал на меня следователь.

— Я приехал с Петровки, 38! Там никакого дела на меня не заведено! Вы можете объяснить, в чем меня обвиняют?

— В КПЗ (камера предварительного заключения. — *А. Т.*) тебе все объяснят! Тобой лично занимается начальник Петровки, 38, генерал Козлов! Понял?

Таким образом он выдал информацию, которая меня в будущем и спасла!

Оказывается, Овчинникова обратилась напрямую к главному милиционеру — генералу Козлову лично! Слава богу, в тот момент ее друг министр внутренних дел СССР Щелоков был болен! Она слезно попросила генерала Козлова защитить ее легендарную семью от негодяя, который приехал в Москву из Сухуми и угрожает убийством ее внучке! По сигналу

с Петровки мной занялось 101-е отделение милиции по месту моей прописки.

К этому времени я уже два года как играл в КВН в команде Горного института. Вероятно, именно это обстоятельство помогло мне выработать необходимую находчивость, которая и пригодилась в тот момент.

Я понял, что сам генерал с Петровки со мной не будет разговаривать, но он, как и всякое должностное лицо, должен бояться кары своей коммунистической партии.

И поэтому я решил взять генерала «на испуг».

Потратив несколько часов за пишушей машинкой, я сочинил письмо, которое и отвез генералу Козлову на Петровку.

Письмо начиналось так: *«Копия настоящего письма направляется в Политбюро ЦК КПСС товарищу Пельше».*

И дальше:

«Уважаемый товарищ генерал Козлов!

За то, что я подал на развод с внучкой Овчинниковой, она обещала меня посадить в тюрьму, лишит прописки в Москве и принадлежащей мне по закону жилплощади. Всюду оперируя Вашим именем (это я сильно приврал), она заявляет, что благодаря своим личным связям и прошлым заслугам перед Коммунистической партией она получила от Вас личное обещание (это тоже была ложь во спасение) завести на меня уголовное дело и дать приказ о моем аресте...»

Далее в письме излагались факты наших взаимоотношений с женой, а также подробно описывался мой ночной арест и привод в отделение, очная ставка со спектаклем жены и с заявлением следователя о личном участии генерала Козлова в этом деле.

После того как я отвез письмо на Петровку, я решил скрыться у моих друзей. Как меня вычислили на их квартире — до сих пор не могу понять! Но в дверь позвонили в тот момент, когда мы играли в преферанс. На пороге стояли двое в милицейской форме.

— Нам нужен Тарасов! Он у вас! — заявили они прямо с порога моему другу, открывшему входную дверь.

Я был уже готов сдаться и вышел к ментам с поникшей головой. Но неожиданно они обратились ко мне довольно мягко:

— Вас вызывают в УВД Москвы!

— Поехали, — ответил я.

— Нет, сегодня уже поздно! Рабочий день там закончился. Вы завтра приезжайте, часам к девяти утра. Вас время устраивает?

Что-то резко поменялось в моей истории! Вежливые милиционеры получили от меня устное согласие и спокойно удалились!

В 9 часов утра я прошел через проходную Петровки, 38, и, обернувшись, на мгновение подумал, что отсюда не выходят! Почему-то вспомнился кавээнковский анекдот:

«Из ворот Петровки, 38, выходит двугорбый верблюд. Его увидели граждане прохожие и говорят: “Вот сволочи. Вы только посмотрите, что они с бедной лошадьё сделали!”»

Я поднялся на второй этаж, где меня встретил адъютант генерала Козлова в чине майора.

Он предложил чаю, немного подождать приема и тут же стал говорить мне о том, что, дескать, вы же понимаете ситуацию! К нам действительно обратилась легендарная женщина, описала вас как законченного преступника, попросила о помощи! Конечно, генерал не мог ей отказать и согласился все проверить. Конечно, никаких обещаний что-то сделать не по закону он ей не давал. И как она могла растрезвонить всюду эту лживую информацию о нашем генерале — просто непонятно!

Наконец я вошел в большой кабинет, где за огромным столом сидел невысокий абсолютно седой человек. Он поднял на меня чекистский взгляд и, не здороваясь, спросил:

— Ты отправил письмо Пельше?

— Нет, товарищ генерал, я его еще не отправил, — ответил я. — Мы ведь сами можем во всем разобраться!

Он молча нажал на кнопку селектора.

— 101-е отделение мне! — рявкнул генерал в микрофон.

Когда его соединили, он продолжил:

— Доложите, как там дело Тарасова?

И генерал поднял трубку, тем самым лишив меня возможности услышать по громкой связи доклад начальника 101-го отделения. Но доклад, судя по всему, был бойким и занял несколько долгих минут.

— Хорошо! — наконец сказал генерал. — Дело передайте сюда. Больше никаких оперативных действий не производить! Сегодня же с курьером...

Он положил трубку и спросил:

— Все понятно?

— Так точно! — по-армейски ответил я.

— Тогда иди и нигде не трепись! — сказал генерал.

Я, пятясь задом, выскользнул из его кабинета.

Сам процесс о признании брака недействительным получился очень театрализованным зрелищем. Над его постановкой думала и трудилась вся моя команда КВН.

Кроме того, мне повезло с блестящим адвокатом, репрессированным за антисоветскую деятельность и выпущенным из тюрьмы в хрущевскую оттепель.

Он не имел права участвовать в процессе официально, поскольку был судим, но консультировал одну молодую адвокатессу и все, что она говорила, писал накануне он. Очевидно, за это адвокатесса платила ему из своего гонорара. Кроме того, консультант согласился защищать меня в суде еще и потому, что прекрасно знал Овчинникову и истории ее репрессий.

На суде вначале мы поймали подставную свидетельницу со стороны жены...

В заявлении жены в суд было написано: «Не стесняясь гражданки Ухторской, в ее присутствии мой муж меня бил и заявлял, что женился на мне из-за прописки и квартиры в Москве».

В зал вошла незнакомая пожилая женщина. Гражданка Ухторская. При ее появлении я не выдержал и выкрикнул, что никогда ее не видел и прошу меня с ней познакомиться. Она развернулась в мою сторону и вдруг произнесла:

— Ни хочу я с вами знакомиться! Я сама вас вижу в первый раз!

«Ни фигу себе свидетель!» — подумал я. Стало интересно ее выслушать.

Ухторскую предупредили об ответственности перед судом за дачу ложных показаний и предоставили слово.

Она начала с того, что является заслуженным работником культуры СССР и членом КПСС с 1950 года. Как-то она за-

шла в гости к моей жене, и они сидели на кухне. Будто я вскоре зашел в квартиру и, не замечая Ухторскую, сразу прошел по коридору в комнату. Двери на кухню остались приоткрытыми, поэтому свидетельница все слышала. В комнате я, очевидно, ударил мою жену, так как она слышала хлопок по лицу, а потом громко сказал, что женился на ней ради прописки и квартиры в Москве. После этого сразу же ушел из квартиры.

Была рассказана такая вот история, после которой в суде установилась долгая и тягучая пауза.

— Может быть, это было радио или телевизор? — спросила моя адвокатесса.

— Да что вы! — ответила Ухторская. — Я абсолютно ясно слышала голос этого человека и видела его со спины, когда он входил в комнату и выходил из квартиры.

Тогда адвокатесса посоветовалась с консультантом и задала следующий вопрос:

— Скажите, пожалуйста, гражданка Ухторская, вы ознакомлены с заявлением в суд жены моего подзащитного и с фактами, изложенными в этом заявлении?

— Да!

— Тогда поясните суду, почему в заявлении написано: «...не стесняясь гражданки Ухторской, и в ее присутствии мой муж...». Как же мог мой подзащитный вас стесняться или не стесняться, если он даже не подозревал о вашем присутствии в квартире?

Тут гражданку Ухторскую «повело». Она залепетала что-то несурзкое и зашла за запоздалым в ее возрасте румянцем на щеках...

Адвокатесса не дала ей опомниться и зычным голосом прокричала:

— Прошу суд вынести частное определение о возбуждении уголовного дела за дачу ложных показаний на суде гражданкой Ухторской, заслуженного деятеля культуры СССР и члена КПСС!..

Это повергло Ухторскую в панику! Она вначале рывком хотела убежать с трибуны, но потом остановилась и произнесла:

— Я ничего не знаю! Не знаю, что там написано! Меня попросили... я сказала то, что попросили... я ничего больше не могу сказать... пожалуйста... я хочу уйти!!!

Ее отпустили, но на лицах консультанта и адвокатессы расцвели победоносные улыбки.

Выдержки из заключительной речи адвокатессы, придуманной этим пожилым «философом от юриспруденции», я тоже не забуду никогда:

«Уважаемые судьи, мы сегодня не рассматриваем моральный облик Тарасова, который, возможно, ужасен! — сокрушалась моя адвокатесса. — У нас на повестке дня другой вопрос — был брак или его не было. Когда-то Шекспир говорил, что брак — это “Bod and Bread”, что в переводе означает: “хлеб и кровать”. Была ли кровать? Ну конечно, они жили вместе целый год в одной квартире! Был ли хлеб? Несомненно, они питались вместе, это была семья! Я принимала участие во многих процессах, но на столь заведомо ясном по своей сути никогда еще не была. Здесь уместно вспомнить Уголовно-процессуальный кодекс СССР, где написано, что к рассмотрению в суде не могут приниматься дела, у которых заведомо нет смысла! Для присутствующих в зале я поясню: если завтра придет человек и заявит, что он видел, как кто-то украл Эйфелеву башню и он хочет за это подать на него в суд, такое дело суд не примет даже во Франции. Оно заведомо лишено смысла. Наш случай аналогичный! Да, мой подзащитный — аморальный человек! Он даже готов признать, что женился на этой женщине ради прописки и квартиры в Москве!»

В зале повисла гробовая тишина. И адвокатесса, оценив взглядом шок, который произвели ее слова, продолжала:

«Да, он аморальный человек! Но он по-настоящему женился! Они спали вместе, они ели вместе. У них могли быть дети — что же, недействительные дети? Это же абсурд! Рассматривать в суде реальный брак на предмет признания его недействительным не имеет никакого юридического смысла! А вопросы морали, уважаемые судьи, в советских судах не рассматриваются!»

После четырехчасового судебного разбирательства наш брак был признан действительно состоявшимся! И нам разрешили разводиться.

Так началась нескончаемая полоса моих стрессов. Вся моя дальнейшая жизнь была отмечена их чередой, и в конце концов психологическая реакция моего организма притупилась. Поэтому я и выжил после того, что со мной происходило. Не попал в сумасшедший дом, не пытался покончить жизнь самоубийством: и когда заказали мое убийство, и когда объявили преступником мирового масштаба, и когда мою жизнь решали бандиты, и дважды после моего побега из России, и когда у меня украли пять миллионов долларов, и еще во многих критических случаях, в которые ставила меня судьба.

— — —

Безусловно, у каждого человека в жизни бывали романтические истории, которые не забываются, а оживают в памяти, приятно согревая душу. Они — как старинные фотографии, рассматривая которые мы переносимся в свою молодость или детство. Эти чувства сродни ностальгии...

Перед дипломом я попал на практику в Институт океанологии изучать голоса рыб — у меня ведь всегда была страсть к рыбам. Мы плыли через Керченский пролив на пароме, туда загнали множество вагонов обычных поездов. И вот смотрю, стоит на подножке вагона девушка-проводница. Ну такая красивая — просто из сказки! Когда она взглянула на меня своими ошеломительно голубыми глазами, мое сердце будто пронзила стрела Амура. Ветер развевал ее золотистые волосы, вокруг — бездонное небо и море, чайки, преследовавшие паром, свежий запах водорослей, йода и теплое солнце! В такой-то обстановке и не влюбиться с первого взгляда? Просто невозможно!

Я подошел к ней, заговорил... Паром плыл ровно сорок пять минут. И за это время мы поняли, что наши чувства взаимны. Она предложила мне просто пересесть в ее вагон, но ведь я ехал на практику. А берег все ближе... И неуверенность все сильнее... И смятение чувств... И борьба сознания с душой...

— Я обязательно найду тебя, Нина! — пообещал я девушке на прощание. Ее поезд тронулся. Она стояла на подножке с зеленым флажком в руке и смотрела в мою сторону. И я не мог

оторвать взгляд от удаляющейся девушки с золотистыми волосами.

Практика закончилась. Лето тоже. Я вернулся в Москву. Прошел месяц, другой — не могу ее забыть, и все тут! Думаю, может, я пропустил счастье всей своей жизни — что тогда? Как же дальше жить в свои двадцать лет?

Она сказала вскользь, что учится в каком-то институте и живет в Иркутске. Чтобы попасть на море летом и подработать, Нина с подругами устроилась проводницей на поезд южного направления. Иногда даже удавалось искупаться на конечных станциях. Почему я не выяснил никаких других подробностей? Мы говорили о каких-то глупостях, я рассказывал ей несусветные истории! Дурак! Ведь мог взять ее адрес, номер телефона!

Мои стенания обретали все более и более невыносимый характер, и я решил действовать.

Сначала выяснил, сколько вузов в Иркутске, — оказалось, четыре. После чего я написал четыре письма, адресованных секретарю комсомольской организации каждого из институтов, следующего содержания:

«Уважаемый секретарь комсомольской организации!

Если ты мужчина и джентльмен, то ты должен помочь мне отыскать девушку, которая, возможно, учится в вашем институте, на курсе втором или третьем. Зовут ее Нина. Она очень красивая: блондинка с голубыми глазами. Все, что мне о ней известно, это то, что она с подругами летом устроилась проводником на поезд Иркутск — Одесса в составе студенческого отряда. Если есть в вашем институте такая девушка, пожалуйста, передай ей вложенное письмо» .

А в этом вложенном письме я написал:

«Здравствуй, Нина!

Если ты та самая девушка, которую я обещал найти, тогда напиши мне, при каких обстоятельствах и где мы с тобой встретились! До свидания, Артем».

И вот спустя недели ожиданий получаю из Иркутска письмо:

«Артем! Я очень рада, что ты меня нашел! Никогда бы не подумала, что это возможно сделать так легко! “Мужчина и джентльмен” оказалась моей лучшей институтской подругой!

Я учусь в педагогическом институте, и парней у нас не так много! Мы встретились с тобой на пароме...»

Свершилось что-то невероятное! Я был счастлив! Я, кажется, не ходил, а летал над землей в нескольких сантиметрах от ее поверхности!

В следующих письмах мы признались друг другу в любви. Потом еще несколько раз детально рассказали о своих чувствах, о пароме, о чайках. А дальше? Я в Москве, она в Иркутске, у меня дипломный проект, у нее учеба. До каникул огромный временной период длиной в осень и зиму! Общих тем и знакомых не было, а делиться в письмах событиями своей жизни с незнакомым человеком я не мог, и она не могла. Наш эпистолярный роман быстро угасал. Он вполне мог бы продолжиться во времена Толстого или где-то в начале века, но не в Советском Союзе образца 1971 года. Эх, был бы тогда Интернет, чат, электронная почта, обмен фотографиями. А наши письма шли неделями. Мы даже толком не представляли, о чем писать, поскольку ничего друг о друге не знали. И еще странное чувство достигнутого: ведь я ее нашел, как обещал! Это ощущение сделанного дела словно подводило черту под нашими несложившимися отношениями. Переписка стала признаком вежливости сторон. И я написал заключительное письмо: *«За сорок пять минут можно выпустить десять тракторов с конвейера завода, влюбиться, но, увы, не стать близким человеком!»*

— — —

Однажды, когда я работал в НИИ заведующим отделом, меня послали ответственным на избирательный участок, размещавшийся в районной школе.

Выборы в СССР были чистой профанацией. Голосующие не знали, кого они выбирают, но приходили на избирательные участки, опускали сложенные вчетверо листки бумаги, ничего в них не зачеркивая. Кандидаты были безальтернативными: нужно было только опустить листочки в урны и потом формально подсчитать их количество. Читать, что в них написано, было не нужно, так как никакого выбора фактически не было. Формально давали право вычеркнуть записанного в бюллетене

кандидата, то есть либо за него, либо против. Это больше походило на перепись населения, так как всегда перед выборами составлялись реальные списки голосующих в районе. Значит, проверялись квартиры и кто в них реально живет. Наверное, это и было главным стимулом в СССР для устройства выборов, так как всегда заранее было известно, кто победит. Можете себе представить, какое наследство получила Россия от избирательной системы СССР! А теперь, законно предположив, что семьдесят процентов работников избирательной системы России те же лица, что работали в СССР, поймете, насколько сейчас изменился процесс... Но мой рассказ не о выборах, а о любви и флирте.

Я должен был на участке проследить за размещением мебели, урн и буфета — главной привлекательной силы для избирателей. Ведь там продавали горячие сосиски в целлофане и соки в бумажных стаканчиках! Прийти на выборы и не купить ничего в буфете было просто нарушением советской традиции!

На соседнем участке, разместившемся в той же школе, вдруг появилась девушка потрясающей красоты! Она была похожа на тех самых красавиц с обложек зарубежных журналов, которые контрабандой провозились в СССР из-за границы!

Все мужчины на обоих избирательных участках были сражены наповал ее внешностью. А она ни на кого внимания не обращала, и вообще было очевидно, что все происходящее страшно не вязалось с ее образом и жутко ей не нравилось. Это был день накануне выборов, и красавица должна была завтра с раннего утра сидеть «на букве» в своем участке: отмечать в списках голосующих, чьи фамилии начинались именно с этой буквы.

Я, естественно, постарался с ней заговорить. Подошел, как посол, с соседнего участка, дескать, сравниваю степень готовности к завтрашнему дню! Она очень неохотно ответила на мои вопросы и дала понять, что наш контакт ей неинтересен. Но все-таки в течение дня мы с Настей периодически общались. А вечером, когда все было готово и можно было уезжать домой, она вдруг сама подошла ко мне и говорит:

— Знаете, Артем, у меня неприятности! Мне негде сегодня ночевать!

От такого начала я просто опешил и, придя в себя, сказал:

— Я вообще-то живу не один! С бабушкой! Но, пожалуйста, давайте поедem ко мне, у меня двухкомнатная квартира, я сам в отдельной комнате...

— Нет-нет, вы меня не так поняли! Я к вам ни за что не поеду, я же вас совсем не знаю! Просто я живу в Ясенева, на самой окраине города, а завтра здесь нужно быть в шесть утра, за час до выборов. Я договорилась с подружкой, которая живет рядом, что у нее переночую, а она, представляете, куда-то делась. На звонки не отвечает!..

Тогда я предложил поехать в ресторан, посидеть там и периодически звонить подруге. Если она придет домой — хорошо, а если нет, тогда подумаем, что делать!

И Настя согласилась. Мы поехали в ресторан. Бокал шампанского, казалось, смягчил Настю, и она стала даже улыбаться моим шуткам и слушать рассказы. Воодушевленный ее красотой, я, как мне казалось самому, блистал остроумием и был очень интересен. Около одиннадцати вечера, к огромному моему сожалению, подруга объявилась. Я вызвался проводить девушку, захватил с собой бутылку «Бифитера», и мы поехали к подруге. Но пригласить меня войти, а потом выгнать через несколько минут было невежливо...

«Бифитер» оказался просто ужасной гадостью. Около часу ночи абсолютно пьяная подруга заявила: так, я вас оставляю и уйду в другое место! Но красавица сильно возмутилась:

— Ни в коем случае, ты не так поняла, это малознакомый человек. Он просто помог мне тебя дожидаться! Как ты можешь такое предлагать!

Между подругами возник разлад. Я почувствовал большую неловкость и стал прощаться. Настя извинилась передо мной за слова подруги и попросила заехать за ней утром, в половине шестого, чтобы подвезти на избирательный участок.

Ночью в постели я не переставал думать о Насте, сексуальные фантазии будоражили организм и рисовали картины завтрашнего свидания. Практически не поспав, с головой, гудящей от смеси шампанского с «Бифитером», я появился у двери вчерашней квартиры ровно в половине шестого.

Пришлось звонить достаточно долго. Наконец за дверью раздался жутко недовольный голос. «Что вам надо! Как можно в такую рань! Я сама доеду! Хватит ко мне лезть со своими ухаживаниями!»

Такой прокол после сладостных ночных видений я не мог пережить!

Обозлившись, я уехал на участок, а она опоздала к своей «букве» на целых два часа!

Ей, конечно, сделали выговор. Я подошел поздороваться, но лучше бы этого не делал! Она мне вообще не ответила! Как будто я был главным виновником ее нынешнего самочувствия и вообще всей избирательной кампании в СССР!

Но что я мог поделать с тем, что выглядела она даже в таком невыспавшемся состоянии потрясающе!

Я решил ее просто не замечать. В течение дня мы часто шли навстречу друг другу, и я отворачивался в сторону. Все же остальные мужчины не просто на нее смотрели, но доставали ее комплиментами, повышенным вниманием и глупыми предложениями. Это все больше и больше ее раздражало.

Вечером, уже после выборов, она вдруг подошла ко мне.

— У меня большие неприятности, — начала она разговор.

— В чем дело? Я вас слушаю, — максимально холодно ответил я.

— Понимаете, люди, которые со мной работали на участке, собираются ночью, после выборов, праздновать окончание этого мероприятия. Они уже там режут колбасу, водку выставили! Сумку мою отобрали, чтобы я не уехала! Вы же должны понимать, в каком я жутком состоянии нахожусь... Вы не могли бы меня оттуда вызволить?

Ладно. Я ворвался на чужой участок и молча вырвал сумку Насти из рук очкастого мужчины. Все видели, что на своем участке я был «за главного», сами они пьяными пока не были и на конфликт или драку не решились. Мы прошли с Настей к машине.

Мне надо было завезти какие-то протоколы в НИИ по дороге, потом я собирался заехать домой, а шофера отправить с Настей в Ясенево. Но прямо около НИИ, как только я вышел из

машины, ко мне подошел заместитель директора, выпивший и довольный окончанием мероприятия. Он увидел Настю сквозь стекло и обалдел! Мне пришлось их познакомить и замдиректора буквально вытащил Настю из машины и уговорил зайти на секунду в НИИ.

Когда мы вошли в комнату для приемов, там, конечно, уже был накрыт стол и все мои сослуживцы праздновали окончание мероприятия. А как же иначе — всесоюзная традиция!

Замдиректора буквально силой усадил Настю за стол, все собравшиеся загалдели по поводу ее внешности, мужчины стали петь ей дифирамбы и пить водку за женщин. Ей поставили рюмку, тарелку с салатом и передали бутерброд с докторской колбасой. Меня отсадили подальше, и мне оставалось только наблюдать за происходящим.

Часа в два ночи Настя резко поднялась и крикнула:

— Все! Я уезжаю! Не могу больше!

Она сверкнула взглядом в мою сторону и вышла в коридор. Я выбежал следом за девушкой. На ходу в коридоре я извинялся за причиненные неудобства, потом, уже на улице, сказал ей, что сейчас договорюсь с водителем, чтобы он отвез ее в Ясенево.

Сам же подбежал к водителю и прошептал:

— Слушай, не вези ее в Ясенево, только ко мне на Ждановскую соглашайся! Понял?

Он кивнул.

— Настя, опять неприятность! — сказал я, отойдя от водителя к девушке. — Он говорит, что в Ясенево не поедет ни за какие деньги. Готов только подбросить на Ждановскую. Там я живу. Другие маршруты не согласованы...

Она махнула рукой.

— Хорошо. Вези меня куда хочешь, мне уже все равно! Я спать хочу, понимаешь? Я устала от всего!

Так я привез Настю домой. Моя бабушка, хоть привыкла к разным гостям, тоже была поражена ее невероятной красотой — настолько Настя выделялась из всех остальных женщин.

— Ее зовут Настя, и она хочет спать! — сказал я бабушке, которая никогда не ложилась, пока я не возвращался домой.

Я постелил ей на раскладушке, установив ее подальше от своей постели, пожелал спокойной ночи и заснул. Это был трудный, но умнейший ход с моей стороны.

А утром произошло чудо. Мы как будто одновременно открыли глаза. Солнце пробивалось через неплотно закрытые шторы, и с улицы слышалось щебетание птиц. Она посмотрела на меня своими прекрасными глазами, улыбнулась чарующей улыбкой и сказала:

— Доброе утро! Вообще-то мне очень неудобно на раскладушке! Я даже продрогла ночью!

Я вскочил с кровати, поднял ее на руки вместе с одеялом и перенес к себе в постель. У нас получился замечательный секс, подогретый столь долгими ожиданиями и фантазиями, но обреченный на несвободу звуков и выражения эмоций из-за того, что бабушка давно проснулась за тонкой стенкой.

Настя, казалось, кончила несколько раз, а я был могучим и страстным. Мы крутились в кровати, принимая различные позы, с таким ощущением, по крайней мере у меня, что это случилось первый и последний раз и что надо насладиться близостью прекрасного женского тела на всю оставшуюся жизнь.

Бабушка, сама княжеских кровей, давно не видела таких лиц, как у Насти. Она часто говорила, что все красивые женщины исчезли вместе с эпохой и остались одни кухарки и крепостные крестьянки. Ни благородства, ни духовности, ни женственности в лицах современных девушек она не находила. А тут — просто чудо. Мы с удовольствием позавтракали, она пригласила Настю почаще у нас бывать.

На улице я, очень довольный, спросил ее:

— Настя, как чудесно, что я нашел тебя! Можно мне записать твой телефон?

— А зачем? — неожиданно спросила девушка.

— Как же так! Мы встретимся с тобой? Может быть, я что-то не так сделал?

— Свой номер телефона я тебе не дам, и мы не встретимся больше никогда, Артем! — жестко ответила она.

Вы можете представить себе, какое замешательство я ощутил в это мгновение?

— Тебе что, было плохо со мной? — спросил я.

Она качнула головой.

— Нет, было очень хорошо.

— Тогда в чем дело? — не унимался я.

— Ты умный парень и все поймешь, — сказала Настя. — Все очень просто. Посмотри на меня! Моя внешность — это все, что у меня есть. Мне уже двадцать четыре года. Я родом из маленького городка в Краснодарской области, а сюда меня привез один крупный государственный чиновник. Он сделал меня своей любовницей. Но благодаря этому теперь у меня четырехкомнатная квартира в Ясенево, прописка в Москве. Я смогла перевезти сюда своих родителей, нуждающихся в лечении. Эта работа, на которую он меня временно устроил, скоро мне не понадобится. Я жду места в Министерстве иностранных дел и уеду на работу за границу! Но так случилось, что в Москве я нашла и второго любовника. Сейчас все мое время поделено пополам. У меня нет другой жизни. Зачем нам встречаться, ну скажи? И когда?

Мы сели во дворике на скамейку, и Настя закурила. Я слушал ее исповедь и не мог вставить ни слова.

— Я уж тебе все расскажу, — продолжала Настя. — Первый любовник — заместитель начальника КГБ СССР, а второй — высокопоставленный чиновник. Они дают мне деньги, покупают все, что я захочу. Содержат всю мою семью: родителей, сестренку и мою маленькую дочь, между прочим! Ты молодой парень. Тебе надо делать карьеру. Мне скоро двадцать пять лет! Ты понимаешь? Сколько еще осталось пользоваться своей красотой?

Она покраснелась от своего признания и стала совершенно неотразимой. Настя взглянула на меня с сожалением, и это казалось ее искренней платой за все.

— Особенно кагэбэшник меня достает, — продолжала она. — Полный дебил! И ужасно меня ревнует, следит за мной и эксплуатирует нещадно. В любую минуту я должна быть ему доступна. Только бы не поехал за мной в наше посольство в Париже, куда я жду направления. Второй обещал помочь с пропиской моим родителям, тогда отец, хоть и на инвалидности, мог бы устроиться на работу в Москве. Я ведь одна их всех содержу.

Я говорю:

— Настя, ну хоть на что-то я могу надеяться?

— Ладно, давай свой телефон. Может, позвоню, но, прости меня, не обещаю...

Прошло недели три. И вдруг звонок на работу:

— Артем, это Настя, я хочу тебя видеть... Давай я тебе продиктую адрес, куда ты сейчас можешь приехать! И телефон.

Я лихорадочно записал адрес, номер телефона и выбежал в коридор, где меня тут же поймал за рукав директор НИИ.

— Так, мы сейчас поедem в главк, — сказал он. — Спускайтесь и садитесь в мою машину.

Не мог же я ответить, что спешу на свидание в рабочее время. Едем в главк. Совсем в другую от Настиного дома сторону. Проходит час, полтора... Звоню Насте, и она говорит: «Я все понимаю, но могу тебя ждать еще очень недолго, ты поверь, я в очень сложном положении...» Наконец я выбежал из главка, схватил такси, купил бутылку вина, первый попавшийся букет цветов. Таксисту передались мое нетерпение и спешка. Он действительно быстро меня вез. Подлетаем к дому, на балконе третьего этажа стоит красавица Настя, и видно, как она нервничает и как она обрадовалась!..

— У нас есть полчаса — целых полчаса! — сказала Настя.

А дальше все было как в плохом анекдоте. Только мы разделись и легли в постель, раздался звонок во входную дверь!

Настя пришла в ужас: кагэбэшный генерал все-таки выследил! Она сильно растерялась, стала собирать в грудy постельное белье. «Боже мой, этот адрес ведь никто не знает, что теперь делать?» — прошептала она и посмотрела на меня так умоляюще, что сердце мое сжалось в комок. Неужели я испортил ей жизнь?

Я схватил свои вещи и выскочил на балкон. Первое, что бросилось в глаза, — внизу никаких черных правительственных машин. Я натягивал на себя одежду и думал, что ради Насти готов прыгнуть вниз с третьего этажа. Только бы не подставить девушку. Я даже выбрал место на газоне, куда собрался приземлиться.

Звонки в дверь раздавались все настойчивее. Настя кое-как оделась и пошла открывать...

На лестничной клетке стояла соседка из квартиры снизу. Дело в том, что у нее в ванной на потолке образовались пятна от подтеков воды. И она пришла законно выяснить, не течет ли вода из квартиры этажом выше.

Когда я возвратился в комнату с балкона, Настя была и рада разрешению ситуации, и испугана одновременно. Она сказала:

— Видишь, как получается, Артем! Больше мы не встретимся. Ты мне очень нравишься, но я должна думать о своей семье и будущей жизни!

Конечно, я не мог предложить ей поехать на работу в Париж, не мог устроить прописку для ее родителей и содержать ее семью даже со своим не маленьким окладом в триста рублей...

— — —

У меня был удивительный роман с девушкой по имени Зоя. Она была очень красивая, худенькая, элегантная — настоящая модель! У Зои оказалось интересное прошлое: пять лет она была подружкой атамана банды по кличке Маршал в Казахстане, которая в наше время умудрялась совершать дерзкие налеты на проходящие электрички в Чимкентской области. Зоя попала в банду, когда ей не было и пятнадцати. И по-блатному ее звали Киса.

Когда банду наконец переловили, им дали за разбой с убийствами по максимуму. Но Кису бандиты как-то отмазали, даже деньгами помогли. Кто-то покушался на ее жизнь в Чимкенте. Наверное, пытались узнать местонахождение общака банды, но, по словам Кисы, она про это ничего не знала, и, чтобы не погибнуть, ей пришлось уехать в Москву.

Киса поступила в медицинское училище и мечтала стать врачом. А так как в больницах традиционно не хватало медсестер, ее сразу же из училища взяли на практику. В больнице мы с ней и познакомились. Я в очередной раз лег туда к своему другу доктору как бы на профилактику. На самом деле я просто искал тогда новую работу, и надо было потянуть время, поскольку не хотелось прерывать стаж. В таких случаях в СССР всегда помогал выход на бюллетень. Друг поместил меня в отдельную палату с телевизором, а по ночам я надевал его халат и разгуливал по

всей больнице, присматриваясь к дежурным медсестрам и заходя с ними знакомства.

Киса попала в самое тяжелое отделение — для смертников, раковых больных в последней стадии. Заходить к ней в отделение было очень неприятно, но, несмотря на это, у нас завязался больничный роман. Любезность моего друга простиралась до такой степени, что он оставлял мне ключи от своего кабинета. Там было все, что нужно, и, главное, удобная тахта и комплекты чистого белья.

Я пробыл в больнице достаточно долго, нашел себе новую работу, но, честно говоря, выписываться мне абсолютно не хотелось. Киса ночевала со мной в кабинете главного врача на тахте, а ее работу делала санитарка. Иногда она вставала между занятиями сексом, чтобы сходить в отделение и сделать кому-то укол.

Когда же все-таки мне пришлось выписаться из больницы, наши отношения с Кисой продолжились. Она очень занимала меня и доставляла истинные минуты радости. Но с Кисой постоянно происходили разные истории. Однажды мы сидели с компанией в ресторане «София» на площади Маяковского, а за соседним столиком пьяная девица, открыв коробку конфет, стала их разбрасывать. Одна конфета полетела в нашу сторону и ударила меня по голове. Спутник пьяной девицы громко захохотал. Киса встала, молча взяла в руку бифштекс и вlepила им прямо в лицо обалдевшему мужчине. Он так перепугался, что выбежал из ресторана. Можно было его понять: раз так вели себя женщины за соседним столом, какие же должны быть там крутые мужчины! Девица вскоре тоже исчезла из поля зрения...

В другой раз в автобусе Кисе какой-то двухметровый гигант поломал каблук! Она развернулась — и прямым ударом в челюсть уложила мужика на пол вдоль сидений.

— Должен был извиниться, хам, — прокомментировала Киса случившееся.

Однажды Киса звонит мне из отделения милиции: «Приезжай, попробуй меня вытащить!» Я приехал, на меня милиционеры жутко как-то смотрят. Деньги отказались взять, но Кису отпустили с опаской.

А случилось вот что: придя к себе в общежитие, Киса увидела, что ее подружку насилуют два пьяных мужика. Разумеется, Киса очень быстро с ними разобралась, и они стали просить прощения за свое поведение. А соседи по общежитию вызвали милицию... Дальше Киса рассказывает:

— И вот входят менты, все в штатском, — ну я и подумала, это одна кофла. Еще приятели нагрянули! Пришлось разбить бутылку о край кровати и разбираться еще с этими двумя. Я согласна, что зря их поранила, но кто же знал! Могли сказать сразу же, как вошли, что милиция.

Киса была очень хорошая девочка и очень меня любила. Маршал написал ей из зоны письмо, что она полностью свободна от всех обязательств и может делать все, что угодно. Но жизнь так сложилась, что мы расстались.

Киса окончила медицинский институт, стала известным врачом в ведомственной поликлинике и вышла замуж. Вы, наверное, не поверите — за прокурора! При этом она регулярно звонила моей бабушке, справлялась о ее здоровье, о том, как я живу, то есть как бы продолжала следить за мной долгие годы, готовая прийти на помощь и защитить меня в любой момент.

Бабушка мне этого не говорила. И я оставался для нее первой московской любовью, нереализованным счастьем. Мы встретились с ней только через семь лет! Я стал известным в России человеком, а она солидной дамой, врачом и прокуроршей.

— — —

Интересно читать высказывания о любви советских деятелей. Вот, например, из тех, что помню: Дзержинский писал: «Любовь зовет к действию, к борьбе». А Горький замечательно говорил: «Надо очень хорошо понять и помнить, что без женщин невозможно осуществление социализма». Или: «Семейная жизнь понижает энергию революционера». Каково?

Насколько я себя помню, в первый раз я влюбился в младшей группе детского сада. Девочку звали Таня. Запомнились мне даже сны, которые я видел в то время. Это были абсолютно

сказочные истории, героями которых были мы с Таней. Я был рыцарем, сидел на коне, как Илья Муромец, в кольчуге и спасал Таню от драконов и других мерзких существ. Первая любовь, как и положено, закончилась трагически: меня перевели в другой детский сад. Я помню Таню, которая вышла к воротам детского сада проводить меня последний раз. Она повисла на воротах, раскачиваясь на них из стороны в сторону. Я помню, как она была одета: серое платье в маленьких цветочках, из-под которого виднелись толстые голубые трусы с резинками вокруг ног.

Многие склонны разделять любовь и влюбленность. Мне кажется, это неправильно. Чувства эти одинаковые по восприятию человеком. Иногда они более или менее сильные, более или менее продолжительные, перерастающие в дружбу и заботу или проходящие без следа. Это уже зависит от самого человека, от его эгоизма и воспитания. Любовь между мужчиной и женщиной создана природой для продолжения рода. Любовь между родными и близкими — для охраны этого рода.

Вообще задумываться о любви я начал очень рано. Дело в том, что моя мама была ученым, доктором биологических наук, и изучала происхождение секса, семейных отношений и быта человека. Я, разумеется, читал ее работы. И она многое мне рассказывала, относясь ко мне с раннего моего детства серьезно, как к взрослому человеку.

Вот история происхождения человеческого секса, которую нигде больше не прочтете. Она так и осталась в исследованиях моей матери, опубликованная только в ее докторской диссертации и более нигде.

Оказывается, во время раннего палеолита, когда царствовал матриархат, стояла теплая погода, и стада человекообразных обезьян кормились за счет особой женского пола. Самки были более усидчивые, перебирали целые дни растительность, собирали съедобные корни, плоды, ловили мелких насекомых и доставали из земли питательных червей. А самцы только охраняли стадо и почти не участвовали в его кормлении. Климат не доставлял хлопот, поэтому не было необходимости строить жилища. Еды было вдоволь, и вегетарианская пища являлась ос-

новой для будущих людей. Все спали прямо на ветках деревьев под открытым небом.

Потом на планете резко похолодало, и первобытные стада ушли в пещеры. Они научились к тому времени разводить огонь, и все поменялось. Теперь мужчинам пришлось выходить на охоту, чтобы добывать пищу, а женщинам просиживать дни в пещерах и ждать кормильцев домой. Матриархат уступил место патриархату. Мужчины стали кормильцами, а значит, их роль в стаде превратилась в доминирующую.

В сексуальной жизни стада сохранялись обезьяньи порядки. Моя мама долго изучала сексуальную жизнь разных обезьян в Сухумском питомнике. Она установила, что половая жизнь в стаде обезьян не так безразборчива, как может показаться со стороны. Самки обезьян могут физиологически совокупляться с самцами только три дня в месяц. Как у собак — при появлении течки. В первый день готовности к совокуплению самка обезьяны не может забеременеть, так как ее яйцеклетка еще не созрела. В этот первый день к ней может подойти любой самец стада и удовлетворить свое влечение. На второй день самка готова к оплодотворению, и к ней подходит только главный самец стада, от которого она беременеет. Другие самцы стада держатся от самки на расстоянии. Однако на третий день уже беременная самка опять подпускает к себе любого самца. Таким образом, детеныши у обезьян всегда рождаются от главного самца стада. Поскольку в стаде множество самок, у которых циклы половой жизни разные, у непосвященных создается впечатление, что обезьяны занимаются совокуплениями целый день.

В Сухумском обезьяньем питомнике был знаменитый самец павиан гамадрил по кличке Муррей, у которого родилось ровно пятьсот детенышей за двадцать лет руководства стадом примерно в тридцать пять самок.

Так жили и первые стада человекообразных приматов, которые из-за климата ушли в пещеры. В то время в наскальной живописи появились сюжеты охоты и рыбной ловли самцов. Они добывали пищу, боролись за право стать доминирующим самцом, вожаком в стаде и, добившись такого положения, делали детенышей всем самкам подряд. Однако дни и ночи тянулись

долго. В зимнее время, особенно когда племя не могло охотиться, самцы и самки проводили время в замкнутом пространстве. Вынужденная близость вызвала начало искусственного отбора. Популярностью в стаде стали пользоваться те самки, у которых были нарушены половые циклы. Они могли совокупляться с самцами не три дня в месяц, как обычно, а, например, пять дней или больше. Именно этим самкам самцы уделяли наибольшее внимание. Им доставалось больше еды после охоты. От них в первую очередь появлялось потомство с унаследованными аномалиями. Они становились любимыми самками стада.

Интересно, что в антропологии известен период, когда развитие человечества в первобытные времена вдруг приостановилось. В эти времена резко поменялись сюжеты рисунков на скалах. Основной темой постепенно становились самки. Их рисовали и лепили с подчеркнуто выделявшимися половыми признаками — большими грудями и огромными сексуальными формами. По раскопкам того исторического периода можно предположить, что стадо начало заниматься непрерывающимися групповыми сексуальными актами. Перволюди перестали ходить на охоту, старались побыстрее вернуться в пещеры и предаваться там половым утехам. Результаты раскопок указывали на упадок ремесел по изготовлению оружия и подъем ремесла изготовления женских украшений для завоевания симпатии самок. Не знаю, к чему бы привели эти обстоятельства будущее человечество, может быть, мы с вами никогда бы и не жили, наслаждаясь сегодняшним прогрессом, если бы не возникли племена.

Первобытные племена отличались от стада появлением регламентов и строгой структуры подчинения и управления. Можно сказать, что племена создались после введения первых существенных ограничений. Проводниками этих ограничений стали шаманы, утвердившие в племенах первые запреты — табу. Пожалуй, самым первым табу в человеческом племени был запрет оставаться в пещере всем половозрелым самцам в период охоты. Естественно, за нарушение табу карали смертной казнью и общим поеданием нарушителя, чтобы не пропадало ценное мясо.

В детстве я был вместе с мамой на раскопках поселения неандертальцев в Холодном Гроте на реке Кодори в Абхазии. Племя, следы которого мы откапывали, жило в этой пещере около пятнадцати тысяч лет назад. Это была уже несомненная цивилизация. Мы находили сотни наконечников для стрел, выточенных из кремния, гарпуны для ловли лососей и огромные позвонки лососей, по которым даже страшно было представить, какая рыба водилась в реке Кодори в то время!

Человеческие же кости были раздроблены и разбиты на мелкие кусочки. Это были очевидные признаки каннибализма — племя съедало умерших соотечественников, дробя косточки, высасывая костный мозг. И никто не находил эти действия негуманными.

Последующие важнейшие табу человеческих племен касались запретов на единокровные браки. В какой-то момент шаманы определили, что смешение кровей дает прекрасное потомство, и приняли закон, чтобы каждый мужчина украл себе жену в соседнем племени. Вот откуда на Кавказе остался обычай похищения невесты! Прямо из Абхазии, из Кодорского ущелья и из пещеры Холодный Грот!

Такова история человечества. Это мы, мужчины, развратили женщин и искусственно отобрали из них только тех, кто мог заниматься сексом всегда.

— Моногамная семья совсем неорганична для людей, — говорила мама. — Она просто социально наиболее устраивает общество при социализме и капитализме. Двоих в семье легче прокормить, легче вырастить здоровое потомство (вспомните самца Муррея), легче устроить быт и жилище. Но когда-нибудь, когда социальные проблемы будут решены, мы вновь вернемся к стадному образу жизни как наиболее обоснованному природой для человеческого племени. Ибо человек — это единственное существо в природе, которое может заниматься сексом в любой момент времени. Ни у одного другого представителя животного мира на Земле такой возможности нет.

Есть еще одна общечеловеческая тема: секс за деньги, или имитация любви.

Многие годы моей жизни за границей, когда я уже стал солидным человеком, обремененным тысячами проблем, деньгами, постоянной женщиной в доме, моральными принципами, но в то же время и сексуальными человеческими потребностями, я стал покупать любовь. Или, точнее, брать ее напрокат.

В современном обществе всюду с этим довольно просто, даже в мусульманской стране, такой, как, например, Иран. Приходишь в бар, платишь деньги бармену и уводишь какую-нибудь девочку, чтобы любить ее страстно несколько часов в ночь, а потом забыть о ее существовании на следующий день.

Впрочем, и при таком мимолетном аморальном поведении встречались женщины и случались эпизоды незабываемые. Один из них — в Лас-Вегасе.

Был такой американский фильм под названием «Чикен-ранчо» — о публичном доме в Техасе, который когда-то считался очень престижным среди ковбоев. Как только они выигрывали деньги в карты или удачно продавали скот, то сразу мчались туда провести время с дамочками в рюшечках и выпить виски, слушая брэнчание тапера на пианино.

Оказалось, что история, ставшая основой сюжета фильма, — подлинная. Действительно, существовал такой бордель, который закрыли, как только пуританская Америка ввела строжайшие запреты на секс вне семьи.

Единственным штатом Америки, где до сегодняшнего времени проституция легально разрешена, является штат Невада. Поэтому знаменитое «Чикен-ранчо» из Техаса переехало вместе со всем своим хозяйством в Неваду.

К сожалению, полностью обстановку тех дней не возродили, там уже нет полногрудой бандерши, держащей заведение и девушек в рюшечках, но традиции того борделя, безусловно, остались.

Поскольку в самом городе Лас-Вегасе проституция в 1999 году была запрещена законом, знаменитое ранчо находилось в пятидесяти километрах от города — прямо в пустыне. Понятно, что в такой обстановке и таким соседством у борделя богатых клиентов сколько хочешь, поэтому он стал едва ли не самым дорогим публичным домом в мире.

Два часа с проституткой стоят там тысячу восемьсот долларов, а целый день — свыше пяти тысяч долларов.

Будучи в Лас-Вегасе, где моя компания проводила чемпионат мира по шахматам, мы решили туда заехать. Тем более что я выиграл за несколько часов десять тысяч долларов и денег было ничуть не жаль. Со мной поехали двое молодых ребят, которые занимались в моей компании компьютерами. Узнав о возможности съездить в подобное место, они пришли в восторг. А я решил их таким образом премировать за хорошую работу...

Мы взяли лимузин и поехали. Прибыли уже ночью, в час или в два, гостей больше не было. Нас встретила мадам, и вскоре под звуки разбитого пианино появились девочки — такие абсолютно средненькие, непримечательные, уж явно не топ-модели и не качества московских стриптиз-клубов.

Тем не менее выхода не было, ехать обратно по пустыне нам не хотелось, поэтому мы выбрали себе по девочке и пошли за ними следом в апартаменты.

Мою звали Мия. Она была такая пышная, полная итальянка, абсолютно не похожая на женщину легкого поведения и с очень привлекательным лицом. Вскоре выяснилось, что у нее, как, впрочем, и у многих девушек из «Чикен-ранчо», высшее образование плюс, конечно, блестящее знание нескольких языков...

Вначале все происходило очень чинно, никаких приставаний. Мия привела меня в «свои апартаменты», в которых действительно жила постоянно. Для всех девочек из ранчо был абсолютный запрет покидать эти апартаменты как минимум в течение полугода. Потом девочку отпускали на каникулы — увидеть мир и своих родственников. Ровно на месяц — и снова работа без выходных.

Мия протянула мне свою визитную карточку и взамен получила мою. Она достала толстый кляссер и аккуратно вложила мою визитку туда.

— Много клиентов? — поинтересовался я.

Она кокетливо улыбнулась и протянула мне кляссер. Боже мой! Том Круз, Арнольд Шварценеггер, Дэвид Копперфильд, Агасси и еще куча имен, производивших большое впечатление.

И началось наше неформальное общение «без галстука». Мия очень профессионально и быстро расспросила меня о всех моих увлечениях и интересах. Атмосфера располагала отвечать ей искренне, ведь нас ничто в этой жизни не связывало. И тут началось чудо. Она стала развлекать меня, разговаривая на самые интересные для меня темы. Мы говорили о рыбной ловле на Амазонке, о бизнесе на Чикагской бирже, о проблемах в России. При подобном общении, как-то совершенно незаметно, я почувствовал огромное влечение к этой женщине. Она отвечала такой неподдельной взаимностью, что в течение очень короткого времени у нас возникли ощущения давнего знакомства и... любви! Между делом у нас произошел прекрасный секс. Потом снова чудесное общение и любовные взгляды с трепетом в душе. Потом совместное купание в бассейне и в теплом пузырьчатом джакузи. Великолепный профессиональный массаж и необъяснимый социальный оргазм, который я испытал от разговора с Мией.

— Имей в виду: я никакая не проститутка! — говорила Мия. — Но мне нужно побыть здесь некоторое время, сделать деньги, потому что я мечтаю заняться серьезным бизнесом...

«Какой интересный человек! — думал я. — Что там секс, это гораздо круче. Она органично мне подходит для любого общения».

Сеанс, впрочем, подошел к концу. Выходя от Мии, я решил, что это просто мне так повезло — девушка удивительная попала! Но когда через три часа я встретился с ребятами, у всех были буквально округленные глаза!

Один мне говорит в машине: «Артем Михайлович, вы не поверите, она оказалась вебдизайнером! Мне так с ней было интересно! Она случайно там, в этом борделе: просто собирает деньги на открытие собственной дизайнерской школы! Как она в этом разбирается! Мы с ней обсуждали флэш-технологии в вебдизайне, она потрясающе интересный человек. Она мне такие вещи рассказала — просто дух захватывает!»

Другой компьютерщик, Андрей, говорил со своей девицей об истории Древней Руси и современной России. Они очень долго спорили о Троцком, какую роль он играл в Октябрьской революции...

И я понял, в чем основной секрет. Это был не просто бордель, а супербордель для миллионеров! Дом, куда человек постоянно хочет вернуться! После посещения хочется взять эту девушку на целый день, пусть и за пять тысяч долларов! А сколько, по-вашему, может стоить общение с твоим близким другом, с женщиной, которая так влюблена в тебя, так тебя понимает, знает все твои слабости и умеет так тебя ублажить, что ты забываешь все свои невзгоды и трудности и буквально на крыльях улетаешь в мир, переполненный блаженством души и тела!

А ведь я вернулся к Мие снова! Через неделю-полторы я уговорил еще одного своего друга поехать на «Чикен-ранчо». Я снова выиграл деньги, которые ничего не значили по сравнению с ожидаемым чудом.

Мия сразу же меня узнала, но, как и подобает, сохранила конфиденциальность во взгляде, давая мне полное право выбрать кого-то еще. Конечно, я выбрал снова ее!

Мы были рады, как дети, которых привели родители поиграть на площадку в парке! Взявшись за руки, мы бросились в квартиру к Мие и потонули в обилии чувств оттого, что обнялись друг с другом.

— Я так сильно тебя ждала, — шептала мне Мия, обдавая теплым дыханием мое ухо. — Я так скучала по тебе! Мой дорогой! Мой самый желанный человек в мире!

Если это и был прокат чувств, как прокат автомобилей, то я, безусловно, ехал в «Роллс-Ройсе». Мы так веселились, она заказала в номер чудесный ужин за свой счет, подарила мне какую-то безделушку на память — брелок с удочкой и рыбкой на крючке! А потом рассказала мне о своей жизни на ранчо. Каждый день после личной гигиены и занятий спортом занятия по теории. Это, во-первых, серьезное и углубленное изучение психологии, во-вторых, мужских характеров и привычек, в-третьих, самых разных сфер жизни и деятельности человека: от культуры и искусства до бизнеса и науки и еще многое, многое другое, что составляет элементы ее профессии. И так — по пять-шесть часов ежедневно!

Когда я возвратился в Лас-Вегас и встретил там своего приятеля — президента огромного развлекательного комплекса

и миллиардной гостиницы «Беладжио» Ал Фасинто, я сказал ему, что еду из «Чикен-ранчо».

— О! — сказал Ал Фасинто. — Высший мировой класс!

Я совсем не удивился его информации о том, что очень многие из девочек с «Чикен-ранчо», заканчивая свою работу, открывают очень успешные компании, основанные не столько на деньгах, сколько на международных связях по всему миру. Девочек также охотно принимают в различные корпорации как специалистов высшего класса. И, конечно, известны случаи, когда прямо оттуда они выскакивали замуж за миллионеров...

Милая моя Мия! Я не смогу забыть тебя всю оставшуюся жизнь. Всего за несколько часов ты показала мне живые картинки из реальной жизни в счастье и согласии между мужчиной и женщиной. Может быть, ты когда-нибудь напишешь книгу о том, как овладеть искусством быть женщиной, если «Чикен-ранчо» позволит раскрыть общественности «ноу-хау» своего успеха!

Глава 13

ИГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Мне кажется, эти чувства сохранились в людях с первобытных времен. Происхождением своим они обязаны охоте и рыбной ловле, которые отпечатали в человеческих генах потребность в азарте и добыче. Они вызывают в организме внутреннюю концентрацию напряженного ожидания и следом разрядку в радости, если победа, или в горечи от неудачи. Причиной этих чувств является стимулятор адреналин, тот самый, который наполняет кровь играющих в казино.

Очевидно, именно поэтому мужчин, втянутых в «gambling» (английское слово, которым обозначаются азартные игры. — *А. Т.*), на порядок больше, чем женщин. Не говоря уже о профессиональных игроках, среди которых мужчин подавляющее большинство.

А ведь так же обстоят дела с охотой и рыбной ловлей. Хотя, конечно, есть исключения. Многие слышали о мадам Сью —

пожилой женщине, которая начала играть в Лас-Вегасе в семьдесят два года на свою небольшую пенсию и выиграла в совокупности более двухсот миллионов долларов!

Я познакомился с ней в казино «Беладжио» в Вегасе. Мадам выглядела совершенно непрезентабельно. Она была в пестром ситцевом платье с короткими рукавами, с небрежно наброшенной поверх плеч голубой шалью. Рядом на свободном стуле лежала ее внушительная сумка грязно-желтого цвета, которая совсем не гармонировала с ее нарядом.

— У вас все хорошо, мадам, чем могу быть полезен? — спросил ее подошедший президент казино «Беладжио» Ал Фасинто в момент, когда крупье перемешивал карты и возникла пауза в игре.

— О, йес, Ал! Прекрасно! Никаких проблем! — произнесла старушка, схватив Фасинто за руку.

— Познакомьтесь, мадам, это мой друг из России, Артем Тарасов! — представил меня Ал.

— Привет! — сказала мне Сью. — Вы из какого места в России?

Узнав, что я из Москвы, она сказала, что давно собирается посетить Москву, но особенно ее привлекает Санкт-Петербург и желание купить что-нибудь там из работ Фаберже.

— Мой покойный муж, — продолжала мадам, — имел русские корни! Кажется, его дед был из России. Может быть, из Польши... но неважно! Теперь мои многочисленные внуки, возможно, имеют русскую кровь. Садитесь, поиграем, — пригласила меня мадам за свой специально арендованный для нее карточный стол для игры в «Блэк-Джек».

Я повиновался и только тут заметил, что играла мадам Сью фишками достоинством в тысячу долларов каждая. Для меня такой размер ставок был слишком большим, и, заметив мое замешательство, мадам предложила крупье выдать мне фишки любого достоинства. Я попросил по двадцать пять долларов.

— Ну, я вас оставлю, — сказал Ал Фасинто и отошел от стола.

Вы умеете играть в «Блэк-Джек»? Ну, если нет, я вас обучу! Игры в казино устроены так, что любой пришедший в первый

раз уже через пять минут легко постигает правила любой из них. Иначе клиентов было бы очень немного и казино наверняка прогорело бы.

Никто не предлагает вам в казино сыграть, например, в «Бридж», так как эта карточная игра по своей сложности близка к шахматам. Ассоциация игроков в «Бридж» даже претендует на признание их игры интеллектуальным видом спорта и включение ее в программу Олимпийских игр! И знаете, кто является основным спонсором ассоциации игроков в «Бридж»? Лично Билл Гейтс!

«Блэк-Джек», как и все остальные игры, в которые играют в казино, очень простая игра. Все карты колоды имеют очки: двойка — два, тройка — три, восьмерка — восемь и так далее. Всем «картинкам» — валетам, дамам и королям — присвоено по десять очков. Необычным является только туз, который по вашему желанию может быть или единицей, или одиннадцатью очками.

Карты раздаются игрокам и крупье. Сначала по две, и вам надлежит принять решение: брать третью или четвертую карту или не брать? Так как в правилах записано, что максимальное количество очков может быть только 21, то перед вами возникает очень трудная дилемма: например, первая карта у вас валет — это десять, а вторая пятерка — в сумме получилось пятнадцать. Если вы решите взять третью карту и она окажется больше шестерки — вы сгорите, так как сумма трех карт превысит максимально разрешенное 21 очко.

Будете ли вы брать третью карту или нет? Это зависит от вашей интуиции и опыта. Кроме того, вы видите, какая первая карта была у крупье. Ведь он тоже может перебрать очки, и тогда выигрыш ваш, если вы остановитесь на пятнадцати. Вся игра основана на том, чтобы у вас было больше очков, чем наберет крупье, и вы не должны до этого момента сгореть.

Наша игра за столом мадам Сью заладилась с самого начала. Я сидел за бабушкой по кругу раздачи, и поэтому от моих решений, вобщем, зависело очень многое. Если я угадывал карту —

брал ее или оставлял правильно, крупье либо набирал меньше очков, либо его сумма сгорала от перебора.

Наверное, в этот момент из-за волнения интуиция моя мобилизовалась, и я угадывал практически безошибочно. Ведь мадам ставила на кон по пять и даже по десять тысяч долларов, а я решал судьбу стола, так как крупье брал карту сразу после меня.

Мы выиграли подряд несколько партий, после каждой из них крупье тщательно перемешивал все шесть колод карт, которые участвовали в игре одновременно. По моим подсчетам, мадам Сью была в плюсе где-то тысяч на сто восемьдесят.

— Я очень рада нашему знакомству, — сказала мадам. — Правда, я не всегда понимаю логики, почему вы берете или не берете карту, но у вас получается — и это главное! Наверное, это русский метод игры.

Она запросто могла все сглазить, и я был счастлив, что после третьей партии мадам решила прерваться.

— Мы обязательно с вами пообедаем сегодня! — сказала бабушка Сью. — Вы берите всех своих друзей. Я арендую ресторан! Вы какую кухню предпочитаете?

В процессе игры я рассказал мадам, что нахожусь в Лас-Вегасе в командировке. Мы организовывали там чемпионат мира по шахматам в 1999 году.

— Да, в общем, любую, мадам... Брать всех друзей?

— Всех до одного! Я хочу устроить русский обед. За оплату не беспокойтесь — у меня все здесь абсолютно бесплатно! Встретимся в итальянском ресторане в семь. А пока я пойду отдохнуть.

Она была властной женщиной, с мужским характером охотника. И, став мультимиллионершей, отвыкла от того, что кто-то идет наперекор ее желаниям... Да мне и самому было интересно с ней общаться. А всей нашей команде представился повод пообедать на халяву. Так и случилось. Пятнадцать российских мужиков и старушка мадам Сью провели веселый вечер в закрытом для прочей публики ресторане...

Мадам Сью успела меня кое-чему научить прямо за игорным столом. Она рассказала интересную систему, которая существует в Лас-Вегасе, и я сразу же воспользовался ею, чтобы получить

массу привилегий и благ. Оказалось, что в казино абсолютно не учитывают, сколько каждый из игроков выиграл или проиграл! Эти цифры никого не интересуют. Учет и строжайший контроль за игроками ведется по двум другим параметрам: какая средняя ставка в игре и сколько времени игрок проводит за столом. Если вы играете по маленькой — по доллару или по пять долларов, — вы игрок посредственный и вам не полагается никаких льгот. Но если ваша средняя ставка превышает пятьсот долларов, тогда вы игрок VIP и вам предоставляется множество привилегий.

Мадам научила меня одной хитрости. Надо подойти к столу, протянуть свою членскую карточку и заявить, что собираетесь играть, например, фишками по тысяче долларов каждая. Даже если у вас всего две тысячи и вам выдадут всего две фишки. Рискните поставить одну из них на кон, и, даже если вы ее проигрываете, ваш выигрыш будет во много раз более весомый! Как только крупье сделает первую раздачу карт и вы, допустим, проигрываете или выиграете тысячу долларов, зарезервируйте за собой место за столом, оставьте на столе лежать фишки и идите на час-два погулять по городу. Все это время будет учтено на вашем счете как время, проведенное в игре со средней ставкой в тысячу долларов.

По возвращении за стол за своей тысячей вы получите золотую карточку члена VIP от казино. Станет бесплатным ваше проживание в гостинице, и вас переведут в номер люкс на любой период времени. За вас оплатят все счета во всех ресторанах этого казино, и вам будет гарантирован бесплатный лимузин в любой конец города и т.д.

Спасибо, мадам Сью! Даже мой друг, президент «Беладжио» Ал Фасинто, не обучил меня этой хитрости, в силу своего служебного положения. Подготавливая чемпионат мира по шахматам и потом, в период самого чемпионата, я прожил в Лас-Вегасе в общей сложности более полутора месяцев. Теперь в Лас-Вегасе я числюсь на всю оставшуюся жизнь одним из важных игроков. Для меня бесплатными стали не только упомянутые блага, но даже авиационные билеты в Лас-Вегас из любой точки мира и обратно, когда бы я ни захотел туда полететь.

Надо отметить, что Ал тоже сделал мне два приятных подарка: во-первых, подарил галстук с изображением рыб для моей коллекции, а во-вторых, показал Лас-Вегас изнутри.

— Ты всем доволен? — спросил меня Ал примерно на пятый день моего пребывания в Вегасе. — А где ты питаешься? Где покупаешь вещи?

— Как это где? Столько ресторанов и магазинов кругом! Станный вопрос...

— Нет, это не дело. Ты же здесь в командировке, а значит, на работе. Пойдем, я кое-что тебе покажу.

Мы прошли с Алом через двери с надписью: «Вход только для работников» и спустились вниз по достаточно длинному эскалатору, как в метро. И о, чудо! Я попал в подземный город, специально выстроенный для сотрудников, работающих в казино «Беладжио». Там было все. Все виды бытового обслуживания, аптека, туристическая фирма, магазины, заполненные товарами известных во всем мире фирм, только цены — на семьдесят процентов ниже, чем наверху!

Решив пообедать, мы зашли в «производственную» столовую. Это было огромное помещение, в котором вдоль всех стен по периметру располагались буфеты на манер шведских столов. Мы взяли подносы, и Ал сказал:

— Смотри, справа налево: итальянская кухня, французская, японская, китайская, мексиканская, индийская — на выбор. Столовая работает 24 часа в сутки. Возьми всех своих ребят, и питайтесь здесь. Все бесплатно! Это столовая для работников казино, которых мы кормим бесплатно.

— Прости, а что мы скажем, когда нас спросят, как мы тут оказались?

— Кто спросит? — удивился Ал. — Если вы сюда зашли, значит, имеете отношение к персоналу. Посторонние сюда не приходят. Здесь питаются девять тысяч крупье, работающих в нашем казино в три смены! Да еще столько же остального персонала: охрана, менеджеры, питбоссы, финансисты, официантки... Здесь никто никого не помнит.

И наша жизнь заладилась. Мы набирали полные тарелки изысканной пищи и могли есть хоть по пять раз в день. Мне

особенно запомнились вкусные морепродукты, среди которых имелись вареные омары и живые устрицы, баснословно дорогие наверху и бесплатные в подземелье.

— — —

Конечно, для азартного человека жить полтора месяца в казино — это большое испытание! Все же в Лас-Вегас основная масса людей приезжает на два-три дня, ну, на неделю, а я, как сумасшедший, играл практически каждый день сорок пять дней подряд!

За это время у меня завязались хорошие отношения с менеджерами. Я определил для себя «счастливых» или «несчастливых» крупье и садился играть выборочно, только за «счастливые» столы.

Как-то я провел два часа в обществе знаменитого голливудского актера Майкла Дугласа и его очаровательной спутницы Кэтрин Зеты-Джонс. Тогда, в 1999 году, они были только обручены и еще не состояли в официальном браке. Майкл, как и все голливудские актеры, которых мне доводилось встречать, абсолютно раскованный и внутренне раскрепощенный человек. Улыбка не сходит с его лица, а когда говорят о чем-то смешном, он заливается бесшабашным громким смехом, заражая своим весельем окружающих. Кэтрин блистала красотой и бриллиантами в ушах. Они много расспрашивали о России и тоже собирались к нам приехать. Кажется, сейчас они уже разведены...

Самого поразительного игрока я встретил в общем зале казино. Я уже закончил игру и около трех часов ночи направлялся по залу к лифтам. Я проходил мимо японца, в очках и в черном костюме, который играл один за столом в «Блэк-Джек». Обычно в общем зале играют максимум по пять долларов, а чаще всего — по доллару. Даже мне эти ставки были не очень интересны, и я играл в зале VIP. А тут, проходя мимо стола, я взглядом отметил что-то необычное: фишки, которыми играл японец, были круглыми, но очень большими. И, кроме того, они отливали в лучах света настоящим перламутровым блеском.

Я остановился за его спиной и почему-то стал наблюдать за игрой. Ничего особенного не происходило: японец ставил две-три фишки, крупье сдавал карты, в течение нескольких секунд выяснялось, у кого больше число, и фишки переходили то к крупье, то обратно к японцу. Так я посмотрел несколько раз-дач и вдруг понял, что привлекло мое внимание. Присмотревшись к одной из фишек японца, я увидел цифру, от которой мне стало не по себе. Фишки были по пятьсот тысяч долларов каждая! Туда-сюда во время игры ходило десять—пятнадцать миллионов долларов!

Еще через минуту я услышал тихий голос за своей спиной. Это был человек из охраны.

— Простите, мистер! — прошептал он мне на ухо. — Вы могли бы быть столь любезным и отойти от стола...

Я его понял. Но до сих пор не могу понять японца, который играл на такие деньги в общем зале казино!

Я люблю разные игры и никакой из них не отдаю предпочтение. Даже такие экзотические, как «Пай Гоу Покер» — китайская модификация покера, в который мне удавалось выиграть.

Большинство американцев предпочитают игру в «Крапс», или «Дайс», как она называется в Европе, потому что в эту игру либо все выигрывают за столом, либо все проигрывают. Она отвечает духу американцев, так как коллективный выигрыш позволяет выливаться наружу громким эмоциям! Все начинают орать за столом, хлопать друг друга по рукам и по плечам и иногда доводят себя до настоящего экстаза.

Столы с «Крапсом» устанавливают поодаль от карточных и рулетки, где игра все же происходит тихо, без выплескивания эмоций на публику. Слишком разогретые люди, то и дело взрывающиеся криками и рукоплесканиями, не очень помогают сосредоточиться в карточной игре. Зал настоящего покера, в котором игроки сражаются между собой, вообще отгорожен от остального казино звуконепроницаемой стеной.

По расчетам математиков, игра «Крапс» из всех остальных наиболее ориентирована на выигрыш игроков. Она так же проста, как и «Блэк-Джек». Я вас научу...

По очереди играющие бросают кости. Они должны пока-

таться и обязательно коснуться противоположной стенки специального короба, в котором происходит игра. Из двух играль-ных костей может выпасть любая комбинация, в сумме составляющая от двух до двенадцати очков! Вот вам и предлагается ставить свои деньги на те числа, которые, по вашему мнению, выпадут после очередного броска. При этом кости бросают все играющие по кругу! Если вы угадали, то ваша ставка как минимум удваивается, а иногда и утраивается. Все зависит от комбинации выпавших цифр. Если же вы поставили на уникальные комбинации, например, не вообще на любую шестерку, а на шестерку, состоящую из двух троек на обеих костях, тогда вы можете выиграть семь к одному! А если угадаете шесть-шесть — то и тридцать пять к одному!

Когда же выигрывает казино? Только тогда, когда выпадает комбинация, равная семи. Весь фокус состоит в том, что эта комбинация — «семь» по теории вероятности выпадает на двух кубиках чаще, чем любая другая.

Я своими глазами видел игру, когда бросавший кости участник в течение почти сорока минут ни разу не выбросил комбинацию «семь». Он играл фишками по пять долларов, а выиграл за один такой спурт пятнадцать тысяч долларов!

Мы разговорились с местным хозяином ювелирного магазина, старым армянином, эмигрантом из Еревана, уехавшим в давние времена, кажется, сразу после войны. Он рассказал, как за одну ночь выиграл в «Крапс» свой теперешний ювелирный магазин в шикарном отеле «Цезарь Паллас». Когда он проиграл в очередной раз, у него в кармане оставалось сто долларов. Он начал играть в «Крапс» и сделал четыре серии бросков по полтора часа каждый, не выбрасывая семерку. Казино пошло тогда на небывалую меру: прямо во время игры заменили кости на новые, но ничего не помогало! Фортуна, видимо, очень хотела, чтобы мистер Манукян открыл свой ювелирный магазин. Так и произошло.

Но Лас-Вегас давно уже славится на весь мир не только своими казино. Там проводятся самые грандиозные выставки, шоу, концерты и спортивные соревнования. Там построены уникальные дворцы по нескольку миллиардов долларов каж-

дый! Там находятся копии всех чудес света, чуть меньше, чем в натуральную величину: от пирамиды Хеопса до статуи Свободы. Я был на открытии нового отеля «Париж», над игровым залом которого взметнулась самая настоящая Эйфелева башня — в половину своего реального размера. На самом ее верху на моих глазах решали, открыть или не открыть четыре эксклюзивных гостиничных номера люкс. Предварительный анализ опроса показал, что желающих в них остановиться сколько угодно. Они заранее могли быть зарезервированы на все праздники — от Дня независимости до Рождества. Заявки уже поступили. Я забыл назвать вам стоимость проживания в этих номерах: она составляла ровно сто тысяч долларов за одну ночь!

В «Беладжио» тоже были подобные номера. Они представляли собой итальянские домики, построенные отдельно вдоль огромного искусственного пруда с фонтаном в центре. Один домик — один номер. Сам фонтан музыкальный, и его работой управляет компьютер, который позволяет программировать струи фонтана в двухстах семидесяти комбинациях, в зависимости от музыки. Каждые полчаса начиналось шоу с фонтанами «Беладжио», которое собирало на улице огромную толпу желающих увидеть это чудо технологии. Рядом, через несколько кварталов на основном променаде Вегаса, происходило другое шоу. Там на глазах у публики разыгрывался настоящий пиратский бой на шхунах, выполненных в полную величину! Гремели пушки, команды шли на abordаж. А потом один из кораблей на ваших глазах тонул от пробоин в корпусе. Это казино «Остров Сокровищ», как и «Беладжио» и «Мираж», принадлежало господину Стиву Оуэну.

Стив, конечно, личность неординарная. Он любил живые цветы, и поэтому все кругом в них буквально утопало. Он любил рыб, как и я, и мы долгими часами говорили с ним о рыбной ловле в России. Вся стена в его первом отеле «Мираж» сделана в виде огромного морского аквариума, который потом уже продублировали в «Цезарь Палласе» и в других местах.

— Мне все твердили, что я делаю глупость, когда я решил открыть музей картин в «Беладжио», — сказал мне Стив. —

А уже ясно, что я полностью окуплю свою коллекцию всего через несколько лет!

И действительно, в частной коллекции картин, выставленных в «Беладжио», есть подлинники Пикассо, Ван Гога, Ренуара и других самых известных живописцев Старого и Нового Света. Вход туда стоит одиннадцать долларов. В день проходит несколько десятков тысяч посетителей, а в год туда стремятся попасть все семьдесят миллионов человек, приезжающих в Вегас! Вот и подсчитайте, какую прибыль получает Стив только от музея.

Мы говорили со Стивом о знаменитом театральном шоу в «Беладжио» — «Цирке Солей», которое поставил наш питерский парень Паша Брун. Он попал в Лас-Вегас несколько лет назад и пробился: придумал шоу, сценарий которого был принят и оплачен.

— Когда возникла идея строить театр, решили возвести его непосредственно для этого шоу! Это, конечно, был риск! Но какой теперь эффект! Какой успех!

Стив гордился своим детищем. А ведь начиналось все с полного провала! Строители затянули сдачу отеля почти на один месяц! И каждый день, начиная с просроченного дня открытия, Стив был вынужден платить в банк неустойку по десять миллионов долларов.

Мне дали билеты на шоу по личной записке хозяина. Просто попасть на него не было никакой возможности. Билеты на «Цирк Солей» все до единого были проданы вперед на шесть месяцев! Стоимость одного билета вне зависимости от места составляла сто восемьдесят долларов. В зале помещалась ровно тысяча зрителей, и, таким образом, одно представление давало сто восемьдесят тысяч долларов выручки. Так вот, все эти деньги полностью тратились ежедневно только на сохранение шоу: на заработную плату артистов и технического персонала, обновление декораций, ремонт механизмов и т.д. Поэтому в день давалось два представления, и второе из них приносило чистую прибыль сто восемьдесят тысяч долларов в день!

Я не берусь описывать само шоу. Это сделать практически невозможно. Его надо увидеть своими глазами, чтобы понять, что такое чудо.

После шоу я зашел за кулисы и познакомился с Пашей. Это был высокий блондин на вид лет двадцати семи, который слыл уже самым лучшим режиссером Лас-Вегаса, и это было уже третье шоу, поставленное Пашей. Всего в представлении было задействовано около двухсот актеров, восемьдесят процентов из них были русскими и украинцами — в прошлом артистами советского цирка, а также спортсменами.

Сцена представляла собой огромный бассейн, в него было залито несколько миллионов литров воды. По дну бассейна ползали аквалангисты, которые давали актерам дышать из баллонов воздухом. Ну, представьте себе эпизод синхронного плавания, когда девушки нырнули под воду и торчат только ноги. И вот они начинают танец, а головы у них погружены в воду. Проходит минута, две, три, а они все танцуют и не выныривают! Зрелище потрясает воображение! Оказывается, в это время водолазы дают девушкам дышать под водой, и они кружатся в вальсе ногами вверх, сколь угодно долго оставаясь под водой!

Паша был рад нашему знакомству. И мы с ним проводили время, посещая рестораны и клубы Лас-Вегаса. В тот первый вечер он, конечно, повел меня осмотреть все гигантские приспособления, которые обеспечивали шоу. Мы начали с вычислительного центра, где был сосредоточен мозг всего представления. Отсюда компьютеры управляли огромными механизмами, трансформировавшими сцену во время представления. Они то открывали бассейн — и тогда спортсмены и циркачи ныряли в него с колосников сцены с высоты сорок два метра, то вдруг бассейн превращался в каток, по которому скользили на коньках, или в просто паркетный пол для танцев. После центра мы осмотрели три этажа бассейна.

— Обратите внимание, здесь у нас чуть не прорвалась вода! — Паша показал мне огромный вздувшийся пузырь на стенке бассейна, сделанной из органического стекла. — Мы так перепугались! — продолжал он. — Это прямо в день премьеры случилось — просто вздулся пузырь. Приехали специалисты, проверили на прочность и сказали, там такой еще запас, что можете не волноваться. Вот работаем уже почти полгода, и никаких проблем. И пузырь не увеличивается! Просто магия какая-то.

Один вечер мы провели с Пашей в компании Андрона Кончаловского. Он приехал из Лос-Анджелеса с молодой беременной женой Юлией. Андрон только что закончил скандальную книгу о своей жизни, где, как говорили, такое написал, что читать в некоторых местах было не совсем удобно. Из-за этого ее могут и не перевести в Америке. В описаниях секса с его молодой женой пуританские американцы, на мой взгляд, могут усмотреть покушение на нравственность, что очень не приветствуется в США. Я, честно скажу, книгу не читал, но задумался. Может быть, в моей книге как раз и не будет хватать страничек с деталями сексуального характера? Писать их или не писать — вот в чем вопрос! Наверное, есть вещи, которые все же не показ — даже если уж очень хочется прослыть до предела откровенным.

Андрон Кончаловский, безусловно, высокоодаренный человек. Он философ, он мудр и обременен своей участью и молодой женой Юлией.

— Мой муж — это не просто человек. Это явление... Или нет, это достояние России, — сказала его жена, когда он отошел к стойке за пивом.

Андрон действительно интересно говорил о России, об эпохе Ельцина и о нашей участи эмигрантов. Он сетовал на свои промахи и отсутствие культурного наследия у американцев.

— Зачем я согласился снимать для телевидения! — сокрушался Андрон. — Ведь все искусство здесь, в Америке, строится на штампах. Как прилепили мне заплатку «телевизионный режиссер» — и все. Дорога к настоящему кино в Голливуд теперь для меня закрылась навсегда. А ведь совсем не плохо начинал.

В казино Кончаловские не пошли. Я понял, что посещение Лас-Вегаса — это далеко не всегда желание поиграть на деньги!

— — —

Мне на всю жизнь запомнится еще одно чудо света, которое находится неподалеку от Вегаса. Это Гранд каньон.

Мы взяли напрокат вертолет, чтобы посмотреть на Большой каньон вблизи. В программе полета значилось приземление на дно каньона и организация там пикника. Я пришел на летное

поле со спиннингом, чем вызвал огромное недоумение у пилота вертолета.

— Но мы же садимся на дно каньона, а там должна быть река Колорадо! — прокомментировал я. — Мне безумно хочется поймать рыбу в реке Колорадо!

Тут до летчика дошло, и он громко рассмеялся.

— Простите, мистер. Да, мы садимся на дно каньона, но до реки внизу еще остается метров двести. Ниже приземлиться невозможно.

Ничего себе дно! Оказалось, что высота отвесных стен каньона доходит до одного километра восьмисот метров. Когда вы оказываетесь там, внизу, где под вами грохочет стремительный поток желтой воды ревушей реки Колорадо, а над вами взмывают вверх скалы невероятной высоты, вы вдруг начинаете чувствовать себя каким-то микроорганизмом. Вам начинает казаться, что вы просто сократились в росте и у такого маленького существа, как вы, не может быть ничего важного и серьезного.

Это действительно плохо передаваемое словами ощущение дополняется еще одной неожиданностью. На дне каньона летают стаи птичек колибри, которые зависают в воздухе, стремительно двигая крыльями, и медленно всовывают голову с длинным изогнутым клювом в розовые цветы кактусов. А потом, напившись нектара, в экстазе взмывают в воздух. Они еще меньше, чем мы! Они как будто специально здесь, чтобы спасти нас от мысли о своем ничтожестве...

Полет вдоль Большого каньона на вертолете заставляет подумать о сути жизни и незначительности для вечности человеческой смерти. Пикник там превращается в какое-то философское занятие. А когда наконец вертолет поднялся в воздух и полетел обратно над пустыней Невада, очарование рассеялось, но мы все же очень медленно и непросто возвращались в Лас-Вегас и к своей нормальной жизни.

Внизу проносились табуны одичавших мустангов, которые каким-то чудом выживали в пустыне, где жара могла достигать шестидесяти градусов по Цельсию и почти не было воды и пищи. Правда, то здесь, то там белели скелеты погибших лошадей,

очищенные койотами, грифами и временем. Не так уж тут сладко жить и жутко умирать, сознавая, что обязательно будешь обглодан до костей.

Ближе к городу в поле зрения вновь появилось голубое искусственное водохранилище. После того как плотиной перегородили реку Колорадо у самого ее входа в каньон, образовалась синяя капля пресной воды, вторая по размеру среди искусственных водоемов планеты — почти двести километров длиной и несколько километров шириной. Вот откуда бралась вода для фонтанов Лас-Вегаса и для дельфинов, прыгающих в этих фонтанах прямо во дворе отелей.

— — —

На следующий день предстояло улетать из Лас-Вегаса. Мой баланс за сорок пять дней игры в казино был отрицательным. Общий проигрыш составлял около двенадцати тысяч долларов. Так и должно было быть. При долгой игре казино всегда выигрывает. Этим и объясняются все блага, которые предоставлены игрокам. Только бы пожили подольше! Только бы поиграли еще часок-другой!

Служащие VIP знали о моем рейсе. Мне позвонили в номер и сообщили, что лимузин ждет у дверей. Я спустился вниз, посмотрел прощальным взглядом на отель «Беладжио» и вскоре был в аэропорту. И вдруг там выяснилось, что мой самолет улетел еще утром. Очевидно, менеджер перепутал число на билете со временем вылета. Я не знаю, было ли это уловкой, чтобы вернуть меня еще на одну ночь обратно, или действительно безалаберность служащих отеля достигала такой степени. Ведь мой обратный билет я сдал в клуб VIP еще две недели назад и сам, конечно, не помнил часа отлета, полностью положившись на обслуживающий персонал.

Когда мы возвратились снова в отель, передо мной строем извинялись все: от дежурного менеджера до девушки, провожавшей от двери салона VIP. Ал Фасинто был дома, мы попрощались с ним еще позавчера, и он не знал об инциденте.

Чтобы загладить свою вину, казино выделило мне номер на ночь, в котором появились всякие подарки с записками и изви-

нениями, шампанское, тропические фрукты и букеты цветов в каждой комнате люкса.

Я, конечно, пошел играть снова, до самого утра, до реального времени отлета следующего рейса на Москву, который мне забронировали на завтрашний день, оплатив издержки за счет казино.

И игра у меня «пошла». К часам пяти утра я был в прибыли на двадцать восемь тысяч долларов, когда решил все же поспать несколько часов.

Утром, спускаясь вниз к лимузину, я по дороге опять остановился у рулетки и поставил несколько фишек, оставшихся в кармане, на цифры — попал, получил пятьсот долларов и еще фишки, опять поставил и опять попал, пятьсот долларов в карман и плюс фишки! Вновь поставил — и вновь попадание!

Времени оставалось практически несколько минут. Я вновь поставил все фишки, отложив в карман выигрыш, и опять попал! Крупье за столом, увидев, что я спешу, поинтересовался куда. Я сказал, что самолет улетает через час двадцать минут и мне надо срочно ехать в аэропорт. Лимузин у подъезда, и багаж в него уже погружен. Я играл фишками по двадцать пять долларов, и каждое попадание давало мне чистыми пятьсот долларов и еще на триста семьдесят пять долларов в фишках.

— Я вам советую не уезжать, — сказал крупье после очередного попадания. — Такое бывает нечасто.

— Нет, — решительно заявил я. — Ставлю в последний раз! Мимо!!!

Таким образом, на пути до лимузина я выиграл еще три с половиной тысячи долларов и приехал в аэропорт с чистой прибылью в тридцать одну с половиной тысячу долларов!

Пройдя таможду и контроль, я оказался в зале ожидания аэропорта. И тут объявили о задержке рейса на два часа. В середине зала ожидания в две линии стояли игровые автоматы. Это были последние признаки Лас-Вегаса, и, конечно, ожидавшие посадки пассажиры продолжали бросать монетки в эти автоматы и играть.

Дождавшись свободного места, я тоже сел играть в покер на автомате. Игра шла с переменным успехом — я то поднимал-

ся, то опускался. В автомат я играл, как и большинство, монетками достоинством по двадцать пять центов. Забросив очередную монетку и поменяв виртуальные карты на экране автомата, я нажал кнопку, и тут заиграла громкая музыка. Сначала я даже не понял, что произошло. Аппарат весь затрясся и замигал лампочками. Да это же «Джэк-Пот»! У меня на экране образовался флеш-рояль! Самая большая комбинация в покере. Все карты выстроились в ряд одной масти, начиная с червового туза и до десятки. Выигрыш составил почти шесть тысяч долларов!

Вот вам и Лас-Вегас! Еще вчера с минусом в двенадцать тысяч я готов был улететь отсюда, но город, видимо, отнесся ко мне так же искренне, как и я к нему. Я никогда не забуду этот день. Лас-Вегас простался со мной, одновременно признаваясь мне в любви...

- - -

Впервые я посетил казино, еще когда о нем в СССР почти никто ничего не знал. В 1988 году я выехал первый раз в жизни за рубеж. В Китае мы с делегацией попали в славный город Джу-Хай, что расположен на границе с Макао.

Макао — бывшая колония Португалии — славится своими игорными заведениями на Востоке, как Монако в Европе. Город Джу-Хай был фактически частью Макао в коммунистическом Китае, подобно Берлину, разделенному на две цивилизации стеной. Простым китайцам вход на территорию Макао строжайше запрещался. И хотя Джу-Хай был объявлен свободной экономической зоной и как бы уже был не совсем коммунистическим Китаем, а прообразом великого китайского капитализма, через границу могли ходить только избранные.

Нас встречал местный мэр, и, как водилось всегда в социалистических странах, мэр мог все. Он приставил к нам местного кагэбэшника, который и организовал проход на «вражескую» территорию, полную разврата и игорных заведений. Чтобы не было лишних вопросов по возвращении в СССР, нам даже не проставили визы в паспортах, но пришлось заплатить по пятьдесят долларов за проход.

От первых попыток играть в казино у меня осталось смутное впечатление. Скорее всего, оно просто стерлось из памяти теми яркими страницами игорных эпопей, которые сопровождали меня в последующие пятнадцать лет.

Признаюсь честно: я люблю казино, отчетливо понимая, что это достаточно глупое времяпрепровождение. Самое главное, что притягивает меня, — это ощущение проветривания мозгов. Во время игры забываешь обо всем на свете и отдаешься всецело потоку эмоций. Время останавливается за пределами игрового зала, и вы проваливаетесь в черную дыру, забывая о работе, любви, обязанностях и даже о родном доме. В казино специально не делают окон, чтобы игроки полностью теряли ориентацию во времени. Если был бы способ останавливать все часы входящих в зал, процветание казино, наверное, удвоилось бы.

Увы, сумасшедших по размеру выигрышей в казино у меня не случалось. Были стабильные периоды дохода: каждый день я выигрывал по пять — десять тысяч долларов в течение нескольких недель подряд. Но такие периоды чередовались болезненными полосами невезения, которые, как правило, бывали продолжительнее...

В принципе я человек такого склада, который постоянно ищет что-то новое, поэтому для меня казино — полигон для бесконечных испытаний различных систем, которые я сам изобретаю. Уже доказано, что стопроцентно выигрышных способов в казино не бывает, но повысить вероятность выигрыша, конечно, возможно. Прежде всего это связано с рациональностью ставок, что бывает крайне трудно контролировать. Ведь чем больше вы ставите, тем большую сумму вы имеете шанс выиграть. Игра по маленьким ставкам приводит к таким же по размеру проигрышам, только шансов выиграть практически не остается совсем. Поэтому наибольший доход в Лас-Вегасе приносят игроки, ставящие по доллару.

Я встречался с несколькими профессиональными игроками. Так я называю людей, которые живут за счет казино и другой деятельностью не занимаются. Их, как правило, вычисляют, заносят в списки, и в последнее время налажен глобальный обмен такими списками между казино по Интернету.

Конечно, большого урона казино эти игроки не наносят, но стабильность их выигрышей приводит в ярость владельцев заведений. Они, как пиявки, присосавшись к казино, выпивают по капле «крови» ежедневно.

Один из них, Луис Ференза, как-то посвятил меня в тонкости своей профессии. Он жил, путешествуя по миру из одного игорного центра в другой. Останавливался в совсем недорогих отелях и в жизни был человеком без больших претензий и запросов. Где-то в Испании у Луиса жила большая семья, которой он регулярно переводил деньги, а навещал ее только в период отпусков, которые сам себе устанавливал. И я уверен, не чаще и не дольше, чем один месяц в год.

Каждый вечер Луис ходил на работу, а днем, выспавшись, занимался чтением исторической литературы, которой по-настоящему увлекался. В былые времена он работал в знаменитом музее «Прадо» в Мадриде.

— Вот где не могу играть, так это у себя в Испании, — жаловался Луис. — Какая-то мистика. Наверное, расслабляется интуиция. Чувствуешь себя не на работе, а дома — и ничего сделать не удастся. Потому что от чувства, с которым ты приходишь в казино, зависит твой успех или поражение.

Мы сидели с ним в маленьком кафе на улице в Монте-Карло и пили крепкий черный кофе.

— Для вас игра в казино — это развлечение, ну, может быть, времяпрепровождение. А для меня это тяжелая повседневная работа, требующая напряжения эмоций и внутренней собранности. Самое главное — дисциплина. Мне нельзя расслабляться в казино, хотя именно расслабленные люди выигрывают больше всего. Вы не замечали, как везет иногда пьяницам? У них фишки из рук падают, а выигрыши сыплются с неба.

— Луис, расскажите мне, как вам удается жить за счет казино? В чем секрет? У вас есть система? — спросил я.

— Ну, система есть, и не одна. Все они известны. Почитайте в книжках, они описаны очень подробно. Но нет, конечно, дело не в системах, которые вы применяете. Дело в дисциплине!

Он сделал несколько маленьких глотков кофе.

— Вот вы, когда идете в казино, устанавливаете себе какие-то лимиты? — спросил Луис.

— Специально нет. Конечно, думаю о том, сколько максимум я могу сегодня проиграть.

— Стоп! — остановил меня Луис. — Это большая ошибка! Нельзя себе устанавливать лимит проигрыша. Это, скорее всего, и приведет именно к проигрышу. Я всегда устанавливаю себе лимит выигрыша. Вот в чем главный мой секрет и самая большая сложность для игрока. Я прихожу в казино с чемоданом денег, в нем полмиллиона долларов, и, кроме того, в любой момент готов кредит, заранее обговоренный с казино и с банком, еще полмиллиона!

— И что же?

— Дело в том, что я устанавливаю себе лимит выигрыша всего в тысячу долларов. Иногда даже в пятьсот долларов, если нет настроения. А бывает, что чувства мне подсказывают или астрологический прогноз, и тогда я опускаю лимит выигрыша до ста долларов. Я выбираю систему игры и, только ей следуя весь вечер, начинаю играть по маленькой ставке. Если проигрываю, то ставку увеличиваю вдвое, втрое, в десять раз. Это происходит до тех пор, пока я не выиграю установленную себе сумму. Иногда бывает, что я выигрываю свою тысячу в течение первых десяти минут, и тогда все. Я останавливаюсь и ухожу. Игра сделана, мне больше ничего от казино не надо. Иногда я бываю в минуса в полмиллиона долларов и больше, но в какой-то момент, при таких астрономических ставках, я обязательно возвращаю свой проигрыш и отбиваю свою тысячу.

— Значит, ваши выигрыши всегда составляют только тысячу долларов в день?

— Ну, нет, это не так. Очень часто, когда игра «пошла», я выигрываю, скажем, не точно тысячу долларов, а тысячу пятьдесят пять долларов. Тогда я откладываю тысячу в карман и забываю о всех других деньгах, которые у меня с собой. Как будто я пришел в казино с пятьюдесятью пятью долларами в кармане, и начинаю на них играть. Иногда таким образом я выигрываю сотню тысяч долларов и больше. Этот случай, кстати, реально был. Именно с этой суммы я дошел до ста сорока тысяч в итоге за один вечер.

Луис допил кофе. В небе кружились чайки, перед нами в порту стояли огромные белоснежные яхты, а над головами высоко на скале возвышался дворец принца Монако Рене.

— Вот в такие моменты наступает самое интересное в моей профессии. Когда я уже отложил свой выигрыш, мне становится абсолютно легко. Все последующие деньги уже совсем не жалко проиграть. Тогда я начинаю играть раскрывшись. Как пьяный, без тормозов и без особой логики. Эти моменты очень приятны, даже если ухожу только со своей тысячей, а чаще бывает с десятками тысяч в кармане. Хватает себя обеспечить и накормить семью!

Я сильно задумался, что было бы, если бы я с самого начала все эти годы играл по правилам Луиса! Страшно представить! Я бы мог, пожалуй, догнать мадам Сью! Ну уж точно не потерять многих своих миллионов долларов в казино, которых я недо считался за эти годы!

— — —

Многие игроки предпочитают играть по одной и той же системе, которая, возможно, когда-то принесла им удачу. Их можно условно назвать консерваторами. Я много наблюдал за ними, но сам так играть не могу. Я предпочитаю менять системы, особенно на рулетке, пока не попадаю на «выигрышную» именно для этого вечера или для этой конкретно рулетки. Это действительно так. Иногда можно выиграть, закрывая «сектора круга» по пять—десять цифр, расположенных по порядку на окружности колеса рулетки. Все эти цифры нанесены вперемежку, причем на американской рулетке цифры располагаются совершенно в ином порядке, чем на европейской. Зная эти последовательности, можно успеть расположить фишки правильно на столе рулетки, пока крупье не произнесет фразу: «Ставки сделаны!» — и шарик с затухающей скоростью будет совершать свои последние три оборота по колесу.

Помню, в Ницце в казино отеля «Меридиан» вошла пожилая пара. Они приблизились к столу, за которым я играл. Я запомнил большую черную сумку в руках у старушки, похожую на кошелку, когда-то бывшую в употреблении в СССР. Играть стал дедушка.

Максимально допустимой ставкой на один номер у этой рулетки было десять тысяч франков, он и попросил разменять ему полмиллиона франков фишками по десять тысяч. После этого дедушка начал ставить на цифру «восемь». Он ставил одну фишку прямо на цифру, еще четыре вокруг «восьмерки» и еще четыре по углам цифры «восемь». Таким образом, получалось, что перед каждым броском он делал ставку девяносто тысяч франков. Крупье все время бросал мимо «восьмерки». Через шесть бросков, за которые дедушка потерял четыреста пятьдесят тысяч франков, нам стало казаться, что пожилой миллионер просто не в своем уме. Я с состраданием смотрел на его бабушку, которая, впрочем, ничем не выдавала своего волнения.

И вот на седьмом броске выпала цифра «восемь»! Крупье, до этого снисходительно улыбавшийся своим коллегам, вздрогнул всем телом и смертельно побелел. Все за столом так и ахнули.

Сумма выигрыша составила один миллион четыреста тысяч франков! Пришлось выдать дедушке огромную гору квадратных фишек по десять и двадцать тысяч франков. Дедушка пододвинул эти фишки руками к краю стола, и тут подошла бабулька, которая распахнула свою кошелку и сгребла туда все фишки.

Парочка попрощалась и удалилась к выходу за своим чеком. Я с жалостью к своей мелочности и ничтожности посмотрел на стофранковые фишки, которыми играл. Вот это система!

В лондонских клубах-казино всем известен Мистер Зеро — господин по имени Битнер. Он выделяется прежде всего своим экстравагантным видом. Одет Битнер в черный балахон, покроем напоминающий длинную ночную рубашку. Она скрывает довольно грузную его фигуру. В зубах толстенная сигара, на шее цепь, на которой висит золотая фигурка летучей мыши. Битнер сделал свое состояние на продаже антиквариата и живописи, преимущественно новым русским. Среди его клиентов были Смоленский, Березовский, Гусинский и еще много известных в России «ценителей искусства» с «бабками». Битнер одно время работал директором аукциона «Сотбис» и слыл самым главным специалистом по российской живописи.

Свою кличку Мистер Зеро Битнер получил в казино за систему, по которой играл. Она могла бы вывести из себя любого

игрока, только не Битнера, и была до предела простой и не предсказуемой. Он всегда ставил только на одну цифру: на «ноль» или «зеро». В течение игры Битнер методично обходил четыре или пять столов с рулетками и успевал всюду кинуть по одной фишке достоинством сто фунтов стерлингов и коротко произнести: «Зеро, плиз!» А потом шел опять по своему маршруту и, если где-то выпадал «ноль», получал три тысячи пятисот фунтов. Для меня такая игра в силу моего характера могла быть только специально придуманной пыткой. Но, видимо, антиквар Битнер был другого склада и типа.

Что самое невероятное, иногда Битнер уходил из казино с солидными выигрышами в двадцать пять и даже в тридцать тысяч фунтов стерлингов! Когда рулетки сходят «с ума», ноли выпадают со странной очередностью на каждом из столов.

В Лондоне нет открытых для публики казино. По строгим английским правилам играть могут только члены специальных клубов или их гости, которые приходят и уходят одновременно с приглашающей стороной. Клубы все разные. В одних для вступления требуется очень немного: простая рекомендация члена клуба — и через 48 часов принимается решение, которое отправляется вам по почте. В других, эксклюзивных, кроме того, нужно платить вступительный и членский взносы.

Я стал членом практически всех лондонских клубов благодаря одной истории. Это был 1991 год, когда я выбрал Лондон для постоянного местожительства в эмиграции. Одним из первых моих знакомых стал Мохан Мурджани, член Всемирного клуба миллионеров и богатейший индийский бизнесмен, обосновавшийся в Англии. Он основал множество фирм и компаний, которые располагались на всех континентах и производили всевозможный ширпотреб. В Америке они, в частности, шили достаточно знаменитые джинсы фирмы «Техас», которые уступали по качеству всем широкоизвестным маркам, но стоили дешевле и пользовались популярностью в Латинской Америке и Мексике, где и располагалось основное их производство.

Компании Мохана выпускали даже парфюмерию с очень похожими на фирменные марки названиями: «Шарель» вместо «Шанель», «Гурчи» вместо «Гуччи» и т.д. Это все было на грани

фола. Но в прямом пиратстве обвинить Мохана было трудно, тем более в странах третьего мира и в России, где в основном сбывалась эта продукция.

Индиец был человеком радушным, улыбчивым и располагал к себе собеседника очень быстро. Он был хорошо воспитан, что, во всяком случае однажды, доставило ему некоторую неприятность. Как-то ко мне приехали в гости пять человек из Республики Коми. Мохан по неосторожности пригласил всех нас в гости в собственный дом. После званого обеда я уехал домой, а гости чуть задержались, так как хозяин предложил им осмотреть подземный бассейн с сауной. Разговоры велись о поставках в Коми то ли джинсов, то ли косметики, поэтому Мохан вынужденно обхаживал приезжих. Как я узнал позже, на высказанное ими желание искупаться хозяин не смог ответить отказом. И вот представьте себе сцену: около пяти утра заспанный хозяин, в пижаме, в пятый раз спускается к бассейну, а там обнаженные гости из Республики Коми, которые выпили весь месячный запас спиртного в доме, все еще полоскаются.

— Знаете, уже очень поздно, — робко намекает хозяин.

— Ну, ничего! Завтра же не на работу! — восклицают гости. — Пива еще принеси!

Как все это выдержала его ранимая индийская душа, мне до сих пор непонятно. Но после этого случая Мохан уже никогда не приглашал в гости приезжих из России.

Однажды мы заглянули с ним в эксклюзивный лондонский клуб «Аспиналс», и Мохан рекомендовал меня в его члены. Клуб примечателен тем, что был единственным в Лондоне частным казино. Все остальные являются акционерными обществами и одному хозяину не принадлежат. Владельцем этого клуба был мистер Аспиналс, что сложилось исторически, поэтому никто в Лондоне, где все чтут традиции, поменять ничего не мог.

При клубе находился знаменитый ресторан «Элефант». В нем очень любили отдыхать парни из квартета «Битлз». Посетители могли посидеть на исторических диванах, на которых сживали Джон Леннон или Ринго Стар, и попить виски из тех же стаканов.

Я стал членом «Аспиналс» и при этом был освобожден от всех членских взносов, ведь меня рекомендовал сам Мурджани. История знаменитого в прошлом игрока в казино Мохана Мурджани известна в Лондоне давно и обрела форму легенды. Когда мы вошли в зал, я обратил внимание, что Мохан сам не играл. Он стоял рядом, советовал мне, куда сделать ставку на рулетке, но сам к фишкам не прикасался.

— Ты не играешь? — спросил я.

— Да, уже пять лет! — ответил Мохан. — Я это пообещал и держу слово.

Позже он рассказал мне ту самую знаменитую историю, которая с ним произошла пять лет назад.

Мохан слыл тогда так называемым «миллионным» игроком и играл по-крупному каждый день. Его нормой было сто тысяч фунтов в вечер. Он проигрывал или выигрывал, и все казино Лондона с удовольствием его принимали как почетного гостя. Однажды он пришел в первый клуб и проиграл там свои сто тысяч фунтов за двадцать минут! Разнервничался, поехал в другой клуб и там просадил еще сто тысяч, затем в третий клуб — и там неудача и потерянные сто тысяч! Остановиться Мохан уже не мог и поехал в четвертый клуб, где снова быстрая неудача и утраченные сто тысяч фунтов стерлингов! А фунт стерлингов в то время стоил больше двух долларов США!

И вот, покинув четвертый клуб, Мохан поехал домой. Он уже выехал из центра Лондона, проехал Риждент-парк и направлялся к себе в «Сент Джон Вудз», но по пути попался пятый клуб, «Барракуда», который относится к весьма посредственным игорным заведениям Лондона и никакой особенной популярностью не пользуется. И Мохан почему-то притормозил... Будучи верующим буддистом, он простер руки к небу и обратился прямо к Будде:

— Послушай меня, Будда! Я зайду в этот последний клуб и проиграю там еще сто тысяч фунтов. Но с этого момента никогда в жизни я больше в казино играть не буду! Даю тебе мое слово!

Мохан зашел в «Барракуду». До закрытия оставалось чуть более часа. Все клубы Лондона закрываются около шести утра...

Он поменял сто тысяч фунтов на фишки по тысяче каждая и стал играть на рулетке. Через несколько минут толпа оставшихся в казино бросила игру и собралась вокруг стола, где играл Мохан. Там происходило нечто невероятное.

Куда бы ни ставил Мохан фишки, шарик попадал именно на ту цифру, где ставка была максимальной. В течение часа Мохан промазал лишь несколько раз. Он сначала возвратил свои проигранные четыреста тысяч, а потом его общий выигрыш составил в момент закрытия казино один миллион шестьсот тысяч фунтов! Это был сильнейший финансовый удар по казино «Барракуда», но оно не закрылось. И продолжает существовать в Лондоне.

— Меня сам Будда услышал! — таинственно сказал Мохан в заключение истории. — Я не могу его обмануть и больше играть не буду!

Он выпил глоток мартини и глубокомысленно продолжил:

— Вообще дело даже не в этом! Я просто никогда уже не смогу забыть того чувства, когда я ехал домой, проиграв за один вечер почти полмиллиона фунтов! Мой организм как-то запомнил то ощущение, и, если я только подумаю о казино, оно вновь всплывает в памяти и просто душит меня!

Во всех казино Лондона знают эту историю и ждут момента, когда Мохан снова начнет ставить. Вот почему он всюду желанный гость и у него необратимый кредит доверия как эксклюзивного члена английских клубов-казино. Мохан ввел меня не только в самые престижные клубы, но благодаря его экстравагантной репутации я вдруг оказался в среде богатейших лондонских персон.

- - -

В своей жизни я играл в казино на всех континентах мира и во множестве стран. Я бы даже сказал, что, судя по казино, можно всегда понять сущность той страны, где находишься, и даже определить национальные черты ее жителей!

Скупердяи французские крупье: дрожат, когда игрок начинает выигрывать. Они суетятся, нервничают, меняют друг друга и даже высказывают претензии игрокам. Это очень противно. Особенно когда выигрываешь за столом рулетки — француз-

ские крупье задерживают игру, если ты им не кидаешь фишек «на чай». Я наблюдал сцену, когда мужчина-игрок не платил крупье, и вскоре они начали обращаться к нему: «Мадам».

— Прошу ваш выигрыш, мадам, — зло проговаривал крупье и сразу же бросал шарик, просто не давая возможности расставить фишки на столе. И при том во Франции все казино — государственные учреждения. Французы денег никому не дадут! Помню, как однажды мы пошли в ресторан с одним французом. После того как я расплатился за обед, официант подошел к нашему столу и выдал моему соседу деньги.

— За что он вам заплатил? — поинтересовался я у своего спутника.

— За то, что я вас сюда привел! — не моргнув глазом ответил тот. — Мне за это полагается десять процентов. Так у нас все живут в Париже! Мне платят практически в каждом магазине, куда я привожу клиента!

— Но это же из моих денег, которые я заплатил за наш обед?

Ничего себе! А я-то считал его своим приятелем. Надо родиться во Франции, чтобы так жить, или это национальная особенность французов?

В чопорных казино в Лондоне, где запрещено давать крупье «на чай», всегда возвратят вам деньги, если вы не знали этого правила. Там самая доброжелательная атмосфера и безукоризненная дисциплина! В Лондоне в любой клуб может прийти проверяющий под видом игрока. Он замечает любое нарушение правил — например, игрок подошел к игровому столу со стаканом спиртного, а его никто не остановил. Проверяющий заносит нарушение в блокнот и молча уходит. На следующий день все казино города могут быть закрыты на несколько часов или даже на всю смену! Всем им будет сообщено, что закрыты они по вине такого-то клуба, где было допущено такое-то нарушение. Представляете, что устроят этому клубу остальные?

В Америке все казино и крупье настроены на то, чтобы игрок за столом обязательно выиграл. Они неподдельно радуются вместе с игроками, когда тем везет. Они готовы защитить игрока перед всем миром и чуть ли не заплакать вместе с ним при проигрыше! Это не просто политика, а элементы американско-

го характера зарабатывать вместе с партнером — в этом есть глубокий смысл. Только выигравший игрок с удовольствием придет в казино еще много раз. Он всегда будет помнить ощущение выигрыша и радость победы, поэтому это очень важно для успеха всего бизнеса!

В России все делается для того, чтобы игрок как можно больше проиграл. Я не удивлюсь, если станет известно, что в России придуманы хитроумные технические средства, позволяющие обыграть игрока начисто и в любую минуту. Об автоматах, перепрограммированных в пользу казино, в России известно всем и достаточно широко. О рулетках, в которых срабатывают устройства и магниты, рассказывают легенды, которые не так далеки от реальности. Да и крупье в России специально тренируются, чтобы обыграть игрока: бросать туда, куда не поставили фишки, или раздавать карты так, чтобы оставить себе больше шансов. Ни в одной стране мира после каждой удачной сдачи большой комбинации в покер карты не перетасовываются полностью. Такие правила действуют только в России. Бесконечная перетасовка и перемешивание карт на столе создают у игроков нервозность и вряд ли способствуют большей случайности выигрыша.

Вызвать раздражение у игрока в таких казино — это успех! Игрок тогда теряет контроль и вместе с ним уверенность в игре, что действительно приводит к проигрышу. Помню, как в Монте-Карло, где, к несчастью, работают жадные французы, я стал играть в «Крапс» в казино справа от знаменитого дворца. Эта новостройка появилась в Монте-Карло уже давно для игроков поменьше рангом, которые не вхожи в основной дворец «Казино Рояль». Там стоят столы американских рулеток и столы-корытца для игры в «Крапс». Я стал бросать кости неожиданно удачно. Мои ставки росли, а семерка в пользу казино все не выпадала. Времени для игры у меня было совсем в обрез. В кафе на улице меня ждала жена, которой не терпелось пойти в магазин, и она была яркой противницей моего пагубного увлечения азартными играми. Я нервно посматривал на часы, но бросал кости практически безошибочно в свою пользу. И вскоре не выдержал французский менеджер. Он нагло подошел ко мне и заявил:

- Месье! Вы неправильно бросаете кости!
- Что такое? — поразился я.
- Вы их перемешиваете в руке! Это неправильно! Это не разрешается здесь! Вы берите их и просто кидайте!

Такой бесцеремонной наглости я не ожидал! За подобное замечание в Америке этого менеджера уволили бы с «волчьим билетом» и запретом на всю жизнь работать в казино. В Лондоне я мог спокойно организовать бойкот этому казино на весь завтрашний день, пожаловавшись в Ассоциацию казино Англии! А в Москве такой менеджер запросто мог схлопотать по ушам! В Монако же это воспринималось как нечто должное и было настоящей провокацией со стороны казино, чтобы затеять скандал. Меня спас только недостаток времени. Если бы я после этого бросил кости, гарантированно выпала бы семерка и я проиграл бы все свои ставки. Играть дальше в таком состоянии духа было бы глупо. Поэтому я собрал все ставки и, к радости француза, покинул стол. Тогда за двадцать пять минут я выиграл более семнадцати тысяч франков. И недовольная моим опозданием жена быстро их истратила в ювелирном магазине «Картъе».

Вспоминая еще истории, связанные с казино, хочу рассказать случай с принцем из Саудовской Аравии. Он прилетел немного погулять на Сейшельские Острова, и так случилось, что поместили его как раз на одном этаже со мной. Переселить меня на другой этаж не могли, так как я был официальным гостем президента республики Сейшельские Острова. Поэтому, наверное, оставили в номере, согласовав с охраной принца. Вместе с его высочеством прибыла свита, человек шестьдесят, которая также расположилась по обе стороны от моего номера. И, конечно, выездной гарем в составе двадцати марокканок в возрасте от пятнадцати до семнадцати лет, считающихся самыми красивыми девушками в Северной Африке. Девушки были действительно прелестны; они сняли с себя все мусульманские причиндалы и разгуливали повсюду полуголыми.

В первый же день принц «забронировал» для себя казино в отеле, и мне пришлось ехать на другой конец острова, чтобы поиграть. В казино из местных с ним остался мой приятель, ми-

стер Кумар, занимавший тогда должность министра по развитию Сейшельского архипелага. Принц играл и на следующий день, а после его отъезда Кумар рассказал интересную историю.

Оказалось, что в первую ночь его высочество проиграл около восьмисот тысяч долларов. Он был так разъярен, что приказал своим слугам срочно посадить на самолет двадцать красавиц из Марокко и отослать их обратно, поскольку они оказались такие «несчастливые»! Но принц не мог оставаться в одиночестве, поэтому приказывалось назавтра привезти еще двадцать девушек, но уже совсем других, что и было исполнено.

Как рассказывал Кумар, на следующую ночь принц снова играл в казино в полном одиночестве и выиграл целых десять тысяч долларов. Счастью принца не было предела. Он радовался, как ребенок новой игрушке. По дороге из казино в номер он практически раздал весь свой выигрыш персоналу гостиницы. Провел ночь в обществе красавиц и назавтра улетел в Саудовскую Аравию. Девушек оставили еще на целую неделю. Может быть, принц решил снова вернуться, но я больше его так и не видел.

Девушки из гарема, оставшись почти без присмотра, вели себя очень, мягко говоря, раскованно. Ночами танцевали и пели странные песни, шумно смеялись на весь отель, стучались периодически в мою дверь и загорали голыми на своих балконах под взглядами балдевших мужчин. Я был в поездке с женой, так что пикантных подробностей, которые могли бы заинтересовать читателей, не было, а выдумывать такие истории не в моих правилах и вне жанра этой книги...

- - -

Мы дружим уже восемь лет! Так получилось, что с замечательным человеком и талантливым актером Арчилом Гомиашвили меня свела судьба в Лондоне. Конечно, это имя после блестяще сыгранной роли Остапа Бендера в фильме Гайдая «Двенадцать стульев» стало в России легендарным. Об Арчиле надо писать отдельную книгу. Было бы еще лучше, если бы он сам о себе написал. Его можно слушать часами, днями и ночами.

Чего стоит только одна из известных историй о том, как у Арчила обокрали квартиру в Москве. Это случилось еще в СССР. Воры, безусловно, хотели ограбить именно Остапа Бендера. Возможно, для поднятия собственного авторитета. Но, и конечно, Арчил всегда слыл богатым человеком, что было правдой. Его предпринимательский талант был дан ему от Бога, и родился он чуть-чуть в другое время, был бы сегодня самым крутым олигархом в России.

В тот день в квартире оставалась только домработница. Во входную дверь позвонили. На лестничной клетке стояли двое мужчин и огромный шкаф.

— Это квартира народного артиста Гомиашвили? — поинтересовались они. — Мы из фирмы «Заря», доставка мебели! Арчил Михайлович купил шкаф и просил его доставить на дом. Куда его вносить?

Домработница показала место в комнате, где предположительно мог встать огромный гардероб.

— Ключа у нас нет, — посетовали доставщики. — Его забрал Арчил Михайлович прямо в магазине. Вот тут распишитесь о доставке, пожалуйста!

Они ушли. Домработница походила вокруг шкафа, подергала за створки дверей, а потом занялась своими делами на кухне. Через какое-то время ей понадобилось выйти в магазин за продуктами. Как только она ушла, двери шкафа чудесным образом раскрылись, и оказалось, что в нем сидел подельник тех воров, которые доставили «покупку». Он размял косточки и стал методично складывать имущество Арчила в тюки и сумки. Вскоре явились и остальные. Он открыл им двери, они вместе вытащили краденое и смылись. А в полупустой квартире зиял своими пустыми внутренностями «троянский» шкаф!

Арчил оказался азартным игроком в казино. До встречи со мной он уже успел побывать в каком-то клубе в Лондоне и выиграть пятьдесят тысяч фунтов. Для него фунты стерлингов еще не ассоциировались с реальными деньгами, так как купюры выглядели необычно. Какие-то бумажки с красивыми рисунками. Правда, для российских граждан деньги — это в первую очередь

доллары и евро, а потом рубли. А фунты стерлингов, которые мало кто в России вообще видел, являясь самой дорогой валютой в Европе, ощущения денег у Арчила не вызывали. Поэтому он играл абсолютно раскованно и спрашивал у меня, вращая в руках очередную пачку купюр:

— Это сколько же будет? В нормальных деньгах...

И когда узнавал, слегка начинал понимать, что фунты тоже деньги.

Историю с казино, которую мне рассказал Арчил, можно смело заносить в энциклопедию азартных игр, если кто-нибудь захочет такую написать!

Случилось это еще во времена СССР. Поскольку Арчил был народным артистом, то получил возможность ездить по заграницам тогда, когда большинство граждан не имели такой возможности. Так он попал в Западную Германию, где старался повернуть сделку с одним немцем. Немец, зная о трудности выезда из Союза, решил Арчила «кинуть» и денег не платил. Но Арчил все же добился разрешения на поездку и приехал в Мюнхен получить с негодая хоть сколько-нибудь! Было раннее утро, около девяти часов, и Арчилу пришлось ждать на улице до одиннадцати, когда должен был открыться офис партнера.

Он шатался по немногочисленным переулкам вокруг офиса, пока не набрел на казино. В кармане у нашего Остапа было ровно сто немецких марок, и поэтому от встречи с немцем вообще зависело, сможет ли Арчил прожить в Германии — оплатить гостиницу и где-то питаться. Он решил тогда, если немец не отдаст денег, ехать в советское посольство и занять там у кого-нибудь до Москвы. Зайдя в казино и никогда до этого не играв на рулетке, Арчил протянул крупье свои сто марок и спросил:

— Что надо делать?

Крупье принял деньги, выдал Арчилу фишку и предложил поставить ее на какую-нибудь цифру. Арчил поставил на цифру 23.

Крупье усмехнулся, бросил шарик, и он, как в сказке, остановился на цифре 23. Выигрыш составил в тридцать пять раз

больше ставки, что соответствовало трем тысячам пятистам маркам.

Не совсем поняв, что произошло, Арчил спросил у крупье:

— И что дальше делать?

Крупье предложил оставить весь выигрыш на цифре 23. Снова последовал бросок, и вновь шарик попал на ту же цифру. Теперь Арчил уже выиграл сто двадцать две тысячи пятьсот марок.

Он взглянул на крупье, который отсчитал ему всю сумму фишками, и снова спросил:

— А что теперь делать?

— Оставьте на той же цифре, — посоветовал крупье.

Тут сознание вернулось к Арчилу. Он забрал все фишки и сказал:

— Ну нет, я же не совсем такой дурак, чтобы это сделать. —

Он разложил фишки по карманам и предложил крупье: — Ну, бросай еще раз, посмотрим.

Ставок на столе уже не было, и крупье бросил шарик. И надо же такому случиться, что и в третий раз шарик опустился на цифру 23.

Если бы Арчил не убрал выигрыш и послушался крупье, он мог бы уйти из казино с суммой в четыре миллиона двести семьдесят семь тысяч пятьсот марок.

Партнер Арчила, едва увидев его на пороге своего офиса в таком приподнятом настроении, заволновался и тут же отдал долг, вытащив валюту из сейфа.

Вернувшись в Россию, Арчил открыл на эти деньги клуб-ресторан «Золотой Остап», который впоследствии принес ему славу, денежные средства и связи.

Поймите меня правильно. Я не пою дифирамбов казино. Это пагубная страсть — играть в азартные игры — под стать наркотикам и алкоголизму. Иллюзия легкости получения денег, которая создается у игроков в случае выигрыша, может привести к потере ориентиров, к драмам и даже к самоубийству. Но в то же время казино вырабатывает у человека активность, умение рисковать, полагаться не только на свой разум, но и на интуицию. И эти качества много стоят для достижения успеха в жизни.

Глава 14 ШЕЙХ И МАТ

С Кирсаном Илюмжиновым я познакомился еще в Верховном Совете РСФСР, в 1990 году. Я тогда уже был звездой: газеты пестрели моими интервью, меня показывали по телевидению, и я запросто общался с российским премьер-министром Силаевым. Как-то ко мне в офис пришли проконсультироваться Боря Немцов и Кирсан Илюмжинов — два самых молодых депутата. У Бори были проблемы с деньгами, и я предложил ему поработать в только что созданной нами компании «Трансаэро», состыковал его с нашим офисом на Ленинском проспекте, и Немцов уехал устраиваться.

Кирсан же в деньгах не нуждался и был в прибыльном бизнесе: занимался экспортом рогов оленей — ценного сырья для изготовления лекарственного средства пантокрин. Он даже пригласил меня к нему в партнерство, но мне было совсем не до рогов, хотя сам он мне тогда очень понравился. Мне показалось, что мы близки и по предприимчивости, и по духу. Выяснилось позже, что и по гороскопу мы оба Тигры, только я старше на двенадцать лет.

Когда Кирсана избрали президентом Калмыкии в 1993 году, я находился в тяжелейших условиях в эмиграции. На меня валили все реальные и мнимые уголовные дела в России, обвиняли в хранении украденных денег Коммунистической партии СССР, в присвоении государственных средств программы «Урожай-90» и в организации утечки капитала за рубеж. Не помню уже повода, по которому мы с ним созвонились, так как многие из моих «друзей» предпочитали со мной не разговаривать даже по телефону. И вдруг ко мне по факсу приходит копия приказа президента Республики Калмыкия о назначении меня его экономическим советником. Дорога ложка к обеду! Это случилось в то самое время, когда администрация Ельцина вместе с ее оппозицией сделали из меня изгоя — козла отпущения собственных грехов по воровству государственной казны!

Такой поступок Кирсана морально вдохновил меня. Ведя следом за этим назначением в российское посольство в Велико-

британии ушла официальная бумага со следующим приблизительно содержанием: «Извещаем Вас, что в Лондоне работает официальный представитель президента Республики Калмыкия, экономический советник Артем Тарасов, поэтому республиканская администрация просит посольство России и лично господина посла создать все условия для его эффективной деятельности на пользу республики». С того момента и на всю жизнь я остался благодарным Кирсану Илюмжинову за своевременную поддержку.

Прошли годы. И вот как-то в 98-м мне в Лондон позвонил из Лас-Вегаса мой приятель, миллионер и генеральный директор сети отелей Эд Фишман. Он сказал, что вместе с президентом крупного строящегося отеля «Беладжио» мистером Ал Фасинто собирается ехать в Россию. С Фасинто я тоже успел познакомиться в одной из поездок в Вегас. Внешне он выглядел таким стопроцентным итальяно-американским мафиози: всегда в черном костюме, немного грузный, с залызанными черными волосами, разведенными прямым пробором, и с увесистым квадратным подбородком. Ал жил в Лас-Вегасе всю жизнь, и, проработав на всех должностях в казино, он с самого низа дошел до такого поста. А про легендарного Эда Фишмана я уже писал в предыдущих главах.

Я говорю Фишману:

— Ты можешь встретиться в России с Кирсаном, это мой хороший приятель. Я слышал, что у него есть интерес к Лас-Вегасу. Кстати, он президент Калмыкии и собирается открывать огромное казино: построить Сан-Сити для арабов в своей республике!

Так Фишман и Фасинто попали в Калмыкию. Кирсан был, кроме всего, еще избранным президентом шахматной федерации мира — ФИДЕ, и у него вдруг появилась идея провести очередной чемпионат мира по шахматам в Лас-Вегасе.

Фишман предложил:

— Ал, давай к открытию твоего нового отеля «Беладжио» проведем чемпионат мира по шахматам! Это же создаст имидж! Не какой-то там бокс или рестлинг, а шахматы! Мы станем самым интеллектуальным местом в Неваде!

Как раз к зиме планировали открыть первый в истории отель-казино «Беладжио», стоимость возведения которого превысила полтора миллиарда долларов США. За такие деньги никто в Лас-Вегасе до этого времени ничего не строил.

Они ударили с Кирсаном «по рукам» и улетели договариваться с хозяином «Беладжио».

В тот период официальным чемпионом мира по шахматам был Анатолий Карпов. Он победил в Лозанне в тяжелейшем массовом турнире, и ему, конечно, не хотелось так скоро играть в новом чемпионате мира. Во-первых, существовал риск потерять корону, которую Анатолий не успел еще хорошенько обнести, а во-вторых, он имел право сам диктовать условия как чемпион. По контракту с ФИДЕ Карпов был наделен правом выбора места и времени проведения очередного чемпионата. Поэтому сначала он заявил о том, что его не устраивают сроки. Дату перенесли на месяц. Ладно, согласились. О переносе оповестили журналистов, появились сообщения в прессе, изменили планы подготовки, назначили новую дату пресс-конференции, и мэр Лас-Вегаса, очень симпатичная женщина, написала доклад к выступлению на этой пресс-конференции в честь открытия чемпионата. А Карпов опять предложил чемпионат перенести.

Тогда мне позвонил разгоряченный Эд Фишман:

— Артем, ты меня страшно подставил, как я могу теперь смотреть в глаза владельцу «Беладжио»? Передай своему другу, который трубку не берет, что мы теперь в Лас-Вегасе о шахматах даже слышать не хотим!

Я говорю:

— Послушай, Эд, я просто вас с Кирсаном состыковал, при чем тут я? Понятия не имею, о чем вы там договаривались! Вы же мне даже не сообщили о ваших намерениях! А на Кирсана это совсем не похоже! Что-то здесь не так!

Тогда шахматы были для меня абсолютно «темным лесом», я ничего в них не понимал и не играл в них с пионерского детства.

Я тут же позвонил Кирсану и в достаточно резкой форме ему высказал, что он подставил моих друзей, что это потеря автори-

тета и что, кроме всего прочего, для меня может закрыться дорога в Лас-Вегас навсегда!

И вот Кирсан мне говорит по телефону:

— Артем, да не я это сделал, а Карпов! У него контракт, понимаешь? Ты себе даже представить не можешь, как с ними сложно, с шахматистами! Они же все гении! Займись сам шахматами! Бери все в свои руки и работай!

У нас в Лондоне были большие проекты с судовыми компаниями, мы занимались фрахтом, перевозили по Средиземному морю множество разных грузов. Намечался интересный Интернет-проект: английский миллионер, создавший компанию «Ред Бас», был готов инвестировать тридцать миллионов долларов в наши идеи по развитию Интернета. Мы придумали восемнадцать новых видов деятельности в Интернете, которые теперь практически все внедрены, но не нами! К примеру, одними из первых предложили поставить Интернет в гостиницах и давать в прокат компьютеры. Помню, компания «Хилтон» этим заинтересовалась, и мы вели переговоры о внедрении. Сейчас это уже стандартная услуга, а тогда было новшеством. Или заказ по Интернету своего диска. Допустим, вам нравится только один или два хита, так зачем покупать диск целиком? Лучше прямо через Интернет заказать свой диск, составленный только из любимых песен. Теперь этим тоже никого не удивишь. Уже существует формат MP3.

Мы придумали Интернет-телефон и поставили действующую систему в офисе в Лондоне! Сделали виртуальное казино, когда посетитель видел на экране компьютера живого крупье, который бросал шарик на рулетке и раздавал карты. Масса всего интересного! А тут Илюмжинов предлагает все бросить и заняться шахматами!

Я все же стал читать информацию о спорте и о шахматах и открыл для себя действительно большие возможности, настолько большие, что можно было все остальное бросить. Шахматы оказались единственным видом массового спорта, который практически оставался без денег. Вокруг остальных крутились колоссальные суммы. Призовой фонд чемпионата мира по дартсу — метанию дротиков в мишень, который вообще-то

спортом назвать было трудно, составлял пятнадцать миллионов долларов. Один теннисный турнир в Уимблдоне приносил ежегодно более тридцати пяти миллионов фунтов стерлингов чистой прибыли. А права на трансляцию Олимпиады по телевидению вообще стоили несколько миллиардов долларов.

Разобравшись во всем этом, я снова позвонил Кирсану.

— Если твое предложение серьезно, я готов заняться шахматами, — сказал я. — Во-первых, надо во что бы то ни стало провести в Лас-Вегасе чемпионат мира. Это было заявлено и должно быть сделано!

— Да проведем, конечно, — ответил Кирсан. — Даже без Карпова, раз он не хочет! Я сам так же думаю. Пошлю туда срочно своего заместителя договариваться с «Беладжио».

— Тогда я подключаюсь со своими финансами к его организации и проведению. Давай я со своей командой полностью закрою проблемы с трансляцией чемпионата по Интернету в «реальном времени». Сам оплачу все расходы.

Заместитель Кирсана по ФИДЕ грек господин Александриди срочно вылетел в Лас-Вегас, но не то чтобы восстановил отношения с «Беладжио», а, наоборот, порвал их окончательно. Нашел там другой отель — «Цезарь Паллас», которым руководил грек, и подписал с ним контракт, в общем, все переиграл. Это была еще одна оплеуха людям из «Беладжио» — уйти к конкуренту в другой отель прямо через дорогу.

Мне всегда было приятно работать с Кирсаном, так как я считал и считаю его моим хорошим другом. Во всяком случае, никогда в жизни я не пытался его обмануть или жить за его счет. Тогда всем стало ясно, что это не простое «совпадение» с греком-директором и сменой места проведения турнира. Чемпионат мира стоил миллионы долларов и, конечно, был выгоден любому отелю, у которого арендовались номера, залы, обслуживание, питание и прочее на целый месяц проведения чемпионата. Мне понятно, что такое «откаты денег» и как они выгодны договаривающимся сторонам. В Греции, как известно, все есть, и благодарность наличными деньгами за выгодные контракты тем, кто их принесет, пресловутые «откаты», тоже процветает повсеместно.

Я не представлял себе, как меня встретят мои друзья после всего происшедшего в Лас-Вегасе, но все равно был рад поводу туда полететь, так как испытываю к этому месту трепетное и восторженное чувство, как к рукотворному чуду света.

В Вегасе мне удалось удивительно легко снять напряженность. Меня прекрасно встретили друзья, я поселился в «Беладжио», а когда приехал Кирсан, они устроили в честь чемпионата колоссальный прием. Шахматистам отдали целую виллу с бассейном, с прекрасной едой и со всеми удовольствиями.

После этого чемпионата я предложил Кирсану создать английскую компанию, которую мы назвали «ФИДЕ-Коммерс». Я стал изучать шахматы, проводить маркетинг. И оказалось, что шахматный спорт — огромный рынок! Мы тут же создали в Москве шахматный сайт в Интернете с адресом www.fide.com, и дело пошло. Вначале надо было понять, как же зарабатывать деньги на шахматах. И потом уже выстраивать стратегию достижения успеха.

Жалею ли я сейчас, что отказался от своих Интернет-проектов и от инвестиций англичанина в мою компанию ради Кирсана и его шахмат? Ведь, забегая вперед, хочу сообщить, что с шахматами в итоге ничего хорошего не получилось. Они принесли мне только прямых убытков более чем полтора миллиона долларов.

Но потерял я, очевидно, значительно больше. Был 1999 год — самый пик развития Интернета. Появлялись новые компании, которые буквально за считанные месяцы зарабатывали состояния. Самый знаменитый пример — маленькая фирма, которую организовали в Англии три женщины. Они решили продавать оставшиеся авиационные билеты в самый последний момент перед вылетом в Интернете. Договорились с «Люфтганзой» и «Бритиш Эйруэйз», что те будут давать информацию и маленькую скидку. Их компания так и называлась: Last Minute Com. За год они напродавали билетов всего на миллион шестьсот тысяч, после чего акции их компании были выброшены на фондовый рынок в Лондоне. И случилось невероятное: акции были проданы за астрономическую сумму — почти на миллиард долларов! Я помню, как по телевидению показывали

совершенно обалдевших теток с округленными глазами, сидевших в маленькой конторке на чердаке. Они просто не знали, что им теперь делать с такими сумасшедшими деньгами!

У тех же поисковых порталов «Алта Виста» и «Яху», которые ничего сами не производили, а только сортировали информацию в Интернете, стоимость акций достигла миллиардов долларов. Известный виртуальный книжный магазин «Амазон» был оценен в тридцать шесть миллиардов долларов, и это при том, что реальные продажи книг были всего на два-три миллиона долларов в год.

Дело в том, что рынок в эту пору был перенасыщен деньгами и надеждами. Деньги ушли из Азии и искали альтернативу — куда бы вложиться. А надежды подогревались слухами и прессой о том, что уже двести миллионов пользователей у Интернета и что скоро все будет происходить только по Интернету: от мировой торговли до организации деторождения, что реклама по Интернету самая эффективная и т.д. Вот на этой волне и были проданы многие Интернет-компании за колоссальные деньги, хотя сами компании реально не стоили и десятой части таких сумм.

Но этот период быстро закончился. Уже в конце 2000 года пик прошел, акции Интернет-компаний резко упали в цене. Реклама в Интернете была признана неэффективной, а традиционные формы торговли возобладали. Доверие к Интернету лопнуло после нескольких крупных скандалов и огромных фальсификаций с деньгами населения в сети. Да и сами люди не желали платить за простую информацию, которая часто оказывалась совершенно недостоверной. Интернет-компании исчезали, как фантомы, и стало понятно, что ожидания не оправдались, во многом прогнозы оказались обыкновенным блефом, который публично раскрылся.

Так что вряд ли бы мы успели на этом заработать. Вот если бы создали компанию в 97-м году, когда я только что освоил Интернет в Канаде, то через два года могли бы продать ее за сотни миллионов долларов. А начали бы мы в 99-м году, тогда деньги, скорее всего, потерял бы английский миллионер, а не я. Но это просто анализ, не более того.

Теперь уже пришло время писать историю развития Интернета. Все же интересная это штука. Ведь как все начиналось? Издатели размещали в Интернете газеты и находили подписчиков. Потом Интернет пошел по пути создания отдельных видов сервиса: почтовый сервис, агентства путешествий и т.д. Какое-то время это было очень популярно, а потом сошло «на нет», потому что предложений появилось так много, что они друг друга буквально задавили. Возникли магазины, такие как «Амазон». Опять страшный бум, акции выброшены, проданы за огромные деньги. Но через какое-то время бизнес стал абсолютно неконкурентоспособен: ведь создать магазин в Интернете очень просто. Взять каталог, разместить информацию о товарах, и все. Кто-то закажет их у тебя, а ты купишь дешевле, перепродашь и перешлешь. Или даже сам торговый дом за тебя перешлет, чтобы не беспокоиться. Так прошла вторая волна Интернета — с предоставлением отдельных видов сервиса.

Третья волна — создание порталов по интересам людей: кино, политика, секс. Там было все о данной конкретной области знаний или досуга. Потом наступила четвертая волна развития Интернета — «коллектинел» — обслуживание узкого круга людей одинаковых интересов на одном сайте, где они могли для себя получить всю специфическую информацию и услуги любого вида: и магазин, и агентства, и информацию и все прочее, ну, например, «коллектинел» для рыболовов или для собирателей почтовых марок.

Это было несколько лет самое новейшее веяние, но и оно умирает! И вот уже «Яху» вкладывает миллиарды долларов в создание специализированного Интернета, рассчитанного на одного отдельного человека и адаптированного к его личным интересам. Уже есть специальные программы, которые постоянно отслеживают то, чем конкретный пользователь в Интернете интересуется. С их помощью можно узнать о вас все, включая самые интимные подробности: какой вид секса вас интересует. Конечно, это нарушение частной жизни, но такие программы уже внедрены и сканируют в автоматическом режиме ваши компьютеры. После изучения пользователю предлагается персональный закрытый сайт, где размещается информация, инте-

ресная лично ему. Это новый виток развития Интернета, который уже начался...

А через несколько лет Интернет заменит интерактивное телевидение, когда любой сможет поставить у себя камеру и вещать 24 часа в сутки. И таких телекамер будут десятки и сотни миллионов...

Кстати, шахматы для этого случая вообще идеальная игра, потому что в них с гроссмейстером смогут играть одновременно несколько миллионов человек, объединившись на одном сайте, из самых разных стран...

Однако вернемся к Кирсану и его мировым шахматам. Мы хотели создать шахматный «коллектинел», где все шахматисты могли бы получать все прелести Интернета в одном месте: от игры в шахматы друг с другом до лотереи, в которой можно было выиграть деньги. А потом, обретя популярность, акционировать компанию, выбросить ее акции на фондовый рынок в Америке и продать их за полмиллиарда долларов, не меньше!

Пока же Илюмжинов регулярно тратил на шахматы огромные деньги. Он сам доставал их у спонсоров, а также вкладывал из пожертвований бизнес-элиты. Однако все деньги Кирсана перекочевывали в карманы шахматистам и работникам ФИДЕ. На развитие шахматного спорта, рекламу, развитие телеверсий шахмат, объединение вокруг ФИДЕ известных турниров, создание собственных турниров ФИДЕ оставались крохи, а иногда и вообще ничего. Конечно, эффективность от подобных затрат была нулевая. Но он сознательно так поступал. Это была плата за престиж, за то, что его обязательно переизберут президентом ФИДЕ на следующие сроки и он, единственный из России, останется руководителем такой огромной спортивной международной организации с ее 160 членами из большинства стран мира! Но кроме того, и это, пожалуй, самое главное, Кирсан искренне любит шахматы и прекрасно в них играет! Видели бы вы его огромную личную библиотеку книг о шахматах!

Он когда-то испортил отношения с Каспаровым. Это было второй причиной, мешавшей шахматам коммерчески успешно развиваться, а нам развернуться с компанией «ФИДЕ-Ком-

мерс». Было очень трудно найти спонсоров или турниры, которые могли бы объединиться под эгидой ФИДЕ. Куда бы мы ни обращались, везде упоминали о Каспарове, о том, что он считает себя выше ФИДЕ, в официальных чемпионатах не участвует и Кирсана не признает. Боясь испортить отношения с Каспаровым, частные шахматные турниры тоже не имели никаких связей с ФИДЕ. Каспаров, пользуясь тем, что его участие определяло популярность турнира, выставлял всяческие условия. И всегда против Кирсана, Международной шахматной федерации (ФИДЕ) и, естественно, нашей компании «ФИДЕ-Коммерс», а потом и лично против меня.

Противно вспоминать неприглядное прошлое, но Каспаров регулярно поливал Кирсана грязью во всех средствах массовой информации, а Илюмжинов ни разу не ответил ему тем же, хотя, конечно, имел для этого гораздо больше оснований. Вообще Гарри Каспаров, безусловно, легендарный шахматист, но очень трудный человек. Я был с ним когда-то достаточно близко знаком и находился в хороших отношениях. В 1989 году мы оба поддерживали и даже финансировали демократическую партию Травкина. Но потом, когда Каспаров приехал в Лондон и ему передали, что я хочу с ним просто поговорить, сказал, что человека по фамилии Тарасов вообще не знает. Это, конечно, потому, что я дружил с Илюмжиновым. Но даже этот единственный поступок сразу же характеризует его с самой плохой стороны.

Когда-то Илюмжинов, еще в 89-м году, купил у Каспарова за три миллиона долларов шахматную корону, которую тот выиграл в матче с Карповым! Потом ее оценили всего в семьсот тысяч долларов. Она и сейчас в сейфе ФИДЕ, но Кирсан всегда говорил: ничего страшного, зато я материально поддержал великого шахматиста...

Теперь Каспаров, как только потерял свой титул чемпиона мира, снова признал ФИДЕ и Кирсана Илюмжинова! А после его возвращения в официальный шахматный мир мне пришлось, как бы это сказать помягче, удалиться! Что же, это правильно, по-шахматному: ладьей всегда можно пожертвовать ради ферзя!

Во время дефолта 1998 года Кирсан, как и многие в России, по-моему, очень много потерял. Да и бизнесмены, которые давали спонсорские деньги на шахматы, впали в отчаяние, а многие просто разорились. А ведь на плечах Кирсана лежали не только мировые шахматы, но и целая республика, которой срезали тогда все дотации из Центра. Только его потрясающее умение сходить с людьми и добиваться своего позволило в то время пережить этот кризис.

Кирсан всегда был полон ошеломительных идей. Жаль, что не все они воплощались в жизнь. Например, совершенно грандиозная затея, которую он хотел воплотить с великим скульптором Эрнстом Неизвестным. Много лет назад Неизвестный придумал создать памятник «Восходящее солнце над Азией». Это должна была быть самая большая в мире скульптура — пятьдесят восемь метров! Для сравнения: статуя Свободы — семнадцать метров. По задумке, огромный торс азиата с вытянутой вверх рукой, в которой горит металлическое солнце, вращается, поворачиваясь вслед за солнцем. Причем предполагалось, что это строение будет функциональным: оно представляло бы собой небоскреб с отелем, зонами отдыха, спорта и проживания. Там же планировались офисные помещения, рестораны, кинотеатр и все, что угодно. Скульптура безумно понравилась Тайваню, который был готов выделить на ее строительство пятьдесят семь миллионов долларов. Были уже подписаны соглашения, сделаны проектные решения. Но идея попала в прессу, и первым очень резко против нее выступил Китай. Ведь Тайвань — это часть Китая, заявили китайцы. Давайте лучше установим ее в Китае, ну, в крайнем случае, в Гонконге! Потом выступили японцы, напомнив, что Страна восходящего солнца в Азии — это именно Япония. Почему бы не установить скульптуру именно здесь? Тем временем на Тайване сменилось правительство, и новому премьеру идея, которая уже приобрела черты скандальности, не понравилась. Поэтому она так и осталась на бумаге.

Когда Илюмжинов подружился с Неизвестным, тот показал ему этот проект. И Кирсан сказал: «Мы сделаем скульптуру и установим ее на северном берегу Каспийского моря, на бере-

гу Республики Калмыкия!» На что Незвестный ему говорит: «Если ты даешь деньги, то лицо у статуи я сделаю твоим! Ведь ты азиат — вот и будешь изображен в пятидесятивосьмиметровой скульптуре! В голове мы сделаем казино, в желудке рестораны, а в руке, где солнце, установим маяк, который будет светить над всем Каспийским морем!»

Поэтому, как только у Кирсана появятся свободные деньги и станет меньше забот, я уверен, что он вложит их в эту скульптуру. Ведь Калмыкия действительно стоит на пороге Азии, а кандидатура Кирсана в качестве олицетворения Азии не самая плохая.

Еще один грандиозный проект Илюмжинова: он решил построить у себя в Калмыкии огромный порт Логань. Сейчас грузы из Дубая и Индии в Европу везут через Средиземное море, вокруг Атлантики. Но можно везти до Ирана, а дальше по иранской железной дороге до Каспия, потом через Каспий на огромном пароме. И от порта Логань до Петербурга снова по железной дороге. В настоящее время этот огромный по протяженности окружной путь через Суэцкий канал занимает сорок восемь суток, а в проекте Кирсана получалось только восемь! Проект стоит три с половиной миллиарда долларов. Кирсану эта идея пришла в голову пять лет назад, и он стал искать финансирование для нескольких проектных институтов, которые разработали всю документацию — огромное количество томов.

Сначала все говорили: это бред, это просто невозможно! Кирсана считали фантазером. А потом уже Путин, будучи в Петербурге, признал проект одним из самых глобальных и нужных. Вот каковы масштабы Илюмжинова!

Он действительно решил построить игорный, развлекательный и туристический город, такой, как Сан-Сити, на берегу Каспийского моря, куда богатым арабам лететь всего два часа. Это был бы огромный приток капитала и в Калмыкию, и в Россию!

Кирсан — очень обходительный человек. Но очень жесткий руководитель, а иногда и абсолютно безжалостный даже со своими близкими! Наверное, это позволяет ему оставаться тем, кто он есть. Моментально что-то решил — и вперед, как танк!

Знаете, как он избавился от уличной преступности в Калмыкии? Сам назначил воровскую сходку в одном из залов напротив президентского дворца! А чтобы туда пройти, надо было пересечь площадь. И вот к назначенному времени он выходит один, без охраны, и идет по площади. Все бандиты подъехали на машинах, и никто не вылезает, боятся провокаций и ареста. Как только он один демонстративно прошел через площадь, зал сразу же стал заполняться. И Кирсан им говорит:

— Прежде всего мне нужно, чтобы не было уличной преступности. Я вам отдаю все подвалы нашего города бесплатно, пожалуйста, делайте ночные клубы, казино, все, что угодно! Но в том районе, где открыто три-четыре ваших заведения, вы лично отвечаете за любое хулиганство. Если хулиган появится на улице, вы его доставайте сами и объясняйте, что он находится в Калмыкии, в своем родном городе...

И последовал результат — люди стали ходить вечерами и ночами по городу Элисте. Никто не грабит, не убивает. Открыта масса заведений. Уличной преступности практически нет.

Кирсан, конечно, человек очень сложный и неоднозначный. Некоторые его увлечения понять непросто. К примеру, он мне рассказывал про инопланетян, и многие говорят, что слышали от него: мол, пора готовиться к встрече, они обязательно скоро прилетят... Может, прилетят? Я слышал историю о том, как инопланетяне забрали самого Кирсана на свою летающую тарелку, на которой он провел несколько часов и вернулся прямо на балкон четвертого этажа...

Однажды Илюмжинов сказал мне, что готовится стать буддийским монахом. Он дружил со знаменитой предсказательницей Вангой, и она его очень любила. Он встречался с далай-ламой. Пользуется услугами целой толпы предсказателей. Думаю, что наши отношения с ним тоже во многом зависели от того, что говорили предсказатели...

Это человек очень талантливый и амбициозный. До появления Путина у него были планы стать президентом страны, и они, как ни странно, могли осуществиться. В 1998 году мы всерьез готовились его раскручивать в России: я написал ему даже концепцию предвыборной программы, придумали слога-

ны, дизайн, разные шоу. Основной идеей кампании была ставка на молодежь, ведь он же очень молод сам.

«Илюмжинов коллекционирует “Роллс-Ройсы”, и у него есть на это средства». Это сообщение из серии «уток» и сказок, окружающих его имя. Но ему действительно дарят машины люди, которым он помог в жизни, и просто друзья. А сам он, пожалуй, не нуждается в роскоши. ФИДЕ снимает ему люксовские номера, но я прекрасно знаю, что он может переспать в любом месте. Он любит иногда «оторваться»: исчезнуть из поля зрения, пойти в самую простую столовую поесть... У него абсолютно нет алчности и жадности к деньгам.

Кирсан больше вегетарианец, чем мясоед, и сам не может никого убить. Я хотел как-то ему подарить ружье, но вовремя спросил. Он говорит: «Да, я тебя приглашал на охоту, но сам не стреляю».

Он не ест рыбу потому, что боится подавиться косточкой. Не знаю почему — может, очередное предсказание. В казино Кирсан не играет, и его просто невозможно туда затащить! Это при всем его азарте!

— — —

Илюмжинов очень часто поступает, руководствуясь исключительно интуицией. Допустим, он говорит что-то, чего нет на самом деле, — и на девяносто процентов это потом случается! Однажды Кирсан заявил по телевидению, и во всех газетах это повторили, что он устанавливает памятник Остапу Бендеру в Рио-де-Жанейро. На этот момент не было ни памятника, ни договоренности с администрацией города — вообще ничего! При этом он всех пригласил приехать на открытие! Потом звонит мне и говорит: «Артем, я тут высказался насчет памятника, съезди, пожалуйста, купи четыре квадратных метра земли в Рио-де-Жанейро!»

Я полетел в Рио. Мы собирались проводить там очередной этап Гран-при по шахматам. Да и вообще, как всякий российский человек, читавший «Золотого теленка», я мечтал туда попасть. Прилетел, встретился с крупным чиновником местной шахматной федерации, рассказал ему об Остапе Бендере. И во

время беседы сам понял, насколько нелепая задача стояла передо мной. Представьте, например, что к мэру Москвы придет бразилец и начнет ему объяснять: знаете, у нас есть такой народный герой Дон Педро Гонзалес, мы хотим установить ему памятник на Тверской улице. Он будет бронзовый, два метра тридцать сантиметров высотой... Человека сочтут просто ненормальным. По выражению лица этого шахматного деятеля мне все было понятно без слов.

Потом разговор перешел на Гран-при — это уже было гораздо легче. Прощаясь, я попросил все же устроить мне встречу в муниципалитете. Мэр Рио-де-Жанейро, конечно, со мной встречаться не захотел, но меня принял его зам, и я ему тоже начал рассказывать про Остапа Бендера. Кстати, я пытался найти Ильфа и Петрова на португальском языке, поскольку их, должно быть, переводили, но во всей Бразилии ни одной книги так и не нашлось. Может, и к лучшему: ведь в принципе Остап Бендер был обыкновенным рэкетиром, особенно в «Золотом теленке», где он просто тряс бедного миллионера Корейко. А такие персонажи в Бразилии популярностью, скорее всего, пользоваться не будут.

И вот мы с замом мэра мирно разговариваем, но я вижу, как и у него меняется выражение лица, когда я ему рассказываю о памятнике. И он так вежливо говорит: знаете, мы подумаем! Идите, мол, сеньор сумасшедший, и подальше!

Я понял, что моя миссия откровенно провалилась. Тогда я решил найти какую-нибудь компанию, у которой есть участок, где стоит офис, чтобы купить или арендовать у них кусочек земли и там установить памятник. Взял свой справочник Клуба молодых миллионеров и набрал телефон первого попавшегося человека по фамилии Ханс Штерн. Он ответил: «Буду очень рад вас видеть, сейчас пришлю машину! Тут же подъехал роскошный лимузин, и мы поехали. Красота вокруг невероятная: пальмы, полуголые женщины, все танцуют, двигаются по улицам в ритме самбы!

Подъезжаем и видим, что вход в дом охраняют два автоматчика, а двери, как сейф, с огромным колесом. Так я попал на гранильную фабрику алмазов и изумрудов! Прошел через цех

прямо к ее хозяину. Ханс Штерн оказался самым известным ювелиром Южной Америки — у него магазинов в городе Рио-де-Жанейро было открыто столько же, сколько у нас было сберкасс в советское время! Деду на вид лет восемьдесят с небольшим, и ему уже, наверное, лет двадцать никто из молодых и незнакомых так запросто не звонил. Чему он несказанно обрадовался!

Выяснилось, что пятьдесят лет назад именно он и организовал движение молодых миллионеров в Бразилии и, конечно, всех нас, членов этого движения, очень поддерживал! Штерн говорит:

— Я так рад, что вы меня нашли! Артем, что вы любите?

Я отвечаю:

— Люблю рыбу ловить!

А он в ответ радостно:

— Вот замечательно! У меня как раз на приколе стоит тридцатидвухметровая яхта — берите, сплавайте куда-нибудь, она в полном вашем распоряжении вместе с командой! Ловите рыбу!

Я ему объясняю:

— Вообще-то, Ханс, я приехал ставить памятник Остапу Бендеру.

— А кто это такой?

Начинаю рассказывать, что его чтут все предприниматели России, что он всю жизнь мечтал попасть в Рио-де-Жанейро, но так в итоге не попал...

— И что тебе ответил мэр? — спрашивает вдруг Ханс.

— Да я до него не добрался, говорил только с замом...

— Не волнуйся, поставим мы памятник! — говорит вдруг Штерн. — Я мэру деньги давал на его избирательную кампанию!

При мне просит секретаршу соединить его с мэром и говорит:

— Ты что обижаешь моего друга Артема Тарасова? Мне нужно срочно памятник поставить на самом видном месте, прямо на пляже Копакабана!

Мэр просит:

— Ну, может, не в самом центре города?

— Как это не в центре! Прямо в центре пляжа! — Зажимает трубку руками и спрашивает меня: — Артем, сколько тебе нужно метров?

— Четыре квадратных метра! — отвечаю.

— Двадцать четыре метра! — говорит Штерн мэру. — С садиком, и чтобы оградка была, и чтобы люди ходили — там надо все подготовить.

И мэр согласился! Ай да Штерн! Ай да Кирсан с его чутьем!

Я срочно звоню Илюмжинову, и тот дает указание в Пензе отлить точно такой же памятник Бендеру, какой уже стоит в Элисте. Я возвращаюсь в Россию, отправляю памятник в Бразилию, Штерн принимает его на свой склад. Помимо этого, мы договариваемся, что он изготовит приз шахматного Гран-при. Это должна была быть двухкилограммовая золотая доска, а фигуры из изумрудов и других драгоценных камней. Поскольку ее стоимость составляла более полумиллиона долларов, вручать ее мы решили как переходящий приз, и оставаться она будет у Штерна в музее. Значит, достанется нам бесплатно! И каждый раз в Бразилии будет заключительный этап Гран-при. А победители будут увозить уменьшенную копию. Красиво все это было задумано! И опять же ежегодно я намеревался в сентябре быть в Рио-де-Жанейро! В чудеснейшем городе мира, где все мужчины в белых парусиновых штанах и улыбки не сходят с лиц прекрасных бразилианок!

Эта история, согласитесь, очень характеризует Кирсана. А у него таких сюжетов — масса! Например, в тридцать два года он заявил, что станет президентом Калмыкии. И стал! Или сказал, что возьмет на себя тяжелую ношу и будет финансировать шахматы — и ведь финансирует!

На самом деле это не всегда приятно людям, которые работают с ним, потому что он ставит их в трудные, стрессовые ситуации, из которых надо найти выход.

В этом смысле очень характерна история, когда его калмыцкий футбольный клуб «Уралан» вылетел из высшей лиги. В начале 2001 года Илюмжинов набрал новую команду, пригласил тренера и футболистов к себе и сказал:

— Ребята, я сам становлюсь президентом клуба «Уралан»! Если клуб не попадет в следующем сезоне в высшую лигу, я обязуюсь покинуть пост президента Калмыкии и ФИДЕ, потому что для меня это будет полный провал. Я готов вам дать денег столько, сколько надо. Но теперь мне нужно в ответ получить какие-то ваши гарантии, что вы тоже чем-то рискуете в своей жизни, принимая эти деньги, — говорит Кирсан.

Все были обескуражены, пообещали, что станут работать изо всех сил, стараться...

— Нет, — говорит Илюмжинов, — так дело не пойдет! На весах с разных сторон должны лежать равные обязательства! Если вы не выйдете в высшую лигу, я лишаюсь всего — и президентского кресла, и всей моей карьеры! Вы тоже должны быть готовы к лишениям! — После чего достал несколько десятков пуль и сказал: — Давайте так. Если «Уралан» не выходит в высшую лигу, вы в конце сезона идете в степь и все стреляетесь. И напишите бумаги, что в вашей смерти просите никого не винить! Я рискую всей своей жизнью — и вы рискуйте!

И раздал каждому по пуле.

В итоге «Уралан» вышел в высшую лигу за один сезон, и все футболисты вернули Илюмжинову по пуле, которые хранили год...

Буддийская философия, исповедуемая Кирсаном, накладывает отпечаток на все его действия. За его счет кормится огромное количество людей. Деньги к нему приходят со всех сторон и разлетаются мгновенно. Получая от спонсоров миллион, он тут же тратит 999 тысяч. Он может месяца три-четыре сидеть вообще без денег. Много раз Кирсану приходилось захлопывать все свои счета. А люди его часто надувают, пользуясь странной манерой Кирсана тратить до копейки все, что он получает, и воруя в его окружении просто по-черному!

Причем удивительно то, что люди, которые его обманывают, не попадают в разряд его врагов, он просто этого не замечает. Но, к сожалению, с легкостью отказывается от многих своих друзей.

Илюмжинов живет по наитию. Вокруг него ошивается огромное количество колдунов, астрологов, предсказательниц,

они гадают ему на картах и по руке и еще бог знает как! Его ведут несколько женщин, которые придумывают ему — как мне кажется! — экзотические идеи и проекты, но он их все время исполняет.

Безумно интересно отношение Кирсана к женщинам. Илюмжинов напоминает мне Илюшу Медкова: он так же бурно реагирует на женщин, дарит им квартиры и машины и еще множество фантастических подарков. Может быть, в этом тоже есть что-то буддийское: она ему отдает себя, а он ей взамен отдает внимание и организует благополучие. Ему опасно заводить женщин, потому что кончается тем, что они от него без ума. Слухи о его невероятной щедрости приводят к тому, что все мечтают с ним познакомиться...

Впрочем, в общении с дамами он тоже руководствуется напутствием, которое получает 20 февраля каждого года от одного буддийского монаха, по-моему, настоятеля храма в Элисте. Тот задает ему сексуальную установку на год. Весь 2001 год, например, Кирсан провел только с одной женщиной. Поскольку монах сказал: первая женщина, с которой ты переспшишь, должна быть с тобой весь год! Попалась девушка, великолепно прожила с ним весь год, он подарил ей автомобиль, бриллианты, возил по экзотическим странам и действительно ни с кем, кроме нее, не имел отношений. Были годы, когда ему вообще запрещалось заниматься сексом, а были и наоборот: трахать все, что движется!

Кирсан постоянно носит в кармане освященный рис. Допустим, он сидит у телевизора, смотрит, как играет «Уралан», и бросает зерна риса, пытаясь таким образом как-то повлиять на результат матча. Людям, далеким от этого, все это кажется смешным и нелепым. Но ведь это работает!

Кирсан реально готовит себя к монашеской жизни. И любой сильный и неожиданный стресс в его жизни приведет к тому, что он действительно уйдет в монахи.

Как бы Илюмжинов ни относился ко мне, но в любое, самое сложное время он может на меня рассчитывать. Если услышит меня Будда или прочтет эту книгу, пусть пошлет он Кирсану терпимость. Все остальное у него уже есть.

Мне всегда было легко общаться с Кирсаном, и я ни разу в жизни его не обманул. Но его окружение, где ошивается масса вороватых прихлебателей, возненавидело меня немедленно при появлении рядом с ним. Они ждали, когда же меня можно будет отстранить от Илюмжинова, чтобы безраздельно обладать его вниманием и жить на его деньги. Поскольку мне приходилось работать на шахматы, не щадя своего времени, сил и денег, я, конечно, сознавал, что поводы для «нашептывания» и фискальства будут появляться все время, чем и пользовались мои недоброжелатели.

Но, знаете, если ваше отношение к человеку искреннее, вы должны быть морально готовы на жертвы. Этим все и проверяется. Я теперь осознаю, что был готов на жертвы ради Кирсана и нашей дружбы. Хотя в наши времена это кажется таким нелепым, морально устаревшим антиквариатом, пахнущим благородством, которое больше не ценится в российском обществе. Времена офицеров и дворянской чести прошли безвозвратно...

История с шахматным Гран-при в Дубае, которая чуть не кончилась для меня полной катастрофой, положила начало концу наших отношений с Кирсаном и моего увлечения шахматами.

В 2001 году Илюмжинова пригласили на «Дубай Опен» — чемпионат, который проводила местная федерация, и я решил полететь с ним. Тем более что в Объединенных Арабских Эмиратах жил мой очень хороший друг, тоже член Клуба молодых миллионеров Омар аль-Аскари, а я очень хотел его повидать.

Дубай поразил сознание мое и Кирсана своим размахом в строительстве и бизнесе. Там был построен мраморный шахматный дворец, которым руководил местный предприниматель. Он встретил нас великолепно, а вскоре я нашел и Омара. Оказалось, что мой друг был правой рукой шейха из правящей семьи Абу-Даби и мог решать любые вопросы в Эмиратах. Я говорю Омару:

— Мы хотим учредить в Дубае огромный ежегодный международный турнир. Можешь нам помочь?

Омар отвечает:

— Прекрасно, я тебя сведу с шейхом, и вы обо всем договоритесь.

Эта новость меня очень сильно обрадовала. Кроме моих шахматных интересов, у меня был грандиозный проект получения дождя в пустыне! Один российский изобретатель придумал, как это сделать, и нуждался в финансировании идеи.

На встречу с шейхом надо было ехать в его загородный дворец в пустыне. Я добрался туда к обеду. Солнце нещадно палило, но сухой воздух пустыни был очень приятным. Мы заехали в оазис, заросший тропической растительностью, где не умолкала пели экзотические птицы — скворцы Майна и где струился аромат райского вида цветов.

Там стоял роскошный дворец с изразцами. В огромном зале сидели люди и ждали. Я тоже нашел себе место и присоединился к ожидающим приема. Наконец вошел шейх, сел на некое подобие трона, обвел присутствующих взглядом, увидел меня и поманил к себе пальцем. Я встал со своего места и подошел к нему. Он пальцем указал сидящему рядом пойти на мое место, а меня усадил у трона по левую руку.

Все это происходило без слов, как будто никто не хотел нарушать звуками звенящую тишину пустыни.

Я интуитивно воспринял правила поведения и тоже сидел молча. Тем временем начался прием. Он проходил достаточно занимательно. Шейх указывал на кого-то из собравшихся перстом, и тот подходил к нему вплотную, опускался на одно колено рядом с тронем, и они, в полном смысле этого слова, начинали шептаться! Я сидел рядом, но даже если бы понимал арабский язык, ни за что не расслышал бы ни единого слова из их разговора. Шейх иногда кивал положительно или отрицательно что-то коротко и отрывисто спрашивал, снова кивал, и наконец проситель отходил, пятясь задом, а его место занимал следующий.

Шейх выглядел очень внушительно. Поверх такого же белого балахона, как у всех, на нем была накидка из золотой парчи. Черная борода и усы почти закрывали его лицо, и только глаза блестели из-под бровей, как два угля, выгашенные из печки.

Неожиданно все резко поднялись и пошли к выходу из зала. Я последовал за ними. У входа в другой зал все сняли обувь. Я понял, почему арабы предпочитали носить сабо, — чтобы было всегда легко их снимать и надевать. Пока я расшнуровывал ботинки, вошедшие в новый зал упали там на колени и стали молиться. Пришлось мне пятиться задом на улицу, в одних носках, а там снова зашнуровываться.

После молитвы толпа проследовала в трапезную — огромную комнату, в которой на ковре лежала клеенка, заставленная доверху всякой едой. Тут были и жареное мясо верблюда, и мясо полудиких арабских коз, и рис, и фрукты, и сладости — все вперемешку. Просто горы из разной еды! Все опять сняли обувь и уселись на полу, оперевшись левой рукой, а правой начали есть. Ни вилок, ни ложек не было, только кривые арабские ножи. Ели все очень быстро, забирая полные ладони текущей сквозь пальцы пищи.

Сам шейх ничего не ел, а только ухаживал за посетителями. Я опять сидел рядом с ним, и он накладывал мне огромные куски мяса, рыбы, овощей и поливал все это сверху подобием кефира. Потом перемешивал в моей тарелке своей рукой и, показывая на рот тремя пальцами, предлагал есть. Я с удовольствием ел руками, так как вырос в Сухуми, где в мегрельских семьях также предпочитали есть руками. Мне это не было в новинку.

Весь обед занял едва ли больше десяти—пятнадцати минут. После трапезы все встали, подошли к стене, вдоль которой располагались обыкновенные умывальники с железными раковинами, и помыли руки мылом. Потом, поклонившись шейху, вышли из зала, где он остался один, чтобы спокойно поесть. «Может быть, он испытывал на нас, не отравлена ли еда?» — подумал я, но эти мысли отогнал.

Ждать его отправились в беседку, которая представляла собой круглую ротонду с пирамидальной крышей, похожую на монгольскую юрту. Только стены были не из шкур, а плетенные из прутьев.

Вскоре опять появился шейх, и снова все приподнялись, приветствуя его в беседке. Началась медитация. Многие вытащили четки и стали перебирать черные камушки в руках. Все

вдыхали свежий пустынный воздух, молчали, так продолжалось около получаса. В какой-то момент мое внутреннее напряжение от неестественной для меня обстановки прорвалось, и я вдруг громко произнес:

— Вообще-то я приехал обсудить турнир Гран-при!

В тишине мой возглас прозвучал невероятно громко! Мне стало очень неудобно, а шейх просто взглянул на меня и развел руками в стороны.

— Подожди, — прошептал он и кивнул в сторону одного из посетителей.

Часть посетителей, которые, видимо, приезжали только на обед, удалились, и опять начался прием оставшихся, шушуканье и кивки...

Людей становилось все меньше и меньше. Я начинал понимать, что, поскольку я был единственным иностранцем, мне было уделено особое внимание в зале и за обедом, но в то же время шейх перед всем народом демонстрировал, что его подданные имеют необратимый приоритет перед иностранцем. Сначала все они, а потом уже приезжие.

Поэтому вскоре я остался один.

— Что ты хочешь? — спросил шейх шепотом.

— Гран-при по шахматам! — ответил я голосом заговорщика.

— Будет! — сказал шейх.

На этом прием был окончен.

Я-то рассчитывал обсудить с ним детали, подписать какой-нибудь протокол о намерениях или чтобы шейх хотя бы на моем письме расписался. А получил одно короткое слово, которое никак использовать не мог.

На обратном пути в Дубай, расположенный за двести пятьдесят километров от дворца в пустыне, я почувствовал большое разочарование и недовольство проведенными «переговорами». Добрался в отель затемно, завтра в двенадцать часов ночи мне надо было улетать в Москву — рассказывать Кирсану о договоренности насчет Гран-при. Позвонил Омару, а он, как назло, улетел по своим делам в Пакистан.

Утром только встал, как раздался телефонный звонок, и грубый мужской голос говорит по-английски:

— Привет!

Я спрашиваю:

— Это кто?

— Это шейх! Я приглашаю тебя на обед сегодня к восьми часам вечера в Абу-Даби. За тобой придет машина.

А я находился в городе Дубай, что в ста пятидесяти километрах. Как же я мог успеть к самолету обратно после обеда?

Я говорю:

— Шейх, я бы с удовольствием, но у меня в двенадцать самолет.

— Знаю, — ответил шейх. И повесил трубку.

За мной приехал «Роллс-Ройс», я положил свой багаж в машину, и мы поехали в Абу-Даби. Трасса между этими городами потрясающая: прямая, как стрела, и дорожное покрытие мягкое и гладкое. Мы выехали в шесть и уже через сорок минут преодолели почти сто восемьдесят километров и были на месте. Меня завезли прямо в «Гранд Отель», где уже ждали и предложили номер.

— Да не могу я вселяться! Я обратно должен через три часа уезжать. У меня самолет из Дубая в двенадцать ночи, а в восемь еще обед с вашим шейхом!

— Ну и хорошо, — сказали мне в ответ. — Сейчас только семь часов вечера. В восемь вас отвезут на обед, а пока вам снят номер, чтобы освежиться и отдохнуть после дороги.

И меня проводили в пентхаус гостиницы «Гранд Отель», в президентский пятикомнатный люкс. Не найдя чем заняться в течение часа, я включил телевизор и принялся смотреть спортивный канал.

— — —

Ровно в восемь меня отвезли к небоскребу в центре города. Мы поднялись на лифте на последний этаж, причем кнопки этого этажа в лифте не было, и сопровождающий повернул маленький ключик, чтобы подать сигнал к подъему. Я вышел из лифта. Человек, который меня привез, пожелал мне приятного вечера и подтвердил, что машина будет ждать меня внизу и отвезет в аэропорт города Дубай.

Когда закрылись двери лифта, я почувствовал, что чего-то не хватает! Во-первых, на шахте лифта не было кнопки его вызова. А второе — не было лестничного проема! Место напоминало бункер, в который нельзя было попасть самостоятельно.

Передо мной была одна-единственная массивная дверь, куда я стал звонить, но никто ее не открывал. Времени было двадцать минут девятого, у меня в Дубае самолет, расстояние между городами сто пятьдесят миль, а тут кричи не кричи — никто тебя не услышит...

Через пять минут безуспешных попыток я решил стучать в двери шахты, но тут же понял нелепость этого поступка. Даже если бы кто-то и услышал меня ниже этажом, подняться сюда не имел никаких шансов. И вот в минуту последнего отчаяния вдруг входная дверь отворилась. За ней появился индиец в чалме и жестом пригласил меня войти. Неужели он шел к двери десять минут, чтобы открыть? А почему бы нет? Я стал понимать, что люди здесь жили в абсолютно другом ритме. Зачем торопиться?

Слуга провел меня в зал и предложил сесть на диван. «Телевизор включить?» — спросил он меня жестом. Я согласился и стал смотреть телевизор. Шейха не было и обеда тоже!

Так прошло около часа! Даже мое невероятное терпение, выработанное годами рыбной ловли, не спасало. Я нервничал. Когда стрелки часов перевалили за пятнадцать минут десятого, я вскочил с дивана и решил уехать. И в этот же самый момент, как фокусник, практически ниоткуда, из какой-то потайной двери появился шейх.

Он улыбнулся, снял платок с головы и обратился ко мне на чистейшем английском языке:

— Я прошу у вас извинения за то, что заставил столько ждать! Сейчас лето, и все министры в отпусках. Я тут практически один остался и выполняю их обязанности. Эх! Надоели мне эти обязанности! Что будем пить?

Такой вопрос в мусульманской стране от шейха показался мне странным.

— Воду без газа, — ответил я.

— Нет-нет, ни в коем случае! Давай пить водку! — сказал шейх.

Слуга тут же принес два графина: в одном теплая водка, в другом — апельсиновый сок. Шейх налил одну треть сока и две трети водки в хрустальный стакан и предложил мне.

Я говорю:

— Не могу я это пить, ваше сиятельство. Если уж водка, то мне нужна холодная и закуска, например огурец.

Тогда мне принесли замороженную бутылку «Столичной» и один свежий, порезанный на кусочки огурец. Хоть бы соль дали! Но больше ничего не было. И мы начали пить. Неужели это был такой обед, на который я приехал?! Обстановка становилась непонятной и для меня все более необъяснимой. Я выпил с ним залпом три или четыре дозы водки. Причем шейх наливал мне столько же холодной водки, как себе теплой с соком.

От голода, усталости и неопределенности я захмелел.

Потом шейх говорит:

— Пойдем, я тебе покажу мою квартиру. Это абсолютно секретные апартаменты, здесь бывают только самые мои близкие друзья. Поскольку ты друг Омара, то и мой друг!

Тут, честно говоря, в мою голову полезли разные нехорошие мысли. Думаю: «Может, шейх нестандартной сексуальной ориентации? Может, я ему понравился? Но я же не молодой уже, не мальчик, что он во мне нашел?» И поскольку в этом смысле я девственник, то решил сопротивляться вплоть до рукоприкладства.

А мы как раз начали обход его трехэтажной квартиры с посещения нескольких спален. Потом поднялись на крышу здания, где под прозрачным куполом помещались спортивный зал и бассейн с мозаикой и мраморными скульптурами по краям. Мне приходилось в жизни видеть разные богатые жилища, так что удивления я не испытывал, а продолжал в основном думать, как отсюда срочно уехать. Через два часа у меня был самолет из другого города. А я уже пьяный, меня просто могут в аэропорту задержать и даже посадить за это!

Когда осмотр закончился и мы вернулись в зал, к моему счастью, стол был накрыт. Там были все необходимые приборы, неопишуемые яства — от омаров до жареных козлиных яичек,

и мы стали есть вместе, что также надо было воспринимать как жест особого доверия со стороны его высочества.

Я решил не смотреть на часы, но, по моим подсчетам, уже было около десяти вечера. Мы быстро поели и еще выпили два или три раза.

По ходу шейх говорит:

— А хочешь, кино посмотрим?

Я был на грани. Думаю: «А мне все равно!»

— Хочу, — говорю, — кино! Давайте кино!

Он вставил кассету в видеомагнитофон, и первый же кадр меня чрезвычайно обрадовал. Шейх возник на экране в обнимку с двумя едва одетыми блондинками. У меня на душе сразу потеплело. Ориентация не подвела!

Фильм был о том, как шейх путешествует на своем самолете по разным странам. Чили, Аргентина, Мексика, Индонезия... Везде рядом с ним полуобнаженные красавицы, голливудские звезды, посещение достопримечательностей, обеды, пьянки, все целуются, развлекаются, дурачатся. Шейх одет в шорты, в несусветные майки, джинсы. Никакой разницы с сопровождавшими его людьми, среди которых мой друг Омар, также отрывающийся по полной программе!

— Ты, наверное, думаешь, почему я тебя позвал? — вдруг спросил шейх.

Я говорю:

— Если честно, то только об этом и думаю!

— То, что ты видел на экране, бывает у меня раз в год. Семья выделяет мне самолет и пятнадцать дней для отдыха в любой точке земного шара, куда я хочу полететь. Вот так я и отдыхаю со своими друзьями. — Шейх выпил еще стакан и продолжил: — Я в Россию хочу! Я столько читал о Санкт-Петербурге, столько знаю о Москве. Ты можешь мне подобное устроить?

Вот все и прояснилось! Восточный способ разговора и решения вопросов. Конечно, я мог все это устроить. И посчитал это гарантией того, что и мне будет здесь все устроено. И Гран-при, и бизнес-проекты!

— Ну, конечно, могу, с удовольствием, — ответил я.

— Тогда я жду от тебя программу посещения России. Пока. Машина внизу.

— Но я же пьяный, а у меня самолет в Дубае, скоро совсем...

— Все предусмотрено, — говорит шейх. — Я предупредил, что прямо к трапу подвезут пьяного русского. А до этого момента не вылетать! Тебя подождут столько, сколько надо.

Так все и произошло. Рейс был задержан. Я оказался в самолете без прохождения таможи и даже без посадочного талона! Утром я уже был у Кирсана и рассказал ему о просьбе шейха и разговоре о шахматном Гран-при.

— — —

Мне пришлось разрабатывать программу посещения шейхом России, в которой я сам уже не проживал почти шесть лет. Если бы не помощь Кирсана, программа могла бы и вовсе не состояться. Ведь его высочество не хотел никакого официоза во время своего визита, только отдых и развлечения.

Мы решили начать его турне с Санкт-Петербурга, потом отправиться в Москву, затем в Ялту и закончить путешествие в Калмыкии. Далее шейх собирался двинуться в Лондон, а по пути залететь еще в Вильнюс.

В Санкт-Петербурге мне было легче всего. Еще не совсем утихли отзвуки баталии с выборами мэра города в 2000 году, в которых я участвовал. У меня остались ребята из моего предвыборного штаба. Откликнувшись на призыв «встретить и проводить» его высочество, они слепили программу с посещением Эрмитажа, Петергофа, Павловска, катанием на «Стреле» по Неве и вечерними походами по значным питерским местам. Приятели Кирсана, местные бизнесмены, добавили посещение Кронштадта со стрельбой из пушки и аренду знаменитого эротического клуба «Доллс» со всем его женским контингентом на весь вечер.

Далее по всему маршруту тяжесть приемов ложилась на плечи Кирсана. У меня практически не осталось в России связей, которые могли бы обеспечить высокий уровень сервиса молодому монарху. Мои идеи посетить Хохлому, музей художника Шилова, Московский Кремль с Алмазным фондом и Оружей-

ной палатой явно не работали отдельно от ресторанов, клубов и закрытых бань.

В Ялте благодаря знакомству Кирсана с президентом Украины Кучмой шейха ожидала бывшая госдача на берегу моря, экскурсии по дворцам, дегустации коллекционных вин в Массандре и пышные вечерние обеды с оркестром на частном пляже.

А Калмыкия обещала встретить его высочество национальным праздником в степи, охотой на волков с вертолета и множеством концертов фольклорных ансамблей.

Удовлетворенный программой, я снова полетел в Абу-Даби, чтобы присоединиться к шейху и вылететь вместе с ним для ее реализации.

Мы должны были стартовать с частного аэродрома. Самолет «Боинг-737» с эмблемой Арабских Эмиратов, переделанный под частный салон, поражал своим великолепием. Внутри он был оборудован всем необходимым — от мягких кресел, превращающихся в спальные места, до небольшого бассейна с джакузи.

Наша группа состояла из десяти путешественников, друзей шейха, его постоянных попутчиков, которых я видел в фильме, и двух слуг. Среди них выделялся личный телохранитель шейха: двухметровый гигант с выражением лица, напоминающим самца мандрила. При таком свирепом виде он оказался очень мягким и покладистым человеком, просидевшим все путешествие в номерах рядом с багажом шейха.

Шейх задерживался. Мы слонялись по аэропорту и ждали отлета.

Частный аэропорт, как и все публичные места в Абу-Даби, просто утопал в зелени и цветах! Мы ждали шейха сначала в просторном зале, а потом вышли на улицу. Я знал уже секрет такой бурной растительности в пустыне Аравийского полуострова. Ежегодно подданные шейха высаживают в окрестностях города Абу-Даби два миллиона деревьев. К каждому дереву подводится специальная подземная трубка, по которой прямо к корням подается пресная вода. Она вырабатывается мощнейшей атомной опреснительной станцией, стоящей в Персидском заливе, и ее недостатка практически не чувствуется. Они

могут себе это позволить: здесь добывается восемьдесят процентов всей нефти страны — почти половина добычи нефти в России. Только живет в Эмиратах всего три миллиона человек. Вот вам и простой рецепт процветания страны.

Шейх очень любит вспоминать свое трудное детство. Тогда не было не только минеральной воды в бутылках, которая сегодня продается в Абу-Даби на каждом шагу, но даже элементарных школ и больниц. Не было богатых и вообще никаких классов — все жители были поголовно нищими и жили вместе с верблюдами и козами в сделанных из глины хижинах.

В конце шестидесятых, когда родители шейха получили первые деньги от нефти, его отправили учиться в Англию. Там шейх, первый в своей семье, научился есть вилок и ложкой. Из школы, где имелась одна книжка — Коран, он попал в Оксфорд! В школе не было даже часов, и учитель, чтобы следить за временем, втыкал палку в песок. Когда ее тень ложилась под определенным углом, урок заканчивался...

Шейх был очень больным ребенком, поскольку страдал от истощения в последней стадии. Его лечили старинным арабским способом — прижиганием вокруг пупка, чтобы воздух и вода, скопившиеся в дистрофичном организме, могли выйти наружу...

Несмотря на то, что семья шейха была нишей, она правила страной с семнадцатого века.

То ли дело теперь! За каждого новорожденного младенца государство выплачивает семье пятьсот долларов в месяц до его совершеннолетия. Если в семье всего пять детей — две тысячи пятьсот долларов. Каждому коренному жителю дарится дом, причем когда семья увеличивается, он бесплатно обменивается на больший по размеру, а прежний остается в собственности семьи.

В Абу-Даби теперь создана прекрасная система образования. Поэтому только двое детей шейха учатся за границей, остальные дома. Всего у шейха четыре мальчика и пять девочек.

Правительство Арабских Эмиратов и семья шейха по сути одно и то же. На всех самых ответственных постах находятся дяди шейха, его кузены, племянники, братья и другие дальние

и ближние родственники. Даже номера на автомашинах в Эмиратах сразу же говорят о том, кто едет. Короткие, состоящие из двух цифр или букв, — самые влиятельные члены правящей семьи. Потом из трех цифр и так далее.

Надо сказать, что без своего золотого облачения выглядит шейх не очень по-королевски: невысокий, узкоплечий и очень раскованный. Он любит хохмить, позволяет своему окружению всякие фамильярности и высказывания в свой адрес, но неожиданно может прикрикнуть на сопровождающих и взглянуть так жестко, что это всех осаживает в мгновение ока и демонстрирует его могущество.

Объединенные Арабские Эмираты состоят из девяти эмиратов, которые когда-то объединились и образовали страну. Во главе каждого стоит свой шейх. И эти девять шейхов выбирают главного, правителя всей страны. Нынешнему главному шейху девяносто два года, и, когда его не станет, состоятся новые выборы. Правда, их результаты уже определены. Поскольку из всех эмиратов Абу-Даби дает наибольшие финансовые средства в казну, правящим всегда выбирают шейха из Абу-Даби.

Исполняя обязанности министра, шейх имеет право параллельно заниматься бизнесом. У него личный банк, а также несколько очень успешных туристических фирм, отелей и еще энное количество предприятий поменьше. Но основной доход, который делится в семье согласно старой, раз и навсегда установленной договоренности, это, конечно, нефть.

При нынешней продаже более трех миллионов баррелей в день семья шейха зарабатывает в год примерно сто пятьдесят миллиардов долларов. Но это не предел — бывали годы гораздо более прибыльные.

В основном деньги вкладываются в развитие собственной страны, с их помощью строят чудеса. Например, в Дубае построили первую в мире семизвездочную гостиницу. Стоимость здания — полтора миллиарда долларов. Подсчитано, что если она каждый день будет занята целиком, на окупаемость уйдет 48 лет. Зачем же такой проект? — спросите вы. Для имиджа, разумеется! Все в мире знают, что на оформление колонн в Эрмита-

же ушло девять килограммов золота, а для дубайской гостиницы «Буш аль-Араб» использовали золота больше полутора тонн...

Три белых «Роллс-Ройса» появились вдали, приближаясь к аэропорту. Оживились чиновники, свита и ожидавшие. Его высочество быстро вышел из машины и направился прямо на поле аэродрома. За ним следом двинулся «мандрил» и далее все мы. Шейх поднялся по трапу первым, кивнул встречавшей стюардессе и занял в салоне свое место у окна.

Наш полет длился почти пять часов, но трудным не был. По мере удаления от Эмиратов шейх и сопровождающие его друзья становились все более и более свободными. Иногда мусульмане говорят, что когда человек уезжает из святого места, Аллах не следует за ним и перестает следить за праведностью его поведения. Поэтому можно слегка облегчить жесткие ритуалы, даже потреблять алкоголь и связаться с гулящей женщиной без обязательной прописки ее в гареме.

В Питере нас встретила толпа моих и кирсановских друзей, а также девушки в сарафанах под музыку балалаек и с большим свежеиспеченным караваем в руках.

Так началось наше незабываемое загульное путешествие с арабским принцем по России, Украине и Литве. Простите, частное, а значит, без особых подробностей...

— — —

Кирсан тратился по полной программе. Я тоже не особенно считал деньги, оплачивая поездку его высочества. И, разумеется, на все наши вопросы, будет ли в Абу-Даби Гран-при, шейх отвечал однозначно: будет!

А дальше начался месяц Рамадан, когда ничего не решается, люди вообще не работают. После Рамадана шейх улетел на полтора месяца в Пакистан охотиться с соколами на дрофу и к работе собирался приступать только в феврале. А уже в марте было запланировано открытие турнира Гран-при по шахматам. Понимая, что с таким расписанием к марту мы никак не укладываемся, я договорился о переносе срока турнира на второе апреля. Мы известили всех шахматистов, заказали гостиницу, внесли аванс и подготовили к выпуску брошюру турнира.

Прилетаю к шейху и говорю:

— Ну вот, мы назначили Гран-при на второе апреля, все в порядке.

И шейх сказал:

— Отлично, завтра приходи ко мне, я тебе дам ответ.

Я знал, что работа в Абу-Даби уже началась: еще в феврале шейх призвал министра спорта и дал поручение готовить турнир. Кроме того, он показал знаменитой английской фирме «Октагон», которая взялась раскручивать шахматы, абсолютно закрытый частный клуб, утопающий в золоте, и пятизвездочный отель, который он отдает под Гран-при. Поэтому я прилетел, чтобы получить деньги для призовых выплат и договориться о размещении рекламы.

Прихожу на следующий день, довольный, и вдруг шейх общается:

— Ты знаешь, мы подумали — в этом году Гран-при не стоит делать, надо его перенести на следующий год!

И вот ситуация: двадцать дней до серьезнейшего международного турнира, у всех гроссмейстеров уже взяты билеты — и вдруг такой облом! Денег на турнир нет, клуб не выделен, гостиницы нет, покровительства шейха тоже нет! А у Кирсана нет ни копейки денег, потому что он только что отдал пять миллионов «Уралану» и еще пять — на чемпионат мира по шахматам в Москве, который только что прошел в феврале. Что делать?

Дозвониться до Илюмжинова было очень сложно. Пишу ему письмо и посылаю по факсу: «Кирсан, что делать? У нас есть несколько выходов: ты можешь объявить, что шейх не дал денег, мы ликвидируем этот этап Гран-при и перенесем его в Москву или в Элисту в Калмыкию. Второе: мы переезжаем в Дубай, соседний эмират, и пытаемся что-то устроить там, потому что в Абу-Даби без покровительства шейха ничего делать нельзя. А в Дубае есть возможность быстро такое покровительство получить от местного шейха».

Кирсан не отвечает ни на одно из этих писем. Я в жутком состоянии еду в Дубай и иду к директору местного шахматного клуба. И он мне говорит: «Знаешь, Артем, я не могу пойти к дубайскому шейху, потому что абу-дабийский отказал. Я готов те-

бе помогать, но первое, что ты должен сделать, — это добиться, чтобы абу-дабийский шейх дал слово, что возражать не будет».

Звоню Омару, который связал меня с шейхом. Тот говорит:

— Мне так стыдно за него, я все, что мог, ему сказал, но ты пойми — больше я ничего не могу. Я дам тебе немного своих денег. Конечно, я возьму с него слово не препятствовать организации турнира в Дубае. Чем тебе еще помочь?

Я говорю:

— Сходи к нему! Дальше я сам попробую выкрутиться.

Вскоре Омар перезванивает: шейх обещал не мешать и даже помочь, если нужно.

После этого директор клуба в Дубае идет к местному шейху, и тот говорит:

— Дам покровительство, но ни копейки денег не ждите!

И вот началась страшная работа: за двадцать дней подготовить турнир. А это еще сезон, гостиницу снять безумно сложно. Я все-таки нашел гостиницу рядом с клубом, оплатил ее из своего кармана. Договорился о том, чтобы в городе вывесили сорок пять рекламных щитов, нашел транспорт. Появилось агентство Рейтер, которое предложило стать генеральным информационным спонсором. Дубайский аэропорт дал в качестве спонсорской помощи на сто восемьдесят тысяч долларов рекламного пространства. Фирма «Нид» предоставила компьютеры в прокат. То есть дело стало двигаться, но нужен был призовой фонд. Исходя из обещаний шейха, он составляет полмиллиона долларов!

Пытаюсь найти Илюмжинова, тот молчит. Директор клуба требует его приезда хотя бы за пять дней, чтобы провести пресс-конференцию, которая даст толчок прессе.

Наконец Илюмжинов объявляется и прилетает на своем самолете. И я абсолютно уверен, что в сумках, которые несет за ним секретарь, деньги — ведь призовой фонд нужен уже на второй день после начала игры, когда вылетают первые шестнадцать участников и им надо платить. Радуюсь:

— Как хорошо, Кирсан, что ты привез наличность.

Он говорит:

— Какая наличность? У меня с собой ничего нет!

Ситуация просто безумная. А тут еще «Октагон» — второе по величине в мире спортивное маркетинговое агентство из Англии, которое мы наняли, привез огромное количество аппаратуры, целую студию: впервые шахматы должны были попасть на телевидение. И им надо заплатить за работу сто пятьдесят тысяч долларов...

И вот на открытии Кирсан объявляет:

— Призового фонда нет, потому что его не обеспечили компания Тарасова и «Октагон», они во всем виноваты. Поэтому, чтобы выйти из ситуации, я могу покрыть только сто двадцать тысяч.

Надо понять ситуацию. Ведущие шахматисты, которые считают себя гениями, до таких мелочей, как и откуда берется их призовой фонд, не опускаются! Платите и все, раз обещали! Тут четыре ведущих шахматиста — Лeko, Халифман, Морозевич и Бареев, все из первой десятки имен — заявляют, что завтра улетают с турнира!

Ну, один из них — Лeko — венгр, а наши-то неужели не могли понять, что мы из кожи вылезли, организовали им турнир, смогли найти столько, сколько смогли, и подставили нас неожиданно! Нет! Никакого сочувствия и понимания! С нормальными легче, чем с гениальными. Хорошо, что на свет не все рождаются гениальными шахматистами!

Назавтра первый игровой день, и бывший чемпион мира Халифман на игру не выходит. Ночью он напивается, приходит утром абсолютно пьяный и говорит, что отправляется за билетами. И тут Кирсан, поддаваясь шантажу, говорит: «Хорошо, я удваиваю фонд — двести сорок тысяч! Но, поскольку виноваты Тарасов с «Октагоном», я увольняю Тарасова ирываю контракт с «Октагоном»!»

Конечно, это было несправедливо. Менеджеры «Октагона» были потрясены: их репутация как ведущей маркетинговой фирмы поставлена под страшный, совершенно незаслуженный удар! Они сделали огромную работу, договорились со 120 телевизионными станциями, что покажут Гран-при, и никогда не обещали найти для турнира призовой фонд!

Президент «Октагона» звонит Кирсану и просит о немедленной встрече. Тот говорит: «Я сейчас улетаю и прилечу только к закрытию. Появляйтесь девятого числа, когда я буду вручать приз, мы с вами пообщаемся». Это была уже третья встреча, назначенная Кирсаном: на двух предыдущих он просто не появлялся.

Президент «Октагона» прилетает — Кирсана опять нет. Он звонит в Дубай: «Мне в глаз попала соринка, мне делают операцию, я не могу приехать». Возможно, действительно все так...

А мне надо платить!

Я бросаюсь к Омару и занимаю у него сто сорок тысяч долларов для первых выплат призовых. Только Анатолий Карпов повел себя как настоящий человек и джентльмен. Мы стали после этого с ним друзьями, и вся гадость, которую я слышал в его адрес от официальных чиновников ФИДЕ, оказалась пустым вымыслом!

И все-таки турнир состоялся, двести сорок тысяч Илюмжинов в итоге из Москвы перечислил к самому концу чемпионата, и я, вздохнув, вернул Омару долг.

— — —

И вот свершилось: мы с Кирсаном расстались. Мне не хватило примерно полутора лет, чтобы вывести компанию «ФИДЕ-Коммерс» на фондовый рынок, на английскую и американскую биржи. По моим расчетам, мы могли продать процентов двадцать—тридцать за бешеные деньги — за полмиллиарда долларов, потому что компания выглядела очень солидно, через ее счета уже прошло тридцать миллионов долларов. Мы могли привязать ее к началу деятельности ФИДЕ и говорить о том, что компания существует с 1927 года. Для американского рынка этого было бы достаточно, чтобы все бросились покупать наши акции. И кроме того: ведь шесть миллионов человек в мире — это зарегистрированные в клубах шахматисты!

Но Кирсан еще до Абу-Даби решил все переиграть. Я узнал, что ему вдруг позвонил Гарри Каспаров, после стольких лет войны. Они встретились и договорились, что Каспаров снова возвращается в ФИДЕ на определенных условиях. А именно: вся коммерция отходит в руки Каспарова, он рвет все подпи-

санные с «Октагоном» контракты, забирает себе все работы по Интернету, весь наш сайт, который был разработан моими ребятами.

А то, что Каспаров — ферзь, это понятно. Шел 2001 год, двигались выборы президента ФИДЕ. И, конечно, когда Кирсан появился на этом собрании рука об руку с Каспаровым, это обеспечило ему моментальное переизбрание. Он прослыл героем, который объединил развалившиеся мировые шахматы.

Чтобы найти предлог для расставания со мной, кроме срыва турнира Гран-при, в котором моей вины не было, а была только заслуга в его проведении, меня «обвинили» в интервью, в котором что-то не так было написано.

Кирсан — игрок, и я не хочу на него обижаться. У нас не было никаких бесед — Илюмжинов не любит никаких разборок, и я не опускаюсь в жизни до таких ненужных разговоров. Он всячески давал понять, что так ему будет лучше. Например, вдруг устроил финансовую проверку деятельности «ФИДЕ-Коммерс». Компания оказалась чистой, ни копейки не было своровано. Более того, я ничего не положил себе в карман, наоборот, мои расходы на шахматы превысили миллион шестьсот тысяч долларов! Ведь я практически на свои личные деньги организовывал чемпионат в Лас-Вегасе. За мои деньги устраивались открытия, закрытия, грандиозные концерты, оплачивались все работы по Интернету, это были очень большие траты. Но я решил, что для проекта, который тянул на полмиллиарда, потеря таких инвестиций не страшна. Хотя, конечно, это очень сильно ударило по моему бюджету...

За время, проведенное в шахматах, я тесно соприкоснулся с миром ФИДЕ и был им буквально потрясен! Среди чиновников ФИДЕ очень много бывших несостоявшихся спортсменов-шахматистов. А каждый шахматист проживает свою жизнь, как шахматную партию. Он просчитывает какие-то жизненные ходы, он все время смотрит на людей, как на своих соперников, желает предугадать их следующий ход, будто от того зависит исход партии или жизни. Точно так же, в принципе, мыслит и Кирсан.

Понятно, что в этой среде я выглядел инородным телом, потому что меня было очень сложно предсказать и рассчитать ис-

ходя из шахматной логики. Они не понимали, почему я трачу свои деньги, а не ворую у Кирсана и ФИДЕ, что планирую делать дальше — тем более, в бизнесе эти люди, как правило, профаны, потому что бизнес и шахматы несовместимы.

В чиновничьем мире ФИДЕ шла постоянная отчаянная подкованная борьба. Там было все: и острые дебюты, и гамбиты с жертвами фигур, и отложенные эндшпили, где все решает кропотливый домашний анализ... Они жили этой жизнью, которая особенно бурлила во время регулярных встреч ФИДЕ. Каждая такая встреча превращалась в целую цепь кулуарных, закулисных бесед друг с другом, и по отдельности, и по парам, и по три человека. Эти люди уединялись, о чем-то шушукались, потом делились на новые пары и тройки, и только после этого шло голосование по какому-то проекту.

Самым эффективным интриганом был уже упомянутый заместитель Кирсана — грек Александриди. Этот удивительный человек мог проводить закулисные переговоры не прекращая буквально по 12-13 часов в день, подсаживаясь то к одному чиновнику, то к другому, уговаривая, объясняя, угрожая... Александриди формировал все «исторические» решения шахматных ассамблей и выполнял роль серого кардинала спорта.

Когда в Стамбуле на 72-м конгрессе должны были утвердить создание «ФИДЕ-Коммерс», Александриди дал мне понять, что утверждение зависит от него и это будет стоить определенной суммы денег, которую я должен изыскать и заплатить. На самом деле не очень много — тысяч сорок долларов.

Я платить не захотел, поскольку понимал, что это все равно потом выплывет наружу. Поэтому когда ассамблея проголосовала за фирму и Александриди должен был официально завизировать решение, он сделал все, чтобы этого не произошло. Сначала у него не писала ручка, потом он сказал, что надо подписывать чернилами и вообще, чего спешить, нужно прочитать последнюю редакцию, которую, разумеется, он читал. В итоге Александриди вывел какие-то жуткие каракули, чтобы потом, когда настанет подходящий момент, сказать, что эта подпись не его...

Впрочем, все это мелочи. Наша кампания, конечно, не должна была так бесславно провалиться. Но все было пред-
решено, даже если бы шейх тогда, как обещал, дал денег.

Главной причиной было желание Кирсана вернуть Каспарова, который, возвращаясь в ФИДЕ, естественно, не стал бы ни с кем делиться деньгами. Он ведь создал свою компанию «Клуб Каспаров» и, по слухам, занял шесть миллионов долларов в банке в Израиле. Эта сумма была благополучно истрачена, но его компания тоже не вышла на рынок, фактически ничего не сделала. И поскольку Каспаров оказался должником перед своими же акционерами, он с таким удовольствием забрал коммерческую деятельность ФИДЕ в свои руки.

Это был очередной очень тяжелый момент, на который наложились мои личные переживания. Я почувствовал, что дальше жить с женой в Лондоне не могу. Мои скитания два с половиной года по всем странам и континентам, где мне приходилось организовывать турниры, привели к тому, что дома в Лондоне мне удавалось бывать не более одной недели в месяц. Это сделало свое черное дело. Семья моя развалилась. Финансовая напряженность после развода усилилась неимоверно. Я оставил жене дом с садом, деньги и переехал жить в корпоративную квартиру вместе с моим генеральным менеджером. Все надо было начинать сначала. И вскоре я понял, что выбора у меня нет: надо возвращаться в Россию.

**ПОЧИТАЙ ОТЦА
И МАТЬ ТВОИХ**

Глава 15 КОРНИ

Моя бабушка Мария Георгиевна прожила до девяноста трех лет. Она рассказывала удивительные истории, созвучные порой тургеневской или толстовской прозе. Со стороны своей мамы, моей прабабушки, Мария Георгиевна унаследовала фамилию Мелик-Гайказова. Приставка «Мелик» у армян означает «сиятельный князь». И, следовательно, по этой линии родословной моим прапрадедом был последний царь Армении — Гайказунь.

Прабабушка, сиятельная княгиня Наталья Николаевна Мелик-Гайказова, жила вместе с семьей то в Санкт-Петербурге, то в Москве и была принята при дворе его величества. Она имела теплые, дружеские отношения с царицей Александрой Федоровной, супругой Николая II и любимой внучкой королевы Англии Виктории. Положение Александры Федоровны в царской семье всегда было сложным, несмотря на большую взаимную любовь между супругами, которую они пронесли через всю жизнь. Эти сложности возникали из-за драматических отношений царицы со свекровью, императрицей Марией Федоровной, которая не принимала ее с самого начала в качестве жены для сына Николая.

Вместе с мужем, российским императором Александром III, Мария Федоровна упорно отвергала свою будущую невестку. Свадьба Николая II состоялась через три недели после смерти отца...

Наталья Николаевна Мелик-Гайказова познакомилась с Александрой Федоровной еще до брака, на одном из светских балов в Германии, во время салонной игры. Девушки встречались и после, обменивались посланиями, делились мыслями о жизни. Она молила Бога, чтобы Александра Федоровна согласилась на брак с Николаем Романовым и смогла

переехать в Россию. О том были письма между Аликс и Натали, так называли себя подруги, хранимые бабушкой вместе с фотографиями, постыдно утерянными мной при поспешной эмиграции из России.

Наследник престола, которому было суждено стать последним русским государем Николаем II, обожал Аликс. Императрица Мария Федоровна же не любила немцев. В девичестве датская принцесса Дагмар не могла забыть, как Пруссия вместе с Австрией под водительством прусского короля Вильгельма в 1864 году напала на Данию и отторгла у нее провинцию Шлезвиг-Гольштейн. Но Николай настаивал на своем, угрожая в противном случае вообще отказаться от престола. Хорошо знавший царя С.Ю. Витте очень точно заметил: «У Николая II упрямство заменяло волю».

Как известно, Николай Романов своего добился, и принцесса Гессен-Дармштадтская стала последней русской императрицей. По мнению историков, большую роль в том, что этот брак состоялся, сыграла королева Великобритании Виктория, подключившая в поддержку своей любимой внучке всю мощь и изощренность британской дипломатии.

Впрочем, отношения свекрови и невестки продолжали оставаться холодными, чтобы не сказать, откровенно враждебными. В январе рокового 1917 года Мария Федоровна записывает в дневнике: «Если бы только Господь открыл глаза моему бедному Ники и он перестал бы следовать ее ужасным советам! Какое отчаяние! Все это приведет нас к несчастью!»

Натали Мелик-Гайказова держала светский салон в Москве. В их особняке собиралась тогдашняя столичная тусовка. Это время уже ясно помнила моя бабушка. Она рассказывала об этих вечерах — вспоминала Станиславского и его манеру ставить развлечения собравшихся, будто в театре; Немировича-Данченко и его интересные шутки и блистательную игру в буриме; одного композитора, который часто приходил и всем надоедал...

— Он как войдет, так сразу же садился за рояль и играл, играл, играл! Не давал возможности петь романсы, и приходи-

лось уединяться, чтобы поговорить. Музыка была неплохая, но ОН САМ! — восклицала бабушка.

— Что?

— Такой неопрятной внешности, лицо длинное, просто лошадиное. И ведь какая наглость! Позволял себе ухаживать за мамой! Как же его фамилия? Вот ведь выскочила из головы! Дай-ка вспомнить...

— Ну все же, как же его фамилия, бабушка? — настойчиво спросил я.

Она задумалась, и вдруг ее лицо прояснилось:

— Ах да! Вспомнила! Рахманинов его фамилия! Точно! Рахманинов! Каков был нахал!

...Бабушка в молодости была красавицей и обладала от природы прекрасным голосом, особенно замечательным тембром: «бархатным» драматическим сопрано. Она брала частные уроки пения в Москве и Петербурге, и ей всерьез предлагали учиться в консерватории, против чего папа категорически протестовал:

— Вот еще! Моя дочь будет артисткой? Этого в нашей семье я не допущу! Мать — сиятельная княжна, а дочь — комедиантка! Ни за что!

Мария Георгиевна окончила пансион для благородных девиц, и папа считал, что для девушки подобного образования вполне достаточно.

Она вспоминала свой выпускной бал. Тогда первый раз решили пригласить лицеистов. Они пришли в серых мундирах с золотыми пуговицами и при шпагах.

Восточная юная красавица, коей предстала их взорам моя бабушка, вызвала огромный интерес у статных молодых людей. Один из лицеистов успел первым пригласить ее на танец. Мария Георгиевна чувствовала себя Наташей Ростовою. Они весело закружились по залу. Завороженная светом и музыкой, она смеялась, закидывая голову назад, опираясь на руку лицеиста в быстром вальсе. А он, восхищенный ее внешностью, в самом конце танца, улучив момент, прикоснулся губами к ее уху. Мария Георгиевна резко остановилась и вlepила наглецу пощечину. Музыка в это мгновение стих-

ла, и поэтому звук от хлесткого удара разнесся по всему залу!

Директриса пансиона, наблюдавшая за воспитанницами, вскрикнула и, негодуя, позвала Марию Георгиевну:

— Как вам не стыдно, мадемуазель Мара! Что за воспитание?!

Мария сделала реверанс и с зардевшимся лицом произнесла:

— Пусть он сам объяснит за что!

После этих слов она бросилась из зала под общий гул собравшихся, обсуждавших ее поведение.

Вся же историческая «соль» данного события заключалась в том, что этим наглецом лицеистом был родственник императора российского, сын великого князя Константина Константиновича, который влюбился в Марию без памяти.

Про сватовство бабушка рассказывала массу трогательных историй. Они были такими нереальными для советского времени, что воспринимались мной как пересказ исторических романов.

...Однажды в 1914 году Наталья Николаевна решила съездить за границу и взяла с собой дочерей. Мария была старшей, почти пятнадцатилетней девушкой, а младшая, Элеонора, семи лет от роду. Цель поездки у Натальи Николаевны была najważнейшая: посетить салоны шляпок в Европе и обновить свой гардероб. Царский рубль был тогда самой стабильной и дорогой валютой. За него давали повсюду большое количество европейских денег. Если сравнивать с сегодняшним днем, рубль тогда стоил более ста долларов. Поэтому российская путешественная семья в любой стране чувствовала себя с рублями в кармане очень уверенно.

В вагоне первого класса поезда Санкт-Петербург—Хельсинки Мария Георгиевна столкнулась лицом к лицу с молодым человеком. Они посмотрели друг другу в глаза — это была любовь с первого взгляда. Ее захлестнула волна не испытанных ранее чувств.

Она прошла в купе, а он остался в коридоре вагона с желанием вновь ее увидеть. И Мария это почувствовала. Она снова вышла из купе и улыбнулась юноше. Они перебросились не-

сколькими фразами по-французски. Когда перешли на русский, девушка отметила иностранный акцент в его речи.

Когда бы Мария ни выходила в коридор, он всегда был там. И она стала придумывать разные поводы, чтобы выйти из купе: то за свежим журналом к проводнице, то посмотреть в окно с другой стороны поезда. Разговор при этих «случайных» встречах не возобновлялся, так как их не представили друг другу.

В Хельсинки попутчик сошел вместе с остальными пассажирами и последовал за семьей Мелик-Гайзаковых. Он поселился в том же отеле и опять мог видаться с Марией по утрам за завтраком, в поездках по городу и по магазинам, за полдником и обедами. Он иногда кивал в знак приветствия, заливаясь румянцем, но к семье не подходил.

Наталья Николаевна вскоре заметила юношу. Да и как такому не случиться, коли он следовал за ними повсюду и сопровождал путешествующих по Европе уже две недели: в Австро-Венгрии, во Франции, в Италии. Княжна сама подошла к нему и пригласила к столу. Это было хорошим знаком.

Напряженность в общении спала. В Венеции юноша улучил момент и признался Наталье Николаевне в любви к ее дочери Марии. Он тут же сделал ей предложение, первое в ее жизни.

Наталья Николаевна удивленно подняла брови и сказала:

— И думать забудьте! Ей всего пятнадцать лет! Этого никогда позволено не будет. Теперь я все поняла! Если вы не прекратите всюду следовать за нами, я обращусь к городовому.

В ту же ночь они тайно съехали из гостиницы в частный пансионат, а утром спешно покинули Италию, так и не насладившись Венецией и не посетив всех шляпных салонов.

Вскоре началась Первая мировая война. Отвергнутый молодой человек был господином Ненадовичем — личным адъютантом его величества сербского короля. Ему тогда едва исполнилось восемнадцать лет. Переживая неразделенную любовь, он упросил короля направить его добровольцем на фронт и получил разрешение его величества. В первом же сражении Ненадович был смертельно ранен и скончался в поле-

вом госпитале. Очевидцы говорили, что он искал смерти в бою...

— — —

Когда Марии Георгиевне исполнилось шестнадцать лет, к ней посватался сын предводителя московского дворянства. Все началось на балу у Морозовых. Следуя последней французской моде, там проводили конкурс красоты среди приглашенных барышень. Каждой из них раздали по номерку, присутствовавшие голосовали тайно. Мария просто блистала в розовом платье с глубоким декольте. Гранатовая диадема на голове сияла в отраженных лучах хрустальных люстр.

Барышни танцевали и украдкой поглядывали на мужчин, пытаюсь определить, кто же проголосует в их пользу. Азарт раскрепощал общество.

Когда же барышням разрешили спеть, Мария Георгиевна поразила всех своим удивительным голосом. Она спела романс «Рояль был весь открыт, и струны в нем дрожали...». Это окончательно вывело ее на первое место.

Сын предводителя вручал победительнице бриллиантовую брошь работы Фаберже. Передавая ее в руки Марии Георгиевне, он как бы невзначай коснулся пальцами ее запястья.

Приехав домой, сын предводителя тут же сообщил, что желает свататься к Марии Георгиевне прямо на следующий день. Родители всегда потакали его капризам, но тут, пожалуй первый раз в жизни, молодой человек столкнулся с сопротивлением отца. Дело было даже не в малолетнем возрасте невесты, а в ее национальности!

— Несомненно, кровей она благородных и веры нашей, православной, — говорил предводитель московского дворянства сыну. — Однако ж, будучи моим сыном, вам, молодой человек, надлежит жениться только на русской. И иного случая мы допустить не можем.

Видя серьезное противление своей воле, он отправил сына в кадетский корпус на польскую границу — подальше от столицы, впрочем, договорившись о приписке его к штабу российской армии.

Тем временем Марии Георгиевне стукнуло семнадцать лет. Наступило самое подходящее время для замужества. Шел уже третий год войны, беспокойный 1916-й. Новый жених появился совершенно неожиданно. Он увидел ее на аллее бульвара издали, но этого вполне хватило, чтобы прислать на следующий день приглашение на обед с намеком на сватовство.

Фамилия жениха была знаменитой не только в Москве, но и во всем мире — Манташев. Ему исполнилось тридцать два года. Умерший Николай Манташев пять лет назад оставил завещание, по которому старший сын мог получить наследство только в том случае, если он женится на армянке.

Николай Манташев был первым российским олигархом. Армянский предприниматель, выбился в люди из простых крестьян. Он прославился тем, что во время кризиса скупил в Баку нефтяные месторождения и вскоре стал третьим в мире после Нобеля и Ротшильдов экспортером нефти.

Николай Манташев умер в 1911 году, завещание оставалось в силе, о нем все знали и говорили, а сын все никак не женился.

Получив это известие, отец Марии Георгиевны — Георгий Христофорович был очень возбужден и обрадован. Хотя сам он происходил из мелких дворян, однако твердо верил в буржуазное будущее России, и поэтому нарождающийся класс предпринимателей был для него и желанным, и близким.

— Что вы так это восприняли? Надо радоваться! Это же сам Манташев! — говорил он жене и дочери.

— Ни за что! — восклицала Наталья Николаевна. — Я свою дочь этому старому развратнику не отдам! Мне дела нет до его миллионов.

— Ну что ты, Натали! Подумайте хорошенько! Любовь пройдет, а что останется? Останутся миллионы. Ты и представить себе не можешь, какая жизнь ждет нашу дочь с Манташевым! Он же все унаследует...

— Я и слышать такие речи не хочу! — сопротивлялась Наталья Николаевна уговорам. — Я и видеть его не хочу, чтобы ноги его в нашем доме не было! Вот увидишь, Георг, я его на порог не пущу!

Родители спорили, а Марии Георгиевне было даже весело. Она толком не рассмотрела Манташева на бульваре и понимала, что в этой ситуации мама ее сумеет защитить.

Наконец отец сдался:

— Хорошо! Бог с вами! Но на обед приглашение мы можем принять, из вежливости?

— Договорились. Пойдем на обед и на этом все заканчивается. А сами позвать их к себе забудем! — сказала Наталья Николаевна, соглашаясь на компромисс.

Подтверждение о визите было отослано. На следующий день внизу перед домом остановился присланный Манташевым один из самых дорогих московских автомобилей. Наталья Николаевна фыркнула, сама в авто не села и не позволила это сделать дочери. Она велела запрячь собственный выезд, а Георгий Христофорович с наслаждением раскинулся на заднем сиденье чуда техники с рычащим мотором.

Гостей встретили на Мясницкой и проводили в гостиную. В огромном мраморном зале был накрыт столик на шестерых. К обеду присоединились и мама жениха, и его дядя, выполнявший роль главы семейства. В лучах солнца, проходивших через витражи стекол, золотая посуда, на которой обедали, отливала темной матовой желтизной. Перед каждым прибором на столе был сооружен хрустальный бассейн, в котором бил вверх на десяток сантиметров фонтанчик из французских духов. Аромат распространялся по всему залу. Наталья Николаевна восприняла все это как проявление полного мещанства, отсутствие вкуса и культуры. Так позже она и комментировала этот прием.

Напротив стола у стены располагался белый рояль, но мама строго запретила Марии Георгиевне петь. Она поймала на себе взгляд дочери, которая молча подтвердила согласие с материнским запретом.

Впрочем, волнения оказались напрасными. Манташевы не планировали самостоятельно музицировать. Просто для развлечения гостей было приглашено несколько артистов из Большого театра. Их имена сегодня известны более, нежели имя хозяина.

На обеде у Манташева весь вечер пели романсы и арии, развлекавая гостей и хозяев, Шаляпин, Собинов и Нежданова. В руке и сердце Марии Георгиевны Манташевым было отказано.

— — —

Конечно, семья моей бабушки тоже была не из бедных. Георгий Христофорович одновременно находился на государственной службе — работал главным инженером электротехнического управления Москвы и в то же время владел семью доходными домами, большим имением под Москвой, заново отстроенным после пожара 1900 года.

Мистическая и таинственная история того пожара осталась у меня в памяти из рассказа моей бабушки на всю жизнь.

Усадьба прадеда не отличалась уж очень изысканным благополучием от соседних, но в целом имение было зажиточным, земли вокруг ухоженными, а сам дом с колоннами производил солидное впечатление. У фасада была разбита круглая клумба с цветами, и дворецкий встречал гостей в ливрее, слегка наклоняясь, когда открывал двери экипажей. С задней стороны дома тоже были колонны, от которых мраморные ступени вели в сад к заросшему пруду, где водились караси.

Когда хотелось жареной рыбы, на огонь ставили сковороды, а пока они нагревались, кучер Тимофей успевал закинуть удочку и выдернуть десяток карасей, которых чистили наско-ро и тут же клали на раскалившиеся сковородки.

Достопримечательностью усадьбы слыли две уютные гостиные: розовая и голубая. Все в этих залах соответствовало их названию: розовые и голубые гардины, стены, декорированные цветным китайским шелком, мебель, обтянутая гобеленами под цвет, и потолки, закрытые собранной в центре тканью. Даже специально заказанные фирме «Блютнер» и привезенные из Германии рояли были голубым и розовым в полной гармонии с обстановкой.

В гостиных собирались вечерами — то в одной, то в другой, играли в карты, музицировали, встречали заезжих гостей из столицы и помещиков из соседних усадеб.

И дня не проходило, чтобы к ним кто-нибудь не навещался. А иногда собирались многочисленные поклонники

Натали, не очень стесняясь ее мужа в своих ухаживаниях за княжной.

Больше любили голубую гостиную, основной примечательностью которой были венские часы. Купленные более ста лет назад, они занимали всю стену. В центре располагался круглый золотой циферблат, а по обе стороны от него две человеческие фигуры в полный рост: женщина в голубом бальном платье с кринолином и мужчина в голубом смокинге. Фигуры эти были выполнены настолько правдоподобно, что выглядели живыми, и входившие в гостиную впервые часто здоровались с ними, к общему смеху присутствующих.

Насколько известно, часы никогда не ходили и украшали зал декоративно. Их пробовали чинить, но тщетно. В механизме непонятого принципа действия, видимо, отсутствовали какие-то важные детали.

И вот однажды, когда семья и гости в очередной раз собрались в голубой гостиной, вдруг раздался бой часов! Это были два отчетливых громких удара — глубокие по своему звучанию и низкие по тону: боммм (пауза), боммм!

Вмиг все перестали разговаривать и, потрясенные, уставились друг на друга, ожидая продолжения. Но больше ничего не произошло. Только два удара часов...

Событие это так и осталось бы событием незначительным и со временем стерлось из памяти собравшихся, если бы не одно обстоятельство. Ровно в два часа ночи загорелась усадьба! К счастью, обошлось без жертв. Но пожар, который начался в голубой гостиной, вскоре охватил весь особняк, сгоревший вместе с часами и всем имуществом дотла.

Для строительства новой усадьбы прадед пригласил итальянских архитекторов. Роспись потолков была заказана господину Лансере, который уже заявил о себе среди московской знати воплощением нескольких удачных проектов. На этой почве и произошло знакомство с семьей Егиазаровых, с которой вскоре и породнились...

— — —

Один из сыновей Егиазаровых — Владимир, или, по-армянски, Ваган, был поразительно красив. У него были редкие

для людей армянской национальности серые глаза, черные вьющиеся волосы, статная фигура. Владимиру было тогда двадцать пять лет, а он уже служил и имел чин поручика. Кроме того, происхождения был дворянского, что очень устраивало Наталью Николаевну.

Мария Георгиевна сама серьезно увлеклась красавцем Владимиром. Она согласилась на тайную переписку с ним после мимолетной встречи на балу у Головниных и девятого по списку танца, ангажированного молодым дворянином. Тайный курьер доставлял запечатанный родовой печаткой конверт прямо на кухню, где фрейлина Ида его забирала и передавала своей воспитаннице, всякий раз грозясь сообщить мадам. Мария Георгиевна заливалась румянцем, тайно читала послание, спрятавшись у себя в будуаре, а потом писала ответ и прятала его за оградой, откуда всякий раз его и забирал курьер Владимира.

Он присылал ей в письмах неплохие сонеты, признавался в любви с первого взгляда, мечтал о встрече, просил сообщить время и место, когда и где она собиралась быть. Она отвечала ему взаимностью и ждала этих посланий каждый день.

Наталья Николаевна, конечно, была в курсе происходящего. Фрейлина Ида и мадемуазель Маршан — две гувернантки — давно заложили Марию Георгиевну и умело распечатывали все письма от возлюбленного, нагревая сургуч над пламенем свечи. Знали они и о тайнике за оградой. Но письма Марии Георгиевны после материнской цензуры вновь запечатывались и отсылались Владимиру. Ибо Мария Георгиевна с детства отличалась сдержанностью и в письмах не содержалось ничего предосудительного.

Владимир приезжал и сам, поскольку был принят в доме. Вскоре он стал постоянным гостем в салонах, где бывала талантливая молодежь столицы.

Наталья Николаевна предпочитала всегда быть в курсе дел: она умело вела по жизни семейный корабль, блюдя приличия и бережно храня авторитет. Желая знать все на свете, она выяснила, что муж ее, Георгий Христофорович, по вечерам ездил к универмагу «Мюр и Мюрилиз» (сегодняшний ЦУМ в Москве), где работали только самые красивые женщины — таков

был жесткий принцип хозяев. Каждый вечер у дверей универмага выстраивалась вереница экипажей, встречавших после работы продавщиц. Среди них и был замечен экипаж Георгия Христофоровича, а следовательно, там у него работала любовница. Наталья Николаевна переживала в себе эту новость, но однажды провела с мужем беседу при закрытых дверях. Суть беседы состояла в следующем — не пристало мужу княжны с такой сиятельной фамилией и дружившей с самой императрицей светиться на людях. Пора заканчивать с этими похождениями и пристроить девушку куда-то в место поприличнее и менее заметное, коли уж не встречаться с ней не вмоготу. Надо ее убрать с глаз долой, а уж как поступить со своими соблазнами, пусть сам Георгий Христофорович решает. Позиция жены потрясла прадеда до глубины души, и он купил молодой продавщице шляпный магазин. С тех пор его экипажа у «Мюра и Мюрилиза» замечено не было.

Однажды во время очередного салонного вечера Наталья Николаевна отвела Владимира в сторону и многозначительно взглянула ему в глаза:

— Вы понимаете, о чем я хотела бы с вами поговорить, молодой человек?

— Да, кажется, да, — ответил Егиазаров.

— Это, конечно, не наше дело. Мы живем в современном обществе, однако ж определенные права, как у матери, у меня есть...

Мария Георгиевна, заметив, что Наталья Николаевна уединилась с Володей, убежала в свою комнату и, встав на колени перед образами, молилась, стгорая от стыда и надежды.

— Дело это, понятно, наше общее, я имею в виду обе наши семьи. Я уже получил благословение родителей и намереваюсь на следующей неделе, прямо в понедельник, к вам явиться с официальным предложением, — ответил Владимир.

— Ну, вот и славненько. Вы меня успокоили. Я больше не вмешиваюсь. Вы мне искренне симпатичны, иначе я бы вам отказала в приеме...

Сватовство прошло в начале следующей недели. Молодых обвенчали в церкви Святого Николая на Арбате. И оттуда до

самого дома в Нашекинском переулке вся дорога была усыпана цветами. Для этой цели специально из Голландии был заказан целый вагон тюльпанов. Молодые шли по тюльпанам, сзади эскорт из подруг и друзей Марии Георгиевны, разодетые детишки по три человека с каждой стороны, несли фату, растянувшуюся на целых три метра.

— — —

В первую же брачную ночь Мария Георгиевна, лишившись девственности, забеременела. Молодой супруг повез жену в Ереван, где семья Егиазаровых славилась богатством и пользовалась большим почетом. Они занимались недвижимостью и владели заводами.

— Помню, как мы ехали в экипаже по городу, — рассказывала бабушка. — А Ваган все время показывал по сторонам и говорил: «Это наш дом. И это наш дом. И вон тот на пригорке — тоже наш дом».

Через какое-то время Мария Георгиевна взглянула в окно и вдруг сказала ни с того ни с сего:

— А это мой дом!

— Правильно, — согласился Ваган. — Я не знаю, откуда тебе это известно, но это тоже наш дом! Кто тебе об этом сказал?

В конце концов все же решили поселиться в Москве. В середине 1917 года родился сын, которого назвали Дмитрием.

Прошла буржуазная революция. Николай II отрекся от престола, и воцарился российский либерализм. Русская интеллигенция поддержала перемены и новый порядок. Мария Георгиевна с подругами, беременная, выходила на улицы Москвы — все с алыми бантами на одежде — в знак солидарности с победившей монархию буржуазией. Они пели «Марсельезу» и принимали участие в митингах и торжествах в честь победы демократии. Россия не будет больше монархией! Не будет больше империи! Казалось, победившая революция ускорит прогресс и страна быстро обретет социальную справедливость, а потом уж совсем скоро наступит всеобщее благоденствие.

Сын Марии Георгиевны родился слабым ребенком. А тут грянул Октябрьский переворот. Большевики пришли к влас-

ти в Москве. Прадед, Георгий Христофорович, сумел доказать в ВЧК, что, будучи главным инженером по электрификации, принес несомненную пользу России. Это по его проекту был протянут первый в истории подводный телеграфный кабель в Беринговом проливе, соединивший Россию и Америку.

Оценив его заслуги, большевики семью репрессиям не подвергли, однако Егиазаровым пришлось срочно бежать из Москвы в Армению. Мария Георгиевна снова переехала в отчий дом с больным Димкой, а семья получила на время мандат на свободное проживание в Москве. Правда, доходные дома были тут же конфискованы и заселены семьями рабочих и крестьян, присоединившихся к революции.

Особняк в Нащекинском переулке оставался по-прежнему в собственности семьи. Прадед был даже поставлен на довольствие, так как в его квалификации инженера-электрика и связиста нуждалась новая власть. Он был этим очень доволен, так как основная масса богатых домов была разграблена, в магазинах исчезли товары и продукты питания. Экспроприированная собственность была растащена, владельцы домов либо расстреляны, либо арестованы, кто-то успел сбежать на юг, куда только катилась волна большевизма из центра. Интеллигенцией в то время владела единственная мысль — переждать. Все были абсолютно уверены, что, проворовавшись, эта власть долго не удержится. Ну какой-нибудь месяц-два, и все вернется на правильные рельсы. Не смогут они удержаться и управлять Россией. Значит, власть снова перейдет в руки умных и образованных людей, а собственность будет возвращена. Практически никто из оставшихся переждать в Москве не сомневался в развитии событий именно по такому сценарию. Но случилось непредвиденное событие, которое резко изменило жизнь нашей семьи.

Однажды в воскресный день, когда все обедали, внизу постучали, и вошла группа из нескольких вооруженных солдат. С ними был человек в кожаной куртке и в брюках с лампасами. Они бесцеремонно зашли в обеденный зал и стали все вокруг осматривать: стены, потолок, мебель, картины.

Человек в кожаной куртке представился через несколько минут:

— Комиссар Красной армии — Фурманов!

Это был он. Тот самый комиссар при Василь Ивановиче Чапаеве, известный пролетарский писатель и видный большевик.

— Вы ешьте, ешьте, господа... — добавил Фурманов. Он продолжал осматривать серванты с посудой, проводил ладонью по спинкам стульев, а потом бесцеремонно распахнул двери и проследовал внутрь дома по анфиладе комнат — прямо к будуару Натальи Николаевны!

Прадед бросился за ним следом, а Фурманов уже вошел туда и крутил в руках флакончик духов, взяв его прямо с полки трельяжа Натали.

— Что вы себе позволяете! — с возмущением спросил его Георгий Христофорович. — На каком основании?

Двое солдат, сопровождавших Фурманова, моментально встали между ним и комиссаром, угрожающе наклонив винтовки со штыками в сторону прадеда.

— Да вот смотрю, — спокойно сказал Фурманов, — подбираю себе дом... Вы знаете, — обратился он к солдатам, — а, пожалуй, мне этот дом подходит! На нем и остановимся! Конечно, обстановочку надо будет сменить, картинки эти со стен убрать. Может, в музей какой отнесете. Барахло всякое тоже мне не надо... А ты на меня голос-то не повышай! — закончил он фразу, глядя в упор на Георгия Христофоровича своими бесцветными глазами. — Ты иди пока к семье. Доедайте там свой обед и помещение освободите! Возьмите с собой то, что сможете унести.

— Как? Куда унести? Куда нам идти? — спросил пораженный прадед.

— Это уже дело ваше! Хоть к царю, хоть к Временному правительству!

Фурманов прошел обратно. За ним солдаты, а следом на негнувшихся ногах Георгий Христофорович.

Бог уж с этими картинками на стенах! Там висели полотна Айвазовского, Репина, Сурикова и Левитана. А вот что делать с коллекцией? Прадед всю жизнь собирал фарфоровые чайники. Их было в коллекции более пятисот штук. Для полноты не

хватало всего двух экземпляров. Революция ему помешала, он уже нашел коллекционеров в Голландии и в Китае, у которых можно было докупить два недостающих экспоната...

— Я буду на вас жаловаться! — выкрикнул прадед. — Вы преступники! Я столько сделал для России. У меня мандат!

— Знаем, знаем, — сказал Фурманов. — Если сейчас же не замолчишь, я приму меры. Понятно?

Разумеется, прадед понимал, что они могли не только арестовать семью, но и выстрелить из винтовок во врага революции. И ничего Фурманову за произвол не будет! Но уняться он все же не мог:

— Вы преступники и бандиты! То, что вы делаете, это бандитизм! Я вас разоблачу!

То, что сказал прадед, было ужасно. Через секунду оцепенения спокойный до этого Фурманов визгливо заорал:

— Я тебя в Сибири сгною! Контра собачья! Мразь буржуазная! Все вон из моего дома! Вон! Немедленно!

Он выхватил из кобуры револьвер, и прадед понял, что последний шанс остаться в живых — это быстро убежать на улицу.

Через несколько минут семья была в переулке с теми вещами, которые успели схватить. Они, к счастью, поймали извозчика и, забившись в его повозку, поехали прямо на вокзал. В руках Натальи Николаевны была маленькая сумочка с украшениями и небольшая картинка на дереве — набросок «Мадонны с ребенком», написанный рукой самого Рафаэля.

Прадед успел схватить припасенные деньги, что позволило купить билеты до Пятигорска. Поезд отправлялся через два часа. И это казалось счастьем. Семья не заходила в здание вокзала, чтобы их не заметили военные. Опасались: их вот-вот найдут и арестуют. Все спрятались за тюками прямо на перроне. Почти не разговаривали и ждали либо поезда, либо ареста.

А Фурманов так и поселился в нашем доме, и Нашекинский переулок вскоре переименовали в улицу Фурманова. После смерти пролетарского писателя на нашем особняке висела мемориальная доска: «Здесь жил и умер известный советский писатель Фурманов». В конце девяностых дом продали какой-то иностранной фирме, доску убрали, а переулку вернули прежнее имя.

На Северный Кавказ бежали не только из Москвы и Санкт-Петербурга, а со всей России, по которой катилась волна большевистской власти. Пятигорск стал местом, куда наряду с Крымом съезжалась российская аристократия, чудом избежавшая ареста и репрессий. Новая власть там еще не установилась, обстановку контролировали казачьи атаманы, поэтому все было спокойно. Создавалось впечатление, будто прибывающие люди просто приезжают на курорт и нет никакой революции и большевистского путча.

— — —

Они сели в поезд. Началось путешествие из Москвы на Кавказ. Паровоз по дороге останавливался, иногда прямо посреди поля или леса, и никто не мог предсказать, сколько будет длиться остановка и двинется ли состав дальше. Люди ехали в тамбурах, в проходах и даже на крышах вагонов, обложившись тюками и плетеными корзинками со снедью.

В вагоне бывшего первого класса на каждой нижней полке сидели по четыре-пять человек, да еще по трое забирались на верхние полки, с которых вниз свисали ноги в рваных сапогах и вонючих портянках. Была страшная духота, а когда открывали окна — становилось ужасно холодно, и все замерзали.

Прадед не мог прийти в себя очень долго. Он просиживал дни с окаменевшим лицом, на котором застыла гримаса ужаса и стыда. Сестры, Мария Георгиевна и Элеонора, свернувшись в клубочки, старались хоть немного поспать на верхней полке. Маленький Димка спал по очереди у всех на руках. Наталья Николаевна сидела внизу и безучастно смотрела в окно, то и дело прикладывая к губам ажурный батистовый платочек.

Неожиданные остановки в пути всех приводили в замешательство. Многие слышали о набегах банд на поезда, и на каждой остановке казалось, что вот сейчас ворвутся и станут грабить и насиловать. Но боже милостивый — обошлось!

Они доехали быстро — всего за двенадцать суток. На Пятигорском вокзале царил обстановка благодущия. Дамы в длинных платьях неспешно прогуливались по перрону, держа в руках матерчатые зонтики от солнца и весело общаясь с кавале-

рами. Те, в свою очередь, были в сюртуках, цилиндрах и с тросточками в руках.

Революция доберется сюда постепенно, только к двадцатым годам. А тогда шел год девятнадцатый, и все это казалось миром старым, нетронутым и до боли дорогим своей незащищенностью.

Прямо на вокзале они прочли объявление о предоставлении жилплощади внаем, недорого и в самом центре города. Как раз искали для проживания интеллигентную семью из Москвы или Санкт-Петербурга.

В доме, куда они срочно поехали с вокзала, Георгий Христофорович договорился арендовать флигель.

...Я видел этот дом! Так случилось, что спустя шестьдесят лет я попал в Пятигорск. Бабушка заранее мне поведала, где искать этот дом, и я его достаточно легко нашел. Построенный из красного кирпича, он так и стоял на своем месте. Длинный, вытянутый вдоль двора и слегка изогнутый в середине — двухэтажное строение XIX века в форме дуги. Бабушке было уже семьдесят девять лет. Она к этому времени похоронила всех своих родных, живших в этом доме. Я увидел слезы на ее лице, когда передал ей свою фотографию, сделанную в Пятигорске на фоне этого дома. Ведь он сыграл самую большую роль в жизни моей семьи...

— — —

Дом в Пятигорске принадлежал Тарасовым. Они купили его и переехали туда в последний момент, перед тем как был конфискован Северо-Кавказский коммерческий банк в Армавире, фактически принадлежавший Александру Тарасову.

Александр Тарасов был личностью незаурядной. Он владел и правил банком настолько профессионально и успешно, что банк стал головным финансовым учреждением на Северном Кавказе и пользовался исключительным авторитетом и почетом во всем мире. Именно через этот банк производились все торговые и финансовые операции, связанные с азербайджанской нефтью, недвижимостью на Кавказе и транспортом.

Из воспоминаний моей бабушки я узнал об одном случае, который дает яркое впечатление об Александре Тарасове.

Как-то на заседании правления банка между акционерами возник спор. Один из должников банка в погашение долга предлагал заложить имущество: мельницу в Армавире, конезавод и рыбацкую артель на Дону. Акционеры в один голос отказались принять залог. Они требовали проведения экспертизы недвижимости, проверки состоятельности конного завода и доказательств эффективности работы рыболовецкой артели. Спор разгорался, шум стоял невообразимый, и только Александр Тарасов молчал.

Через некоторое время он встал и, дождавшись, пока все умолкли, глядя в его сторону, объявил:

— Мне кажется, нашу встречу пора закончить. Время стоит денег. Сколько просит должник ему погасить?

— Десять миллионов золотом.

— Так вот, я лично выкупаю его долги и вношу за это свои собственные деньги. А вы, любезный, — обратился он к должнику, — свое имущество обратно у меня и выкупите. Если всех устраивает, собрание считаю закрытым.

Теперь в Пятигорске семья Тарасовых жила бедно и тихо. Так же, как и основная масса беженцев от революции. Все продолжали надеяться на изменение ситуации, на Антанту, на помощь Европы и на скорый конец большевизма.

Александр Тарасов переживал случившееся очень тяжело. Он винил себя в том, что не уехал из России в начале 17-го года вместе со своими братьями, которые из Москвы эмигрировали в Париж. Они, впрочем, никогда особенно близки не были и, по сравнению с Александром проживали в столице весьма небогато. Пользуясь великодушием брата, часто просили у него денег по-родственному — без расписок и обязательств возврата.

Но московские Тарасовы вовсе не бедствовали. Достаточно успешно продолжала свою торговую деятельность компания «Товарищество мануфактур братьев Тарасовых», которая приносила высокие доходы.

Племянник Александра Тарасова слыл повесой и прожигателем жизни в столичном обществе. Он держал, как и Манташев, огромный легковой автомобиль, щеголял в костюмах,

сшитых в Париже на заказ, и не пропускал ни одного светского мероприятия. Его звали Николай Лазаревич Тарасов.

Александр Тарасову казалось, что племянник бессмысленно проматывал деньги, доставшиеся ему по наследству после смерти старшего брата.

Однако Николай Лазаревич навсегда остался в истории России как известный меценат и покровитель театра.

Был случай, когда в Германии труппа Московского Художественного театра не смогла продолжать гастроли: у них не было денег даже на возвращение в Москву. Николай Лазаревич оказался тогда в Берлине и, встретившись с Немировичем-Данченко, предложил ему тридцать тысяч рублей без всяких условий. Деньги были приняты, театр продолжил гастроли, а Николая Лазаревича сразу же записали в состав пайщиков и сделали членом дирекции МХТа.

В Москве Николай Лазаревич вместе с несколькими друзьями из артистической среды решил подыскать дом, чтобы организовать там кабаре, где было бы уютно и приятно собираться вместе, проводить время в обществе актеров и ухаживать за барышнями.

В результате нашли совершенно заброшенное помещение — подвал в доме Перцова недалеко от храма Христа Спасителя на Пречистенке. Когда взломали заколоченную дверь и Тарасов с другом впервые вошли в подвал, оттуда вылетела летучая мышь. Тут же и решили назвать будущее кабаре «Летучая Мышь».

Николай Тарасов на обустройство нового помещения денег не пожалел. Заведение вскоре оказалось очень популярным, попасть в него стремилась вся столичная молодежь. Начался ажиотаж. Публика своим огромным интересом подогрела актеров, которые стремились выступить в «Летучей Мыши». И Николай Тарасов, что называется, «завелся». Он придумывал оригинальные представления, программы и сценарии. В нем неожиданно открылся талант, и Николай стал писать стихи, пародии, пьесы, сам подбирал музыку и сам рисовал эскизы декораций.

Однако на сцену Николай Лазаревич не выходил. В то время в кабаре «Летучая Мышь» играли великие русские актеры:

Качалов, Москвин, Книппер-Чехова, Лужский, Станиславский и множество одаренной театральной молодежи. Вечера вел его друг и самый популярный конферансье в городе — Балувев.

Николай Тарасов был удивительно красивым молодым человеком, но, поскольку слава о его богатстве распространилась в Москве, ему всегда казалось, что женщин привлекали только его финансовые возможности, а не он сам.

Он влюбился в актрису, которая на некоторое время стала его любовницей, но потом они поссорились из-за недоверия и вечных сомнений Николая Тарасова. Временная разлука привела легкомысленную актрису в объятия юнкера, который был заядлым игроком в карты и известным прощелыгой. Актриса, кажется, влюбилась и отдавала юнкеру все свои деньги, которые тот проматывал за несколько часов по вечерам. И вот однажды он сильно проигрался в карты.

Актриса позвонила Николаю Лазаревичу и слезно стала просить его одолжить двадцать пять тысяч рублей золотом, чтобы расплатиться с карточным долгом юнкера. Тарасов ответил, что эта просьба просто абсурдна и денег он не даст. И вообще это еще раз доказывает, что их отношения были замешены не на чувствах, а на деньгах!

— Но пойми же! Он застрелится! — просила актриса.

Тарасов просьбам не внял. На следующий день пришла ужасная весть: не имея возможности вернуть карточный долг, юнкер действительно застрелился. Актриса вновь позвонила Тарасову.

— Бесчувственный человек! Что для тебя двадцать пять тысяч рублей? — срывающимся на рыдание голосом говорила она. — Ты своей жадностью погубил невинную душу! Ему было всего двадцать три года! Убийца, изверг, душегуб!

Николай Лазаревич молча выслушал ее, а когда она бросила трубку, ведомый чувством вины, подошел к секретеру, вытащил из ящика револьвер, приставил дуло к виску и нажал на курок. Ему самому было в это время всего двадцать восемь лет.

Это случилось в 1910 году, и с тех пор Александр Тарасов считал позором для своей семьи эту историю. Она принесла

дополнительную холодность в отношениях с московскими родственниками, и отчасти поэтому он не присоединился к семье и не эмигрировал со всеми в 1917 году.

— — —

В пятигорском доме Александр Тарасов проживал вместе со своим сыном Месропом. Ему было тогда тридцать лет, в недавнем прошлом офицер белой армии, с прекрасным образованием (окончил архитектурный факультет университета в Сорбонне), говорил свободно на нескольких языках и прекрасно играл на фортепьяно. Казалось, он имел лишь один недостаток — внешность. Месроп был не просто некрасив, но уродлив. Рано облысев, с глубоким шрамом через всю щеку, полученным во время попытки генерала Корнилова взять Санкт-Петербург, Месроп сторонился посторонних глаз и всячески избегал встреч с Марией Георгиевной, поселившейся в их доме.

482

А двадцатилетняя красавица, какой была в то время моя бабушка Мария Георгиевна, шутя покорила весь Пятигорск. У дверей дома Тарасовых ежедневно появлялись букеты прекрасных цветов, в которых скрывались многочисленные приглашения на балы и светские мероприятия...

Наталья Николаевна встретила в Пятигорске княгиню Оболенскую (Трубецкую), и та, узнав о бедах семьи, настояла на том, чтобы Натали заняла у нее денег. Трубецких многое связывало с Кавказом еще с той давней поры, когда там жил Лермонтов, и у них были финансовые источники для существования. Она не могла допустить и мысли, что семья княжны Мелик-Гайказовой будет бедствовать. А когда закончится большевистская власть, тогда и долг вернут. Ждать уже недолго.

Георгий Христофорович совсем сдал. Он практически не выходил из дома. Они подружились с Александром Тарасовым и коротали время вместе. А через год скончались один за другим...

Владимир появлялся редко. В Армении с 1919 года было неспокойно. Происходили бесконечные конфликты с окружающими этническими группами — курдами, азербайджанцами

и турками. Владимир практически оттуда не возвращался и жил в разных местах на Кавказе.

Он привозил деньги, проявляя заботу о жене, и продолжал бесконечно любить Марию Георгиевну. Но отношения между ними становились все более и более натянутыми и холодными. После каждой встречи Владимир томился и переживал. Он часто заставлял жену окруженной толпой поклонников и беззаботно проводившей время в безделье и праздности. Мария Георгиевна завела собственную лошадь, ездила верхом, посещала балы и светские вечеринки.

Все это вызывало у Владимира чувство горечи и унижения его достоинства. Он не мог жить на деньги, полученные Натальей Николаевной, и был вынужден уезжать то в Майкоп, то в Астрахань, то в Ставрополь, где у него имелись небольшие предприятия.

Владимир обвинял прежде всего себя в том, что не мог обеспечить достойную жизнь такой великолепной женщине, как его жена. Эти чувства вынуждали его нервничать и мотаться по всему Кавказу, забираясь в самые отдаленные уголки.

Неожиданно случилась беда. Умер Дима. Он простудился и после тяжелого воспаления легких так и не поднялся. Смерть сына сделала жизнь Владимира абсолютно безрадостной. Он и сам вскоре заболел туберкулезом и, чтобы не заразить близких, практически перестал приезжать в Пятигорск. Только писал короткие письма.

Мария Георгиевна оправилась после смерти сына и продолжала вести светскую жизнь.

Ей так и сыпались предложения бросить мужа и принять ухаживания одного из многочисленных поклонников. Однако к мужчинам она относилась снисходительно, общалась с ними свысока и холодно. Бесконечные ухаживания ей надоели и нагоняли на нее тоску.

Только единственный мужчина не проявлял к ней никакого интереса и, как назло, попадался чаще всех на глаза! Это был Месроп. Такое поведение удивляло Марию Георгиевну и вскоре стало ее сильно раздражать. Будучи особой вздорной и избалованной, она начала специально назло этому «черство-

му уроду» постоянно к нему обращаться и всячески привлекать к себе внимание.

— Знаете что, — говорила она, например, Месропу, — мне надо срочно зайти к модистке в ателье. Вы не проводите меня туда?

— Нет, не провожу. Я, извините, занят.

Месроп срочно уходил к себе в комнату и закрывал дверь.

— Может быть, пойдём погулять по парку вместе? — спрашивала она в другой раз. — Вам ведь хочется со мной погулять? Не так ли?

— Кто пойдёт гулять, а я дома останусь! — отвечал ей Месроп.

«Хам! — думала Мария Георгиевна. — Хам и наглец!»

— Да вы понимаете, что любой из окружающих за счастье сочтёт со мной пройтись по парку? — продолжала она негодуя.

— Значит, не любой! Для меня это никакого интереса не представляет!

Как выяснилось впоследствии, Месроп сознательно избрал такую тактику общения с Марией Георгиевной. Он сам через многие годы, прожив с ней в браке, признался в этом. Оказывается, он влюбился в нее с первого взгляда, но, трезво оценив свои шансы, понял, что добиться взаимного внимания со стороны такой красавицы можно только одним способом: не замечать ее достоинств. И эта тактика удивительно быстро привела к успеху.

Мария Георгиевна сначала думала о нем с негодованием, затем все больше и больше ее охватывал азарт влюбить его в себя и тем самым отомстить за подобное поведение, и, наконец, влюбилась страстно сама на всю оставшуюся жизнь!

Их признание во взаимной любви произошло в гостинной. Она тихонько подошла сзади к Месропу, когда тот с упоением играл на фортепьяно. Мария Георгиевна завороченная музыкой и захватившими ее чувствами, спросила:

— Простите меня, вы не могли бы мне подыграть? Вот ноты.

Мария Георгиевна протянула сборник романсов.

Месроп взглянул ей в глаза и вдруг ощутил удивительную перемену в женщине. Ее одухотворенное лицо с зардевшим

румянцем на щеках было покорным и даже печальным. Не осталось и следа раздражения, с которым обычно она смотрела на него.

— Вы хотите спеть? — спросил он.

Она кивнула.

— Что же выбрать?

— Любой романс. Я знаю все, — ответила Мария Георгиевна.

Когда она запела, Месроп был поражен ее голосом. С таким вдохновением она еще не пела никогда в своей жизни. После романса он встал и сжал ее руки в своих ладонях...

Несмотря на светский образ жизни, Мария Георгиевна хранила верность своему мужу. И теперь, после признания в любви другому, написала ему письмо, не допуская и в мыслях обмана.

Владимир находился в это время в районе Нового Афона. Его очередное дело провалилось. Он вложил деньги в торговлю антиквариатом, но заезжий турок обманул: товара не привез и просто скрылся. Необходимую сумму Владимир занял у брата, а теперь и речи о ее возврате быть не могло. Туберкулез все больше и больше поражал его организм. Кашель с кровью скручивал тело пополам и иногда просто валил с ног. А тут еще прощальное письмо от жены, которую он уже не видел полгода...

Владимир ехал в пригородном поезде и перечитывал письмо. До железнодорожного вокзала Нового Афона оставалось минут пятнадцать. Последней остановкой перед ним была маленькая станция в ущелье над горным озером с водопадом. Она разместилась между двумя тоннелями, и поезд обычно проскакивал ее, не останавливаясь, за несколько минут. Станция так и называлась — Минутка, но в этот раз поезд остановился перед красным светофором. Владимир прошел по вагону и сошел на станции. Никого вокруг не было. Он обошел павильон и встал на террасе, нависавшей над голубым озером. Перед взором возвышалась гора, заросшая кустарником и кипарисами. Его снова настиг кашель, который длился безостановочно несколько минут. Едва вдохнув наконец свежий горный воздух, Владимир последний раз взглянул на

письмо и застрелился. Гулкий звук выстрела эхом отозвался в скалах и пронесся над ущельем к самым вершинам гор.

Самоубийство мужа не вызвало большой грусти в душе Марии Георгиевны. После смерти сына она словно похоронила и мужа. Она нисколько не винила себя в его смерти. Да и любовь к Месропу заслоняла печаль. Уже через несколько месяцев они поженились...

В Пятигорске это событие обсуждали целую неделю. Когда молодая пара появлялась на публике, в памяти всплывали образы из «Собора Парижской Богоматери», так как смотрелись они вместе будто Эсмеральда с Квазимодо. Сразу же пошли слухи о спрятанном богатстве Тарасова, якобы вывезенном из разоренного Северо-Кавказского банка отцом и переданном сыну по наследству. Это хоть как-то объясняло возможность соединения такой пары. Никто и слышать не хотел об их любви и тем более поверить в это.

Много позже Месроп сказал Марии Георгиевне:

— Эх, Мара, окривела бы ты на один глаз!

— Ты что? С ума сошел?

— Это мое признание в любви. Мне бы тогда спокойнее стало с тобой жить.

Помимо крови армянской Месроп имел еще примесь и черкесской крови, что добавило в его натуру, буруемаемую страстями, вспыльчивости и ревности. Только красота Марии Георгиевны сдерживала Месропа от чересчур бурных проявлений чувств. Он рассудком понимал, что удержать рядом такую женщину можно только, не посадив ее себе на голову, не поддавшись силе ее красоты и не попав к ней в добровольное рабство.

Шло время. Родился ребенок, которого назвали Михаилом. Это был мой отец. Советская власть все более укреплялась. В 1920 году в Пятигорске был открыт первый в стране Бальнеологический институт, который фактически заложил начало развития всех советских курортов. В Пятигорск стали приезжать отдыхающие, принадлежавшие к новой советской элите: крупные военные и руководители партийных и советских органов власти.

Мария Георгиевна проявила себя как инициативная особа и предложила мужу открыть пансион для отдыхающих. Эта

идея пришла ей в голову совершенно неожиданно. Сестра Элеонора уехала в Петроград, а Мария Георгиевна, обходя как-то опустевший дом, вдруг решила начать дело. Посоветовавшись с мужем и матерью, сделали вместе необходимый ремонт помещений, закупили нужную мебель и взяли на работу прислугу и шеф-повара. Получилось двадцать отдельных номеров с душевыми, террасами и даже с отдельными входами. В большом зале оборудовали столовую, где подавали блюда по желанию клиентов, а также специальную диетическую пищу для стремящихся похудеть.

Наступило время нэпа, были разрешены частная собственность и частное предпринимательство. Очень скоро недавно открытый пансион завоевал популярность не только на Кавказе, но и во всей России. Он пришелся ко времени. Появились постоянные отдыхающие, которые каждый год приезжали именно сюда. Многим нравились красивая и гостеприимная хозяйка, удачное расположение дома поблизости от источников минеральной воды и атмосфера, созданная хозяйкой. Пансион стал приносить немалые по тем временам доходы, и семья зажила счастливо и благополучно.

У Марии Георгиевны открылись незаурядные организаторские способности. Наталья Николаевна выполняла роль бухгалтера, делопроизводителя и секретаря. Месроп ежедневно закупал продукты на базаре и в сельских районах, привозил дрова, отвозил белье в стирку, занимался мелким ремонтом помещений. Сама Мария Георгиевна управляла всем хозяйством, в том числе и гостями пансиона. Шеф-повар по имени Мустафа был татарин, обладал характером вспыльчивым и непокорным, но готовил просто изумительно.

Глава 16 КОРНИ-2

В начале двадцатых годов большевистская власть добралась и до Кавказа. Заметно опустели все популярные в прошлом светские места. Интеллигентный народ из Пятигорска слы-

нул и больше не появлялся. Многие подались за границу с последними кораблями из Одессы или даже пешком через иранскую границу, как брат Егиазарова Альфред. От возвышенных дам, ходивших по улицам в длинных платьях с кружевными зонтиками в руках, остались только фотографии и случайные воспоминания. Появилась новая волна отдыхающих в сопровождении крестьянок и работниц в ситцевых платьях и красных косынках на головах. Мужчины в кирзовых сапогах, в галифе, в рубашках-косоворотках, поверх которых были надеты грязного цвета сюртуки.

Обстановка на Кавказе оставалась очень напряженной. Большевики устраивали чистки среди представителей старого казачества и оставшихся в Пятигорске офицеров из армии генерала Деникина. Обыски и аресты год от года производились чаще. Был издан указ: расстреливать на месте любого вооруженного человека, если он не был в Красной армии или ВЧК.

Большевики укрепляли свою власть в городе. Так, замечательный городской театр был превращен в Дом профсоюзов по личному указанию наркома Кирова. Были конфискованы дома городской управы, лица, усадьбы, закрыты газеты, разрушены библиотеки, конфискованы и уничтожены музеи. Был создан пролетарский театр, в котором даже ставились небольшие пьесы местных драматургов, повествовавшие о торжестве коммунистических идей.

Пансион Марии Георгиевны, однако, работал вовсю и даже процветал. Среди знатных гостей появились работники наркоматов, партийных ведомств наряду с красноармейскими начальниками и нэпманами. Как-то сам генерал Тухачевский пробыл в пансионе несколько дней.

Ничто не предвещало опасности, но однажды вечером к дому подъехал большой черный автомобиль. Из машины вышли трое и постучали в дверь. В это время хозяева пансиона вместе с отдыхающими находились в гостиной. Мария Георгиевна музицировала, развлекая гостей. Вошедшие осмотрелись и направились прямо к Месропу. Один из них протянул ему какую-то бумагу. Музыка смолкла. Все с волнением смотрели на незнакомцев.

Месроп пробежал бумагу глазами. Встал и, накинув пиджак, проследовал к выходу. За ним молча удалились люди в кожаных куртках.

Через секунду оцепенения Мария Георгиевна бросилась на улицу. Месроп уже сидел на заднее сиденье автомашины.

— Это мой муж! Куда вы его везете? — вскрикнула она.

— У нас постановление. Отойдите, гражданка.

— Не волнуйся, Мара. Это должно было случиться. Береги сына! — успел сказать Месроп из-за спин чекистов.

Его посадили в середину на заднее сиденье, а по бокам расположились двое сопровождающих. Третий сел впереди с шофером, машина, окрещенная в народе «черный ворон», проехала вдоль двора и скрылась за поворотом.

Мария Георгиевна вернулась к гостям.

— Это какое-то недоразумение! Вы не волнуйтесь. Завтра все выяснится! — говорили постояльцы, стеснительно отводя глаза в сторону.

— Конечно! Завтра его отпустят. Я прямо с утра пойду в комендатуру, — говорила Мария Георгиевна, все еще не воспринимая реальность случившегося.

Следующий день ничего не принес. Попытки прояснить ситуацию наталкивались на один и тот же ответ во всех инстанциях:

— Не беспокойтесь, гражданка! Разберутся.

Уже на пятый день суд, проходивший за закрытыми дверями, принял постановление о признании Месропа виновным с формулировкой: «Экономический контрреволюционер» — и вынес приговор: «Двенадцать лет каторги». Белогвардейское прошлое деда, по всей видимости, раскрыто не было. Иначе его тут же бы расстреляли. С Деникиным он не был связан, а офицерские документы из армии Корнилова были надежно спрятаны. Однако сын банкира не мог оставаться на свободе, поэтому, скорее всего, и была придумана такая формулировка приговора.

Мария Георгиевна просто не находила себе места. Узнав о происшедшем, приехала из Москвы Элеонора. Она предложила помощь, но в ней не было никакого смысла. Гости съеха-

ли незамедлительно, так как нельзя было оставаться в доме «врага народа». Пансион окончательно опустел. В любую минуту могли арестовать Марию Георгиевну и Наталью Николаевну. Но уже несколько дней ничего не происходило. Видимо, кто-то из тех больших начальников, к которым она обращалась за помощью в последние дни, ходатайствовал за нее саму.

Остаться в Пятигорске стало невозможно, продать дом — нереально. Поэтому Элеонора увезла в Москву племянника и Наталью Николаевну, а Мария Георгиевна приняла для себя твердое и единственно приемлемое для нее решение: последовать за мужем по этапу!

Месропа сослали в Сибирь. Ей удалось узнать номер состава с заключенными. Она отправилась одна по его маршруту в глубь варварской России, не думая об опасностях, которые могли ее ожидать. Единственной мыслью было догнать поезд во что бы то ни стало.

Этапирование проходило медленно. Состав подолгу задерживали на запасных путях больших и маленьких станций, и он двигался даже не во вторую, а в самую последнюю очередь. Заключенных на перегонах из вагонов не выводили. Нужду справляли там же, где спали и ели. Похлебку конвойные раздавали один раз в день, и то, если поезд стоял. Во время движения состава никого не кормили вообще.

Последний перегон, после которого обычные пассажирские поезда не ходили, располагался между станцией Чулымская и Новосибирском. Дальше на восток шли исключительно специальные поезда. Туда везли каторжников, а обратно — лес.

Еще в Пятигорске Марии Георгиевне сказали, что если мужа ушлют за Новосибирск, значит, конец. Оттуда из ссылки никто не возвращался. Она не знала, что распоряжением Пятигорского уездного суда Месропа направили в Якутию...

Так и не найдя поезд по маршруту движения, Мария Георгиевна решила дождаться его в Новосибирске. Она приехала всего днем раньше и, получив необходимую информацию, на следующий день встретила состав на вокзале. Поезд с ссыльными остановили на дальнем пути, чтобы добраться

к нему, надо было сойти с перрона и пересечь несколько железнодорожных полотен.

Она прошла мимо вагонов, не обращая внимания на охрану, все время выкрикивая его имя. И вдруг, о чудо! В одном из зарешеченных оконцев под самой крышей вагона появилось его лицо. Месроп выглядел ужасно. Он осунулся, зарос щетиной, в арестантской шапке на голове.

Мария Георгиевна приложила ладонь к щеке и стояла, глядя на мужа. А он смотрел на нее с удивлением, гордостью и печалью. Месроп понимал, что видит свою любимую жену в последний раз.

— Тебя снимут в Новосибирске? — спросила она с надеждой.

Месроп отрицательно покачал головой.

— Тебе не следовало сюда приезжать... — прошептали его губы. — Уезжай как можно быстрее!

— Что ты! Дорогой! Тебя обязательно оставят в Новосибирске!

Мария Георгиевна вдруг почувствовала необъяснимый прилив сил и потребность немедленно действовать. В ее сторону направлялся часовой, охранявший поезд. Она побежала на станцию с единственной мыслью снять мужа с поезда.

В кабинете начальника вокзала в этот момент находился председатель Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) Сибирского округа генерал Данченко. Он лично занимался проверкой отправления специального поезда с заключенными в Якутию.

Перед входом в кабинет начальника обосновался адъютант генерала. Раскрасневшаяся от бега Мария Георгиевна ворвалась в помещение абсолютно неожиданно. Адъютант уставился на нее с изумлением, поскольку выглядела она словно богиня Аврора, сошедшая с полотен византийских художников и непонятно как очутившаяся в глубинке пролетарской Сибири. Мария Георгиевна была одета в длинное походное платье, с накидкой, обрамленной мехом, и с муфточкой в руках. Ее тонкие аристократические черты лица, черные глаза, сверкавшие из-под красивых бровей, подействовали на адъютанта магически.

— Мне надо с кем-нибудь поговорить... С начальником... У меня просьба...

— Садитесь, пожалуйста, расскажите все по порядку, — предложил адъютант.

Он налил Марии Георгиевне стакан воды из графина.

Она сбивчиво, задыхаясь от волнения, рассказала историю мужа, о полной его невинности и необходимости снять его с поезда до отправки дальше.

Адъютант, приходя постепенно в себя, выслушал историю и сказал:

— Мадам! Я сейчас пропущу вас к начальнику, к самому генералу Данченко. От него действительно все зависит. Вы как войдете в кабинет — сразу же начинайте плакать. Я вам скажу по секрету: мой начальник просто не выносит слез. Только плачьте не останавливаясь!

Данченко был высок, сухошав, лет сорока пяти, в сером мундире и галифе. Его выправка говорила о долгой службе в армии, наверняка еще в царской. Начальник вокзала находился рядом и показывал ему какие-то бумаги. На столе дымились два стакана чая в мельхиоровых подстаканниках.

Он с удивлением взглянул на Марию Георгиевну и спросил:

— Кто вас сюда пропустил? Что у вас?

Она всхлипнула и залилась слезами. Оказалось, что возможность выплакаться, предоставленная ей, была именно тем необходимым действием, к которому все ее существо стремилось последние долгие недели. Обессиленная женщина опустилась на стул, продолжая рыдать.

Данченко поднялся из-за стола, сделал несколько шагов в ее сторону и довольно резко сказал:

— Прекратите немедленно плакать! В чем дело, в конце концов? Я слушаю вас. Вы можете говорить? Гражданка, прекратите рыдать! Адъютант, сюда!

Вошел адъютант и стал объяснять генералу существо вопроса.

— Я догоняла этот поезд две недели! — заговорила сквозь слезы Мария Георгиевна. — Если моего мужа не снимут с поезда в Новосибирске, мне ничего другого не останется, как по-

ехать в гостиницу и покончить жизнь самоубийством!.. Умоляю вас! Он не виновен!

Данченко возвратился к столу и начал изучать папки с делами заключенных. Достал дело Тарасова и углубился в чтение.

Мария Георгиевна продолжала плакать. Адъютант за спиной начальника делал ей одобрительные жесты, дескать, плачьте, плачьте сильнее!

Генерал с силой ударил папкой о стол:

— Вы перестанете, наконец, плакать?! Вот, выпейте мой чай. Его только что налили! Прекратите рыдать!

— Скажите, что вы его оставите. У меня дети с собой, я их тоже умерщвлю, если вы его не оставите! И сама на себя руки наложу! Напишу записку, что из-за вашей черствости...

Это было уже слишком, но Мария Георгиевна не отдавала отчета в том, что говорила.

Наконец Данченко, еще раз заглянув в папку, сказал:

— Ладно. Оставлю вашего мужа в Новосибирске. А теперь уходите. Мне нужно работать.

Она выбежала из здания вокзала. Слезы высохли на ее щеках, и Мария Георгиевна бросилась через пути к поезду. Вот он наконец, его вагон.

— Месроп! Месроп! — закричала она на бегу.

Он снова появился в окошке.

— Сейчас! Сейчас тебя снимут с поезда! — ликовала Мария Георгиевна.

Месроп смотрел на нее с восхищением. Он снова прощался взглядом с женой.

— Хорошо, хорошо! Ты только не расстраивайся. Уходи, пожалуйста, — беззвучно шептали его губы.

— Мы вместе уйдем! Вот увидишь! Мне обещали! Сейчас тебя снимут с поезда, милый мой!

Месроп опять отрицательно покачал головой.

— Нет, Мара, — проговорил он. — Меня оставят здесь. Это невозможно. Прощай навсегда...

И в этот момент раздался гудок паровоза, состав дернулся и медленно двинулся вперед, набирая скорость. Он успел

только помахать ей рукой и, не в силах более ее видеть, отошел от окна внутрь вагона. Его место сразу же занял другой ссыльный.

Мария Георгиевна, преодолев в себе желание броситься следом за поездом, развернулась и побежала в сторону вокзала. Она влетела в приемную и, не обратив внимания на адъютанта, ворвалась в кабинет начальника вокзала.

Данченко по-прежнему сидел за столом. Он был в кабинете один.

— Как ты посмел меня обмануть?! Холоп! Ты знаешь, кто перед тобой? Я потомственная сиятельная княжна, а ты, хам, чернь, простолюдин, посмел мне соврать?

Ее глаза излучали безумную страсть. Данченко опешил от такого натиска. Никто не смел ему перечить или возражать, а эта дамочка! Он собственноручно из нагана расстрелял бы любого на ее месте. Но в этот миг, совершенно потрясенный происходящим, Данченко молча глядел на Марию Георгиевну. Он вдруг осознал, какая красавица стоит перед ним, и без памяти влюбился в эту женщину...

— Ты знаешь, что поезд уже ушел! Ты понимаешь, что ты сделал с моей семьей?

Возникла пауза. Данченко восхищался смелостью и решительностью этой женщины. Будучи председателем НКВД Сибири, генерал обладал абсолютной властью в округе. Возможно, у него и возникла в какой-то момент мысль арестовать ее немедленно, но другая мысль, рожденная вспыхнувшим чувством, пересилила первую. Он сам захотел удержать эту женщину в Новосибирске.

— Я вам сказал, что его оставлю. Без моего указания поезд никуда не уйдет. Его просто перегнали на другой путь! Но запомните: если вы подойдете ко мне на перроне в присутствии посторонних или сделаете хоть один неверный шаг — тогда все! Можете считать, что мы никогда не виделись! Понятно?

Она молча повернулась и вышла из кабинета. Поезд действительно отогнали к платформе на пятый путь и там остановили. Мария Георгиевна подошла к вагону, но позвать Месропа не было сил. И она просто стояла поодаль, глядя упорно в ма-

ленькое окошко вагона. Ее увидел кто-то из заключенных и, наверное, сообщил Месропу, который вновь возник у окна.

Прошло несколько минут. Наконец в конце платформы появился Данченко, сопровождаемый начальником вокзала и группой офицеров. Они двигались, останавливаясь у каждого вагона, ему что-то докладывали, адъютант делал записи, и процессия продолжала путь. Вот они поравнялись с вагоном, в котором находился Месроп. Сердце Марии Георгиевны сильно забилось. «Сейчас он распорядится, и мужа выведут! Ну вот, еще мгновение!» — стучала мысль в ее голове. Но Данченко у этого вагона задержался не более, чем у других. Они о чем-то посоветовались... и направились дальше на глазах у Марии Георгиевны. Группа уходила все дальше и дальше вдоль поезда, а Месроп продолжал смотреть на жену с печалью. Мария Георгиевна не могла больше стоять на ногах. Она попятилась назад к ограде и прислонилась к ней спиной.

Данченко вместе с сопровождавшими дошел до конца поезда и, развернувшись, направился к вокзалу. Вскоре все скрылись в здании. Потянулись бесконечные минуты. Мария Георгиевна начала сознавать, что Данченко ее опять обманул. Она не знала, что еще можно предпринять, но вдруг с перрона в сторону поезда направился офицер с солдатом. Они вошли в тот самый вагон и еще через минуту вывели из поезда звенящего цепями Месропа.

Ноги у Марии Георгиевны подогнулись, и женщина, скользя спиной по ограде, медленно опустилась на землю...

- - -

Кандалы с Месропа сняли в местной управе. Для поселения семье могли предоставить только заброшенную баню на краю города. Месропа определили на работу землекопом на строительстве барачков. Марии Георгиевне неожиданно предоставили вполне приличное место секретарши в ведомстве Данченко, который стал открыто за ней ухаживать, не обращая внимания на сослуживцев. Вызывал ее к себе в кабинет и подолгу расспрашивал о прошлом, понимая, что подобные воспоминания доставляли Марии Георгиевне радость. Сам Данченко

с семьей жил в шикарном доме, конфискованном у местного заводчика. У него был целый штат прислуги: повар, садовник, дворник, рядом неотлучно находились несколько адъютантов.

А в их с Тарасовым бане жили огромные крысы. Животные изгрызли все вокруг: деревянные лавки, стены и периодически съедали даже тряпки, совершенно не боясь присутствия людей. Существовал большой риск, что крысы могли напасть на спящих.

Однажды, проснувшись ночью, Мария Георгиевна свесилась с кровати и зажгла керосиновую лампу, стоявшую на полу. И вдруг в мерцающем свете увидела огромную крысу, сидевшую прямо на одеяле у нее на постели. Крыса приподнялась и уселась на задних лапах, спокойно наблюдая за Марией Георгиевной и пережевывая что-то во рту, а потом в два прыжка оказалась на полу в другой части комнаты.

Жизнь в бане с неустроенным бытом вскоре стала невыносимой. Дополнительные трудности возникали от неумения Марии Георгиевны что-либо делать самой. Ей практически никогда ранее в жизни не приходилось готовить пищу, стирать одежду, стоять в очередях за хлебом и картошкой и просто убирать помещение. Даже застилать за собой кровать ее никто никогда не учил. Она снимала верхнюю одежду и бросала ее тут же при входе на пол. Мыть полы тоже оказалось проблемой, не говоря уж о глажении одежды утюгом, в котором находились горящие угли. Начались ссоры с мужем. Он безумно ее ревновал.

С другой стороны, на работе Марию Георгиевну встречали свежие цветы в вазе от Данченко, приглашения сходить в концерт или на званый обед и все более и более настойчивые ухаживания. Генерал дарил ей не только цветы, но и многое другое, например шоколадные конфеты в огромных коробках, и настойчиво добивался своей цели.

— Как может такая женщина, как вы, жить в этих чудовищных условиях? Но я ничем вам не могу помочь, пока вы замужем за ссыльным. А законом, кстати, предусмотрена очень легкая процедура развода с осужденными. Вам только надо написать единственное заявление...

— Я не хочу это слушать! — прерывала его Мария Георгиевна — Я пожертвовала своей жизнью ради мужа и останусь ему верной женой. Вы можете себе позволить ухаживания за любовью женщиной вокруг. Зачем вы мне это говорите?

Она спешно удалялась из его кабинета, как только разговоры приобретали такой характер, но подарки принимала: было выше ее сил отказаться от очередного флакона французских духов или помады.

Муж видел эти подарки, но молчал, переживал страшное смятение чувств, терпел. Он считал, что Мария Георгиевна живет с ним только из жалости к его ничтожному положению, что было унижительно для Месропа. Он чувствовал себя в положении прокаженного или инвалида, за которым в силу долга ухаживает прекрасная двадцатичетырехлетняя женщина. Она могла бы устроить свою жизнь в столице или вообще уехать вслед за прошлой эпохой за границу.

Однажды, вернувшись с работы особенно уставшим, Месроп вымыл ноги в тазу и свалился боком на кровать.

— Мара! Вылей воду из таза! — сказал он.

Мария Георгиевна сидела в этот момент перед зеркалом и занималась своими бровями.

— Что ты сказал? — переспросила она и добавила: — Встань и вылей сам!

— Нет! Это ты сейчас же возьмешь и выльешь воду, без разговора! — повторил Месроп.

Она замерла на секунду, а потом резко встала, подошла к тазу, подняла его и вылила воду прямо на голову мужу.

Месроп побелел, его глаза заблестели. Он поднялся с постели, подошел к стене, сорвал с нее огромный черкесский кинжал, выхватил его из ножен и бросился на жену. Ее спасло только одно мгновение: она взглянула ему в глаза и упала в обморок. Он признавался ей потом, что, не случись этого, наверняка бы ее убил.

Придя в себя, Мария Георгиевна сначала стала собирать вещи, но потом села на стул, бессильно опустив руки на колени, и заплакала. Месроп не мог найти в себе силы, чтобы подойти и успокоить жену. Он отвернулся к стене.

— Если ты живешь со мной только из жалости — завтра же уезжай в Москву, — сказал он. — Мне от тебя жалости не надо. Я не буду против развода.

Это был один из самых серьезных семейных кризисов в их жизни. Мария Георгиевна покорно подошла к мужу сама и опустилась перед кроватью на колени:

— Пожалуйста, Месроп, не выгоняй меня. Я люблю только тебя одного. Я поняла свою ошибку. Прости меня, если можешь, ну, пожалуйста...

Он поднял ее с колен и стал целовать в заплаканное лицо.

На следующий день на работе ухаживания Данченко стали перерастать в прямое домогательство. Мария Георгиевна понимала, что с той же легкостью, с которой Данченко оставил мужа в Новосибирске, он может поменять свое решение или просто перевести его со свободного поселения в тюрьму, а возможно, и расстрелять прямо у стены бани.

Ей приходилось прибегать к разным женским уловкам, чтобы отбиваться от домогательств. А он стал вызывать ее в кабинет, закрывал двери на ключ, что повергало ее в трепет и волнение, диктовал какие-то неважные бумаги, брал ее за руки, гладил по плечам.

И, наконец, он просто признался ей в любви и тут же предложил:

— Вы можете выбрать любую страну: Францию, Италию, Германию, и меня тут же направят туда послом. Мне только стоит позвонить в Москву. И тогда вы поедете туда жить со мной. Только укажите, в какой стране вы бы хотели жить. Зачем вам оставаться с каторжанином? Разве вы не скучаете по своему сыну? Разве вам безразлична его судьба? Мальчика надо отдать в хорошую швейцарскую школу.

Данченко стоял на одном колене напротив Марии Георгиевны и сжимал ее запястье.

— Не говорите мне сейчас ничего. Вы же умная женщина и сможете все продумать. Я с женой живу только формально. Она не против такого поворота. Я обо всем ей рассказал. Мы договорились, что, обеспечив ее и детей, я могу быть свободным. Я безумно люблю вас и готов на все. Слышите, абсолютно на все...

Мария Георгиевна выдернула руку и поспешно вышла из кабинета Данченко. Она не смогла оставаться на работе и, сославшись на головную боль, быстро ушла домой. По дороге, которая была довольно длинной, Мария Георгиевна шла, вздрагивая от любого шума мотора, думая, что это машина Данченко, посланная следом. Она понимала, что генерал уже не может бороться с собственными чувствами и действительно готов пойти на все.

«Но что делать? Поговорить с мужем? А зачем? Что может сделать он? Это приведет только к усилению конфликта и дополнительным переживаниям, — думала Мария Георгиевна. — Может быть, стать его любовницей? Но это так постыдно. И разве я смогу скрыть измену от мужа? И разве это остановит его от действий в отношении Месропа?»

Незаметно для себя, за размышлениями, она зашла во двор разрушенной церкви и прошла в храм через двери. Внутри все было разорено. Фрески на стенах изуродованы, только местами оставались куски с росписью, сохранившие рисунок. Иконостас либо вывезен, либо уничтожен. Ко всему прочему церковь еще и жгли. На месте алтаря валялись обуглившиеся куски бревен. Купол был наполовину снесен, и вверху, словно рана, зияла огромная дыра, устремленная в небо.

Мария Георгиевна перекрестилась и прочла молитву: «Ангеле Христов святыи, к тебе припадая молюся, хранителю мой святыи, приданный мне за соблюдение души и телу моему грешному от святого крещения...»

Она вышла из развалин и столкнулась в дверях со старушкой, которая странно на нее посмотрела и сказала:

— Все будет хорошо, доченька... Вот увидишь! Храни тебя Бог!

Мария Георгиевна быстро пошла по улице и вскоре оказалась дома. Месроп возвращался домой уже затемно, перемазанный глиной, множество раз пропотевший и продрогший за день в канавах. Он так сильно уставал, что временами полностью замыкался и весь вечер, до самого сна, не ронял ни слова. Он тоже жил напряженным ожиданием худшего, потому что многое понимал, но оставался смиренным.

В этот вечер он тоже было замкнулся в себе, но вдруг, взглянув на жену, спросил:

— Мара! У тебя что-то сегодня произошло?

— Нет. Ничего особенного. С чего ты это взял? — ответила она.

Месроп опустил глаза и больше ничего в этот вечер не говорил. Она вязала ему свитер на самодельных деревянных спицах, а он задумчиво сидел у печки и грел замерзшие руки.

Когда Месроп уснул, она взяла лист бумаги и при свете лампы стала писать.

Утром, на работе Мария Георгиевна обнаружила большой букет белых роз на столе. Она посмотрела на них несколько секунд и решительно вошла в кабинет Данченко. Поздоровавшись, она протянула ему сложенный вдвое листок бумаги.

Данченко взял его в руки, развернул и прочитал. Это было ее заявление об увольнении с работы по собственному желанию. Он повертел бумагу в руке и, не глядя на Марию Георгиевну, написал резолюцию в углу: «Согласен».

— Ну и как вы будете жить дальше? Вы все равно можете в любой момент принять мое предложение. Я подожду.

Наверное, Данченко имел своих осведомителей, которые докладывали ему о проблемах в жизни семьи Тарасовых. Иначе он не был бы столь терпеливым.

В то время среди новой элиты было модным жениться на бывших аристократках. Эта своеобразная тенденция появилась, в частности, и по причине разорения многих светских барышень и их родителей. Мария Георгиевна не могла на это пойти. Она ушла из департамента, оставив на столе розы и ничего не объяснив сослуживцам.

Дома она рассказала Месропу о своем поступке. Во время рассказа Мария Георгиевна смотрела ему в глаза, пытаясь оценить реакцию мужа. Он оставался невозмутимым и слушал ее спокойно.

— Ну что же, это еще один благородный поступок с твоей стороны, Мара. Я наверняка этого не заслужил.

Камень упал с сердца Марии Георгиевны. Она стала весела и игрива, а вскоре устроилась на работу декоратором в павильоне выставки народного хозяйства.

Через две недели произошло событие, которое окончательно положило конец опасениям семьи. Брали банду в соседнем поселке. Операцией руководил лично Данченко. В перестрелке с бандитами он был серьезно ранен и, не приходя в сознание, скончался в городской больнице.

— — —

Дела в семье необъяснимым на первый взгляд образом начали налаживаться. Месроп продолжал копать канавы под фундаменты барачков, но, не удержавшись, стал подсказывать строителям, как лучше строить и ставить стены. Помните, у него было архитектурное образование? Строители стали к нему прислушиваться, и очень скоро его произвели в прорабы, несмотря на статус ссыльного. Вскоре Месропа попросили поработать в архитектурном управлении города и помочь с проектом новой застройки. Его пригласили на должность инженера-строителя и по его личным проектам начали застраивать улицы Новосибирска.

Тарасовым дали однокомнатную квартиру в центре города, а потом и двухкомнатную. Архитектурное управление подписало ходатайство о помиловании Месропа, и бумага ушла в Москву.

Работать Марии Георгиевне уже было незачем. Вскоре приехал Миша, вполне сформировавшийся юноша. Внешне он был похож на мать, чем радовал и самого Месропа. Сын пошел в школу, построенную по проекту отца, чем очень гордился.

И наконец через пару лет из Москвы пришел ответ с резолюцией о помиловании. А еще через год Месропа назначили главным архитектором Новосибирского округа. Это было самое престижное из всех возможных мест работы, которое мог занять в это время беспартийный, да еще из «бывших». Месроп, впрочем, политикой совершенно не интересовался, а всецело уходил в свое творчество. Он стал одним из зачинателей нового советского стиля в архитектуре, который впоследствии окрестят «сталинским ампиром». Этот стиль так нравился власти, что каждый второй кирпичный дом на центральных улицах Новосибирска был построен на такой манер.

Месроп страдал туберкулезом в закрытой форме и тромбозом ног, болезнями, приобретенными в канавах. Жить в Новосибирске становилось трудно из-за климата. В это время туда приехал нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Он был потрясен качеством и красотой возводимых домов и захотел лично познакомиться с архитектором проектов. С первого же вечера они чудесным образом понравились друг другу. Серго даже согласился посетить дом Тарасова и, увидев Марию Георгиевну, был потрясен ее красотой.

— Я теперь понимаю, почему вы строите такие прекрасные дома! При такой красавице жене очень легко обрести вдохновение! — сказал он за столом.

Серго Орджоникидзе был дворянского происхождения и воспринял интеллигентную семью Тарасовых достаточно адекватно. А через несколько часов он уже пригласил Месропа переехать в Тбилиси, с чем тот с радостью согласился.

Став главным архитектором города Тбилиси, дед продолжил совершенствовать городское строительство. Марии Георгиевне особенно приятно было оказаться в Тбилиси, где жили две ее двоюродные сестры. Они были прекрасно устроены, и обе работали в библиотеке. Мария Георгиевна к ним присоедибилась на общественных началах.

Секрет благоустройства сестер оказался простым. Когда-то, еще до Октябрьской революции, в маленьком грузинском городе Гори отец сестер — брат Натальи Николаевны, помог молодому революционеру укрываться от преследования полиции. Он поселил у себя молодого человека с кавказскими усами и заботился о нем, как о родном сыне. Этим человеком был Иосиф Джугашвили, Сталин.

Когда семья сестер оказалась в бедственном положении в Тбилиси и размещалась в маленькой комнатке в коммунальной квартире, отец, не имевший работы и подвергавшийся преследованиям, решил написать письмо в Кремль.

«Дорогой Сосо! — начиналось его послание. — Мне хочется верить, что ты вспомнишь обо мне...»

Через несколько дней к дому, где жили сестры, подъехала огромная легковая машина. Все подумали, что отца уже

больше не увидят, когда за ним закрылись двери автомобиля. Он сам решил, что дорога лежит прямо в тюрьму, но на самом деле его повезли по улицам Тбилиси, показывая одну за другой великолепные многокомнатные квартиры в центре города. Он выбрал одну из них, с видом на Куру у подножия горы Мтацминда. И с тех пор семья жила в пятикомнатной квартире, получала специальный паек, которого не просто хватало не только на жизнь, но еще и на закармливание продуктами всех соседей, что считалось естественным на Кавказе.

Дома по проектам Месропа строились на самых главных улицах в Тбилиси. Особенно было приятно смотреть, как они вырастали на проспекте Руставели, где так любили гулять Тарасовы. Им тоже дали приличную квартиру в центре. Михаил уже ходил в старшие классы школы, а Мария Георгиевна продолжала любить мужа и жить его судьбой.

Перед Отечественной войной Орджоникидзе неожиданно вызвал Месропа в Москву. Освободилось место главного архитектора Наркомтяжпрома, Серго вспомнил о Тарасове и настоял на том, чтобы его перевели в Москву. Перевод был оформлен в порядке приказа, и, хотя Тарасов оставался беспартийным, не подчиниться приказу было нельзя.

В Москве им выделили квартиру на Гоголевском бульваре, совсем недалеко от переулочка имени Фурманова, где находился родной дом бабушки, конфискованный комиссаром. Мария Георгиевна с большим волнением прошла по Сивцеву Вражку и, повернув налево, подошла к своему дому. Фурманов умер в 1926 году, и теперь на доме висела мемориальная доска.

Дом был поделен на множество коммунальных квартир и перестроен внутри. Мария Георгиевна постояла рядом, потрогала стену и отошла. Войти она так и не решилась. Это только усилило бы печаль Марии Георгиевны.

Месроп продолжал успешно проектировать дома. Множество из них было построено на Тверской улице, позже переименованной в улицу Горького. Но венцом архитектурного творчества моего деда стало здание ВГИКа (Всесоюзного государственного института кинематографии).

Во время войны Месроп получил освобождение от службы в армии. Он должен был постоянно находиться в Москве и после каждой бомбежки составлять подробный анализ разрушений зданий в центре города. Кроме того, по прямому указу Сталина Месропа назначили в комитет по сооружению фортификационных заграждений вокруг Москвы. Военная обстановка требовала полной мобилизации сил. А здоровье Месропа быстро ухудшалось. Тяжело заболела и Наталья Николаевна. Сын Михаил ушел на фронт добровольцем. Мария Георгиевна сдавала кровь и стала почетным донором. Кроме того, это давало прибавку к денежному довольствию семьи, которого не хватало на всех. Ведь на ее содержании оказалась еще и семья младшей сестры Элеоноры с больным мужем, а также две сестры ее мужа, не имевшие продовольственных карточек.

В мае 43-го умерла Наталья Николаевна. Доставшиеся от нее в наследство несколько украшений Мария Георгиевна отнесла в Торгсин. Была такая государственная скупка, где за копейки у населения выкупали драгоценности и золото. Тогда произошла удивительная история.

Как-то, обратив внимание на большой серебряный поднос, Мария Георгиевна решила и его отнести в Торгсин, хотя понимала, что возьмут его как лом металла и больше нескольких десятков копеек ожидать нельзя. Вместе с подносом она решила отнести и мамино кольцо, которое лежало в коробке с нитками, было изготовлено из белого металла с большим темно-зеленым камнем квадратной огранки.

— Может быть, и за него дадут пару копеек, — предположила Мария Георгиевна.

Она пошла в ближайшее отделение Торгсина и вначале протянула поднос. Его взвесили и выдали двадцать семь копеек. Затем Мария Георгиевна, не ожидая ничего примечательного, протянула оценщику кольцо. Тот взял его в руки, повертел в пальцах и, нацепив большую лупу, уставился на камень. Прошла минута. Оценщик периодически отрывался от камня и поднимал взгляд на Марию Георгиевну, потом опять опускал голову и кряхтя осматривал камень.

— Откуда у вас эта вещь? — спросил он наконец.

— Досталась по наследству, после смерти мамы.

— Тогда подождите в зале одну минуточку.

Оценщик вышел в служебную комнату приемного пункта и вскоре появился обратно со своим коллегой. Тот тоже стал осматривать кольцо в лупу и что-то при этом нашептывать сослуживцу. Потом он резко взглянул на Марию Георгиевну и произнес:

— Вас девятьсот девяносто рублей за кольцо устраивает?

— ?

Хотя названная сумма не укладывалась в воображении Марии Георгиевны, она все же не потеряла самообладания и неожиданно для себя самой ответила:

— Нет, не устраивает. Верните кольцо.

Служащий Торгсина покачал головой и вернул кольцо. Это оказался изумруд редчайшего темно-зеленого цвета, практически без изъянов и вкраплений, весом почти тридцать пять карат.

Мария Георгиевна бросилась в соседний Торгсин. Она не понимала, что информация о кольце была уже передана по всей сети Торгсинов, и, куда бы она ни обратилась, всюду уже были готовы ее встретить.

Поэтому в следующем Торгсине за кольцо предложили только девятьсот восемьдесят восемь рублей, почти не изучая его в лупу.

Ей пришлось возвратиться в прежнее место и согласиться на продажу. Семья и люди, находившиеся у них на иждивении, прожили на эти деньги почти весь год.

Моя бабушка Мария Георгиевна умерла в 1991 году, в последний год моей жизни в Москве, перед моей вынужденной эмиграцией. Я не видел момента ее смерти.

Медицинская сестра, которую я нанял для ухода за бабушкой, справлялась с этим на дому, а в больницу Марию Георгиевну не взяли. Им не нужна была лишняя статистика смертей. А может быть, и по другой причине. Но даже предложенная мной взятка не сработала. У бабушки был рак кожи, и открытая рана кровоточила и излучала ужасный гнойный запах.

Она умерла под утро, не позвав меня и не разбудив медицинскую сестру, задремавшую рядом. Как ни странно, об этом

первой узнала соседка за стеной, граничившей с комнатой бабушки. Там у них находилась кухня и на газовой плите располагалась большущая коробка спичек. Соседка только что проснулась и зашла на кухню, как вдруг коробка спичек буквально взорвалась на ее глазах! Она почему-то подумала о Марии Георгиевне и позвонила к нам в дверь. Когда мы зашли в комнату к бабушке, она уже была мертва.

Если верить синергетике, ее дух, вырвавшись из тела наружу, был настолько сильным в этот момент, что зажег коробку спичек за стеной! Это самое последнее воспоминание о ее жизни и смерти.

**И ВСЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ
НА КРУГИ СВОЯ**

Что бы там ни говорили, но участие в политических выборах — это наркотик. Зависимость от него можно излечить поражением. Однако лечение проходит болезненно и порой с тяжелыми моральными последствиями для пациента.

В процессе же самих выборов пациент находится в полной эйфории от собственной личности. Он упивается возможностью общаться с остальным народом «на равных», и какую бы чушь он ни нес с экрана телевизора или на встречах с избирателями, он делает это с полной убежденностью в гениальности своих программ и обещаний. Участник выборов незаметно начинает смотреть на себя как бы со стороны. А портреты, размещенные на огромных билбордах, где пациент собственной персоной олицетворяет светлое будущее страны, только прибавляют ему ощущения величия. И надписи: «Долой коррупцию!», «Все для народа!», «За счастье и стабильность!», «Это — наш выбор!»... Разве есть большее наслаждение для личности, чем лицезреть это наружное украшение города, пролетая по разделительной полосе дороги на глазах у бесильных что-либо предпринять гаишников?

Люди, страдающие хронической зависимостью от наркотика публичности, выискивают любые возможности, чтобы закрепиться на Олимпе всеобщего внимания. Они пытаются стать лидерами партий или общественных объединений, занять руководящие посты в центре и на местах и готовы пойти на все, чтобы только удержаться в поле народного интереса. Они легко меняют собственные взгляды, не чужаются лести и подхалимства, плетут интриги и подсиживают начальство, и даже идут на уголовные преступления... Пусть земля тебе будет пухом, Сергей Юшенков!

Тебя убили на пороге дома потому, что хотели занять твое место в либеральной партии...

Сколько же выборов, самых разных, было у меня за эти годы — не сосчитать!

На эту «иглу» я сел давно, еще в СССР, в 1989 году. До сих пор не пойму, почему я все-таки поехал в Обнинск, закрытый город, о котором ровно ничего не знал. Ну, конечно, слышал о знаменитом военно-космическом комплексе «Энергия», о том, что там где-то находилась Обнинская атомная электростанция. И все.

В это время были объявлены довыборы в депутаты Верховного Совета СССР по Смоленскому округу № 27. И надо же такому произойти: городская комсомольская организация выдвинула меня в кандидаты. Это была полная неожиданность, я не понимал, что такое выборы, что такое политическая борьба. Но ребята-комсомольцы так просили, что, не желая им отказывать, я отправился в Обнинск.

Приезжаю в город, и мне сообщают:

510

— Артем Михайлович, мы вас не предупредили, но через полчаса в конференц-зале научного центра состоится собрание общественности, на котором вы должны выступить со своей предвыборной программой.

Дело в том, что тогда процедура выдвижения кандидатов в народные депутаты была довольно сложной, не такой, как сейчас.

Впервые в СССР наступил момент, когда существовавшая раньше система «выборов без выбора» была поставлена под сомнение. С той, старой, все было предельно ясно: автоматически из года в год партийные органы назначали на безальтернативной основе кандидатов, которых формально избирали всенародным голосованием, и всегда с результатом 98 процентов — «за». И так каждые пять лет, от съезда к съезду.

В 1989 году Политбюро ЦК КПСС и Горбачев, которые всю уже заигрывали с западной демократией, решили провести выборы по-другому, так, чтобы в них участвовало несколько кандидатов на одно место. Конечно, все это должно было остаться под полным контролем органов коммунистической партии. Но все же посмотреть, что получится из новшества, власти очень хотелось.

По замыслу руководства вначале трудовые коллективы в разных местах должны были выдвигать своих кандидатов на собраниях общественности, и если их окажется несколько, то среди них выбрать представителей данного района или города, их и надо направить на окружное собрание избирателей. Там, на второй стадии, избрать тайным голосованием несколько финалистов от избирательного округа, которые получали право вступить в предвыборную борьбу между собой.

В наш огромный Смоленский округ № 27 входили: Калужская, Смоленская и Брянская области с общим числом избирателей более пяти миллионов человек! Вы представляете, какое количество кандидатов было предварительно выдвинуто коллективами в городах и районах этих областей? Точную цифру не помню, но только по маленькому городку Обнинску было предложено несколько кандидатов от разных коллективов трудящихся.

Всем нам предстояло выступать со своими программами в коллективах города. После каждого выступления должно было пройти открытое голосование «поднятием рук» собравшихся, чтобы определить того, кто наберет наибольшую поддержку в коллективах и поедет делегатом от Обнинска на окружное собрание в Смоленск.

Вот такая система впервые была предложена.

Все это застало меня врасплох. У меня не было даже заготовленной речи, какая уж там программа для страны! Я вообще не представлял, как и о чем говорить, и даже не догадывался, с кем я встречу лицом к лицу.

Но отказаться было невозможно. Народ уже начал собираться в огромном зале предприятия, и объявления были расклеены по всем отделам и цехам научного центра.

Когда мы с комсомольцами приехали на место и мне в глаза бросилось это объявление, я, честно говоря, сильно засомневался в успешном исходе того, что мне предстояло сделать.

Там было написано:

«...выборы кандидата для участия в окружном собрании избирателей от города Обнинска по Смоленскому округу № 27 между: заместителем Генерального прокурора СССР — товарищем Катусевым А.Ф. и кооператором — товарищем Тарасовым А.М.»

Как выяснилось, сам Катусев в Обнинск не приехал. И это только усложнило мое положение. Представлять на этом собрании Катусева было поручено легендарному следователю по особо тяжким уголовным преступлениям, известному политику Гдяну Тельману Хореновичу — доверенному лицу Катусева.

Тогда на всю страну гремело узбекское дело о коррупции, раскрытое следователем Гдяном, и Тельман Хоренович находился в первом ряду самых популярных людей СССР.

И вот я оказался на сцене, а Гдян задержался где-то в дороге. Каждому из нас на выступление отводилось по десять минут, а потом должно было состояться голосование. Поскольку Гдяна еще не было и надо было начинать собрание, слово для выступления первому дали мне.

Я начал говорить какую-то чушь про перестройку, про гласность и кооперацию, достаточно вяло и невразумительно, и вдруг моя речь была прервана буквально шквалом аплодисментов: в зал вошел Гдян.

Он поднялся на сцену и, не обращая на меня никакого внимания, раскланивался перед восхищенной публикой, будто дирижер после окончания концерта.

Когда через несколько минут зал утихомирился и мне дали возможность продолжить, я кое-как довел не понятное никому выступление до не понятного никому конца и сел на место.

Гдян, с усмешкой глядя на меня, встал и подошел к трибуне. Председательствующий предупредил о регламенте выступления, и Гдян начал речь:

— Это вы мне, Гдяну, говорите, что надо выступать всего десять минут? Гдяну — депутату Верховного Совета СССР, заслуженному юристу Советского Союза? Гдян будет говорить столько времени, сколько понадобится! — Он почти все время говорил о себе в третьем лице, и эта манера придавала ему особую значимость и величие.

— Удивительно, что здесь происходит? Нет предела возмущению! Вначале думал, что приехал в солидное учреждение представлять заместителя генерального прокурора СССР. И кто на сцене? Кооператор-колбасник! Это же надо было стране до того докатиться, чтобы Гдяну делали какие-то заме-

чания по регламенту и чтобы Катусеву, заслуженному человеку, на котором держится вся совесть нации, противостоял какой-то колбасник-кооператор! Такого стыда Гдян в своей жизни еще не испытывал!

После этих слов в зале воцарилась какая-то жуткая, тюремная тишина.

Тельман Хоренович выступал почти два часа. Он рассказал о своей жизни, об узбекском деле, о том, как они, естественно вместе с Катусевым, вернули государству миллиарды рублей и что чуть ли не сам Катусев раскрыл все эти преступления, несмотря на давление властей. Далее он отвечал на многочисленные вопросы из зала, и собрание превратилось в вечер встречи с легендарным следователем.

Гдян был очень неплохим оратором, тема разговора о преступлениях власти была самой злободневной, и через какое-то время люди вообще забыли о моем присутствии. Действительно, слушать его было очень интересно, ведь тогда впервые в СССР к ответственности привлекли первых лиц среднеазиатской республики. Суммы похищенных денег поражали воображение собравшихся, и все переживали так, будто эти деньги были похищены из их собственных карманов, но потом возвращены.

Когда Гдян закончил речь под овацию зала, я увидел чрезвычайно мрачные и вытянутые лица двух ребят-комсомольцев, сидевших среди публики. Не отдавая себе полного отчета о том, что делаю, я встал и, обратившись к председателю собрания, сказал:

— Товарищ председатель! В своей речи уважаемый товарищ Гдян обращался лично ко мне, и поэтому я хотел бы ему ответить на это обращение, прошу разрешить мне сказать буквально несколько слов.

Зал притих и с интересом обратил на меня внимание. Получив молчаливое согласие председателя, я снова вышел на сцену и сказал:

— Да, конечно, уважаемые товарищи, следователь Гдян имеет право прямо сейчас меня арестовать! Не удивляйтесь. В Уголовном кодексе СССР есть статьи «за предприниматель-

ство» и «за коммерческое посредничество». По ним дают до пяти лет тюрьмы с конфискацией имущества, а я как раз именно этим и занимаюсь. Заявляю это вслух. Вот почему Гдлян, если захочет, может на законных основаниях здесь, при вас, надеть на меня наручники.

Это была правда. Зал замер в ожидании, а я продолжал:

— Но пока этого не случилось, я хочу ответить на заявление о том, что ему стыдно сидеть на сцене рядом с «колбасником». Так вот, Тельман Хоренович, у меня только одно возражение: ваш товарищ Катусев и вы сами в Верховном Совете гораздо ближе к колбасе, чем я! Вы эту колбасу едите каждый день, а мы ее еще не начали производить. Поэтому купить ее в России простому человеку негде.

Действительно, в то время в Обнинске все чаще и чаще были перебои в снабжении продовольствием. Периодически исчезали из продажи то мыло, то сигареты, то другие товары. В городе, где практически отсутствовала собственная легкая и пищевая промышленность, купить обычные продукты питания было огромной проблемой. За колбасой все подмосковное население ездило в Москву на электричках, которые так и называли — «колбасными электричками». В Москве люди простаивали многочасовые очереди в магазинах, чтобы купить батон докторской колбасы или несколько килограммов сосисок в целлофане. А копченая колбаса — сервелат — была исключительной редкостью, завозилась в СССР в основном из Финляндии и выдавалась населению разве что в праздничных заказах — по двести граммов на человека.

Когда я закончил, произошла полная неожиданность: зал буквально взорвался от аплодисментов! Люди стали вставать с мест и гневно спрашивать у Гдльяна о перебоях в снабжении города продуктами.

— А действительно, — интересовались выступающие, — где колбаса? Почему ее нет в Обнинске? Что этот Катусев нам дал? Он же сам на пайках цековских живет! И вы там в своем Верховном Совете целые дни в буфете колбасу едите! Нам не перестройка, нам колбаса нужна!

Все продолжали шуметь и возмущаться:

— Слушайте, зачем эти ваши рассказы, агитация? Правильно Тарасов сказал! Вы ответьте прямо: когда будет в Обнинске колбаса? Долго еще нам гоняться за ней по Москве? По три часа в электричках ездим! Да что колбаса! У нас масло кончается и сахара в городе нет!

Возмущение зала лавинообразно нарастало. Гдяню был просто уничтожен. Чтобы успокоить присутствующих, вспотевший секретарь парткома, сидевший с нами в президиуме на сцене, вскочил и предложил выдвинуть кандидатами нас обоих. Так и проголосовали: кто за обоих кандидатов?

Спасибо Гдяню, с этого момента я просто завелся. Мне стало понятно, как выступать. Люди жаждали перемен. Стало ясно, что мы, пионеры капиталистического труда, не так уж одиноки и только поддержка общества может защитить нас от репрессий власти. Мы должны публично выступать и не прятаться по углам. Да, мы занимались свободным предпринимательством в стране, в которой это расценивалось как уголовное преступление. Но уже вышел закон о «кооперативной деятельности», который противоречил Уголовному кодексу и гарантировал нам формальные права.

«Принят закон, разрешивший эту деятельность, так почему же нас усиленно хотят превратить во врагов народа?» — думал я, возвращаясь с победой в Москву.

Тогда я еще не понимал простой истины: власти всегда нужно иметь под рукой «врагов народа», в этом случае очень легко этим народом управлять! А самое главное, всегда будет на кого свалить собственные неудачи и неспособность руководить страной. И о какой ответственности власти можно говорить, когда враг затаился внутри самого государства? Удобная позиция. Вот когда расправимся с ним полностью, тогда и будем отвечать перед народом. Если к тому времени не будет найден новый враг...

— — —

Окружное собрание избирателей, куда я был выдвинут от города Обнинска, проходило в Смоленске. Из двадцати пяти претендентов, делегированных от территорий, на нем нужно

было отобрать двоих для регистрации в качестве кандидатов в народные депутаты СССР по округу № 27. Кремль заказывал альтернативные выборы.

Всех нас, двадцать пять выдвиженцев, усадили в два ряда на сцене драматического театра города Смоленска. В зале, заполненном народом, расположились представители городов и районов, от которых были выдвинуты претенденты в кандидаты, сидевшие на сцене.

Поскольку Обнинск был городом незначительным по сравнению со Смоленском, Брянском и Калугой, во-первых, меня посадили во втором ряду, за спинами уважаемых выдвиженцев из областных центров. А во-вторых, мою малочисленную делегацию поддержки из Обнинска отправили на галерку — на самый верхний ярус театральных балконов. В переднем ряду сидели люди в орденах, заслуженные и уважаемые всей страной. Среди нас, претендентов, были личности всероссийского масштаба: летчик-космонавт В. Соловьев и даже заместитель министра обороны СССР генерал Ю. Яшин, а также знатные и орденосные руководители областных предприятий, колхозов и, конечно, партийные и профсоюзные лидеры регионов. По своей значимости среди этой компании, или, как теперь говорят, по рейтингу, я выглядел абсолютным нулем.

Моя группа поддержки из Обнинска состояла всего из пяти человек, а оставшиеся места в зале, вмещавшем более тысячи зрителей, занимали группы поддержки моих соперников. Победить в таком собрании при тайном голосовании казалось совершенно невозможной задачей.

За летчика-космонавта СССР Соловьева, который только что слетал в космос, заранее готова была проголосовать большая часть зала — представители научных центров, авиационного завода и другой промышленности областей. Генерала Яшина в зале поддерживали человек триста—четыреста военных, привезенных из разных мест на автобусах. Остальные присутствующие, в основном местная элита власти, конечно, не могла меня поддерживать в силу своего коммунистического сознания и классовой враждебности к капиталистам, представшим перед ними в моем образе.

Повестка дня была простой и очень серьезной: сначала выступления всех двадцати пяти претендентов, потом вопросы из зала, ответы на эти вопросы и тайное голосование.

К тому времени у меня еще не было предвыборной платформы. Поэтому за те три минуты, которые были отведены на мое выступление, я просто попытался чем-то задеть зал за живое. Я говорил о том, что нормально жить мы сможем только тогда, когда нас освободят. Что у нас богатая страна, но мы нищие, потому что любое предпринимательство людям запрещено. Я говорил, что можно, конечно, к кооператорам относиться как угодно, но если не снять запреты с производственной деятельности кооперативов, не разрешить свободную торговлю, не будет колбасы в магазинах и мы никогда не сможем побороть дефицит. В конце выступления я почувствовал, что никто в зале ничего так и не понял из моей речи. Агрессивно настроенные военные и люди из групп поддержки других претендентов даже свистели во время моего выступления. Это был полный провал.

Зато блестяще выступил председатель колхоза по фамилии Николаев. Он вышел, такой туповатый на вид мужичок-простачок, и сказал:

— Вы знаете, мне приснился сон, будто выбрали меня депутатом Верховного Совета. И вот встречает меня Раиса Максимовна Горбачева и говорит: приходите к нам на чашечку чая...

Все хлопали, орали и смеялись.

Заместитель министра обороны Яшин просто пообещал пустить троллейбус в городе, построить сотни тысяч квадратных метров жилья силами военных для горожан и устроить райскую жизнь. Космонавт Соловьев был вообще вне конкуренции — живой Герой СССР со звездой на лацкане! Мог вообще не выступать, а он еще говорил о развитии науки и новых рабочих местах!

Я, конечно, среди них затерялся полностью. Но, по счастью, мне пришли совершенно уничтожающие вопросы из зала, наглые и запредельно издевательские. И в ответах на них я переиграл всех.

Вопросы действительно были жуткие: про воровство, про спекуляцию и даже про мою национальность. Мол, какое право вы имеете, господин Тарасов, армянин по паспорту, представлять российский регион в Верховном Совете?

У меня в памяти почему-то возникла фраза Томаса Манна, и я ответил:

— Знаменитый немецкий писатель Томас Манн когда-то сказал: «Немец — это мое прозвище, имя мое — человек!» Вот вам ответ про мою национальность!

Меня спросили:

— А что вы будете делать в Верховном Совете, Артем Михайлович, вы же кооператор и ничего не понимаете в политике?

На это я ответил так:

— В отличие от всех других кандидатов, которые сидят за моей спиной, знаете что я там буду делать? Я там — не буду бояться! И если министр дурак, то я так и скажу: «Министр, вы дурак!» И когда этот министр захочет выбросить наши народные деньги на ветер, я единственный, кто сможет этому противостоять, поскольку независим от власти и не работаю на государственной службе!..

После гладких райкомовских обещаний это произвело на зал потрясающий эффект — примерно такой же, как байка кандидата Николаева про его сон. В результате нас с ним и выбрали.

Когда подсчитали голоса, организаторы собрания переполошились. Не выбрать заместителя министра обороны и летчика-космонавта было непозволительно! Очевидно, срочно связались с ЦК КПСС по телефону и там им посоветовали: выдвигайте четверых, потом уже в процессе выборов разберемся!

Так и сделали. Мы четверо были допущены к первому этапу выборов, и на следующий день нам выдали мандаты кандидатов в народные депутаты СССР.

Началась предвыборная гонка. Я заинтересовался Николаевым — действительно очень любопытная личность! Простачок мужичок был совсем не таким сельским жителем, каким выставлял себя на людях! Он, оказывается, окончил физтех,

кандидат физико-математических наук, член горкома КПСС Калуги и член обкома КПСС Калужской области, председатель очень бедного колхоза, где он почти не бывал.

Николаев гениально играл роль своего парня из народа, которому еще и сны какие-то снятся. У него была четко отгужиссированная стратегия выигрыша: он же наш, он же в сапогах и ватнике, неужели мы его не выберем! Чего нам ждать от этих, из Москвы?

Обо мне вспомнили в «верхах» не сразу, но потом прислали прямое указание из ЦК КПСС — № СС-360. Я его потом видел собственными глазами. В письме под грифом «совершенно секретно» было сказано: сделать все, чтобы Тарасов ни в коем случае не появился в Кремле. Это было руководство к действию не только партийным и государственным органам, но и всем районным отделам КГБ.

Помню, на одной из встреч с избирателями в Брянске меня пригласили на стадион, где играла местная команда. Я, естественно, сел среди простых зрителей, но секретарь обкома в замешательстве распорядился: раз уж Тарасов — кандидат в депутаты — на стадионе, пусть зайдет в нашу ложу.

Когда я поднялся туда, мне все стало ясно. Эта была ложа императора. Там рядом с партийным секретарем смотрели футбол председатель местного КГБ, председатель ОБХСС, начальник городской милиции, председатели горисполкома и облисполкома, самый главный местный судья и главный редактор местной газеты. Весь комплект власти в едином порыве болел за местную команду, попивая пиво и закусывая бутербродами с черной икрой. Мне стало совершенно не по себе. Я вышел через несколько минут и сел среди зрителей на трибуне.

Понятно, эти люди встречались не только на стадионе. Они вместе ходили в баню, в концерты и на спектакли местного театра, выезжали на пикники, на охоту и рыбалку. Секретарь обкома партии был местным сиятельным князем, царем и в отдельных случаях богом. А его приближенные вассалы — полными хозяевами области. Мне разрешили войти в ложу, очевидно, чтобы те могли поближе рассмотреть непонятого кооператора, который появился в области и все время высту-

пает, что-то говорит народу, развесил плакаты в разных местах. Неужели действительно хочет попасть во власть? Но кто ему позволит! Я был в их глазах выскочкой, без карьеры комсомольского деятеля, без партийного билета в кармане, практически в их понимании не человек, а так, некое существо мужского рода, место которому в толпе.

И то, что меня поддержали комсомольцы и молодежь, не укладывалось в их головах. А у меня оказалась самая активная выборная команда. В Смоленске, Брянске и в Калуге местные союзы кооператоров тоже подключились к моей кампании. На заборах появлялись листовки, в создании которых я никакого участия не принимал — я даже не знал, кто их печатал и где их клеили. И денег, конечно, мы не платили: кому тогда это могло прийти в голову — тратить деньги на избирательную кампанию? Практически все было бесплатно: и выделение залов для выступлений, и время на радио и телевидении.

Мы тратили деньги только на переезды и гостиницы, в которых меня селили в самые лучшие номера с какой-то непонятной скидкой, узнав, что я кандидат в народные депутаты СССР. Мы активно перемещались на машинах, и, покрывая огромную территорию трех областей, я иногда встречался с избирателями по шесть—восемь раз в день.

Иллюстрацией этих встреч может послужить один из эпизодов. Однажды в городе Кирове Калужской области я попал на чугунолитейный завод, прямо на их местное партийное собрание. Зал был полон рабочих, в основном женщин. Причем все они от грязи и сажи выглядели абсолютно как негритянки: черные лица, черные руки, черная одежда...

Там было очень тяжелое производство: они вручную выливали в формы расплавленный чугун и изготавливали ванны для обычных квартир. А потом так же вручную зачищали напильниками оставшиеся после литья дефекты. И вот эти черные женщины крыли матом секретаря парторганизации за то, что им урезали норму выдачи мыла: раньше выдавали один кусок мыла раз в две недели, а теперь — один раз в месяц...

Казалось, вот-вот начнется драка, работницы кинутся и разорвут секретаря на части. Мы сидели незамеченными в последнем ряду, я, как назло, был в свежей выглаженной рубашке, а рядом секретарь горкома — чисто выбритый и в светлом костюме. Оценив обстановку, мой сопровождающий предложил шепотом тихо встать и удалиться от греха подальше. Взял меня за руку и потянул к выходу.

Но, вместо того чтобы уйти, я громко выкрикнул из-за спин собравшихся:

— Я знаю, где ваше мыло!

Несчастные, злобные женщины обернулись, увидели меня в чистой рубашке и закричали:

— Это кто там такой чистенький нашелся! Наверно, из райкома. Моются нашим мылом... А ну давай, иди сюда!

И на авансцене я сказал:

— Вы ошибаетесь! Я не из райкома! Я ваш кандидат в народные депутаты СССР Артем Тарасов!

Зал умолк. Это было уже не первое мое выступление, и с каждым разом я все лучше и ярче представлял, о чем надо говорить, что хотят слышать люди и во что они хотят верить.

Чтобы понять, почему мы так бедно живем, я начал с рассказа о письме, которое получил от ткачихи с одной из ткацких фабрик округа. Она писала примерно следующее:

«Артем Михайлович, я вас просто ненавижу! Вы, кооператоры, получаете тысячи рублей в месяц. А я, простая ткачиха, честно работаю, и не меньше, а может быть и больше, чем вы, но получаю зарплату всего 120 рублей в месяц. Разве это справедливо? Как мне на это прожить с двумя-то детьми без отца?»

Я ответил этой женщине на ее письмо:

«Уважаемая Антонина Петровна! Вы, как я узнал, в день производите двести метров ткани, по цене 100 рублей за метр! Итого за месяц больше чем на 460000 рублей продукции, если исключить выходные дни. Платят вам в день всего 4 рубля. Куда же деваются остальные деньги? Ну, пусть часть из них идет на содержание армии, на оплату сырья, заработную плату начальников и аппарата КПСС, пусть еще на налоги всякие и на оплату издержек производства, допустим, уходит целых 150 рублей в день!...»

— Вот я и хочу вас спросить, — обратился я к женщинам в зале, — куда деваются остальные деньги в день, по праву принадлежащие этой ткачихе?

В зале не раздалось ни единого звука. Все с напряжением меня слушали.

— Вашей продукцией являются чугунные ванны, которые за рубежом стоят на валюту по сто, а то и по двести долларов за штуку! Вы их выпускаете сотнями штук. Почему же вам платят копейки, которых не хватает на жизнь? Я отвечу вам на эти вопросы. Ваши законные деньги уходят в полное распоряжение центральной власти! И там они могут делать с ними все, что вздумается, совершенно безо всякой ответственности! Такая у нас система. Захочет министр оплатить поворот сибирских рек — пожалуйста, захочет построить никому не нужный БАМ — сколько угодно, оказать валютную помощь коммунистической партии на Кубе — нет вопросов! Так вот, пока вашими законно заработанными деньгами будут распоряжаться другие люди, не будет у нас ни мыла, ни сахара, ни колбасы!

Опять я вспомнил про колбасу, которая была совершенно «убийственной» темой.

— Вот я и предлагаю: освободить труд от государственной опеки! Тогда люди смогут заработать деньги. Появятся спрос и возможность производить нужные товары. Не будет никаких очередей! И никакого распределения дефицита.

В зале воцарилась абсолютная тишина, меня слушали с огромным интересом. А кончилось все тем, что женщины бросились меня обнимать:

— Родненький ты наш, мы всю свою родню, всех знакомых поднимем за тебя голосовать, ты только победи на выборах. Одна только надежда!

Я ушел весь в черных пятнах от их объятий, но сияющий от успеха. Это было по-настоящему здорово...

В целом моя предвыборная кампания не была бы такой успешной, если бы я неожиданно не встретился в Москве с доктором наук профессором Кедровым. Когда речь зашла о выборах, профессор предложил:

— Артем Михайлович, давайте я расскажу вам, как должно быть устроено наше государство, чтобы людям жилось хорошо. Это может стать вашей предвыборной платформой, и тогда вы сразу обретете ясную государственную позицию...

До сих пор я вспоминаю рассказ профессора Кедрова. Он нарисовал мне простую и понятную картину устройства общества, которая до сих пор нигде не внедрена. У нас в России мы несколько раз имели шанс ею воспользоваться, когда менялась власть на Горбачева, на Ельцина и на Путина. Я каждый раз пытался донести это предложение до властных структур, но меня никто не слышал и не хотел услышать.

Ну что же, все равно программа профессора Кедрова обеспечила мне действительно сильную позицию на всех выборах, в которых я участвовал. Развивая ее и придавая ей современное звучание, я был абсолютно недосягаем для конкурентов. Потому что не просто критиковал, а говорил о конкретной системе, которая могла бы заменить существующую власть как на местах, так и в самом центре.

Профессор был математиком, поэтому излагал все с позиции своих знаний и специальности:

— Любая задача, если ее рассмотреть на системном уровне, представляет собой дерево, где каждая веточка — направление, в сумме с другими дающая решение основной задачи, которая есть ствол этого дерева. В Конституции Советского Союза записано, что главная задача нашего государства — **удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей советского гражданина**. Значит, надо построить государство так, чтобы оно работало на выполнение этой главной задачи. И если выстроить систему управления соответствующим образом, несмотря на человеческий фактор, несмотря ни на какие трудности, задача будет решаться автоматически.

Кедров считал, что наше государство было устроено прямо противоположным образом и работало против удовлетворения потребностей его граждан. Чего стоило, например, распределение бюджета. Сто пятьдесят министерств, комитетов и ведомств в конце года делили все деньги в стране. Причем каждое министерство требовало денег раза в два больше, чем

требовалось. Когда выделялась немного урезанная сумма, она все равно была сильно завышена. Потом бюджет распределялся по отраслевым предприятиям, а они тоже на всякий случай завышали свой бюджет...

Когда к концу года лишние деньги накапливались, их нужно было срочно тратить, чтобы отчитаться. Если вы получили деньги и не израсходовали их в конце года, вам в следующий раз срежут бюджет. Надо истратить все до копейки!

Подобный бред происходил по всей стране — и все из-за глупого распределения бюджета и нерациональной структуры власти.

— Разве существующая система может работать на то, чтобы удовлетворять мои растущие потребности? — риторически спрашивал профессор Кедров и сам же отвечал: — Конечно, нет! Хотя потребностей у меня всего девять, как у любого человека, будь то у нас или за рубежом! Вот послушайте: мне надо, чтобы я был защищен, накормлен, одет, получил жилье, имел работу, чтобы кто-то заботился о моем здоровье, дали возможность получить образование, помогли бы мне со стариками и с детьми и предоставили время для отдыха. Вот и все мои потребности. Посчитайте сами, сколько получается, — девять!

Профессор смотрел на меня поверх очков.

— Так вот, поскольку мне от власти больше ничего не надо, она и должна быть так организована, чтобы обеспечивать все мои потребности. Тогда я буду ее содержать на отчисления от своих заработков и радоваться ее деятельности, — продолжал профессор. — Значит, у нас должно остаться всего — сколько? — девять министерств. Больше никому не надо. Какие? Министерство защиты граждан, в котором будут сосредоточены и оборона, и силовые структуры, и экология — все они работают на одну мою потребность и меня защищают! Министерство еды, которому нужно отдать и производство, и торговлю, и транспорт, и сельское хозяйство — все, что имеет отношение к моему питанию. Министерство товаров народного потребления — его задача создать условия для обеспечения меня всем необходимым — от трусов до автомобиля. Минис-

терство жилья — это понятно? Мне нет никакого дела до производства строительных материалов, краски, цемента и прочего. Все это должно быть сосредоточено в одних руках — в министерстве жилья. Министерство работы, министерство охраны здоровья, министерство образования, министерство социальной помощи и министерство досуга! Я ничего не забыл? Кажется, нет.

Когда я начал излагать своим избирателям программу Кедрова, то стал выигрывать буквально каждое выступление. Стало ясно, что чем больше у меня будет встреч в округах, тем ближе я буду к победе. Я не только не обходил острых углов, но и выбирал из всех вопросов, поступающих из зала, самые грязные и самые каверзные. Слухи обо мне разлетелись повсеместно. Вокруг моей персоны была такая шумиха, которую можно сравнить с описанной в рассказе Марка Твена. Помните рассказ, где герой собрался стать губернатором штата?

Конкуренты обвиняли его бог знает в каких прегрешениях, а на одном митинге на кандидата набросилась орава детей разных цветов кожи и национальности с криками: «Папа, папа!..»

Следом за каждым моим успешным выступлением в местной прессе обычно появлялись разгромные статьи. В одной газете написали, что я похож на Гитлера, потому что сею смуту и пробуждаю воинственность в сознании народа. В другой — что я похитил стеклоочистители с машины своего соперника кандидата Николаева. Тогда это было грозное обвинение.

Как-то раз «простачок» председатель колхоза Николаев, который не стеснялся пользоваться недозволенными приемами, проколол колеса своей машины. На следующий день вышла газета с сенсационной информацией: агитационная команда Тарасова проколола шины автомобиля Николаева и тем самым сорвала его встречу с избирателями!

После очередного выпада в мой адрес к редактору газеты «Вечерний Смоленск» зашел Дима, мой представитель в городе, и в сердцах сказал, что ему, редактору, и его детям потом будет очень стыдно за те гадости, которые он публикует о Тарасове. Редактор не замедлил сообщить читателям, что агитато-

ры Тарасова угрожают ему и его сыну расправой. А на следующий день после его выступления сын редактора был жесточайшим образом избит в подъезде собственного дома и попал в реанимацию. Это было уже серьезно. Так работал на мою дискредитацию местный КГБ. Совершенно ясно, кому была выгодна эта провокация: спровоцировав редактора на публикацию заведомой клеветы, органы для большей убедительности избили его сына.

Людям, которые помогали мне, тоже приходилось несладко.

К примеру, в смоленском театре тогда шла очень смешная абсурдистская пьеса о том, как по указанию партии и правительства передовики перестройки ринулись насильно приватизировать совхозы и переводить их в частные сельские хозяйства и фермы. Но морально устойчивые работники сельского хозяйства ушли в подполье бороться за то, чтобы остаться совхозами.

После спектакля режиссер-постановщик взял на себя смелость и разрешил мне выступить с речью перед зрителями прямо со сцены. Тема моего выступления оказалась настолько созвучной с иронией самой пьесы, что люди ушли с убеждением голосовать только за меня.

На следующий день уволили с работы режиссера и эту пьесу сняли из репертуара театра.

Летчики смоленского вертолетного отряда, проявив инициативу, разбросали над сельскими районами мои листовки. Как в военное время. Это была первая подобная акция со времен Отечественной войны. Ребят, конечно, лишили летных удостоверений и работы. За нарушения маршрута следования... И так повсюду и со всеми, кто пытался мне помочь.

От чисто физических действий, например, со стороны КГБ меня спасало только то, что среди высшего руководства, как ни странно, нашлись люди, которые положительно отреагировали на мою историю. Меня поддержал бывший глава КГБ Чебриков, который в тот момент, к несчастью, был уже заменен Крючковым. В одной региональной газете написали, что член Политбюро ЦК КПСС Егор Лигачев высказался в поддержку Тарасова, потому что у него самого сын-кооператор. И это была правда.

И пронесся слух о Лигачеве и Тарасове.

На каждой встрече мне обязательно задавали примерно такие вопросы:

«Какую зарплату получает сын Лигачева в вашем кооперативе? Какие родственные отношения связывают вас с Лигачевым? А правда, что сын Лигачева женат на вашей родственнице?» Подобные записки преследовали меня. Чтобы не допустить меня к победе на выборах, их посылали специально подготовленные люди, присутствовавшие на моих выступлениях.

Узнавали мой маршрут, ну, предположим, я еду в Вязьму. Туда направлялся специальный человек из горкома и самовольно изменял время встречи, например переносил на более ранний час. Получалось, что мы приезжали на два часа позже, чем указано в объявлении, и уже никого не заставали. Народ расходился по домам.

Было множество незабываемых встреч и эпизодов в той предвыборной кампании. Впервые в послереволюционной истории СССР мы действительно вели настоящую пропагандистскую работу не по указу власти, а вопреки ее воле. Мы выступали прямо у ворот заводов и фабрик, когда народ выходил со смены, поскольку внутрь предприятий нас под разными предложениями не пускали. Я ощущал себя в тот момент первым революционером или декабристом и понимал, что за это романтическое и упоительное чувство и за веру можно было пойти на плаху.

Один из эпизодов, который всплывает сейчас в памяти, произошел в Брянске. В городском парке была намечена встреча с избирателями, которую поддержала местная организация партии «зеленых». Они предложили мне выступить с открытой сцены в парке, а сами обещали собрать народ и развесить объявления о встрече по дворам. Они предрекали большое количество народа и обязательный скандал.

— Вы только не волнуйтесь! У нас с местной властью всегда скандал. Это нормально, будет способствовать вашей популярности.

Действительно, к назначенному времени, несмотря на то что лил дождь, на открытой площадке парка собралось более

тысячи человек. В репродукторах по обеим сторонам сцены играла музыка. Мне давно уже было пора начинать выступление, но, во-первых, отсутствовал микрофон, а во-вторых, динамики просто надрывались вальсами и маршами советских композиторов и никто не мог их выключить. Дело в том, что пульт находился в специальной комнатке за сценой, в которой забаррикадировался служащий парка, получивший строгое распоряжение не давать Тарасову выступать на сцене, поступившее от самого директора парка.

Когда попытки взлома обитой железом двери этой комнаты оказались тщетными, на сцену выбежал представитель партии «зеленых» Брянска и закричал:

— Мы не допустим произвола властей! Нам не дают встретиться с нашим кандидатом! НА ОБКОМ!

Казалось, собравшаяся толпа только этого призыва и ждала. Все, как по команде, развернулись и направились к выходу из парка, чтобы пикетировать обком коммунистической партии.

Не отдавая себе отчета в своих действиях, я выскочил на сцену и закричал:

— Остановитесь! Мне не надо микрофона! Я буду выступать без него!

Все остановились. На сцену поднялись двое молодых ребят, залезли под потолок сцены, сорвали оба динамика, бросив их на пол под бурные аплодисменты публики. И я стал выступать, форсируя голос, который звучал на весь парк.

А на следующий день в местных газетах появилась заметка о том, как Тарасов остановил в парке негодующую толпу, готовую идти и громить обком партии.

В то время еще не было даже понятия «рейтинг», и слова такого, пожалуй, никто в СССР не употреблял, но смысл этого был понятен в ЦК КПСС. Там все больше и больше нервничали, наблюдая за тем, как шансы на победу в выборах у меня с каждым днем росли. Это порождало все более строгие указания о недопущении меня во власть, которые по фельдъегерской почте рассылались руководителям районов и городов.

Когда подсчитали голоса, отданные за претендентов в первом туре, отрыв от остальных претендентов у меня и у предсе-

дателя колхоза Николаева был настолько велик, что объявить о победе кого-то иного у администрации округа не хватило смелости и духу. Проиграли и генерал и космонавт.

За меня проголосовала основная масса населения крупных городов — Смоленска, Брянска и Калуги, но в сельских районах я очень сильно уступил Николаеву. Я вначале не мог понять, почему так получалось. Но потом мы во всем разобрались.

Если в городах еще не существовало системы подтасовки голосов на выборах с использованием административного ресурса, то в сельских районах все было легче. Поскольку Николаев был членом обкома партии, всем колхозам и совхозам была спущена директива: обеспечить его победу. Мы узнали, что в сельсоветах рядом с урной для голосования стояли представители руководства. Иногда и сам председатель колхоза, который проводил примерно такую беседу с голосовавшими гражданами прямо на участках в день выборов.

— Ну что, бабка Нюра, — говорил председатель крестьянке. — Если за Николаева проголосуешь, все будет нормально. Он наш, колхозный парень. А если за другого, комбикорма в этом году не получишь! Думай сама. Я не агитирую.

Когда стало ясно, что я все же прошел во второй тур выборов, передача «Взгляд» решила сделать сюжет обо мне как о кандидате в депутаты. Чтобы соблюсти паритет, взяли интервью и у Николаева. И вот опять, во второй раз, я попал в прямой эфир.

Не думая о последствиях, я откровенно рассказал обо всех нарушениях, которые были в первом туре выборов на местах. Такого в прямом эфире в то время советский народ никогда не слышал. Может быть, закрывшись на кухнях, люди и говорили о манипуляциях власти, оглядываясь то на холодильник, то на висевший репродуктор, но только шепотом. А я выдал громко, на весь эфир.

Я рассказал об информации, поступившей из сумасшедшего дома Брянской области, где все до одного триста пациентов проголосовали против меня. Директриса дома сама заполнила бюллетени и помогла пациентам опустить их в урну для голосования. Пациентка с диагнозом «шизофрения» написала мне

недовольное письмо: у нее отняли бюллетень и вычеркнули мою фамилию. А Тарасов, писала мне эта больная женщина, «вполне нормальный человек, я слышала его по радио...».

Накануне дня голосования мы узнали, что в одну из школ Брянска каждый день насильно привозят на автобусах людей с разных предприятий и читают им лекцию на актуальнейшую тему: «Почему нельзя голосовать за Тарасова».

Мы поехали туда, тихонько вошли в зал и сели на последний ряд. Лектор, заместитель председателя брянского управления КГБ, говорил следующее:

— Тарасов — это представитель бандитских кругов, бывший спекулянт, теневик, миллионер, окружил себя вооруженной охраной и бандитами, которые никого к нему не допускают. Этот человек очень опасен, и, если он придет в ваш коллектив, я вам не советую с ним встречаться. Вы имеете все права отказать ему во встрече с работниками. Он антисоветчик, он тащит нас в капиталистический мир, где безработица, голод, негры, убийства и вообще сплошной криминал...

Для большей убедительности торжественно зачитывалось секретное письмо № СС-360, где ЦК КПСС указывал на недопустимость выбора в народные депутаты СССР Тарасова А.М. и призывал все партийные и профсоюзные органы проводить агитационную работу против меня на местах.

Лектор из КГБ, видимо, не знал меня в лицо, поскольку смотрел на меня спокойно, никак не выделяя из аудитории. Или он просто не мог предположить, что я прийду на его лекцию, и счел меня человеком, похожим на кандидата Тарасова.

В самой середине лекции после прочтения письма ЦК КПСС я не выдержал, встал и, пройдя через весь зал, вышел прямо на сцену.

— Вы что, товарищ? — спросил меня лектор. — Вам что-нибудь нужно?

— Я — ваш кандидат в народные депутаты Артем Тарасов, — ответил я.

И тут произошла совершенно невероятная вещь: народ вскочил с мест и как по команде бросился к выходу. Люди были настолько запуганы, что боялись находиться рядом со мной

в одном зале! Они давили друг друга, чтобы поскорее выбраться на улицу...

Горбачев сам тогда уже сильно боялся гласности, которую провозгласил. К этому времени появились первые выступления против него, и моментально выпустили закон, запрещающий публичную дискредитацию представителей власти. Если бы я просто рассказал эту историю по телевидению, меня могли бы обвинить в дискредитации и снять с выборов. Но не говорить об этом я не мог. Поэтому я нашел дипломатичный способ изложить случившееся и прямо с экрана обратился к председателю КГБ с таким заявлением:

«Поскольку ваш представитель, выступая с явной ложью против одного из кандидатов в народные депутаты, публично дискредитирует органы КГБ, а значит, органы власти, он по закону подлежит немедленному аресту. Товарищ Крючков, прошу вас принять меры и сообщить мне об этом».

Программу «Взгляд» вел журналист Мукусев. После эфира он схватился за голову руками, ужасно разволновался и сказал, что «Взгляд» теперь точно закроют...

«Взгляд», слава богу, никто не закрыл, а вот я впервые обнаружил за собой «наружку». Потом за мной уже следили повсюду и ночью, и днем. Зато мое выступление произвело сильное впечатление на зрителей, и, когда я снова приехал в Брянск, мне для выступления тут же распахнули двери центрального Дворца культуры, хотя раньше ограничивались гораздо менее престижными площадками.

В тот день в Брянске ко мне подошла незнакомая женщина и передала пачку бюллетеней первого тура голосования. Во всех бюллетенях голосовали за меня. Предстоял второй тур, и меня, естественно, заинтересовало, как к ней попали бюллетени проголосовавших за меня в первом туре избирателей. Разве они могли оказаться у кого-либо в руках? Они должны были находиться в хранилище окружной избирательной комиссии, подсчитанными и опечатанными.

— Артем Михайлович, я смогла украдкой их достать из мешков с бюллетенями, которые жгли на костре. Там все бюллетени были за вас. Их сжигали ночью после голосования,

прямо во дворе нашего дома, который напротив районной избирательной комиссии, — сказала женщина.

Вот это да! Еще не были изобретены изощренные методы подтасовки результатов выборов, которые применяются сегодня. И поступали просто: высыпали все бюллетени за того кандидата, который не должен был победить, уничтожали их, а затем засыпали нужные, которые сами же и готовили. На случай пересчета количество проголосовавших граждан по участкам совпадало с точностью до одного человека.

Я взял бюллетени, которые не успели сжечь, вернулся в Москву и снова попытался попасть на передачу «Взгляд». Программу вел Влад Листьев. Я его вызвал прямо из студии во время эфира и попросил несколько секунд, чтобы показать вещественные доказательства фальсификации выборов. Но на телевидении еще не утихли страсти после моего скандального обращения к председателю КГБ, Мукусева действительно вызвали куда-то с объяснениями, и Влад мне отказал...

Впоследствии мы вспоминали с ним об этом случае, уже в 1995 году, когда Влад Листьев был в зените славы и только что стал генеральным директором Центрального телевидения. Мы разговорились в вестибюле банка «Столичный» после встречи Влада с банкирами. Это было, по-моему, в двадцатых числах февраля. За девять дней до убийства Листьева в подъезде собственного дома двумя выстрелами в спину. Вот такая судьба...

А тогда, в 1989 году, второй тур выборов выиграл член обкома компартии Калужской области, председатель отстающего колхоза Николаев. А я, победив с огромным преимуществом в Брянске (70 процентов), в Смоленске и Калуге, суммарно проиграл выборы из-за подтасовки результатов в районах.

Странным образом, но после поражения у меня осталось прекрасное чувство удовлетворения. Мне довелось впервые самому испытать, что такое быть публичным политиком: я срывал аплодисменты, самозабвенно рассказывал, как можно изменить страну, отвечал на вопросы и получал колоссальный заряд энергии после каждого выступления. Наверное, это свойство моего организма.

Конечно, мне явно не хватало опыта и знания азов политической борьбы. Как-то раз ко мне подошел человек и представился имиджмейкером из Германии. Сейчас это одна из самых популярных профессий в России, а в то время никто не знал, что это такое. Он познакомил меня с тремя основными способами предвыборной борьбы: позитивным, негативным и самым действенным — негативно-позитивным.

Выяснилось, что я пользовался только первым способом, а позитивная борьба далеко не самая эффективная. Людям гораздо интереснее, когда кандидат находится в оппозиции к своим соперникам и постоянно против кого-то выступает. При этом совершенно необязательно говорить о себе и своих взглядах, надо методично уничтожать противника, показывая людям, насколько вы его превосходите. Он также рассказал мне о «черном пиаре», что произвело на меня неизгладимое впечатление. Я понял наконец, зачем соперники пытались меня так унижать и обманывали людей. Это было частью предвыборной технологии. К сожалению, было уже поздно что-либо менять в тактике борьбы.

Я действительно тогда совершенно не интересовался выступлениями конкурентов и не упоминал о них на своих встречах с избирателями, хотя тот же Николаев постоянно стегал меня как кооператора. Эти грамотные советы мне в конечном счете помогли, но уже на других выборах.

Во время же той, первой кампании только официально было зарегистрировано сто пятьдесят нарушений закона. Мои интересы пытался отстаивать в Верховном Совете известный русский богатырь, депутат Диккуль. На съезде народных депутатов он прямо из зала обратился к Горбачеву и потребовал проверить все нарушения закона. Проверку поручили провести председателю Центральной избирательной комиссии Гидаспову, и он сделал такое заключение. К сожалению, нарушения имели место, но не могли существенно повлиять на результаты голосования. Так как их было всего сто пятьдесят, а участков на территории несколько тысяч. Так Николаев стал народным депутатом СССР, а я — нет...

Кстати, много позже я как-то встретил первого секретаря брянского обкома КПСС. Того самого, с которым был в ложе стадиона на футболе. Я подошел к нему и говорю:

— Зачем вы сфальсифицировали выборы?

На что он, не возражая, ответил:

— А что же ты ко мне не пришел тогда? Выступал где-то, по деревням мотался. Мы бы с тобой посидели в кабинете, выпили водочки, поговорили, может, я бы и склонился на твою сторону. Ведь мужик ты умный, понимающий... Николаев — он ведь из райкомов и обкомов не вылезал. Вот где надо было агитацию проводить! А ты все на людях. Глупо.

— — —

К осени 89-го года я был отстранен от своего бизнеса, на мне висели огромные долги и около 50-60 арбитражных исков. Часть исков мы закрыли за счет экспорта тосола из Могилева, отдав долг компьютерами. Но это была капля в море — и в любой момент меня могли и посадить в тюрьму, и даже подвести под расстрел.

Тем не менее меня избрали в конце лета вице-президентом Союза кооператоров СССР, и я активно работал в союзе. Мы очень близко сошлись тогда с академиком Тихоновым. Союз кооператоров превратился в творческую лабораторию, там собиралось огромное количество людей. Кооператоры приходили со своими проблемами, и мы помогали их решать. К нам стекался огромный поток информации, поэтому учрежденная нами газета «Коммерсантъ» была нарасхват: весь тираж с первых же дней раскупался, и шла активная на нее подписка...

А в октябре произошло примечательное событие — первая за семидесятилетнюю историю Советского Союза забастовка шахтеров в Воркуте. Люди еще как-то мирились с тем, что в магазинах пропали мыло, мясо и все остальные продукты, но исчезновение сигарет в Воркуте повергло всех в ужас, и шахтеры забастовали. Причем одним из требований забастовочного комитета было запретить кооперативы, которые, по их мнению, были виноваты во всем. Эту дезинформацию

шахтерам, видимо, очень искусно подкинули идеологи из ЦК КПСС. Создавали «образ врага».

Тихонов тогда предложил:

— Артем Михайлович, нам надо срочно реагировать! Надо поехать в Воркуту и поговорить с шахтерами.

Реализуя план, мы сначала прилетели в город Сыктывкар, столицу Республики Коми, встретились с секретарем обкома партии Юрием Спиридоновым и предложили ему очень интересный проект: выступить с инициативой и объявить Республику Коми зоной свободной кооперации.

Коми мы выбрали потому, что это был богатый регион и нам не понадобилось бы ни копейки из государственного бюджета. Только за счет грамотного освоения ресурсов мы готовы были построить Гонконг в Коми за несколько лет. Предложение тогда было достаточно обоснованным. Я заплатил собственные, и немалые, деньги, чтобы немецкие экономисты сделали нам обоснование проекта. Спиридонову он очень понравился, и, воодушевленные, мы поехали на север республики, к шахтерам в Воркуту.

Там мы, естественно, спустились в Воргашорскую шахту и выступили сначала на митинге прямо в забое, а потом во Дворце культуры. Объяснили шахтерам, что не кооператоры виноваты в их бедах, а разрушенная система планового хозяйства. Ее нужно срочно восстановить, что уже практически невозможно, или заменить рыночной экономикой. Тогда на каждом углу будут сигареты и колбаса. Тихонов призвал шахтеров прекратить забастовку, начать работу и заменить политические требования — смены власти в Воркуте — на экономические — поддержать нашу идею о зоне свободной кооперации и частной собственности в Коми.

В то время общественность еще избегала слова «рынок», которое носило позорный, криминальный оттенок. Но люди нас поняли, и стачечный комитет подписал с нами протокол о том, что больше не имеет претензий к кооператорам. В нем говорилось, что шахтеров просто обманула администрация, которая пыталась сконцентрировать внимание забастовщиков на вымышленных врагах, что шахтеры устанавливают с коопе-

раторами тесный контакт и готовы поддержать идею создания свободной экономической зоны в Республике Коми...

В тот же день нас призвали в воркутинский горком партии. Секретарь горкома выглядел очень довольным и веселым, но в его кабинете сидел еще один человек. Когда он говорил, шевелились только губы, а глаза, не моргая, смотрели в сторону — ну просто не лицо, а маска! Никаких признаков наличия мускулов и каких-либо эмоций.

Эта маска, обращаясь ко мне, сказала:

— Вы подняли шахтеров на забастовку и будете за это отвечать!

— Кто это, мы? — удивился я. — Да кто вы такой, чтобы мне угрожать? Я вице-президент Союза кооператоров СССР, а Владимир Александрович Тихонов — президент, академик и, между прочим, депутат Верховного Совета СССР!

— Да, у Тихонова есть иммунитет. Пока... А тебя нужно арестовать.

— Ну ты и наглец, приятель! — заявил я незнакомцу тоже на «ты». — Меня многие хотели арестовать, но пока не удалось, руки коротки!

Я и понятия не имел, с кем тогда разговаривал. Обстановку разрядил секретарь горкома, предложив чаю. Возмущенный поведением этого типа, я вышел в приемную, оставив Тихонова в кабинете пить чай.

Только в поезде, обратно по дороге в Сыктывкар, Тихонов сказал мне, что я разговаривал с заместителем генерального прокурора СССР Батурлиным, специально направленным по приказу Горбачева в Воркуту из Москвы на подавление забастовки. Одно его личное распоряжение, и мой арест был бы неминуем. Оставшись в кабинете, Тихонов с трудом спас меня от ордера воркутинской прокуратуры на мой немедленный арест, который собирался тут же выписать Батурлин.

«Чему так радовался секретарь горкома?» — думал я в купе поезда и не находил ответа. Возможность оказаться в воркутинской тюрьме, которая чудом меня миновала, все еще казалась мне нереальной, и я не придавал этому большого значения.

Вернувшись в Сыктывкар, мы поняли, что произошло нечто серьезное.

Увидев нас, Спиридонов пришел в ярость и закричал, обращаясь непосредственно ко мне:

— Чтобы ноги вашей больше не было на территории Коми, чтобы вы и думать забыли про всякие там свободные зоны! Уезжайте немедленно, иначе я приму самые жесткие меры!

Нападать на Тихонова было неудобно, все же депутат Верховного Совета СССР, убежденный сединами академик, поэтому все шишки посыпались на меня. Спиридонов поносил меня публично на заседании руководства Республики Коми в обкоме партии, куда мы пришли поблагодарить его за оказанное содействие.

После такого приема мы спешно уехали в Москву. Тихонов нервничал, но сам не мог понять, что же произошло.

Все выяснилось только спустя некоторое время. Оказывается, секретарь воркутинского горкома партии вместе с заместителем генерального прокурора СССР Батурлиным безуспешно пытались остановить забастовку шахтеров. Еще немного времени, и на них бы обрушился гнев ЦК КПСС, грозивший отставкой и понижением в должности. И в этот момент как раз приехали мы с Тихоновым. Довольный секретарь горкома сразу же после нашего отъезда отправил в ЦК КПСС сообщение, дескать, забастовка была остановлена, но приехали Тихонов и Тарасов и вновь спровоцировали ее продолжение. Извините, дескать, не наша вина.

Горбачев тут же сам позвонил Спиридонову в Коми и пятнадцать минут, не давая слова вставить, обливал того грязью и сыпал всяческими оскорблениями. Грозил страшными карами за то, что Спиридонов позволил нам встретиться с шахтерами. И вот буквально через полчаса после окончания этого телефонного разговора появляемся мы с Тихоновым, как говорится, в белых рубашках. Реакция Спиридонова становилась вполне понятной и объяснимой.

По возвращении в Москву вопрос о моем аресте был сразу поставлен в Генеральной прокуратуре. Но, поскольку оставались уже считанные недели до первых арбитражей, в прокуратуре, как я узнал позже, никаких действий против меня решили не предпринимать. Все равно, по их мнению, меня ожида-

ла тюрьма после решения арбитража о долгах кооператива «Техника». «Тогда и посадим», — подумали там.

С академиком Тихоновым решено было разобраться прямо на Политбюро ЦК КПСС. Эту историю позже рассказал мне член тогдашнего Политбюро Александр Яковлев. Вопрос докладывал премьер-министр СССР Николай Рыжков. Он предложил исключить из членов КПСС академика Тихонова, который тем самым терял возможность оставаться народным депутатом СССР, так как прошел на выборах по спискам Академии наук. После исключения из партии Академия наук должна была лишить Тихонова звания академика как подстрекателя к противоправным действиям против власти.

После Рыжкова выступил председатель КГБ Крючков. Он зачитал выдержки из речи Тихонова перед шахтерами, в которой Владимир Александрович якобы призывал всех к продолжению забастовки. Самые страшные призывы, чуть ли не к прямому свержению Горбачева, приписывались мне, поскольку я тоже выступал перед шахтерами. Это были главные доказательства того, что прекращенную забастовку вновь спровоцировали Тихонов и Тарасов.

Горбачев чувствовал себя неудобно, волновался, но сказал:

— Вопрос ясен, есть еще желающие выступить или ставим на голосование?

Чем бы закончилось это голосование, всем было понятно заранее. Но в самый решающий момент слово взял Александр Николаевич Яковлев и поинтересовался, когда и кем были застенографированы выступления Тихонова и Тарасова в воркутинской шахте. Оказалось, что в руках Крючкова не стенограмма, а всего лишь интерпретация наших слов, причем нами не подписанная, а значит, не имеющая документального подтверждения. Магнитофонной записи наших выступлений, которыми поинтересовался Яковлев, также не существовало.

Не ожидавший такого поворота событий, Горбачев, как всегда, моментально решил уйти в кусты и произнес:

— Что же это получается, товарищи, почему вы неподготовленные вопросы выносите на Политбюро?

Вопрос был снят с повестки дня, как неподготовленный. Я потом только выяснил, что Александр Яковлев и Владимир Тихонов были друзьями еще со студенческой скамьи.

Через много лет после описанных выше событий я оказался в гостях у Александра Яковлева, бывшего тогда директором ОРТ. Мы сидели на кухне за чашкой чая, и я спросил: «Что же все-таки за человек Михаил Сергеевич Горбачев?» И Яковлев для иллюстрации поведал мне одну историю, которая не требовала комментариев.

Став президентом СССР, Горбачев вызвал Яковлева и сообщил, что хочет назначить его своим вице-президентом. Яковлев отказался. Горбачев вызвал его во второй раз — опять отказ. В третий — та же реакция. В конце концов, обвинив Яковлева в том, что он не поддерживает перестройку и боится ответственности, Михаил Сергеевич добился его согласия.

Александр Николаевич срочно написал текст своего доклада в качестве вице-президента, потому что утверждать его кандидатуру должен был съезд народных депутатов. Наступил назначенный день съезда. Горбачев объявил, что хочет представить всей стране и съезду кандидатуру вице-президента Советского Союза и дать ему слово для выступления.

Яковлев сидел вдалеке от президиума съезда, поэтому при этих словах он поднялся с места, вышел в проход и направился к трибуне. Но когда до ступенек, ведущих на сцену, оставалось метров десять, Горбачев вдруг объявил:

— Слово для выступления предоставляется кандидату в вице-президенты СССР товарищу Геннадию Ивановичу Янаеву!

Александр Николаевич так и застыл на месте, не зная, что делать. Делегаты съезда единодушно хлопали Янаеву, который, обогнув Яковлева, прошел на сцену и встал на трибуне. Пришлось задом пятиться на свое место в зале.

— У меня до сих пор хранится экземпляр этого доклада! — сказал Яковлев и продолжил: — А потом, конечно, я его спросил: Михаил Сергеевич, как же это так? Четыре раза ты меня уговаривал согласиться на эту должность, а потом, не предупредив, так подставил перед съездом! Зачем это тебе было надо?

Горбачев не моргнув глазом ответил, что это не он, а Политбюро в последний момент отказалось поддержать кандидатуру Яковлева, а он замотался и не успел его предупредить. Смех, да и только! Но таков уж он был по своей натуре, наш Михаил Сергеевич Горбачев.

— — —

Мои встречи с шахтерами в Воркуте и со Спиридоновым в Сыктывкаре имели неожиданное продолжение.

Оказалось, что одного из депутатов Верховного Совета СССР, как раз от Республики Коми, назначили на работу в правительство СССР, и, таким образом, в ноябре 1989 года были объявлены дополнительные выборы на эту депутатскую вакансию. Шахтеры, помнившие наш приезд к ним и возмущенные его лживой трактовкой в прессе, выдвинули меня кандидатом в народные депутаты СССР от Республики Коми. Мне предстояло срочно выехать в город Ухту для встречи с избирателями.

После консультации с академиком Тихоновым, когда он твердо посоветовал мне ехать туда немедленно, я собрал вещи и вновь отправился в Республику Коми. Ухтинские шахтеры встречали меня на вокзале с оркестром, местные газеты взорвались сообщением о моем приезде. Эту новость объявили по Центральному телевидению и по радио. Были запланированы многочисленные встречи с избирателями в Ухте, Воркуте и Сыктывкаре, и я понимал, что шансы мои победить были очень высоки. Я обладал нерас траченным опытом борьбы в Смоленском округе, знал уже теорию и практику участия в выборных баталиях, у меня были прекрасные экономическая и политическая платформы и огромная поддержка по всей стране, как у популярного публичного человека.

Приехав в Ухту, я по ходу узнал, что главным моим соперником на выборах стал первый секретарь коммунистической партии республики Юрий Спиридонов, тот самый, который запретил мне появляться на территории Коми! Это был убийственный поворот судьбы!

В гостинице меня ждала конфиденциальная бумага. Это было лаконичное письмо, подписанное самим Спиридоновым, который приглашал к нему на встречу в Сыктывкар завтра в одиннадцать часов утра.

Мне вспомнился разговор с партийным секретарем из Брянска: «... посидели бы в кабинете, выпили водочки, поговорили...», и я решил к Спиридонову поехать. Поезд до Сыктывкара был ночью, поэтому утром ровно в назначенное время я поднялся на второй этаж и вошел в приемную первого секретаря Ю.А. Спиридонова.

Юрий Алексеевич начал разговор с извинений. Он рассказал про звонок Горбачева и какими словами тот его крыл за наше посещение республики, про его шоковое состояние и невозможность что-либо возразить. Он вдруг заявил, что ему после этого было ужасно стыдно за слова, которые были сказаны им в мой адрес, ему и сейчас стыдно, и он просит меня его простить.

Потом он перешел к теме выборов и сообщил, что, по его прогнозу, я, скорее всего, одержу на этих выборах победу. Время такое, что власти больше не доверяют, шахтеры только что приостановили забастовку, их поддерживало все население Коми, а я — выдвиженец от них, следовательно, мои шансы намного выше, чем его собственные.

— Согласись, что для тебя эти выборы — занимательная игра. Может быть, просто желание доказать себе, на что ты способен, — говорил Спиридонов. — А для меня это важнейшее условие продолжения моей жизни. Если я не стану депутатом СССР, тогда меня сместят с моего поста. Ты же понимаешь, что по национальности я не принадлежу к угорским народам. Поэтому в случае проигрыша я лишусь всего, что имею, и мне придется даже уехать из республики. Для меня это означает крах всей моей жизни и карьеры.

Поворот разговора оказался для меня неожиданным. До встречи со Спиридоновым я был настроен агрессивно и готовился к борьбе.

— В общем, я прошу тебя снять свою кандидатуру и в этих выборах не участвовать, — продолжал Спиридонов. — Если ты

со согласишься на мои условия, я обещаю тебе вернуться к прежним идеям о свободной зоне кооперации в Коми. Я тогда буду недотягивать даже для Горбачева и смогу свободно вам помогать. Вот и все, что я хотел сказать. Решение принимать тебе самому. Я тебя не тороплю, иди и подумай. Еще раз извини, если что не так.

Понятно, что Спиридонов предложил мне джентльменское соглашение. Я еще раз обдумал состоявшийся разговор. Итак, я уступаю ему дорогу, он становится депутатом Верховного Совета, автоматически остается первым секретарем обкома КПСС и осуществляет нашу идею свободной экономической зоны в Коми, которую искренне поддерживает. Никаких угроз, запретов и ультиматумов при этом с его стороны не прозвучало, разговор был дружеским и предельно откровенным.

Уже в гостинице перед моим мысленным взором предстала огромная, совершенно необъятная территория Республики Коми, размером почти с Францию, которую мне предстояло исколесить в сумасшедшие декабрьские морозы, агитировать, бороться, отвечать на вопросы. А ведь Спиридонов был там главой уже много лет. И, каким бы он ни был благородным человеком, исключить активные провокации с разных сторон от его сторонников на местах было невозможно. Я мог запросто не выжить в этой ситуации, и где-нибудь нашли бы мой замерзший труп.

На самом деле меня в то время больше всего интересовали цели кооперативного движения, а не политика как таковая. Возможность работать на этой богатой земле без запретов и контроля со стороны коммунистической власти, свободно трудиться и добиваться результатов, строить процветающую жизнь была более привлекательной, чем сомнительная победа на выборах. В случае моего согласия все это нам обещали, а в том, что Спиридонов победит любого из местных кандидатов, сомнений не было.

И я сделал выбор. Поскольку нельзя было отменить встречу с избирателями, мне пришлось снова поехать в Ухту и выступить там со своей предвыборной платформой. Потом по-

благодарить всех за доверие и в завершение выступления снять публично свою кандидатуру в пользу Спиридонова, рассказав о нашей идее свободной экономической зоны, поддержанной им.

Юрий Спиридонов стал депутатом Верховного Совета СССР, а впоследствии и президентом Республики Коми в составе России. Идея свободной зоны кооперации так и не была реализована по некоторым объективным причинам: в связи с моей эмиграцией, смертью академика Тихонова и развалом Советского Союза.

Глава 18 ЕЩЕ РАЗ ПРО ЭТО

Выборы в народные депутаты РСФСР я наконец с блеском выиграл от Тимирязевского района Москвы. Предвыборная гонка в начале 90-го года пролетела для меня легко и незаметно. Правительство Горбачева успешно создавало образ врага общества в лице кооперации, а мы в Союзе кооператоров СССР стойко отражали нападки со стороны власти. В Моссовете за либеральное отношение к кооператорам с курирования кооперативной деятельности сняли Юрия Михайловича Лужкова и передали этот участок чиновнику по фамилии Жаров, который сразу же заявил, что надо разогнать половину всех зарегистрированных в Москве кооперативов, от которых только беды и неприятности.

Именно Жаров сыграл ключевую роль в том, что я стал народным депутатом РСФСР. Решение о моем выдвижении в кандидаты на выборах по Тимирязевскому округу Москвы было продиктовано единственной целью: не дать Жарову победить! Ведь именно он стал основным моим соперником на выборах по этому округу.

Выступления мои перед избирателями я всегда заканчивал этим признанием.

— Вы можете не голосовать за меня, — говорил я на встречах. — Голосуйте за любого другого, только не за Жарова!

И дальше я рисовал чудовищную картину потери работы сотнями тысяч москвичей, утраты достатка их семьями, исчезновения товаров, которые стали понемногу появляться хотя бы в негосударственной торговле, в случае победы Жарова. Самый эффективный метод предвыборной борьбы — негативно-позитивный — был в действии. При этом соперник мой действовал способами хорошо уже мне известными и потому неэффективными: на мои встречи засылались ходоки с каверзными вопросами, на которые я умел с блеском отвечать.

Косвенно мне помог выиграть еще один кандидат. Это не было приемом специального «черного пиара», тогда такими ухищрениями просто никто еще не владел. Все произошло случайно: с нами в гонке принял участие Николай Иванович Рыжков — тройной тезка премьер-министра СССР, который сам был простым слесарем 5-го разряда с военного завода. Однако его имя в списках принесло ему второй после меня результат: многие избиратели, не вдаваясь в подробности, голосовали за Рыжкова, думая, что это и есть премьер-министр собственной персоной. А голоса, которые таким образом ему перепали, отнимались у Жарова, так как принадлежали они в основном большевикам. Они бы никогда меня не поддержали, если бы разобрались с Рыжковыми.

О Первом съезде народных депутатов России уже упоминалось в этой книге. Тогда я вошел во фракцию «Демократическая Россия» вместе с замечательными людьми, свято верившими в демократическое будущее нашей страны и ее независимость.

Если бы не эмиграция, я, очевидно, был бы с Ельциным и на баррикадах Белого дома в августе 1991 года. А тогда, после этих событий, все же принял решение выйти из состава депутатов и написал на имя Ельцина письмо. Получилось, что я пробыл народным депутатом всего полтора года.

— — —

Всегда есть главная причина в ряду второстепенных, которая толкает человека на тот или иной поступок. Мне, конечно, хотелось возвратиться на Родину и жить в России, но участие

в моих третьих выборах все же было продиктовано той историей с наездом бандитов Наума, о которой я уже писал.

Помню, мне позвонил мой близкий институтский друг Михаил Фишман-Борисов и сказал:

— Артемчик! Ты не хочешь поучаствовать в выборах в первую Государственную думу?

— Давай будем участвовать, только от Кремля! — пошутил я в ответ.

— Понял, — сказал Миша.

После телефонного разговора он взял карту Москвы и обозначил там границы избирательного округа, в который входил Кремль. Этот округ оказался Центральным округом № 201. Кроме Кремля, туда входили еще девятнадцать посольств, Красная Пресня с Белым домом правительства и множество самых престижных предприятий столицы. Миша принялся организовывать сбор подписей в поддержку моего выдвижения в этом округе, нисколько не смущаясь своей деятельностью.

Собрать надо было семь тысяч подписей граждан за весьма короткий срок в полторы недели, и для этого требовалось нанять значительное количество персонала. Во-первых, Михаил задействовал своих студентов, учившихся в Щукинском театральном училище имени Вахтангова, где он первый год преподавал, а во-вторых, к сбору подписей подключились люди из нескольких компаний, в которых работали мои старые друзья.

Когда я понял, что моя телефонная шутка воспринята серьезно и уже собрано множество подписей, то отступить для меня означало подвести своих абсолютно бескорыстных друзей, затративших столько энергии и сил.

С Лужковым, с которым меня когда-то поссорил Гусинский, отношений не было никаких, и я понимал, что не могу рассчитывать на его поддержку, но, наоборот, могу вызвать у мэра сильнейшее противодействие. Как это так! Без согласования с ним выдвинуться на выборы, да еще и от самого главного, Центрального округа Москвы, в котором также находилась и сама мэрия со всеми ее зданиями...

Тогда в Лондон заехал губернатор Нижнего Новгорода Борис Немцов. Ему всячески не советовали со мной встречаться,

но он советы отверг, и мы с ним уселись в небольшом пивном кабачке, чтобы поговорить о жизни. Когда Боря узнал о моей попытке участвовать в выборах в Государственную думу, он категорически заявил, что шансы у меня нулевые, даже отрицательные, но сам факт интересный и дает мне возможность беспрепятственно приехать в Москву. Хоть ненадолго.

— Не будешь опасаться ареста, на время выборов тебя защитит иммунитет кандидата, — сказал Немцов. — Потом разберешься с проблемами. Может быть, сможешь уладить вопросы. Теперь в России все можно уладить. Денег у тебя на это, надеюсь, хватит?

— Боря, ты о чем? Ты же сам взятки не берешь!

— Ну, так это я. И то, честно сказать, руки иногда чешутся. Провокация за провокацией: люди-то несут каждый день. Просто я решил делать политическую карьеру и поэтому не могу брать взятки.

— Нет, Борис! За что я должен платить? За то, что вы и ваша власть в России не можете создать нормальную страну? Сами и платите! Не собираюсь я таким образом ничего улаживать. И потом, почему ты так категоричен? У меня есть разные методы ведения предвыборной борьбы, а вдруг они сработают и я смогу победить?

— Ну-ну! — сказал Немцов недоверчиво. — Посмотрим.

Непосредственно перед поездкой в Россию я позвонил своему приятелю — депутату английского парламента от Консервативной партии Гарольду Ибсону и попросил у него консультацию. Гарольд свел меня со штабом Консервативной партии Англии и с главным пиар-агентством этой партии, победившей в то время на выборах.

Пиарщики сказали, что они сами не оказывают услуг на стороне, тем более в незнакомой стране, но готовы подсказать наиболее эффективные для победы способы воздействия на избирателей. Это была очень интересная и полезная лекция, которую я тщательно записал.

Англичане советовали:

«*Первое*: нужно сделать, чтобы каждый день избирателю что-то напоминало о тебе. Если просто послать листовку или

буклет, это даст очень мало. Ее, скорее всего, выбросят, даже не читая. Газета — это уже лучше. Там можно опубликовать что-то очень интересное, чтобы люди ее прочли. Можно разместить, например, кроссворд на последней полосе, тогда они ее продержат в руках дольше. Можно опубликовать программу телевизионных передач на неделю — тогда есть шанс, что газету оставят на неделю! В общем, вам с учетом менталитета российских избирателей надо будет придумать нечто подобное.

Второе: важно еще что-то дать в руки как можно большему числу избирателей. Что-то полезное или хотя бы интересное. Это не прямая взятка, так как это запрещено, но рекламная продукция, имеющая дополнительные свойства. Например, авторучки с вашей агитацией, значки, которые хочется носить, зажигалки и т.д. Подумайте над этим сами, исходя из менталитета избирателей.

Третье: важно сделать рекламу на телевидении привлекательной и запоминающейся. Если это будут просто призывы голосовать, никто не обратит внимания и реклама не подействует. Надо придумать что-то совершенно оригинальное. Тогда будет шанс, что реклама запомнят».

Все эти и другие английские советы мы учили в нашей предвыборной кампании.

Я полетел в Россию только после того, как меня зарегистрировали кандидатом в Государственную думу по Центральному округу Москвы. Для этого пришлось выслать из Лондона нотариально заверенную доверенность, и Миша зарегистрировал меня без моего непосредственного присутствия.

В аэропорту меня встретили несколько телевизионных компаний, и началась предвыборная гонка.

В этот раз мне противостояли в округе еще пятнадцать кандидатов. Слава богу, что по закону о выборах не предусматривался второй тур, а победу должны были присудить кандидату, набравшему наибольшее количество голосов в первом туре, если выборы признавались состоявшимися.

Лужков и московская мэрия поддерживали кандидатуру известного журналиста, российское правительство — кандидатуру заместителя министра иностранных дел России Шелова-

Коведяева. Среди кандидатов были также известный политик Подберезкин, представители коммунистической партии, демократических сил и даже сам председатель Краснопресненского района Александр Краснов.

Вернувшись в Москву, я для начала стал объезжать своих друзей. И первым, к кому поехал, был Володя Яковлев — владелец издательского дома, бывший член моего кооператива «Техника» и создатель вместе со мной газеты Союза кооператоров «Коммерсантъ».

Яковлев очень верно обосновал мою позицию по самым главным вопросам: почему я уехал и почему вернулся. Если четко не ответить на эти вопросы, можно было на выборы не выходить, так как именно это в первую очередь интересовало общественность.

Для меня было затруднительно ответить на эти вопросы сразу и лаконично, но Яковлев подсказал очень точный и короткий путь.

— Ты уехал, чтобы без вины не сидеть в тюрьме, — сформулировал Володя и добавил: — Любой нормальный человек не захочет сидеть в тюрьме и предпочтет уехать, если будет возможность переждать.

— Я вернулся, поскольку больше нет центральной власти коммунистов и не стало моих классовых врагов, — подхватил я слова Володи.

Это замечательно. Правдоподобно и заслуживает доверия. В принципе так оно и было бы, если не считать продолжавшихся репрессий со стороны органов внутренних дел, которые все равно хотели меня посадить в тюрьму или раскрутить на большие откупные деньги.

— Я дам тебе наше «коммерсантовское» рекламное агентство! Оно называется «Знак», — продолжал Володя. — Можешь позвонить туда и сказать, что Яковлев распорядился тебе помогать со скидкой, равной его доли прибыли. Хотя все равно тебя обдерут там как липку. Они очень дорогие, но эффективные. Победа Ельцина на выборах — их заслуга. За один только лозунг, который они придумали: «Сильной России нужен сильный президент» — им надо памятник перед Белым домом поставить.

Яковлев оказался прав отчасти: с меня содрали огромные деньги, но при этом ничем не помогли. Все предложенные ими сценарии, например рекламных роликов, приняты не были. А за эти сценарии было заплачено вперед больше десяти тысяч долларов.

Когда мы поняли, что со «Знаком» иметь дело бесполезно, за сценарий взялся Миша Фишман-Борисов — и ролик получился блестящим. Причем смонтировал его один наш приятель буквально за десять минут.

Сюжет был придуман такой.

Показывают стадион, где все активно болеют, орут, но звука — нет. Потом показана толпа идущих людей, которые также явно что-то выкрикивают, но опять беззвучно. И, наконец, показан хор, в котором поют люди, но словно при выключенном звуке просто открывают рты. Полная тишина!

И тут голос за кадром спрашивает:

— Почему же их не слышно?

А другой голос сипло отвечает:

— Они отдали голоса за Тарасова!

Следом на экране возникала моя улыбающаяся физиономия.

На фоне кондовых политических реклам это была блестящая шутка. С телевидением и эффективностью рекламы в эфире мы справились.

Теперь надо было что-то придумать с газетой, которую не должны были выбрасывать до самых выборов. И мы придумали, исходя из менталитета российских граждан, как сказали бы английские пиарщики.

На последней полосе газеты мы напечатали лотерейный билет, причем на каждом экземпляре газеты номер билета был разным. Далее рекомендовалось не выбрасывать газету, так как после выборов все оставшиеся из предвыборного фонда Тарасова деньги будут разыграны по этим лотерейным билетам. Те, кто выиграет, предъявят газету и смогут получить деньги в штабе Тарасова.

Газету раздавали у метро. Вскоре люди начали выстраиваться в очередь, чтобы заполучить ее. Становились неоднократно

но, пытаясь получить по несколько экземпляров, в чем им никто не отказывал.

Теперь предстояло найти что-то такое, что можно было бы раздавать в руки гражданам и оно не являлось бы взяткой избирателям. И мы придумали целлофановые пакеты, с которыми тогда, в 1993 году, было очень напряженно. Их продавали на рынках, но в достаточном количестве нигде не было.

Мы заказали миллион пакетов с оригинальным оформлением. На лицевой стороне пакета были изображены всякие вкусные продукты питания: сервелат, красная рыба, икра, экзотические фрукты, вина и коньяки — и было написано следующее:

«Если хотите, чтобы этот пакет был всегда полон продуктами — смотрите на обороте!» Его переворачивали.

На задней стороне пакета было написано:

«Голосуйте за Тарасова и смотрите на обороте!»

Люди вертели пакет в руках, улыбались и, довольные, забирали его домой. Поскольку этих пакетов мы произвели в Великобритании огромное множество, мы развозили их по продуктовым магазинам и бесплатно отдавали даже в уличную торговлю и на рынки. Скоро весь центр города ходил с нашими пакетами в руках, и это была очень эффективная реклама.

Среди пятнадцати моих конкурентов по округу был один тип, по фамилии Гвоздикив, владелец собственной студии кабельного телевидения, вещавшего на большую часть округа.

Он подлизался ко мне с первых же дней, сказал, что всегда поддерживал кооперацию, что уважает меня исключительно, и потом попросил дать ему тысячу двести долларов на рекламную кампанию. За эти деньги он согласился показать по своему кабельному телевидению фильм, в свое время снятый обо мне.

Фильм действительно заслуживал, чтобы его показали. Он был очень длинным — целых шесть серий по полтора часа, но сделан очень профессионально и интересно. Его снял один режиссер на спонсорские деньги, но кинопрокат и телевидение отказались его показывать. Там слишком серьезно и доказательно были продемонстрированы некомпетентность власти и ее издевательства над собственным народом.

— Ну что ж, несмотря на то что мы конкуренты, я готов дать денег. Только демонстрировать фильм надо по одной серии каждый день.

Так мы и договорились. Гвоздиков забрал деньги, а потом запустил мой фильм сразу — все шесть серий почти на восемь часов подряд! Это была, конечно, продуманная акция. Люди должны были плевать в мою сторону, поскольку целый день видели на экране только меня и были лишены выбора смотреть что-либо еще.

Кроме всего прочего, не сообщив мне об этом адском показе, Гвоздиков в тот же вечер пригласил меня на интервью в свою студию, чтобы я отвечал на вопросы телезрителей по телефону.

Вы представляете, что было со зрителями? Мало того, что они восемь часов смотрели на меня на экране, а потом им предложили еще и интервью со мной!

Но кто мог предполагать, что убитый наповал такой рекламной атакой наш народ все вынесет и моя популярность после этого скачкообразно возрастет! Так на самом деле и произошло.

Планируя подлую акцию на мои же собственные деньги, Гвоздиков создал мне такой положительный имидж в своем эфире, что люди просто были зомбированы моим присутствием в их квартире целый день, и я сделался родным для них настолько, что все проголосовали за меня.

В интервью, которое брал лично Гвоздиков, он накинулся на меня с такой яростью, обвиняя во всех несусветных грехах, что вызвал шквал телефонных звонков в мою защиту.

Я почти ничего не говорил, да и Гвоздиков не давал мне микрофона, чтобы отвечать. Но каждый звонок нес отрицательную оценку его, а меня, напротив, люди поддерживали.

Это был очень интересный факт. Оказывается, когда количество рекламы перерастает все мыслимые пределы, эффект получается положительным, хотя при этом потребители и плюются, но смотрят и поддерживают на подсознательном уровне.

Как обычно, и я к этому уже привык, выступать в хороших залах мне чиновники не давали. Они знали, как ко мне отно-

сится мэром города и об отсутствии его поддержки. Они знали об уголовном деле «Урожай-90», которое все никак не заканчивалось, и поэтому вели себя соответственно — нагло, по-хамски.

Но одно выступление в прекрасном месте все же состоялось. Во Всероссийском центре печати, который размещался тогда в здании, где сейчас находится верхняя палата России, заместителем директора работал Сергей Юшенков. Он знал меня еще по старым временам и моему депутатству в Верховном Совете РСФСР. И, к его чести, несмотря на запреты власти, мужественно дал разрешение выступить в малом зале с пресс-конференцией.

Журналистов собралось не так уж много. Меня не считали лидером на выборах по округу, а кроме того, одновременно в соседнем большом зале выступал сам Егор Тимурович Гайдар, и, конечно, все основные СМИ были на встрече с ним.

Однако мне запомнились некоторые эпизоды этой беседы с представителями прессы. Впервые широкой московской публике и центральной прессе были предложены переработанные мной идеи профессора Кедрова по обустройству государства. Они не могли не произвести должного эффекта, так как работа правительства Гайдара считалась полностью проваленной, а внятного выхода никто не предлагал.

Когда меня спросили, какой пост мне хотелось бы занять, если бы я попал в правительство, я сказал, что готов возглавить только одно министерство — Министерство внутренних дел!

Корреспонденты очень оживились. А я объяснил, что, став министром внутренних дел, возьму за основу опыт Сан-Франциско. В этом городе, который в свое время погибал от преступности, придумали очень простой и эффективный способ — разбили город на сектора, прикрепили к ним городских полицейских и сказали: «Это ваш маленький район, вы за него отвечаете. А кормят вас те люди, которые живут в этом районе, в зависимости от того, как вы будете работать. И место шерифа района можете передавать по наследству своим сыновьям!» Результат был почти мгновенный!

Имелись цифры: на десять миллионов москвичей приходилось тогда сто двадцать тысяч милиционеров. Если Москву

разделить на десять районов, то на каждый миллион жителей окажется двенадцать тысяч милиционеров — этого вполне достаточно. А если каждый житель скинется по десять долларов в год, тогда зарплата милиционера составит почти тысячу долларов в месяц — вот вам и деньги, и полностью защищенная от преступников территория!

Я изложил эту теорию журналистам, только вышел из зала — и тут мне вручают повестку: явиться в день выборов, в воскресенье, в отдел по борьбе с организованной преступностью на допрос. Что было дальше — вы уже знаете.

Милицейская мафия ждала меня! Мне пришлось расписаться в повестке о том, что в воскресенье в одиннадцать утра обязуюсь прийти на допрос, после чего произошел мой побег по крышам с переходом границы в Эстонию, о котором уже подробно рассказывалось...

Но главным сюрпризом для многих оказался результат: я выиграл выборы и стал депутатом Государственной думы от центра Москвы, как и заказывал, от Кремля.

Английские газеты на первых полосах поместили статьи обо мне под яркими заголовками. Особенно запомнилась одна: «From Mayfair to Kremlin. Made in Great Britain» — «Из Мэйфейра в Кремль. Сделано в Великобритании».

— — —

Работа в Государственной думе оказалась занятием неинтересным, неэффективным и ни на что не влияющим. Законы, которые Государственная дума плодила пачками, внедрялись только формально, они всегда были недостаточно обеспечены деньгами, поэтому оставались на бумаге. Но, кроме того, практически все эти законы были ущербными, так как законами, по существу, не являлись!

Как я обнаружил, в России практиковалось «третье право», доставшееся в наследство от СССР. Дело в том, что в мире известны два вида правовых систем: «законодательный» (такой, как в Америке, во Франции и во многих других странах) и «прецедентный» (такой, как в Англии, о чем я писал уже в этой книге). В России существовал и существует до сих пор

третий тип права — «толковательный», когда законы неконкретны и их можно толковать в любую сторону. «Закон что дышло, куда повернешь — туда и вышло», — гласит известная русская пословица.

Все это происходит от того, что в текстах законов, создаваемых Государственной думой, всегда есть простор для толкования в любую сторону. Они избегают конкретности и часто содержат ссылки на какие-то подзаконные акты, которых никто не видел и которые часто вообще еще не написаны.

Заниматься деятельностью, представляющей собой простую трату времени, мне очень быстро надоело. И два года работы в Государственной думе я до сих пор считаю полной потерей драгоценного времени, за которое многое можно было сделать полезного для России.

Но депутатство помогло мне прекратить уголовное преследование. Дело о компании «Исток» и «Урожай-90» было закрыто, правда, с формулировкой «по недостаточности доказательств». Эта была очередная хитрость органов преследования.

Такая формулировка давала им возможность при необходимости в любое время снова открыть дело, якобы по вновь обнаруженным обстоятельствам. Я понимал, что милицейская мафия решила просто переждать время моего депутатства. Тем более что я вступил в комитет по безопасности Госдумы и тронуть там меня они не могли.

Короткий двухлетний срок существования первой Государственной думы быстро прошел, и надо было либо готовиться к следующей избирательной кампании, либо улаживать поджидавшее меня уголовное дело другими способами. Общаться с ментами мне вообще ужасно не хотелось, хотя я понимал, что в случае проигрыша на выборах выход один — срочно покидать Россию в очередной раз.

Тогда мы и решили с депутатом Марком Горячевым вновь баллотироваться в Государственную думу. С тем самым Горячевым, который ударил Жириновского кулаком в нос в столовой и стал после этого знаменитым. Марку переизбираться в депутаты надо было еще больше, чем мне. Он надеялся, что кредиторы простят ему огромные миллионные долги, которые он

набрал в банках и не мог возратить обратно, если он станет депутатом.

Мы начали думать о том, как правильно создать избирательный блок, способный преодолеть пятипроцентный барьер, чтобы пройти в Государственную думу. В тот момент блоки создавались разные, да еще шел процесс регистрации новых партий вроде Партии любителей пива или Партии обиженных вкладчиков, которые наскоро регистрировались и получали право участвовать в выборах.

Мои английские консультанты советовали сделать блок органичным. Они заранее предсказывали неудачу всем блокам, которые пошли просто по пути набора известных личностей, часто совершенно несовместимых по своей природе и сути. Например, блок, в который вошли покойный ныне актер Ролан Быков, политическая звезда Ирина Хакамада и космонавт Джанибеков, был явно сфабрикован к выборам и никакого блока собой не представлял. Не укладывалось в головах избирателей такое сочетание имен!

Родилась идея создать очень органичный блок предпринимателей — сплав имен, олицетворявших в России бизнес. Мы решили пригласить Святослава Федорова, известного врача-офтальмолога и бизнесмена с хорошей репутацией, стать лидером блока. Он олицетворял старшее поколение предпринимателей. Потом шел я как среднее поколение, Марк Горячев представлял молодое поколение бизнеса. Если бы нам это удалось, мы гарантированно были бы в Думе, причем со своей отдельной фракцией. Доказательство этой уверенности вы найдете дальше.

Три поколения деловых людей в России — это выглядело очень органично.

Вначале Федоров согласился с нашей концепцией. Мы часто с ним встречались в его деревне, которую он построил под Москвой на собственные инвестиции и которая в честь своего создателя так и была названа — Славино. Но, являясь по натуре единоличным лидером, Федоров вскоре начал проповедовать нам свою теорию государственного капитализма.

Он действительно построил такой капитализм в своей клинике.

Идею Федоров заимствовал у знаменитого Вадима Туманова. Я хорошо того знал, поскольку ездил изучать, как работали артели в Республике Коми.

Туманов был первым человеком, который сказал: «Оцените, сколько стоит объект, дайте мне деньги вперед, а дальше мое дело, как я вам его построю».

Это могло быть строительство нового колхоза или скотоводческого комплекса, дороги или рудника по добыче золота. Все, что угодно. Туманов со своими людьми первым делом строил баню, потом жилой дом для рабочих и только после этого приступал к строительству объекта.

Строили полгода, получали, допустим, свой миллион. А потом отправлялись в отпуск месяцев на пять всей командой — пока денег хватит.

Все деньги в артели делили поровну, а на общих собраниях решали: кто им нужен, а кто нет. Вылетали из артели за пьянство и за любовные похождения. Сокращали должности и людей, если кто-то готов был в целях экономии совмещать, например, работу в артели и уборку помещений, стирку и готовку.

Та же система, с небольшой модификацией, работала и в глазном центре Святослава Федорова. Отличие заключалось в том, что каждая должность имела свой весовой коэффициент, на который умножалась доля в прибыли. Базовая заработная плата была у всех одинаковая, а директора от уборщицы отличал только коэффициент, на который эту зарплату ежемесячно умножали. Он первый организовал глазной конвейер, добившись привлечения огромного количества пациентов. И вот теперь проповедовал то, что большинство предприятий должны стать общественными и работать так же, как и глазной центр.

Конечно, это заложено в психологии российского человека — делить заработанные деньги по справедливости, и эффективность труда была высокой, поскольку люди зависели от конечного результата.

В отличие от Федорова, мы были ориентированы на свободное предпринимательство. И все же принципиальных

разногласий у нас не было, блок вполне имел право на существование.

Когда Федоров дал предварительное согласие, я стал активно за него агитировать. На фоне чеченской войны это было очень легко. Я говорил: Федоров — врач, он никогда не допустил бы расстрела больницы, как это произошло в Буденновске. Еще не зарегистрировавшись единым блоком, мы уже стали набирать рейтинг.

Однако следом за своей теорией народного капитализма Федоров стал менять состав участников нашего блока. Он без всякого совета с нами пригласил на место второго человека в блоке бывшего генерального прокурора, в прошлом народного депутата СССР Казанника.

— Это милейший человек, — сказал Федоров. — Народ его любит и будет за него голосовать.

Мы поговорили с Марком, и он согласился переместиться на четвертое место в списке блока. Однако теперь надо было менять идеологию нашего объединения. Чтобы не потерять органику, пришлось срочно придумывать новые лозунги — «За законное предпринимательство» или «За взаимодействие власти и бизнеса». Возможно, если бы все это осталось неизменным до выборов, мы все же могли бы рассчитывать на поддержку избирателей.

Только и эта идея Федоровым опять была переделана. Святослав Николаевич вдруг пригласил в наш блок режиссера Станислава Говорухина, известного своими реакционными выпадами против бизнеса. Федорову теперь показалось, что я недостаточно вписываюсь в первую тройку лидеров блока и могу также быть в тени. Тем более что действующий премьер-министр Черномырдин пригласил к себе в первую тройку блока «Наш дом — Россия» знаменитого режиссера Никиту Михалкова.

Это оказалось последней каплей, и мы вместе с Горячевым покинули объединение Федорова, пожелав им удачи. Михаил Фишман-Борисов, по профессии тоже режиссер, прекрасно зная характер Говорухина, отвел им на возникновение скандала с Федоровым две недели. Но скандал произошел еще рань-

ше — уже через неделю они разругались насмерть, и Говорухин организовал собственный предвыборный блок, а Федоров призвал под свои знамена популярного киноактера Пороховщикова.

В результате этого органика его блока рухнула окончательно, и то, что он умудрился набрать больше трех процентов, свидетельствовало только о том, что наши расчеты оказались правильными, а все вместе мы бы смогли преодолеть искомый рубеж.

После срыва наших общих планов Горячев решил идти на выборы по одномандатному округу самостоятельно, а я прикнул к экологической партии «Кедр», где, конечно, первым лицом в тройке стал председатель этой партии, малоизвестный в России Панфилов. Вторым сделали меня, а на третье место собирались пригласить какую-нибудь звезду. Идея защиты окружающей среды могла объединить кого угодно. Только проблемы эти для голодающей и нищей России были совсем не главными, что создавало реальные предпосылки того, что за партию никто голосовать не станет.

«Кедр» оказался партией санэпидстанций России. Сначала хотели пригласить Познера — известного телеведущего, который по телефону согласился подумать. Потом хотели обратиться к Алле Пугачевой, но в конце концов остановились на Леониде Якубовиче.

Я попал именно туда, куда мне больше всего не советовали английские имиджмейкеры: в блок, неорганичность которого была очевидна на самом высшем уровне.

Но было поздно — Якубович согласился. Леня признался: «Надоело мне быть всероссийским клоуном, хочу заняться чем-нибудь серьезным». И нам все же казалось, что за Якубовича полстраны отдаст свои голоса. Сказывались наш непрофессионализм и неверие в квалификацию английских политтехнологов.

Хотя мы выступали в защиту экологии, все ждали от Якубовича шуток в эфире и были разочарованы его серьезными высказываниями. А от меня ждали рассказов об экономике и предпринимательстве и недоумевали, почему я вдруг заде-

лался экологом и защитником окружающей среды. «Не верю, ребята», — сказал бы нашему блоку Станиславский, будь он жив.

Все выступления были отлично срежиссированы. Особенно запомнилось мне одно: Панфилов представил наш блок и передал слово мне. А я говорю: «Ну что вам сказать, дорогие телезрители? Вы и сами все знаете! Давайте просто помолчим».

И замолчал! Это было одно из самых ярких агитационных выступлений: пять минут камера показывала нас, сидящих молча. Пять минут они не могли выключить нас из эфира, так как это было время выступления нашего блока.

В другой передаче мы показали собранные по магазинам испорченные продукты. Я как ведущий объяснил: «Вот помидор, он выращен в Чернобыле, вот морковь с пестицидами, а это пирожки, которые есть уже нельзя, так как их срок давности истек два месяца назад, а купили их только вчера!»

Еще были продемонстрированы колбаса с давно истекшим сроком хранения, испорченная рыба. Готовясь к выступлению, мы наткнулись в одном из гастрономов на жуткий отдел ценных пищевых товаров и накрыли стол из таких продуктов.

И в итоге мы набрали 1,7 процента голосов. Вот бы сложить эти проценты с федоровскими, получилось бы больше пяти процентов голосов! Мы бы победили и получили фракцию в Думе. А тогда и мы, и Федоров, и Говорухин, и Хакамада с Роланом Быковым пролетели на выборах, не набрав нужного количества процентов.

Если бы мы победили, судьба сложилась бы совсем по-другому...

— — —

Как и большинство известных тогда политиков, для страховки своего личного результата я мог выдвинуться на выборах и по одномандатному избирательному округу, в частности в Москве. Так сделала Хакамада, оставшаяся в Думе, несмотря на проигрыш блока, Элла Панфилова, Гайдар и многие другие.

Я тоже решил воспользоваться этим правом. Тем более что отношения с мэром Москвы Юрием Михайловичем Лужко-

вым у меня наладились после установления факта откровенной клеветы на меня со стороны Гусинского, и я вполне мог рассчитывать на его поддержку.

Мэрия очень серьезно готовилась к этим выборам. Москве было просто необходимо, чтобы во всех округах победили люди, лояльные к власти, которые потом могли бы составить лобби, помогающее столице выбивать отдельные блага не только в бюджете России, но и принимая необходимые законы. Теперь самотеком выборы не шли. Кроме того, у мэра имелись собственные притязания на лидерство в стране, и ему требовалась мощная поддержка во всех ветвях власти России.

Заранее надеясь на благосклонность Лужкова, я пошел к нему на прием. Юрий Михайлович принял меня как своего старого товарища, мы попили чаю с пирожными, повосхищались его планами восстановления храма Христа Спасителя и строительства подземного торгового центра на Манежной площади, поговорили о жизни, и, в конце концов, я сказал о своем намерении баллотироваться в депутаты на следующий срок.

— Конечно, Артем! — ободрил меня Лужков. — Единственное, что прошу не делать, не выдвигайся в этот раз по Центральному округу. Там пойдет на выборы Николай Гончар, он оставляет свое место в Совете Федерации, и мы с ним уже договорились. А ты выбирай себе другой округ! Я тебя поддержу.

Все было прекрасно. Лужков сделал у себя на перекидном календаре пометку: «Тарасов — выборы», и я довольный удалился.

Первым делом надо было информировать Панфилова — председателя партии «Кедр», чтобы мое выдвижение баллотироваться по округу было одобрено всероссийским съездом партии как лидера в первой тройке партийного списка. Таков был порядок.

Я снимал квартиру в Университетском районе Москвы и поэтому, не долго думая, решил выдвигаться в Думу по Университетскому округу.

Всероссийский съезд партии «Кедр» единогласно утвердил список кандидатов от партии, в том числе и меня, выдви-

нувшего по одномандатному Университетскому округу Москвы.

Наверное, здесь я допустил ошибку. Мне надо было срочно проинформировать мэра о том, что съезд утвердил меня избираться по Университетскому округу. Я честно пытался дозвониться, назначить время встречи, но не смог этого сделать. То Лужков был в отъезде, то я был занят и не мог найти время.

Мы организовали сбор подписей в округе, и, когда семь тысяч были собраны, я наконец вновь попал в кабинет к Юрию Михайловичу Лужкову.

Зашел к нему радостный и говорю:

— Хочу сообщить, Юрий Михайлович, что все в порядке. Собрали уже подписи и завтра подаем на регистрацию моей кандидатуры по Университетскому округу Москвы. Можете меня поздравить!

— В каком округе? — переспросил Лужков.

— В Университетском.

И тут он говорит:

— Там нельзя. Я этот округ уже обещал Буничу.

— Но что же мне делать?

— Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

Лужков нажал кнопку селектора:

— Василий, тут ко мне пришел Тарасов Артем. Посмотри там, по какому округу он может баллотироваться. Где у нас сложности с нашими выдвиженцами...

— Есть тут один округ, Юрий Михайлович, там выдвигаются Константин Боровой и Юрий Власов. Мы их не поддерживаем. Туда и надо Тарасову.

Я говорю:

— Юрий Михайлович, а как же подписи? Мне ведь нужно сдать семь тысяч! Мы их три недели собирали. А осталось только два дня до последнего часа сдачи подписей в Центральную избирательную комиссию.

— Вася, сколько тебе надо на сбор подписей? — поинтересовался в селектор Лужков.

— Полдня хватит, Юрий Михайлович! — ответил в трубку Вася.

Мне стало ясно, что я попал в какую-то машину. В отлаженный механизм, который собирались испытать на выборах московские власти, чтобы все оставалось под контролем и не было сбоя. Но поскольку все-таки до конца не понимал, что происходит, и иного выхода не видел, то согласился.

— Ну вот и хорошо! Иди сейчас ко мне в секретариат, поговори с Васей о деталях.

«Вася» оказался Василием Савельевичем Шахновским, который стал известен в России по делу ЮКОСа, как глава его московского отделения, избежавший тюрьмы. Тогда же Вася был управляющим делами московской мэрии и правой рукой Лужкова по всем организационным вопросам. Он проходил ту же школу Юрия Михайловича, какую в свое время прошел и я сам.

— Завтра, к полудню, Артем Михайлович, зайдете ко мне за подписями. Потом я вас свяжу со всеми сублипрефектами округа, и дальше заедете к префекту.

— Посидеть, водочки попить, поговорить... — сказал я, вспоминая брянского секретаря.

— Ну конечно!

Я вышел из кабинета Шахновского с каким-то тяжелым чувством. Что-то во всем этом было нехорошее, какой-то признак серьезного изменения в российском обществе, который я, видно, не заметил, когда вернулся из Англии. Нет, я, конечно, видел и смерти моих друзей, политиков и предпринимателей, и взяточничество чиновников, и измену принципам демократии самими демократами. Но все же мне казалось, что основы общества закладывались правильно. Рынок, предпринимательство, конкуренция, независимые суды, свободные выборы. Наверное, мне очень хотелось в это верить, поэтому я так все и воспринимал в розовом цвете, словно забыв снять солнечные очки.

Звоню Панфилову и говорю, что в Моссовете мне посоветовали изменить округ и теперь я иду не по Университетскому, а по совсем другому.

Панфилов очень разозлился:

— Ты что, Артем, с ума сошел? Тебя же в этот округ выдвинул всероссийский съезд! Ты хочешь угробить всю нашу пар-

тию «Кедр»! Ты же в тройке лидеров партии, а по закону любые несанкционированные изменения в тройке лидеров влекут за собой снятие всей партии с выборов! Чтобы изменить твой округ, надо собирать всероссийский съезд партии «Кедр», а до конца регистрации осталось три дня!

— Но в моем округе победит Бунич, что я могу сделать?

— Слушай, ну пусть этот Бунич перейдет в другой округ, а? Он же не от партии идет, самостоятельно. Может в любой момент изменить решение. Тем более что подписи ему сразу же оформят.

— А ты откуда знаешь про подписи? — наивно спросил я у Панфилова.

— Да так, догадался! — ответил мне председатель партии «Кедр».

Вообще-то самому «Кедру» собрать хоть десять миллионов подписей было очень легко. Эти подписи для партии собирали работники санэпидстанций, которые все были членами партии «Кедр», ведомые главным санитарным врачом России. Представьте на минутку, что такой служащий приходит в ресторан или на любое другое предприятие и предлагает всем подписаться. Думаете, кто-нибудь откажется?

После разговора с Панфиловым мне срочно пришлось искать Бунича, чтобы убедить его переменить округ. Бунич выслушал меня и тут же наотрез отказался. Он сказал, что уже настроился именно на Университетский округ, что уже переговорил с префектом и они обо всем договорились. Что возникшие проблемы его не касаются и он желает мне удачи.

Тогда я возвратился к Васе. Лужков куда-то уехал, и его ожидали только на следующей неделе. Пришлось выложить реакцию Панфилова и Бунича Василию Шахновскому.

— Пусть твоя партия не волнуется. Сейчас согласуем вопрос с Центральной избирательной комиссией.

Я подумал, что Вася шутит, но он набрал телефон и попросил председателя Центральной избирательной комиссии Рябова.

— Привет вам, это говорит Шахновский, — сказал Вася. — Тут у нас ошибка вышла с выдвижением Тарасова. Там его

партия сдала протокол съезда, на котором его выдвинули по Университетскому округу, а в действительности он пойдет по другому. Ну не собирать же им снова съезд партии, чтобы это поменять? Можем мы чем-нибудь ему помочь?

— Нет проблем, Вася! — ответил Рябов. — Переменим номер округа — и все дела! Привет Юрию Михайловичу!

Я тут же набрал телефон Панфилова и сказал, что с Центральной избирательной комиссией все улажено.

— Этого не может быть! — ответил Панфилов. — Они берут нас «на пушку». Сначала пообещают исправить ошибку вопреки закону о выборах, а потом в последний момент просто снимут партию с дистанции! И ты будешь виноват во всем! Я против этого категорически!

Я включил громкую связь, чтобы Шахновский мог слышать Панфилова, который продолжал:

— Этот Рябов, известный обманщик и паразит, купленный чиновник! Он еще наделает дел, ты увидишь! Ему нельзя доверять! Партия «Кедр» против! И ты не соглашайся! Иди против Бунича, ты же все равно победишь этого старого пердуна, горе-экономиста! Тебе будет с ним в дебатах просто — он же ничего в экономике не соображает!

И я сказал Василию Савельевичу, что буду баллотироваться по Университетскому округу против Бунича и — так уж получилось — против пожелания Лужкова.

Вася пожал плечами, сказал, что это сильно облегчает его задачу, и на том мы расстались.

На полноценное участие в выборах по собственному округу у меня не было времени из-за того, что все время выступал за партию «Кедр» и мотался по России. Но вдобавок ко всему мы еще наняли в качестве рекламного агентства мне в помощь по округу абсолютных аферистов. Достаточно только упомянуть об одном факте, который вскрылся после выборов: целый грузовик «КамАЗ», доверху груженный моими листовками и плакатами, был обнаружен так и не разгруженным. Хотя агентство отчиталось, что чуть ли не в каждый почтовый ящик был положен мой агитационный материал. Нераспространенной оказалась и моя газета, которая в тысячах экземпляров ва-

лялась в помещении агентства, и ею никто практически не занимался. Все, что удалось сделать агентству, это развесить несколько растяжек с моей фамилией в самых неприглядных углах по Ленинскому проспекту и запустить в небо аэростат с моим портретом, привезенный из Англии.

А Бунич был везде, и огромным тиражом. Все громадные рекламные щиты напротив входов в метро, в самых престижных местах были с портретом Бунича. Он беспрестанно вещал по местному кабельному телевидению, его показывали по Центральному телевидению, интервью с ним были во всех газетах, выходивших в районе и распространявшихся большим тиражом.

Но все это не было решающим в технологии выборов, внедренной в том году с подачи Моссовета. Чтобы безусловно победили нужные Москве кандидаты во всех контролируемых округах, необходимо было придумать такие ухищрения, которые не давали бы осечки. О некоторых из них я узнал уже после выборов, просто из любопытства и опыта ради.

А до выборов, помня советы брянского губернатора, я поехал познакомиться лично с местной властью в Университетском округе. Сам префект меня просто не принял. Ну что же, этого, по крайней мере, надо было ожидать.

Однако мне удалось поговорить по душам с одним милейшим человеком из властных органов Университетского округа. Называть его фамилию и должность я не буду только потому, что он мне очень сильно понравился. Он был со мной честным и открытым — я таких людей встречал в своей жизни очень мало. Я не знаю, где он сейчас, и мне очень не хотелось бы его подвести.

Он принял меня в кабинете, подошел к входной двери и закрыл ее на ключ. После сел напротив и с улыбкой сказал:

— Каждую неделю я заказываю проверку на «жучки», установленные в моем кабинете. И представьте себе, Артем Михайлович, ведь иногда находят! Как раз вчера такая проверка закончилась, поэтому можно негромко говорить начистоту.

— Хорошее начало, — сказал я и тоже улыбнулся.

— Понимаете, Артем Михайлович, вы мне глубоко симпатичны! Я давно слежу за вашей судьбой, и вы часто меня

просто восхищали и вдохновляли своими поступками и высказываниями. Не сочтите это за комплименты, это правда.

— Спасибо вам за теплые слова!

— Но говорить сегодня мы будем о выборах. Только вы, пожалуйста, послушайте, что я вам скажу, и не перебивайте! Я занял это кресло недавно. Я так к этому стремился, что трудно передать. И вот теперь у меня прекрасная заработная плата, персональная машина с мигалками, власть в округе и полное согласие с органами внутренних дел. У меня теперь огромная трехкомнатная квартира и дочь ходит в самую престижную школу с обучением на английском языке. А взятки мне несут, Артем Михайлович, — не сосчитать!

Мой собеседник провел ладонью над головой, демонстрируя, как много ему несут взятки, и продолжал:

— И вот, дорогой Артем Михайлович, звонит мне по поводу выборов сам Юрий Михайлович Лужков и говорит: «У тебя в округе должен победить Бунич. Если Бунич не победит, тогда я тебе яйца на голову натяну и места ты своего лишишься обязательно». Конечно, не в такой грубой форме, Артем Михайлович, но суть разговора такая. Предельно ясная задача поставлена. Скажите, уважаемый Артем Михайлович, если бы вы были на моем месте: зарплата, квартира, машина, дочь в английской школе и взятки вагонами, вы бы все сделали для того, чтобы выиграл Бунич, а не Тарасов?

Я кивнул.

— Вот видите! Вот и я сделаю все, чтобы победил Бунич. Артем Михайлович, к вам же так хорошо относятся в Моссовете, сходите туда и попросите, чтобы мне перезвонили...

— Чтобы позвонил Вася? — спросил я.

— Конечно, будет достаточно. Пусть он скажет — Тарасову и Буничу уделить равное внимание. Кто из них победит — для Моссовета одинаково хорошо. Вы же мне этим шагом столько головной боли снимете! Столько крови моей останется неиспорченной! Я для вас тогда, Артем Михайлович, сам по домам пойду агитировать!

Я встал, пожал ему руку и сказал:

— Оказывается, даже при всей нашей лживой системе можно оставаться честным человеком. Это парадокс! Но к Васе я больше не пойду. Делайте все, что положено. И успехов вашей дочери в учебе!

...Я проиграл выборы Буничу с огромным отрывом. Настолько большим, что, очевидно, считая меня основным его соперником, административный ресурс округа все же сильно перестарался.

В тот год автоматизированная система «Гас-Выборы», о которой я напишу ниже, еще не работала при подсчете голосов избирателей. Она внедрялась только пробно, и голоса на участках должны были считаться вручную. С этой системой все ясно, но как же смогли так сильно подтасовать результаты? Неужели Бунич и вправду так всех опередил?

Чтобы понять ситуацию на будущее, но ни в коем случае не для того, чтобы попытаться что-то доказать, я договорился с одним из членов окружной избирательной комиссии тет-а-тет обсудить применяемые технологии. Без публичного оглашения, естественно. Стоил мне этот разговор всего триста долларов наличными.

Вот некоторые подробности. Во-первых, на всех избирательных участках списки голосующих составлялись по фамилиям проживавших в округе десять лет назад! Добавлялись в список только новые дома, и опять же фамилиями жителей на момент их заселения.

Конечно, за это время масса людей умерла, изменила местожительство, но они продолжали по-прежнему числиться в списках избирателей по старым адресам. Настоящие мертвые души по Гоголю.

Их количество на каждом участке в среднем составляло от 20 до 25 процентов численности всех голосующих. Все, что надо было сделать, — при подсчете учесть мертвые души, которые голосовали, конечно, за того кандидата, который был нужен. Эту систему в Москве очень хорошо отработали.

Кроме того, в Университетском округе пропало несколько избирательных участков! Просто исчезли. Избиратели звонили, пытались выяснить их месторасположение, а им отвечали,

что в связи с непригодностью ранее запланированного помещения для размещения участков их пришлось перенести по новым адресам в самый последний момент. Один из них, например, был перенесен на территорию закрытого завода, куда пускали только по специальным пропускам, а простым гражданам, увы, так получилось, вход разрешен не был. Другой попал на территорию психиатрической больницы, куда граждане почему-то неохотно шли голосовать. Каждый такой участок мог выдать по тысяче голосов за нужного кандидата.

Ну что же, партия «Кедр» заняла четырнадцатое место в списке 89 участников выборов среди блоков и партий. Вместе с Федоровым, как я уже писал, мы могли бы набрать нужное количество голосов. После выборов мы однажды встретились со Святославом Николаевичем. Он согласился, что ошибся в стратегии борьбы. Я согласился, что ошибся с «Кедром». Рассказывать историю о выборах по Университетскому округу я, конечно, ему не стал.

— — —

«А не принять ли мне участие в выборах президента?»

Эта мысль появилась у меня в начале 1996 года. Ельцин тогда практически не руководил страной. В кулуарах власти говорили, что его здоровье позволяло ему работать от силы один час в день. Остальное время уходило на процедуры и отдых.

Моя популярность была достаточно высока, чтобы рассчитывать на положительный результат. Я, конечно, понимал, что на обеспечение выборов понадобятся огромные деньги, сотни миллионов долларов, но потенциальный источник таких средств в России уже существовал. Это было неформальное объединение банкиров и олигархов, прозванное в народе «семибанкирщиной». Туда входили Гусинский, Березовский, Смоленский, Фридман, Виноградов, Ходорковский и Малкин. Практически всех я знал лично. Конечно же, все они знали меня.

Я прекрасно понимал, что эту группу людей должна волновать судьба будущей власти в России сильнее, чем кого-либо еще: им тогда уже было что терять, и у них были огромные

планы по приобретению собственности, планы разделить целые отрасли промышленности и финансы между собой.

Предложив им свою кандидатуру, я мог предъявить следующие аргументы: во-первых, я сам был бизнесменом и прекрасно разбирался во всех аспектах капиталистической экономики. Во-вторых, у меня были прямые личные связи с крупным западным бизнесом и финансовыми кругами, что упрощало подписание контрактов на миллиардные суммы с ведущими корпорациями мира. И, в-третьих, моя программа, построенная на базе учения профессора Кедрова, могла действительно обеспечить в России такие преобразования, которые бы гарантировали рост экономики и развитие страны.

В худшем случае, если бы я проиграл на выборах и президентом стал кто-либо иной, у меня появлялся шанс еще раз высказаться вслух на всю страну и обеспечить себе на долгие годы защиту от произвола власти. В этом случае любое посягательство на мою свободу трактовалось бы обществом как расправа за участие в выборах.

Предложить себя в качестве кандидата «семибанкиршине» было разумно уже после регистрации. Во всяком случае, чтобы идея выглядела реальной, необходимо было сначала выдвинуться, начать сбор подписей и получить отклик прессы о моих шансах на победу.

Выдвинуть меня кандидатом в президенты могло только собрание общественности, представляющее большинство российских регионов. Тогда мы решили опубликовать в газете «Аргументы и факты» объявление примерно следующего содержания:

«Артем Тарасов созывает всероссийский конгресс, на котором будут рассмотрены пути вывода России из экономического кризиса. Все желающие принять участие могут приехать в Москву. Гарантируем места для размещения делегатов в гостинице “Орленок”. Оплату проживания и проезда не обеспечиваем».

Под объявлением имелся номер телефона для справок, по которому можно было позвонить и уточнить информацию для желающих приехать. Понимая, что может быть много звонков, мы договорились с Центральной телефонной спра-

вочной о том, что нам выделяют серийный номер, по которому телефонистки будут отвечать круглосуточно, разъясняя информацию о конгрессе и размещении его участников. Мы забронировали номера в гостинице «Орленок», которая проставала и с удовольствием согласилась принять любое количество делегатов. Мы рассчитывали на сто или максимум на сто пятьдесят участников.

После того как в газете напечатали наше объявление, в первый же день позвонило более двух тысяч человек — от Калининграда до Владивостока. Во второй день телефонистки не смогли обрабатывать количество прорывавшихся абонентов и приняли около пяти тысяч звонков. Они срочно подключили расширение к серийному номеру и добавили еще двенадцать телефонисток для ответов на звонки.

В гостинице «Орленок» слегка всполошились, когда в первые несколько дней только к ним напрямую позвонило более пятисот человек, чтобы забронировать места на конгресс. Сначала мы хотели снять зал на триста человек. Но когда количество звонков перевалило за тридцать тысяч, стало ясно: надо снимать самый большой зал в гостинице «Орленок» на тысячу двести мест...

И вот наступил день конгресса. Мы чувствовали, что народу будет много, но не ожидали того, что произошло. Приехали делегаты со всей России — из Хабаровска и Владивостока, из Мурманской области и с Чукотки... Люди привезли огромное количество документов и предложений, как вывести Россию из кризиса.

Ко мне в тот момент примкнула Партия обманутых вкладчиков. Они надеялись на мою помощь и хотели меня поддержать как предпринимателя, который никого не обманул и не обокрал. Я обещал им помочь, и они были мне очень благодарны, словно я был уже избран президентом России и мог уладить их проблемы.

В гостинице «Орленок» заняли все свободные номера. Было принято решение начинать конгресс в час дня, а регистрацию проводить с девяти утра. Чтобы успеть зарегистрироваться на конгресс, выстроилась очередь, как в Мавзолей.

Количество желающих попасть в зал перевалило за полторы тысячи человек, потом за две. А люди все прибывали и прибывали. Мы перестали регистрировать москвичей и регистрировали приезжих. На регистрации работали уже более двадцати человек. То, что мы выставили буквы, с которых начинались фамилии гостей, на отдельных столах, очень сильно помогло, иначе справиться с таким потоком народа было бы невыносимо. У дверей в зал мы выставили охрану и строго запретили пускать кого бы то ни было без входных талонов, которые выдавали людям, прошедшим регистрацию.

Чтобы сделать конгресс интересным, я пригласил принять в нем участие нескольких известных в России людей. Выступил политолог Никонов, выступил Бочаров с очень интересной программой: как объявить в России мораторий на все налоги.

А я сам сделал доклад о криминализации российского общества: как мы к ней пришли и что вообще происходит. Ну и конечно, о структуре власти и административной реформе по мотивам идеи Кедрова, которую я все больше и больше оттачивал и привязывал к действительности.

Доклад произвел впечатление. И когда после моего выступления председатель собрания предложил выдвинуть меня в качестве кандидата на выборах президента России, подавляющее большинство проголосовало «за».

Сразу после окончания конгресса я снял самый большой гостиничный номер. До трех утра потоком шел народ, и я со всеми беседовал, выслушивал людей, принимал их бумаги и предложения. Некоторым мы оплатили пребывание в Москве, так как люди объясняли, что приехали на последние свои сбережения.

Мы оформили протокол собрания согласно требованиям избирательной комиссии, сдали его и получили право собирать подписи. Всего надо было набрать один миллион подписей в большинстве территориальных округов и республик в составе России. Кроме того, был установлен лимит: не больше семи тысяч подписей с одной территории.

Конечно, такая задача просто невыполнима для любого нормального человека, если он не обладает возможностями

задействовать разветвленную сеть помощников во всех регионах необъятной России. Понятно, что для Ельцина эти подписи собирали местные «Васи» в каждом отдельном муниципалитете, для которых собрать семь тысяч подписей — полдня потратить. Коммунисты, собиравшие подписи для Зюганова, тоже обладали сетью райкомов и обкомов, которые, конечно, уже потеряли власть и силу, но людей в их рядах было множество, и причем самых социально активных — пенсионеров.

Были такие ресурсы и у Жириновского, и у Явлинского. Особым образом складывалась кампания сбора подписей у Лебеда. Его поддержала армия, и это обеспечивало ему активистов по сбору подписей на местах и в воинских частях. А на финальной стадии ему оказали помощь прямо из центра, из штаба Ельцина, так как Лебедь нужен был для победы Ельцина. Он отбирал голоса у коммунистически настроенного электората, голоса тех, кто выступал за жесткую, карающую руку, направленную против преступников и предпринимателей, и хотел непременно видеть генерала у власти.

Остальным «кандидатам в кандидаты» пришлось очень туго.

К счастью, у меня было «Русское лото», в котором работало более тридцати тысяч распространителей билетов в семидесяти трех регионах и республиках России.

Всем им было дано задание при распространении лотерейных билетов собирать подписи в мою поддержку. Все они напрямую зависели от московского офиса лотереи, причем материально.

Как ни покажется странным, в период сбора подписей продажа лотерейных билетов очень сильно возросла. Потом мы выяснили причину такого явления. Оказалось, что раньше распространители стояли у станций метро, на рынках и в других многолюдных местах, предлагая лотерейные билеты. А теперь у них появился повод обходить квартиры домов и звонить в двери.

Когда им открывали хозяева, распространители говорили:

— Мы собираем подписи в поддержку выдвижения Артема Тарасова на выборах в президенты России.

— Да не будем мы за него подписываться, — отвечали, например, хозяева квартиры.

— Ну тогда, может быть, хоть билеты «Русского лото» купите?

И очень многие покупали и радовались такому сервису: доставке лотерейных билетов прямо на дом.

В итоге мне собрали миллион триста тысяч подписей. Это было впечатляющее зрелище. Надо было обработать все подписные листы, выверить подписи и зачеркнуть те, которые вызывали сомнение. А потом все листы переплести, зашить в папки, пронумеровать их и опечатать папки, заверив каждую круглой печатью.

Для перевозки папок в Центральную избирательную комиссию понадобился грузовой автомобиль.

Периодически к нам в штаб приходили разные деятели, которые предлагали купить у них готовые подписи, а также списки избирателей с адресами и номерами паспортов и прочие вспомогательные документы. Мы не делали этого только потому, что верили в успех своей организации, боялись провокаций со стороны власти и не нуждались в большем количестве. А если бы я захотел, мы могли бы легко приобрести еще два или три миллиона подписей. Причем продавали иногда абсолютно достоверные подписи. Например, скопировав их из подписных листов у коммунистов.

Эх, если бы я знал, какую экзекуцию приготовила мне власть, я, конечно бы, оформил все по-другому и закупил бы столько подписей, сколько предлагали.

На избирательную кампанию нужны были огромные деньги, и я решил походить по своим знакомым и постараться им объяснить, что пришла пора поддержать человека из своей среды. Только президент, разделяющий их взгляды, да еще сам нахлебавшийся дерьма в борьбе с властью за выживание бизнеса, мог повернуть страну на путь экономического прогресса в рыночной экономике. Я в это верил твердо.

Готовясь объезжать потенциальных спонсоров, я собрался встретиться с Березовским, как с основным стратегом выборов со стороны «семибанкирщины».

Мы не были с ним лично знакомы, но когда я позвонил и попросил о встрече, мне назначили время и место.

Борис Абрамович принял меня в своем особняке недалеко от станции метро «Новокузнецкая». Он опоздал минут на тридцать, а потом мне сказали, что у него такая манера. Маленькая слабость великих.

Наверное, Березовский был голоден — во всяком случае, ему тут же принесли курицу, которую он начал поедать прямо при мне.

Поблагодарив за приглашение, я сказал:

— Борис Абрамович! Я к вам пришел по поводу выборов президента.

Он удивился:

— А я думал, по поводу бизнеса! Поговорить о «Русском лото».

Мы давно хотели перевести «Русское лото» на первый канал, ОРТ, но договариваться нам приходилось с господином Патаркацишвили, ставленником Березовского, а тот заламывал такие цены, что никакой возможности пойти на это у нас не оставалось.

Наблюдая, как смачно Березовский обглаживал куриные косточки, я изложил ему свои доводы о том, почему имеет смысл поддержать меня на выборах. Я также сказал, что сбор подписей подходит к концу и мы готовы их сдать на следующей неделе.

— Ты вообще-то опоздал! Мы свой выбор уже сделали, — ответил Березовский. — Мы буквально на прошлой неделе наняли Чубайса, предложили ему любое количество денег, чтобы он вывел в победители Ельцина. Приняли коллективное решение о том, что Ельцин для нас лучшая кандидатура. Обговорили для себя все условия на случай его победы. Так что все уже решено.

— Ну что ж, все понятно, — сказал я.

— Да нет, очевидно, не все. Тебе участвовать в выборах незачем. Ты можешь помешать нашим планам. Мой совет: не дергайся, не трать время зря, тебя все равно не зарегистрируют в качестве кандидата.

— Как это? — изумился я.

— А вот так! Твои подписи будут признаны недействительными, так что зря ты их собираешь, не примут, — сказал Березовский, дожевывая курочку.

Я поразился такой наглости с его стороны. Кто он, в конце концов? Царь российский, самодержец? Как он смеет заранее подобные вещи говорить? Почему не примут подписи, когда мы честно собрали нужное их количество и даже больше? Я не до конца еще понимал, что власть объединилась с финансовой олигархией для будущей победы Ельцина. И не было в России силы противостоять данному конгломерату.

Однако мне было ясно, что в отличие от Зюганова и Лебеда за меня будут голосовать мелкие, средние и крупные предприниматели;

директора и работники приватизированных предприятий;

возможно, молодежь, которая видит свое будущее на порошке свободного рынка;

научные работники, которые знали о моей помощи во внедрении их изобретений и инноваций;

интеллигенция, люди творческие;

участники лотереи «Русское лото» и миллионы рыболовов-спортсменов, не играющих в теннис, но поддерживающих рыболовный спорт в России. На эти голоса совместно с голосами региональной администрации и бюрократической прослойки также рассчитывал и штаб Ельцина. Я же теоретически мог их у него отобрать.

В этом случае вероятность победы коммунистов уже в первом туре выборов становилась реальной. И ни Лебедь, ни даже Горбачев, которого также зарегистрировали на выборах, не смогли бы помешать коммунистам. Рейтинг Ельцина до начала выборов составлял едва ли больше пяти процентов, а Зюганова почти 46 процентов. Но кого это смущало, когда за спиной Бориса Николаевича выстраивалась такая мощь: от Коржакова до Гусинского!

Финансовые возможности образовавшейся группировки мне, конечно, были понятны. Мой хороший знакомый, депутат английского парламента, пересказал мне любопытный

разговор Березовского и Гусинского со специалистами «Саачи энд Саачи», крупнейшей пиар-компании Европы, который происходил в его присутствии.

Речь шла о выборах президента, и Березовский предложил:

— Давайте посчитаем, за сколько можно подкупить все избирательные участки в России. Вы могли бы дать нам такую справку?

Англичане удивились вопросу, но педантично подсчитали и ответили:

— За полтора миллиарда долларов можно будет купить.

Гусинский говорит Березовскому:

— Слушай, Боря, давай скинемся, купим участки для голосования — и никакой головной боли. Чего долго раздумывать? Потом наверстаем упущенное.

Полагаю, частично так и было. Ведь на каждом участке достаточно подкупить только одного человека — председателя комиссии. У него там есть свои доверенные люди, а остальные пусть честно считают, все равно результат, который будет направлен в центр, окажется таким, как заказали.

Покупка избирательных участков началась еще в 1993 году. Когда я приехал в Москву, ко мне пришел человек и предложил купить в моем округе три участка за тысячу двести долларов. Но для меня это было дико, хотя я знал, что другие кандидаты и мои соперники этим пользовались.

Березовский оказался прав: мои подписи не приняли и меня не зарегистрировали. Избирательная комиссия, проверив за три дня один миллион триста сорок семь тысяч подписей, признала четыреста девяносто четыре тысячи из них недействительными. А сам Рябов, председатель Центральной избирательной комиссии, в кулуарах сказал:

— Если Тарасова регистрируют, я публично съем свои носки!

Те же, кто составлял конкуренцию Зюганову, зарегистрированы были все. А из тех, кто мог отобрать голоса у Ельцина, зарегистрирован был только один кандидат — Явлинский. Впоследствии, когда я общался с людьми из команды Григория Алексеевича, я понял, за счет какой уловки им удалось

преодолеть первый барьер. Дело заключалось не в самих подписях, а в технологии их оформления перед сдачей в Центральную избирательную комиссию.

Как это удалось Явлинскому, можно понять, разобравшись сначала, что проделали с моими подписями. Мы брошюровали подписи в папки по регионам России, каждая из них содержала примерно по одной тысяче подписей. Таким образом, в среднем на один район у нас получалось от десяти до двадцати папок по сто пятьдесят — двести листов каждая. Всего мы сдали свыше тысячи двухсот папок.

Понятно, что усилиями двух экспертов-почерковедов, даже для того, чтобы перелистать эти папки, потребовалось бы около недели. А если при проведении экспертизы тратить на изучение подлинности одной подписи всего десять секунд, то тогда на рассмотрение всех подписей каждый из двух почерковедов должен был затратить сто восемьдесят семь часов: работать по десять часов в день без перерыва — почти девятнадцать дней!

С экспертизой сданных нами подписей в Центральной избирательной комиссии справились два человека за три дня!

Позже выяснилось, что экспертиза проводилась следующим образом. Бралась одна папка, открывалась на любой странице и там просматривались подписи. Если находилась одна или две, вызывавшие сомнение экспертов, забраковывалась вся папка целиком — сразу тысяча подписей! Я, конечно, выяснил позже у специалистов по каллиграфии, что для доказательства того, что две подписи сделаны, например, одной рукой, нужен тщательный анализ, чуть ли не под микроскопом! А тут молодые ребята на глазок определяли, что это подписи одного человека, и вся папка на таком основании забраковывалась!

Так вот, умный и хитрый Явлинский, уже заранее зная о методах проверки, во-первых, сдал три миллиона подписей, а во-вторых, разместил их в папках, каждая из которых содержала всего по пятьдесят подписей. Чтобы перевезти его подписные листы в Центральную избирательную комиссию, понадобилось три грузовика. Когда группа нанятых почерковедов-вредителей увидела, как вперемешку сданы папки, они

поняли, что в этом случае браковать подписи их методом невозможно, и Явлинского пришлось зарегистрировать.

Вместе со мной тогда отказали в регистрации еще нескольким людям, которые могли существенно повлиять на результаты и ход президентских выборов. Прежде всего, это была Галина Старовойтова. Мы дружили с ней с 1990 года. Ельцин сильно подставил Галину Васильевну еще в 1992 году и с тех пор избегал даже встреч с ней, чувствуя себя очень неловко. Все же у Бориса Николаевича были рудименты совести, проявлявшиеся хотя бы таким бесполезным образом.

Как рассказывала мне сама Галя, когда приезжала в очередной раз в Лондон и мы сидели в ресторане старинного английского клуба «Крокфордс», Ельцин предлагал ей в 92-м году стать вице-президентом России. Она была тогда советником Бориса Николаевича, с мнением которой он считался, и если бы так и продолжалось, то Россию могли бы миновать большие беды: от утраты страной величия среди мирового сообщества до расстрела парламента в 1993 году. Однако Ельцину кто-то нашептал исподтишка, что надо заручиться поддержкой армии на выборах президента, значит, приблизить к себе какого-нибудь популярного военного. Так в последний момент он «кинул» Галину Старовойтову и практически ниоткуда появился генерал Руцкой, ставший вице-президентом России. Галя говорила с возмущением, что Ельцин просто перестал брать трубку телефона, когда она звонила, и поручил Коржакову, видимо спешшемуся тогда с Руцким, всячески препятствовать их встречам. Гале даже не объяснили толком, что она была уволена из советников: просто перестали с ней общаться, и она сама поняла, что больше ходить в Кремль незачем.

Она была удивительной женщиной, обладавшей острым умом и огромными знаниями в мировой политике, в которой существовала как настоящая звезда первой величины. Я слышал, что собирались издать книгу «Галина Старовойтова — жизнь после смерти», но сам эту книгу так и не видел. О боже мой, как жаль, что не сама она оставила миру свои воспоминания, а кто-то сделал это за нее. Галю расстреляли в подъезде

дома, где она жила в Санкт-Петербурге, но это случилось гораздо позже, 20 ноября 1998 года.

А тогда, в начале 96-го года, мы посоветовались с ней и решили подать в Верховный суд иск против решения Центральной избирательной комиссии, отстранившей нас от участия в выборах президента России.

Время рассмотрения наших исков тянулось, я подал первым, и поэтому мой процесс должен был стать прецедентом. Если бы Верховный суд обязал Центральную избирательную комиссию зарегистрировать меня на выборах, следовавшим за мной Старовойтовой и еще несколькими отвергнутым кандидатами было бы обеспечено аналогичное решение.

Нам удалось доказать, что со стороны избирательной комиссии до принятия решения была произведена фактическая фальсификация. Эти доказательства основывались не только на расчетах времени, о которых я уже упоминал, но и на демонстрации этих фальсификаций прямо в зале суда!

Я обратился к судье с предложением прямо тут же провести эксперимент. Взять любую из отбракованных папок, чтобы те же самые эксперты могли на глазах у присутствовавших зрителей и журналистов отметить, какие подписи они посчитали недействительными.

— Вы согласны на такой эксперимент? — спросил судья у представителя Центральной избирательной комиссии.

Им ничего не оставалось делать, как согласиться. Государственный обвинитель, прокурор, защищавший в суде Центральную избирательную комиссию, заартачился и потребовал сначала точно сформулировать суть эксперимента.

Слово дали мне для пояснения.

— Все очень просто. Если эксперты смогли в течение трех дней проанализировать тысячу двести тридцать папок, то им не должно составить труда проанализировать еще раз любую из них за несколько минут! У нас есть список замечаний и порядковых номеров подписей, признанных недействительными, и мы сравним, совпадут ли номера, отобранные экспертами, с этим списком, составленным две недели назад при отбраковке.

Экспертиза, проведенная на глазах у судьи, показала, что я был абсолютно прав. Почерковеды выявили несколько подписей, напоминавших им друг друга, и назвали их недействительными, но все они оказались другими в сравнении с ранее отмеченными при экспертизе в Центризбиркоме.

Получалось, что мои претензии были доказаны. Я выигрывал процесс, и мне казалось, что Березовский и председатель Центральной избирательной комиссии Рябов будут публично посрамлены. В голове уже мелькали планы объединения с Галиной Старовойтовой в один союз, в котором я был готов уступить ей лидирующее место.

Тут в зал заседания Верховного суда непосредственно судье принесли какую-то записку. Он прочел ее молча, встал и объявил:

— Процесс приостанавливается.

Судья вышел из зала, все остались в полном недоумении его ждать. Это был факт поразительный не только для журналистов, но даже для моего адвоката, повидавшего многое в своей жизни. В зале суда остались ждать судью: прокурор, адвокаты, ответчики, заявитель, эксперты, свидетели и больше пятидесяти человек публики. Судья безо всякого объяснения отсутствовал почти сорок минут.

Мне сообщили, что чуть раньше к зданию Верховного суда подъехал правительственный «ЗИЛ» с охраной, из которого вышли несколько человек, поднялись в кабинет председателя и вызвали всех верховных судей прямо с процессов для срочного совещания. Позже я узнал, что одним из приехавших был секретарь Совета безопасности России Олег Лобов, другие, видимо, были из ФСБ.

Всем судьям просто промывали мозги, после чего наш судья появился в зале совершенно убитым, не захотел никого слушать и сообщил, что суд удаляется для вынесения приговора.

Уже через пятнадцать—двадцать минут он вновь вошел в зал и зачитал короткую версию решения Верховного суда России: «Признать действия Центральной избирательной комиссии правомерными». Не поднимая глаз на присутству-

ющих, какой-то скукоженный от навалившегося на него гнета власти, судья тут же срочно ушел за двери, и я больше никогда его не видел. Российское правосудие было представлено во всей красе!

Следом за мной точно такой же приговор вынесли по делу Галины Старовойтовой, а для того, чтобы не казаться совсем уж ангажированным, суд вынес и одно положительное решение: разрешил баллотироваться в президенты господину Брынцалову, от которого ничего, в сущности, не зависело.

Эх, мне бы тут остановиться, но я решил идти за правдой до конца. Сначала я подал апелляцию в Президиум Верховного суда России. Она была рассмотрена уже после начала выборов, и, конечно, Президиум подтвердил законность решения самого суда. Выше оставались только три инстанции: Конституционный суд России, Европейский суд по правам человека в Страсбурге и Господь Бог!

И я решил подавать в Конституционный суд России теперь уже иск о признании состоявшихся выборов президента Ельцина недействительными, так как более пяти миллионов человек, поставивших свои подписи под листами по выдвижению кандидатов и получивших отказ в регистрации избирательной комиссией, были фактически лишены своих прав на свободу выбора.

Нужно было набрать девяносто подписей депутатов Государственной думы под моим заявлением в Конституционный суд, изготовить тридцать две копии необходимых документов и заверить все документы у нотариуса. Я собрал целых сто семь подписей депутатов. Первыми, кто подписался под моим посланием, были Жириновский и вся его команда. Меня поддерживали «Регионы России», в «Яблоке» очень долго совещались, в результате чего несколько человек все-таки подписались, но не сам Явлинский.

Когда я сдавал документы, мне удалось встретиться с председателем Конституционного суда России Зорькиным. Он произвел на меня впечатление человека умного и даже порядочного.

Зорькин сказал мне:

— Уважаемый Артем Михайлович, по этим бумагам мы должны признать выборы недействительными, Ельцина не президентом, закон о выборах несоответствующим Конституции России и срочно отправить его на доработку в Государственную думу, передав власть в стране на это время Черномырдину, как премьер-министру. Вы этого хотите добиться? — Зорькин посмотрел на меня внимательно, словно оценивая мою дееспособность. — Неужели вы считаете, что такое возможно в наше время? — закончил он вопросом, сильно понизив тон.

Конечно, я так не считал. Я понимал, в какой стране живу, понимал, что эти действия, кроме внутреннего удовлетворения от мысли о том, что я сделал все, что мог, ничего не приносят. Но я действовал так, потому что не мог иначе. Так диктовали моя совесть и, возможно, гены, унаследованные от благородных предков.

Конечно, моя жалоба в Конституционный суд канула в вечность, а я вскоре чудом избежал ареста, так как дело 1991 года было возобновлено. Мне пришлось срочно уехать во вторую эмиграцию в Англию, а, может быть, Бог вновь уберег меня от трагической участи Галины Старовойтовой...

**И ДЕЛА ВАШИ ИДУТ
ВСЛЕД ЗА ВАМИ**

Глава 19

РУСЛЯНДИЯ — СТРАНА КОНТРАСТОВ

Эта сенсационная история произошла в Белоруссии в начале декабря 1991 года. В элитном охотничьем хозяйстве заповедника Беловежская Пуща собрались тогдашние руководители РСФСР (Ельцин), Украины (Кравчук) и Белоруссии (Шушкевич). Надо было решить целый ряд сложнейших проблем. Причем сделать это быстро, без посторонних глаз и вмешательства центра. Поэтому о встрече этой не было известно даже в Кремле. Главным вопросом, конечно, была власть. В конце концов, все собравшиеся были главами своих республик, а настоящей власти так и не получили.

СССР не являлся уже ни союзом, ни отдельной страной, но союзные министерства и ведомства управляли всеми ресурсами на территории республик: сельским хозяйством, промышленностью, торговлей, снабжением, а также таможенной, армией, КГБ и загибающейся, но все еще существовавшей структурой КПСС. Это обстоятельство ущемляло достоинство собравшихся государственных деятелей.

Надо было что-то делать. Да еще и Горбачев очень рьяно взялся за укрепление СССР и опять выдвинул новый термин, который мог быть подхвачен обществом. Слава богу, закончился уже ажиотаж вокруг его «ускорения» и «перестройки», а теперь, вот ведь, новость придумал: «обновленный Союз». Этого нельзя было допустить.

К 8 декабря 1991 года был окончательно составлен текст, и собравшиеся руководители подписали Беловежское соглашение, объявив о ликвидации СССР как субъекта международного права. Было объявлено об образовании Содружества Независимых Государств (СНГ).

Вечером, после баньки с вениками и со спиртным, все собрались отпраздновать событие. Как-то сам собой возник во-

прос о спорных территориях, которые никак не могли поделить между новыми государствами СНГ. Границы-то во время СССР были условными, никто точно не вымерял, что являлось Украиной, а что Белоруссией или Россией. Чуть не переругались из-за этого. Но настроение было благодушное, по мере увеличения количества выпитых рюмок стали идти друг другу на уступки. После пятой или шестой вообще пришли к компромиссу: а пускай на спорной территории сформируется новое государство. Без ругани, по общему решению. Не допускать же конфликта наподобие самопровозглашенной Приднестровской Молдавской республики, где вот-вот должна была начаться гражданская война?

Важным в той ситуации было то, что нашли выход из главной проблемы: СССР больше не существует и Горбачеву ничего не останется, как самому уйти в отставку! А ссориться из-за каких-то нескольких десятков тысяч квадратных километров, да еще в такой момент, было совсем некстати. Вот и оформили малозначимое решение о создании нового государства по согласию сторон. С названием подыграли Ельцину и России, поскольку она становилась главной силой и опорой СНГ. Государство назвали РУСЛЯНДИЕЙ.

Заслоненное известием о ликвидации СССР, это побочно принятое решение даже не попало на страницы ведущих газет. Последующие не менее сенсационные события: уход с поста Горбачева, запрещение КПСС и суд над компартией, начавшаяся война в Приднестровье, экономические реформы Гайдара и т.д. — сделали новость о создании Русляндии неактуальной, и о ней забыли.

Тем более что в Русляндии ничего примечательного не происходило, конфликтов с соседними государствами не было, борьбы преступных кланов за власть с громкими убийствами тоже почему-то не велось. Полезных ископаемых — нефти, золота, алюминия или еще каких-нибудь важных стратегических ресурсов в привычном виде на территории Русляндии не залегало.

Единственным ресурсом международного значения могла быть признана судоходная река Пресна, скрытый от чужих

глаз приток Днепра, который не успели перегородить плотинной гидроэлектростанции в советское время, и хотя она порядком обмелела, все же умудрялась впадать в Черное море вместе с Днепром.

Жизнь в Русляндии так бы и протекала без внимания мирового сообщества, как плавные воды Пресны, если бы не выяснилось вдруг, что там произошло экономическое чудо. В 2005 году страна по всем показателям обогнала Австрию и вошла в число ведущих европейских государств.

После опубликования на Совете Европы доклада о состоянии экономики Русляндии выяснилось, что по темпу роста она в несколько раз обгоняет не только все известные страны «Большой восьмерки», но даже Китай. Причем было отмечено, что рост экономики Русляндии происходит не за счет наращивания мощности существующих предприятий, а за счет выпуска все новой и новой инновационной продукции, конкурентоспособной во всем мире. При этом, что уж совсем необъяснимо для стран СНГ, было сказано об устойчивом из года в год повышении производительности труда.

Поразившись этим показателям, разные страны направили в Русляндию самых передовых ученых в области экономики и государственного строительства, чтобы понять и изучить опыт маленькой забытой всеми страны. И прежде всего туда поехала делегация России, сформированная лично президентом. Помимо экономистов, финансистов, юристов, специалистов в области труда и торговли, в делегацию были включены несколько известных олигархов, двое из них были выпущены из следственной тюрьмы под подписку о возвращении в Россию.

Я тоже бросился изучать опыт Русляндии, и хотите — верьте, хотите — нет, узнал все секреты успеха от самого президента страны, который в диалоге со мной рассказал о реформах, осуществленных в стране.

Но прежде всего я хочу сообщить некоторую информацию о стране в целом для тех читателей, кто еще не посетил Русляндию, чтобы вы имели более точное представление об этой удивительной, ну просто сказочной стране.

Итак, Русландия — самое молодое государственное образование на территории бывшего СССР, занимает внушительную по размеру площадь 34,8 тысячи квадратных километров, чем, бесспорно, гордятся все русландцы. Они очень любят сравнивать свою территорию с другими государствами и искренне рады тому, что Русландия больше таких стран, как Бельгия и даже Нидерланды, а также нескольких граничащих с ней российских областей. Когда же хочется произвести очень сильное впечатление на приезжих, русландцы говорят, что их страна почти в 13 раз больше Люксембурга и аж в 74 раза превосходит по территории страну Андорра.

Территория. Русландия простирается с запада на восток от границ Украины и Белоруссии до России в длину на 268 километров, а с севера на юг от Смоленской до Брянской области почти на 190 километров.

Население страны — 1 миллион 512 тысяч человек.

Русландия относится к регионам с не очень высокой плотностью населения — около 35 человек на 1 км². Это регион с исторически сложившимся многонациональным составом населения: русские (42%), украинцы (26%), белорусы (18%), евреи (11% и их процент постоянно растет), армяне, грузины, болгары, немцы и другие национальности (3%). Большая часть населения проживает в городах (66,3%). В последние годы наметилась устойчивая тенденция притока населения, прежде всего из Восточной и Западной Европы, Израиля, из стран Юго-Восточной Азии и Южной Америки.

Государственные языки: русский, украинский и белорусский (правда, письменность на латинице). Обязательный язык для всех учебных заведений — английский, который преподается всем гражданам республики начиная с трех лет.

Конституционный строй: президентская республика.

Государственный флаг и герб республики — символизируют единство трех славянских народов.

Статус республики: Русландия — член Организации Объединенных Наций (ООН) с июля 1993 года, член Всемирной торговой организации (ВТО), кандидат для вступления в члены Европейского союза (ЕС), член Организации по безопасности и сотрудни-

честву в Европе (ОБСЕ), член Совета Европы (СЕ) и член Союза Независимых Государств (СНГ).

Государственная денежная единица — рупель (свободно конвертируется с национальными валютами развитых государств и обменивается во всех странах мира) — обеспечен золотым запасом страны и выпускается под контролем Центрального банка Республики Русляндия.

1 рупель = 100 жопейкам.

Состав республики. В Русляндии имеется 27 районов, 16 крупных городов и 34 более мелких города и поселка.

Столица республики — город Прянк, население 455 тыс. жителей (на 01.01.2004 г.), расположен в западной части страны, в 30 км от границы Белоруссии и в 45 км от границы Украины.

Другие наиболее крупные города — Блиңцы, Старозыбкин, Тетькино и пограничный город Дрест.

Природа страны удивительно многообразна и красива. Есть участки возвышенности, которые по ландшафту напоминают предгорья Карпат, и низменные лесные массивы, где растут как хвойные, так и лиственные деревья, а еще южнее — лесостепь и тысячи гектаров культурной степи, составляющие гордость Русляндии — ее всемирно известные сельскохозяйственные угодья.

Климат умеренно-теплый и влажный. Несмотря на удаленность от морского побережья, на погоду очень сильно влияет Атлантический океан. Массы теплого воздуха, которые формируются над ним, долетают до территории Русляндии и смягчают климат (жару летом и холод зимой). Осадки в стране регулируемые. После строительства первого в истории человечества метеотрона появилась возможность искусственно вызывать дождь по мере необходимости, особенно в засушливой южной степи или для тушения лесных пожаров. Это улучшило плодородие почв в соседних областях России и других странах, решило вопросы снабжения пресной водой и благотворно повлияло на климат самой Русляндии. Средняя температура января — 3,9°C, ранняя весна, продолжительное жаркое лето (средняя температура июля +21°C).

Водные ресурсы. По Русляндии протекает 128 рек общей протяженностью более 9000 км. Реки принадлежат к бассейну Дне-

пра и Волги. Наиболее крупная река — приток Днепра, Пресна. Ее протяженность 1238 километров. Притоки Пресны — Молва, Гавля, Перусса, Нудость и др., которые впадают в нее в пределах территории республики. На западе протекают реки Веседь и Жипуть — притоки реки Сож. Имеется 50 крупных озер, наиболее крупное — оз. Божаны (460 гектаров).

Природные ископаемые. Разведаны значительные запасы торфа, запасы исходного сырья (песка, глины, трепела, мела) для промышленности строительных материалов и стекольной промышленности, фосфатсодержащей руды для производства минеральных удобрений. Особенно выдающимся является месторождение сланцев, которое не разрабатывалось в СССР, так как не была известна технология переработки тугоплавких составляющих этой породы. С применением инновационной технологии из сланцев в Русяндии получают большое количество никеля, титана, золота, серебра, платины и других ценных металлов платиновой группы. По добыче и переработке платины и палладия Русяндия вышла на третье место в мире, после «Норильского никеля».

Леса. Лесная зона Русяндии является основной природной составляющей республики и покрывает более 60% территории. Внедрение самой современной в мире технологии безотходной обработки древесины позволило Русяндии выйти на четвертое место в мире по экспорту деревоперерабатывающей продукции, строительных материалов на базе древесины и изделий из дерева (от мебели до сборных домов).

Промышленность. Русяндия является государством с высокоразвитым промышленным потенциалом. Обойдя по объемам производства вычислительной техники и оптоэлектроники Силиконовую Долину в США, несколько юго-восточных стран (таких как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Малайзия) и выйдя на объемы производства этой продукции, сравнимые с Японией и Китаем, Русяндия существенно изменила структуру своего экспорта. Теперь по многим изделиям бытовой электроники, видеотехники и средств коммуникации и связи, а главное, компонентов и деталей к ним Русяндия является главным поставщиком европейских стран. Доля ее экспорта в африканские страны составляет более 60% от

общего объема поставляемых товаров. Основной поставщик российского рынка и стран СНГ.

Наиболее развитыми являются следующие отрасли: электронная промышленность и производства оборудования связи; машиностроение и станкостроение; автомобилестроение; тракторостроение и выпуск сельскохозяйственной техники; производство экранолетов, оборудования по переработке пищевой продукции, оборудования по переработке древесины; нефтехимическая промышленность и промышленность синтетических продуктов; производство бытовой электроники, мебели и других товаров народного потребления. Наряду с этим в республике огромными темпами развиваются фармацевтическая промышленность и выпуск новейшего медицинского оборудования, легкая промышленность, приборостроение и выпуск дорожной и строительной техники.

Сельское хозяйство. Доля сельскохозяйственного производства в валовом национальном продукте составляет менее 20%. Однако эффективность пищевой промышленности позволила уже через три года после создания Республики Русляндии полностью обеспечить внутренний рынок всеми необходимыми продуктами питания, кроме экзотических фруктов из тропических стран и пальмового масла, которые и составляют импорт продовольствия. На сегодняшний день в структуре экспорта республики сельскохозяйственная продукция составляет большую долю, а в торговле с Россией доходит до 40% от всего экспорта товаров и услуг.

Основные направления производства аграрного сектора республики: зерновое, картофельно-овощеводческое и мясомолочное. Природно-климатические условия позволяют возделывать такие зерновые культуры, как рожь, пшеница, ячмень, овес, гречиха. Традиционно значительную долю в сельскохозяйственном производстве занимает картофелеводство (24%). Представлено и производство технических культур: льна, конопли и сахарной свеклы. В последние годы республика стала основным поставщиком спаржи на рынки Европы и Азии. Страусоводство и птицеводство являются самыми перспективными направлениями развития сельского хозяйства. Также цветоводство: выведенные в Русляндии новые виды тюльпанов — гречишный и мармеладо-

вый — прочно заняли ведущее место по стоимости на Нидерландской бирже цветов и являются серьезной статьёй экспорта из Русяндии.

Транспорт. Общая протяженность железных дорог на территории Республики Русяндии 1111 км. Имеются три крупных железнодорожных узла: ст. Прянск-1 — пассажирская, станция Прянск-2 — сортировочная и станция Дрест-пограничный — участковая.

В 2000 году введены в строй скоростная монорельсовая дорога, связавшая западную и восточную части республики, и трасса струнного транспорта для пересылки грузов в автоматическом режиме, связавшая все 16 крупных населенных пунктов республики. Общая протяженность автомобильных дорог на территории области 24 600 км, в том числе 99,7% из них с твердым покрытием.

В 1995 году аэропорту Прянск присвоен статус международного. Новый аэровокзал признан лучшим по архитектурному решению и сервису в Европе.

Культура и искусство. По богатству и значимости памятников истории, культуры и археологии Русяндия является одной из интереснейших территорий Европы. В стране насчитывается свыше 4000 памятников истории и культуры, часть из которых признана памятниками мирового значения. Прянск по предложению ЮНЕСКО был объявлен культурной столицей мира в 2005 году. В стране удивительным образом решен вопрос финансирования объектов истории и культуры, что привело к мировому признанию достижений в этой области. Все исторические памятники восстановлены в первоизданном виде, создана масса музеев и этнических деревень. Государство помогает содержать и охраняет религиозные объекты: монастыри, храмы и церкви, и в Русяндии полная свобода вероисповедания.

Все это привело к развитию туризма. Страну ежегодно посещают более 25 миллионов туристов, а реализация планов по развитию туризма обеспечит удвоение их количества уже в ближайшие несколько лет.

Я приехал в Русляндию по автомобильной дороге из Белоруссии. С моим европейским паспортом формальности при пересечении границы заняли не более пяти минут. Ощущение изменения обстановки возникло сразу: ухабистая и шербатая дорога на белорусской территории влилась после границы в гладкую, как затемненное стекло, автостраду с пятирядным движением в обе стороны.

Если на территории Белоруссии по обеим сторонам раздолбанной дороги мелькали иногда покосившиеся хижинки полузаброшенных деревень, то здесь с обеих сторон шоссе разместились заведения для обслуживания туристов: маленькие и удобные мотели, оформленные с художественной фантазией закусочные, стоянки для автомобилей с местами для пикников. На рекламных щитах располагались красочные вывески с указателями: детские парки, природные заповедники, «сафари», парк с животными на воле, музеи-усадебки, рыболовные и охотничьи хозяйства и т.д.

При въезде в город Прянск в сумрачном небе витала цветная лазерная надпись со словами «Добро пожаловать!», которая красовалась на фоне видеоголографических клипов с видами Прянска, спроецированных прямо на небосвод с земли. На границе мне вручили мобильный видеотелефон, который одновременно выполнял функции гида, электронного секретаря, переводчика голоса на десятки языков мира и средства связи с агентством сервисного обслуживания туристов. Он автоматически определял координаты нахождения туриста, и приятный голос рассказывал в телефонных наушниках, что интересно посмотреть по сторонам шоссе. Поскольку я не реагировал на его рекомендации остановиться или свернуть в сторону для посещения очередной достопримечательности, голос стал спрашивать и уточнять маршрут следования, периодически сообщал, сколько километров осталось до въезда в Прянск и до гостиницы, где я планировал остановиться.

Когда до цели оставалось несколько километров, на экране видеотелефона возникло красивое лицо девушки, которая объявила, что ожидает меня в гостинице и является моим персо-

нальным консьержем. Она спросила о том, какой напиток я предпочитаю выпить при входе и нет ли у меня специальных пожеланий, а также чем мне хочется заняться сегодня вечером.

— А что вы порекомендуете? — спросил я.

— В первый вечер, мне кажется, было бы разумно совершить короткую экскурсию по ночному Прянку, заехать победать в один из чудесных ресторанов. Сегодня на центральной площади города состоится очень красивое лазерное шоу и дискотека под открытым небом. На нескольких открытых площадках выступают лучшие звезды мировой эстрады. В городе работают более ста семидесяти клубов с оригинальными программами, — ответила девушка в видеотелефоне.

— Ну, я так сразу не могу определиться. Сначала поселюсь в гостинице, а потом уже решу.

— До вашей гостиницы осталось шесть километров. Лучше свернуть на первом перекрестке направо, и дальше по главной улице города вы доедете прямо к гостинице, которая напротив городского парка, — подхватил нашу беседу голос сопровождения.

Отель «Славяния» появился на горизонте, выделяясь среди небоскребов по обеим сторонам главной улицы Прянска. Он словно парил в воздухе, и этот зрительный эффект создавался специальным его освещением. Внизу более темные бордовые тона постепенно менялись и плавно трансформировались в яркую, почти малиновую краску под крышей отеля.

Главная улица спускалась с холма и текла асфальтовой рекой между сверкающими небоскребами.

Хотя город поражал воображение ультрасовременной архитектурой, зазывал красочной рекламой во всевозможные заведения, меня интересовала в первую очередь загадка успеха Русяндии: как же это стало возможным в окружении несостоявшихся рыночных экономик других стран СНГ?

Поэтому с первых минут пребывания в Прянке я стремился не терять времени и заняться поиском ответов на вопросы об экономическом чуде Русяндии.

— Хочу поговорить с гидом! — сказал я вслух видеотелефону, подъезжая ко входу в «Славянию».

— Мы всегда к вашим услугам, — тут же последовал ответ.

— Скажите, пожалуйста, где бы я мог узнать о новейшей истории Русландии, о том, какие реформы были проведены в последние годы и как происходило развитие экономики страны начиная с 1991 года?

— Это легко организовать. Вам надо в Центральный дом информатики. Мы закажем вам виртуальную студию на сегодняшний вечер. Там для вас будет приготовлен специальный курс по интересующей тематике.

— Спасибо. Вот это мне и нужно на сегодняшний вечер.

Меня поселили в комфортабельный номер отеля, из окон которого открывался вид на город. Девушка-консьержка оказалась особой приятной во всех отношениях, улыбчивой и вежливой. Все в номере управлялось голосом, поэтому при поселении меня попросили сказать вслух несколько слов, чтобы система автоматического распознавания голоса могла меня запомнить.

В ванной комнате, где располагалось огромное джакузи, не было ни одного привычного крана или выключателя, шампуня или мыла и даже полотенца. Я решил принять душ и в легком замешательстве из-за отсутствия знакомых мне приспособлений и предметов произнес:

— Хочу принять душ!

В ту же секунду открылась ниша в стене и выдвинулся столик со всем необходимым. Появились многочисленные предметы для купания, полотенца и махровый халат. Из душа полилась вода, причем ее напор и температура без труда корректировались голосовыми командами.

Через двадцать минут я был уже внизу, где меня ожидала машина с водителем, чтобы ехать в Центральный дом информатики. У дверей гостиницы стоял чудесный автомобиль класса люкс, который выпускался местным заводом совместно с фирмой «Дженерал моторс» и назывался джеперс. Это был первый в мире автомобиль-трансформер, который в течение нескольких минут мог быть легко превращен, например, во внедорожник с четырьмя ведущими мостами, или в спортивный автомобиль, или в городской седан. Джеперс также запросто превращался и в летательный аппарат: экранолет —

изобретение российских ученых, внедренное в Русляндии. Корпус автомобиля заменялся полуавтоматически по выбору хозяина прямо в гараже перед выездом. Также менялась и окраска автомобиля. Под тонкой прозрачной поверхностью кузова равномерно растекалась краска, которая покрывала корпус автомобиля и изменялась по цвету по желанию владельца.

Центральный дом информатики был сердцем Прянска и всей страны Русляндии. В нем располагалось управление городом и государством. После того как два года назад правительство и все министерства были переведены в виртуальную форму на Интернет, эффективность управления возросла в десятки раз. Кроме того, это исключило влияние бюрократии на принятие решений или выдачу разрешений, и в Русляндии с радостью объявили о полной победе над коррупцией. Даже статьи о наказании за этот вид преступлений были изъяты из Уголовного кодекса за ненадобностью.

Виртуальная студия, заказанная мне гидом, была похожа на миниатюрный кинотеатр, в котором перед большим экраном находились удобный диван, столик с портативным компьютером, специальный пульт управления, а также термосы с горячими напитками, печенье, минеральная вода и чашки с блюдцами. Подробная инструкция пользователя возникла на экране, как только я занял место на диване.

Мне предлагалась интерактивная система просмотра программы под названием «Экономические реформы Русляндии — успехи и неудачи». Если у меня будут возникать вопросы по ходу, я мог вмешиваться в просмотр и в любой момент задавать вопросы вслух. Если какие-то части программы вызовут у меня интерес, я мог нажатием специальной кнопки на пульте дать команду компьютеру записать эту часть программы на диск, перегнать ее обратно до интересующего места либо сразу же внести свои комментарии голосом или набрав их текстом на клавиатуре компьютера.

Инструкция также описывала дополнительные возможности, которые в случае необходимости могли быть мне представлены. Если, например, меня заинтересует конкретное предприятие или конкретная реформа и я хочу узнать о них подробнее, мне предлагалось организовать встречу на месте, что-

бы увидеть все «в живую» и пообщаться с людьми, которые работали непосредственно в этой сфере экономики или бизнеса.

Удобно расположившись на диване перед экраном, я нажал кнопку «пуск» на пульте.

На экране появился сам президент Русяндии господин Путиявлинский Лужок Касьянович. Он традиционно поприветствовал меня, представился и начал говорить о стране:

— Наше государство в декабре 1991 года ничем не отличалось от соседних республик бывшего Советского Союза. Те же разруха, хаос, кризис власти, падение производства, полный паралич сельского хозяйства, потеря производственных связей и абсолютная неразбериха. И как следствие всего этого — отсутствие товаров и продуктов в магазинах, прекращение жилищного строительства, низкая покупательная способность населения, отсутствие бюджетных средств и источников их пополнения. Да еще сюрприз, который преподнесла нам Россия с конфискацией денег у населения и фактически их обесцениванием. Мы ведь все держали деньги в Сберегательном банке СССР и потеряли свои вклады.

На самом первом заседании правительства новой страны Русяндии в 1991 году, во-первых, определили, какой страной она должна стать, а во-вторых, наметили главные цели развития государства. Все это было внесено в Конституцию страны. И мы всегда следуем поставленным целям. Каждый раз народ выбирает руководство страны только по этому признаку: как оно конкретно собирается решать главные задачи по достижению целей Русяндии.

Мы тогда определили следующее: Русяндия должна стать демократическим государством с либеральной рыночной экономикой, для того чтобы интегрироваться в Европу и в мировое сообщество развитых стран.

Главной целью страны является благополучие ее народа.

— Одну минутку! — прервался Путиявлинский. — Я должен ответить на несколько звонков, и мы продолжим.

Он отключился, и на экране возникли слайды Прянска.

Я понимал, что смотрю заранее снятый фильм, но такое поведение президента, по замыслу режиссеров, создавало у меня ил-

люзию прямого общения с лидером государства. А кроме того, помогало лучше усвоить тему. Он недаром остановился, упомянув самые базовые принципы страны: демократия, открытость, развитая рыночная экономика и благосостояние людей. За эту паузу я должен был усвоить эти понятия, чтобы в дальнейшем разобраться, как добились успехов в государственном строительстве.

Президент вновь появился на экране, вежливо извинившись за паузу, и попросил учесть его занятость и понять, что перерывы в беседе неизбежны.

Я машинально ответил, что все нормально и ясно... И вдруг президент обратился ко мне по имени-отчеству:

— Артем Михайлович, тогда мы так и сделаем. Продолжим работу в таком же режиме.

Дрожь проскочила по моему телу, настолько естественно это прозвучало. Как и задумано, полное ощущение диалога с президентом утвердилось окончательно.

Конечно, можно было сообразить, как это сделано. Ведь в Прянске еще два года назад был снят художественный фильм, где все персонажи были виртуальными образами, созданными на компьютере. Когда фильм был номинирован на получение «Оскара» как лучший зарубежный фильм года, а актриса, игравшая главную роль, выдвинута на приз «За лучшую женскую роль», пришлось открыть всему миру секрет, что такой актрисы в реальности не существует, а ее образ является лишь выдумкой дизайнера фильма. И что весь фильм снят в одной студии без каких-либо натуральных съемок. Это стало мировой сенсацией!

Я понимал, как это сделано: президент был виртуальной копией настоящего.

— Итак, мы остановились на том, что страна досталась нам почти разрушенной, без денег и собственного производства, но были четко сформулированы принципы ее строительства и цель — сделать граждан обеспеченными.

Вот мы и задумались над реализацией этой цели: как помочь гражданам жить хорошо?

Поискав соответствующую информацию, мы наткнулись на учение профессора Кедрова и, кстати, на ваши выступления

в печати и в Интернете, Артем Михайлович! Профессора Кедрова мы сразу пригласили к нам в качестве консультанта, а вы, к нашему сожалению, уже покинули Россию и жили за границей...

«Вот это да! — подумал я. — Значит, вот куда пропал профессор Кедров. Не получив признания своих работ в России, он нашел им применение в Русляндии!»

— Профессор Кедров живет здесь? — спросил я у виртуального президента.

— Да, с девяносто второго года он является главным советником правительства Русляндии по вопросам государственного строительства, — ответил Лужок Касьянович.

— Как бы мне с ним встретиться? Мы не виделись с девяностого года. Он тогда мне все рассказал, и я до сих пор считаю его систему организации власти самой эффективной для стран бывшего Советского Союза.

— Это просто. Мы уже информировали его о вашем приезде, и он сам изъявил желание повидаться. Завтра встреча в президентском дворце, в 14.00, вас устраивает?

— Конечно, спасибо... Значит, вы внедрили его систему государственной власти в Русляндии?

— Это стало первым шагом на пути реформ. Вы, конечно, знаете, как устроена система управления обществом, предложенная Кедровым? Мы не будем на этом останавливаться и сразу же перейдем к разговору о конкретных реформах...

Я не возражал. Но для вас, уважаемые читатели, я хочу напомнить некоторые основные моменты этой системы организации власти, чтобы легче было читать дальше.

Сущность управления, по Кедрову, заключается в том, что власть должна быть нацелена на решение главной задачи общества: удовлетворение материальных и духовных потребностей людей.

Оказалось, что вне зависимости от места проживания, религии, уровня культурного и технологического развития общества этих материальных и духовных потребностей, которые необходимы человеку, ВСЕГО девять.

Первая потребность человека — **ЗАЩИЩЕННОСТЬ**: от бандитов, террористов, экологических и техногенных ката-

строф, а также возможность всегда отстаивать свои законные права в суде;

вторая потребность — **ЕДА**;

третья — наличие доступных **ТОВАРОВ И УСЛУГ**, без которых человеку сложно существовать в современном обществе;

четвертая — **ЖИЛЬЕ**;

пятая — **РАБОТА** (чтобы она была интересной и приносила достаточно денег для удовлетворения вышеназванных потребностей);

шестая — **ЗДРАВООХРАНЕНИЕ**;

седьмая — **ОБРАЗОВАНИЕ** для себя и детей;

восьмая — **СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ** семье, старикам, инвалидам и детям;

и последняя, девятая — **ПРОВЕДЕНИЕ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ**, куда относятся культура, религия, искусство и досуг.

Все остальное выходит за рамки насущных материальных и духовных потребностей современного человека. Много ли человеку надо?

Как только это поняли, первым указом президента Русландии стал «Декрет о власти», который рассортировал весь бюрократический персонал страны по 9 направлениям. Было создано 9 министерств в правительстве, оставили по 9 отделов в каждом городском муниципалитете и в каждом районе, поселке и деревне. Всех объединили в вертикаль власти снизу доверху.

Для лучшего понимания эффективности такой структуры рассмотрим несколько примеров из существующей системы управления в России:

1. Согласитесь, что по большому счету очень мало кого в России интересует, например, промышленность стройматериалов, производство гвоздей и кровельного железа, работа строительной техники, производство цемента, функционирование систем коммунального хозяйства, вентиляция и электрификация, элементы подрядного метода в строительстве и т.д. Людей интересует конечный результат — доступное ЖИЛЬЕ по доступным ценам. А сейчас в России всеми этими перечисленными делами за-

нимаются разные ведомства и организации, совершенно между собой не связанные и отстраненные от решения главной задачи.

2. Кого интересует сельское хозяйство в России? Сколько зерна было засеяно и собрано, сколько тракторов и уборочных машин вышло на поля и сколько потребовалось для их работы горючесмазочных материалов, сколько и каких было внесено удобрений и т.д.? Только специалистов. Основное же количество людей интересует конечный результат: **ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ**, есть они или нет, доступны они или нет. Сегодня же в России разные структуры в управлении сельским хозяйством и пищевой промышленностью занимаются посевными и уборочными работами, производством удобрений, заготовкой, переработкой урожая, складированием, проблемами обеспечения сельскохозяйственной техникой и ее снабжением горючесмазочными материалами, хранением и сбытом продукции, доставкой продовольствия на базы и в торговые сети, торговлей продовольственными товарами и т.д. Все эти ведомства разные. Поэтому никто конкретно не отвечает за конечный продукт — наличие **ЕДЫ** в магазинах.

Чтобы подобного не было, в Русландии и был принят знаменитый «Декрет о власти» первым же указом президента.

— А как отнеслись чиновники к реформе административного аппарата? — спросил я президента Лужка Касьяновича Путиявлинского.

— Конечно, с очень большим опасением, но мы тут же их успокоили двумя дополнительными решениями: во-первых, поначалу совершенно не сократили их численность, а во-вторых, предоставили им возможность зарабатывать огромные деньги легально, не на взятках, а за счет трудовой деятельности.

— Как же это удалось?

— Вторым указом. Он появился после того, как была высказана идея превратить бюрократов в созидательную силу общества и перестать с ними бороться.

На экране возник портрет улыбающегося человека средних лет, лысеющего, слегка грузного, с умным и пронизательным взглядом. Конечно, это был самый известный в Русландии экономист господин Бреф Егор Ясинович. Говорят, что за осо-

бые заслуги в разработке теории создания среднего класса в Русляндии в следующем году он непременно будет выдвинут на Нобелевскую премию в области экономики и почти наверняка ее получит.

— Егор Ясинович всегда отличался нестандартным мышлением, но в СССР ему просто не давали думать, заставляя заниматься пропагандой коммунистических идей, осуществлением контроля за ценами и всякой другой ерундой. А у нас он развернулся во всю мощь! — сказал президент Путиявлинский.

Бреф выдвинул идею: раз уж основная масса чиновников сгруппирована ради удовлетворения конкретных потребностей, нужно сделать так, чтобы каждый из них был лично заинтересован в результате. В условиях рынка личная заинтересованность человека определяется прежде всего размером денежного вознаграждения за труд. Поэтому всем чиновникам предлагалась возможность в короткий срок стать *легальными миллионерами* и полезными членами общества, создающими прибавочный продукт.

Чтобы понять суть реформы Брефа, рассмотрим конкретный пример. Пусть за счет деятельности чиновников из отрасли «ЕДЫ» в каком-нибудь конкретном районе страны откроется новая ферма, или новая точка общественного питания, или будет запущен новый завод по производству продуктов. Тогда с каждой новой функциональной точки разрешалось отчислять два процента ежегодного дохода в пользу отдела «ЕДЫ» района и дальше делить эти деньги между его работниками пожизненно и легально.

В результате достаточно быстро все бюрократы Русляндии стали полезными жителями страны, начали участвовать в создании того самого необходимого всем прибавочного продукта и получать за это достаточно большие деньги. Их «бюджетная» зарплата поначалу оставалась прежней, но с каждым годом сокращалась и за несколько лет вообще исчезла.

Совдеповское чиновничество в условиях переходного периода от социалистического хозяйствования к свободному рынку в одночасье превратилось в армию менеджеров по созданию новых предприятий и акционеров создаваемых пред-

приятый по всем важнейшим направлениям производства и сервиса. Они перестали доить бюджет для получения своей зарплаты и перешли на заработки от реального успеха.

Только одна успешно реализованная реформа привела к тому, что в Русландии как грибы стали появляться все новые и новые малые, средние и крупные предприятия, создаваемые на первых этапах активнейшей деятельностью самой власти в стране, в городах и на местах. Это практически в десятки раз сократило коррупцию в обществе. Теперь каждый чиновник спешил как можно быстрее запустить предприятие в работу. Сами собой отпали и были аннулированы всевозможные инструкции и разрешения, отменены лицензии на все виды деятельности, кроме напрямую запрещенных законодательством страны.

За счет сокращения бюджета были срочно и весьма существенно повышены оклады тем чиновникам, оставшимся в сферах управления, в которых принципиально невозможно было ввести хозрасчет. Это отрасли ЗАЩИТЫ населения, СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ, КУЛЬТУРЫ и РЕЛИГИИ.

— Русландия с первых мест в мире по размаху коррупции вышла по этому показателю в число самых благополучных стран. А когда мы внедрили виртуальное управление страной, вообще удалось избавиться от коррупции, — сказал вновь появившийся на экране президент.

— Вот в это поверить очень сложно. Нас убеждали в России, что коррупция вечна и избавиться от нее нельзя никогда. Неужели вам это удалось?

— Ну посудите сами: все процессы принятия решений в сфере распределения бюджета или других материальных благ строго автоматизированы. Анонимно вводятся данные о различных претендентах на получение, например, госзаказов, компьютер анализирует информацию и выбирает лучшее предложение. Так же решаются вопросы приватизации недвижимости. Никаких разрешений для начала какой-либо деятельности не требуется: разрешено все, что не запрещено законом. Затрат на организацию деятельности тоже нет: чиновники и государство сами берут на себя все расходы, только бы вы начали делать что-либо полезное обществу!

— Все это, конечно, впечатляет. И в общем не сложно организовано.

— Очень рад, что вы все понимаете. Я вас сегодня покину. Дела. Вы теперь знаете основу основ: как мы сформировали структуру управления нашей страной. Она позволила эффективно решить все остальные вопросы развития экономики и нашего общества, обеспечила успешность наших реформ. Мне кажется, что вам с дороги надо бы немного отдохнуть, а завтра мы предоставим вам возможность встретиться с разными специалистами, которые введут вас в курс дела относительно реформирования отдельных отраслей, приведших нашу страну к таким ошеломляющим успехам. Вы ведь об этом хотите узнать?

— Да, — согласился я. — Простите, последний вопрос: вы настоящий президент или его цифровое изображение?

Путиявлинский усмехнулся:

— Так вы, Артем Михайлович, решили, что все это инсценировка? Я самый настоящий, вот, посмотрите мои наручные часы.

Он приблизил к видеокамере циферблат своих наручных часов. На них была половина двенадцатого ночи и число — сегодняшнее число!

— Вы достаточно известный у нас человек. Я, к сожалению, не смог с вами повидаться лично и решил воспользоваться возможностями нашей национальной системы связи четвертого поколения. В этой сфере мы тоже впереди планеты всей. Когда мне сообщили о том, что прямо с дороги вы захотели узнать о Русляндии, мое желание с вами пообщаться еще более усилилось. Я вас приму завтра во дворце с профессором Кедровым. Сегодня отдыхайте.

Я был поражен и окончательно обескуражен случившимся. С другой стороны, такое отношение ко мне со стороны главы государства очень льстило моему самолюбию. Но чувство недоверия все еще оставалось. Я решил спросить президента о сегодняшней беседе, если действительно попаду к нему на прием.

Путиявлинский исчез с экрана, а я задумался над его словами. Почему Россия не воспользовалась этим опытом? Не было бы сейчас такой громоздкой бюрократической страны, где

без взятки ничего нельзя добиться. Где существуют коррупция и произвол власти, где чиновники фактически управляют бизнесом и свободным рынком, вершат судьбы людей, а самое главное — никто не отвечает за решение ни одной конкретной задачи. И не с кого спросить за то, что не удовлетворены самые насущные материальные и духовные потребности людей.

Проблема заключалась, конечно, в ельцинской администрации. Как были они управленцами времен СССР, так ими и остались. Какие реформы могли они осуществить? Занялись личным обогащением на всех уровнях, а Россию бросили на произвол судьбы. Чего уж тут удивляться результатам?

Я не представлял, как много еще удивительного узнаю в Русландии и как часто буду себя спрашивать: почему Россия, пусть и с опозданием, не идет по правильному пути?

Глава 20

РЕФОРМЫ — ЭТО ПРОСТО

Ночью мне приснился заказанный накануне сон...

Я только успел лечь в кровать и произнести фразу «Погасите свет!», как нежный голос в темноте спросил меня в ухо:

— Хотите заказать сон?

Это было так неожиданно и странно, что мне почудилось, будто я почувствовал горячее дыхание женщины на своей щеке.

— Свет! — крикнул я.

В освещенном номере гостиницы никого, кроме меня, не было.

— Вы можете объяснить нам в общем виде, а мы уже подумаем детали, — продолжал говорить голос где-то рядом с моей головой, прямо из спинки кровати. — И вы не сказали, во сколько вас завтра разбудить.

— А как это произойдет, если я закажу вам сон? Вы подключите ко мне электроды, провода или еще что-нибудь? — спросил я, успокоившись.

— Загляните под подушку, — посоветовал голос.

Я поднял подушку и увидел маленькую круглую бляшку, приклеенную к простыне. Это было синергетическое устройство, которое воздействовало на мой мозг информационным полем. Видимо, технология русляндцев достигла такого развития, что они могли программировать на расстоянии видения в моем мозгу во время сна. А может быть, и не только во время сна?

— Значит, эта штука вызовет у меня галлюцинации? — спросил я.

— Нет. Нормальный сон, который ничем не отличается от тех, которые вы обычно видите. Просто он более яркий и впечатления от него остаются. То есть в отличие от произвольных снов, которые вы, как правило, забываете, этот сон вы запомните. И можете заказывать его продолжение каждую ночь. Как сериал...

— И вы то же самое можете сделать с моим мозгом днем?

— Нет. Этого мы не можем. Ночью вы не сопротивляетесь свободно возникающим образам, а днем, во время бодрствования, вы очень легко можете отогнать все посторонние мысли. Ну что, попробуем?

Я заказал сон о рыбной ловле в Амазонии.

...Наш корабль плыл по реке от города Манауса. Амазонка в этот период года разливалась и затопляла лес на тысячи километров. Реликтовые деревья, достигавшие в обхвате нескольких метров, стояли в воде, а мы плыли буквально в джунглях, огибая их стволы. В небе летали попугаи ара, по веткам деревьев прыгали обезьяны и висели милые ленивцы. По протокам мы пробирались к месту слияния Амазонки с Рио-Негро, чтобы дальше продолжить путь вверх по Черной Реке. В месте слияния поразительной была цветовая гамма: желтые воды Амазонки действительно сливались с черными водами Рио-Негро, и дальше река словно заполнялась кофе с молоком.

Цвет воды в самой Черной Реке был таким потому, что в ней было повышенное содержание щелочи. Это радовало, поскольку в такой воде не размножались комары и другие жалящие насекомые, поэтому путешествие можно было продолжать без накомарников.

Я ловил рыбу самозабвенно, а за нашим кораблем всюду следовали розовые амазонские дельфины. За время моего ночного путе-

шестивия мне удалось поймать тринадцать видов рыб, не считая разновидностей. Среди них были: огромный пресноводный скат-хвостокол; семь разновидностей пирании — от красной до лимонной; амазонский окунь пи-кок; тигровая рыба; араванна — рыба-обезьяна; три разновидности сомов и другие экзотические рыбы.

Я бы поймал больше, если бы не попросил разбудить меня так рано!

В половине десятого я снова был в Центральном доме информатики Прянска. Там же выпил кофе с печеньем, так как завтрак в номер не заказывал. Честно скажу, боялся, что он неожиданно автоматически свалится прямо в постель откуда-нибудь с потолка.

На экране в этот раз возник образ прелестной женщины, которая представилась моей виртуальной собеседницей.

— Как вы будете меня называть? — спросила она.

— Ева! — сказал я не раздумывая.

— Очень хорошее имя! — согласилась девушка.

— Давайте начинать. Кофе не хотите? — пошутил я.

Она с милой улыбкой ответила:

— Хочу!

В руке у Евы на экране появилась чашечка с «эспрессо».

— Самыми первыми реформами после организации системы власти в Русляндии, конечно, стали реформы сельского хозяйства, — начала свой рассказ Ева. — Понятно, что реформы в любой стране нужно начинать с того, чтобы страна сама себя обеспечила продовольствием по ценам, доступным подавляющему большинству населения. Оставшемуся меньшинству поможет нормально жить государство. Это принцип реформы сельского хозяйства, принятый в Русляндии. Если начинать реформы с чего-то другого, они обречены на провал. Все заработанные деньги люди будут проедать, оплачивая импортное продовольствие по сумасшедшим ценам, либо этих денег никто из простых людей и вовсе не заработает.

— Это правильно, — согласился я. — Так как на голодный желудок работать не очень хочется, скорее, появляется желание долбануть кого-нибудь богатенького по голове и купить на вырученные деньги колбасу.

— Смешно, — сказала Ева и продолжала: — Вначале мы очень быстро создали кадастр наших земель. Определили, сколько у нас сельскохозяйственных угодий: пашни, лугов, лесов и сколько земли может быть использовано для строительства и других нужд. Потом основали Земельный банк, куда положили сто миллионов долларов — половину денег, полученных от Мирового банка на стабилизацию экономики страны. Другая половина была использована для стабилизации внутренней валюты — рупелей и на поддержку ученых. Глядя на неудачный опыт России и других стран СНГ, мы поняли, что продавать землю в частные руки просто так нельзя и нельзя ее сдавать в аренду фермерам.

— Почему же? — спросил я.

— Когда деньги есть только у небольшого количества людей, только они в состоянии выкупить землю, но не факт, что для сельского хозяйства. Скорее всего, застроят ее домами и продадут недвижимость. Это легче и быстрее. Так и случилось в России. Ну а сдавать в аренду землю тоже оказалось пагубным! Фермеры первые несколько лет загоняют в нее огромное количество удобрений, пестицидов, гербицидов и другой химической гадости только для того, чтобы получить рекордные урожаи. Потом, когда земля истощится, просто переходят на другой участок, бросая прежний, ставший неплодородным. Так были загублены сотни тысяч гектаров земель в России в районе Астрахани, где выращивали арбузы! Так и будут поступать фермеры с землей, если она им не принадлежит.

— Подождите, что же получается? Землю нельзя продавать в частные руки и нельзя сдавать в аренду? Но она не может оставаться собственностью государства, иначе не будет урожая! Мы же знаем о разорившихся совхозах в СССР.

— Вы правы! Поэтому мы нашли способ, как выйти из этого положения. В Русяндии был решен земельный вопрос! Мы решили продавать землю людям по принципу кооперативной квартиры, совершенно замечательного советского изобретения. Человек вносит ссуду, свой первый взнос, и взамен получает землю. А потом с каждого урожая постепенно выплачивает ее стоимость. Но земля принадлежит семье сразу

после внесения первого взноса. Если вы покупаете пашню, то и должны на ней пахать и сеять. Если луг — тогда заниматься скотоводством. А если вы этого не делаете, а нарушаете договор о купле-продаже, можете подвергнуться сначала штрафу, а затем и решению об обратной продаже земли Земельному банку.

— Да, похоже. Если кооперативную квартиру использовали не для жилья, то нарушителя могли выгнать на общем собрании пайщиков.

— Так и в случае с землей. Людям малообеспеченным с первой ссудой у нас помогает Земельный банк, который специально создан для ведения кадастра земли и обеспечения ее купле-продажи. Поэтому в Русландии землю в собственность могут получить все, кто действительно захочет на ней работать. Заметьте интересную деталь: взяв ссуду в Земельном банке для первого взноса за землю, люди ее туда же вносят, в этот же банк! Таким образом, фонд в сто миллионов долларов практически не расходуется, только растет! Запомните это.

— Запомнил.

— Получив землю, придется на ней работать, чтобы выплачивать остаток ее стоимости. Но заметьте еще одну очень важную особенность: внесенные деньги остаются вашими. Накапливаются в банке на вашем личном счете, пока не будет выплачена вся сумма за землю. И если завтра ваш сын или ваши внуки решат не заниматься больше земледелием, они просто возвращают эту землю обратно, а банк выплачивает всю сумму накопленных за годы денежных средств.

— А стоимость земли каждый год может расти, если за ней хорошо ухаживают, или падать, если этого не делают. Это стимулирует к рациональному ведению сельского хозяйства. Правильно?

— Вы очень способный человек! — похвалила меня Ева. — Так и происходит. В тот момент, когда вы захотите вернуть землю банку или ее продать, осуществляется ее реальная оценка. Конечно, вы можете и завещать свою землю родным, да и заложить ее в случае трудного положения с финансами. Собственность есть собственность, хотя и со специфическим совдеповским запахом.

— Имея свою землю, можно объединиться с соседями, чтобы вместе было легче ухаживать за хозяйством. А назвать такие объединения хоть колхозами, хоть кибутцами — уже не важно. Был бы результат, — подытожил я.

— Но, конечно, вы понимаете, что никто не бросился сразу выкупать землю в Русляндии. Основное население у нас живет в городах. Деревни были заброшены. Молодежь туда ехать не хотела. Там действительно невозможно было жить. И мы нашли выход из этого положения. Пришлось обратиться к России, Белоруссии и Украине — к нашим создателям и соседям.

— Неужели они помогли материально?

— Конечно, нет. Но мы и не просили денег. Мы только попросили, чтобы взаимозачеты России по долгам этих стран за поставку газа и нефти производились бартером через наше посредничество. Все равно валюты в нужном количестве Россия с этих стран не получит никогда! Мы просили, чтобы в счет погашения долгов Белоруссия и Украина поставляли в Русляндию следующую продукцию: асфальтовые заводы, кирпичные заводы и производства малых котельных! А за это мы отказываемся от взимания платы с России за прокачку нефти и газа по территории нашей страны. Ведь через нашу страну проходят все магистральные газо- и нефтепроводы в Западную Европу. А кроме того, нами было предложено поставлять в Россию продукцию и товары питания.

— Это когда было? — спросил я.

— В 1992 году, — ответила Ева. — В то время, конечно, в Русляндии мало что производилось, но голодавшая Россия с радостью и на это согласилась. Когда мы получили заводы из Украины и Белоруссии, то разместили их в сельских территориях. Там, где еще недавно было развитое сельскохозяйственное производство и остались брошенные деревни.

— Таким образом, в сельских районах появились асфальтовые заводы — значит, нормальные дороги; кирпичные заводы — значит, материалы для строительства и жилье, а малые котельные — значит, тепло в домах! — подытожил я.

— Отлично! Так и произошло. Вы, конечно, спросите, где же люди, пожелавшие поселиться в деревне, взяли деньги на обустройство и начало деятельности?

— Естественно, спрошу.

— В этом мы им помогли. По инициативе Земельного банка была создана Биржа сельскохозяйственных продуктов. Каждый, кто захотел заняться сельским хозяйством, мог сразу продать часть будущего урожая на этой бирже еще зимой! Так у людей, которые получили землю, появились первые деньги на обустройство жизни. Конечно, мы освободили их практически от всех налогов и дали льготы на оплату электричества, транспорта и медицинского обслуживания.

— Итак, появилась земля, есть дорога, есть жилье, есть тепло, есть немного денег, но нет самого главного. Как и чем обрабатывать эту землю? — спросил я Еву.

— Тут сыграл роль капитал Земельного банка. Конечно, на эти деньги невозможно было бы купить достаточное количество техники и всего необходимого, чтобы запустить сельское хозяйство. Но можно было застраховать риск! Это мы и сделали. Объявили всему миру, что гарантируем сохранность всей поставляемой сельскохозяйственной техники в Русляндию за счет государственных средств. И застраховали риски в ведущих компаниях мира.

— Неужели этого оказалось достаточно?

— Конечно. Ведь что останавливает западных производителей от поставки продукции? Только то, что ее могут разворовать или уничтожить. Если никакого риска нет, они с удовольствием готовы осваивать новые рынки, поставлять технику в лизинг — аренду, за что наши фермеры готовы заплатить. Так произошло и с оборудованием для переработки сельхозпродукции. Навезли они этого оборудования в виде маленьких молочных заводиков, колбасных цехов, портативных пекарен, консервных заводиков и т.д. — даже с излишком! И все.

— И все?

— Да, Русляндия решила вопрос с ЕДОЙ. Уже через два года мы полностью отказались от импорта продовольственных товаров, кроме экзотических фруктов. Это признак цивилизованной страны. А вскоре мы уже начали самостоятельно выпускать тракторы по японским технологиям, современные мини-заводы для продовольственных товаров, новую иннова-

ционную технику, которая составляет главное богатство страны. Позже мы вам расскажем о том, как мы подняли промышленное производство. А сельское хозяйство с каждым годом выплачивает все больше и больше денег в Земельный банк, тем самым обеспечивается рост государственных гарантий и, значит, совершенствование самого сельского хозяйства.

— И теперь вы являетесь экспортером продовольственных товаров?

— Да, во множество стран. Но прежде всего в Россию и в Африку. Уже возникают большие проблемы с перепроизводством продукции. В прошлом году получили даже дотацию от ЕС, чтобы уничтожить часть урожая, а фермеры не понесли от этого убытков. Что делать? Иначе нельзя, это требования ВТО. Мы скоро вступаем в ЕС.

— Вы знаете, Ева, вчера в центре я встречался с президентом Русляндии или с его виртуальной копией... До сих пор не знаю. Но дело не в этом. Он рассказал мне, что все бюрократы у вас превращены, как бы сказать, в бюро предпринимателей. Поэтому исчезла коррупция и появился сильный средний класс собственников. Это действительно так?

— Да! Возьмем пример сельского хозяйства, о котором я вам рассказала. Допустим, какой-то чиновник из отдела «ЕДЫ» в районе нашел семью, помог им оформить ссуду и получить землю, помог обустроиться в деревне, сделал так, что туда провели дорогу, а семье построили теплый коттедж, способствовал появлению там техники и строительству малого завода по переработке сельскохозяйственной продукции. Достоин он получить два процента от прибыли этой семейной фермы? Конечно! Они с радостью будут их платить своему благодетелю, так как тот будет продолжать следить за ними и помогать их хозяйству процветать. Чем больше фермеры произведут продукции, тем больше он получит. А что происходит в России?

— В России землю купить не на что, — сказал я Еве, — денег у людей, которые хотели бы работать на земле, нет. Ни один банк не даст никакой ссуды. Если же вы заложите все свое имущество — тогда деньги могут дать, только сразу же отберут часть в виде отката. В сельской местности нет ни дорог,

ни строительства, ни тепла в покосившихся избах. Народ оттуда убежал в города. Дома брошены, поля заросли метровыми сорняками. Чтобы получить любые разрешения: на строительство, на сертификацию продукции, на торговлю, на разведение скота или птицы, — вы вынуждены отдать местным чиновникам все оставшиеся деньги в виде взяток. Сельскохозяйственной техники нет и купить ее не на что, зарубежную не завозят, так как боятся, что ее разворуют. Свою продукцию редкие выживающие фермеры вынуждены возить за много километров на перерабатывающие заводы. Но ее объемы все время сокращаются, так как стоимость литра бензина уже превысила стоимость литра молока. Стоимость электричества не позволяет содержать птицефермы. Ну а если фермер решит переехать в город — непонятно, как и кому он сможет продать землю. Скорее всего, просто бросит свое хозяйство и уедет нищим, без денег..

— Да, эта печальная картина нам известна. Поэтому мы гордимся тем, что сделали в Русландии, и не понимаем, почему Россия и другие страны СНГ не идут этим путем. Сделаем перерыв? — спросила Ева.

— Давайте, — согласился я и решил еще раз проверить свою версию о вчерашней встрече с президентом Лужком Касьяновичем Путиявлинским, которая не давала мне покоя. Чтобы убедиться в том, что Ева человек, а не виртуальная копия, я спросил:

— Ева, скажите, пожалуйста, как меня зовут? И могли бы вы показать мне крупным планом на экране ваши часы?

— Конечно, Артем Михайлович! Вот мои часы.

Ева протянула руку с часами к камере. На экране возник циферблат, и там было текущее время и сегодняшняя дата.

— Если вам не нравятся часы, можно их изменить, — сказала Ева.

И тут же на моих глазах часы растаяли в воздухе, а на их месте возникли другие, электронные. Это ничего не проясняло, а только запутывало.

— — —

Пора было поесть. Я спросил гида из мобильного видеотеlefона о том, где, по его мнению, можно перекусить.

— Какую кухню вы предпочитаете? — поинтересовался телефон.

— Любую. Мне абсолютно все равно. Главное, чтобы достаточно быстро и я смог продолжить работу. Сегодня у меня встреча в президентском дворце. Надо успеть еще поработать. На еду у меня не более сорока минут.

— Вы, наверное, хотите что-нибудь оригинальное. Рекомендую ресторан «Провинциал». Там не только вкусно, но и интересно.

Ресторан оказался рядом со зданием Центрального дома информатики (ЦДИ). Я заказал салат из овощей с рачьими шейками, суп из спаржи и стейк из страусинового мяса. Необычность ресторана заключалась в том, что на плоском экране перед столиком я мог наблюдать за процессом приготовления моего заказа. Вот повар стал отлавливать раков в чане и бросать их в кипящую воду. Пока они варились, он ловкими движениями нарезал овощи для моего салата, смешивал их с маслом и соусом, укладывал красиво на тарелке. Потом чистил рачьи хвосты, варил суп и жарил на сковороде страусиное филе. От этого зрелища разыгрывался аппетит и возникало чувство причастности к приготовлению блюд, что делало их вкуснее...

Вернувшись в ЦДИ, я не застал там свою экранную подругу. Меня ждал виртуальный джентльмен в безупречно сидящем костюме.

— Как вы будете меня называть? — спросил он.

— Наверное, Адам... — ответил я.

— Очень хорошее имя, — согласился джентльмен.

— А где Ева, осталась в раю? — спросил я.

— Она выполнила свою миссию, — ответил виртуальный Адам, и я понял, что по части автоматизации юмора у русляндцев пока дела не блестящие.

Вот что рассказал Адам о реформах, проведенных в промышленности Русляндии:

— В отличие от России, в которой главной задачей стала быстрая приватизация государственных предприятий и заводов, в Русляндии выбрали другой приоритет. Приватизация была объявлена не сутью, а просто способом достижения

цели, которая звучала так: «В кратчайшие сроки запустить остановленное промышленное производство».

Чтобы понять разницу в этих подходах в России и в Русяндии, посмотрим сначала на Россию.

Каким путем шла Россия в реформировании промышленности? Оценивали завод чаще всего ниже реальной стоимости, доводя его до банкротства, а потом быстро продавали. Покупали все, кто хотел и мог, в основном те, кто имел доступ, как говорится, «к телу».

Например, известен случай, когда завод ЗИЛ был куплен «Микродином». Фактически универмаг приобрел огромный завод, производящий грузовики. Акции ЗИЛа при этом котировались достаточно высоко, и «Микродин» был вправе открыто заявить: мы купили ЗИЛ, потому что это триста гектаров земли в центре Москвы, и когда он совсем остановится, там будет очень хорошо устроить большой производственный склад импортных товаров.

И такие вещи делались повсеместно. В порту Находка во Владивостокской области была выкуплена огромная судостроительная верфь. Этой верфи уже нет, там сейчас перевалочные склады китайских товаров. Больше суда в порту Находка не ремонтируются. Сломался мотор — сразу все судно в металлолом.

Что же происходило в Русяндии?

Любое промышленное предприятие предлагалось отдать в руки предпринимателю или компании (все равно какого происхождения — местного или зарубежного), которые продемонстрируют и докажут свою способность наладить там производство. Для начала на бумаге — в представленных документах. Если ваша компания подтверждает свою квалификацию, имеет средства и может наладить выпуск, например, холодильников, приходите на завод холодильников и забирайте его целиком, совершенно бесплатно. Такой способ был принят с самого начала.

— Постойте! — прервал я Адама, которого до этого момента слушал молча. — Вы говорите, что приватизация в Русяндии была произведена бесплатно?

— Не совсем так, — ответил Адам и продолжил рассказ: — Передавая предприятие в руки компании, государство подписывало очень простой контракт о том, как вы собираетесь управлять этим заводом. По нему в течение первого года вы, например, обязуетесь расплатиться с долгами этого завода и обеспечить регулярную выплату заработной платы рабочим. За второй год вы выйдете на уровень производства 1968 или 1970 года.

Третий год — уровень 1972 года. За четвертый год вы совершите рывок и создадите новую модель холодильника, который сразу же сделает продукцию завода экспортной... и т.д. Как только стороны расписались в контракте, в котором определены график и цели работы на три или на пять лет, можете забирать завод.

А вот дальше простой контроль со стороны государства определит, как вы справляетесь со своими контрактными обязательствами. И чтобы не было почвы для взяток, в целях объективности, итоги определяются не персональным мнением членов комиссии, а по критериям и показателям, разработанным для данного производства на основании условий контракта в результате обработки данных на компьютере. Так сказать, автоматически, без присутствия бюрократа.

Справились с обязательствами первого года — отлично. Справились со вторыми — в продаже появились дешевые отечественные холодильники. Завалили третий год — государство вправе (юридически) на основании контракта забрать у вас завод обратно и передать его в руки другой компании, которая свои обязательства выполнит лучше.

Если вы справлялись со своими обязательствами все пять лет, тогда и завод по праву ваша собственность, и холодильники в продаже имеются, что и есть главная цель государственной политики по подъему промышленности. Да еще и налогоплательщик создан общими усилиями, а это уже очевидное финансовое достижение государственной политики.

Кроме того, мы создали для всех фирм и компаний, которые взялись за подъем нашей промышленности, самые льготные условия существования...

Слушая Адама, я вдруг вспомнил одну известную историю. Однажды член английского парламента Николас Эдвардс

очень сильно поссорился с Маргарет Тэтчер. И она отправила его в ссылку в Уэльс, сказав: «Вот тебе Уэльс, руководи и реформируй! Только чтобы я тебя поменьше в Лондоне видела!»

Если тогда, в 1969 году, Уэльс был отсталой территорией Великобритании, то сегодня это самая развитая промышленная часть туманного Альбиона. Только японских заводов в Уэльсе открыто сто пятьдесят. В Уэльсе выпускаются автомобили «Мазда», «Ниссан», «Тойота», электроника «Сони», «Хитачи», компьютеры «Хьюлет Паккард» и прочие товары народного потребления известных мировых производителей.

Секрет в очень простом решении, принятом по инициативе Николаса Эдвардса: те, кто открывает завод в Уэльсе и создает новые рабочие места для английских рабочих, надолго освобождаются от всех налогов, государство в два раза снижает для них стоимость электроэнергии, предоставляет дотации на транспорт. Конечно же, предприятия освобождаются полностью от импортных пошлин на все запчасти и на комплектующие изделия и т.д.

Если бы Россия пошла по этому пути, тогда представителям завода ЗИЛ надо было бы идти на фирму «Мерседес» и говорить: возьмите завод бесплатно. Кроме того, мы вам даем 50 процентов льгот на электроэнергию, внутренние рублевые цены на металл и другие виды сырья, которые в два раза ниже внешних цен, освобождаем от всех налогов, разрешаем бесплатно ввозить комплектующие, пока вы не наладите производство автомобилей здесь, в России.

Вы думаете, не пошел бы «Мерседес» в Россию, когда увидел бы литейные цеха, главный конвейер ЗИЛа, огромные производственные площади, технологическое оборудование, в том числе японское, американское и немецкое, за которое уже были заплачены миллионы долларов, и рынок сбыта — под носом? А дальше нужно только представить реальный производственный план и запустить производство.

Так на Прянский автомобильный завод пришел «Дженерал моторс». Кроме джепера, с которым я познакомился, завод стал производить целый спектр автомобилей — от малолитражек до огромных грузовиков и тягачей — и практически завоевал рынки сбыта стран СНГ, Африки и даже Южной Америки.

— Вот только после этого мы и ввели пошлины на импорт иностранных автомобилей в Русляндию, чтобы защитить собственных производителей, — закончил Адам.

— И в Уэльсе так же сделали, — согласился я.

— А в России — прямо наоборот. Пошлины на иномарки выросли, что сделало собственных производителей монополистами рынка. Они подняли цены на отечественные автомобили до невероятной высоты, совершенно перестав заботиться о качестве продукции. Зачем тратить деньги на улучшение качества продукции, когда и так купят. Куда потребители денутся? Поддержка отечественных производителей по-русски, путем простого выдиранья пошлин на импортные товары, таким образом, во-первых, привела к снижению качества товаров и продукции, во-вторых, к неконтролируемому росту цен на продукцию, а в-третьих, к снижению объема выпуска товаров, так как, продав задорого небольшую часть продукции, нет никакого смысла расширять производство. И так хватает — без головной боли и затрат на расширение производства.

— Решив основную задачу первого этапа реформ — запуск промышленного производства Русляндии, мы перешли к задаче более серьезной: победить в конкуренции мировые державы и завоевать рынок сбыта для наших товаров и услуг, — сказал Адам.

— Тут, как я понимаю, надо бы прерваться и все обдумать? — спросил я.

— Но у вас же встреча, — ответил Адам. — Там вы все остальное поймете и увидите собственными глазами... Вот мои часы крупным планом...

«Да, — подумал я. -У них и с юмором скоро тоже будет о'к...»

Джеперс вывез меня за город. Чтобы добраться до президентского дворца, нам надо было обогнуть озеро. Но вместо этого водитель нажал кнопку автоматического трансформера, и по бокам джеперса выдвинулось два экрана. Автомобиль преобразовался в экранолет.

Пологий спуск, по которому разогнался экранолет, вонзался прямо в озеро и уходил под воду. Скорость для взлета достигла

необходимого пика в момент, когда казалось, что колеса джепера коснутся поверхности водоема. Он плавно взмыл в воздух, и мы полетели над водой на высоте нескольких метров.

— Как он работает? — спросил я у водителя.

— Чудесная машина! — ответил тот. — Двигатель на водороде, летим с использованием динамической воздушной подушки, то есть просто за счет потока воздуха и скорости, которые держат машину в воздухе. Может лететь над любой плоской поверхностью: морем, пустыней, степью, тундрой. Максимальная скорость полета до 300 км/час, дальность при одной заправке водой до 2400 км. И что важно, не требуется квалификации пилота: машину может вести любой водитель автобуса.

— А если появится неожиданное препятствие? — поинтересовался я.

— Неожиданное — не бывает. Автоматическая система следит за курсом полета и соизмеримо со скоростью движения дает команду для набора высоты. Мы в принципе можем подняться до тридцати метров над землей, только достаточно медленно, шестьдесят сантиметров в секунду!

— Ничего себе медленно!

— По сравнению с самолетом, который поднимается со скоростью не менее одного метра в секунду, — медленно. Поэтому джеперс и не самолет. Это упрощает дело, он регистрируется как простой наземный транспорт. И разрешений на полеты не требуется. Мы первыми сделали экранолет и теперь в мире обладаем монополией на его изготовление. Китайцы недавно купили лицензию на право производства за тридцать миллиардов долларов!

— Здорово!

— А знаете, с чего начинали?

Я отрицательно махнул головой. Истории создания экранолета я не знал.

— Вообще это изобретение было придумано еще в СССР. На основе этого принципа даже выпустили огромные десантные корабли на восемьсот человек, если не ошибаюсь. Они летали где-то над Каспийским морем, а сейчас списаны из армии и гниют в Узбекистане. Об изобретении забыли. А мы

вспомнили! И еще, вы обращали внимание, сколько брошенных Ан-2, называемых «кукурузниками», стоит по обочинам российских аэродромов? Их просто невыгодно эксплуатировать: жрут авиационный бензин, рассчитаны только на шестнадцать пассажиров, а требуется летчик. Час полета стоит несколько сотен долларов. Вот они теперь никому и не нужны.

— Да, я знаю. Эту экономически невыгодную машину делали по заказу СССР, по-моему, поляки...

— И знаете, сколько сделали? Аж одиннадцать тысяч самолетов! И теперь все они годятся только на металлолом. Наше правительство выкупило у России эти самолеты по остаточной стоимости, по пять тысяч долларов, если не ошибаюсь! Выкинули двигатели, вырезали баки с бензином, отрезали крылья и вместо них поставили новые, в виде экранов. Получились замечательные экранолеты! Стоимость часа полета всего двадцать долларов! Это были первые модели. Стоимость вместе с переделкой составляла тридцать—сорок тысяч долларов. А продали мы их на экспорт по триста тысяч долларов! На эти деньги запустили нашу автомобильную промышленность, на них мы вошли в партнерство с «Дженерал моторс» и сделали вот этот джеперс.

— А вы в курсе дела!

— В свое время я работал на заводе. Все это через меня прошло. А теперь ушел в бизнес. У меня своя фирма по прокату джеперсов и обслуживанию туристов. Я иногда сам люблю повозить клиентов, известных людей, как вы! Вообще же у меня тридцать две машины в эксплуатации!

Он протянул мне визитную карточку своей туристической фирмы. Я отдал ему свою.

История с экранолетами была мной воспринята как показательная. Почему Россия, которая продолжает выпускать малопотребные автомобили, не могла так же поднять промышленность и стать поставщиком экранолетов в мире? Для этого имелось все необходимое: и брошенные «кукурузники», и остановленные производства на мощных авиационных и автомобильных заводах. Теперь же надо выкупать у Русландии лицензию за 30 миллиардов долларов!

— А вы не знаете, кто изобрел экранолеты?

— Кто ж этого не знает! Господин Макаров. Он и сейчас главный конструктор. А водородный двигатель сделан на основе работ Руденникова.

— Они же россияне!

— Ну да! В России изобретателям никто не помогает. Денег не платят. Никто инновациями не интересуется. Вот они и переехали сюда. Мы здесь им создали самые лучшие условия в мире. Хотите, я вас свожу в Город Науки? Туда за последние десять лет только из России переехало жить больше полумиллиона ученых и изобретателей! Русские ученые, эмигрировавшие из России в девяностые годы в Америку и в Европу, возвращаются к нам со всего мира! А на чем же еще мы могли бы так подняться в экономике?

— И есть особый Город Науки?

— Туда не всех пропускают. Технологические секреты! Но вам, думаю, пропуск выдадут. Я готов сам быть вашим проводником.

Экранолет вырулил на площадку напротив президентского дворца, проскочив над озером за считанные минуты.

Мы договорились поехать в Город Науки завтра. Разрешение на это я решил попросить непосредственно у президента Путиявлинского.

Первое впечатление от президентского дворца, будто попал в музей. На стенах-экранах чередовались слайды и фильмы о Русляндии. По сторонам на пьедесталах стояли какие-то кубки, призы и награды, составляющие гордость страны. Среди них были знакомые: я увидел несколько «Оскаров», «Ник», «Пальмовых Ветвей» и известных мировых спортивных кубков. «Хай-тэковский» стиль дворца создавал чувство легкости, а свет, струившийся отовсюду, — хорошее настроение.

В Русляндии на основе изучения законов Фен-Шуй была разработана собственная система оформления зданий и интерьеров. Дополнительные возможности дало изобретение архитектора Столярова. Он предложил новый способ нанесения краски на поверхность. По способу Столярова краска наносилась таким образом, чтобы под каждым углом зрения предмет

был виден окрашенным в определенный цвет. Если угол зрения менялся, изменялась и окраска предмета. Такой же эффект освещенности достигался при изменении направления света.

Я ощутил это прямо с утра, когда взглянул на гостиницу «Славяния», выйдя из дверей на улицу. Вчера в лучах заходящего солнца стены здания казались покрашенными в гамме от бордового цвета внизу до алого вверху. Утром здание отеля выглядело голубым.

В президентском дворце такой же изменяющейся гаммой красок были окрашены подвесные потолки и полы, которые, пока я шел к парадной лестнице, играли всеми цветами радуги...

Встреча с профессором Кедровым произошла в кабинете президента. Самого Путиявлинского не было, его срочно вызвали на видеоконференцию с Европарламентом.

Я был искренне рад видеть Кедрова. За пятнадцать лет мы, конечно, оба сильно изменились. Так часто бывает. Замечаешь собственный возраст только тогда, когда встречаешь давних знакомых через много лет. Вдруг осознаешь, что не только они так изменились, но и ты сам теперь совсем не такой, каким был раньше. Слава богу, что не видишь себя со стороны, а то была бы не жизнь, а сплошное разочарование.

Поседевший Кедров улыбался и выглядел счастливым. Он был в прекрасном русляндском костюме из ткани глясс, завоевавшей мир в последние годы. Эта удивительная ткань, выпускаемая в Прянке, изготавливалась из льна с примесью энергетических добавок. Во-первых, она обладала способностью саморазглаживаться, во-вторых, изменять цвет по желанию пользователя и, в-третьих, исправляя энергетику организма, улучшала самочувствие всех, кто надевал на себя вещи, изготовленные из глясса. После показов нескольких коллекций «прет-а-порте», сшитых из этой ткани, на Всемирных неделях моды в Америке и Европе мировой спрос на поставку швейной продукции из Русляндии вырос в тысячу раз.

Мы поговорили с Кедровым о жизни. Он сказал, что ушел на пенсию, но работает советником президента по развитию экономики и живет в своем имении на берегу лесного озера. Вскоре в кабинет вошел еще один человек.

На вид ему было не более сорока пяти лет. С маленькой бородкой и французскими усиками, он походил на персонаж из «Трех мушкетеров». Кедров его представил:

— Познакомьтесь, Егор Ясинович Бреф!

Если Кедров считался отцом экономической теории Русландии, то Брефа справедливо нарекли главным конструктором реформ. Он пользовался личной поддержкой президента Путиявлинского и, несмотря на то что местные политики несколько раз предрекали его отставку, находился на своем посту в правительстве уже при третьем премьер-министре.

— Для полноты картины мне не хватает одной истории, — сказал я. — Рассказа о том, как вам удалось укрепить национальную валюту. Этот ваш странный «рупель» с «жопейками» действительно обменивается во всем мире. Какая-то мистика...

— Я объясню, — любезно согласился Бреф. — Вы правильно сказали — это уже история. Но без финансовой реформы ничего бы в Русландии не состоялось. Конечно, лучше было бы поговорить с министром денег — господином Пудриным. Но в общих чертах все выглядело так.

Главной идеей финансовой реформы было сделать так, чтобы внутренние цены Русландии остались внутренними, а внешние стали мировыми. Ведь это понятно: чем дешевле жизнь внутри страны, тем более привлекательной она становится для внешних инвесторов!

Успешное решение этой задачи и создало поток валютных инвестиций в Русландию из всех благополучных стран.

А в России с точностью до наоборот! Как только Москва стала одним из самых дорогих городов мира и покупательная способность доллара резко упала, сократились внешние инвестиции. Кто же повезет деньги туда, где они стоят дешевле?

Так мы поставили перед собой задачу — вернуться к внутренним ценам, которые были в СССР в восьмидесятых годах: 25 рублей за кубометр древесины, 1000 рублей за тонну алюминия, а пиком успешности реформы должны были стать три копейки за киловатт-час электроэнергии.

У вашей страны достаточно ресурсов, чтобы сделать жизнь в России самой дешевой в мире. Но вы пошли прямо против-

положным путем: догнать и перегнать весь мир по стоимости жизни! Это была главная макроэкономическая ошибка Гайдара!

Давайте вспомним то время, чтобы лучше понять разницу наших реформ. Приведу несколько конкретных примеров, вскрывающих глупость содеянного Гайдаром.

Помню, в 1990 году мы посетили Китай, а конкретно — два производства: мебельную фабрику в Харбине и завод швейных машинок в Гуанджоу. Разговор о бизнесе на этих заводах был аналогичным. В России в то время один кубометр древесины стоил 25 рублей, а в Китае — 1200 юаней. Зарплата одного китайца на фабрике составляла в месяц 200 юаней, то есть поставкой одного кубометра древесины из России за 25 рублей можно было оплатить труд шести китайцев в течение месяца. Так вот, на мебельной фабрике нам предложили: за каждые два кубометра леса отгружать один готовый мебельный гарнитур. Конечно, без ограничения количества. Получалось, по 50 рублей за гарнитур.

А на фабрике по изготовлению швейных машинок было еще интересней. Одна швейная машинка, изготовленная по японской технологии, весила 9 килограммов различных металлов, из которых производились различные части машинки. За дополнительные 20 килограммов такого же набора металлов нам предложили одну готовую машинку, только с условием ее вывоза в Россию для продажи, так как уже в 1990 году рынок Китая был практически насыщен швейными машинками.

Вот бы понять тогда уважаемым «реформаторам», что разница в ценах на ресурсы внутри России и за рубежом создает блистательный плацдарм для подъема российской экономики и оплаты ее реальных реформ. В самом деле, когда цены в России догнали и перегнали Америку и жить в Москве стало гораздо дороже, чем в Нью-Йорке, само собой отпали все разговоры о долгосрочных иностранных инвестициях.

В России все время пытаются найти дурака с миллиардами, который будет их вкладывать в экономику страны, где все стоит в полтора раза дороже и при этом нет никакой стабильности, сплошное воровство и убийства, отсутствие гарантий возврата прибыли. Зачем везти доллар туда, где он дешевле? Его повезут туда, где на него можно больше купить.

Поднимая стоимость жизни в России, практически уничтожили рубль как денежную единицу и, естественно, следом за ним — все накопления людей. На замену привели доллар, который, как «неожиданно» выяснилось, в России не производится и печатается не в Перми, а в США. Значит, реально зарабатывать доллары можно было только за пределами России, а внутри страны вся экономика стала работать на их перераспределение между населением. Россия начала жить не по средствам, и поэтому итог был абсолютно прогнозируемый: люди тратили больше, чем зарабатывали, страна тратила больше, чем завозилось валюты. Вы понимаете, к чему это приведет, если рухнут цены на сырье, которые только и спасают Россию от глубочайшего кризиса?

Да, я это понимал. Мне была понятна позиция Брефа, так как в ней был смысл. Позиция и реформы Гайдара, которые я критиковал с первых же дней, были невнятными с самого начала. Это было слепое следование рецептам западных идеологов, которые не принесли благополучия ни одной стране: от Индии до Бразилии и Аргентины, где навязывалась система развития экономики Мирового банка. Только уйдя от опеки этих идеологов, страны стали бурно развиваться. Это исторический факт.

Та критика стоила мне тогда очень дорого. Ведь именно Гайдар инициировал мою травлю в 1992 году, помешав мне вовремя вернуться на Родину...

Бреф продолжал:

— Чтобы решить задачу стабильности внутренних цен, надо было сделать два дела: во-первых, оторвать внутреннюю валюту от доллара, а во-вторых, настроить страну жить по средствам.

Это привело к тому, что у нас нормально заработала экономика и мы приобрели самостоятельность. Не только товары внутреннего производства нашли спрос и стали доступными для подавляющего большинства граждан, но и импортные товары в Русляндии стали более дешевыми, как ни странно это покажется на первый взгляд.

Чтобы оторваться от доллара, нам надо было сначала избавиться от рублей, которые «продались» американской валюте

и из денег превратились в промежуточную бумагу, используемую при обмене валюты.

Вот мы и ввели рупель. Причем сразу две его модификации: один внутренний — «деревянный», или друпель, как окрестили его в народе, а другой для внешней торговли — золотой, зрупель — для прямых «интимных» связей с долларом, в качестве презерватива.

Почему в России все контракты на покупку экспортной продукции и сырья заключаются в долларах? Во Франции — в евро, в Англии — в фунтах стерлингов, даже в Монголии — наверное, в тугриках, а в России — в долларах? Это естественно, если закупки в других странах надо делать на валюту этих стран. Но почему контракты на продажу нефти, газа, алюминия из России заключаются в американских долларах?

Мы поняли, что это одна из тех глупостей, которая не позволяет рублю стать реально конвертируемой валютой. Конечно, только одна глупость из множества других...

Мы с самого начала предложили всем странам покупать у нас экспортную продукцию на золотые рупели. У нас уже имелась экспортная продукция, правда, в зачаточном состоянии, но все же некоторым западным фирмам понадобились зрупели для ее покупки. Они обратились в банки своих стран, и тем пришлось закупить у нас для своих клиентов местную валюту на доллары. Так зарубежные банки стали торговать зрупелями Русляндии с первых же месяцев образования нашего государства по курсу обмена Прянской биржи.

Если бы Россия пошла по этому пути, сбылась бы вековая «мечта» Министерства финансов РФ и в Перми начали бы печатать банкноты на местном бумажном сырье, которые автоматически продавались бы на доллары во всем мире.

Теперь о технологии введения золотого рупеля в Русляндию. Она должна была быть совершенно понятной и прозрачной в финансовом отношении с самого начала. Если бы этот процесс мы провели неправильно, зрупели могли бы никогда не сработать или превратиться в очередные чеки магазинов «Березка», которые уже существовали в СССР.

Главным было разумно обосновать перед всем миром количество валюты, которое мы намеревались напечатать. Золото-валютный запас страны тогда оценивался в мизерную величину. Это теперь у нас около триллиона долларов, а тогда было немногим более трех миллиардов! Прекрасно. Можно было взять любую цифру обмена зрупелей на доллары, прямо «с потолка» — допустим 100 к 1, и установить соотношение: один доллар равен 100 зрупелям. Таким образом, в первый год Русляндия имела право выпустить только 300 миллиардов золотых рупелей, обеспеченных государством, и ни жопейки больше! Что мы и сделали.

Дальше мы развернули торговлю на экспорт и начали подписывать контракты в зототых рупелях. Пожалуйста, покупайте древесину, фосфаты, минеральное сырье, строительные материалы, машиностроительную продукцию по мировым ценам, но в зрупелях, которые уже свободно продавались во всех крупных банках мира. А за это мы давали разные скидки: на таможенные платежи, на налоги, на экспорт. Чтобы всем стало выгодно торговать на зрупели, потому что древесины и фосфатов у нас очень много, а зрупелей напечатано только на 300 миллиардов. Поэтому задача Русляндии — как можно быстрее прокрутить зрупели в доллары и обратно, и так несколько раз в год.

Продавая экспортную продукцию на зрупели, мы сразу же получили возможность существенно ограничить отток капитала за границу, контролировать налоги и валютную выручку русляндских экспортеров. И если в России ежегодно за рубеж утекали многомиллиардные долларовые средства, то в Русляндию, наоборот, доллары поступали, и казна богатела.

В это же время на нашем внутреннем рынке происходили очень интересные вещи: золотые рупели поступали обратно к производителям экспортируемой продукции и делали их все более и более обеспеченными людьми, как и должно быть в нормальной стране с производителями и производствами, приносящими валюту государству. Потому что условия закупки этих зрупелей государством у экспортеров на друпели, или «деревянные», были крайне выгодными или, как сказал бы легендарный учитель народов России, «архивыгодными».

Точно так же на эти зрупели можно было свободно выкупать и мировую валюту для импорта необходимых товаров. Конечно, сами обменные операции тоже оплачивались покупателем, что само по себе приносило государству, выступающему монопольным оператором на рынке зрупелей, дополнительные доходы.

Монополия государства в этом случае была оправдана самой сущностью происходящего: ведь государство своим золотовалютным запасом выступило гарантом стоимости зрупелей. А для пущей уверенности иностранных инвесторов золотовалютный запас Русляндии мы заложили в самые крупные банки Японии, США и Европы под их, естественно, стопроцентные гарантии. Банки, не желая потерять таких клиентов, стали гарантами наших внешнеторговых сделок и коммерческих операций.

Идея временного введения зрупелей была заимствована у Китая. Там с 1989 по 1993 год во всех экономических зонах действовал золотой юань, который формально был равен обычному юаню. Эта странная финансовая единица работала как денежный насос в одну сторону — доллары поступали в Китай.

Приезжие сталкивались с этим механизмом с первого же дня пребывания в Китае. Вы садились, например, в такси и протягивали водителю десять долларов. Китаец брал десять долларов и говорил: «У нас доллары не ходят, я вынужден дать вам сдачу в золотых юанях». И так повсюду. Этих юаней у вас скапливалось большое количество, вы приезжали в аэропорт, не знали, что с ними делать. Чтобы их обменять обратно на доллары, нужно было писать декларацию, заполнять кучу бумаг. И поэтому вы покупали все, что продавалось в аэропорту, поддерживая экономику страны и наполняя ее долларами.

В конце первого года после введения зрупеля мы подвели открытый и прозрачный для всех баланс его работы, что фактически показало рост золотовалютного запаса Русляндии уже в первом году на 57 процентов.

Была определена новая цифра золотовалютного запаса Русляндии — 4,7 миллиарда долларов. Надо было принимать ре-

шение: либо печатать дополнительное количество зрупелей, которые останутся при этом инфляционно свободными и их курс по отношению к доллару неизменным, либо изменить официальное соотношение зрупеля к доллару, укрепив его в глазах международной общественности. Что бы мы ни сделали при условии гласности, все было вполне приемлемым для мирового сообщества, так как являлось абсолютно обоснованным, закономерным и открытым.

— И что вы решили по итогам первого года? — спросил я.

— Оставили курс обмена без изменений, но на законных основаниях допечатали еще 57 процентов зрупелей, — ответил Бреф и продолжал: — Как только золотой рупель ушел с внутреннего рынка, цены на внутренние ресурсы и товары сами пошли вниз. Процесс снижения долларového эквивалента в ценах на внутреннюю продукцию принял, как любят говорить в России, необратимый характер.

Надо отдавать себе отчет в том, что разница между внутренними и внешними ценами является основным признаком развивающихся стран. Русландия и была таковой в то время. И как бы ни надували щеки, Россия остается развивающейся страной до сих пор.

Этот путь страна обязана пройти. Иначе экономике никогда не стать самостоятельной. Страны СНГ не в состоянии перепрыгнуть через процесс развития внутреннего рынка и сразу войти в мировой. Слишком тяжела наследственность исторической эпохи строительства социализма.

Что же происходило с местным, «деревянным» рупелем? Его главной задачей, как и всякой другой валюты любого государства, было отражать реальный уровень жизни и обеспеченности страны, чтобы исключить «пир во время чумы». Иначе внутренние деньги превращаются в туалетную бумагу очень плохого качества и толкают страну на прямые товарообменные операции, то есть к первобытному состоянию.

Опять интересно сравнение с Россией. Манипуляции с рублями — от валютного коридора до регулируемого Центральным банком биржевого курса обмена — отодвинули ее по внутреннему производству, а следовательно, по своему реальному

богатству (которое именно этим показателем и определяется для любой страны) к уровню 1960 года. То есть в результате всех антиреформ Россия обеднела (почти разорилась) и возвратилась назад на сорок пять лет! А цены все еще продолжают расти, шокируя иностранных туристов и отпугивая инвесторов.

Увы, мы это предвидели и честно пытались объяснить российским реформаторам, как этого избежать. Но кто к нам прислушивался тогда?

Доставшийся нам по наследству российский рубль, который мы превратили в друпель, решили не просто девальвировать по отношению к доллару, а искусственно обвалить! Эту идею нам легко удалось заранее согласовать с международным сообществом и всевозможными кредиторами, так как все внешнеэкономические операции были защищены стабильным зрупелем.

Конечно, было очень боязно принимать такое решение, и у него имелись влиятельные противники, у которых находились тысячи аргументов о необходимости укрепления, а не ослабления внутренней валюты. Но, к чести нашего президента, который сам во все вник и понял, где истина, мы такую реформу провели.

Оказалось, что обвальная девальвация внутренней валюты на самом деле не имела никаких катастрофических последствий ни для кого в Русляндии. Более того, ее результатами стало реальное оживление промышленности в стране и создание внутреннего рынка для отечественных товаров, увеличение обеспеченности наиболее незащищенных слоев населения, поддержка отечественного производителя и активный приток зарубежных инвестиций в промышленность и в сельское хозяйство.

Смотрите, что произошло. Мы девальвировали друпель по отношению к доллару сразу в 3 раза! Вначале его цена была 6 друпелей за доллар, такая же, как соотношение рубля в России. А стала — 18 друпелей к доллару! По привычке, выработанной у людей в течение последних лет, все цены на товары в Русляндии, объявленные в рублях, сразу мысленно пересчитывались в доллары. Теперь считать так стало бессмысленно...

Как только отпустили доллар и друпель в свободное плавание и убрали зловещий валютный коридор, также доставший-

ся нам в наследство от России, официальная статистика стала отмечать удивительное явление на русляндском внутреннем рынке: при росте друпелевых цен практически на все потребительские товары их стоимость в долларовом выражении упала почти в два раза!

Так, цена батона хлеба до реформы составляла 2 друпеля 70 жопеек, что соответствовало 42 центам. Через несколько дней после девальвации она поднялась до трех друпелей, но в пересчете на доллар батон стал стоить всего 17 центов. Килограмм говядины тогда стоил 30 друпелей, или 4 доллара 30 центов, а сейчас стоит около 55 друплей, или примерно 2 доллара 85 центов!

Оказалось, что после девальвации друпеля, от 6 за доллар до 18, составившей 33,3 процента, цены на товары в долларах на внутреннем рынке Русляндии упали вдвое!

Что же еще произошло? Бюджет Русляндии, который на 80 процентов формировался за счет продажи экспортной продукции и зарубежного заимствования долларов, в переводе на друпели после девальвации увеличился в 2,5 — 3 раза!

Уже запланированное правительством на четвертый квартал печатание эмиссионных друпелей на сумму 24 миллиарда удалось отменить за ненадобностью, и это не ударило по головам доверчивых русляндских граждан кувалдой непрогнозируемых последствий. Говоря научным языком, девальвация обеспечила нашему обществу защиту от гиперинфляции. Ведь цены в друпелях не прыгнули столь же высоко (в 3 раза). Просто русляндцы сразу отучились мысленно переводить друпели в доллары при покупке огурцов на рынке и детских пеленок в магазине.

Можно было без всякой боязни печатать новое количество друпелей для наполнения рынка местной валютой и при этом не породить инфляцию. И это обстоятельство тотчас же наполнило бюджет Русляндии и сделало его бездефицитным. Мы сразу закрыли все проблемы с финансированием социальных программ, науки, культуры и т.д., которые до того просто оставались за бортом, как в России и в соседних странах.

К нам потянулись ученые со всего мира, предлагая свои инновации и изобретения. Мы установили им самые престиж-

ные заработные платы и снабдили всем необходимым для жизни и работы. Теперь это дало свои результаты.

У тех производств, которые создавали валютную продукцию, никогда больше не было дефицита друпелей для выплаты заработной платы и издержек на внутреннем рынке. Мы сразу же и навсегда освободились от внутреннего долга государства и от таких страшных явлений, как задержка заработной платы работающим. Безработица перестала грозить нашей экономике, и возникла проблема нехватки рабочих рук. У людей появились деньги, большое количество друпелей, а значит, образовался внутренний рынок для сбыта местной продукции.

Жизнь в Русляндии резко подешевела. Местные товары и услуги: жилье, садовые участки, строительные материалы, товары народного потребления, связь, электричество, транспорт, сельскохозяйственная продукция и т.д. — стали вдруг самыми предпочтительными.

Если раньше пакет финского молока стоил 1 доллар, или 6 рублей, и люди могли себе позволить не покупать местное молоко, которое из-за погони за прибылью стоило почти столько же, то теперь финское молоко не смогло рвануть в цене вниз следом за девальвированным друпелем. Его просто никто бы не купил. Допустим, оно дотянуло до 12 друпелей за литр, но рядом появилось местное за 8-9 друпелей, которое стало предпочтительнее финского.

Мы предварительно подробно проанализировали весь спектр русляндского общества и пришли к заключению, что от девальвации никто не пострадает, даже торговцы импортным товаром и мешочники.

Во-первых, для них как был, так и остался рынок покупателей, у которых в карманах зрупели и доллары и которым друпелевые цены в общем-то «до лампочки».

Во-вторых, вот простые расчеты. Если раньше импортная продукция, купленная на 100 долларов, при продаже в Русляндии давала еще 100 долларов прибыли, что составляло 100×6 друпелей = 600 друпелей чистыми, то в новых условиях торговец уже не смог «сделать» 100

процентов прибыли, ценам не позволили так подниматься. Торговля стала приносить, как в нормальных странах, например, на каждые 100 долларов, вложенные в товар, всего 30 долларов прибыли.

Но в том-то и весь фокус, что друпелевая прибыль в новых условиях составила 30 x 18 друпелей = 740 друпелей. Кстати, если раньше на 600 друпелей купить в Русляндии было практически нечего, то теперь на 740 можно было приобретать и местные товары, и продовольствие, то есть улучшать жизнь своей семьи и развивать внутренний рынок и производство в стране. Вот что дала нам разумно устроенная девальвация.

— Я понимаю. Это достаточно известные меры по оздоровлению экономики. Подобная схема девальвации для оживления внутренней промышленности, помню, была предпринята в 1995 году, тогда итальянская лира решением государства была девальвирована на 25 процентов в один день. Этого оказалось достаточно, чтобы оживить всю экономику Италии.

Как мне хочется, чтобы и вы, те, кто читает мои записки, это поняли! Вы же, в самом деле, не работаете в правительстве России, которое понять этого не может.

Бреф даже завелся и с азартом продолжал:

— В отраслях, до реформы не имевших для развития денег, в одночасье начался промышленный бум из-за появления, с одной стороны, оборотных средств, а с другой — товаров и сырья по местным ценам. И стоимость товаров и услуг на внутреннем рынке, по крайней мере, стала в несколько раз ниже, чем за рубежом. Вновь ожили производившие продукцию на внутренний рынок заводы, которые раньше были уничтожены долларовыми ценами на сырье и продукцию и не могли конкурировать. Внутренний рынок заставил своей неудовлетворенной потребностью и спросом снова их заработать. А какой стимул для совершенствования продукции появился у местных русляндских заводов и фабрик: пока производишь только на внутренний рынок — получаешь сбыт, друпели, но живешь не роскошно, а стал производить для экспорта — сразу состояние завода

увеличилось в 3 раза! Этот стимул производства искали все 70 лет при советской власти, да так и не нашли. Нет его и сегодня у России, а мы в Русляндии его создали и внедрили повсеместно!

Я был очень благодарен Брефу за эту лекцию. У меня все в мозгу прояснилось. Я понял, что такое разумные экономические реформы, о которых столько говорили в России, но которых так и не осуществили. Говорили много, но не понимали о чем!

Бреф закончил свой рассказ. Вскоре распахнулась дверь кабинета, и к нам вошел улыбающийся президент Русляндии Лужок Касьянович Путиявлинский.

Глава 21 УМНЫЙ НАШЕЛСЯ

Итак, дверь в конце кабинета распахнулась, и президент Русляндии вошел бодрой походкой, которая свидетельствовала об отличной спортивной форме. Его увлечение разными видами спорта позволяло равномерно распределять бюджетные деньги Русляндии на развитие многих спортивных дисциплин одновременно и не концентрироваться на одном или нескольких видах.

Меня представил профессор Кедров, и я едва удержался от того, чтобы напомнить президенту о нашей вчерашней встрече. Он вел себя так, будто ее не было. Я понял, что вчера была встреча с его виртуальным двойником.

Он, похоже, знал, о чем мы говорили до его прихода, и поэтому после короткого рукопожатия сказал:

— Только что мы обсуждали состояние нашего рупеля. Господин Бреф не успел вам сообщить, что использование зрупелей и друпелей закончилось полной финансовой победой еще четыре года назад! Теперь у нас один общий рупель. Мы ввели его сразу, как только уровень доходов наших жителей догнал развитые страны.

— Да, это была временная мера по стабилизации внутренней платежной системы, — добавил Бреф.

— Теперь рупель уже два года признается самой устойчивой валютой Европы, — продолжал президент. — Представители Евросоюза уговаривают нас ввести евро, так как сильно заинтересованы в увеличении стабильности этой валюты. Но наши эксперты советуют не спешить.

Профессор Кедров сообщил президенту, что в мои завтрашние планы входит посещение Города Науки, и Путиявлинский предложил к нему присоединиться, поскольку прямо сейчас сам туда направлялся.

Я предупредил по мобильнику моего спутника в джеперсе, чтобы он возвращался в гараж, поскольку я уезжаю в Город Науки с правительственными чиновниками. Было лестно, что президент так ко мне отнесся. К чему бы это?

Мы вышли из кабинета и уже через несколько минут сидели в президентском волнолете. Это был еще один новый вид транспорта, выпускаемый в Русляндии. Машина представляла собой подобие вертолета, только летающего на другом принципе. Она состояла из комфортабельной кабины, над которой вместо привычного винта был укреплен большой зонтик. Вы, наверное, видели когда-нибудь, как плавает медуза? Примерно так же летал и волнолет. Зонтик, состоявший из отдельных лепестков, начинал сжиматься и расправляться, воздух нагнетался внутрь «медузы», и аппарат поднимался в небо. Потом зонтик наклонялся в ту или иную сторону, куда должен был направляться волнолет, и тот летел в нужном направлении. Поражала не только простота конструкции, но и ее безопасность. При остановке двигателя машина, как на парашюте, опускалась на землю...

Кедров снабдил меня туристической брошюрой о Городе Науки, чтобы я мог во время непродолжительного полета ознакомиться с местом назначения. Я предпочел просмотреть брошюру в печатном виде, а не слушать информацию по телефону, глядя на видеозэкран мобильного телефона.

Город Науки был построен на территории Русляндии после того, как было принято решение о приоритетной поддержке ученых бывшего СССР. Правительство направило и без того скудные средства бюджета на строительство нового города для

привлечения ученых и изобретателей в страну. Тогда у этой идеи было множество противников. Однако расчет русляндцев оказался правильным. Оставшись без финансирования, российская, украинская и белорусская науки понесли огромные и разрушительные потери. Множество ученых устремилось на заработки за границу, многие просто опустили руки и были готовы бросить свои исследования, и, если бы не предложение Русляндии поселиться в Городе Науки, мировое сообщество навсегда потеряло бы тысячи уникальных разработок и изобретений.

Не повезло и уехавшим: ведь, по статистике, только одна десятая часть эмигрировавших в США и в европейские страны советских ученых смогла продолжить работу по специальности — большинство из них устраивались на любую неквалифицированную работу, чтобы выжить.

С приходом к власти администрации Путиявлинского в Русляндии создали Верховный совет науки, который разыскивал ученых в странах СНГ и по всему свету, предлагал им приехать в республику и вернуться к научной деятельности. Семье тут же предоставлялись гражданство, жилплощадь или отдельный собственный дом, освобождение от налогов и выдавалась беспроцентная ссуда на обустройство. А самому ученому выделялись гранты в виде безвозвратных сумм денег и назначалась заработная плата, равная по размеру доходам сотрудников ведущих университетов мира.

Под каждую научную задачу, в зависимости от перспективности ее внедрения и получения результатов, создавалась лаборатория с новейшим оборудованием для продолжения исследований. Большое количество аппаратуры за бесценок выкупалось в России после закрытия научно-исследовательских институтов и центров...

— — —

Президент зашел на борт волнолета, и через несколько секунд мы поднялись в воздух. Только свист ветра, сопровождавшего движение, раздавался снаружи. «Медуза» работала бесшумно.

Я взглянул в окно на удалявшийся президентский дворец. Вскоре в поле зрения появилась и правительственная деревня, называемая «Сельправ», в центре которой возвышались девять башен — по числу министерств Русландии, окруженных дополнительными постройками инфраструктуры и сервиса.

Нам предстояло лететь около тридцати минут, и я углубился в изучение информации о Городе Науки. Оказалось, что его строительство, начавшееся в 1992 году, до сих пор побивает градостроительные рекорды роста. Возведение Города происходит с использованием новейших строительных технологий, не получивших признания в России. Это прежде всего кирпичи размером несколько квадратных метров, которые настолько легки, что их можно поднять одной рукой. Они позволяют возводить дома на манер известного детского конструктора «ЛЕГО». Внешний вид зданий весьма разнообразен: от точной копии Белого дома в Вашингтоне до ультрасовременного дизайна. В брошюре предлагалось выбрать любой вариант конструкции или придумать собственный. Все детали будущего дома изготавливались для вас на домостроительных комбинатах и поставлялись к месту постройки в полном комплекте.

Материал для строительства домов Русландии придумали в России на основе отходов деревообрабатывающей промышленности. В свое время были построены экспериментальные дома, но, поскольку цена строительства с применением этого материала была в десять раз дешевле, внедрение остановили. В России важнее было повышать стоимость строительства, а не снижать ее, иначе падали доходы строительных компаний, что было невыгодно и недопустимо. Этот парадокс отбросил в небытие созданный материал и еще десятки технологий, которые перекочевали в Русландию и с успехом здесь применялись.

При том что местные строительные блоки делали себестоимость строительства одной из самых дешевых в Европе, качество домов отвечало высоким современным стандартам и все использованные материалы были абсолютно экологически

чистыми. Эти технологии позволяли возводить здания с удивительной скоростью: всего за пару месяцев от закладки фундамента до завершения отделки и сдачи в эксплуатацию. За счет такого темпа строительства компенсировали низкую стоимость работ: за тот же период можно было построить в три раза больше площадей.

Город Науки был разбит на несколько районов. Они четко обозначались на географической карте, напечатанной в туристической брошюре. Эти районы возводились в зависимости от направления проводимых там исследований. Даже их названия позволяли ориентироваться в городе приезжим: Гиппократус, Менделеевский, Курчатовский, Тесла и т.д. Например, профессор Кедров жил в Леонтьевском районе, где была сосредоточена аналитическая работа в области экономики.

— Артем Михайлович! Мы подлетаем к Метеотрону. Посмотрите-ка туда, это незабываемое зрелище, — сказал Кедров.

Действительно, я просто ахнул, когда взглянул в окно. На огромном поле, размером несколько квадратных километров, размещалось необычное сооружение — плоская спираль из блестящего черного материала, закрученная к центру и подвешенная невысоко над землей, параллельно ее поверхности. Вокруг спирали кольцом размещались огромные зеркала, фокусирующие солнечную энергию на площадь Метеотрона. Поражали грандиозность конструкции и ее техногенная красота.

— Вы, наверное, слышали, что мы в Русляндии научились управлять дождем? Это и есть наше техническое чудо, которое было построено по проекту российского ученого Виталия Орановского. Видите, там по спирали двигаются такие «жучки» — роботы-пылесосы, которые непрерывно очищают ее поверхность от песка и пыли. Вам известен принцип работы Метеотрона? — спросил Кедров.

Я честно признался, что нет. Тогда он объяснил:

— Перед человечеством остро стоит проблема выживания в эпоху грядущего глобального потепления климата и наступления пустынь. Выяснилось, что причиной этого, как ни странно, является открытый огонь, который люди использо-

вали повсеместно в последние десять тысячелетий. Недаром же в мифе о Прометее, который похитил огонь у богов и передал его в полых тростнике людям, говорится о том, как Зевс приказал навечно приковать его к скале в наказание! Как вы думаете, почему?

Я пожал плечами.

— Дело в том, что огонь и тепло, выделяемое человечеством в результате активной производственной деятельности, нарушают баланс воды в воздухе, — продолжал Кедров. — Влага как магнитом притягивается к нагретой поверхности. Вы видели, что происходит, если поставить горячую тарелку на полированный стол, а потом ее убрать? Образуется круг воды в том месте, где было ее дно. Откуда берется эта вода? Оказывается, вокруг пламени зажигалки влаги концентрируется в тысячу раз больше, чем в полуметре от него в окружающем воздухе. Можете себе представить, как неравномерно распределяется влага в атмосфере Земли от того, что всюду идет процесс выделения искусственного тепла?

В первозданную эпоху на планете все было иначе: много лесов и мало пустынь. Раньше Египет поставлял древесину Древнему Риму, вырубались леса, которые росли на месте современной пустыни Сахара. А на Аравийском полуострове между реками Евфрат и Тигр были разбиты огромные сады — «райские кущи», снабжавшие древний мир фруктами, виноградом и пшеницей.

Теперь там всюду пустыни. К слову, Сахара наступает на плодородные земли африканского континента со скоростью восемь километров в год. Только за последние три тысячи лет человечество потеряло более половины всех плодородных земель на нашей планете. Вдумайтесь — половину земли всего за три тысячи лет! Это очень серьезно. Процесс развивается в геометрической прогрессии. Проблема нехватки пресной воды настолько обостряется, что вода может стать самым дорогим природным ресурсом уже в текущем десятилетии. Нарушение водного баланса в воздухе является причиной большинства катастроф, которые в последние годы участились на Земле. В этом кроется причина увеличения наводнений в одних час-

тях Земли и засухи в других, появления ураганов и торнадо, возникновения лесных пожаров и т.д.

Идею, как управлять климатом и как в кратчайшие сроки восстановить потерянные плодородные почвы Земли, высказал Орановский в России еще в 1994 году. Но там не удосужились даже внимательно, как следует выслушать ученого. Только его личный фанатизм и преданность науке спасли это изобретение, так как он не бросил исследований. Ведь Орановский предложил не что-нибудь пустяковое, а способ спасения человечества от самоуничтожения.

По сути дела все очень просто: чтобы получить дождь, надо сильно нагреть воздух и поднять его горячие, полные влаги слои на высоту «точки росы». Это приведет к образованию облака и выпадению осадков. В истории описано, что все огромные пожары чаще всего заканчивались тем, что шел сильнейший ливень, который гасил огонь. Будто сам Бог направлял в это место воду. По физическим законам горячие массы воздуха устремляются ввысь, там охлаждаются, создают грозовые тучи, после чего начинается ливень... Ничего, что я так подробно рассказываю? — спросил Кедров.

— Что вы, продолжайте, пожалуйста. Это очень интересно, — ответил я.

— Так вот, ситуацию с пожарами, вызывающими дождь, заметили еще в тридцатые годы. Один ученый, получив финансовую помощь бизнесмена, построил в Аргентине огромную конструкцию из перекрестья газовых труб. В каждой точке их пересечения установили газовые горелки. Для наблюдения за экспериментом были приглашены ученые со всего света. Когда горелки зажгли, через некоторое время небо, которое было абсолютно ясным, вдруг покрылось тучами, и пошел дождь. Примечательно, что до этого эксперимента, проходившего в пустыне Патагонии, дождь там не наблюдался уже в течение двухсот лет.

— Значит, вы воспользовались известным способом?

— В какой-то степени да. Но новизна метода Орановского в том, что он придумал, как использовать энергию солнца для достижения цели. Конструкции с искусственным подогревом

безумно дороги, и поэтому никто не стал продолжать их строить. А вот солнечный Метеотрон оказался дешевой машиной по производству облаков. Получить дождь из облаков — это совсем нетрудно, и такие методы известны. Только облаков в пустынях летом не бывает. Вот в чем проблема! Вся вода собирается над раскаленным пространством пустыни в тридцатиметровом слое воздуха. Знаете, сколько энергии в час посылает нам солнце на поверхность одного квадратного километра в пустыне? — спросил Кедров.

Я не знал.

— Равное по мощности тысяче атомных бомб, сброшенных над Хиросимой! Свет, несущий эту энергию, нагревает воздух и поверхность Метеотрона. Видите черный материал спирали? Это специальная пластмасса, которая идеально отражает инфракрасное излучение солнца и ультрафиолетовые лучи. Кроме того, что она сама нагревается под воздействием солнца, зеркальные рефлекторы постоянно направляют на нее дополнительные лучи солнечной энергии со всех сторон. Эти зеркала поворачиваются вслед за солнцем в течение дня и все время фокусируют свет на пластике Метеотрона. Но и это не все. На стационарную орбиту запущен спутник, который направляет солнечный зайчик на поверхность Земли, прямо на Метеотрон из Космоса! Спутник оборудован зеркалом размером всего двадцать квадратных метров, которое и бросает солнечный зайчик на Землю...

Пока Кедров рассказывал об этом удивительном сооружении, мы подлетели к Городу Науки.

— — —

С высоты птичьего полета Город Науки казался каким-то сказочным и не вполне реальным. В центре возвышалось здание в виде огромной пирамиды. О ней много писали в зарубежной прессе. Эта еще одна удивительная история изобретения, и, если вы о ней не слышали, вам стоит этим поинтересоваться.

Пирамиду построили на основании расчетов академика Виктора Ивановича Петрика, использовав его открытие зако-

номерности существования мира, основанной на золотом сечении. Им была создана научная концепция, исходя из которой гармония любого целого определялась специальной пропорцией его частей. Величина этого соотношения равна 0,618 и представляет собой мировую константу гармонического существования. Когда Петрик стал изучать абсолютно разные явления и суть мироздания, он был поражен своим открытием. Везде он наталкивался на подтверждение своей догадки. Этому соотношению подчинялось буквально все вокруг: структура планетарных систем, энергетические взаимодействия на уровне элементарных частиц, оптимальные режимы химических реакций, компоненты генного аппарата живых организмов, анатомические пропорции человека, биоритмы его головного мозга и сердцебиение, строение плодородного почвенного слоя земли, темперированный звукоряд в музыке, расположение частот в гармоническом ряде. Сплавы металлов обладают наилучшими свойствами, когда атомарные веса элементов, из которых они сделаны, находятся в данной пропорции.

Никто не знает точно, почему так происходит в нашем мире. Некоторые говорят, что это ритм, определенный когда-то первородным взрывом Вселенной, а возможно, и пульсацией Космоса.

Академик А.Д. Сахаров писал, что во время этого грандиозного вселенского взрыва, по всей видимости, должно было образоваться поровну частиц и античастиц. Если бы так и произошло, тогда бы ничего не было, частицы проаннигилировали бы между собой, и осталось бы одно излучение, но ничего материального. А поскольку случилась асимметрия, то и образовался «твердый остаток», который представляет собой наш мир.

Петрик установил эту «несимметричность», равную 0,618, и открыл новый закон гармонического резонанса в природе.

Оказалось, что в древние времена, начиная еще со II века до нашей эры, в работах Гипсикла и в «Началах» Евклида упоминается о золотом сечении. Считается, что понятие «золотая пропорция» ввел Пифагор в IV веке до нашей эры,

который сам позаимствовал эти знания у древних египтян и вавилонян.

В эпоху Возрождения великий Леонардо да Винчи блестяще использовал пропорции золотого сечения в живописи, архитектуре и в своих изобретениях. Откуда великому Леонардо стали известны эти пропорции — сейчас уже не установить. Может быть, это было знаком Божиим или озарением гения?

Когда Петрик стал исследовать великие произведения зодчества, выяснилось, что самые гениальные из архитекторов использовали соотношения элементов по установленной константе 0,618 или очень близко к ней, и поэтому их творения казались столь гармоничными и идеальными. Так, Петрик рассчитал и начертил свою пирамиду. И каково же было его удивление, когда чертеж пирамиды Хеопса в Египте полностью совпал с чертежом Петрика. Причем совпали не только контуры внешних линий, но и все детали внутреннего устройства, включая помещения, усыпальницу фараона, коридоры, специальные шахты, тайники и прочее. Это удалось определить по чертежам, восстановленным на основе археологических раскопок.

Исследования Петрика еще не были закончены, когда произошла катастрофа. Чертежи не до конца разработанной пирамиды были украдены у него в России одним предприимчивым типом. Позже тот выдал их за свои собственные.

Да, любая пирамида, даже негармоничная по своей пропорции, искривляет информационное пространство. Внутри и вокруг пирамиды происходят явления странные: от самопроизвольной заточки лезвий бритвы до удивительного «поведения» воды, которая не замерзает при минусовой температуре. Все это так, но положительное воздействие на людей и окружающую природу может оказать только пирамида, построенная правильно, по закону золотого сечения. Воздействия же ущербных пирамид непредсказуемы по своим последствиям и опасны.

Когда Петрик открыл эту закономерность, было уже поздно. Человек, укравший идею, — его фамилия Золот, —

стал всюду строить и насаждать неправильные пирамиды. В продаже в России появились маленькие пирамидки. Их устанавливали в домах, чтобы влиять на окружающую среду в квартирах. Известны и описаны отдельные случаи, когда, например, семья устанавливала пирамидку под кроватью, и после этого муж и жена одновременно заболели язвой желудка. Иногда человек, спящий на этой кровати, получал инсульт.

В столице одной из российских республик, в самом центре, построили пирамиду, без учета необходимых параметров, и открыли там ресторан. Рядом с ней располагался спортивный центр, где тренировались спортсмены. И вот после завершения строительства неожиданно у всех спортсменов снизились результаты. Необъяснимым образом они потеряли форму, и если раньше люди спокойно тренировались по несколько часов в день, то теперь они уставали в течение нескольких десятков минут настолько, что не могли продолжать тренировки. А у посетителей ресторана и дискотеки заметно упала умственная активность, и у многих начались серьезные проблемы со здоровьем: возникли заболевания желудка, печени, легких, люди становились нервными, а общее состояние и тонус их организма приходили в упадок. Еще более странные патологии появились у персонала, работающего в этом заведении...

Правильная пирамида, которую построили в Городе Науки в Русляндии, действительно стала гигантским резонатором гармонизирующей энергии, так же как и древние египетские пирамиды. Ведь известно, что жрецы Древнего Египта, которые большую часть времени проводили в пирамидах, доживали до ста и более лет, при средней продолжительности жизни человека в те времена тридцать два года.

— Скажите, а что, академик Петрик тоже переехал жить в Русляндию? — спросил я у Кедрова.

— Как видите! Я даже удивлен, что вы его вспомнили. В России он всегда слыл шарлатаном и аферистом. Здесь же ему наконец были предоставлены все возможности для внед-

рения результатов его гениальных разработок. Вы историю со скрипкой Страдивари знаете?

— Нет, а как она связана с Петриком? — заинтересовался я.

— Виктор Иванович исследовал скрипку Страдивари. Она оказалась точно выдержанной в пропорциях золотого сечения. Ее неповторимое звучание было обусловлено не свойствами дерева или лака, которым она покрывалась, а ее совершенной гармонической конструкцией. Когда наше правительство сообщило итальянцам, что секрет скрипки Страдивари раскрыт, они прислали в Русляндию целую комиссию экспертов. Все приехавшие расположились в закрытой комнате, а в соседнем помещении, за стеной, стали играть на скрипках. Тест проводился вслепую, по звуку. Среди старинных скрипок, на которых по очереди играли, была одна подлинная — работы Страдивари, одна — сделанная по чертежам Петрика и еще четыре, созданные известными, но не столь одаренными мастерами. И что вы думаете? Все члены комиссии указали на скрипки Петрика и Страдивари как на две выдающиеся работы великого итальянского мастера. Лицензия на изготовление скрипки Петрика была продана Италии за два миллиарда долларов.

— Действительно так? Я не ослышался? — переспросил я, пораженный услышанным.

— Да, ровно за два миллиарда долларов США. Так как для итальянцев это не просто скрипка, а национальная гордость страны. Но это еще не все. Наши историки раскопали удивительный факт. Оказывается, Страдивари делал свои скрипки по старинным чертежам и лекалам, которые приобрел где-то в антикварной лавке. Историки обнаружили сведения об этом в сохранившихся записях и переписке мастера, который, будучи высоким профессионалом, просто соблюдал все пропорции чертежей, не вдумываясь, почему они именно такие. Так вот! Наши ученые сделали вполне обоснованное предположение, что оригиналы этих чертежей были выполнены, кем вы думаете? Самим Леонардо да Винчи!

— Мне можно встретиться с Петриком?

— Конечно. Он живет в Менделеевском районе, на берегу Пресны. У него прекрасный дом и научная лаборатория раз-

мером пять тысяч квадратных метров. Мы к нему заедем, если он не в командировке.

— А что размещается в пирамиде? — спросил я.

— Вы только не удивляйтесь, — улыбнулся Кедров. — В одной части Центральная биржа изобретений Русляндии, а в другой — экспериментальный родильный дом. Обе эти организации очень нуждаются в подпитке гармонической энергией Космоса, исходящей от пирамиды. Скоро мы их разделим, так как уже заложили строительство пяти новых пирамид. Но пока пользуемся только одной, и результаты превосходят все ожидания. Знаете, как возникла идея разместить родильный дом в пирамиде? Ее подсказали корейцы, которые по чертежам Петрика строят самый большой в мире родильный дом — пирамиду в Сеуле. Они долго изучали энергетику здания, цокали языками, а потом предложили продать технологию строительства пирамиды для их родильного дома. Оказывается, старинное предание в Корее гласит: «Гора должна родить героя. И этот герой победит Японию». Пока корейцы не увидели пирамиду Петрика, они веками не могли расшифровать это древнее предсказание. Нам тоже нужен герой, способный победить Японию, не говоря уже об эффективной бирже, — улыбнулся Кедров...

Волнолет зашел на посадку. Скорость движения была незаметно погашена разворотом зонтика в противоположную сторону, и машина мягко опустилась на зеленый газон аэропорта.

Президентский эскорт уже поджидал нас на поле.

— Поужинаем вместе, — сказал Путиявлинский, обращаясь ко мне и профессору. — Мы сообщим, куда вам приехать вечером.

«Как это здорово и как это правильно, — подумал я. — Такое уважение к ученым, чьи мозги ничем не заменишь и не купишь! Эти люди уникальны, как произведение искусства. Если президент понимает, что будущее прогресса в руках ученых, а не его администрации, ученых ценят по достоинству и высоко!»

От здания аэропорта шоссе прямой перпендикулярной линией устремлялось к городу. Оно пересекало Город Науки и де-

лило его на две части по обе стороны пирамиды. Слева располагались районы, где работали ученые из разных областей науки и технологий, а справа находились огромные производственные площади с экологически чистыми промышленными предприятиями, обеспечивавшими быстрое внедрение разработок Города Науки. Город окружали жилые районы, службы рекламы и маркетинга, предприятия связи и обслуживания.

Мы ехали в город и продолжали разговаривать в джепере профессора Кедрова.

История Города Науки началась еще при первом президенте Русландии — Борисе Вольфовиче Чубайсберге, которого избрали под давлением трех соседних стран. Тогда было задумано простое строительство промышленного района на юге республики, который позднее превратился в Город Науки. Однако Чубайсберга в основном интересовали вопросы энергетики и приватизации. Он почти не обращал внимания на защиту природы или возведение социальных объектов для жителей и делал упор только на прибыль, повышая цены и тарифы, в ущерб всему остальному. Ходили слухи, что не в ущерб себе лично, но доказать причастность Чубайсберга к финансовым преступлениям так и не смогли. Хотя сам он достаточно быстро растерял популярность и доверие народа.

В соответствии с Конституцией Русландии парламент начал процедуру «кирпичмента», чтобы освободить Чубайсберга от занимаемой должности до окончания срока пребывания у власти. Голосование по «кирпичменту» в Русландии проводилось тайное, но всеобщее. В финале президенту вручили дипломат, который он должен был открыть публично перед телевизионными камерами и журналистами. Если он оставался на своем посту, в дипломат клали большой том сводных законов и кодексов Русландии. Если нет — тогда кирпич, по весу соответствующий этим книгам. Поэтому заранее нельзя было определить, что там лежит.

В начале 1995 года Чубайсберг, волнуясь и потевя, открыл дипломат на глазах у всего народа и достал красный пористый кирпич местного завода.

— Неужели никто не усомнился в честности подсчета голосов? — спросил я у Кедрова.

— Задачу честного голосования и свободных выборов мы технически уже решили в 1995 году. Этой проблемы в Русляндии больше не существует. Повсеместно установлены телефонные аппараты с автоматическим распознаванием отпечатков пальцев человека, который набирает номер. Это позволило зарегистрировать всех жителей Русляндии и определить, кто и как голосует. Никаких избирательных комиссий по подсчету голосов больше не требуется. Результаты суммируются автоматически, тут же во время звонка. Информация отправляется в три независимых хранилища, защищенных от хакеров. Там содержатся сведения о том, кто и как проголосовал, а также время голосования и по какому телефонному номеру вы голосовали.

— Получается, проводится тотальная слежка за каждым жителем Русляндии, — сказал я.

— Нет. Ничего подобного. Как вы все в России любите немедленно приклеивать ярлыки! Никто за нами не следит. Мы всенародно обсуждали эту тему: вводить или не вводить систему виртуальной подписи в Русляндии. Большинство честных людей высказались «за». И появилось столько преимуществ, что теперь вряд ли кто-то захочет без этого обходиться. Она позволила не только идеально честно производить выборы и организовывать всенародные референдумы хоть по три раза в неделю. Сразу упал уровень преступности в республике до самой низкой отметки в мире, так как в десятки раз возросла раскрываемость любых преступлений. Отпала необходимость иметь наличные деньги в кармане или кредитные карточки, которые можно подделать. Русляндцы расплачиваются прямо на месте по мобильному телефону с автоматическим снятием денег с банковского счета, о чем сразу приходит сообщение на номер телефона магазина. При этом вся информация о вашем голосовании, платежах, личных данных, банковских счетах и т.д. остается исключительно вашей личной собственностью, и только вы сами можете ее получить. Теперь уже недостаточно даже отпечатков пальцев на клавиатуре набора, а требуется

дополнительный признак: рисунок сетчатки вашего глаза. Вы смотрите на экран видеотелефона, и он тут же запоминает этот рисунок. Сразу понятно, кто звонит. — Кедров согнул правую руку и показал на запястье такой же мобильный телефон, какой выдали мне при пересечении границы.

— И знаете, что еще примечательно! — продолжал Кедров. — Деньги на внедрение телефонной связи четвертого поколения нашлись за счет экономии средств на бесконечную оплату избирательных комиссий, сокращения потерь от финансовых преступлений, упрощения оборота валюты и работы банков и множества других положительных вещей. Так что все аппараты и связь внедрены для людей бесплатно. А кроме того, система предоставляет столько платных услуг населению, что сама себя окупилась тысячекратно уже в первые годы внедрения. Добавьте сюда деньги, которые мы получаем сегодня от самых развитых стран за лицензии на использование наших изобретений при внедрении аналогичных систем связи на их территориях. Это один из основных доходов нашего экспорта. Так что полный успех проекта, Артем Михайлович, налицо!

Осмотр Города Науки мы начали, естественно, с пирамиды.

— — —

На Бирже изобретений нас встретил один из ее создателей, крупный предприниматель Русляндии Березович Абрам Романович. Он был фигурой исторической, одно время принимал активное участие в политике, содержал семью президента Чубайсберга, имел связи с криминальным миром. Но после «кирпичмента» прежнего президента принял верное решение не лезть в политику и заниматься своим делом — предпринимательством. Ему простили прежние грехи, и созданная по его инициативе Биржа изобретений оказалась сердцем экономики Русляндии и главным мотором создания средних и малых предприятий.

— Все началось после того, как мы придумали телевизионную передачу, которую назвали «Умный нашелся». Вы ее смотрели?

Нет, я передачи не видел. И сразу не понял, каким образом это связано с биржей и процветанием русляндской экономики.

— Придумали простейшую вещь, — продолжал Березович. — Показываем на телеэкране новое изобретение и его автора, потом эксперты высказывают мнение о том, что это изобретение надо срочно внедрять, но денег не хватает. Все происходит публично и открыто. Выступают менеджеры, которые объясняют, как они его внедрят, сколько на это потребуется денег и какую прибыль это даст всем участникам проекта. А дальше всем телезрителям, кто хочет заработать на этом, если увиденное их убеждает, предлагается внести деньги в сберегательный банк и получить акции данного проекта. Так создается по-настоящему народное акционерное предприятие.

— Значит, я могу заплатить небольшую сумму денег и получить акции? А вдруг этот проект провалится и мои деньги не возвратят? В России столько раз именно так и происходило.

— Вместе с акциями вы получите страховой полис: на каждую тысячу рупелей вам гарантируется возврат 998 рупелей страховой компанией в самом худшем случае. А страховые компании поддержаны государством.

Это было понятно и достаточно убедительно.

— Когда деньги будут собраны, начинается процесс внедрения изобретения. Он тоже публичный и доступный всем. Результаты внедрения сообщаются и комментируются в прессе и на телевидении. Кроме того, каждый может получить самые оперативные данные по Интернету. Вам сказали, что у нас Интернетом и телефонной связью четвертого поколения сегодня охвачено все население Русляндии?

Я кивнул.

— И самое важное. Если вы купили акции, то в любой момент можете их продать на нашей Бирже изобретений. Просто сообщите по телефону, сколько вы хотите продать акций и куда вам перевести деньги. Наши брокеры немедленно исполняют ваше указание. В течение нескольких минут!

Все стало ясно. Биржа обеспечивала рост благосостояния основной массы населения страны и тем самым появление

среднего класса собственников. А именно средний класс, в свою очередь, стал основой экономического успеха страны.

Ведь что происходило в Городе Науки? Допустим, кто-то изобретал новую продукцию. Сначала авторам выдавали деньги из фондов поддержки изобретений на проведение испытаний и проверок. Если расчеты и исследования потребительского рынка показывали, что обеспечена выгодная продажа новой продукции в Русляндии или, еще лучше, за рубежом, подавалась заявка на участие в телепередаче «Умный нашелся» или на публикацию о привлечении инвестиций во множестве изданий.

Телепередача была сделана в виде веселого телешоу, которое очень быстро завоевало наивысший рейтинг среди телепрограмм. Сначала передачу показывали еженедельно всего несколько десятков минут, но постепенно, по мере приобретения популярности, время ее показа было увеличено до полутора часов каждый день. Смотреть шоу стало гораздо интереснее, чем сериалы или детективные истории. Каждое из них представляло собой сенсацию — демонстрировали изобретение, которое никто в мире никогда еще не видел. Кроме того, шоу приносило чистую прибыль телезрителям и счастливицам, попавшим непосредственно в студию на съемку программ. Все они могли выиграть деньги, просто участвуя в передаче или позвонив туда по телефону.

В процесс вкладывания денег в акции предприятий на конец 2004 года было вовлечено более 70 процентов всего населения Русляндии. Государство всячески стимулировало своих жителей на такое инвестирование денег полным освобождением этих сумм от налогов. В результате рупель в Русляндии не залеживался в кубышках и на валютных счетах населения, а был вовлечен в созидательную работу, приносящую блага покупателям акций, изобретателям и стране в целом.

«Что же у нас, в России, все говорят и говорят о развитии среднего и мелкого бизнеса, о поддержке изобретений и ученых, о внедрении конкурентоспособной продукции, денег на это нет, а на руках у населения скопились сотни миллиардов долларов, выведенных из оборота и не приносящих никакой пользы ни себе, ни людям?! — сокрушенно подумал я. — Если

трудно увидеть то, что делается у нас под носом, в Русландии, посмотрите на Америку! Спросите любого американца: в чем вы храните свои сбережения? Вам не задумываясь ответят: в акциях и облигациях! Там почти пятьдесят миллионов инвесторов, которые таким образом вложили свои средства в промышленность и сельское хозяйство. Если бы американцы в один день все активы превратили обратно в доллары, американская промышленность в одночасье рухнула бы! А спросите любого россиянина: в чем вы храните свои деньги? Ответ всегда будет одинаковым: в рублях, в евро или в долларах. Это означает, что деньги не работают, особенно если они хранятся дома, под кроватью. Вот бы перенять этот простой опыт: выдавать всем желающим акции предприятия, собирать деньги на то, чтобы построить само это предприятие, страховать, конечно, возможные риски, а потом делить прибыль между всеми участниками. Не хочешь ждать, пока предприятие отстроится и начнет выпускать продукцию, или внезапно понадобились деньги? Пожалуйста! В любой момент можешь продать свои акции на бирже, да еще с прибылью! Ведь чем ближе запуск предприятия, тем дороже стоимость его акций. И это вам не финансовая пирамида, это конкретный проект, в котором вы участвуете, знаете в любой час, на какой стадии он находится, и следите за возрастающей ценой акций. Цена же эта будет расти все время, пока строится предприятие, и потом с ростом сбыта его продукции, пока она не потеряет спрос или свою конкурентоспособность».

Мне стало очень обидно за близорукость России. Я вспомнил эпоху первой кооперации в конце восьмидесятых, подъем и энтузиазм всего населения СССР. Люди в кооперативах впервые стали зарабатывать деньги, а не получать их только за то, что ходили на работу. Вкус честно заработанных своим умом и талантом денег пьянил и стимулировал людей работать с полной отдачей. Я помню, как производительность труда в кооперативах в среднем в пять раз превосходила производительность тружеников на государственных предприятиях и заводах. Как мы практически все заработанные деньги снова пускали в оборот и открывали все новые и новые направления бизнеса, которые снова приносили прибыль, и т.д.

Вот бы сейчас в России снова запустить это всенародное движение — вкладывать средства и получать прибыль от внедрения новых производств и запуска старых. Какие огромные темпы роста среднего и малого бизнеса можно было бы обеспечить за счет обездвиженных средств населения России. Я прекрасно понимаю, как это сделать! И сил у меня еще бы хватило, чтобы запустить механизмы прогресса, только были бы воля, понимание и поддержка власти. Больше ничего не потребуется.

— Скажите, а наш президент встречался когда-нибудь с Путиявлинским? Он был здесь, в Русляндии, видел все это своими глазами хоть один раз? — поинтересовался я у Кедрова.

— Конечно, они знакомы. Безусловно, встречаются на всяких саммитах и в советах. Вот наконец нас заметили, и делегация из России приехала, чтобы изучить опыт. Но сам президент здесь никогда не был — это точно. Наверное, слишком близко, чтобы приехать и обратить внимание. Нет пророка в своем отечестве...

— Я обязательно посмотрю сегодня вашу передачу. А мне как иностранцу можно вложить деньги в понравившийся проект? — спросил я Березовича.

— Конечно. Только рубли мы не принимаем, а если в рупелях, то очень рекомендую. Тем более что сегодня заявлена потрясающая тема! Будет Валерий Тутыхин. Это уже его второе появление на экранах. Все ждут. Если вовремя не сориентируетесь — можете не успеть с первичным вкладом. Ведь денег мы принимаем ровно столько, сколько надо для запуска проекта. Как только сумма собрана, выпуск акций прекращается. Тогда вам придется выкупать акции на бирже, и это будет существенно дороже.

— Что же предлагает Тутыхин?

— Он обладает уникальной технологией поиска полезных ископаемых из Космоса. Что нашли на этот раз, пока не разглашается. Первый раз он появился в передаче с новым месторождением фосфатов, которое обнаружили там, где по картам геологов его не должно было быть: на самой границе Русляндии. Нужны были деньги на разработку месторождения, и

Тутыхин предложил заимствовать их у населения. Средства тогда собрали за полчаса, и теперь месторождение поставляет около 20 процентов сырья для минеральных удобрений, а первичная стоимость акций на руках у тех, кто их купил, выросла в триста раз!

— А сегодня будет во много раз круче, господа, — произнес кто-то за моей спиной.

Это был Валерий Тутыхин, приехавший на биржу, волнуясь перед выходом передачи в эфир. Он случайно услышал наш разговор.

Валерий оказался подтянутым, худощавым молодым человеком в очках. Он тут же расположил меня к себе открытым взглядом и улыбкой.

— Я могу вам приоткрыть секрет, — продолжал Валерий. — Сегодня будет объявлено об обнаружении первого в истории Русляндии нефтяного месторождения. Я предложу создать действительно «Народную нефтяную компанию». Если бы в России пошли этим путем, сейчас бы у вас не было проблем с олигархами и их миллиардами!

— А вы бы не могли мне популярно рассказать, как вы это делаете? Я имею в виду поиски полезных ископаемых, да еще из Космоса? — поинтересовался я у Тутыхина.

Мы расположились в небольшом кафетерии в пирамиде. И я увидел, как заискрились глаза у Валерия. Было очевидно, что он очень обрадовался моему вопросу.

— Я сам в строгом смысле слова не являюсь автором этого метода. Но моя заслуга в том, что он вообще появился и приобретает все большее мировое признание. Мне удалось собрать вместе несколько коллективов ученых, которые остались совсем без финансирования в России и ими никто не занимался. Они уже готовы были уйти в торговлю, но я их остановил, предложил перебраться сюда и стал платить людям зарплату. Это гениальные ученые, геологи и геофизики, которые разными способами расшифровывают снимки поверхности Земли, сделанные из Космоса. Получается, мы видим то, что недоступно геологам на самой Земле.

— Как же это происходит?

— Сначала мы покупаем снимки разных частей Земли, сделанные в основном с американских спутников. Это не всегда простые фотоснимки поверхности в обычном понимании, это фотографии, сделанные в инфракрасном излучении, или в ультрафиолетовом, или с определением количества, например, хлорофилла и других параметров в данном месте. Дело в том, что в Земле, как известно, имеется ядро. Люди еще не знают точно, что оно собой представляет, но известно, что ядро все время пульсирует, как сердце человека. И миллионы лет упругие колебания от ядра распространяются к поверхности Земли во все стороны. Что происходит, если такая волна натывается в глубине на месторождение нефти, или на скалу, или на подземный резервуар с водой? Она частично проходит сквозь него, а частично огибает его. Ведь так? И вот когда волна достигает поверхности, она «рисует» на ней узоры, в зависимости от того, что находилось на ее пути. За многие тысячи лет в этом месте образуются разные фигуры: круги, спирали, полосы. Мы просто научились математически обрабатывать эти картинки и определять, за счет чего они получились и на какой глубине находится это препятствие.

— И рисунки всегда показывают, что конкретно находится в Земле?

— Конечно, ведь нефть и, например, скала имеют разные плотности, поэтому по-разному влияют на волну, которая проходит сквозь них. Кроме того, размеры этих областей в Земле разные, волна их огибает. За тысячи лет это очень четко видно из Космоса.

— И вы таким образом много чего нашли?

— Очень много. Мы получали задания от алмазных компаний в Южной Африке, нашли залежи изумрудов и топазов в Бразилии, выполняли ряд работ для нефтяных компаний и в России. Ведь у НАСА (американское Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства) сегодня можно купить фотографии любого участка Земли, хоть вашего собственного огорода! Так что выезжать на местность, как геологам, нам совершенно не нужно. Мы все это делаем в офисе. Правда, мы столкнулись с очень большими трудностями в преодолении стандартного мышления...

— ?

— Если у вас есть план бурения месторождения, затрачены миллионы долларов на поисковую геологию, поверите ли вы посторонней организации и нашим прогнозам, что все это нужно изменить и направить совсем в другую сторону? Чаше всего не удастся подобное неверие преодолеть. И еще: в случае успеха ни одна добывающая компания не сообщает результаты! Это секрет: сработало наше предсказание или нет. Никто не напишет вам письмо, что благодаря вам мы нашли новые алмазы. Вот такие трудности во внедрении.

— Как же вы узнаете об успехах?

— Очень просто. Покупает, например, наше исследование нефтяная компания. Использует и, пробуриив скважину, убеждается в результатах. Потом, их никому не разглашая, просит исследовать еще и другие участки. Значит, мы попали верно. Иначе они бы снова к нам не обратились.

— Забавно!

— Ну, есть, конечно, и публично отмеченные успехи. Вы, наверное, слышали о находке воды в пустыне Мавритании? Большой был шум в мировой прессе. Это сделали наши специалисты. Есть письмо от мавританских властей, в котором это открытие признано самым великим за двадцатый век! Там очень здорово получилось. Мы указали им место, где бурить. Мавританцы пробурили скважину глубиной тридцать метров и попали в подземную лужу воды. Радость была безграничной, а мы им говорим: ребята, это не то, что мы предсказали, бурите глубже, как минимум на двести пятьдесят метров! Те сначала отказывались — там же была скалистая порода, но потом послушались и продолжали бурить. Сломали три алмазных головки для буров, и когда достигли глубины двести сорок семь метров — из-под земли ударил фонтан воды высотой двадцать пять метров. Они попали на подземную реку, о которой никто даже и думать не мог. Сейчас эта скважина дает пять тонн воды в час.

— Итак, сегодня вы, Валерий, объявите о сборе денег на освоение Русляндского месторождения нефти! — сказал Кедров, возвращая нас к главной теме разговора. — А президент знает об этом? Мы сюда с ним прилетели. Сегодня вечером

вместе обедаем. Можно с ним это обговорить. Речь ведь идет о стратегическом ресурсе.

— Наверное, он знает. Мною получена официальная лицензия на сорок девять лет на проведение геологических исследований и работ в том районе, где мы нашли нефть. Официальные геологи признали его совершенно неперспективным, так что все на законных основаниях.

— Кроме того, в качестве экспертов на сегодняшней передаче «Умный нашелся» будут, как обычно, председатель сбербанка, кажется, заместитель председателя Счетной палаты, начальник экономического управления администрации президента, представитель общества «Русгосстрах» и даже кто-то из Внешторга, — добавил Березович и, заметив мой удивленный взгляд, пояснил: — Мы, Артем Михайлович, стараемся привлечь к участию как можно больше официальных лиц. Это повышает доверие населения и вселяет уверенность в том, что никто людей не обманет. Ведь мы такие же россияне, как и вы. Было так тяжело преодолеть недоверие граждан в то время, как из России шел поток информации об обманах людей и злоупотреблениях. Столько сил пришлось потратить... Валерий, так мы ждем ваших нефтяных акций на бирже. Это будет просто замечательно, — закончил Березович, обращаясь к Тутыхину.

— Я тоже рассчитываю на успех, — ответил Валерий.

Мы попрощались с Березовичем и Тутыхиным. Нам предстояло посетить еще несколько научных институтов, встретиться с Петриком, осмотреть безупречно спланированный Город Науки и Музей достижений бизнеса.

Но главное стало мне уже ясно. Никакого чуда в Русляндии не произошло. Была проведена разумная административная реформа и построена эффективная инновационная экономика. Русляндцам удалось предотвратить множество экономических ошибок, случившихся в России по вине и из-за некомпетентности людей, управлявших нашей страной с 1991 года.

Действия правильно выстроенной структуры власти создали возможности для бурного развития промышленности, сельского хозяйства, бизнеса, науки и новых технологий, что

и привело Русландию так быстро на вершину научно-технического прогресса и благополучия. Я посетил страну, из которой никуда не хотелось уезжать...

Вечером, за обедом с президентом, мы еще долго обсуждали положение в России. Он говорил об этом с ностальгией, ведь все мы были рождены в одной стране и как нормальные интеллигентные люди оставались ее патриотами, несмотря ни на что.

Путиявлинский попросил меня об одном одолжении. Подобная просьба ко мне никогда и в голову не приходила кому-либо из представителей власти в России. Президент предложил мне организовать встречу в Русландии моих коллег из Всемирного Клуба молодых миллионеров. Он понимал, что частные инвесторы, контролирующие суммарный капитал, в десятки раз превышающий по совокупности размеры государственных средств развитых стран Европы, и есть тот самый двигатель, который обеспечивает рост и движение мировой экономики. Он также прекрасно понимал, что решение об инвестициях частного капитала принимается только владельцем этого капитала и более никем. Визиты официальных правительственных делегаций, в ходе которых любят устраивать встречи президентов стран с бизнес-элитой, ничего существенного не приносят ни этим странам, ни бизнесменам. Элиту бизнеса надо приглашать в гости, поить, и не только чаем, обиходить самым лучшим образом и склонить к принятию решений об инвестициях.

— Вы не беспокойтесь о деньгах! Мы берем на себя все расходы по проведению встречи и оказанию гостям всяческих почестей. Это будет незабываемая поездка. Они будут моими гостями, и я лично войду в организационный комитет по подготовке этого мероприятия. Нам так необходимы крупные международные инвесторы. У нас много интересных предложений.

Это было грандиозно. Когда президент страны так заботится о процветании своей экономики, сам принимает личное участие в привлечении инвесторов и готов вкладывать деньги, можно не беспокоиться о будущем государства.

**ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО
СВОЕГО КАК САМОГО
СЕБЯ**

10

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

(Рецепт счастья)

Совершенно неожиданно мне позвонили из Риги. Все, что связывало меня с этим городом, затерялось в далеком прошлом. Я не был в Латвии со времен Советского Союза. Мне никто не мог звонить оттуда. Абсолютно никто. Однако ж...

— Здравствуйте! Вас беспокоят из Риги. Сейчас я вас соединю с нашим председателем, — говорил мелодичный женский голос с прибалтийским акцентом.

Через несколько секунд, заполненных в трубке музыкой Моцарта, со мной связался некто из Риги:

— Мы звоним вам из банка «Парекс» по поручению нашего клиента. Он просил узнать у вас, как дела с покупкой малой короны Российской империи? Вам удалось собрать деньги?

— Вы можете прочитать об этом в Интернете, — уклончиво ответил я.

— Это не простое любопытство. Если у вас не получается собрать деньги на ее выкуп, мы готовы предложить свои услуги.

Вот так. Просто и прямо, безо всяких побочных вопросов и обсуждений. Без уговоров и без объяснений, почему историческую реликвию нужно спасти от уничтожения. Без унижения с моей стороны, которое я испытывал, обращаясь за деньгами к олигархам и получая отказ.

— Вы серьезно? А вы слышали, что ее оценили в Гохране в пять миллионов долларов? — усомнился я после стольких неудач в поисках денег, постигших меня в России.

— Да, мы следим за развитием событий по прессе, — ответил голос. — Если вопрос еще не решен, мы будем рады поучаствовать.

На следующий день я вылетел в Ригу. Меня встретили прямо у трапа самолета и проводили в зал для важных гостей и официальных делегаций. Потом на очень дорогой автома-

шине марки «Майбах» отвезли в гостиницу в Старый Город, где поселили в номере люкс в пентхаусе.

Переговоры о покупке короны на следующий день заняли не более часа. Я согласился познакомить представителей банка «Парекс» с маркизой Сарой Милфорд Хэвен в Лондоне, чтобы те разморозили мой залог и выкупили у нее корону. Банкир любезно предложил мне компенсировать все мои расходы, связанные с привозом диадемы в Россию, рекламными акциями, изданием брошюр, созданием вебсайта в Интернете и даже оплатой страховки в Англии. Это звучало фантастически, но именно так все произошло.

Главным аргументом, который окончательно склонил меня к совершению сделки, было то, что банк «Парекс» выкупал корону для российского клиента. Пусть в частные руки, но она становилась собственностью российского гражданина, который так или иначе, сейчас или в будущем, но обязательно привезет ее домой. Если не он, то его дети или внуки, ну, пусть правнуки.

Я выполнил свою миссию. Диадема сменила английских владельцев на российского хозяина. Не важно, что информация о нем не была раскрыта. Мне достаточно того, что он человек, верующий в Бога, меценат и патриот своей страны. Корона сама его выбрала, я не искал его, и этот рижский звонок был обыкновенным провидением, поворотом ее судьбы, вехой по пути домой. Для нас существование закончится через несколько десятков лет, а для нее это только мгновение.

— — —

Эту книгу невозможно дописать. Она продолжается, как сама жизнь. Ее страницы не в состоянии вместить мой мир. Каждая глава тянет за собой следующую. В памяти возникают все новые истории, достойные пера. Но пора. Всему приходит конец, всегда порождающий новое начало. Мне хочется напоследок сделать вам подарок: написать рецепт счастья, который я открыл.

Это случилось в августе 1997 года. Я уже писал, что, обвинив в лжесвидетельстве по судебному делу с газетой «Вашинг-

тон пост» представителей Интерпола в России, я вынужден был бежать от слежки из Лондона. Было ясно, что в Интерпол на меня отправили какое-то предписание. Перебираясь из страны в страну, я оказался в Бангкоке, а затем решил отправиться в Канаду. И вот в тайландском аэропорту у меня конфисковали паспорт.

Сначала женщина на регистрации вызвала представителя канадской авиакомпании и попросила минутку подождать. Подошел высокий канадец, долго крутил мой паспорт в руках, потом ушел в подсобное помещение и исчез. Время неуклонно приближалось к окончанию регистрации и посадки, а мое нервное напряжение — к своему пределу.

Когда до закрытия ворот на посадку оставалось не более десяти минут, он наконец появился.

— Ваши документы вызывают сомнения, — сказал он.

— А поточнее, пожалуйста.

Он раскрыл паспорт, и я вдруг увидел, что края моей фотографии надрезаны бритвой. Он держал лезвие в руке.

— Пленка подлинная, но вот полоса, видите...

Мое возмущение выплеснулось наружу:

— Вы что делаете! Какая полоса? На каком основании вы меня задерживаете? Вы кто такой? Если я пропущу самолет, будете сами покупать мне билет в Ванкувер.

— Зачем вы летите в Канаду?

— Рыбу ловить. Еще есть вопросы?

Он продолжал держать паспорт и ковырять на странице бритвой. Время практически вышло. Мне не отдавали ни паспорта, ни посадочного талона, ни авиационного билета.

— Почему у вас билет только в одну сторону? — продолжал он допрос.

— Потому, что я не собираюсь сюда возвращаться. Потому, что я не знаю, сколько я там пробуду и куда решу полететь дальше. А если бы и знал, вам до этого дела нет! Короче, что вам от меня надо?

— Ладно, — сказал канадец. — Вот ваш паспорт!

Я схватил его вместе с посадочным талоном и бросился бежать на посадку. Все пассажиры уже прошли, и я оказался по-

следним. Стюардесса взяла у меня из рук билет и паспорт, но вернула только часть посадочного талона.

— Ваш документ полетит отдельно. У пилота. Мы его вам отдадим в Ванкувере, после посадки.

Она положила мой паспорт в конверт и запечатала его.

— А наручники не хотите на меня надеть? — спросил я грубо.

Я возненавидел ее и всю канадскую авиацию до глубины души.

Вы представляете мое состояние на борту этого самолета? Появилось ощущение ареста. Я был уверен, что меня взяли люди из Интерпола. Уши горели от стыда. Мне казалось, что сидящие вокруг в курсе дела и разглядывают меня с каким-то нездоровым интересом. В мозгу спонтанно возникали планы моих действий. Из Бангкока самолет вначале летел в Гонконг и делал там посадку.

«Можно будет там сбежать, — подумал я. — Но как это сделать? И что потом? Без документов, без багажа. Там же одни китайцы. Меня сразу же запеленгуют, я не смогу раствориться в толпе со своей неазиатской внешностью...»

В висках стучало. Заболел затылок. Меня трясло от ярости и безысходности положения.

В Гонконге нас как транзитных пассажиров провели в специальную зону аэропорта. Кругом были пограничники, многие из них с автоматическим оружием на плечах. Если броситься бежать через барьер, это будет безумием. Конечно, стрелять они не станут, но я не знал даже направления, куда бежать дальше.

Я сел на скамейку. Ко мне подошел пограничник и протянул какую-то бумагу. Что-то вроде анкеты. Со странными вопросами: о моих родителях, о местожительстве, цели поездки в Таиланд и Канаду, подвергался ли я арестам и находился ли под судом...

— Зачем мне это заполнять? — спросил я.

— Пришел запрос из Бангкока.

— И что? Их интересуют мои родители? Я это не буду заполнять. Можете меня задержать. Пока не вернете паспорт, ничего заполнять не буду.

— Тогда не заполняйте, — неожиданно согласился пограничник.

Он отошел и больше ко мне не подходил. Я все еще не мог ничего придумать. Как поступить? Лихорадочные мысли были абсолютно непродуктивными. Оставалось только подчиниться и лететь дальше в Канаду.

Я зашел в магазин, чтобы купить таблеток от головной боли. Когда проходил мимо полок с печатной продукцией, на меня вдруг сверху упала книга.

Я поднял ее с пола и машинально прочитал раскрытую страницу. Там было написано:

«Неважно, как попала эта книга к вам в руки. Может быть, ее рекомендовали друзья, или вы случайно наткнулись на нее в Интернете, или она свалилась вам на голову с полки в магазине...»

Это показалось очень странным. И я стал читать дальше:

«Мы живем в несправедливом мире, где каждый день приходится бороться с обстоятельствами. Это происходит бесконечно и не приносит нам счастья. Словно мы рождаемся на свет только для того, чтобы преодолевать трудности и проблемы, а потом умереть. Можно ли в этих условиях наслаждаться жизнью? Если вы прочтете эту книгу, тогда поймете — МОЖНО! Причем всегда, везде и в любой ситуации, вне зависимости от того, что с вами происходит».

Весь дальнейший полет в Канаду я читал эту книгу.

«Если представить нашу жизнь в виде одежды, тогда получится, что большинство из нас носит ее со словами: трудно, тесно, давит, неудобно, тяжело, некомфортно. А нужно носить ее со словами: удобно, свободно, легко, уютно, податливо, мягко. Спросите сами у себя, в чем причины того, что мир кажется нам сложным и жизнь такой трудной? У вас непременно возникнут фразы: «Ах, если бы этого не случилось, все было бы иначе и очень хорошо» или «Ох! Если бы то или это было другим, все в жизни сразу же стало бы лучше». Однако факты все больше убеждают, что дело совсем в другом. Наше ощущение жизни не определяется внешним миром. Ответ на вопрос находится внутри нас самих».

«Неужели и вправду мы рождаемся для того, чтобы, намучившись жизнью, умереть?» — задумался я над текстом книги. И стал читать дальше:

«Мы всю жизнь с трудом карабкаемся по лестнице вверх, и даже те, кто добирается до самой вершины, чаще всего понимают, что эта лестница была приставлена не к той стене».

Действительно, судьба преподносит нам всем разные, порой жуткие испытания. Понятен стресс, который испытывают люди, когда в пожаре сгорает жилье и накопленное имущество, когда нас или наших близких поражает неизлечимая болезнь, когда наступает бедность с рабской обязанностью выживания. Но фактом является и то, что разные люди совершенно по-разному переносят эти несчастья. И легче переносят их те, кто меньше с этим борется. Бессмысленно сопротивляться уже случившемуся. Надо подняться над бедой и проникнуть себе вовнутрь со стороны. Вы тогда увидите много более важных и грандиозных вещей, чем те, что воспринимаются только глазами».

«Подняться выше своих жизненных проблем — означает слиться с бесконечностью, — продолжал я читать в книге. — Наш ум и наше тело могут завести нас далеко. Но только душа приведет нас Домой».

Есть много разных путей обрести душу. И тогда вы увидите, как изменится жизнь вокруг. Нет, конечно, все останется прежним, только вы станете воспринимать окружающий мир по-другому. Вы найдете дорогу Домой... Это не случается сразу, к этому надо идти постепенно.

Однажды лама перешел высокий горный хребет в Гималаях. Он шел много дней, прежде чем пришел в монастырь. И когда его спросили: трудным ли был его путь? Он ответил: ничуть! Все было очень просто. Каждый раз я делал только один шаг».

Первый шаг вы уже сделали, прочитав эти строчки. Остался всего лишь перевал через Гималайский хребет. И я знаю, как его легко преодолеть. Вот что я почерпнул из той книги.

Представьте себе, что в каждом из нас живут два человека. Один — существо приземленное, расчетливое, нервное, зави-

симое от обстоятельств, находящееся под грузом неразрешимых жизненных проблем. Назовем его коротким именем — Песси, от слова пессимист. Другой — человек возвышенный, радостный, отзывчивый, влюбчивый, добрый и счастливый, по имени Опти, понятно, что от слова оптимист.

Песси обладает очень тяжелым характером. Он абсолютно уверен, что единственный путь существования в нашем мире — это отбросить все чувства и бороться с жизнью. Он жадно впитывает советы нашего общества стремиться от лучшего к еще лучшему и к самому лучшему, не останавливаясь ни перед чем. Он твердо уверен, что мир вокруг нас старается нас уничтожить, надо быть начеку, надо заранее к этому подготовиться. Он всегда в испуге за будущее своих близких, не верит в их возможности справиться с жизнью самостоятельно и преодолеть трудности без его участия. Он не обладает возможностью понять и увидеть, что любые ситуации, возникающие в нашей жизни, могут быть восприняты с лучшей стороны.

Эти его качества автоматически ведут к тому, что он все и всегда старается проконтролировать, с ним никогда не чувствуешь себя в безопасности. Что бы ни произошло, все воспринимается им с подозрением и с самой худшей стороны. Он не позволит вам подняться выше своих проблем.

Опти очень легкий для общения человек. Он постоянно живет с любовью, позитивным восприятием окружающего, творчеством, наслаждением, удовлетворением и достатком. Он абсолютно уверен, что у него достаточно силы и возможностей справиться с любыми ситуациями, которые возникают в жизни. Он не смотрит на будущее как на агрессию против всех, а видит в нем возможность учиться, духовно расти и получать блага. Он доверяет людям и своим близким, не ждет постоянно беды и не нуждается в дополнительном контроле. Он обладает возможностью понять и увидеть, что любые ситуации, возникающие в нашей жизни, могут быть восприняты с лучшей стороны.

Эти качества Опти позволяют ему видеть красоту окружающего мира, слышать пение птиц и замечать голубое небо над головой. В каждой напасти он всегда старается не от-

чаиваться, поддержать себя и окружающих мыслью о том, что все будет лучше. С ним можно подняться над собой.

Вы всегда можете разглядеть в себе Песси и Опти, посмотрев в зеркало. Я открою вам важный секрет: только Опти может улыбаться, а Песси всегда нахмурен и опечален.

Подумайте о своей жизни, и вы наверняка вспомните моменты, когда все казалось ужасным, окончательно безнадежным, страшным и непреодолимым. Это все было связано с Песси. А были моменты, когда вдруг трудные проблемы улаживались сами собой, без особых усилий и борьбы. И тогда вами владел Опти. Если разделить эти моменты на две группы, станет ясно: чтобы сделать жизнь счастливой, надо как можно чаще отдавать себя в руки Опти.

Но неприятность заключается в том, что в нашем «Я» Песси всегда активен, а Опти, наоборот, пассивен. Если не прийти к нему самому, он может не устоять перед напором Песси и отойти на второй план нашей жизни. Так чаще всего и происходит! Вы перестанете видеть мир прекрасным, вы сгибаетесь под тяжестью сомнений и проблем, которые навешивает на вас Песси, вы навсегда перестаете улыбаться своему отражению в зеркале...

Итак, наша цель предельно проста: надо оставаться в обществе с Опти в любой ситуации. Он же всегда рядом, только прогоните этого назойливого Песси, пошлите его подальше — отдохнуть от самого себя. Улыбнитесь зеркалу. Сколько там облаков в небе? Посмотрите, сколько хорошего в жизни. Какие все это мелочи, ваши неприятности. Зачем их ждать в будущем, которое еще не наступило. Будущее вообще существует вне зависимости от нас, и что там — не известно. Чего же бояться заранее?

Мы подлетали к Ванкуверу. Я обратился к Опти и улыбнулся окружающим пассажирам. Они все сразу перестали на меня подозрительно смотреть и, скорее всего, никогда этого не делали. Грудь наполнилась свежим воздухом, а вид на Тихий океан за окном был потрясающим!

Ванкувер утопал в зелени и золотых лучах солнца. Бело-снежные здания вдоль набережных взмывали к небу и посыла-

ли солнечные зайчики отражением стекол в иллюминаторы «боинга». Мы плавно приземлились. Я направился к выходу и вдруг заметил, что куда-то делась вся моя злость к стюардессам и экипажу самолета. Мне сказали, чтобы я прошел через стойку № 12 в аэропорту, куда передадут мой паспорт.

— Прекрасно! Спасибо за сервис, леди, — сказал я.

У стойки № 12 оказалась молодая симпатичная женщина-пограничник. Она посмотрела на меня и на мой паспорт и спросила:

— С какой целью вы прилетели в Канаду?

— Ловить рыбу и искать счастья, — ответил я.

Она улыбнулась. Мы прошли к моему багажу. Когда я открыл чемодан, набитый доверху рыболовными снастями, женщина кивнула и снова направилась к своей стойке № 12. Я подошел следом.

— Добро пожаловать в Канаду! — сказала она, поставила мне штамп в паспорт с визой на полгода и протянула документ. — Простите за недоразумение. Они там, видимо, перегрелись в Таиланде!

Я был свободен. С Опти все мои проблемы разрешились сами собой всего за несколько минут. Ну, подумаешь, паспорт был надрезан в нескольких местах — ничего страшного! Когда еще кто-нибудь усомнится в его подлинности, не надо будет ходить за лезвием. Это Песси мог над этой мелочью переживать часами, но только не я.

Остановившись в прекрасной гостинице великолепного города Ванкувера, я разобрал свои чемоданы, разложил удочки, взглянул на темно-синий залив, полный белоснежных парусов, и вдруг подумал: «Что бы я делал в самолете все эти долгие девять часов, если бы не Опти? Сомневаюсь, долетел бы я вообще здоровым до Канады».

«Не правда, что красота не существует в нашем мире, правда, что мы ее очень редко замечаем».

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства 5

ПРОЛОГ 9

НЕ УБИВАЙ

Глава 1

В моей смерти прошу винить мою жизнь 15

Глава 2

О бедном богатом замолвите слово 59

ИЗБЕРИ СЕБЕ ЖИЗНЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Глава 3

Страна плохих советов 95

Глава 4

Денежные мешки под глазами 126

Глава 5

Девяносто тысяч партийных взносов 157

Глава 6

Несчастье не в деньгах, а в их количестве 191

БЕРЕГИТЕСЬ ЛЖЕПРОРОКОВ, ПРИХОДЯЩИХ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Глава 7

От судьбы не уйдешь. Но можно убежать 225

Глава 8

Суэта с у.е. 240

Глава 9

Коварно-денежные отношения 277

НЕ СОЗДАВАЙ СЕБЕ КУМИРОВ И НЕ СЛУЖИ ИМ

Глава 10

Звезда пленительна отчасти 309

Глава 11

Дензнаки судьбы 330

ДА ВОЗЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА ЯКО Я ВОЗЛЮБИЛ ВАС

Глава 12

Любовный бермудский треугольник 357

<i>Глава 13</i>	
Игорная проповедь	387
<i>Глава 14</i>	
Шейх и мат	420

ПОЧИТАЙ ОТЦА И МАТЬ ТВОИХ

<i>Глава 15</i>	
Корни	461
<i>Глава 16</i>	
Корни-2	487

И ВСЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА КРУГИ СВОЯ

<i>Глава 17</i>	
Все на выборы из одного зла	509
<i>Глава 18</i>	
Еще раз про это	543

И ДЕЛА ВАШИ ИДУТ ВСЛЕД ЗА ВАМИ

<i>Глава 19</i>	
Русяндия — страна контрастов	585
<i>Глава 20</i>	
Реформы — это просто	605
<i>Глава 21</i>	
Умный нашелся	634

ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО СВОЕГО КАК САМОГО СЕБЯ

Рецепт счастья (вместо эпилога)	661
--	-----

Артем Михайлович Тарасов
МИЛЛИОНЕР

Ведущий редактор *Л.К. Лузгина*
Редактор *Г.А. Анджапаридзе*
Младший редактор *Е.В. Безуглых*
Художественный редактор *И.А. Кирсанова*
Технолог *С.С. Басипова*
Оператор компьютерной верстки *Е.В. Абрамова*
Корректоры *Т.П. Поленова, В.Б. Салтыков*

Подписано в печать 30.09.2004

Формат 60×90/16

Тираж 15 000 экз.

Заказ № 1048.

Издательство «Вагриус»
125993, Москва, ул. Правды, д. 24.

Е-mail: vagrius@vagrius.com
Информация об издательстве в Интернете:
<http://www.vagrius.com>; <http://www.vagrius.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени Московском
предприятии «Первая Образцовая типография»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
115054, Москва, Валовая, 28.

Жизнь Артема Тарасова словно
одна большая игра:
он азартно играл в КВН и казино,
в политику – баллотировавшись в депутаты
первого российского парламента,
играл в детектив, уходя от преследований,
когда его «заказывали» бандиты...
Играл в бизнес, изобретая фантастические
схемы «обналички» через уплату
партийных взносов...
Играл в аукцион, задумав вернуть в страну
Малую российскую корону.

В книге-исповеди первого советского
легального миллионера есть все, что присуще
авантюренному роману: детективная интрига,
любовные страсти, азартные погони, секреты
большой политики и бизнеса

ISBN 5-475-00077-8

9 785475 000779